

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН

СЕРИЯ «ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ»

Л.И. Исаева

МОНАХИ СРЕДИННОЙ ИМПЕРИИ

(почти энциклопедия верований китайцев)

МОСКВА
ИДВ РАН
2017

УДК (008) (510)
ББК 71 (5Кит)
И85

*Одобрено на заседании Центра изучения культуры Китая
27 октября 2016 года*

*Рецензент – Леонид ЯНГУТОВ,
доктор философских наук, профессор,
заведующий отделом философии, культурологии и религиоведения
Института монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН*

Проект «Философия и культура Китая»
Руководитель проекта и главный редактор —
лауреат Государственной премии РФ, профессор А.Е. Лукьянов

*Ответственный редактор
Старший научный сотрудник Центра изучения культуры Китая ИДВ РАН
В.П. Абраменко*

И85 Исаева Л.И.

Монахи Срединной империи. М.: ИДВ РАН 2017. — 646 с. ил.

ISBN 978-5-906863-99-7

«Монахи Срединной империи» — первая в России научно-популярная работа, рассчитанная на массового читателя, рассказывающая о таком необычном явлении, как «монашество» в Поднебесной и его влиянии на формирование традиционалистского общества одной из самых интересных цивилизаций мира. Эта работа вызывает безусловный интерес значительным объемом фактической и фольклорной информации. Серьезный и подробный рассказ о самых знаменитых представителях даосизма, буддизма и других конфессий Китая дополняется живым изложением различных легендарных историй о жизни и деяниях героев, их влиянии на китайский быт, культуру, прикладное искусство. Данная работа — достойное продолжение ранее вышедших книг автора, таких как «Жизнь среди символов», «Красавицы древнего Китая», «Восемь бессмертных», «Радость на кончиках бровей» и др.

УДК (008) (510)
ББК 71 (5Кит)
И85

© ИДВ РАН, 2017
© Л.И. Исаева, 2017

ISBN 978-5-906863-99-7

© А.С. Исаев, 2017, фотоиллюстрации

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	6
Конфессии в Китае.....	11
Буддизм.....	21
Будды.....	34
Будда Шакьямуни.....	35
Будда Ми-лэ фо.....	42
Бодхисаттвы.....	47
Бодхисаттва Гуань-инь.....	47
Бодхисаттва с двойным телом.....	48
Небесная бодхисаттва, разбрасывающая цветы.....	48
Ло-хани (архаты).....	50
18 ло-ханей.....	52
Пятьсот ло-ханей.....	60
Святые монахи.....	62
Цзи-гун — «сумасшедший монах».....	70
Да-мо.....	115
Небесные двойники Хэ-Хэ.....	133
Святые апологеты буддизма.....	197
Нэ-чжа.....	197
Генералы-охранники Хэн и Ха.....	250
Другие монахи.....	253
Отшельник Линь Хэ-цзин.....	254
Монах с внешностью разбойника Лу Чжи-шэнь.....	284

ДАОСИЗМ	305
Восемь бессмертных	312
Ли Тхе-гуай.....	318
Хань Чжунли.....	326
Лань Цхай-хэ.....	336
Чжан Го-лао.....	346
Люй Дун-бинь.....	354
Цхао Го-цзю.....	365
Хань Сян-цзы.....	368
Хэ Сень-гу.....	377
Другие даосы	382
Лю Хар с трехлапой жабой.....	383
Кто поймается на удочку бабушки Цзяна.....	400
КОНФУЦИАНСТВО	507
24 примера сыновней почтительности.....	513
НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ	537
Три Звезды: Фу, Лу, Шоу.....	542
Повелительница Запада Си-ван му.....	567
Ма-гу дарует долголетие и вино из <i>лин-чжи</i>	573
Царь обезьян Сунь У-кхун.....	577
Богиня милосердия Гуань-инь.....	582
ХРИСТИАНСТВО	589
Послесловие.....	604
Справочный материал.....	605
Список использованной литературы.....	611

*Моим предкам, далеким и
близким, подарившим мне жизнь
и возможность быть счастливой.*

ПРОЛОГ

Мне очень жаль, если читатель, взявший в руки эту книгу, не знаком с тремя предыдущими, не имеет их на своей книжной полке. Потому что все, о чем я пишу, задумывалось как единое целое, как некий большой том, дающий представление о том, что такое Китай, кто такие китайцы, каковы их традиции и привычки, философия и религия, что представляет собой их история, и кто ее главные герои.

Для удобства чтения задумку пришлось воплотить в нескольких книгах; при этом те читатели, которым достались лишь выборочные томики из всего написанного мной, рискуют многого не понять или узнать о каком-то явлении не во всей полноте. Кроме того, в первой, «зеленой» книге («Жизнь среди символов») совсем кратко описаны этапы истории, периоды правления династий китайских императоров, чтобы читателю было легче ориентироваться, в какое время жил тот или иной герой очередной главы. Китай — страна во многом особенная, а потому порой трудно понять и воспринять даже современность, не имея представления о пути, пройденном китайцами в течение нескольких тысячелетий.

Так сложилось, что в течение 16 лет я жила в Поднебесной, постигая секреты таинственной цивилизации. Стала свидетелем разительных перемен и интересных событий, многое повидала собственными глазами. Однако главным источником моих знаний являются все же китайские книги, которые я поглощаю в большом количестве, сравнивая прочитанное с увиденным.

Сразу по приезду в Китай я, неожиданно для себя, превратилась в коллекционера фарфоровых статуэток. Вначале мне было просто

трудно пройти мимо этих интересных изделий по причине их эстетической привлекательности. Затем, когда узнала, что практически все фарфоровые человечки — изображения реально живших когда-то людей, либо героев сказаний и легенд, я по-настоящему заинтересовалась ими, поняв, как это увлекательно — разыскивать сведения о них, знакомиться с деталями их жизни, связывая свои маленькие открытия в этой области с определенным отрезком китайской истории.

Так что книги, которые я вам представляю, на первый взгляд, — о предметах коллекции, о ярких героях, в течение столетий, а то и тысячелетий живущих в народной памяти; однако на самом деле в каждой главе рассказывается о Китае и его жителях, о всех проявлениях истории и культуры этой страны.

Этажерки с фарфоровыми статуэтками вытесняют мою семью из квартиры, так что приходится всерьез задумываться о создании музея, подобного которому, мне кажется, еще нет в Москве. Тем не менее, невзирая на тесноту, остановиться в своем увлечении трудно, а потому любимым местом в Пекине остается «блошинный рынок», который по-китайски называется очень красиво — Сад семьи Пхань.

К слову, в течение многих лет я искала ответ на вопрос, почему столь притягательное для меня место носит такое название, что за семья там жила, чем она известна? Ответ найден, и он достаточно прозаичен.

Никакого сада тут никогда не было. Раньше в этом месте находился завод по производству черепицы для городской стены (как известно, Пекин окружала высокая оборонительная стена с несколькими воротами, которые на ночь закрывались). Принадлежал черепичный завод семье Пхань и назывался *Пхань-цзя яо*, т. е. Печь для обжига семьи Пхань. Впоследствии слово *яо* («печь») заменили на более романтическое, — *юань* («сад»). Получилось *Пхань-цзя юань*, т. е. Сад семьи Пхань.

Несмотря на то, что Китай — родина фарфора, в настоящее время статуетки производят в небольшом количестве: видимо, спрос на них в стране невелик. Да и хрупкий, «невыгодный» это товар, если говорить о заработке для китайцев. А потому задача у меня вовсе не простая. Бывает, прочитаю в книге или услышу от китайских друзей о каком-нибудь интересном человеке, жившем давно, и безуспешно годами ищу его воплощение в фарфоре, чтобы появилась иллюстрация к главе,

чтобы узнать, как у китайцев принято канонически изображать его, и чтобы научиться выделять его среди других.

А бывает и наоборот: купила понравившуюся статуэтку, а с кем идентифицировать ее — не знаю. Нередко продавцы даже имени героя или героини назвать не могут, а порой просто вводят в заблуждение, придумывая первое, пришедшее в голову имя.

Вторая и третья книги («Красавицы древнего Китая» и «Восемь бессмертных») знакомят читателей со знаменитыми четырьмя красавицами древнего Китая, четырьмя легендами о любви, содержание которых известно всем, даже самым нелюбознательным китайцам, а также с «восемью бессмертными», о которых не слышал в Китае лишь глухой. Этими главами завершается тема «Восемь и четыре», которая знакомит с отношением жителей Поднебесной к этим цифрам, а также рассказывает о нумерологии вообще, о ее влиянии на повседневную жизнь китайцев.

Восемь бессмертных — это самые любимые в народе герои из пантеона даоских святых, упоминание о них пронизывает многие аспекты быта. Однако, кроме Восьми бессмертных, есть еще и симпатичный Лю Хар, который, будучи тридцатилетним талантливым чиновником, разочаровался в службе при дворе и ушел в горы, к даосам.

Следующие два героя — «небесные двойники Хэ-Хэ», о которых до сих пор спорят даосы и буддисты Китая. Даосы изображают братьев среди своих святых, обращая внимание на то, что этих юношей с древних времен рисовали с лохматыми длинными волосами (и это правда); а ведь именно у даосов не принято стричь волосы, они закалывают их в пучок с помощью деревянной шпильки, которую должны сами же и выточить. Буддисты же утверждают, что братья Хэ-Хэ жили лишь в буддийских храмах, и что их неоднократно пытались обрить наголо, однако волосы непостижимым образом тут же отрастали, а потому они — единственные «волосатые» буддийские святые.

Надо признаться, что название книги подобрано весьма условно, ибо в ней мы знакомим читателей не только с популярными монахами, но и с другими известными героями, так или иначе связанными с различными верованиями китайцев, будь то язычество, даосизм или буддизм. «Мы» — потому что активное участие в написании этой книги

принял и мой супруг, Александр Исаев, китаист и историк, за что выражаю ему большую благодарность.

Несколько слов о записи китайских слов русскими буквами. Для изучающих китайский язык существует два вида транскрипции: по системе Палладия и с помощью латиницы (*пхинь-инь*). Первая — нормативная запись китайских слогов с помощью русских букв. Эта система китайско-русской транскрипции была разработана известным китаеведом архимандритом Иакинфом Бичуриным в 1839 году, несколько изменена архимандритом Палладием (Кафаровым) в словаре 1888 г. издания и является общепринятой.

При всем уважении к великим ученым должна признать, что официальная транскрипция не совсем верно передает некоторые звуки, а определенные слоги в этой системе звучат совсем не так, как их произносят китайцы.

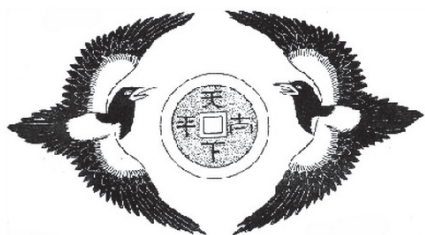
Дипломат Ю.Я. Соловьев, служивший в Китае, вспоминал в своих записках 1895 года: «Не могу не отметить, что наша старая школа китаеведов обращала большое внимание на китайскую письменность, но не занималась изучением китайского произношения. Поэтому наши драгоманы старшего поколения говорили по-китайски с таким русским акцентом, что китайцы их часто не понимали». Из данной цитаты понятно, что еще во времена Российской Духовной Миссии в Китае существовавшая неточная транскрипция мешала правильному произношению.

Поскольку мои книги не имеют отношения к учебной литературе, я сочла возможным заменить устаревшую транскрипцию на более приближенную к реальному звучанию китайских слов. Для тех, кто абсолютно не знаком с китайским языком, безразлично, какую транскрипцию я использую. Но в случае, если они захотят запомнить какое-то имя или слово, то в их произношении оно будет больше походить на китайское, и носители языка скорее их поймут.

Перед специалистами заранее извиняюсь и признаюсь, что моя искусственная транскрипция режет глаз и мне самой (ведь более 40 лет пользуюсь нормативной). Но, с другой стороны, согласитесь, что когда мы видим в книге, допустим, слог «кань», мы мысленно произносим «кхань», а слог «бянь» мысленно все-таки произносим как

«бень», «тянь» — как «тхень» и т.д. Сами мы не произносим китайские слоги по устаревшей системе, ибо в таком случае они будут звучать несколько карикатурно. А могут и полностью исказить смысл, например, «пао» китаец услышит как «бао». Уважаемые коллеги-китаисты, будьте снисходительны к моему эксперименту!

КОНФЕССИИ В КИТАЕ

Главное предназначение всех религий — придавать позитивную направленность помыслам людей, чтобы этот мощный поток очищал околоземное пространство от всяческой скверны.

Человек должен осознать себя частицей мироздания и искать гармонии с окружающим миром.

Как говорят сами китайцы, им чуждо чувство «священного трепета к вере», которое испытывают люди западной культуры. Философско-этическая система конфуцианства глубоко проросла в сознание китайцев. А поскольку конфуцианству присущ рационализм в подходе к проблемам общественной жизни и жизни отдельного человека, то холодное отношение к религии вообще стало отличительной чертой китайской культурной традиции.

Основываясь на собственных наблюдениях, могу сделать вывод, что религиозными, в нашем понимании, китайцев назвать нельзя. Большинство из них — атеисты. Согласно официальной государственной статистике, в Китае насчитывается 100 млн. верующих, включая истинно китайцев, исповедующих даосизм, буддизм и христианство, а также 10 нацменьшинств Синьцзяна, поклоняющихся Аллаху. При этом количество христиан составляет 73% всех верующих Китая.

Среди проживающих на территории Китая мусульман верующими себя признают 20 млн. человек, среди которых 45 тыс. — служители ислама. Следовательно, среди собственно китайцев религиозными являются около 80 млн. человек, что невероятно мало для такого количества населения страны. По неофициальной статистике, верующими называют себя 300 млн. человек. В любом случае, это от 0,08% до 0,2% населения.

В официальных китайских источниках ни конфуцианство, ни народные культы даже не упоминаются, зато в качестве одной из основных религий называется даосизм, хотя эта конфессия настолько слаба, что поддерживают ее практически лишь монахи и монахини, даоские священники и служители и члены их семей.

Даже те, кто посещают храмы, действующие или сохранившиеся как музеи и места для прогулок, нередко кланяются божествам, молитвенно сложив руки, как это принято среди буддистов, совершенно автоматически, просто подражая друг другу.

Им, как правило, все равно, — буддийский это храм или даосский, а то и просто музей Конфуция. Чаще всего, не различают они и богов, а потому могут начать класть поклоны и покровителю убийц, например, что я наблюдала однажды в храме-музее *Дун-юэ мяо* в Пекине. Не интересует их и суть вероучения, а главное, в жизни почти никто не придерживается религиозных правил и постулатов. В этом я убедилась, когда беседовала с китайцами, считающими себя верующими.

Безусловно, есть и настоящие верующие, но их немного. Сами китайцы полагают, что таковыми можно назвать лишь монахов, но в моей практике случалось немало ситуаций, которые демонстрировали, что и среди монахов большинство вовсе не испытывают любопытства ни к теории, ни к практике веры. Они лишь формально выполняют то, что им положено.

Если говорить о давнем прошлом Китая, то в храмах могли и прятать разбойников, и чеканить фальшивые деньги, и заниматься прелюбодеянием, и это считалось почти обычным явлением, во всяком случае, достаточно распространенным. Эти факты тоже свидетельствует о том, что у большинства китайцев нет понимания святости и самого религиозного учения, и места, где его изучают и распространяют.

Об этом говорят и строки из произведений китайских классиков, например:

«Если ей потребуются монашки в доме, можно будет купить новых»;

«Он прикоснулся к напомаженной щеке маленькой монашки»;

«Увидев связки бумажных денег, он сообразил, что женщины идут в храм. Сзади с коробами и корзинами шли слуги. Богомолки, как водится, в храме собирались повеселиться и немного выпить и закусить. Воскурив благовония и побывав во всех пределах храма, они расположились в сторонке на лужке»;

«Встретив знакомых в храме, которые специально пришли, чтобы поклониться старшей госпоже, узнав, что она в храме, та воскликнула: — Зачем вы здесь?! Ведь я сюда поехала только потому, что мне нечего было делать!»

Вся семья очень устала, и матушка вечером заявила, что больше не поедет в монастырь развлекаться»;

«Богатая семья пришла в храм. Даос стоял на улице и обратился к главе семьи:

— Мне положено быть внутри, но там — женщины, и я не смею самовольно войти. Жду ваших указаний.

— Ведь здесь — все свои, и вы просите у меня позволения войти? Попробуй-ка еще раз завести подобные речи, — за бороду оттаסקаю!»;

«В монастыре должны были провести благодарственные моления, поэтому молодежь собралась там, чтобы посмотреть спектакль. В связи с этим туда заранее послали людей, чтобы там хорошенько убрали, выгнали оттуда монахов, развесили занавески и не пускали посторонних».

(«Сон в красном тереме», Цхао Сюэ-цин)

Но совершенно определенно можно утверждать, что китайцы всегда были и, в большинстве своем, сейчас остаются суеверными и, в какой-то степени, язычниками. И даже если, порой, не отдают себе в этом отчета, то по многовековой традиции все же соблюдают те правила и условности, которые были важны для их предков; это утверждение особенно справедливо для сельского населения.

Суеверия буквально пронизывают многие аспекты жизни китайцев, включая праздники и печальные события; они проявляются в таких мелочах, как положение палочек и чайника на обеденном столе или правила рассадки гостей, в символическом значении цифр, некоторых иероглифов или растений-цветов, в табуировании «несчастливых» слов и цифр и пр.

Многие элементы архитектуры (летающие углы-крылья крыш, дугообразные или зигзагообразные мостики, защитные «экраны», высокие пороги) или предметы мебели (ширмы, «экраны», особой формы кресла), давно став традиционными, изначально предназначались для отпугивания злых духов. То же самое можно сказать и об узорах вышивок, орнаменте на мебели или привычных безделушках, украшающих дом. Об этом свидетельствуют и львы-охранники у дверей магазинов, ресторанов, а то и просто жилых домов; пучки полыни и красные полосы с надписями на дверях не только сельских, но и городских квартир, и многое другое.

Если проследить развитие религии в Китае с древности, то можно выделить определенные этапы и течения.

Китайцы не имеют специального термина для понятия «религия», не имеют они и канонизированного собрания священных текстов (если не брать во внимание пришедшие из Индии буддийские религиозные первоисточники), а китайская литература носит светский характер.

В китайском языке нет специальных слов для понятий «дух» и «божество», и они передаются одним словом *шэн* (聖). Буддийские божества, пришедшие в Китай, стали обозначаться совсем другим словом и иероглифом — *шэнь* (神).

Из древних текстов, которые собрал и отредактировал в свое время Конфуций, мы можем судить о том, что религиозные чувства китайцев проявлялись в культовом отношении к природе и духам предков. Однако, веря в загробную жизнь, они особо не задумывались о цели человеческого существования и посмертного воздаяния за добро и зло, считая, что за хорошие и плохие поступки награждают и наказывают в этом мире.

Согласно древнейшей книге *Шу-цзин* (Книга документов, VI в. до н. э.), главным божеством был Верховный властитель *Шан-ди*, или Небо (*Тхень*, *Хуан-тхень*), что одно и то же. Далее следовали «шесть достойных почитания», — *лю-цзун*, божества (или духи) гор и рек, а также 100 духов. Четкого понимания, — кто относится к этим «шести», ученые пока не имеют. Среди них называют духов четырех времен года, холода и жары. Есть и другие варианты: духи солнца, луны, звезд и засухи, либо духи неба, земли и четырех времен года.

В самый ранний период китайской истории существовал и культ звездочипитания. На алтарях приносились жертвы солнцу, луне, пяти планетам и 12-ти созвездиям Зодиака. При этом каждая из пяти планет соответствовала одному из пяти элементов: Венера — Металлу, Меркурий — Воде, Сатурн — Земле, Марс — Огню, Юпитер — Дереву. С тех времен и по сей день многие китайцы верят, что все сферы человеческой жизни, а также все явления природы находятся под влиянием небесных светил.

Среди 100 земных духов наиболее распространенными являются духи гор и рек, главные из них — четыре священные горы и четыре реки. На востоке это гора *Тхай-шань* (провинция Шаньдун), на западе — гора *Хуа-шань* (провинция Шэньси), на юге — *Хэн-шань* (провинция Хунань), на севере — гора *Хэн-шань* (провинция Шаньси).

Помимо веры в земных и небесных духов, существовало и почитание предков. Где, по представлению китайцев, души этих предков существовали — трудно сказать. Однако считалось, что души усопших могли непосредственно влиять на судьбу живых родственников, поэтому им следовало всячески угождать. Их продолжали считать членами семьи, а потому торжественно уведомляли обо всех важных событиях в семье или в жизни отдельного родственника.

Каждая семья имела храм предков, где все усопшие обладали собственными табличками с необходимыми записями. В понимании китайцев простой человек имел лишь одну религиозную защиту — в виде теней усопших предков. Поэтому **почитание предков** является наиболее ранней формой развития религии и истинной базой веры китайцев. Жертвенные подношения усопшим имели право совершать лишь мужчины, и в этом заключаются истоки особого отношения к сыновьям, — их в семье должно быть много, и пренебрежительного отношения к девочкам.

Кроме культа предков, в Китае зародился и другой вид религии, — даосизм. Однако, прежде чем стать религией, он прошел долгий путь от мистически-философского учения, основателем которого считается Лао-цзы, до религиозно-вульгарного даосизма.

Просуществовав недолго, как философское учение, даосизм раздвоился, разделившись на религиозное течение и алхимическое. Даосизм алхимиков ставил своей целью продление жизни человека, стремление избежать смерти. Эта ветвь впервые обратила внимание на вопросы конечной цели бытия и загробной жизни.

Окончательную религиозную форму он принял под влиянием буддизма и формировался с середины I тысячелетия до н. э. до II века нашей эры, включив в себя отдельные части народной религии и приспособив их к своей системе, а также приняв под свое покровительство народные божества. О каждом из них существует огромное количество легенд и мифов, рассказывающих о характерах и судьбах этих божеств.

Религиозный даосизм развивался по многим направлениям и имел несколько школ. Отшельники-аскеты удалялись в горы, где проводили время в размышлениях (медитациях), либо жили в монастырях. Даосские жрецы выступали в роли заклинателей, медиков и толкователей предсказаний. Они занимались изгнанием нечистой силы, исполняли похоронные ритуалы, читали молитвы по усопшим или благословляли жертвенные дары.

Соприкоснувшись с буддизмом, пришедшим из Индии, даосизм заимствовал у него мифологию и культуру. Постепенно даосизм становился все более зависимым от нового учения, и впоследствии даосские и буддийские элементы настолько переплелись, что их стало очень трудно разграничить.

Процитируем крупного немецкого востоковеда В. Грубе (1855—1908), который в одной из работ писал: «Характерная особенность современной китайской народной религии состоит в том, что она свой материал

берет отовсюду; в делах веры китайские народные массы совершенно неразборчивы. Так, они набирают свои божества без всякого разбора из древнекитайской религии, даосизма и буддизма. К ним присоединяют затем многие другие божества, не принадлежащие ни к какой из этих трех религий, в большинстве случаев местного происхождения. Помимо того нужно помнить, что число божеств постоянно увеличивается».

Итак, в течение многих столетий огромное влияние на духовную жизнь китайцев оказывали «три религии», или «три учения» (*сань цзяо*, 三教): **даосизм, конфуцианство и буддизм** (в китайском языке не было специального слова для обозначения понятия «религия», а потому использовался иероглиф *цзяо* (教), передающий два значения: «учение» и «религия»).

Конфуций был реальным человеком, а не придуманным божеством, и если другие религии обещали верующему какие-то блага в загробной жизни, то конфуцианство придавало большое значение устройству жизни на этом свете. Конфуцианцы советовали просвещать людей, видя в этом залог устранения хаоса и обеспечения стабильности в обществе.

Даосы к знаниям и мудрости относились по-иному: мудрствующих не советовали подпускать к власти и считали, что гораздо важнее «наполнить желудки людей, опустошив их сердца», чем уделять внимание «ложному просвещению». Истинная мудрость — удел немногих, — считали они, и народу совсем не обязательно знать механизмы мудрого управления государством. Важнее быть сытым и счастливым.

Даоское представление об управлении выглядит очень простым, главное — не мешать развиваться ни народу, ни конкретным людям и не вносить в гармонию страны свое личностное, указующее начало. Правит не человек, а *Дао*, которое через конкретную личность ведет мир к гармонии. При этом управлять государством человек должен через недеяние и самосовершенствование.

В основе конфуцианства лежит культ предков, подчинение младших — старшим в семье и обществе. В основе буддизма — учение о перерождении душ, отрешенность от жизненных радостей, а даосизм основан на мистической вере в потусторонние силы. При этом, как ни странно, буддизм, преобладая над другими религиями числом своих приверженцев, лишь в малой степени оказывает влияние на сознание китайцев, в то время как даосизм и особенно конфуцианство являются главенствующим началом в синтезе трех религий.

Однако в Китае невозможно обнаружить в чистом виде ни конфуцианство, ни даосизм, ни буддизм, ибо даже некоторые божества стали общими, например, Гуань-гун, Гуань-инь, Хэ-Хэ, Яшмовый (Нефритовый) император и пр. Религиозный синкретизм стал определяющей чертой практически всех верующих.

Известные российские китаеведы В.П. Васильев, П.И. Кафаров, В.М. Алексеев немало сил и времени посвятили изучению религий Китая. Алексеев, как и Васильев, считал, что даосизм заимствовал у буддизма его религиозную атрибутику. До проникновения буддизма в Китай он «шатался и не находил почвы, колеблясь между кастой ученых и народной религией». Вместе с тем Алексеев отмечал и тот факт, что буддизм «немало позаимствовал и от даосизма».

Касаясь взаимоотношений буддизма и конфуцианства, Алексеев отметил, что реакция конфуцианства на буддизм была, в отличие от даоской, резко отрицательной, и конфуцианцы сразу же отринули буддизм, как вообще все иностранное, «варварское». Вместе с тем Алексеев отмечал, что и конфуцианство кое-что позаимствовало у буддизма, хотя в этом оно и не сознавалось.

Проблема китаизации буддизма была затронута и Васильевым, который писал: «Поставленные перед необходимостью быстро приспособиться в новых китайских условиях, идеи и институты новой иноземной религии подверглись столь существенной трансформации, что результатом этого было появление нового специфически китайского буддизма».

Еще одна интересная цитата академика Алексеева о божествах в китайских храмах: «На иконах иногда рисуют всех трех патронов — Конфуция, Будду и Лао-цзы — в едином контуре, не делая разницы между ними. Каково Конфуцию, презиравшему религию и только высокомерно ее терпевшему, очутиться в объятиях Будды, а Будде, монаху, аскету, холостому ненавистнику плоти, видеть, как перед ним жгут свечи, прося о рождении сына или о скорейшей наживе и обогащении. Или философу Лао-цзы превратиться в родоначальника знахарей и заклинателей! Но, несмотря на столь резкую разницу вкусов, все они слились во всепоглощающей китайской народной религии, слепо ищущей заступничества от лиха, которое-де подстерегает на каждом шагу».

Предлагаем два эпизода, иллюстрирующих отношение молодых китайцев к религии. Знакомая китаянка, работающая в Москве, рассказала о страшном сне. Якобы, она оказалась на небе, рядом с давно умершей бабушкой. Саму родственницу она не видела, лишь — ее ногу, которой та ступала

в просвет между облаками множество коробочек и флаконов с лекарствами со словами: «Это мне уже не нужно, и это не нужно, и это...»

Затем внучка увидела в щель между облаками, как далеко на земле лежит новорожденный теленок, который еще не может встать на ножки и не в силах держать голову. «Это — я!» — произнесла бабушка.

В ужасе проснувшись, девушка взглянула на часы, — 4 часа утра. Стала звонить многочисленным родственникам в Китай с вопросом: не появился ли у кого в хозяйстве приплод (несколько семей жили в деревне)? Наконец, удалось выяснить, что у старшей тетушки в хозяйстве — пополнение, в 4 часа родилась телочка.

Такое совпадение еще больше убедило знакомую в том, что новорожденная — ее бабушка. Девушка стала плакать и уговаривать отца, чтобы они с матерью взяли эту телочку к себе в дом, в город, берегли и ухаживали за ней, создав самые лучшие условия. Переговоры длились долго, девушка плакала и убеждала отца. Посовещавшись с родней, глава семьи ответил так: «Если возьмем животное к себе и будем относиться к нему бережно, то проживет эта корова долго, лет 15, а каково это — жить столько лет в облике коровы? А если оставим ее в деревне, то года через 1,5—2 ее забьют на мясо, и тогда появится надежда, что бабушке будет даровано новое, более высокое перерождение».

Выслушав рассказ приятельницы, который сопровождался слезами, я сказала:

— И смех, и грех! Вот что значит вера! Мне бы никогда не смог присниться подобный сон, потому что я не буддистка и не верю в перерождение душ.

— Что ты, — горячо возразила китаянка, — я тоже не буддистка! Я уже много лет назад стала католичкой!

Еще одна моя приятельница-китаянка, проживающая в Китае, предложила мне совместно открыть ресторанчик. Дав согласие и выполнив необходимые формальности, я стала замечать, что моя жизнерадостная подруга выглядит рассеянной и напряженной. Находясь на новом месте нашей работы, она ни на секунду не расставалась с крошечным томиком «Молитвослова», т. к. была католичкой. И, хотя она его не читала, пересаживаясь с одного места на другое, переходя из одного помещения в другое, переносила и священную книгу.

Однажды, придя на работу, она буквально бросилась мне на шею со счастливым смехом, — такое яркое проявление эмоций совсем не свойственно

восточным людям. Зато я узнала прежнюю подругу, всегда веселую и энергичную. Мне все стало понятным, когда она произнесла следующую фразу:

— Слава Богу! Мы с тобой совместимы! Я отдала свои и твои данные прорицателю-даосу, чтобы он определил, можем ли вместе содержать ресторан, в правильное ли время мы его открыли, не прогорит ли дело. Все оказалось чудесно!

Помимо народных верований, культа предков, даосизма, конфуцианства и буддизма, в Китае присутствуют христианство (католицизм, протестантизм и православие) и ислам.

Что касается ислама, то его исповедуют мусульмане, появившиеся в Китае в XIII веке. Армия Хубилай-хана после разграбления Самарканда и Бухары двинулась в Китай, привезя с собой 2—3 миллиона среднеазиатских мусульман в качестве военного резерва, а также ремесленников, женщин и детей, обращенных в рабство. Именно они сохранили и распространили свою культуру и веру.

В настоящее время мусульманское сообщество Китая подразделяется на 10 групп, к которым относятся уйгуры, киргизы, казахи, узбеки, татары, таджики, салары, *бао-ань*, *дун-сян* и *хуэй*, — самая многочисленная из этих групп, мужчины которой носят белые шапочки-тюбетейки. Уйгуры являются коренным населением провинции Синьцзян на северо-западе Китая. Салары, *бао-ань*, *дун-сян* и *хуэй* компактно проживают в провинции Ганьсу, Нинся-хуэйском автономном районе и в других провинциях северо-запада. При этом люди, которые родились в мусульманских семьях, нередко считают себя мусульманами, если просто не едят свинину или следуют другим мусульманским обычаям в быту, и абсолютно не интересуются вопросами религии.

То же можно сказать и о многих китайцах, называющих себя буддистами или даосами: они считают, что достаточно просто отдавать дань уважения предкам во время посещения могил и считать, что их предки духовно пребывают вместе с живыми родственниками.

Христианство, как и буддизм, и ислам, принесено в Китай иноземцами. Причем, говоря о конфессиях, официальная статистика упоминает лишь верующих-католиков и протестантов, однако в Поднебесной и в прошлом, и в настоящее время насчитывается и определенное количество православных, и мы имеем все основания, чтобы гордиться историей православия в Китае.

В историческом плане императоры разных династий поддерживали разные религиозные течения, и это зависело от того, чем увлекался сам император. Так, в эпоху Троецарствия начал бурно распространяться буддизм. В период Северных и Южных династий официальной религией, наравне с буддизмом, стал и даосизм. Во времена правления династий Тхан и Сун императорский двор предпочитал даосизм. В это же время (VII в.) в Китай проник и ислам.

В период правления последней китайской династии Мин даосизм пришел в упадок. В 1553 г. Португалия захватила Макао, с португальцами в Китай попал католицизм. Маньчжурская династия Цин ограничивала китайскую национальную религию даосизм, который остался лишь в народе, потому что императорский двор исповедовал ламаизм, — ветвь буддизма. В 1715 г. в Пекине открылась Российская Духовная миссия, и появились первые православные китайцы.

В данной книге мы относительно подробно расскажем о буддизме, даосизме и христианстве, сделав особый упор на последователях *Дао*, т. к. это единственная религия, возникшая на территории Китая, и о ней российские читатели имеют наименьшее представление.

Буддизм

Китайцы не живут, готовясь к смерти, как христиане, они прилагают все силы, чтобы мирно трудиться и счастливо жить на земле.

Поскольку на многие явления в культуре Китая я смотрю через призму фарфоровых статуэток (лишь самые популярные и любимые герои вдохновляют художников на творчество), могу с уверенностью сказать, что в Китае в быту наиболее часто встречается упоминание в любой форме Восьми бессмертных, относящихся к даосизму. Но есть немало популярных фигурок и изображений людей, имена которых имеют отношение к буддизму, и о них мы расскажем в этой книге.

Буддизм (佛教) возник в Индии в VI в. до н. э., и название этого религиозного течения произошло от имени его легендарного основателя Гаутамы, получившего впоследствии имя Будда (Просветленный). В Китай буддизм пришел в I в. н. э. и присутствует здесь в искаженном виде, в китайском варианте, приняв в себя элементы и даосизма, и конфуцианства, и язычества. Даже статуи буддийских божеств и святых здесь принято изображать с узкими глазами.

Процесс распространения и китаизации буддизма был сложным и начался с появлением первых идей и проповедников буддизма в Китае, а затем протекал на протяжении нескольких веков. Нелегким делом был перевод на китайский язык буддийских терминов. Перевод любых иностранных идей, терминов и принципов на китайский язык связан с определенной их деформацией, с сильным влиянием культурных традиций и семантической системы Китая.

Кроме того, многие категории буддийской этики и мировоззрения буддистов первоначально слишком противоречили общепринятым в Китае. Например, буддисты в жизни видели лишь страдание, зло, а для воспитанного в конфуцианских традициях китайца, жизнь — это главное, что стоило ценить.

Что касается буддийской терминологии (буддийские священные книги написаны на санскрите), а также имен святых, архатов, бодхисаттв и божеств,

то в китайском произношении и написании с помощью иероглифики они настолько искажены, что в них трудно узнать подлинные. Для обозначения высшей формы буддизма пришлось даже изобрести новый иероглиф *фо* (佛), состоящий из двух частей, в котором левая часть означает «человек», а правая — отрицание «не», и получившийся иероглиф несет смысл «основатель буддизма является не человеком, а божеством».

Вот один из примеров того, как китайцы приспособили к местным воззрениям буддизм. Среди многочисленных божеств буддийского пантеона, пожалуй, самой популярной является богиня милосердия Гуань-инь, которая часто изображается с ребенком на руках, имея в таком виде поразительное сходство с образом Мадонны, принятым в христианском мире. Однако первоначально Гуань-инь в мужском облике соответствовал Авалокитешваре (Смотрящему вниз господину). В Китае же это божество постепенно «превратилось» в женщину, имя которой переводится как «Прислушивающаяся к звукам» (т. е. мольбам).

Первые успехи буддизма на китайской почве убедительно показали, что вековая кропотливая работа последователей этого учения не пропала даром. Через 500 лет после возникновения учения Будды оно проникло в Китай благодаря буддийским монахам-миссионерам. Китайские паломники и буддийские монахи сначала привезли в Китай буддийские сутры, которые прилежно переводили сотни монахов. Затем уже на территории Поднебесной появились буддийские монахи-отшельники, и лишь в период правления династии Лян (502—557 гг.) буддизм стал официальной религией в стране. Причем, на севере и на юге страны получили распространение разные школы — северная и южная, имеющие немало различий. А ко времени правления династии Суй (581—618 гг.) эта религия проникла и в народ.

Буддизм оказался единственной иностранной идеологией, которой удалось не только прижиться в Китае, но и глубоко проникнуть в сознание людей, став составной частью культуры этой страны. При этом идеи и институты буддизма подверглись такой трансформации, что появился специфический «китайский буддизм».

Самым известным монахом, отправившимся в Индию за буддийскими сутрами, является, пожалуй, Сюань Цзан, который, покинув столицу Чхан-ань (ныне — Сиань), провел на чужбине 16 лет. Домой он привез 657 книг на санскрите, в которых излагались основы буддийского вероучения, а также фалангу пальца Будды.

В Чхан-ани, на юге города, в 652 г. специально для Сюань Цзана построили пагоду *Да енх тха*, т. е. Большую пагоду диких гусей, где хранились сутры (книги), а также привезенные из Индии изображения Будды. В одном из помещений пагоды — изображение и самого Сюань Цзана, сгорбившегося под грузом книг, которые он в течение 11 лет переводил в этой пагоде.

И в наши дни пагода является одной из главных достопримечательностей древней столицы, а также эмблемой города Сиань. Пагода диких гусей построена из кирпича и имеет прямоугольную форму. Высота ее 64 м, она состоит из 7 ярусов. Внутри имеется деревянная лестница, а на каждом этаже — по четыре сводчатых двери, открытые с каждой стороны прямоугольного строения.

Изначально пагоде дали именно такое название — Пагода диких гусей. Возможно, это связано с легендой о том, как Будда превратился в голубя ради спасения живого существа. Есть и другая легенда, рассказывающая о спасении Буддой голубки, которую он спрятал у себя на груди. Китайцы же с гораздо большей нежностью относились к диким гусям, которыми нередко любовались в небе. Кроме того, в эпоху Тхан в быту нередко слово «птица» заменяли словом *енх*, — «дикий гусь».

Есть и еще одно предположение, основанное на истории о том, как в голодное время один из монахов, глядя на пролетавшую стаю птиц, попросил у высших сил, чтобы одна из них упала. И тогда один из гусей свалился прямо во двор храма, на территории которого находилась пагода; в результате монах не умер от голода.

А почему пагода называется «Большой»? Потому что несколько позже построили другую, с таким же названием, — *Ень тха*. Она тоже прямоугольная, но в ней 15 ярусов, на каждом этаже — лишь по две двери, выходящие на юг и север. В ней тоже занимался переводами индийских священных сутр с санскрита на китайский другой монах по имени И Цзин. Вторая пагода была все же меньше первой (всего 47 м), а потому получила название «Малая» (*Сяо енх тха*).

Пагоды пережили два сильных землетрясения, в 1487 и 1521 годах. На Большой появилась трещина, а Малая в 1487 г. не только дала трещину, но и лишилась двух ярусов. Но в результате второго землетрясения (1521 г.) разъехавшиеся края трещины в течение ночи дивным образом соединились, став на прежнее место, и от трещины внешне не осталось и следа. Вот только пагода состоит теперь не из 15, а из 13 ярусов.

К сожалению, могила Сюань Цзана была потревожена японцами во время оккупации Китая, и череп ученого-монаха они увезли в Японию.

В начале эпохи Тхан Китай был покрыт густой сетью буддийских храмов, пагод и монастырей. Многие из них были известны и влиятельны. Часто это были целые монастырские городки с многочисленными храмовыми сооружениями, дворцами-павильонами, с большими залами для собраний и медитаций, помещениями для библиотек и переписки сутр, а также домами и кельями для монахов и послушников.

Такой монастырь был и святым храмом, и культурным центром, и гостиницей для путников, и университетом для жаждущих знаний, и укрепленным плацдармом, где в смутную пору можно было отсидеться за крепостными стенами. Обычно в нем постоянно проживало 150—200 монахов, не считая множества послушников, служек и монастырских рабов-слуг.

Обширные земли, составлявшие основное богатство монастырей, сдавались в аренду монастырским крестьянам. Арендная плата, щедрое пожертвования верующих, торговля свечами и благовониями, особенно бойкая в праздники, когда в храмы стекались толпы людей, а также освобождение от налогов — все это превращало монастыри в своеобразные государства в государстве с огромным экономическим потенциалом. Хотя монастырские богатства считались общими, принадлежавшими *сангхе* в целом, сами монахи почти ничем не напоминали древних нищих *бхику*.

Они оставались вегетарианцами, обривали головы и носили желтую одежду. Но время приема пищи регламентировалось уже не столь строго, одежда не напоминала лохмотья, а содержание одного монаха в большом монастыре стоило, по некоторым подсчетам, впятеро больше, чем заработок наемного слуги. Кроме того, у монахов появились личное имущество, деньги, порой даже собственность.

Эпоха Тхан являлась золотым веком китайского буддизма, периодом его всестороннего расцвета. Однако она же стала и началом его упадка. Дело в том, что в централизованной империи конфуцианство вновь обрело большую силу и заняло ведущие позиции. И оно не могло мириться с успехами его идейных соперников — религиозного даосизма и буддизма.

Одним из первых выступил против них, особенно против чужеземного буддизма, знаменитый поэт и философ, ученый и политический деятель Хань Юй (768—824), который стоял на позициях «движения за возрождение

древности» (фу гу). Эта борьба едва не стоила ему жизни, когда в 819 г. император, разгневанный его трактатом «О кости Будды», распорядился предать его смерти, и лишь благодаря заступничеству влиятельных друзей казнь была заменена ссылкой.

Как известно, буддизм сталкивался с критикой с момента своего появления в Китае. Однако Хань Юй не просто критиковал отдельные стороны даосизма и буддизма, а выступал за полную замену этих учений конфуцианством. Для осуществления этого замысла он считал необходимым запретить учения Лао-цзы и Будды, расстричь всех монахов, сжечь их писания, а храмы превратить в жилища.

По мнению Хань Юя, буддизм и даосизм несут лишь вред государственному правлению, ибо отвергают отношения между государством и чиновниками, отцом и сыном, запрещают порядок взаимопомощи — все то, что было установлено еще в древности, — и стремятся лишь к спокойствию и нирване. Более того, их содержание ложится тяжелым бременем на плечи народа.

В своем учении Хань Юй призывает также к четкому разграничению китайского и чужеземного, поэтому особенно сильны его нападки на буддизм. Неприятие всего чужеземного было всегда характерно для Китая, однако в эпоху Хань Юя это проявлялось особенно остро. В VIII в. некогда могущественная империя Тхан переживала острый кризис. Мятёж Ань Лу-шаня и его потомков, являвшихся по своему происхождению западными варварами, самостоятельность вассалов, многие из которых также были представителями некитайской национальности, постепенно подводили передовых людей к осознанию того, что во всех беспорядках в Поднебесной виноваты именно варвары.

Хань Юй смело заявляет, что буддизм — это учение варваров, а в древности о нем никто не слыхал. Сам Будда для него — «всего-навсего варвар, чей язык непохож на китайский, чьи одежды скроены не как должно», чьи уста «не изрекали ничего согласного с древними установлениями наших прежних владык». Таким образом, буддийскому учению нет места в системе Хань Юя, и поэтому оно должно быть полностью искоренено.

Китайские рынки в большом количестве заполнены изображениями Будды, и вы легко его узнаете. Обычно он сидит на цветке лотоса, подняв три пальца правой руки для благословения. Иногда у него в руках могут быть какие-то предметы: ткацкий челнок (символ возрождения после смерти), копье (символ храбрости), книга (символ знаний), кувшин с землей и росточками (символ плодородия).

На голове у него тугие кольца-завитки волос, часто синего цвета (символ неба), напоминающие улиток (есть легенда о том, как улитки, облепив его голову, защитили Будду от солнечного удара, в то время как он, ничего не замечая вокруг, думал о судьбах человечества). На лбу Будды непременно присутствует точка (*урна*), символизирующая третий глаз мудрости. Мочки ушей длинные и раздвоенные, а на шее различаются «три линии счастья», хотя эти детали канонов не всегда соблюдаются.

Если вы встретите изображение Будды в храме, на алтаре, то справа и слева от него будут сидеть Будда прошлого (Кашьяпа, или Касьяпа) и Будда грядущего (Майтрейя), либо его ученики: справа — автор священных книг, слева — хранитель мистических традиций.

Если коротко изложить идею учения, то она заключается в том, чтобы помочь людям избавиться от страданий. В настоящее время в Китае буддизм представлен тремя основными школами, или течениями:

1. Хань фо-цзяо (китайский буддизм).
2. Си-цзан фо-цзяо (тибетский буддизм, или ламаизм).
3. Пали фо-цзяо (южная секта), которая близка к исходному буддизму.

«Пали» — народный язык индусов, в отличие от санскрита — языка ученых. Южная школа сохранила старую редакцию канона, — на *пали*, в то время как северная приняла новую, санскритскую.

Вариант северного буддизма принято называть **махаяной**, т. е. Большой колесницей. Ее учение служит средством к достижению состояния бодхисаттвы практически любым человеком («бодхи» — ступень, предшествующая состоянию будды, «саттва» — озарение или познание). Последователи махаяны считают, что в «трех мирах и десяти направлениях» одновременно существует неисчислимое количество будд.

Хинаяна, т. е. Малая колесница, — более старая и более чистая форма буддизма; ее последователи полагают, что только монах может рассчитывать на нирвану и высшие ступени возрождения. Кроме того, они верят в единого Будду Шакьямуни и считают, что не может быть одновременно двух Будд. Следовательно, монахи после долгого аскетизма, очищения и самовоспитания могут стать архатами (по-китайски — ло-ханями), но никак не Буддами.

Помимо этих главных отличий между Большой и Малой колесницами последователи разных течений используют и разные канонические труды, которые они считают священными и классическими.

Обе секты называют свои учения «колесами», т. е. средствами достижения нирваны, или спасения. Учения утверждают, что буддой, т. е. просветленным, может стать человек, познавший высшую сущность всех явлений, а также освободившийся от чувств, восприятия и даже собственной личности.

Ламаизм

Ламаизм (喇嘛教) развился в северном буддизме в XIII в., а его название происходит от тибетского слова «ла-ма» (бла-ма) — «старший», «высший», которое затем стало означать «монах», «жрец». Это и есть монашеская, или жреческая религия. От других сект ламаизм отличается церковно-иерархической системой и многочисленными элементами древнего шаманства Тибета.

Тибетское нагорье — одно из самых труднодоступных мест на земле, здесь же находится Шамбала, где земная жизнь соприкасается с высшим космическим разумом. Дворец-резиденция далай-ламы, Потала, — самый большой в мире буддийский монастырь. Он расположен на высоком скалистом холме *Марпо-ри* (Красный холм), в северо-западной части Лхасы, — административного центра Тибета.

Еще в VII в. н. э. здесь был построен дворец тибетских правителей, однако ударом молнии он был весь сожжен, а затем разрушен во времена Ландармы, противника ламаизма. Нынешний дворец Потала с плоской крышей восстановлен в XVII в. далай-ламой V, и возводился он, как оборонительный замок. Дворец состоит из 13 этажей (общая высота — 117 м) и 999 помещений. Внутри — личные покои далай-ламы и погребальные ступы его предшественников.

Художники многих поколений расписали замок внутри фресками тонкой работы, изобразив все тибетские монастыри, а также иллюстрируя легенды и реальные события истории тибетского народа. Во дворце много скульптур, утвари из золота, серебра и драгоценных металлов.

Идея ламаизма заключается в том, что жизнь нынешняя является следствием прошлой и причиной будущей жизни. Ламаизм не требует от мирянина знания священных текстов, достаточно повторять одну фразу: «Ом мани падме хум» («Будь благословен рожденный из лотоса») и регулярно приносить подношения. Но даже эти четыре слова можно не произносить,

а просто вращать по часовой стрелке специальный молельный барабан, на котором эти слова написаны.

За всех верующих молятся монахи, которые должны зазубрить 108 томов Кангиура, плюс 200 томов комментариев. Священные книги учат десятилетиями. Главенствующее положение в ламаизме обрела секта **Желтых шапок**, ее основатель Цзон-хава открыл в окрестностях Лхасы Три великих монастыря: Гандэн, Сера и Дрепан, где количество монахов, соответственно, — 3333, 5555 и 7777. В монастыре Ташилум-по, основанном в 1447 г., число монахов — 4444.

Древний обычай, который требовал, чтобы каждая семья отдавала одного сына в монастырь, очень живуч. Раньше каждый 7-й житель был ламой, а теперь на одного ламу приходится 70 мирян, и тибетцы считают, что этого мало. В семинарии учатся 10 лет. Количество монахов в Тибете настолько огромно, что существует избыток женщин. К этому явлению приспособились. Во-первых, поощряются добрачные связи (в женском ожерелье каждая монета означает любовную интрижку, а коралловый шарик — связь с иностранцем), во-вторых, традиционно процветает много-мужество, т. к. бедным семьям выгоднее не делить хозяйство и землю между сыновьями, а жить вместе, заплатив выкуп лишь за одну невесту. Женят старшего, а младшие сыновья присоединяются к браку.

Если в доме много дочерей, то возможно многоженство, когда сватают общего мужа, и мать всех детей считается старшая дочь. Если замуж выходит вдова, то ее дочери становятся женами отчима, но все рожденные дети будут принадлежать вдове.

Особенность тибетской культуры в том, что единственной формой ее проявления на протяжении многих веков является религия. Очагами учености служили монастыри, а интеллигенцию составляли ламы. Все средства художественного самовыражения (архитектура, музыка, изобразительное искусство) монополизировала религия. Религиозные догмы буддизма в Тибете играют роль законов. Преступлением считается не почитать Будду, его учение и монашество.

Секту **Красношапочников** представляет монастырь отшельников Шалу (близ Шигатзе). Отшельничество — самый краткий путь от *хатха-йоги* (умение владеть своим телом) к *кундалини-йоге* (умение управлять психической энергией). Монаха на 3 года, 3 месяца и 3 дня замуровывают в пещере, оставляя лишь отверстие (примерно 30 см) для подачи воды и

дзамбы. Дзамба — аналог хлеба: муку из прожаренного ячменя насыпают в чашу, подливают *чайсуму*, т. е. тибетский чай с маслом, солью и молоком, и размешивают пальцами, чтобы получилось крутое, рассыпчатое тесто. Поскольку тепло и дрова в горах драгоценны, печь хлеб — излишняя роскошь. Кстати, тибетцы так любят свой чай *чайсума*, что выпивают по 40 чашек в день.

К концу срока нахождения в пещере ламы уже умеют:

- «сжимать плоть» настолько, что способны выбраться наружу через узкий лаз, достаточный лишь для кошки;
- «усилить жар» тела настолько, что, сев на обледенелую кожу яка, способны высушить ее своим телом;
- «снизить вес» тела настолько, что, сидя в «позе лотоса», могут подскакивать со все возрастающей амплитудой, как мяч. Это состояние называется *дхадли сидха*, или 1-я ступень левитации. Такое умение необходимо для *арджохи* (бег-полет). Находясь в состоянии транса, монах способен пробежать расстояние от Шигатзе до Лхасы (330 км) за 2 ночи и 1 день. Дорогу ему выбирает подсознание и «третий глаз».

Ламаисты считают, что, подавляя в себе желания, погружаясь в медитацию, можно замедлять в себе жизненные функции. В состоянии *самадхи* человек способен остановить дыхание и сердцебиение и может пробыть ночь под землей и 15 минут под водой.

Ламы могут обладать ясновидением, телепатией, левитацией, становиться невидимыми. Для последнего состояния необходимо полностью остановить умственную деятельность, ибо мозг излучает телепатические волны, и эту способность обычные люди утратили, но, судя по всему, сохранил «снежный человек», поэтому он так загадочно исчезает при встрече с человеком.

Буддисты азиатских стран считают своим духовным главой тибетского далай-ламу.

Первый буддийский храм на территории Китая построен в 68 г. н. э. в эпоху Восточная Хань, на одиннадцатом году правления императора Мин-ди под девизом Юн-пхин. Храм назывался Бай-ма сы (храм Белой лошади) и находился в пригороде столицы Ло-ян, что в провинции Хэнань.

Если говорить о значении этого учения для Китая, то, как писал немецкий синолог В. Грубе, буддизм расширил узкий географический горизонт Поднебесной, ввел в практическую жизнь альтруистическую тенденцию, почти совершенно чуждую истинно китайскому духу. В добуддийские времена никогда не упоминалось о частном попечении в отношении стариков и бедных. Но наибольшее влияние буддизм оказал все-таки в области искусства, а не умов.

Нравственную силу над умами широких масс буддизм получил только в тех странах, где он достиг единовластия, стал государственной религией, например, — в Цейлоне и Индокитае, в Тибете и Монголии. В Китае же конфуцианство осталось победителем до наших дней, а буддизм стал существенным фактором культуры; его этическое влияние все же ничтожно. Учение о любви к человеку («Чего не хочешь, чтобы тебе причинили, того не причиняй другому» — Конфуций) вообще так и осталось лишь эпизодом в истории китайской морали, и было отвергнуто конфуцианцами, как лжеучение.

Буддизм же идет в своей заповеди любви к ближнему даже дальше христианства, применяя ее ко всему царству живых существ. Что же касается практического успеха этой заповеди, то в нем обнаруживается столь характерная для китайцев черта — принимать за сущность призрачную внешность и довольствоваться ею. Летом на улицах китайских городов можно нередко увидеть детей, забавляющихся странным образом с цыплятами, утятами, купленными им ради развлечения. Они носят их за шею, всячески мучают; животинки пищат и пытаются вырваться, а счастливые родители смеются, любясь чадом, и ни у кого мучения живого существа не вызывают жалости.

Зато в китайскую культуру буддизм принес новых мифических героев, ставших излюбленной темой художников, скульпторов, а также мастеров других видов искусства. Человеческая фигура, на которую древние китайцы не обращали никакого внимания (о немногих произведениях каменной скульптуры времен династии Хань можно не говорить), вдруг, с проникновением буддизма, выступает на первый план. То же самое произошло и в живописи.

Кроме того, буддизм оказал влияние на философию, литературу, архитектуру. В древнем Китае не существовало касты жрецов, а храмы возводились только теним усопших, точно так же не известны изображения

божеств. И только с приходом буддизма начали сооружать храмы богам, как буддийским, так и даоским.

В Шанхае буддийский монах подарил мне книжечку, почти самиздат, в которой столбиком, справа налево выписаны сентенции, которые монахам (и благочестивым мирянам) следовало заучить наизусть. Там есть такие строки, например, в разделе **Причины и следствие**:

Почему некоторые ездят верхом на лошадях и в паланкинах?

Потому что в прошлой жизни они строили мосты и ремонтировали дороги.

Почему некоторые ходят в парче и шелках?

Потому что в прошлой жизни они раздавали нуждающимся одежду, были милостивы к бедным.

Почему у некоторых есть и богатство, и успешная карьера?

Потому что в прошлой жизни они жертвовали много риса в буддийские монастыри и скиты.

Почему у некоторых людей такая короткая жизнь?

Потому что в прошлой жизни они отнимали жизнь у других.

В разделе **Поразмысли**:

Сегодня ты не знаешь, что ждет тебя завтра, так к чему печалиться?

Если ты невежлив по отношению к отцу и матери, но считаешь Будду, кого ты на самом деле считаешь и уважаешь?

Сестры и братья — от одних родителей, стоит ли им из-за чего-то ссориться, за что-то бороться?

После смерти даже монеты не сможешь забрать на тот свет, так зачем скупиться и экономить?

Предки засаживают поле, потомки собирают урожай, так что, по сути, тебе ничего не может принадлежать.

Достаточно много мудрых мыслей, созвучных и христианским постулатам.

В данной главе нас интересуют именно фигуры, скульптурные изображения самого Будды, а также других божеств и героев: *ло-ханей* (архатов), Цзи-гуна, Да-мо, Гуань-инь, Майтрейи и пр. Но прежде надо хоть немного разобраться в их иерархии.

1. Будда, реально живший когда-то человек, родившийся в Индии, на границе с Непалом, в 565 (?) г. до н. э., а также другие будды.

2. Бодхисаттвы.

3. *Ло-хани*.

4. Святые монахи.

5. Святые апологеты буддийского учения (*ху-фа шэнь*), и к ним же относятся популярный герой сказаний и детских книг Нэ-чжа, владыка ада Ень-ван, генералы-стражники Хэн и Ха.

Чем отличаются статуи будд от изображений бодхисаттв? У будды голова не покрыта, а на макушке закручен пучок волос. Бодхисаттв любят изображать с короной, на которой вырезаны цветы лотоса. *Ло-ханей* и монахов изображают лысыми.

БУДДЫ

К буддам (по-китайски *фо*) относится не только сам основатель учения Шакьямуни, который считается Буддой нынешнего мира, но и множество других, ибо, как уже говорилось, почти любой последователь махаяны может стать буддой. В китайских буддийских храмах, повторяюсь, в главном зале обычно восседают «будды трех миров», или будды трех направлений (*сань-ши фо*). Так называемые три мира бывают в двух измерениях: три горизонтальных мира и три вертикальных.

Три горизонтальных мира называют еще центром, западом и востоком. При этом Шакьямуни является основателем этого мира, т. е. нынешнего мира, в котором мы все живем. Будда Яо-ши является основателем восточного мира, мира чистой, блестящей глазури. Считается, что люди, проживающие в нем, не знают ни болезней, ни бедствий, у них нет проблем ни с едой, ни с одеждой; на сердце у них спокойно и радостно. И поэтому восточный мир называют еще и «садом радости с чистой землей», что соответствует нашему понятию «рай».

Имя Яо-ши дословно переводится «мастер-целитель», т. к. он может избавить от сотен болезней. Будда А-ми-тхо-фо — основатель западного мира. Тело у него золотистого цвета и излучает сияние. Он способен сделать людей счастливыми, помочь им стать буддами. Для этого достаточно лишь повторять его имя.

Три вертикальных мира — это миры во временном измерении: прошлый, нынешний и будущий. Имеется, соответственно, и три Будды: **Цзя-шэ**, Будда прошлого, его называют еще Жань-дэн *фо* (Дипамкара); **Шакьямуни**, Будда нынешнего, и **Ми-лэ фо**, Будда будущего. Цзя-шэ обычно изображают верхом на льве. А имя Жань-дэн *фо* переводится «зажигающий лампы»; так его называли потому, что во время его рождения все вокруг засияло, как будто включили множество ламп.

В китайском буддизме (даосы тоже позаимствовали эти понятия) существует 36 небесных будд *тхень-ган* (天罡) и 72 земных будд *ди-ша* (地煞). В общей сложности — 108, что является сакральным числом для китайцев.

Подробнее стоит рассказать об основателе учения и о Будде будущих миров Майтрейе, или по-китайски — Ми-лэ *фо*, поскольку они наиболее известны простым китайцам, и их чаще других изображают художники и скульпторы.

Будда Шакьямуни

1.

Сразу хочу оговориться, что китайский буддизм я изучала только по китайским источникам, а потому имена и географические названия древней Индии привожу в китайском произношении. Итак, Шакьямуни Гаутама Будда (565—486 гг. до н. э.) жил примерно в одно время с Конфуцием (551—479 гг. до н. э.) и скончался на восьмидесятом году. Его полное имя Сиддартха Шакьямуни Гаутама Будда. Сокращенное имя Шакьямуни можно перевести как «милосердный» (Шакья) и «обитающий в тишине и уединении» (муни). По-китайски — *Ши-цзя моу-ни* (释迦牟尼). Он родился в королевской семье и стал принцем-наследником, о чем было объявлено, когда юноше исполнилось 15 лет. В 17 лет он женился, и в этом браке родился мальчик по имени Рахула.

Естественно, принц жил в богатстве и не знал никаких проблем, будучи молодым, красивым и счастливым. Но его интересовала жизнь обычных людей, очень бедных в своем большинстве, живущих за пределами дворца. С позволения отца он начал выходить за ворота и наблюдать за неизвестным и непонятным ему миром.

Каждый раз принц покидал дворец через разные ворота, чтобы продолжить путь в новом направлении. Но, куда бы он ни шел, — на север, юг, восток или запад, везде видел болезни, беспомощную, обезображивающую старость или смерть. Принц разговаривал с людьми, подробно расспрашивал обо всем, невиданном ранее, и очень огорчался страданиям других, поскольку слыл впечатлительным юношей.

Однажды он увидел человека в странной одежде, не похожей на ту, что носили другие. Оказалось, это монах-отшельник, который с удовольствием и подробно отвечал на все вопросы принца. Вот тогда будущий Будда (Просветленный) и принял решение отказаться от семьи, царства и почестей и, подобно отшельнику, молиться и просить о помощи, об избавлении людей от страданий.

Отец, узнав об этом, пришел в отчаяние. Однако его уговоры не остановили принца, молодого мужа и отца.

В ответ на уговоры он печально отвечал: «Ничто в мире не длится вечно; и радость рождения ребенка не вечна, и любовь к молодой жене преходяща. Даже самые любящие родственники рано или поздно расстанутся; даже самые крепкие и красивые со временем стареют и дряхлеют. И когда наступает момент прощания с жизнью, никто не может избежать смерти, скрыться от нее.

Вся жизнь человека состоит из отдельных многочисленных страданий, и в то же время вся она — одно огромное мучение. **И в этом океане страданий я хотел бы стать легким листочком-лодочкой, который смог бы переносить людей на другой берег, где всегда царят покой и радость, чтобы дать им истинное освобождение от земных проблем.** Отец, позволь мне покинуть дом и стать отшельником!» (Запомните выделенные слова, мы поговорим о них чуть позже, — Л. И.)

«Ты молод, здоров, — уговаривал отец. — Со временем твои мечты и взгляды изменятся. Молодые легко совершают ошибки. Мир вовсе не так страшен, как тебе кажется, и жизнь вовсе не так горька. И вряд ли большинство людей воспринимает ее так пессимистично. Сиддартха, ты не сможешь достичь желаемого именно из-за молодости. Ты знаешь, что отшельники проводят свою жизнь в дремучих лесах или в унылых пустынях. Но даже они, прожив там очень долго, не могут в душе полностью отрешиться от земных желаний. Если уж ты хочешь стать отшельником, сделай это гораздо позже, например, когда достигнешь моего возраста. Иначе будешь очень сожалеть. У тебя долг перед родителями и перед государством. Сделай что-нибудь доброе для страны. Хотя бы десять лет посвети царствованию!»

— Отец, я поклялся, что выполню свои четыре желания; а выполнить их я смогу, лишь покинув дом.

— Какие желания?

— Я хочу, чтобы люди не старели; хочу, чтобы они не болели и чтобы не умирали. И последнее — хочу, чтобы люди не испытывали горечи расставания с близкими, любимыми. Если ты в состоянии помочь мне добиться желаемого, я откажусь от своего решения и останусь во дворце.

Правитель, конечно, не сразу смирился; он предпринимал множество мер: менял замки на воротах, заставлял стражу особо бдить, советовался с визириями... Однако принц Сиддартха сказал: «Нет ничего на свете, что могло бы удержать меня от решения спасти человечество!» И однажды ночью он тайком покинул дворец на белом коне.

2.

Он ехал, пока не добрался до густых зарослей в лесу, высоко в горах; его сопровождал слуга-возница. Здесь он вернул коня вознице и отдал ему на память все свои драгоценные украшения. Затем снял корону и попросил передать ее отцу со словами: «Я уже забыл об отце, о своей любви к нему,

о долге. Пусть и он забудет меня. Если я выполню задуманное, вернусь во дворец. Если же не суждено, то умру я здесь же, в горах, в лесу». Затем он отрезал мечом свои длинные волосы. Сменил царскую одежду на простую рубаху и углубился в лес.

Слуга, глядя ему вслед и горько вздыхая, произнес: «О, принц, сегодня ты потерял королевство и все, что тебе принадлежало; а я потерял тебя!»

В горах жило немало отшельников, и Сиддартха обратился к ним с просьбой: «Я ничего не знаю и ничего не умею. Научите меня! Как спасти душу? Как прозреть?»

«Ты говоришь об истинном прозрении? Мы не понимаем, что ты имеешь в виду. Можем лишь рассказать, как мы живем. Пьем чистую воду, питаемся кореньями, плодами, цветами и корой деревьев».

Некоторые живут подобно птицам; ногами разгребают землю и отыскивают съестное. Некоторые подражают змеям, а кто-то, как рыба, весь день проводит в реке. Кое-кто с утра до вечера обливается холодной водой, зимой лежит на льду; а другие, наоборот, целыми днями греются у костра, так что их кожа становится красной и прокопченной. Мы обожествляем воду, поклоняемся солнцу и луне, и постепенно начинаем ощущать в душе покой, радость и счастье. Наша единственная цель — попасть в царство небесное!»

«Я не к этому стремлюсь! Потому что, попав на небо, вы вновь со временем вернетесь на землю, получив новую жизнь, и опять будете страдать. Как же мало вы хотите получить, живя столь аскетично! Стоило ли ради этого оставлять мир людей... Вы временно избавились от проблем, которыми наполнена жизнь в миру. Но опять к ним же и вернетесь! Вы лишь заменяете душевные страдания на телесные, прыгая через огонь или просиживая в ледяной воде. Это не то, к чему я стремлюсь».

Поэтому, прожив среди аскетов 100 дней, Сиддартха распрощался с ними.

Родители тем временем не оставляли надежды на то, что принц одумается, и продолжали его розыски. Но, когда посланники обнаружили Сиддартху и передали просьбу родителей, он ответил: «И раньше бывали случаи, когда известные правители уходили в монахи, спасали свою душу в горах, и никто из них не вернулся с полпути. Я тоже не вернусь». После такого ответа родители смирились, однако выбрали из родственников пять крепких юношей, чтобы те везде сопровождали и охраняли их сына.

На пути Сиддартхи встречались другие царства и правители; видя его красоту, стать и ум, они предлагали половину своего царства; ведь у всех были дочери. Однако принц вежливо отказывался. Преодолев множество препятствий и невзгод, он прибыл, наконец, к своей цели, — к лесу, где проживали святые отшельники *а-ло-ло*.

После продолжительной полемики, вопросов и ответов Сиддартха понял, что и эти люди не смогут помочь ему разрешить проблему, теснившую его сердце; и тогда он отправился дальше на поиски отшельников-мудрецов *юй-ло-цзя*, добившихся более высокой ступени совершенства. Но и беседа с ними не удовлетворила его.

Все закончилось тем, что Сиддартха уединился в горах царства Мо-цзе-тхо, на берегу реки Ни-лень-чхань. Здесь он провел шесть лет, изнуряя себя невиданным аскетизмом, ежедневно съедая лишь одно злаковое зернышко и очищая свое сердце и мысли. Пока он сидел, находясь в созерцании, воробы свили гнездо на его голове, а его ноги плотно обвили дикие травы.

«Для чего же я подвергаю себя телесным страданиям, — думал Сиддартха, — разве я не говорил отшельникам в горах, что таким способом нельзя решить мою проблему; так чем же я отличаюсь от них?» Раздосадованный, он поднялся с земли и направился к реке, чтобы смыть с тела накопившуюся грязь. Однако он был так обессилен голодом, что свалился на берегу, не дойдя до чистой воды.

В это время к реке подошла пастушка, которая неподалеку пасла корову. Ей стало очень жаль изможденного отшельника, и она накормила его молочной кашей. Сиддартха очнулся. Его родственники, которые держали аскезу вместе с ним, возмутились тем, что он выпил молочную кашу. Им показалось, что принц свернул с полдороги, испугавшись трудностей, и они, посоветовавшись, отвернулись от него.

3.

А принц, тем временем, почувствовав прилив сил, прошел в одиночестве какое-то расстояние, увидел огромное дерево — фикус благочестивый, и уселся под ним, бормоча клятву: «Если мне не удастся достичь просветления, чистого сознания, уйдя в нирвану, и найти способ, ведущий к бессмертию, я не встану с этого места!»

После таких слов задрожала земля, а Сиддартха погрузился в состояние созерцания, находясь где-то за гранью человеческого сознания. А земля

задрожала оттого, что Повелитель дьяволов, услышав клятву, испугался: если Сиддартхе удастся добиться желаемого, изменится все привычное течение жизни; он, Повелитель дьяволов, лишится своей должности. А потому искушитель решил любым способом помешать Сиддартхе.

Было у него три красавицы дочери, способных помутить разум любого мужчины. Нарядившись и распустив волосы, они стали соблазнительно извиваться перед принцем, демонстрируя свои прелести, и приветливо заговорили с ним.

Однако Сиддартха не только не проявил интереса, но и с помощью своих сверхъестественных умений заставил тела красавиц стать прозрачными, чтобы показать им, насколько это суетное явление — внешняя красота. И девушки вдруг увидели свои тела в виде кожаных мешков, заполненных жидким содержимым организма, его выделениями. А внутри еще и ползали черви, пожирающие пять основных органов человека. В отвращении и ужасе девушки бросились во дворец к отцу.

Повелитель дьяволов в гневе направил на Сиддартху сразу все, что только было в его арсенале: и воинов в виде ужасных чудовищ, и огонь, и ветер, и гром, и дождь, чтобы хоть чем-то смутить сердце принца. Но тот, продолжая сидеть в прежней позе, и бровью не повел, будто не чудовища прыгали вокруг него, а дети резвились. Не помогли ни ядовитые змеи, ни молнии, ни снежные лавины, ибо перед железной стойкостью отшельника снег и молнии превращались в цветы, а выпущенный яд — в легкий, освежающий ветерок.

Именно в этот год, восьмого числа двенадцатого месяца, ровно в полночь на границе неба вспыхнула яркая звезда, и Сиддартха проник, наконец, в мир нирваны, где нет ни жизни, ни смерти, где ничему нет никаких преград. Принцу удалось, как он и мечтал, покинуть берег, где существуют страдание и смерть, и перепрыгнуть на другой, где совсем иной мир, где возможно спасение души, где можно стать буддой. В результате принц стал единственным небесным учителем, к которому относятся с почтением в трех мирах: на небе, под небом и среди людей.

Обретя искомый путь, Сиддартха получил имя Шакьямуни Будда, и еще одно — Жу-лай фо. В буддийских канонах говорится, что поначалу Будда не собирался делиться с другими добытой истиной. Не потому, что не хотел, а просто боялся, что люди не поймут его учения или пойдут не по тому пути. Однако небесные божества посоветовали принцу все же поделиться своими

знаниями со всеми желающими, и с тех пор началось распространение учения Будды по всей земле.

И первыми, кто его услышал, были те самые пять родственников, которые недавно рассердились на него. Будда спустился к ним и обратился с такими словами: «Не сердитесь и не сверкайте на меня глазами. Сначала я сидел в созерцании, пытаясь найти путь спасения, а затем простая пастушка предложила мне свой путь спасения. Я добился истинной мудрости, истинных знаний, преодолев все препятствия. И если вы согласны пойти моим путем, умирите гнев и направьте все свои способности на нечто другое».

Он стал объяснять им «четыре священные истины». Из пяти человек лишь один сразу постиг сказанное, поэтому в буддийских канонах говорится, что именно он стал первым учеником Будды. Остальным же пришлось объяснять все повторно. Учение состоит из трех сокровищ, именуемых Будда, Закон, Бонзы (монахи).

4.

С тех пор Будда стал обучать своему учению всех желающих, сначала тех, кто жил поблизости. У него появились не только новые ученики-монахи, но и обычные люди, проживающие в своих домах, поскольку он объяснил, что для достижения вершин познания вовсе не обязательно покидать свои семьи.

Появилась и первая женщина, мать одного из учеников, которая осталась в своем доме, однако вела смиренный образ жизни, согласно законам буддизма, т. е. соблюдала пять главных заповедей:

- не убей;
- не укради;
- не лги;
- не прелюбодействуй;
- не пей вина.

Пройдя через несколько царств, Будда привлекал все больше учеников, и однажды, в одном из городов, его пригласили для проповеди в беседку в прохладной бамбуковой роще. Будда и жил в этой беседке, и выступал там перед желающими, и последователей его учения становилось все больше.

Слухи об успехах Сиддартхи Будды дошли до его отца. Король отправил своих подчиненных к сыну с приглашением. Поскольку Будда достиг просветления и выполнил клятву, он согласился вернуться. Нечего и говорить, что и отец, и вся родня, и все жители царства, от малого до старого, были

под большим впечатлением от учения Будды, многие выразили желание покинуть дом и уйти в монахи. Даже маленький сын Будды, Рахула, пожелал стать монахом. Но из-за малого возраста ему пришлось пока стать послушником.

Трудно передать отчаяние старого правителя: он потерял не только сына-наследника, но и внука. Знал бы заранее — наверное, не стал бы приглашать сына в гости... Род мог прерваться, а маленькое царство исчезнуть. И тогда Будде пришлось скорректировать правила, регулирующие уход в монашество. Отныне сын не мог стать отшельником без согласия родителей.

После трех месяцев, проведенных в родных местах, Будда покинул родственников и отправился с проповедями дальше, в другие царства. Правда, через некоторое время пришлось вернуться, т. к. Будда получил печальную весть — отец при смерти. Он умер у сына на руках; а поскольку даже внук стал послушником, то следующего правителя пришлось искать среди дальних родственников; им стал один из генералов.

Что же касается женщин семьи Будды, — матери, жены, наложниц, то они тоже остригли косы и стали монахинями. И это произошло впервые в истории Индии, зато впоследствии появились во множестве и монахи, и монахини, и дети-послушники и послушницы.

5.

Когда Будде исполнилось 80 лет, пятнадцатого числа второго месяца, с самого утра ученики вдруг увидели вокруг его головы золотое свечение. Учитель объявил, что он прожил все годы, которые ему предстояло провести на земле, и пришла пора уйти в нирвану. Он подробно распорядился, как его следует похоронить: спеленать тело белыми тканями и пропитать ароматическими настоями; затем положить тело в золотой гроб и сжечь на благоухающем костре. Потом построить пагоду, и в ней уложить останки.

Ровно в полночь Будда лег на правый бок на своей кровати с «семью драгоценностями», головой к северу, ногами к югу, лицом к западу, спиной к востоку. С легкой улыбкой на спокойном лице он ушел в нирвану.

После смерти и кремации останки Будды разделили между собой правители восьми государств на территории Индии, которые воздвигли храмы и пагоды, где эти останки и хранились. Однако со временем многие из этих реликвий оказались в Китае и Японии (так, в одном из храмов в окрестностях Пекина хранится зуб Будды), где их тоже глубоко почитают.

О зубе Будды в Китае стоит отдельно сказать несколько слов. Попал он в Поднебесную очень давно — в 1071 г., и был храним в специально построенной пагоде на территории храма Лин-гуан сы, что в местечке Си-шань, недалеко от столицы, которая в те времена носила название Ень-цзин (ныне Пекин). Однако в 1900 г. пагода была сожжена солдатами объединенной армии восьми европейских государств, которые в то время бесчинствовали в столице, и это не единственное их злодеяние.

Позже монахи, старательно разбирая и приводя в порядок место, где когда-то высилась пагода, обнаружили деревянный ящик с зубом, который на удивление всем уцелел в пожарище.

В 1955 г. по решению общества буддистов Китая зуб временно поместили в пекинском храме Гуан-цзи, а в 1957 г. было принято решение восстановить сожженную пагоду на прежнем месте. Только в 1964 г. возведение этой пагоды было завершено, и реликвию торжественно поместили в ней.

Будда Ми-лэ фо

1.

Считается, что у Будды было десять великих учеников и пять великих бодхисаттв. К этим пяти относится и *Ми-лэ фо* (в некоторых китайских источниках утверждается, что великих бодхисаттв было три, однако, поскольку китайцы любят четные числа, со временем добавили еще одного, и всего их стало четыре, а не пять).

Ми-лэ фо (弥勒佛, Майтрейя) — тот самый будда, что восседает обычно в главном зале храма в компании с буддами прошлого и настоящего, являясь буддой грядущего.

Называя *Ми-лэ фо* одновременно и буддой, и бодхисаттвой, я не оговорила. С одной стороны, *Ми-лэ фо* входит в состав троицы «будды трех миров», с другой, как утверждают китайцы, формально он стоит на ранг ниже и является бодхисаттвой, или по-китайски — *лху-са*. Согласно канонам «Предыдущая жизнь *Ми-лэ фо*» и «Последующая жизнь *Ми-лэ фо*», *Ми-лэ* в будущем станет буддой, а именно буддой будущего мира. Будда Шакьямуни сказал, что, покинув мир людей, *Ми-лэ* обретет на небе множество достоинств и умений, пройдя через многие испытания. По прошествии четырех тысяч лет (на земле за это время минует примерно 6-7 миллиардов лет) он вновь спустится к людям. Иероглиф *фо* означает «будда», поэтому его можно опускать, оставляя лишь имя — *Ми-лэ*.

Почему так долго надо ждать его прихода? Потому что к тому времени мораль и нравственность людей станут такими высокими, что необходимость в учении Будды отпадет, буддизм естественным путем исчезнет. Вот тогда-то и придет к людям *Ми-лэ*, принесет людям счастье и спокойную, радостную жизнь. Тогда-то он и станет буддой, а потому и сейчас его, бодхисаттву, нередко заранее называют буддой.

Это самый популярный в Китае представитель буддизма. К нему, пожалуй, относятся даже с большей симпатией, чем к самому основателю учения Шакьямуни Будде. А потому не счесть количества и вариантов его изображений, от крошечных статуэток до огромных статуй (и, напротив, мы ни разу не встретили ни одной статуэтки будды прошлых миров). Иногда его называют еще Монахом с мешком или Смеющимся буддой.

2.

Рассказывая о земной жизни *Ми-лэ*, мы будем называть его так, как принято в Индии, — Майтрейя. Жил он примерно в то же время, что и Шакьямуни. С самого его детства слуги и воспитатели поняли, что мальчик он необыкновенный, и прошел слух, что когда-нибудь он станет «священным правителем». Из-за этого настоящий правитель царства возненавидел его, и родителям пришлось прятать ребенка в семье дяди по матери.

Услышав об учении Будды, Майтрейя покинул дом и стал монахом. Поскольку происходил он из знатной, богатой семьи, то, даже став монахом,

большое значение придавал красивой одежде. Был такой случай. Правитель одного из царств пожаловал Будде великолепный, расшитый золотом халат. Однако аскетичный Будда отдал его своим самым известным ученикам. Из этих отшельников никто не осмелился надеть такое красивое одеяние, и лишь Майтрейя без сомнений облачился в великолепную одежду. Он надевал этот роскошный халат ежедневно и выходил в нем просить подаяние.

Майтрейя с юных лет дал жесткий обет не употреблять мяса, и всю жизнь строго придерживался его, жалея все живое, отчего и получил прозвище Милосердный.

Что касается внешности Майтрейи, то его всегда изображали молодым и красивым (недаром, он любил наряжаться), довольно стройным, с длинными волосами и в короне. Однако в Китае Майтрейя-*Ми-лэ* получил распространение совсем в другом облике, разительно противоположном, и именно этот облик стал классическим и любимым.

В период Пяти династий в районе нынешних провинций Цзянсу и Чжэцзян *Ми-лэ* представляли в виде толстого, круглого, улыбающегося монаха с жирными мочками ушей, грудью и животом, которые непременно открыты. Этот образ закрепился навсегда. Люди полагают, что огромный живот этого будды обладает сверхъестественной силой, а потому верят, что если погладить этот живот, можно избавиться от бед, приобрести стабильность в жизни. Обаятельного толстяка нередко изображают с большим мешком. В простонародье говорят, что в мешке он собрал и спрятал все зло мира, чтобы уберечь от него людей.

Есть и еще один вариант изображения, с которым многие, наверняка, встречались, — это «Ми-лэ-фо, дарующий сыновей», — он представляет собой сидящего толстяка в окружении детей, которые, порой, ползают по его необъятным формам. Количество детей при этом должно соответствовать пяти. Такой образ носит название «Ми-лэ-фо, играющий с пятью сыновьями» (五子戏弥勒) или «Ми-лэ-фо, дарующий сыновей» (送子弥勒).

Ми-лэ — будда грядущего, однако до своего окончательного прихода на землю он время от времени спускается к людям, распространяя учение Будды. Так, говорят, в период Пяти династий, в последние годы правления императора Мо-ди (примерно в 517 г.), в провинции Чжэцзян неизвестно откуда появился толстяк по имени Ци-цзы, которое он получил при посвящении в монахи. Был он низкорослым, с выделяющимся животом.

Он даже разговаривал как-то непривычно, отличаясь от остальных людей; и видели его обычно сидящим или полулежащим. Иногда его встречали с

мешком за спиной, который он нес на бамбуковом шесте. Он любил посещать шумные города в поисках подаяния, поэтому иногда его называют еще «монахом с холщовым мешком».

Городских зевак он поражал тем, что мог предсказывать погоду и судьбы людей, при этом все сбывалось. Когда монах Ци-цзы пребывал в состоянии нирваны (в учении хинаяна нирвана описывается, как «вспышка огня»), он обычно сидел на плоском камне и распевал буддийские сутры: «*Ми-лэ*, подлинный *Ми-лэ*; один раз в миллиарды лет он появляется среди людей; и в то же время его всегда сможет увидеть любой человек; однако никто его не узнает!» Закончив пение, он внезапно умирал. И только тогда люди осознавали, что этот толстый монах и есть инкарнация (перевоплощение) *Ми-лэ фо*.

Вот почему впоследствии мастера стали ваять глиняные статуи по образу этого монаха; так возникло буддийское божество в китайском варианте, которое, чаще всего, принято называть Толстобрюхим *Ми-лэ фо* (*да ду Ми-лэ фо*). Как любят повторять верующие, с симпатией глядя на его статуэтку в своем доме, «пузо большое, вмещает всякую досаду, что есть в Поднебесной; а рот улыбчивый, улыбается всему смешному». В этой фразе, говорят, выражено отношение *Ми-лэ фо* к миру.

К сожалению, не все художники хорошо знакомы с канонами, а потому иногда трудно определить, кого же они изобразили, поскольку, действуя по принципу «чем больше, тем лучше», они присовокупляют к герою чуть не все атрибуты, которые им известны: и шляпу, и жемчужину, и мешок, и посох...

Самая большая статуя *Ми-лэ фо* в Пекине находится в ламаистском храме Юн-хэ гун. Ее высота достигает 26 метров, из них 8 — в земле (для устойчивости) и 18 метров — на поверхности. Вырезана она из цельного ствола белого камфарного дерева. Ствол этот купил в Непале тибетский Далай-лама, и доставка его в Пекин растянулась на три года.

Дело происходило во время правления Цень-луна (1735—1796 гг.); транспортировали ствол, в основном, зимой, заливая дорогу водой, чтобы она превратилась в каток — так было легче тянуть огромный ствол. Других возможностей в те времена не существовало.

В храме сначала установили статую, а потом уже — здание с крышей над ней. В Китае принято «одевать» статуи божеств, накидывая на них шелковые покрывала. Для изготовления накидки для этого *Ми-лэ фо* пошло 1800 метров ткани.

Самая большая каменная статуя *Ми-лэ фо* находится в провинции Сы-чхуань, в г. Лэ-шань-ши, на горе, что на восточном берегу реки Минь-цзян. Высота статуи — 71 метр, высота головы — 14,7 метра, ширина — 10 метров; ширина плеч — 28 метров, длина глаза — 3,3 метра, носа — 5,6 метра, уха — 7 метров. На голове статуи вырезана 1021 волосина. При этом в ухе *Ми-лэ* могут уместиться стоя два человека, а чтобы окружить его ступню, понадобится более 100 человек.

БОДХИСАТТВЫ

Как уже говорилось выше, у Будды было пять великих бодхисаттв (*пху-са*):

1. *Ми-лэ фо* (Майтрейя);

2. *Вэнь-шу* (Манчжури, т. е. «Чудесная добродетель», или «Счастливый знак»), изображается верхом на льве; в руках часто держит меч и священную книгу на цветке голубого лотоса;

3. *Пху-сень* (Самантабhadра, т. е. «Великая энергия»), изображается с зеленоватым лицом, в желтой одежде, верхом на белом слоне;

4. *Гуань-инь* (Авалокитешвара);

5. *Ди-цзан* (Кситигарbха; его имя означает, что он, подобно всей земле, содержит в себе бесчисленное количество семян добра); еще его называют Великим источником земных хранилищ. Говорят, Шакьямуни велел ему оставаться на земле представителем Будды на тот отрезок времени, когда Шакьямуни уже ушел в нирвану, а *Ми-лэ* еще не пришел в мир людей, ибо «царство» ни на один день не должно находиться без правителя. Поэтому полномочия и положение *Ди-цзана* чрезвычайно высоки. Внешне он отличается от остальных *пху-са*: голова лысая, сам восседает на невиданном чудовище (говорят, такие обитают в подземном мире), немного напоминающем льва, а в руке держит драгоценную жемчужину.

Бодхисаттва Гуань-инь

Из пяти великих бодхисаттв, последователей Будды, самыми известными и часто изображаемыми являются *Ми-лэ фо* и *Гуань-инь*. Раньше ее называли *Гуань-ши-инь*, «Прислушивающаяся ко всем звукам» (т. е. молитвам и просьбам). Однако в эпоху Тхан одного из императоров, Тхай-цзу, звали Ли Ши-минь; а поскольку имена императоров не разрешалось произносить всуе, то иероглиф «ши» из имени богини изъяли, и осталось усеченное «Гуань-инь» (观音).

Даосы тоже приобщили эту богиню к сонму своих божеств и святых, и это свидетельствует о ее необычайной популярности.

Известно, что в Китае все храмы, дворцы (а раньше и жилые дома) строили обращенными к югу; поэтому вход в храм — с юга, и божества обращены лицом на юг. А поскольку Гуань-инь — женщина, то она относится

к **Инь** (мрачному, женскому, пассивному началу), и в храмах ее статую устанавливают за ширмой, позади Будды; спиной к нему и лицом к северу.

В народных верованиях эта богиня тоже является одной из самых популярных, поэтому в соответствующей главе мы расскажем о ней более подробно, а здесь упомянем лишь вскользь.

Бодхисаттва с двойным телом

По-китайски его зовут *Шуан-шэнь фо* (双身佛), на санскрите имя звучит Ганапати. И хотя рассказывать об этом божестве можно много, думаю, здесь достаточно лишь нескольких слов. Бодхисаттва изображает соитие мужчины и женщины, символизируя полноту, целостность, гармонию. И прародительницей его была богиня Ганеша, женщина с головой слона.

Эта парочка пришла из древней Индии, и китайцам казалась грубой, вульгарной. Однако в покоях императоров эпох Мин и Цин встречалось немало подобных изображений. Упоминаем о *Шуан-шэнь фо* только потому, что сейчас на «рынках древностей» можно встретить множество вариантов этого божества, чаще всего — из бронзы.

Небесная бодхисаттва, разбрасывающая цветы

Совсем вкратце — об этой богине (散花天女). Мы часто встречали загадочное изображение красавицы, парящей в облаках, которая держит в руках

перевернутую корзину, а из нее щедро сыплются на землю яркие, ароматные цветы. Ну, кого не заинтригует такая картина?

Легенд о ней, к сожалению, мы так и не нашли, однако в книге «Сто бодхисаттв» несколько строк посвящено и ей. Там утверждается, что в буддийских сутрах есть записи о Сюй-пху-тхи, который однажды сбежал в пещеру, что на высокой вершине, и в течение долгого времени сидел там в состоянии созерцания, отрешившись от всего. И вдруг он увидел небесную фею, разбрасывавшую в воздухе цветы. Они упали перед Сюй-пху-тхи, и он спросил:

— Кто тут разбрасывает цветы, оказывая мне симпатию и поддержку?

Сверху до него донесся голос:

— Это я, небесная фея. Уважаемый проповедует здесь буддизм, поэтому я и ободряю его цветами.

— Но я вовсе не проповедую буддизм, — возразил Сюй-пху-тхи, — я лишь сижу в созерцании.

— Добродетель сразу видна! Уважаемый хоть и не говорит о буддизме, но все же неслышно проповедует его; а мы, хоть и не слушаем явно, но все же слышим.

ЛО-ХАНИ (АРХАТЫ)

В Большой колеснице это звание является третьим по степени после будд (по-китайски *фо*) и бодхисаттв (по-китайски *лху-са*). «Архат» на санскрите означает «уничтожитель врагов». А поскольку в китайском нет звука «р», его заменили на «л», и получилось неузнаваемое имя «а-ло-хань», ведь и слога «хат» тоже нет. Постепенно для упрощения звук «а» стали пропускать, и вышло еще менее похожее на «архат» слово «*ло-хань*» (罗汉). Некоторые источники утверждают, что между *ло-ханями* и *а-ло-ханями* есть небольшая разница. Но это не столь важно.

Отличие *ло-ханей* от бодхисаттв в том, что последние пребывают на небе и носят специальные прически, а *ло-хани* живут на земле и бреют головы. Иерархически они стоят ниже бодхисаттв, но выше монахов. Буддийские монахи проходят три степени посвящения:

- послушничество;
- получение монашеской рясы и чаши, а также принесение обета послушания законам Пратимококши;
- принятие 58 заповедей бодхисаттвы.

Согласно буддийским канонам, монахи, прожив отшельниками и обретя праведность, могут стать *ло-ханями*, т. е. людьми, которые в течение своей планетарной эволюции освободились от всякой привязанности к земному существованию и от долгов кармы. Тот, кто стал *ло-ханем*, никогда не будет страдать, как обычный человек, постоянно перерождаясь и умирая. Они могут жить и быть принятыми и на небе, и на земле. Закончив свою эволюцию на этой планете, *ло-хани* получили сверхъестественные способности.

Ло-хани не обладают в значительной степени силой закона, они лишь выполняют указания Будды. Их задача на земле — распространять буддизм, быть хранителями учения. Сподвижники Будды, они получили его наказ не уходить в нирвану, а постоянно жить среди людей, приносить им счастье и помогать в духовном прогрессе. Поэтому в храмах, где в центре восседает Будда, они располагаются вдоль правой и левой стен, по восемь или девять — у каждой.

Придя с буддизмом в Китай, эти посланники Будды оказали большое влияние на общество. Не только художники и скульпторы избрали их своей темой,

ло-хани вдохновили и драматургов. На основе классического романа «Путешествие на Запад» созданы спектакли «Восемнадцать ло-ханей сражаются с Сунь У-кхуном» и «Восемнадцать ло-ханей сражаются с могучим орлом», которые пользуются большой популярностью у зрителей.

Как и у даоских Восьми бессмертных, у каждого из ло-ханей есть свои атрибуты, неповторимые нюансы внешности, благодаря которым их можно отличить. В каких позах и с какими символами следует изображать этих святых — определилось в эпоху Тхан, когда их впервые нарисовали художники, основываясь на записях и описаниях буддистов.

Впрочем, в самом начале мастера, возможно, и отталкивались от классических описаний, однако с течением времени «китайские» архаты все разительнее отличаются от канонических, — они стали более яркими и даже сказочными.

У классических и фигуры практически неотличимы, почти у всех руки и ноги полностью закрыты монашеским одеянием *бхикшу*, и атрибуты либо вообще отсутствуют, либо повторяются, например, у многих — это хвост яка. А у китайских архатов и фигуры разные, и выражения лиц неповторимы, и признаки внешности неожиданны, как и символические предметы, а то и животные, так что спутать одного с остальными просто невозможно.

О ло-ханях существует множество легенд, а их самих принято объединять в определенные группы. Есть понятия «16 ло-ханей», «18 ло-ханей», «108 ло-ханей», «500 ло-ханей», а также «1250 ло-ханей». Кстати, 16 ло-ханей являются святыми индийского происхождения, но китайцы сравнительно недавно, в эпоху Сун, добавили к этой группе еще двух, поскольку очень любят цифру «восемь» (смотри книгу «Жизнь среди символов»).

Однако эти два добавленные ло-ханя в разных храмах — разные персонажи. Иногда это Да-мо и Монах с мешком, который напоминает *Ми-лэ*, иногда это Ло-хань верхом на олене и ло-хань Цзи-гун, которого еще называют Спустившимся драконом.

А если говорить об основных 16-ти архатах, то, сопоставив их с представителями классического списка, мы не обнаружим там китайского **Субхинду**. А ло-хань **Рахула** (атрибут — шляпа, похожая на зонт), которого китайцы называют единственным сыном Будды, в классическом списке архатов вовсе не упоминается, как его сын, но атрибутом его является подаренная корона (держит в руках). Короны (тиары) ему дарили божества, детей которых Рахула наставлял.

В настоящее время в храмах Китая принято устанавливать глиняные статуи 18 или 500 ло-ханей. Изображая этих учеников Будды, художники

стараятся в каждый образ вложить не только определенные черты, но и философский смысл, поэтому рассматривать их очень интересно и поучительно.

Некоторые из них вызывают такую симпатию, что в избытке чувств хочется погладить их по спине, а иные навевают невольный страх и желание задуматься над вечными вопросами о смысле человеческого существования. Причем, привыкнуть к ним настолько, чтобы не замечать, просто невозможно, даже если они постоянно маячат перед глазами на полках, — мы имеем в виду нашу коллекцию.

Интересное наблюдение: у народности *яо*, на юге Китая, словом «ло-хань» принято называть любого молодого человека.

18 ло-ханей

Предлагаем перечень имен, прозвищ, а также краткое описание 18 *ло-ханей*. Хотим оговориться для тех, кто знаком с буддизмом и архатами, что в китайском буддизме мы не обнаружили четкости относительно имен, атрибутов и поз; кроме того, имена настолько искажены, что не для каждого мы смогли найти аналог первоначального имени на санскрите.

Кроме громоздкого перевода имен китайцы дали *ло-ханям* прозвища, поскольку им трудно произносить длинные имена чужого языка. Для нашего уха имена на санскрите звучат очень мелодично; однако в китайском языке нет букв, и, чтобы перевести иностранное имя, они подбирают слоги. Порой вместо четырех слогов в подлиннике получается шесть слогов в китайском варианте, и такие имена действительно произнести нелегко.

1. Пиндола Бхарадваджа; китайское имя — Бинь-тхоу-лу Ба-ло-до-шэ. Это один из великих учеников Будды; в прошлом он был жестоким человеком и плохим сыном, за что и страдал долгое время в аду, где в качестве пищи ему давали только камни. Поэтому изображают его крайне изможденным и худым. На одном колене он держит раскрытую книгу, а сбоку от него лежат медицинские принадлежности. Прозвище его — Фу-ху ло-хань, Укротитель тигра (伏虎罗汉). Рассказывают, что жил он вне стен монастыря, — в горах, в лесу. Он часто слышал устрашающий рык тигра и решил, что тот голоден. Пиндола разделил свою постную еду на две части и поделился с животным. Прошло немало времени, и ло-хань

своей добротой и щедростью приручил тигра, часто играл с ним, как с большой кошкой.

2. **Канакаватса**; китайское имя Цзя-но-цзя Фа-цхо; прозвище Си-цин ло-хань, или Хуань-си ло-хань, т. е. «Радость и праздник» (欢喜罗汉). Он был известным в Индии полемиком, красноречивым оратором, и о нем говорили, что он знает все о добре и зле, помнит все, сказанное когда-то Буддой своим ученикам. Поэтому люди нередко обращались к нему с вопросами. «Что такое радость и что такое праздник, в чем разница?» — спрашивали его. И он отвечал: «Радость — это то, что мы ощущаем органами чувств, через слух, зрение, обоняние, вкус и осязание; а праздник — это радость, которую мы получаем вне органов чувств. Например, если мы с чистым сердцем относимся к Будде, то он находится у нас в сердце, и мы тоже испытываем радость».

3. **Канака Бхарадваджа**; китайское имя Цзя-но-цзя Ба-ли-до-шэ. Подаяние он просил, протягивая металлическую чашу, поэтому за ним закрепилось прозвище Цзюй-бо ло-хань, Ло-хань с чашей (举钵罗汉).

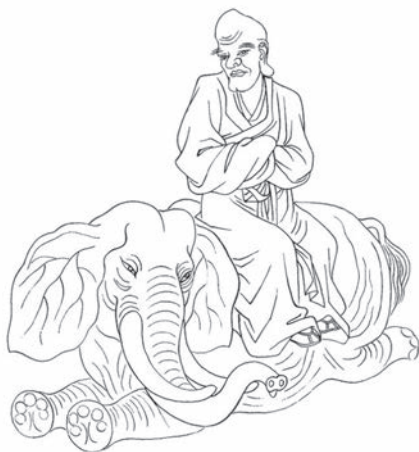
4. **Субхинда**; китайское имя — Су-пхинь-тхо, т. е. Держащий пагоду (托塔罗汉). Это последний ученик Будды, и когда учитель покинул землю, Субхинда очень тосковал по нему. Он сделал маленькую пагоду в виде буддийской ступы и все время носил ее с собой, потому что она символизировала прах Будды после кремации.

5. **Бакула**; китайское имя Но-цзюй-ло; прозвище — Цзин-цзо *ло-хань*, Неподвижно сидящий (静坐罗汉). До монашества он был храбрым и яростным воином; естественно, убил многих противников. За это Будда заставил ученика подолгу сидеть в неподвижной позе, чтобы избавиться от боевого духа и свирепости характера. Но даже сидящий, он производил впечатление крепкого, решительного воина.

6. **Бхадра (Шрибхадра)**; китайское имя Ба-тхо-ло, Добродетельный. Это один из прислужников Будды, и ведал он, в основном, стиркой и помывкой. Поэтому нередко в помывочных комнатах монахов имеется его изображение в виде статуи. Прозвище — Го-цзян *ло-хань*, Переплывающий реку (过江罗汉). Говорят, когда-то он поплыл на лодке к островам у восточных берегов Индии, чтобы распространять там учение Будды. Лодка плыла так легко, едва касаясь воды, что Бхадру сравнивали со стрекозой, скользящей по глади водоема в поисках съестного. А изображают его, сидящим на удлинённом листочке, напоминающем по форме лодочку. Говорят, мать родила его прямо под деревом, которое в Индии называется добродетельным, оттого сын и получил свое имя.

7. **Калика**; китайское имя Цзя-ли-цзя; прозвище Ци-сян *ло-хань*, Ло-хань на слоне (骑象罗汉). Калика был дрессировщиком слонов. Слоны чрезвычайно сильны и много трудятся для человека, выполняя разнообразные работы. Поэтому они являются одним из символов буддизма.

8. Ваджрипутра; китайское имя Фа-шэ-ло-фу-до-ло; прозвище Сяо-ши *ло-хань*, *Ло-хань* с улыбающимся львом (笑狮罗汉). Когда-то он был охотником, а когда стал монахом, соблюдал запрет на убийство. Обрадованные тем, что меткий охотник выбросил свое оружие, два маленьких львенка радостно подбежали к нему. После этого Ваджрипутра часто держал при себе львенка, с ним его и принято изображать.

9. Гопака; китайское имя Шу-бо цзя; прозвище Кхай-синь *ло-хань*, *Ло-хань* с открытой грудью (开心罗汉). Он был старшим сыном правителя одного из царств, и его младший брат восстанавливал всех против наследника, т. к. ему самому очень хотелось со временем занять престол. Он не верил в бескорыстность Гопаки, и тогда последний однажды сказал: «У меня в сердце лишь одни думы — о Будде. Я никогда не хотел стать правителем». С этими словами он распахнул халат, и брат увидел, как одновременно открылась и его грудная клетка, в которой в позе лотоса сидел маленький Будда.

10. Пантхака, или Пантха Старший, т. е. Рожденный в дороге; китайское имя — Бань-тхо-цзя; прозвище — Тхань-шоу *ло-хань*, Потягивающийся (探手罗汉). Он был незаконнорожденным, как и его брат-близнец Кшудрапантхака, шестнадцатый *ло-хань*. Их мать, девушка из богатой семьи, вступила в тайную, незаконную связь со слугой. Забеременев, она сбежала с возлюбленным на его родину. Но когда подошло время родов, женщина захотела вернуться домой. В пути начались роды, и на свет появилось два сына. Причем, старший впоследствии оказался мудрым, а младший слабоумным. Когда подросли, оба покинули дом и стали монахами. Старший, Пантхака, подолгу сидел, читая буддийские книги, сложив ноги в характерной позе. У него была привычка время от времени потягиваться, громко вдыхая воздух, чтобы распрямить затекшую поясницу. Отсюда и появилось прозвище.

11. Рахула; китайское имя Ло-ху-ло. Рахула переводится «заслоняющий луну», потому что при его рождении произошло лунное затмение. Это единственный сын Будды, рожденный еще в миру от принцессы Ясодхары. Воспитанием Рахулы занимались мать и дедушка, король Шуддходана, а когда ребенку исполнилось 7 лет, он вступил в общину отца и был посвящен в монахи. Рахула является одним из десяти Великих учеников Будды. Его прозвали Чхэнь-сы *ло-хань*, Впавший в глубокую задумчивость (沉思罗汉).

Когда Рахула находился в особом, отрешенном состоянии, ему открывалось такое, чего никто другой из людей не знал. Его часто изображают в большой соломенной шляпе, похожей на зонт.

12. Нагасена; китайское имя На-цзя-си-на; прозвище Ва-эр *ло-хань*, Ковыряющий в ухе (挖耳罗汉). Это теоретик буддизма. Особенно известна его работа «Корни ушей». Под так называемыми «корнями ушей» он подразумевал пять корней органов чувств (глаза, уши, нос, язык, тело) и их свойства (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание). Через эти пять корней человек познает мир. Согласно буддизму, они, в свою очередь, являются причиной жизни и смерти. Если хочешь добиться просветления, надо очистить от грязи эти пять корней, стать аскетом. Только тогда достигнешь границ земли обетованной, где все пять корней чисты. Именно Нагасена был великим специалистом по теории «Очищения корней ушей». Поэтому на картинках и в виде статуэток его изображают забавно ковыряющимся в ухе. Видимо, это натолкнуло художников на мысль о прочищении и других органов, так что широко распространены и статуэтки *ло-ханей*, ковыряющихся в носу, что у непосвященных вызывает недоумение.

13. Ангаджа, или Ангираджа; китайское имя Инь-цзе-тхо; прозвище Бу-дай *ло-хань*, *Ло-хань* с мешком (布袋罗汉). Когда-то он ловил змей. Стоило Ангадже увидеть змею, как он тут же хватал ее и прятал в мешок, чтобы она никого не укусила. Он удалял ядовитые зубы, а потом отпускал пресмыкающееся на волю. Обычно изображают Ангаджу с мешком за спиной. Не надо путать его с Бу-дай *хэ-шан*, т. е. Монахом с мешком, который находится в небесном дворце.

14. Ванаваси; китайское имя Фа-на-пхо-сы; прозвище Ба-цзяо *ло-хань*, Банановый (芭蕉罗汉). Его имя переводится «дождь». Говорят, когда он родился, с неба лил проливной дождь, и капли громко шуршали по листьям банана в заднем саду, создавая красивую музыку. Уйдя в монахи, Ванаваси часто медитировал, сидя под банановым деревом, за что и получил свое прозвище.

15. Аджита; китайское имя А-ши-до; прозвище Чхан-мэй *ло-хань*, Длиннобровый (长眉罗汉). У него самая странная внешность: с рождения отросли длинные седые брови. Они свисали до колен, как косы. Его принято изображать сидящим, обхватившим колени.

16. Кшудрапантхака; китайское имя Чжу-тху-бань-тхо; прозвище Кхань-мэнь *ло-хань*, Дежурящий у ворот (看门罗汉). Как уже говорилось выше, это брат десятого *ло-ханя*, Пантхаки. Став монахом, он, как и остальные, собирал пожертвования, но только особым способом. Он громко колотил в ворота кулаком, чтобы люди подали милостыню. Позже Будда специально подарил ему оловянный посох, и Кшудрапантхака сотрясал им ворота мирян. Естественно, ему быстро отворяли, и он получал пожертвования. Вначале он слыл глуповатым, и многие тайком посмеивались над ним. Однако он так старательно помогал Будде, что его интеллектуальные способности постепенно превосходили таковые у других учеников. В конце концов, Кшудрапантхака даже научился принимать любые формы и летать по воздуху.

Напомним, что следующие два *ло-ханя* не являются учениками Будды и добавлены к известной группе *ло-ханей* уже на китайской земле ради благозвучности числа.

17. Упасака Дхарматала, по-китайски — Цин-ёу, или Нань-тхи-ми-до-ло; прозвище Цзян-лун *ло-хань*, Спустившийся к Дракону (降龙罗汉). Он написал труд, посвященный 16 индийским архатам, в котором подробно описал каждого. На китайский этот труд перевели во времена правления императоров династии Тхан. После перевода *ло-хани* стали чрезвычайно популярными в стране, и по описаниям из этой книги впоследствии были созданы первые иконографии и статуи *ло-ханей*. Рассказывают, что в древности в Индии существовал некий злой демон. Он подстрекал жителей одного из царств всячески вредить монахам: убивать их и безобразничать в монастырях. Больше того, демон

梁启超神话人物白話系列

собрал по всей Индии священные буддийские книги и сосредоточил их в этом царстве. Прознав о его безобразиях, Царь драконов затопил это царство морскими волнами, а книги унес в свой дворец на дне океана, т. е. одно зло заменил другим. Цин-ёу, семнадцатый *ло-хань*, совершил подвиг, спустившись к Дракону, — он отобрал и вернул книги людям.

18. Пиндора; китайское имя Бинь-тхоу-лу; прозвище Чхэн-лу *ло-хань*, или Цзо-лу *ло-хань*, Оседлавший оленя (坐鹿罗汉). В легендах говорится, что однажды он въехал верхом на олене во дворец правителя одного из царств и стал уговаривать самого царя стать отшельником. Он был так красноречив, что правитель, очаровавшись буддийским учением, посадил вместо себя на трон сына, а сам последовал за Пиндорой. С тех пор *ло-ханя* принято изображать рядом с оленем.

Как уже упоминалось, в классическом буддизме существовало 16 архатов. Китайцы же с особой симпатией относятся к цифре «8», символизирующей «богатство», возможность разбогатеть, и только по этой причине к известному списку добавили еще двух учеников Будды, дав им не только китайские, но и имена на санскрите: Упасака Дхарматала и Пиндора.

Забавно, что позже и последователи классического буддизма решили не отставать, и тоже добавили двух архатов, заместителей Будды на земле, утверждая, что последние два архата — китайского происхождения. Одного они называли китайским словом **Хэшан** («монах», «буддийский монах»), а второго — на санскрите: **Упасака Дхарматала**.

Под именем Хэшан они подразумевают первого из китайских императоров, которому удалось достичь состояния архата, и изображают его в виде сидящего толстого человека, по которому ползают детишки. Однако среди китайских архатов такого нет.

Никакие описания не смогут передать прелести фарфоровых произведений художников. Самые яркие из них выполнены с чувством юмора и симпатией мастерами из знаменитого города фарфора Цзин-дэ-чжэнь: выразительные лица, характерные позы... Персонажи притягивают взгляд и рожают желание познакомиться подробнее с их жизнью и философией.

Как уже подчеркивалось, многие мастера не вполне соблюдают правила изображения поз и атрибутов *ло-ханей*, а без этого трудно определить, кто перед

тобой. Чтобы изобразить персонаж правильно, надо читать специфическую литературу, а на это не каждый способен. Во время написания данной главы нам удалось пополнить коллекцию чудесной фигуркой еще одного героя, которого представили нам как «ло-хань с длинными волосами».

Такое прозвище несколько озадачило: во-первых, в известном перечне *ло-ханей* такого нет, во-вторых, все *ло-хани* лысые, как и буддийские монахи. Но, с другой стороны, новичок, поселившийся на полке, несомненно, является именно *ло-ханем*. Видимо, автор слышал о существовании Длиннобрового архата, и решил, что длинные волосы ему тоже не мешают. А потому брови у его детища хоть и не до колен, но все же длинноваты, зато акцент сделан на развевающиеся черные волосы и на правую руку (левая скрыта под одеждой).

Несмотря на необычайно выразительное лицо, все, в первую очередь, обращают внимание на руку с каким-то останавливающим, предостерегающим жестом. Она прямо-таки завораживает: с одной стороны, — крупная, грубая, мужская, а с другой стороны, — мясистая, мягкая, рыхлая, не знавшая физической работы.

18 архатов

Пятьсот ло-ханей

Что касается 500 архатов, или *ло-ханей*, то их искусственно созданное сообщество возникло благодаря симпатии людей к ученикам Будды, известным как «18 *ло-ханей*». В настоящее время в Китае есть четыре храма, где выставлены 500 *ло-ханей*:

- храм Лазоревых облаков в Пекине;
- храм Драгоценного света в Чхэнду;
- храм Западного сада в Сучжоу;
- храм Возвращение к истокам в Ханьян.

В любом из этих мест зрелище великолепно и неповторимо. Не зря существует поговорка, в которой подчеркивается местоположение этих чудесных храмов: «Вверху — Драгоценный свет, внизу — Западный сад, на севере — Лазурные облака, а в центре — Возвращение к истокам» (намек на географическое положение городов).

В древней Индии понятие «множество» выражали с помощью таких чисел, как 500 и 84000. В Китае, в древности, цифрами с подобным значением являлись 3 или 9. «500 *бхикшу*» (буддийские монахи, принявшие полный обет), «500 послушников», «500 архатов», — в буддийских канонических книгах встречается немало подобных выражений, но они вовсе не подразумевают определенное, конкретное число людей.

Однако вслед за 16 архатами (позже — 18), которым поклонялись китайцы, в период Пяти династий появились картины и статуи 500 *ло-ханей* (архатов), которых стали почитать жители Поднебесной. А вскоре возникло и множество храмов с отдельным залом, посвященным этим «уничтожителям врагов».

Впоследствии люди даже придумали конкретные имена и биографии для каждого из пятисот, «притянув за уши» многие факты и события, не имея для этого никаких оснований. Если говорить о глиняных статуях этих архатов, установленных в храмах в относительно поздние времена, то ремесленники, которые их изготавливали, опирались на собственные фантазии и описания, почерпнутые из легенд. Причем, порой доходит даже до нелепостей, когда буддийским послушникам, покинувшим отчий дом, приписывают поступки, не соответствующие религиозным заповедям.

Поскольку существует множество легенд, описывающих добродетели 16 архатов, пользующихся глубоким почитанием со стороны верующих, в

народе возникло немало преданий, посвященных и 500 защитникам буддизма. Впервые подробное описание 500 ло-ханей встречается в Трипитаке (три раздела буддийских канонических книг).

Есть поговорка: «Став императором, мечтает стать святым». Популярность *ло-ханей* столь велика, что даже некоторые из императоров становились ими; так что среди 500 архатов есть и два императора: 295-й — император, правивший под девизом Кхан-си, а 360-й — император, правивший под девизом Цень-лун; оба принадлежат к последней династии Цин.

Люди тщеславны! Правившая страной в течение многих лет (с 1861 по 1908 гг.) старая Цсы-си, которую принято называть императрицей, и которая на самом деле ею не являлась, поскольку была лишь регентшей то при сыне, то при племяннике, несмотря на все свои усилия выглядеть моложе, требовала от окружающих, чтобы к ней обращались не иначе, как «Старый будда», «Уважаемый бодхисаттва»!

СВЯТЫЕ МОНАХИ

«Если один сын уйдет в монахи, семь поколений предков вознесутся на небо».

Итак, напомним: учеников, помощников и последователей Будды, в зависимости от занимаемого ими положения, можно расположить в следующей иерархии: будды, бодхисаттвы, *ло-хани*, святые монахи и святые покровители буддизма.

Если говорить о святых монахах, то самыми популярными в Китае являются **Цзи-гун**, **Да-мо**, а также сводные братья, которых принято называть небесными двойниками **Хэ-Хэ**. Нет ни одного человека в Поднебесной, который бы не слышал об этих героях. Естественно, они интересны и иностранцам, подолгу проживающим в Китае, и специалистам-востоковедам.

Не случайно эта страна привлекает своей яркой культурой, самобытной историей, персонажи которой, без преувеличения, повсюду окружают вас в Китае, в том или ином виде.

Известных буддийских монахов в Срединной империи не счесть, причем, многие из них принесли немалую пользу стране в самых различных областях. Среди них были литераторы, поэты, врачи, астрономы, историки, специалисты в естественных и технических науках, занимавшиеся благотворительностью, и добрая слава о них останется в веках. Только перечисление их имен заняло бы немало страниц, и очень жаль, что объем книги не позволяет рассказать об этих интереснейших людях.

Например, **Цзень Чжэнь** (鉴真), живший на юге Китая в 688—763 гг. в эпоху Тхан, известен, как врачеватель-травник. Его семья прозябала в бедности, и по настоянию отца мальчик в 14 лет принял постриг. Обучившись у нескольких известных буддийских наставников, он сам стал настоятелем монастыря Да-мин в г. Ян-чжоу.

Вместе со своими учениками он неоднократно пересекал море, посещая Японию, и в общей сложности провел там 10 лет, распространяя буддийское учение. Уже потеряв зрение, он в шестой раз отправился в Японию вместе с 40 учениками, передавая жителям страны Восходящего солнца все свои знания и умения в области медицины: как правильно определять и собирать

лечебные травы, как составлять рецептуру и изготавливать лекарства, как их хранить и прочие секреты своего мастерства. Он лечил монахов, мирян и даже самого императора.

Ослепнув на оба глаза, Цзень Чжэнь пользовался обонянием, тактильными и вкусовыми ощущениями, и никогда не ошибался в своем искусстве врачевания и фармацевтики. В Японии его почитали. Он пользовался настолько высоким авторитетом, что был признан не только основателем традиционной медицины в этой стране, но и обожествлен, как покровитель медицины.

В *паринирвану* он погрузился тоже в Японии, где был похоронен в храме Будды-исцелителя под высокой пагодой прямоугольной формы. На могиле написали лишь пять иероглифов, которые можно перевести как: «Великий монах Цзень Чжэнь».

Великий монах-астроном **И Хан** тоже жил в эпоху Тхан, родившись в 683 году. Его семья также страдала от безысходной бедности. Человеком он был невероятно одаренным, с удивительной памятью. Отправившись в столицу Чхан-ань, И Хан просидел лишь несколько дней и ночей, углубившись в исследования, и в результате написал два трактата, «*Да-ень сюань-тху*» (大衍玄图) и «*И-цзюэ*» (义诀), а также пояснения к труднопонимаемому древнему произведению «*Тхай-сюань цзин*» (太玄经), удостоившись похвалы знаменитого библиофила Инь Чхуна и обретя славу известного столичного ученого.

Но была у известности и обратная сторона: в него влюбился У Сань-сы, племянник императрицы У Цзэ-тхень, и 25-летний И Хан, чтобы избежать домогательств, вынужденно постригся в монахи, спрятавшись в монастыре Сун-ян. Он стал носить особую накидку *кашья* (袈裟), состоящую из разноцветных лоскутов, что говорит о его принадлежности к северной разновидности буддизма. Первоначально подобные накидки шились из отдельных лоскутов: из пожелтевших на солнце обрывков ткани, из выброшенных лохмотьев, т. е. из тряпья, которое, подобно мусору, использовалось в буддийской культуре как символ отказа от мирского.

И Хан точно высчитал часовые пояса во всех уголках Китая, сделал точную расчетную формулу для измерения меридианных дуг, найдя ошибку в один *цхунь* в работах древних математиков и астрономов.

После долгих монашеских странствий И Хан в одиночку прошагал три тысячи *ли*, чтобы добраться до монастыря Го-цин в горах Тхень-тхай, что на

юге, в провинции Чжэцзян. Его целью была учеба у жившего там скрытно, под вымышленным именем, ученого-математика, теоретика и практика. Далее И Хан отправился к мастеру У Чжэню, чтобы изучать с его помощью буддийскую дисциплину *vinaya* (закон), а также глубоко исследовать различные астрономические вопросы.

Император Сюань-цзун пригласил И Хана в столицу для составления нового календаря, потому что в старом обнаружилось немало погрешностей, и возникла острая необходимость в серьезной, широкомасштабной реформе.

Написав немало трудов и сделав удивительные открытия, И Хан безвременно скончался от переутомления и болезней в возрасте 45 лет. Император приказал выгравировать на его могильной стеле: «Забывая об усталости, в трудах довел себя до кровохарканья».

Монах-поэт **Гуань Сю** (832—912) обладал феноменальной памятью, запоминая с первого взгляда прочитанное. Ежедневно читал наизусть «Лотосовую сутру» (*Saddharma-pundarika-sutra*), состоящую из тысячи иероглифов. Он великолепно декламировал стихи. Нередко, еще до пострижения в монахи, Гуань Сю полемизировал о теории стихосложения с носителями учения Будды через бамбуковую загородку вокруг монастыря, либо читал нараспев стихи о поиске настоящего друга на всю жизнь. Мог и декламировать известные произведения в унисон вместе с монахами, спрятавшимися за забором, и все, кому доводилось это слышать, бывали чрезвычайно изумлены.

Приняв постриг в семилетнем возрасте, Гуань Сю стал известным на всю страну поэтом, а также талантливым каллиграфом и художником. Отличался благородством, патриотизмом и стойкостью в любых жизненных обстоятельствах. Вот одно из его стихотворений.

На южном берегу Янцзы
Повсюду бедствия, разруха.
А вести о несчастьях в Шу¹
И моего достигли слуха.
Но там не слышно о войне,
И это знать отраднo мне.

¹ Шу — старое название территории нынешней провинции Сычуань, родины поэта.

Что есть у бедного монаха?
Лишь фляга для воды да *патра*¹
Состарятся они в пути,
И что нас ждет в далеком «завтра»?

Бреду, прошу о подаянии...
Так хочется увидеть рай,
А вижу всюду лишь страдания,
Стихией разоренный край.
Повсюду битвы и сраженья,
А в Шу дворцы красотой пленяют,
Там тишь, что дарит вдохновенье,
И лепестки сады роняют.

Как жаль, что нет во мне таланта,
Чтоб описать дворцовый сад,
Но на коне, под ритм копыт,
Туда слетать я был бы рад.
Преодолею бы реки, горы,
Чтоб видеть родины просторы.

Но я отшельником живу,
В местах глухих, где запустенье,
Стыдась души несовершенства,
И жду от Неба вразумленья.
Позор стране, где нет героев,
Где нет талантливых мужей,
Где запустенье и болото
Правительственных грабежей.

¹ Патра — чаша для еды и милостыни у буддийского монаха.

Иду нетвердыми ногами,
Нужда есть в помощи моей?
Я буду вынужден взобраться
На башню, что зовут Го-вэй¹.

Меткий афоризм одной из фраз этого стихотворения так понравился современникам, картинка оказалась настолько актуальной, а парное речение (с противопоставлением по смыслу) настолько изящным, что и самого Гуань Сю стали нередко называть словами из этой фразы: монах *Дэ-дэ лай*, т. е. «Скачущий на коне».

Монах-поэт был высокообразованным и талантливым человеком, из-под его смелой кисти выходили непревзойденные произведения, и о нем говорили, что равных ему в Китае нет.

Как художник, он изображал, чаще всего, фигуры архатов (*ло-ханей*), и эти работы производили ошеломляющее впечатление на современников.

Еще один удивительный монах, гениальный инженер, жил в эпоху Северная Сун, и звали его **Хуай Бин**. От природы он был настолько одаренным и сообразительным, что мог решать самые сложные проблемы, связанные с инженерными работами, которые другим казались не под силу.

Например, когда другой монах высокого ранга по имени Цхун Шэнь (从谏), который прожил 120 лет (778—897), строил каменный мост на реке Сяо, Хуай Бин предложил мастеру залить в камень жидкий чугун для укрепления мостовых балок.

Второе имя Цхун Шэня — Чжао Чжоу (赵州), и оно присвоено мосту. Сооружение имело большой центральный арочный пролет и несколько маленьких — справа и слева от большой арки. На тот период его признали самым крупным арочным каменным мостом в мире: его длина составляла 37 метров.

Но нашлись подлецы, которые ради мелкой выгоды украли металл, залитый в камни, и огромный мост накренился. Более тысячи искусных мастеров пытались выпрямить и укрепить сооружение, но все — бесполезно.

¹ Башня Го-вэй (Го-вэй тхай) — символическое обозначение места, где собираются талантливые люди. Царь Чжао царства Ень, чтобы упрочить свое государство в период Борющихся царств, построил башню, которую назвал Го-вэй тхай (郭隗台), и призвал самых достойных людей к себе на службу. Благородные, мудрые и талантливые люди со всех сторон Поднебесной устремились в царство Ень и, благодаря им, Чжао царствовал в течение 33 лет, а его страна благоденствовала.

Тогда Хуай Бин посоветовал залить металл в нижние камни опоры, чтобы повисить сопротивляемость и выпрямить мост. Местные крестьяне начали с радостью помогать, поставляя большие камни. Под руководством монаха мост был укреплен.

Был еще один случай, когда понтонный мост в нынешней провинции Шань-си снесло наводнением, при этом сооружение увлекло за собой и восемь металлических буйволов, которые одновременно служили и для укрепления моста, и в качестве ритуальных фигур для предотвращения наводнений.

Буйволы весили 10 тысяч *цзиней*, и крестьяне хотели вернуть их на место. Нашлось много советчиков, разрабатывались различные планы, но вытащить буйволов на берег не получалось, пока сообразительный монах не посоветовал использовать тот факт, что любые предметы в воде становятся намного легче, чем на земле. Он научил крестьян, как следует вернуть буйволов на прежнее место, не вылавливая их из реки.

За это император пожаловал Хуай Бину дворцовый пурпурный халат, который имели право носить лишь чиновники выше третьего разряда, и об этом есть записи в официальных документах того времени.

Главным благотворителем среди монахов можно назвать **Да Фэна** (大峰), который жил в период Северной Сун, и который, в основном, занимался строительством и ремонтом мостов для простых крестьян, пытаясь улучшить их жизнь. Он также чинил дороги, раздавал лекарства, делал гробы для умерших неимущих (надо знать, какое значение имеют для китайцев достойные похороны), оплачивал похороны, помогал во время стихийных бедствий, помогал людям в любой беде.

В 1116 году этот буддийский наставник пешком пришел из провинции Фуцзень в район Чхао-ян, что в провинции Гуандун, чтобы возвести мост, который называли *Хэ-пхин* («мир», «гармония»). Испытывая лишения и преодолевая трудности, он работал в течение 12 лет, до начала периода Южной Сун. Когда мост был завершен, в честь этого события благодарные местные крестьяне возвели рядом с мостом кумирню, посвященную Да Фэну, и, пытаясь отплатить за добро, по сей день приносят ему жертвоприношения.

Имя благотворителя Да Фэна известно даже за пределами Китая. Например, в столице Тайланда Бангкоке воздвигнут храм, посвященный этому монаху, а

также существует благотворительный фонд имени Да Фэна для помощи бедным людям. В 90-х годах прошлого века за счет средств этого фонда в Бангкоке возвели университет для китайцев, живущих в Тайланде, и учебное заведение носит имя Да Фэна, возведенного в ранг святого.

Не менее известными являются монахи **Дао Сюань** (道宣), у которого насчитывалось более тысячи учеников и который перевел с санскрита огромное количество буддийских сутр, **Хуй Нэн** (慧能), шестой патриарх чхань-буддизма, благодаря которому секта чхань (дхьяна) достигла своего расцвета, даоский монах **Сыма Чхэн Чжэнь** (司馬承禎), который владел секретом изготовления эликсира бессмертия и дружил с десятью великими поэтами, такими как Ли Бай и Чхэнь Цзы-ан.

Примечательно, что Сыма Чхэн Чжэнь прожил более 100 лет и, похоже, мог бы прожить гораздо дольше, потому что походка у него была легкой, как у 30-летнего юноши, а лицо — свежим и румяным, как у ребенка, однако ему пришло «приглашение» с острова Пхэн-лай (остров бессмертных в Бохайском заливе), и он предупредил своих учеников, которых насчитывалось более семидесяти, что ему пора покинуть людей. Вскоре его дыхание прекратилось, а тело сжалось до размера личинки цикады, и ученикам оставалось похоронить лишь его одежду.

Могла бы назвать еще минимум 30 имен монахов, прославившихся великими деяниями на благо народа. И в первых рядах, видимо, должны бы стоять паломники и подвижники **Фа Сень** (法显), годы жизни которого 338—424, и который в 3 года стал послушником, а в 20 лет — буддийским монахом, и **Сюань Цзан** (玄奘), живший в 602—664 гг., философ, ученый и переводчик, о котором уже упоминалось выше.

Преодолевая огромные расстояния и проходя через многие земли (Непал, Афганистан, Пакистан, Цейлон, Ява, Шри-Ланка...), они устремлялись в Индию, изучая санскрит, переписывая сутры, делая записи о культуре, традициях и обычаях индусов, а также знакомясь с легендами и преданиями о великом Будде. Именно они в полной мере принесли буддизм в Китай.

Несмотря на все подвижничество и великие дела, имена большинства монахов незаслуженно ушли в прошлое, их помнят лишь специалисты и особо любознательные. Но есть несколько персонажей, имена которых и истории о них знают все взрослые и дети в Поднебесной. Их принято изображать в малой пластике, на лубках и картинах, вырезать из дерева и изготавливать

из металла. Их упоминают в литературе и устной речи, повторяя изречения этих героев или используя для образного сравнения.

О них мы расскажем ниже, и читатель получит возможность убедиться, как много можно узнать о культуре и истории страны, изучая биографии людей, запечатленных в фарфоре.

Цзи-гун — «сумасшедший монах»

*«Желудок забив до отказа,
я думаю лишь о духовном...»*

Китайцы часто сами себе противоречат, и в некоторых книгах можно прочитать, что Цзи-гун — один из 500 архатов, а не святой монах. Как бы то ни было, этот экстравагантный человек заслуживает, чтобы о нем рассказать подробнее.

В буддизме есть одна из ветвей — ламаизм, которая получила распространение в Тибете, столь притягательном для многих туристов. В Тибете — две буддийские секты: желтошапочники и красношапочники. Цзи-гуна принято изображать в желтой шапке, напоминающей огромную пилотку. Этот народный любимец очаровал нас настолько, что мы собрали более двадцати Цзи-гунов, запечатленных в фарфоре, и в течение нескольких лет выискивали сведения о нем.

Первое знакомство с Цзи-гуном произошло следующим образом. В самом начале пребывания в Китае друзья повезли нас в загородный буддийский храм невероятной красоты под названием Тхань-чжэ сы (潭柘寺). Не только я сама оказалась переполненной впечатлениями, но и заполнила свою сумку сувенирами, купленными на территории храма: южными тыквами *нань-гуа* разных размеров, поскольку эти оранжевые плоды в моих глазах являются одним из символов Китая, и вполне достойны, чтобы ими украшали жилище. А еще купила статуэтку какого-то мужчины. На мои расспросы о нем продавщица смогла назвать лишь имя, которое мне тогда ни о чем не говорило, — Цзи-гун.

К тому времени в доме у нас уже имелось немало статуэток, но поскольку я отношусь к стихии Земля, мне до сих пор трудно равнодушно пройти мимо глиняно-фарфоровых изделий. Эту же купила по двум причинам: хотела сделать пожертвование на поддержание храма-музея и соблазнилась ценой статуэтки — всего... восемь юаней. Надо пояснить, что в течение многих лет

подобные работы на «блошином» стоили в среднем шестьдесят, и лишь в последние год-два цены очень поднялись — от нескольких сот до нескольких тысяч юаней.

Смехотворно низкая цена и решила дело, потому что купленная вещь мне в тот момент не понравилась. Обычно мастер старается приукрасить своего героя в фарфоре; если это женщина — ее вылепят красивой и грациозной, а если мужчина — его изобразят мужественным и воинственным. Мой же выглядел дурак-дураком: глуповатое лицо с перекошенным ртом и неопрятной щетиной; тело — кожа да кости; одежда в заплатках, из рваных плетеных сандалий выглядывают грязные пальцы ног; даже веер из пальмовых листьев в руке — с обломанными краями.

Как говорится, позарилась на дешевое, но это была судьба, потому что, разыскивая материалы о Цзи-гуне, я просто влюбилась в него и поняла, что небрежность в его одежде — нарочитая; зато какая мощная личность кроется под этими лохмотьями, какое феерическое чувство юмора, какая глубокая философия в его рассуждениях и поступках! Супруг тогда еще не принимал участия в собирании статуэток, но мы дважды съездили в южный город Ханчжоу, чтобы посетить два храма, связанных с именем Цзи-гуна, надеясь узнать о нем побольше.

Рассказывают, что этот народный любимец слыл искренним и естественным в своих желаниях и проявлениях, а монахом он был грешным, потому что любил выпить, закусив куском мяса. Известно, что последователи буддизма питаются лишь постной пищей, а потому братья-монахи во главе с настоятелем не раз выгоняли Цзи-гуна.

Однако эта крайняя мера тут же ударяла по материальному благополучию храма: люди переставали посещать это место, как только узнавали, что в его стенах нет их любимца, к которому они привыкли обращаться с любыми просьбами и за самыми разными советами, и ради которого они несли в храм пожертвования. И настоятель, «сцепив зубы», вынужден был в очередной раз кланяться и просить Цзи-гуна вернуться.

Вот почему героя принято изображать в монашеской одежде, но с куском мяса в руке (ел он, обычно, собачатину, пропитанную чесночком, — ее легче добыть, ибо на покупку другого мяса у него никогда не хватало денег) и вином. Иногда можно увидеть Цзи-гуна с петухом или чужой невестой, которую он несет на спине. Это как бы иллюстрации к самым известным легендам о нем.

Если же в руках героя нет ничего, кроме веера, то безошибочно узнать его среди других можно по желтой шапочке-пилотке, а также по обтрепанной, залатанной одежде, по необычайной худобе. Я заметила, что симпатию Цзигун вызывает не только у меня, но и у многих, пришедших в наш дом. Нередко гости тайком или открыто проводят ладонью по его голове, приговаривая: «Какой же ты симпатяга!»

Жизнеописание этого монаха (1130—1209 гг.) впервые дано в литературном произведении «Сказание о Цзи-гуне», написанном в эпоху династии Южная Сун, и сейчас уже трудно определить, кто являлся его автором. В нем вместе с Цзи-гуном действуют еще более сотни других героев, и на страницах сказания можно познакомиться не только с интересными философскими рассуждениями, прекрасными человеческими поступками, но и со сценами жестокого насилия и откровенного секса; немало в произведении и просто небылиц, фантастических перипетий. Жизнь разнообразна, человеческие поступки неоднозначны; даже в известном герое, буддийском монахе, могут уживаться хорошие черты с отвратительными.

Упомянутое произведение пережило века, передавалось от поколения к поколению; рассказы о Цзи-гуне прошли долгий путь, превратившись из обычных народных повествований в легенды, несущие в себе моральные ценности китайского народа. Многие писатели и издатели по-своему переписывали истории из жизни народного героя, и уже трудно отличить подлинность от вымысла.

Естественно, во всех легендах, как это принято в китайском фольклоре, описывается необычность рождения Цзи-гуна. В одних утверждается, что появившийся ребенок — инкарнация архата по имени Цзян Лун (Покоритель дракона); в других — что Цзи-гун является перевоплощением архата Фу-ху (Укротитель тигра). И вот одно из первых сказаний.

Паломник молит о сыне

В период династии Южная Сун жил некий военный правитель-губернатор по имени Ли Мао-чхунь (李茂春), которого все подчиненные и даже простые люди считали самым добрым человеком на земле, ибо он с готовностью помогал каждому, кто обращался к нему с просьбой. Неудивительно, что через какое-то время его отстранили от должности под предлогом того, что он, якобы, недостаточно умело командует вверенными ему войсками. Выслушав

приказ о своей отставке на коленях и со склоненной головой, как требовал этикет, Ли Мао-чхунь вернулся в родной окружной город Тхай-чжоу, который находился на юге Китая, в провинции Чжэцзян.

Все эти годы многочисленная прислуга содержала его усадьбу в образцовом порядке, и возвращению хозяина все были искренне рады. Когда Ли сошел с паланкина у главных ворот, сбегавшиеся слуги выстроились в две шеренги по обе стороны от входа, а один из них побежал во внутренние покои, сообщая радостную весть остальной прислуге.

Ли являлся богатым землевладельцем, поэтому местные жители уважительно называли его «юань-вай». И было отчего простому народу относиться к Ли Мао-чхуню с уважением; ведь он на собственные деньги построил в родном городе несколько мостов и дорог, всегда протягивал руку помощи оказавшимся в нужде. Зимой по его приказу голытьбе раздавали теплую одежду, а летом — лекарства страждущим, ибо в жарком климате легко распространяется любая инфекция. Все соседи знали о добром сердце помещика Ли и, что греха таить, нередко злоупотребляли этим.

Между тем, Ли Мао-чхуню пошел уже пятый десяток, а детей у него все не было. Даже у хороших людей есть недоброжелатели, которые с удовольствием разносят сплетни. «Не может быть, — говорили такие, — чтобы господин Ли был без изъяна; иначе отчего бы это Небо обделило его потомством?» Известно, что отсутствие сыновей — самая большая беда для китайца: кто станет заботиться о его душе после смерти и о душах всех предков; кто вознесет молитвы им и принесет подношения?

Подобные разговоры доходили и до Ли, очень его огорчая. Он всерьез задумался над своей проблемой и, поразмыслив дня три, принял решение. Вместе с женой он отправился в монастырь Юн-нин, который располагался в горах Тхень-тхай, чтобы попросить богов о потомстве.

Настоятель монастыря Син Кхун, очень старый монах с девятью точками от специального прижигания на лбу, вместе с двумя молодыми послушниками встретил Ли у самых ворот, как будто заранее знал о его приезде: «Добро пожаловать в наш монастырь! Проходите в главный зал для молений!» И монах особым образом сложил руки в знак приветствия.

Упав на колени перед огромной статуей Будды, супруги стали молиться, держа в сомкнутых ладонях пучки зажженных благовонных палочек. «О, Будда, одари меня сыном, пожалуйста, и я отвечу на твою доброту: я отремонтирую этот храм и прикажу отлить твою статую из золота!» — просил

Ли. Супруги начали обходить все залы, все помещения храма, возжигая благовония, кланяясь и обращаясь с просьбами ко всем идолам, возвышавшимся на алтарях.

Наконец, они оказались в зале Восемнадцати архатов, восседавших по девять у западной и восточной стен помещения, каждый — в своей характерной позе. Кто-то из них держал в руке маленькую пагоду, кто-то — мешок, кто-то — четки... Супруги решили обратиться с молитвами к каждому. Когда они подошли к четвертому, оседлавшему дракона, раздался вдруг грохот, и архат свалился со своего постамента в виде цветка лотоса прямо им под ноги.

Изумленные супруги вскрикнули от испуга, а старый настоятель Син Кхун, который, оказывается, бесшумно, как тень, везде сопровождал гостей, спокойно и удовлетворенно отметил: «Хорошо, очень хорошо! Господин непременно получит сына! Это необычная примета! Видимо, архат желает вернуться в мир людей в теле вашего ребенка».

Предсказание сбылось: во вторую ночь второго лунного месяца, в третий год правления императора Гуана (1130 или 1133 г.) усадьба огласилась криками младенца, а затем Ли Мао-чхунь увидел своего первого сына. При этом комнату роженицы заполнил какой-то дивный аромат, что свидетельствовало о необычности новорожденного. «Это все благодаря Будде! — радовался отец, принимая поздравления и покачивая на ладонях свое заплаканное розовое сокровище. — Наконец-то у меня есть сын, и наш род не прервется!»

Радость новоиспеченного отца разделяли все окружающие, и лишь младенец не переставал плакать. Как закричал в момент рождения, набирая воздух в легкие, так и продолжал орать, широко раскрыв рот, и ничто не могло его утешить. Родные и няньки уже начали беспокоиться, то гремя игрушками, то ласково уговаривая. Мальчик стал мокрым от слез и пота, однако при каждой попытке отвлечь его от столь важного дела заливался еще громче.

Через двое суток прибыл настоятель монастыря Син Кхун, чтобы поздравить счастливых родителей. Услышав звонкий крик младенца, он безошибочно определил нужные ему ворота: «Это наверняка здесь!» Странное дело: едва ребенок увидел настоятеля, его лицо осветилось улыбкой, и он перестал плакать. Для родителей это явилось лучшим подарком. Няня-подросток, которая вынесла малыша на руках, вздохнула с облегчением. Благословив мальчика специальным жестом, Син Кхун произнес:

— Я знаю, откуда ты явился, дитя мое!

— Между вами явно существует какая-то невидимая связь, — удивился отец, — мой ребенок так вам обрадовался, что я попросил бы вас дать ему имя.

— Я предлагаю назвать его Ли Сю-юанем (李修緣) в честь Будды, который живет вечно в разных перевоплощениях.

Все присутствовавшие одобрили имя, и настоятель монастыря заранее объявил младенца своим будущим учеником-послушником. Здесь надо напомнить, что у китайцев, тем более у служителей храмов, всегда существовало несколько имен, и этой теме посвящена отдельная глава в моей первой, «зеленой» книге. А почему только что родившегося героя чаще принято называть Цзи-гуном? Потому что иероглиф «Цзи» означает «помогать, спасать, выручать», а «гун» — уважительное обращение к мужчине, и все имя можно приблизительно перевести как «господин, оказывающий помощь».

К семи годам сформировался характер мальчика. Сю-юань был немногословным и не любил развлекаться с другими детьми. Зато в учебе он проявлял необыкновенные способности и таланты. Жарким летом окно его кабинета всегда оставалось открытым, и с улицы доносился гомон веселых сверстников-шалунишек. Они играли в бамбуковой рощице под окном, но их веселье абсолютно не трогало мальчика, сидевшего над книгами. Он с упоением читал старинные тексты, шевеля губами, и стареющий отец, глядя на Сю-юаня, думал, теребя бородку: «Не знаю, кем он станет, но в любой области он наверняка принесет пользу обществу».

Сю-юань постепенно рос, набираясь книжной мудрости в родном доме. Когда он стал высоким и стройным, короткий детский халат-курточку заменили на длинный — до пола, вместо двух «рожек» завязали волосы в большой пучок на макушке. Пришла пора покинуть отчий дом и поступить в учебное заведение, где он действительно был признан выдающимся учеником.

Даже в свободные часы он не отдыхал, а продолжал учиться — с развевающимися полами халата, привычно заложив правую руку за спину, он прохаживался вдоль берега реки и зазубривал классические тексты, удивляя своим упорством проплывающих мимо рыбаков.

От усердия Сю-юань стал бледным и чрезвычайно худым, отчего казался еще выше ростом. Однако собственная внешность мало его заботила — он мечтал сдать экзамены на высшую чиновничью должность, и уже был близок к успеху, как вдруг до него дошла весть о смерти сразу обоих родителей; ведь они уже были в преклонных годах. Это событие круто изменило и планы, и жизнь молодого человека.

Похороны в Китае — церемония достаточно долгая; порой даже погребения приходилось ждать месяцами, а то и годами (пока геомант подберет подходящее место), да и период траура по родителям исчислялся годами. В этот печальный период Сю-юань постоянно читал буддийские книги, как это делали в их доме буддийские монахи, приглашенные для отпевания.

Постепенно Сю-юань настолько увлекся таким чтением, что начал изучать буддизм. Он находил эти классические тексты восхитительными, полными мудрости и философской глубины. Книги и свитки на соответствующую тему заполнили весь дом, и печаль юноши по усопшим родителям стала отступать. Поскольку он еще не определился в жизни, не имел должности и не мог себя содержать, его взял в свой дом дядюшка, младший брат отца.

Сю-юань по-прежнему не расставался с буддийскими книгами даже верхом на лошади (подобно нынешним студентам, читающим в транспорте), а потому принял решение покинуть уютный, гостеприимный дом и отправиться в странствия.

Прошло немало времени, и когда Сю-юань оказался недалеко от южного города Ханчжоу, деньги, доставшиеся от отца, были на исходе. Даже коня пришлось продать и дальше идти пешком, с узелком и зонтом за плечами. Главное сокровище в пути — зонт, защита от изнуряющих солнечных лучей, дождя и ветра. Если же погода была хорошей, сложенный зонт служил и тростью, и просто палочкой на плече, на которую можно повесить пожитки, а то и оружием на беспокойной дороге.

В Ханчжоу, на берегу озера Сиху, стоял знаменитый храм Лин-инь, и путник, оказавшись перед его воротами, уверенно шагнул внутрь, приняв решение стать монахом. Настоятеля монастыря звали Юань Кхуном, и это был очень старый человек. Едва взглянув на Сю-юаня, он произнес: «А-а-а, архат Сян Лун вернулся с Западных небес в новом воплощении...» Сю-юань в ответ лишь опустил глаза и молитвенно сложил ладони. Настоятель, естественно, принял Сю-юаня в качестве своего ученика-послушника и дал ему новое, монашеское имя Дао Цзи (道济), что значит Путь-переправа.

После церемонии посвящения настоятель трижды погладил обритую голову Дао Цзи; лоб того неожиданно раскололся с неприятным звуком, и из головы вылетел верхом на драконе сам Цзян Лун. Произошло ли это на самом деле, или явилось трюком старого настоятеля — трудно сказать. Дао Цзи подумал: «Так значит, я действительно явился в мир по приказу Будды, чтобы помогать простым людям, спасать их от бед...»

Итак, Дао Цзи стал монахом, но очень странным. Небу почему-то было угодно видеть Дао Цзи на земле именно в таком образе — умного, доброго человека с несвойственными служителю Будды привычками и поступками. Товарищи по служению Будде часто жаловались наставнику на него, однако тот всегда защищал Цзи-гуна, говоря: «Врата учения Будды большие, так разве не смогут они вместить и этого сумасшедшего монаха?»

Вот картинка из его новой жизни. Сидит худющий Дао Цзи в заднем дворике монастыря Лин-инь, выбрав местечко попрохладнее, и дремлет, скинув один тапочек.

— Дао Цзи! — раздается голос одного из послушников. — Ты где запропастился? Дао Цзи! — кричит он, сложив ладони рупором.

— Я здесь, чего тебе надо, брат? — нехотя откликается Цзи-гун и прикладывается к тыкве-горлянке с вином.

— Дао Цзи, ты опять пьешь! — возмущенно тычет в него пальцем юный послушник.

Дао Цзи продолжает невозмутимо глотать содержимое своей фляжки, развалившись в тени. Такое поведение возмущает юношу, и он даже подпрыгивает от негодования:

— Учитель бьет в гонг, разыскивая тебя!

— А-а-а, — лениво тянет Дао Цзи, — наверное, опять явился этот Гуан Лян и будет заставлять меня заниматься медитацией...

Послушник, выйдя из себя, буквально подталкивает Дао Цзи, заставляя его идти в нужном направлении, а тот слегка упирается и посмеивается, обмахиваясь веером: «И что за охота медитировать в такую жару в душном помещении...»

— Уроки наставника Гуан Ляна — обязательный курс для будущих монахов; не постигнешь сложную науку, так и останешься помощником на кухне или уборщиком помещений.

Когда Дао Цзи, подталкиваемый товарищем, вошел в помещение для занятий, толстый наставник со сросшимися бровями даже не открыл глаз, продолжая читать молитву и перебирать четки. Вновь прибывшие разулись и, взобравшись на скамью, присоединились к другим молящимся, сложив ладони и прикрыв глаза. Утомительное сидение в позе лотоса быстро наскучило Дао Цзи, и он, спрыгнув со скамьи, стал разминать затекшие суставы, выполняя замысловатые акробатические упражнения, даже вставал на руки — вниз головой.

Кто-то из послушников смотрел на это с осуждением, кто-то исподтишка хихикал; наставник же был вне себя от злости:

— Что это ты вытворяешь, Дао Цзи?!

— Он, должно быть, сошел с ума, — высказал предположение кто-то из товарищей.

Дао Цзи не обращал внимания на их реплики и продолжал развлекаться, дурашливо посмеиваясь. Упражнения перешли в подобие танца, и, продолжая танцевать, он покинул помещение.

Надо признать, что, помимо несвойственных ему ранее лености и отсутствия усидчивости, у Дао Цзи появился еще один недостаток — он, мягко говоря, стал таскать вещи из монастыря, чтобы затем купить себе вина, до которого он стал большим охотником. Почему любил спиртное? Ему казалось, что, опьянев, он становится по-настоящему свободным, а потому пристрастился так, что с нетерпением ждал очередного момента, когда шинкарь станет наливать ему вино черпаком из большого чана в тыковку.

— Наливай полнее, доверху! — обычно просил он, улыбаясь до ушей в предвкушении.

Известно, что монахи — вегетарианцы; поэтому окружающие разевали в изумлении рты и беззастенчиво разглядывали необычного мужчину в желтой рясе, уплетающего собачий окорок и выпивающего спиртное в какой-нибудь харчевне.

— Отчего ты не соблюдаешь буддийские заповеди? — спрашивали иногда у Дао Цзи любопытные.

— Слышали ли вы когда-нибудь стихи, собственноручно написанные Буддой? — вопрошал в таких случаях монах. И начинал декламировать, собирая толпу зевак:

Кого-то волнует желудок,
Кому-то важнее духовность...
Иные, забыв о духовном,
Живот набивают азартно;
А я же, желудок наполнив,
Забочусь всегда о духовном...
Ха-ха-ха!

Эти парадоксальные строки еще больше сбивали с толку туповатых обывателей. Однако же, если у этих простоватых людей случалась какая-то беда, Дао Цзи первым приходил на помощь.

«Помогите!» — кричал тонущий ребенок, и Дао Цзи, случайно оказавшийся рядом, не раздумывая, бросался в воду, пока мать, вся в слезах, беспомощно металась по берегу. «На помощь!» — призывали жильцы горящего дома, и Цзи-гун тут же оказывался поблизости.

Сначала он со снисходительной улыбкой смотрел на суеящихся, а затем взмахивал своим веером, и огонь утихал. Чего греха таить, Цзи-гун всегда старался не только помочь, но и произвести впечатление.

Если он видел больного человека, то помогал пилюлями, которые всегда имел при себе. И таких несчастных он встречал немало; ведь бедняки продолжали заботиться о хлебе насущном, пока болезнь не сваливала их, где придется.

В каждой деревне, через которую Цзи-гун проходил, к нему, как к Айболиту, выстраивалась очередь страждущих. Довольный «доктор» и лечение превращал в развлечение, находя шутку для каждого. Он удобно усаживался под тенистым деревом и устанавливал перед собой камень-сидение для пациентов. Когда больной открывал рот, лекарь метко забрасывал туда пилюли. Исцеленный вскакивал, уступая место следующим; при этом один далеко забрасывал костыль, другой начинал глубоко и легко дышать, третий уносил ребенка, переставшего плакать. Слава о Цзи-гуне росла.

В народе его очень любили, но за свои странности монах получил еще одно имя — Цзи-день (濟癡), т. е. Переправа-сумасшедший. А за парадоксальность поведения Цзи-гуна нередко называли Фан-юанем (方圓), что значит Квадратный круг.

Зато когда он возвращался в монастырь, на него обрушивались с руганью: «Где ты пропадал столько дней?» А через какое-то время братья-монахи начинали обращаться к настоятелю с жалобами:

— Учитель, я нигде не могу найти свой гребень! (Даже если монахи лысые, собственность есть собственность).

— Ва-а-а! — хныкал другой. — У меня исчезла одежда, пока я дремал.

— Где мои тапочки? — изумлялся еще один обиженный.

Все были уверены, что это Цзи-гун ради вина и мяса ворует и продает их имущество.

— Но у меня нет доказательств! — защищал странного монаха настоятель. — Как же я могу наказывать его?

Раздосадованные братья стали неусыпно следить за Цзи-гуном, чтобы уличить его. Однажды они решили: попался! Больше других усердствовал старший монах-наставник, тот самый, что проводил занятия. Братья застали Дао Цзи молящимся у огромной курильницы, и им показалось, что за пазухой он что-то прячет. Наставник схватил худого и легкого Дао Цзи за шиворот и поволок к настоятелю.

— Учитель, он не только игнорирует занятия, он к тому же еще и воришка. Его следует изгнать из монастыря!

— Ты действительно что-то украл, Дао Цзи? — спросил настоятель Юань Кхун.

— Я собственными глазами видел, как он спрятал что-то за пазухой! — кипятился наставник.

— Нет, учитель; я не смог найти совок для мусора, когда подметал пол в зале, вот и пришлось сложить мусор прямо в халат.

С этими словами Цзи-гун распахнул желтый монашеский халат, и из-за пазухи посыпался на пол мусор. Братья принялись чихать от пыли.

— Принесите бамбуковую палку, — возмутился настоятель, — ты будешь наказан, Гуан Лян, за то, что возвел напраслину на брата.

Униженный Гуан Лян спустил штаны и лег на пол, сжав кулаки.

— Прости, брат, — произнес монах с палкой и обрушил первый удар на ни в чем не повинные ягодицы.

Мало кто из присутствовавших сочувствовал избиваемому; некоторые даже откровенно радовались и улыбались, прикрыв рты ладошками. А сам наказуемый, глотая слезы, думал: «Я непременно расквитаюсь с тобой, Дао Цзи, и очень скоро!»

Этой же ночью Цзи-день заступил на дежурство по охране старинных стел со священными надписями. Он сладко заснул в зале хранилища, а Гуан Лян вместе с молоденьким монахом, который по приказу настоятеля бил Гуан Ляна палкой, проскользнули в этот же зал, как только раздался храп Цзи-деня. Они принесли с собой факел, которым подожгли небольшие снопы благовонной травы, хранившейся в углу. Плотнo прикрыв за собой дверь, негодяи сбежали, и Гуан Лян при этом довольно потирал подбородок: «Теперь уж ты не отвертишься, — сгоришь заживо!»

Обнаружив пожар, монахи заматались в испуге, стали таскать воду из реки деревянными ведрами. «Ай-я! Ведь Дао Цзи до сих пор там! Скорее, скорее!»

Тем временем Цзи-гун проснулся не от жара или дыма, а от яркого света: «Отчего это ночью так светло?» Сообразив, в чем дело, он быстро справился с огнем с помощью своего замечательного веера, спасавшего его в любых ситуациях. Выскочив из горящего здания, он, скатившись со ступеней, попал прямо в объятия встревоженного настоятеля.

— Дао Цзи!

— Учитель!

Монахи радовались чудесному спасению, а Гуан Лян бесновался:

— Дао Цзи уснул, оставив лампу горячей. Она светила пол-ночи, пока все вокруг не загорелось. Из-за него мы все чуть было не погибли! Его следует выгнать из монастыря!

— М-м-м... — задумался настоятель. — Дао Цзи, я не собираюсь выгонять тебя, однако ты должен возместить монастырю нанесенный ущерб. Собери десять тысяч *лянов* серебра на восстановление зала с каменными стенами. Тебе дается на это три года.

— Три года — слишком много! Мне будет достаточно и ста дней!

«Вот ублюдок!» — мысленно выругался Гуан Лян, недовольный таким легким наказанием.

На самом же деле Цзи-гуну и дня бы хватило, да разве можно отказываться от такой чудесной возможности поклоняться по деревьям, посмотреть, как живут люди, простые и богатые. Это всегда интереснее скучных занятий и молитв. И «сумасшедший монах», как его нередко называли за глаза, вышел из ворот храма с чашей для подаяний.

Однако, прося милостыню, Цзи-гун вовсе не выглядел несчастным и униженным; он по-прежнему растягивал рот в улыбке каждому встречному, время от времени прикладываясь к бутылочке из тыквы, и своей веселостью и разухабистостью был необыкновенно симпатичен людям.

О том, как отец продал дочь, чтобы похоронить мать

Шел как-то Цзи-гун по городу, как всегда, весело напевая, и почти вприпрыжку. Ходить и стоять спокойно он просто не мог. Его настроения не могли испортить ни дырявые одежда с тапочками, ни пустой желудок. «Эй! — он вдруг остановился, как вкопанный, заметив что-то из ряда вон. — Человек решил повеситься! Надо его спасти».

Он приблизился к несчастному, который стоял на трех камнях, водруженных один на другой, под раскидистым деревом. Обливаясь слезами и

причитая «Я не хочу больше жить!», мужчина пытался накинуть на шею петлю, которая была высоковато: руками доставал, а головой — нет.

Наверное, если бы Цзи-гун стал отговаривать бедолагу от последнего шага, тот в своем горе не обратил бы внимания на уговоры. И монах поступил парадоксально. Он соорудил из своего пояса петлю, привязал к соседнему дереву и, надев ее на шею, стал кричать: «Ах, позвольте мне умереть! Не мешайте, не удерживайте меня! Смерть положит конец всем моим бедам и горестям!» Изумленный неудачник-самоубийца на минуту позабыл о своих проблемах:

— Я слышал, что для служителей Будды физическое существование является иллюзорным. Так что же в иллюзорном мире могло так огорчить вас, уважаемый? — слезы его еще не просохли, но на лице уже проступило любопытство. А это уже шаг в сторону от смерти и в пользу жизни.

Цзи-гун ответил:

— Вместе со своим учителем я вышел собирать милостыню. Нам очень повезло и удалось собрать пять *лянов* серебра. А затем я напился и потерял все деньги. То ли потерял, то ли украли... Мне ужасно стыдно взглянуть в лицо своему наставнику, вот и решился... — и Цзи-гун зарыдал в голос.

Помимо любопытства, в несчастном проснулось еще и сочувствие. Боясь, что монах совершит непоправимое, он бросился к нему:

— Пойдите, у меня еще осталось несколько *лянов* серебра! Я отдам их вам, мне они все равно уже никогда не пригодятся. — на ладонь Цзи-гуна упало шесть сверкающих на солнце монет.

— Назовите мне хотя бы свое имя, я должен знать своего спасителя, — попросил Цзи-гун, чтобы протянуть время.

— Меня зовут Дун Ши-хуан, и по профессии я ювелир.

— Хотел бы знать, по какой причине вы решили расстаться с жизнью; я ведь рассказал вам свою историю.

Вцепившись руками в свисающую веревку, будто ее могли отнять у него, золотых дел мастер ответил:

— Некоторое время назад у меня умерла жена; и хотя я неплохо зарабатывал, все сбережения ушли на похороны. Я остался с маленькой дочерью на руках и со старенькой матерью. Еле сводил концы с концами, и тут тяжело заболела мать. Ради денег на лекарство мне пришлось продать дочь в услужение в чужой дом, некоему соискателю-студенту по фамилии Гу. Между

нами заключено соглашение о том, что я смогу вернуть дочь через десять лет за пятьдесят *лянов* серебра.

Когда моя мать все же умерла, несмотря на мои старания спасти ее, я отправился на заработки, кочуя с места на место, чтобы побыстрее собрать пятьдесят *лянов* для выкупа дочери, — единственного родного существа.

Через десять лет я заработал достаточно денег, вернулся на родину, и оказалось, что студент Гу успешно сдал экзамены и, получив хорошую должность, уехал к месту своей службы. Так что теперь я даже не знаю, где искать свою маленькую дочь, ведь Поднебесная так велика... — рассказывая свою историю, неудачник по фамилии Дун рыдал все громче, как бы переживая свои беды заново. — А затем добавилось новое несчастье, — продолжал делиться Дун Ши-хуан, — у меня украли всю огромную сумму, ради которой я трудился десять долгих лет. И теперь у меня нет никакой надежды увидеть свое дитя!

— И всего-то? — легко рассмеялся Цзи-гун, — я помогу тебе разыскать дочь.

Дун Ши-хуан был настолько поражен, что напрочь забыл о своем недавнем намерении.

— Ты и вправду можешь помочь мне?

— Ну, конечно же. Ступай скорее за мной! Не станем терять ни минуты.

Веревка с петлей осталась одиноко качаться на дереве, а Цзи-гун все убыстрял шаги, стараясь увести Дуна подальше от греховного соблазна. Шли они очень долго, и привел его Цзи-гун к воротам богатой усадьбы со ступенями, ведущими к крыльцу. Оставив Дуна под высокой сосной напротив усадьбы, монах проговорил:

— Жди меня здесь. Если кто-нибудь выйдет из ворот и станет расспрашивать тебя о твоём возрасте, о дне твоего рождения, ты просто ответь ему правду, все, как есть.

— Хорошо, — ответил Дун, которому надежда придала силы жить.

Постучав в добротные ворота, Цзи-гун пояснил слуге:

— Я слышал, что старая госпожа в этом доме больна, и я пришел, чтобы излечить ее.

— Мне жаль, но вы зря побеспокоились, потому что мой господин уже пригласил доктора Ли Хуай-чхуня, и тот как раз находится в опочивальне у старой госпожи.

— Неважно. Я непременно должен взглянуть на больную!

С этими словами Цзи-гун, оттолкнув слугу, прорвался во внутренний дворик и далее — в спальню, не обращая внимания на возгласы бегущего сзади: «Вы не должны...туда нельзя...» Вбежав в опочивальню, Цзи-гун услышал окончание диалога между доктором и хозяином дома, у которого тяжело заболела мать:

— Так что, господин, у нее ничего серьезного; не переживайте! В дыхательном горле у вашей матушки скопилась мокрота, и она заблокировала дыхательные пути. Как только организм сможет протолкнуть эту слизь, госпожа сразу поправится.

— Но ведь она задыхается! Как можно ждать, пока организм сам справится?

Врач опустил глаза, чтобы не встречаться взглядом с безутешным сыном и, смущенно поглаживая жидкую бородку, пробормотал:

— Вашей матушке много лет, и она чрезвычайно слаба... В подобном случае очень трудно подобрать необходимые лекарства, выписать правильный рецепт. Может, вы поищите другого доктора...

Сын в отчаянии повысил голос:

— Доктор Ли, порекомендуйте мне, пожалуйста, хорошего врача, который бы спас мою мать!

— В городе есть еще доктор Ван, однако боюсь, что если я не справился, ему это тоже не под силу...

В это время раздался голос Цзи-гуна:

— Я смогу помочь!

Обратившись к врачу, Цзи-гун уточнил:

— Вы и есть знаменитый доктор Ли Хуай-чхунь? Я бы хотел дать вам совет относительно лечения. Скажите, пожалуйста, какое недомогание можно излечить с помощью пампушки?

Врач взволнованно затеребил бородку:

— Об этом ничего не написано в фармакопее...

— Ха-ха! Хи-хи! — утрированно развеселился странный монах, схватившись за живот. — Ею можно излечить голод! Вы даже этого не знаете, как же вы можете считать себя известным доктором!

— Господин, позвольте мне попытаться, — обратился он к хозяину.

— Прошу вас, святой брат! Подойдите к ложу.

Цзи-гун раздвинул балдахин и увидел сухонькую старушку с закрытыми глазами и сморщенным, втянутым беззубым ртом. Бабушка редко и с трудом дышала.

— Эй, флегма, выходи скорее! — зашептал Цзи-гун и даже пальцами поманил. — Ведь если ты останешься внутри, старой госпоже придется очень трудно! (Был ли это гипноз-внушение странного монаха?) Позвольте дать вам лекарство! — громко произнес Цзи-гун, явно стараясь своей уверенностью произвести впечатление на бабушку.

Жестом фокусника он извлек из-за пазухи пилюлю и ловко забросил ее в бабушкин рот, который неожиданно открылся. Затем поднес пиалу с водой, и старушка сделала глоток.

— Попейте немного, госпожа! — Цзи-гун положил ладонь на ее лоб. — Как, еще не вышла?! Пожалуйста, выходи скорее!

Старушка, повинувшись воле талантливого монаха, неожиданно села на постели, сморщилась, отчего ее глаза превратились в щелочки, и принялась откашливаться.

— Мама! — бросился к ней обрадованный сын. — Мама, тебя вылечили!

— Да, мне дышится легко и свободно! — старушка от радости принялась вертеть головой, как бы проверяя, прочно ли та сидит на плечах.

После этого ей удалось как следует прокашляться, и служанка, державшая чашу у ее рта, радостно воскликнула:

— Флегма вышла!

— Благодарю тебя, святой брат! — поклонился счастливый сын.

— Вот вам еще одна пилюля, — ответил Цзи-гун, — завтра утром дадите ее матери, растворив в воде, и болезнь к ней больше не вернется.

Их отвлек какой-то шум в опочивальне; оглянулись — старушка, оказываясь, довольно резво бегала по комнате, выкрикивая: «Чудеса! Удивительно! Мне не больше сорока лет!» А молоденькая служанка никак не могла ее догнать: «Остановитесь, госпожа, вам вредно так быстро двигаться!»

— Ты, наверное, святой! — хозяин дома был поражен увиденным зрелищем. (А может, Цзи-гун просто передал бабушке свое жизнелюбие?) Он поклонился монаху еще ниже и попросил.

— Мой сын давно болен. Может, тебе удастся справиться и с этой бедой? Прошу тебя!

— Веди меня к сыну, — Цзи-гун отбросил церемонии.

Внимательно прослушав пульс, Цзи-гун заявил:

— К сожалению, я не смогу помочь молодому хозяину. Разве что...

— Что? Что? Я все исполню! — воскликнул отец в отчаянии, еще раз бросив взгляд на бледное лицо несчастного ребенка: глаза закрыты, уголки губ опущены.

— Вы должны найти пятидесятидвухлетнего мужчину, родившегося пятого числа пятого месяца, и девятнадцатилетнюю девушку, родившуюся пятого числа восьмого месяца. Надо собрать в чашу именно их слезы и дать ребенку выпить их вместе с моими пилюлями.

Слуги, изумленно застыв рядом, внимательно слушали.

— Быстро! Сейчас же! Найдите мне этих людей! — закричал вдруг хозяин, и слуг как ветром сдуло.

Нечего и говорить, что им очень быстро удалось найти мужчину необходимого возраста. Это был Дун, ожидавший Цзи-гуна под высокой сосной. А вот девушку разыскать оказалось труднее. Решили начать с собственных служанок, но молоденьких оказалось так много, что потребовалось полдня, чтобы переговорить с каждой. Были и девятнадцатилетние, однако день и месяц не совпадали. И тут вдруг одна девушка, подметавшая двор большой метлой, приостановилась и стала загибать пальцы.

— Я родилась пятого числа восьмой луны, но мне еще нет девятнадцати... Впрочем... Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать... Ах, это, кажется, меня разыскивают! Мне, оказывается, уже девятнадцать! — и она побежала догонять старшего слугу. — Дядюшка, мне 19 лет, и родилась я пятого дня восьмой луны!

— А? — оглянулся слуга. — Так это ты, Чхунь-нень? Повтори это! Скажи еще раз! Молодой хозяин спасен! Быстро в дом!

Отца и дочь провели через разные входы, и когда довольный слуга доложил хозяину, что девушка найдена, и что имя ее Чхунь-нень, отец молодой служанки, тот самый Дун, бросился к ней с криком:

— Чхунь-нень!

— Отец! — она тоже узнала его.

— Я не знаю, как выразить свое счастье!

— Как же ты нашел меня?

И они разрыдались, упав на колени и крепко обнявшись.

— Несите скорее чашу! — закричал монах.

Чашу принесли, и святой брат бегал с ней вокруг парочки, поднося то к одному, то к другому, приговаривая: «Хорошо! Плачьте, как следует!» При виде такого зрелища слез не смогли сдержать ни слуги, ни сам хозяин.

— Эти слезы бесценны! — и Цзи-гун отнес их молодому барину. — Давай, выпей это, и твоя болезнь пройдет.

Мальчик вдруг открыл глаза и улыбнулся. А после нескольких глотков неожиданно превратился в обычного сорванца, — замахал сжатыми кулаками и закричал: «Бабуля, бабуля, я голоден!» Затем он спрыгнул с кровати и подбежал к недавно исцеленной: «Бабуля, пойдем, поедим чего-нибудь!»

Пораженный хозяин поднес Цзи-гуну какую-то шкатулочку со словами: «Этим я хочу выразить свою благодарность!» В шкатулке лежали небольшие слитки серебра, и Цзи-гун прошептал что-то на ухо хозяину.

— Будь по вашему, — ответил тот и протянул шкатулку отцу и дочери.

— Мы никогда не забудем вашу доброту! — ответили те. Затем они поклонились Цзи-гуну. — Ты наш спаситель!

— Прощайте! — ответил на ходу Цзи-гун; он уже был на полпути к воротам. — Будьте добры друг к другу, к своим родным и соседям! — и он помахал потрепанным веером.

Сверчки сражаются с петухом

Начнем рассказ из столярной мастерской некоего Чжана. Внутри кипит работа: в одном углу пилят доску, в другом сбивают табуреточку, а там трудятся над изящным креслом, вырезая узоры. Сам хозяин, молодой парень, в жилетке на голое тело и с пучком волос на макушке, прихватив ножовку и закинув за спину холщовый мешок с инструментами, крикнул ученику, который по возрасту был старше его:

— Эй, Ван, я пошел в особняк к премьер-министру; там есть для меня работа.

— Хорошо, хозяин!

Чжан Юй, несмотря на молодость, был владельцем мастерской, и в помощниках у него имелось несколько подмастерьев. А все потому, что пареньек был не только талантливым и умелым в своем деле, но и честным по отношению к ученикам и заказчикам. Не удивительно, что его мастерская-магазин всегда была завалена заказами; к Чжану обращались не только ближайшие соседи, но и из дальних мест. Работа кипела допоздна, всем подмастерьям хватало дел. И заработок у всех был приличным.

Через некоторое время Чжан Юй вошел в усадьбу через задние ворота, и вся прислуга, встречавшаяся на его пути, уважительно здоровалась с ним.

— Добрый день, мастер Чжан! Что за работа у вас сегодня?

— Я должен отремонтировать стулья.

Один из слуг, пожилой и приветливый, встретил его у западного строения: «Сюда, пожалуйста!»

Премьер-министр по фамилии Ло слыл одним из самых богатых людей в городе. Был у него толстый великовозрастный сын по имени Ло Сюнь, откровенный бездельник, пользующийся дурной репутацией. Вот и в этот раз он собрался с друзьями во дворе, в одной из беседок, и оттуда раздавались азартные выкрики.

— Здорово! — вдруг зычно закричал на весь двор Ло Сюнь. — Отлично! Победа! — и он потряс в воздухе сжатыми кулаками. — Король сверчков опять впереди!

Ло Сюнь обожал соревнования сверчков. Нежно подхватив пальцами своего победителя, он бережно посадил его в круглую коробочку. Друзья завистливо смотрели, как Ло Сюнь закрывает свое сокровище крышечкой.

— Я заплатил за него пятьсот *лянов* серебра. Это действительно Цзинган-ван (Король сверчков)! Оказывается, я не переплатил; он стоит этих денег.

Проигравшие немалые суммы товарищи, печально обхватив головы, остались в беседке, а Ло Сюнь направился к слуге и передал ему коробочку с насекомым.

— Береги его! Это насекомое приносит огромные деньги.

Прилежный слуга долго носился со шкатулочкой, не зная, где бы ее пристроить понадежнее; в конце концов, он поставил ее на этажерку, где красовались антикварные предметы.

Через некоторое время в эту же комнату вошел столяр Чжан Юй. Вдруг он услышал за спиной треск насекомого: «Чжир-р-р, чжир-р-р». Чжан резко развернулся и нечаянно задел ножовкой шкатулку со сверчком. Та, раскрывшись, упала на пол, и насекомое стоимостью в пятьсот *лянов* резво усакало куда-то на своих длинных ножках. Упала не только шкатулка, но и сам неловкий Чжан Юй. Услышав грохот, вбежал слуга.

— Ой-ё! А где же любимый сверчок молодого господина?

Поняв, что произошло, он бросился со всех ног к Ло Сюню и поспешил наябедничать:

— О! Беда, беда, господин! Столяр потерял вашего сверчка!

— Что-о-о? — взревел молодой Ло и бросился к виновнику.

— Как ты посмел?! Эй, свяжите его и всыпьте ему двести палок!

И когда несчастного столяра начали избивать, подвесив его за руки к потолку, хозяин приговаривал: «Бейте сильнее, побольнее!» Один из пожилых слуг не выдержал и обратился к хозяину:

— Если продолжите избиение, он, похоже, скоро умрет. Почему бы не дать ему три дня срока? Если за это время он не найдет Короля сверчков, вы сможете расправиться с ним.

— Хорошо! — подумав, ответил Ло Сюнь. — Но если ты через три дня явишься без сверчка или без тысячи *лянов* серебра, я тебя не пощажу! — и он велел слугам развязать бедолагу.

Когда столяр вернулся домой и постучал в дверь, жена едва узнала его.

— Отец! — вскрикнул его ребенок и на всякий случай спрятался за стол.

— Что с тобой, мой господин? — ужаснулась жена, у нее даже лоб вспотел при виде окровавленного мужа.

Пока она обрабатывала раны, он обо всем рассказал ей. Когда боль стала не такой острой, Чжан Юй разрыдался: «Что делать? Где искать этого сверчка? И где я возьму тысячу *лянов* серебра? Даже если мы продадим все, что у нас есть, этих денег не хватит!» Но слезами горю не поможешь.

Подкрепившись рисом, Чжан Юй захватил глиняный кувшинчик с бамбуковым вином, пару рюмочек и отправился в свою мастерскую. Его встретил подмастерье Ван, который сочувственно спросил:

— Что с вами, отчего так печальны? О-о, да вы ранены! А я думал, что вы пошли чинить стулья...

— Давай-ка выпьем! — Чжан придвинул стул к верстаку и выставил на доску рюмки и вино. — Мне надо кое-что обсудить с тобой.

Ван присел рядом.

— Я собираюсь в дальнейшее путешествие, поэтому передаю тебе мастерскую и доверяю все деньги, которые тебе с помощниками удастся заработать; но ты должен заботиться о моей семье, пока я не вернусь.

— Хорошо, я согласен. — Подмастерье Ван ошалело стал скрести затылок.

А Чжан с пустыми руками отправился в дорогу. Ветер срывал листья и бросал ему вдогонку, будто заматавая следы. Дойдя до бамбукового мостика, Чжан остановился и, глядя на воду, размышлял: «Теперь, когда о моей семье есть, кому позаботиться, я чувствую себя свободным. — Он вздохнул и подошел к перилам. — О, боже, нет уголка на земле для меня, несчастного!» С этими мыслями он перепрыгнул через перила, намереваясь утопиться.

Это был случай для Цзи-гуна, неизвестно, как оказавшегося рядом. Монах успел схватить отчаявшегося человека за руку и стал тянуть его вверх.

— Не спеши покончить со всем сразу. Расскажи, что у тебя за несчастье?

Но даже когда крепкому, жилистому монаху удалось втащить Чжана на мостик, тот продолжал возражать:

— Оставьте меня, я дошел до последней черты, мне никто не сможет помочь! Так дайте хоть умереть — это мое решение.

Монах смешно вытянул губы трубочкой, и на необычно узком лице это выглядело так потешно, что даже Чжан, который, очевидно, был не в себе, расхохотался. Забавно шепелявя, Цзи-гун возмутился:

— Ты хочешь, чтобы я, сложа руки, наблюдал, как человек расстаётся с жизнью?!

Дурашливость ободранного монаха нелепо контрастировала с душевным состоянием столяра, и последний вдруг почему-то расслабился и доверчиво рассказал незнакомому человеку обо всех своих несчастьях.

— Я помогу тебе справиться с бедой! — уверенно заявил Цзи-гун, вдруг став совершенно серьезным, и столяр, безоговорочно поверив ему, бросился в благодарности на колени.

Вместе они пришли на центральную улицу, кишашую торгашами и лавчонками. Увидев торговца сверчками, расставившего коробочки с насекомыми на циновке прямо на земле, Цзи-гун попросил столяра отдать все деньги, какие есть, и обратился к продавцу:

— Я хочу купить трех сверчков!

Он присел на корточки и стал разглядывать товар. Собрались зеваки, предвкушая интересный торг. Но напрасно. Потому что Цзи-гун быстро расплатился и вошел в винное заведение по соседству, крикнув столяру: «Подожди у порога, у меня тут кое-какие дела!»

В заведении было несколько посетителей, и все они держали в руках коробочки с насекомыми, возбужденно переговариваясь. Они были состоятельными бездельниками и, попивая из крошечных рюмочек подогретое вино, поджидали знаменитого игрока Ло Сюня, чтобы сразиться с его сверчками. Цзи-гун тоже приказал налить себе рюмочку. Купленные насекомые были спрятаны в его желто-коричневой пилотке на голове.

Неожиданно все три сверчка запели, и казалось, что треск раздается прямо из головы монаха. Шалопайи насторожились.

— Похоже, у этого монаха какие-то необыкновенные сверчки!

— Да, видимо, так! Вы послушайте, какое громкое и чистое пение.

Наконец, они не выдержали:

— Эй, брат, у тебя тоже есть сверчки?

— Естественно! — с достоинством ответил Цзи-гун. — У меня их целых три, и все они — короли среди сверчков! Они — особенные, невиданные!

— В чем же их особенность? — забыв о своей спеси, прожигатели жизни придвинулись поближе к монаху в драной одежде, и глаза их горели от нетерпения.

— А в том, что они способны сражаться с петухом.

— Сверчки, способные победить петуха?! — поразились завсегдатаи заведения. — А ты не морочишь нам голову? Ну-ка, покажи этих сверчков! — и любопытные приблизили свои носы прямо к пилотке.

Цзи-гун снял головной убор, и все увидели трех маленьких и тощих насекомых, которые не производили никакого впечатления.

— Ха-ха-ха! Мы так и знали, что ты нас дуришь! — толстосумы схватились за животы, потешаясь над монахом. — И это — короли?

Тут в помещение вошел толстый, усатый Ло Сюнь.

— Что за смех? — обиделся он оттого, что никто не обратил на него внимания.

— Ох, ну и насмешил! Этот монах утверждает, что его насекомые способны победить петуха!

— Ты шутишь, святой брат! — засмеялся и Ло Сюнь, в свою очередь. — Я никогда не слышал о подобном. Если твои сверчки сделают это, я заплачу тебе 100 *лянов* серебра.

— Идет! — тут же согласился Цзи-гун. — Однако смотри, не откажись от своего обещания!

— Я человек слова! — напыжился молодой Ло. — Следи за собой, чтобы не сорвать сделку.

Через пять минут Ло Сюнь вернулся в питейное заведение с петухом под мышкой, ибо не доверял монаху. Цзи-гун посадил на ладонь одного из сверчков и протянул его петуху:

— Ну, иди сюда!

Сверчок запел: «Чжир-рр, чжир-р-р». Что случилось с петухом — никто не понял. Тот вдруг стал метаться, прыгать по столам, разбивая посуду и пытаясь спрятаться. Подпрыгивая и перелетая с места на место, он чуть было не оцарапал лицо хозяина, — тот едва успел закрыться ладонями. Когда

петух, наконец, заполошно крича, вылетел из помещения, потрясенный Ло подбежал к монаху, спотыкаясь о черепки:

— Продай! Этот сверчок должен быть моим!

— О, нет, я не продаю его! Это насекомое принесет мне горы золота. — Цзи-гун поджал губы и прикрыл глаза.

Наступила непонятная тишина, и монах, приоткрыв глаз, посмотрел вокруг. Ло Сюнь и его приятели с искаженными от злобы лицами молча закатывали рукава, готовясь к драке.

— Ну, ладно, ладно! — «сдался» Цзи-гун. — Сделаем так. Одного сверчка я отдам тебе бесплатно вместо того, которого нечаянно выпустил столяр Чжан. И впредь не преследуй его больше, согласен?

— Разумеется, согласен! Я уже забыл о его промахе.

— А за двух остальных заплати мне две тысячи *лянов* серебра, причем, тысячу из них пожертвуй монастырю Лин-инь, где живут мои братья.

— Согласен!

Выйдя из заведения, Цзи-гун протянул узелок с деньгами столяру.

— Здесь тысяча *лянов* для тебя. Отныне у тебя нет проблем.

— Вы мой спаситель, брат! — Счастливо улыбнулся Чжан.

— Пустяки! — Цзи-гун поправил драную пилотку и пошел по дороге, обмахиваясь веером из пальмовых листьев.

В это время из ворот вывалился толстый Ло. Прижимая к груди коробочку, он быстрым шагом направился домой, мечтая: «Напишу и разошлю со слугами приглашения всем друзьям. Пусть придут и сразятся со мной!» А посетители питейного заведения семенили за Ло и заискивали: «Поздравляем!», «Прими наши поздравления!»

На следующий день во дворце семьи Ло собралась целая толпа азартных богачей со своими сверчками в баночках и коробочках. Уселись за большим круглым столом, а те, кому не досталось места, ждали в сторонке своей очереди. Во всех сражениях три сверчка Цзи-гуна победили «гостей», и Ло заработал кучу серебряных слиточков.

Проигравшие деньги, опечаленные, разошлись по домам, а Ло Сюнь вошел в кабинет, чтобы понадежнее спрятать своих насекомых. Почему эти тощие сверчки выиграли — трудно сказать; не иначе, как монах передал им свою волшебную силу. И надо же было такому случиться, — толстый Ло споткнулся на ровном месте, так же, как в свое время мастер Чжан; шкатулочка выпала, и насекомые исчезли.

Всем слугам было велено ползать по кабинету и искать пропажу. «Чжир-р-р» — раздалось где-то из-под стены.

— Ломайте стену! Эти насекомые бесценны! — приказал Ло.

Стену сломали, но сверчков не обнаружили. «Чжир-р-р» — послышалось из-под крыльца.

— Ломайте крыльцо! Вы видите их?!

— Нет, господин, — отвечали несчастные слуги, чихая от пыли.

Более десяти залов было разрушено, а то и снесено, — сверчки будто дразнили бездельника. Утомились не только слуги, но и толстый Ло с трудом дышал, утирая пот. Он присел под колонной, чтобы передохнуть, и тут услышал громкое пение сверчка.

— Ломайте колонну, он где-то под ней!

От первых же ударов колонна рухнула, и под ней оказался не сверчок, а сам Ло-младший. Через некоторое время он перестал дышать.

Победа над змеей-оборотнем

К северу от Кхай-хуа, что в уезде Линь-ань, некогда располагался храм под названием Храм железного Будды, а позади него возвышалась башня, окутанная струйками дыма от сжигаемых благовоний. От этого и название башни-пагоды — Башня благовонных облаков. Люди нередко специально отходили подальше, чтобы издали насладиться необычным зрелищем. Именно из-за этой дивной башни Храм железного Будды стал необыкновенно популярным, а потому даже местные чиновники и богатые прихожане часто приходили в храм помолиться; о бедноте и говорить нечего. После моления люди запрокидывали головы и восхищенно восклицали: «Действительно, красиво!»

Настоятелем храма был добросердечный монах по имени Фа-жэнь, пожилой, с длинными белыми бровями, усами и бородой. Как ни прискорбно, но даже среди обитателей монастырей встречаются нечестивые, злые и жадные люди. Один из таких, называвший себя Цзинь-фо-енем, что в переводе означает Глаза золотого Будды, и совершил злодеяние, убив настоятеля Фа-жэня. Он был молодым, толстым, завистливым и спесивым.

Совершив убийство, монах Цзинь-фо-ень, как ни в чем не бывало, помолился, поклонившись идолам, и объявил себя новым настоятелем. Однако с тех пор, как заметили и монахи, и прихожане, башню перестали окутывать струйки благовонного дыма. «Если башня не будет погружена в ароматные

облака, прихожан станет значительно меньше, снизится и доход; как быть?» — забеспокоился настоятель Цзинь. Грустные мысли роились в его лысой голове, и он все ходил по кругу перед бамбуковой рощицей во дворике храма.

И вдруг из рощи к нему выступил красивый даос с иссиня-черными усами и бородой, с тугим пучком волос на макушке, прикрытым шапочкой с символическим рисунком *Инь-Ян*. В левой руке он держал даосскую метелочку.

— Что беспокоит тебя, брат?

— О, даосский священник! Могу я узнать ваше имя?

— Ты не знаком со мной, зато я знаю, кто ты, ибо я живу в этом храме много, много лет.

«Это не обычный человек, — смекнул настоятель Цзинь, — его поведение столь неординарно». А вслух он произнес:

— Войдите, пожалуйста, в мою келью, выпьем по чарочке. Назовите все же свое имя.

— Бай Тхень-сун.

За столом, орудуя палочками и опрокидывая в рот крошечные чарочки подогретого вина, даос и буддист разговорились.

— Где вы занимаетесь самосовершенствованием? — спросил Цзинь.

— В горах Пхань-гу. Я могу вызывать дождь и ветер, а также изгонять злых духов.

Предположив, что даос Бай достиг высшей ступени совершенства и мастерства, Цзинь старался подружиться с ним, уговорил остаться на несколько дней, щедро угощал, то и дело подливая из чайничка вино.

Однажды Бай попросил: «На закате дня открой двери храма и взгляни в северном направлении. Я буду поджидать тебя на северной горе». Цзинь удивился, однако вопросы задавать не стал. Даос удалился, а буддист стал ожидать вечера, поглядывая в окно. Когда солнце село, Цзинь поспешил к воротам и едва удержался на ногах от увиденного: гору обвивал кольцами змей чудовищных размеров. «Неужели это и есть истинное лицо даосского священника? Значит, он — оборотень!» — подумал Цзинь и в ужасе бросился назад, укрывшись в келье. А тут и даос постучался.

— Ну, и кого же ты увидел на северной горе?

Буддист не стал отвечать, а вместо этого, убежденный во всемогуществе даоса, попросил:

— Не могли бы вы помочь мне добыть десять тысяч *лянов* серебра для возмещения убытков, которые понес мой храм за последнее время?

— Сделай это очень легко. Завтра я найду мор на жителей Кхай-хуа на три дня. А ты повесь объявление о том, что Железный Будда спустился на землю, чтобы излечить страждущих.

— Великолепно! Большое спасибо! — стал кланяться Цзинь-фо-ень.

Даос с помощью черной магии отравил воду в местной реке. Отведав воды из реки или напившись из колодцев, около восьмисот жителей, все, как один, заболели. Всех их тошнило, выворачивая наизнанку, однако после освобождения желудка легче им не становилось. Услышав об объявлении, толпы страждущих ринулись к храму.

Очередь подгоняла тех, кому уже удалось добраться до главного зала. Вот, упав на колени и зажав в ладонях пучок ароматических палочек, к Будде обратилась девушка по имени Яо:

— Дорогой, милостивый Будда, помоги излечиться моему брату, который выпил воды из реки! Дай мне какого-нибудь лекарства!

— Будда даст тебе лекарство, — под сводами зала раздался вдруг чей-то торжественный голос, — м-м-м... только пожертвуй немного денег на лампадное масло...

— Спасибо, милостивый Будда! — обрадовалась девушка. Она опустила в щель специального ящика десять серебряных монет, — «цзынь!» — раздался звук.

Настоятель Цзинь-фо-ень едва успевал выдавать желающим предварительно упакованное лекарство, наслаждаясь серебряным звоном.

В течение нескольких дней прихожане шли в храм нескончаемым потоком, и настоятель был счастлив, мысленно подсчитывая прибыль. Но вот в местечке Кхай-хуа появился веселый Цзи-гун, который, идя по дороге, что-то напевал, обмахиваясь в такт драным веером. Подойдя к реке, он увидел огромную очередь на берегу. Люди подгоняли вперёдистоящих: «Быстрее! Поторопись!» Каждому не терпелось ступить на плот перевозчика, ибо храм находился на другом берегу реки.

— Эй, куда это вы так торопитесь? — изумился Цзи-гун, позабыв о песне.

И поскольку никто не отвечал на его вопросы, он ухватил за шиворот какого-то парнишку. От него он и узнал о последних событиях в этих местах. Хорошее настроение опять вернулось к Цзи-гуну, и он стал даже приплясывать на плоту, предвкушая развязку всей этой истории. «Я путешествую по свету, передвигаясь по суше и воде! — пел он. — Я смешиваюсь с толпой

обычных людей и, будучи неприметным, делаю добро тем, кто этого заслуживает, и наказываю виновных. Зло не укроется от меня!»

В главном зале храма Цзи-гун стал свидетелем того, как толстый настоятель раздавал пакетики. «Вы пожертвовали деньги на лампадное масло, так что получите лекарство!» — приговаривал он. Но вот к статуе подошла молодая женщина. Встав на колени, она произнесла:

— Меня зовут Хуан. Смилуйся над моим маленьким сыном, который серьезно болен. Дай немного лекарства!

— О, да, я помогу! — раздался голос в ответ. — Только внеси немного денег.

— Супруг ушел из дома в поисках заработка и до сих пор не вернулся. У меня совсем нет средств. Но я непременно принесу пожертвование и масло, как только супруг вернется. Помогите, пожалуйста!

— Мы не выдаем в кредит! — возмутился голос. — Нет денег, нет и лекарства!

— О, пожалуйста, сжался, помоги мне, Будда!

Однако толстый настоятель вытолкал женщину вшаей.

— Пошла вон! Не задерживай очередь!

«О! Не только мир людей полон жаждущих золота; оказывается, и в мире Будд происходит то же самое!» — рыдала несчастная, выходя на улицу.

— Дай это лекарство сыну, и он немедленно поправится!

Женщина отняла руки от лица и увидела странного вида ламаистского монаха в драной одежде и с улыбкой до ушей, демонстрирующей отсутствие нескольких зубов.

— Спасибо, святой брат! — улыбнулась и она сквозь слезы.

А вокруг переговаривались люди.

— Вот как, оказывается; железный Будда заговорил человеческим языком!

— Да, он говорит, отдай десять *лянов* серебра, и вся твоя семья будет здорова.

Цзи-гун вошел в главный зал. Перед статуей Будды на специальном столике были разложены подношения — фрукты, лепешки, цветы.

— Съем-ка я прежде персик! — Цзи-гун протянул руку и взял один плод.

— Что это за сумасшедший монах, ворующий с алтаря фрукты?! — настоятель храма даже подпрыгнул от злости.

— Ведь ты же используешь Будду, чтобы добыть себе денег на вкусную еду и хорошую одежду, — ответил Цзи-гун, откусив кусочек персика, — так почему же мне не взять у Будды всего лишь один плод?

Затем Цзи-гун взобрался повыше и шепнул на ухо глиняному идолу: «Злой Будда вызывает духов-демонов, чтобы приносить несчастья людям? Кто ты на самом деле? Покажи свое истинное лицо!»

Раздалось громкое шипение, и из-за статуи выползла огромная змея. Присутствующие в храме бросились врассыпную, а Цзи-гун, взмахнув своим огромным веером, стал пятиться к выходу, призывая чудовище: «Выходи, давай порезвимся здесь, а не в стенах храма!»

Когда змей выполз наружу и попытался обвиться кольцами вокруг Цзи-гуна, тот лишь слегка сдавил горло чудовища, и тот больше не подавал признаков жизни. После этого началась борьба с толстым монахом-настоятелем, который считал, что сумасшедший монах лишил его прибыльного дела. Однако даже с помощью меча настоятель не мог справиться с противником, — Цзи-гун лишь пел свои мантры, сложив особым образом пальцы, и был неуязвим. Затем, помолвившись, Цзи-гун вылил что-то в свою глотку из тыквы-горлянки и развеселился еще более, чем обычно.

— Я пришел, чтобы наказать тебя. Верни все деньги крестьянам! Сделаешь это, и я отпущу тебя невредимым.

— Ни за что! — зарычал настоятель Цзинь и превратился в свирепого тигра.

Однако Цзи-гун преградил ему дорогу своим веером, прошептав заклинание, и тигр обернулся вдруг обычной кошкой.

— Я сожгу тебя! — вскричал настоятель Цзинь и взмахом меча послал в сторону Цзи-гуна столб пламени.

Но Цзи-гун волшебным веером развернул гудящее пламя в противоположную сторону, и настоятель оказался охваченным огнем. Как он ни кричал, ни звал на помощь, очень быстро сгорел и обуглился.

— Теперь вы поняли, что настоятель храма с помощью злого духа наслал на вас болезнь, чтобы выманить ваши деньги? — обратился Цзи-гун к крестьянам, наблюдавшим за всем происходящим.

— А как же быть с нашей болезнью? — раздался голоса.

— У меня есть для вас волшебное средство. Принесите десять больших чанов и наполните их водой.

В воду Цзи-гун бросил по щепотке каких-то снадобий, которые тут же растворились, и молоденькие монахи из храма стали половниками наливать каждому крестьянину в протянутую чашку. Выпившие тут же отходили, мгновенно почувствовав себя здоровыми. Причем, лекарство Цзи-гуна излечило не только общее эпидемическое заболевание, но и все другие хвори.

Надо ли говорить, как благодарили его местные жители? А слава о еще одном добром деянии «глуповатого» монаха облетела весь Китай.

Лиса-оборотень

Шел как-то Цзи-гун вдоль берега знаменитого озера Си-ху, бережно прижимая правой рукой статуэтку будды Вэй-тхо к своей груди. Узкое лицо его с крупным носом и выступающим подбородком — хоть чайник вешай, — как всегда, было освещено лукавой улыбкой, отчего глаза походили на щелочки в добрых морщинках.

Вдруг улыбка исчезла, и рот приоткрылся. Монах как раз миновал горбатый мостик, под которым проплывала лодочка. И лодочник, и Цзи-гун тревожно смотрели вдаль, где позади двухэтажных крестьянских домиков валил густой черный дым, устремляясь в небо.

Поколебавшись, Цзи-гун вновь двинулся вперед, к какой-то своей цели, однако через время остановился. Так он прерывал свой путь трижды, вглядываясь в черные клубы, и, наконец, произнес: «Я должен с этим разобраться!»

Оказывается, дым поднимался над усадьбой некоего Чжоу Бань-чхэна, самого богатого человека в городе Ханчжоу. У этого богача был единственный сын по имени Чжоу Чжи-пхин, который в свои двадцать лет был еще холостым. Отца это беспокоило, а сын каждый раз отвечал, что ему еще рано жениться. Парень был симпатичным, высоким и крепким, с густым пучком блестящих волос на макушке, закрепленным тряпичной повязкой. Он был мечтательным и робким, любил уединяться в роскошном саду с книгой.

За несколько дней до того, как Цзи-гун увидел черный дым над усадьбой, произошло вот что. Чжоу Чжи-пхин отдыхал в саду, на своей половине; вдруг, оторвавшись от книги, он прислушался, — где-то рядом послышался чарующий женский голосок.

«Это, похоже, за бамбуковой рощицей», — подумал он и двинулся туда. Пробравшись сквозь деревца и взобравшись на невысокую каменную ограду с черепичной крышей, он увидел девушку Ван Юэ-э, с которой в детстве часто вместе играл. Но как же она выросла, эта соседская девочка! Превратилась в настоящую красавицу.

То осторожно наклоняясь, то изящно подпрыгивая, Ван пыталась поймать яркую бабочку. При этом легкое платье на ее тоненькой фигуре — и юбка, и широкие рукава, развевались, и сама Ван показалась юноше неуловимой

бабочкой. «Вот на ней я готов жениться!» — мысленно воскликнул ошеломленный красотой Чжоу Чжи-пхин.

Ночью влюбленный не мог уснуть, а если и забывался ненадолго, то снились ему невиданные девушки-бабочки в ярких воздушных одеждах на фоне черного неба. Он с трудом дождался восхода солнца, потому что ночь была ему в тягость: то циновка, которой было покрыто ложе, казалась ему нестерпимо жаркой, то шелковое одеяло казалось слишком тонким и холодным, так что парень начинал зябнуть.

Но и утро не принесло облегчения. Чжоу остался в постели, потому что не радовали ни книги, ни прогулка в саду; не хотелось ни есть, ни пить. Юноша был скрытным. А потому ни в чем не сознался отцу. День ото дня он становился все хуже и бледнее, и обеспокоенный Чжоу Бань-чхэн приглашал то одного лекаря, то другого, но никто из них не мог понять, в чем причина странного недуга.

Надо пояснить, что сын жил в одном из флигелей заднего двора. Именно за стеной своего сада юноша и увидел красавицу Ван. Однажды ночью отец, волнуясь за сына, вышел из дома без сопровождения слуг и направился в задний дворик. Было очень темно, и Чжоу нес перед собой на палочке красивый фонарь с шелковым абажуром и нарисованным на нем черной тушью фамильным иероглифом.

Ступив на веранду, отец с изумлением услышал нежный женский смех, доносившийся из покоев сына. Вот это да! Вот это больной! Отец поспешил палец и проделал им дырочку в промасленной бумаге, которой были затянуты окна. Смоченная бумага прорвалась совсем неслышно, и отец, прильнув к отверстию, увидел хорошенькую соседскую дочь, обнимавшую его сына в недвусмысленной позе. Вынув из вазы одно из павлиньих перьев, она щекотала живот юноши, и тот довольно хихикал.

«Так вот в чем дело! Сын притворяется больным, чтобы я не женил его на ком-нибудь другом. Но ведь я не враг собственному отпрыску! Раз уж они сами нашли общий язык, мне остается лишь пойти к соседу и попросить о помолвке, — подумал изумленный Чжоу, — он никак не сможет мне отказать. Не только потому, что мой сын — завидный жених, но еще и по той причине, что мы с ним дружим с самого детства. Да и дети наши, будучи маленькими, нередко играли вместе. Составим брачный договор, и дело с концом!»

На следующее утро помещик Чжоу с подарками подошел к воротам соседа по фамилии Ван как раз в тот момент, когда Ван с напутствиями отправлял паланкин.

— Дочь гостила у моего брата в течение месяца, и я отправил за ней паланкин, чтобы ее привезли обратно, — поздоровавшись с Чжоу, пояснил помещик Ван.

— Да, но... — изумился Чжоу.

Однако Ван, не дав ему договорить, пригласил соседа в дом, чтобы посидеть, поболтать за чарочкой вина. А вскоре в паланкине принесли и дочь Вана — красавицу Ван Юэ-э. Она вошла в дом и, скромно потупив глаза, прошла в свои покои.

Помещика Чжоу даже пот прошиб от догадки. «Значит, в кабинете моего сына я видел не соседку, а лисицу-оборотня!» Дрожа от ужаса, он вернулся домой и, пояснив ситуацию, обратился к слугам:

— Что делать? Как спасти сына? Так вот почему он бледный, грустный и худой, — дух-оборотень высасывает из него жизненные силы...

— Я слышал, что даосский священник по имени Лю Тхай-чжэнь — настоящий специалист по колдовству и магии, — поделился один из слуг, — он сможет поймать злого духа.

— Отлично! Пошлите за ним немедленно.

Для тех, кто не знаком с китайскими сказками и народными поверьями, надо пояснить, что особо чувствительные люди, особенно священники, способны, как утверждают китайцы, почувствовать присутствие нечистой силы по особым признакам. Например, по темным клубящимся облачкам, окутывающим оборотней. Именно такой дымок и увидел Цзи-гун, поспешивший на помощь к неизвестным людям.

Через час к дому помещика Чжоу прибыл даос с нахмуренными бровями, преисполненный собственной значимости. Он был высоким и худым, а тонкие, жидкие длинные усы, борода и пейсики еще больше подчеркивали его худобу. Знак высшего предела — *Инь* и *Ян* был изображен в виде кокарды на его черной шапочке и на широком, длинном халате в качестве магических узоров. В руке он держал даосскую метелочку, а из-за спины выглядывал *инь-ян* меч. Слуга, который привел служителя культа, указал на широкие ворота, в которых уже стоял помещик Чжоу: «Входите, пожалуйста!»

Цзи-гун, уже давно ходивший вокруг усадьбы, не зная, как проникнуть сквозь запертые и хорошо охраняемые ворота, уверенно шагнул через высокий порог вслед за даосом.

— Проходите во внутренний двор, — пригласил помещик Чжоу и вдруг замер, с изумлением глядя вслед Цзи-гуну, быстро убежавшему в сторону заднего двора.

— Где вы нашли этого монаха? — подозрительно спросил даос у хозяина.

— Я думал, он пришел с вами, — обескуражено ответил помещик Чжоу.

В это время раздался вопль слуги, который гнал впереди себя улепетывавшего Цзи-гуна. «Ах ты, хитрец, хотел полакомиться надармовщину?!»

— Представляете, — обратился слуга к помещику, — он уселся за стол, накрытый для даоса Лю Тхай-чжэня, и стал поедать угощение!

Цзи-гун же, убегая со всех ног, выбросил незаметно в саду, под кустом, свою фигурку будды Вэй-тхо.

— С какого времени духи-оборотни поселились в вашем доме? — солидно спросил даос.

— Это произошло так... — и помещик рассказал историю болезни сына.

Даос прямо в саду соорудил алтарь с пожертвованиями в виде лепешек и свечей, фруктов и вина и начал заниматься своей магией. После того, как он прочел третью молитву-заклинание, в саду вдруг появилась девушка: «Злой служитель, как ты осмелился заниматься здесь черной магией, нарушая мою спокойную жизнь?!» — Онадохнула на даоса черным дымом, и тот словно онемел, не в силах противостоять ее колдовству.

Жители дома со страхом и любопытством наблюдали за поединком. И тут вдруг все заметили красное свечение, исходящее от брошенной под кустом статуэтки будды. Увидела ее и девушка-оборотень и с испуганным вскриком «ах!» бросилась бежать. Осмотрев даоса, полусидящего у стены, слуги доложили, что он мертв, и что изгнать оборотня помогла именно статуэтка, оброненная Цзи-гуном.

«Почему бы мне не купить ее у Цзи-гуна, чтобы она всегда охраняла мой дом?» — подумал помещик. В это время в ворота постучали. У порога стоял сосед Ван, а рядом... Цзи-гун.

— О, это вы, господин Ван... Чем обязан?

— То, что произошло в вашем доме, очень серьезно, — начал помещик Ван.

— Вот именно! — поддакнул Цзи-гун.

— Это живой будда Цзи-гун, — продолжил сосед, указывая на монаха с драным веером, — я часто молюсь ему. Он явился в мой дом и рассказал, что специально зашел в вашу усадьбу, чтобы помочь вам поймать оборотня, однако его выгнали из вашего двора...

— О, святой брат, пожалуйста, простите меня! — расстроился помещик Чжоу. Я пригласил даоса, однако он скончался, не в силах совладать с оборотнем.

Улыбаясь, Цзи-гун подошел к даосу, расставил свои ноги в драных матерчатых тапочках и совершил несколько замысловатых движений знаменитым веером. Даос открыл глаза и проговорил, встав на колени: «Спасибо, что спас мою жизнь!»

А Цзи-гун тем временем прошел в комнату к больному Чжоу Чжи-пхину и вылечил его, растворив в пиале с водой какие-то пилюли. Сложив в благодарственном жесте руки, помещик Чжоу произнес: «Я буду вечно благодарен тебе, святой брат!» Цзи-гун лишь улыбнулся и отгородился ладонью, протестуя.

Слуги, наведя порядок в саду, попытались поднять небольшую статуэтку Вэй-тхо, однако даже двоим мужчинам не удалось сдвинуть ее с места. Подошел Цзи-гун и поднял ее безо всяких усилий. Под статуэткой оказался оборотень, который быстро принял формы и размеры девушки.

— Ах, вот где ты спряталась! — воскликнул Цзи-гун.

Девушкадохнула на монаха черным смрадным дымом, однако тот не испугался.

— Я расправлюсь с тобой очень легко!

Он принял свой истинный облик архата Сян-луна верхом на огромном драконе из Западного дворца на Небе. Дракон произвел несколько пассивных движений, а Цзи-гун направил в ее сторону два пальца, и «девушка» стала постепенно превращаться в лисицу.

— Умоляю, сохрани мне жизнь! — улегшись у ног Цзи-гуна, как покорная собака, стала просить лисица. — Никогда впредь я не стану совершать злых дел!

— Хорошо! — сжалился Цзи-гун. — Однако если не сдержишь слова и вновь станешь на путь зла, не жди пощады!

— Я хочу наградить архата! — сзади приблизился помещик. Рядом с ним стоял слуга с подносом золотых слитков, от которых, казалось, исходило сияние.

— О, нет! Золото — это лишь внешнее; а внутреннее богатство... Я гораздо счастливее без денег!

Выйдя из ворот, Цзи-гун попрощался со слугами и любопытствующими крестьянами и отправился куда-то далеко по своим делам, дурашливо напевая по своему обыкновению.

Супруги вновь соединились

Однажды на шумной базарной площади собралась толпа зевак. Внутри явно происходило что-то интересное, и Цзи-гун протиснулся вперед, чтобы понять, в чем дело. В самом центре живого кольца стоял на коленях молодой, здоровый детина и плакал, прижимая к себе младенца. «Мое имя — Ма Пхэй-жань, я не могу выполнять тяжелую физическую работу — надорвался в свое время, и с тех пор не могу найти заработка. Жена умерла вскоре после рождения сына; а сегодня я истратил последнюю монету. Умоляю, усыновите кто-нибудь моего ребенка и воспитайте его, как своего собственного!»

После этих слов молодой мужчина закрыл лицо свободной ладонью и зарыдал еще громче, а мальчик, которого он прижимал к груди, поддержал отца отчаянным ревом, широко разинув ротик.

«Я готов взять ребенка!» — вошел в круг старый дед с белым пучком волос на макушке, с седыми усами и бородой. Он был очень худ и опирался на клюку. Несмотря на трагичность ситуации, некоторые женщины захихикали, прикрывая рот длинными — до пола — рукавами. Из толпы кто-то выкрикнул: «Ты такой старый, уважаемый, что едва ли способен сам за собой ухаживать!» И тут, расталкивая зевак, в круг буквально впрыгнул Цзи-гун.

— Отдайте ребенка мне!

— Ты же монах, к чему тебе дитя? — отец так изумился, что даже плакать перестал.

— Я сделаю его своим учеником-послушником, — не растерялся Цзи-гун, — но прежде скажи мне честно, действительно ли твоя жена умерла?

Несчастный отец опустил голову, стыдясь своей лжи.

— Да, она жива. Когда были истрачены все наши сбережения, она ушла из дома, отправившись на поиски работы. Прошло уже три месяца, а от нее нет никаких вестей.

— Вот оно как... — ухмыльнулся Цзи-гун, которому все это было давно известно; на то он и знаменитый монах, связанный непостижимым образом с божествами.

Утирая лицо от слез, безработный продолжил.

— Это ужасный позор, что я, крепкий мужчина, не способен прокормить жену и одного ребенка! И я принял постыдное решение: сначала найти опекуна своему сыну, а затем утопиться в озере...

— Следуй за мной, и я помогу тебе найти жену, раз уж она духом оказалась сильнее тебя.

— Правда? Это возможно? Я был бы просто счастлив! Рядом с ней я ничего не боюсь! Это я от одиночества впал в отчаяние.

Цзи-гун, как всегда, бросился вперед, дурашливо подпрыгивая и напевая что-то, так что отец с сыном на руках еле поспевал за «сумасшедшим» монахом. Люди в толпе улыбались доброму концу этой истории и желали главным героям счастливого пути.

Когда они добрались до центральных улиц города, Цзи-гун в страшной спешке, вертясь, как юла, начал делать покупки сразу у нескольких прилавков. Так что у наблюдавшего за ним молодого отца даже голова закружилась: только что платил за пампушки, а уже получает соленые овощи, которые ему мелко порезали; а тут и продавец пампушек кричит: «Получай, уже готовы!» Подхватив узелок с мучными изделиями, он уже просит в мясной лавке: «Отрежь несколько кусочков собачатины!» Такой уж он необычный, Цзи-гун; все время веселый, приплясывает, напевает, с трудом долго стоит на одном месте; а если что-то делает, то очень быстро, как будто боится опоздать куда-то. Да еще веером не забывает обмахиваться, — сплошное мельтешение.

— Для чего вы все это купили?

— Мы сейчас отправимся с тобой в богатый дом на празднование дня рождения!

Неудавшийся самоубийца только рот раскрыл.

«Видишь эту усадьбу?» — Цзи-гун указал на огромные ворота, совсем рядом, к которым вели широкие ступени. Колонны были украшены красными гирляндами и иероглифами «долголетие», а с карнизов свисали шелковые фонари с бахромой. По ступеням поднимались гости, спешившие с коней или спустившиеся с паланкинов. Слуги несли на бамбуковых шестах, как на коромыслах, горы подарков, в основном — рулоны дорогих тканей.

Это был день рождения матери известного в округе богача Чжэн Сюна, так что поздравить его мать пришли люди зажиточные, занимающие высокие должности. Ма Пхэй-жань совсем оробел, а Цзи-гун его успокоил:

— Я сам отправлюсь во дворец, а ты просто стой здесь и жди. Через некоторое время за тобой придут люди и пригласят в усадьбу. Ничего не бойся!

Ребенок задремал, положив голову на плечо отца. Он еще не понимал, что чуть, было, не лишился и отца, и матери.

У входа Цзи-гуна встретил распорядитель. Приветливо улыбнувшись, он спросил:

— Из какого храма вы, святой мастер? Принесли ли вы подарки?

— Я из храма Лин-инь, что стоит на горе Фэй-лай. — и он радостно закружился в импровизированном танце, размахивая мешочками-кулечками.

После нелепого прыжка Цзи-гун вдруг замер:

— Здесь у меня несколько пампушек, немного соленых овощей да собачье мясо. Примите, пожалуйста, и велите передать старой госпоже!

— Что-о-о?! Еда бедняков?!

Взбешенный распорядитель так пнул Цзи-гуна, что легкое тело того отлетело достаточно далеко и пребольно стукнулось о каменные ступени. Но тут внимание распорядителя привлек солидный даос, высокий и хорошо сложенный, который приближался ко входу с гордо поднятой головой и опущенными веками. Сопровождающие его несли подарки: двое на коромыслах и один — в большой плетеной корзине, покачивающейся на голове.

— Сюда, пожалуйста, проходите, — засуетился слуга хозяина дома, и совсем не заметил при этом, что Цзи-гун, потирая ушибленную спину, проскользнул внутрь дворца, опередив даоса.

Во время празднества даос обратился к хозяину:

— Уважаемый господин Чжэн! Сообщите матери, что я хотел бы развлечь ее, показав несколько трюков.

— Трюки? Замечательно! Всем известно, какие мистификаторы эти даосы!

Однако старая матушка очень обиделась, когда сын предложил ей взглянуть на фокусы; она была почти слепа, с трудом видела лишь кое-что перед самым носом:

— Да как ты осмелился так оскорбить меня в день рождения! «Посмотреть на трюки»! Ты прекрасно знаешь, что мне нечем смотреть!

«Ну, и дурак же я!» — расстроился сын, ударяя в отчаянии себя по голове кулаками.

Но тут молоденькие служанки старой госпожи стали умолять ее:

— Ах, пожалуйста, позвольте даосскому монаху показать свои трюки гостям! Это так интересно! А мы будем пояснять вам, что происходит.

И когда именинница согласилась, уступив напору молодого любопытства, служанки завизжали и запрыгали от восторга. Матушка в окружении служанок восседала на широком кресле, отделенном невысокой ширмой от гостей, пирующих за большими круглыми столами; так что видеть женщины могли лишь то, что происходило сверху, над ширмой.

Даос стал готовиться. Сначала он вынул ножницы и бумагу и, сложив ее стопочкой, вырезал сразу много одинаковых фигурок, похожих на широкие крестики. Затем подбросил эти фигурки в воздух, приказав: «Превращайтесь!» Изумленные гости увидели большое количество прекрасных разноцветных бабочек, летающих под потолком, и ни одна из них не была похожа на другую.

— Ой, какие хорошенькие! — завизжали служанки из-за ширмы.

— Позвольте и мне сделать трюк! — раздался веселый голос.

Все оглянулись и увидели худого Цзи-гуна с драным веером, стоявшего в центре зала. Он взмахнул этим веером и приказал: «Превращайтесь!» И вдруг бабочки приняли облик разноцветных птичек, нежных и звонко щебечущих.

— Великолепно! Невероятно! Это еще интереснее! — раздались голоса.

— Откуда взялся этот монах? Он испортил мой фокус! — возмутился даос, и концы его черных бровей взлетели к вискам.

Он был красив, ничего не скажешь! Особенно на фоне дурашливого Цзи-гуна, который, гоняя птиц веером, совершал нелепые прыжки, почти делая шпагат в воздухе. Его «лошадиные» зубы сверкали в радостной улыбке.

— Господин Чжэн! — не сдавался даос, — Я хочу поднести вашей матушке пиалу целебного супа.

Он приподнял салфетку, лежавшую на столе перед ним, и из-под салфетки вылетела красивая пиала и направилась, было, в сторону ширмы. Однако, не долетев, она вдруг развернулась в обратную сторону, направляемая чьей-то сильной волей, и опрокинула содержимое прямо на голову даоса. Рассвирепев, красавец, едва утершись салфеткой, вскричал:

— Откуда ты, грязный монах? Я вызываю тебя сразиться!

Цзи-гун вдруг стал серьезным, что бывало с ним редко. Он гордо сложил руки на груди и ответил:

— Ты хочешь проверить, чье мастерство в магии сильнее? Я согласен!

— Отлично! Вот это будет развлечение! — раздались голоса гостей.

И начался поединок... Картины сменяли одна другую так быстро, что гости не успевали реагировать, лишь смотрели, затаив дыхание. При этом даосу, чтобы вызвать очередной мираж, достаточно было лишь вытянуть

вперед даосскую метелочку, а Цзи-гуну — свой веер с обломанными краями. Их волшебные атрибуты так и мелькали, а в воздухе появлялись то орлы, то питоны, то тигры; при этом вновь возникавшие пожирали предыдущих.

— Ах, какая жалость, — вздохнул хозяин дома, — что матушка не может увидеть весь этот неожиданный спектакль!

Услышав это, Цзи-гун вдруг выставил свой веер плашмя, удерживая чары даоса:

— Минуточку!

Он зашел за ширму, на женскую половину, и, подойдя к старой госпоже, нарисовал в воздухе перед ее правым глазом кружочек.

— О! Как я четко все вижу! Сын мой, ты так постарел! А где же даос? Где его трюки? Я хочу все увидеть!

Но хозяин дома бросился, прежде всего, к Цзи-гуну:

— Благодарю тебя, святой брат! Это самый лучший подарок моей матери! Сделай чудо, пусть и левый ее глаз станет зрячим! — богач даже поклонился Цзи-гуну.

— Тут даже моя магия бессильна, — ответил хитрый монах, — но на улице стоит мужчина с ребенком. Он самый сильный маг. Только он сможет помочь.

Вскоре слуги подхватили под локти молодого отца и, особо не церемонясь, привели его в зал.

— Умоляю, господин! — обратился к перепуганному Ма сам помещик. — Вылечите второй глаз моей матери!

— Я?! — только и смог произнести Ма Пхэй-жань.

— Отдай это им! — шепнул Цзи-гун и незаметно передал парню таблетку.

Включившись в игру, Ма протянул таблетку хозяину:

— Это волшебная пилюля. Растворите ее в воде и сделайте примочку на глаз госпожи. Она тут же прозреет.

Все произошло именно так.

— Я все вижу! — обрадованная бабушка, обхватив ладонями щеки, жадно разглядывала все и всех вокруг.

— Ну, а теперь давай сразимся, чтобы представлением могла полюбоваться и старая госпожа! — обратился к даосу, радостно подпрыгнув, Цзи-гун.

Поединок продолжился, и взглянуть на него собрались все, кто был в доме Чжэна; даже слуги, осмелев, подошли поближе к открытым дверям зала. И вдруг одна из них, молоденькая и хорошенькая, позабыв о магах, стала внимательно глядеться в мужчину с ребенком на руках, что стоял рядом с хозяином.

— О, Небо, да ведь это же мой муж, Ма Пхэй-жаны!

— Жена, дорогая моя! — услышав ее голос, воскликнул и Ма.

— Как тебе удалось попасть сюда? Как ты меня нашел?

— Мне помог мастер Цзи-гун. Как же я скучал по тебе!

Услышав свое имя, к ним присоединился и Цзи-гун, прервав сражение. Хозяин Чжэн Сун тоже подключился к разговору и узнал всю историю несчастной семьи. Он решил отблагодарить Цзи-гуна шкатулкой с золотом, от которой тот, конечно же, вежливо отказался, а Ма Пхэй-жаню предложил работу:

— Мне как раз нужен управляющий. Не хочешь ли ты занять это место? Я прикажу слугам приготовить комнату для вашей семьи. Ну, вот, любящие соединились. А какое же доброе дело сделать мне для тебя, Цзи-гун? Ведь ты вылечил мою матушку.

Цзи-гун, улыбаясь, потупил глаза, а потом вдруг подошел к помещику и что-то зашептал ему на ухо. Не дожидаясь ответа, он бросился из дворца, радостно напевая и совершая почти балетные прыжки в шпагате.

Через некоторое время он оказался на территории своего храма Лин-инь. Два молоденьких монаха, подметавших передний двор, воскликнули:

— Брат Дао Цзи вернулся!

— Сумасшедший монах!

— Ла-ла-ла... — напевал Цзи-гун. — Я вернулся! — в избытке радости он исполнил какой-то особенно замысловатый прыжок.

Подбежал и завистливый монах со сросшимися бровями. Ткнув пальцем в Цзи-гуна, он угрожающе произнес:

— Сегодня последний срок! Добыл ли ты десять тысяч *лянов* серебра на восстановление храма?

— И не думал об этом! — беспечно ответил веселый Цзи-гун и полез на дерево, на его толстую нижнюю ветку.

Он расположился поудобнее, как на кушетке, заложив руки за голову. Левую ногу так лихо закинул на правое колено, что даже тапочек слетел.

— А куда торопиться, — продолжал он издеваться над завистливым толстяком. У меня осталось еще четыре часа.

— Ну, хорошо, я подожду, посмотрю, — толстяк даже взмок от злости.

А Цзи-гун тем временем закрыл глаза и сладко заснул, сотрясая воздух храпом; ведь сегодня днем ему пришлось и пережить немало, и путь неблизкий преодолеть бегом.

Через два часа на горбатом мосточке, ведущем к воротам храма, появилась целая процессия людей с коромыслами и коробками на них. Возглавляли процессию два помещика, тоже с подарками. Для молоденьких монахов это стало настоящим развлечением в их небогатой впечатлениями жизни. Когда навстречу толпе вышел старенький настоятель, помещики обратились к нему с поклоном:

— Мы бы хотели выразить свое почтение живому Будде!

Молоденькие монахи переглянулись и, склонив бритые головы друг к другу, спросили: «А кто это?»

— Не могли бы вы назвать его имя? — сложил в приветствии руки настоятель монастыря.

— Нет, не смеем произнести! Иначе...

И тут вдруг помещик Чжэн, а это именно он возглавлял дарителей, увидел Цзи-гуна, отдыхающего на ветке.

— Это он! Я вижу живого Будду!

Толпа бросилась к дереву, так что земля, казалось, загудела. И помещики, и крестьяне упали на колени и стали совершать *кхоу-тхоу*, т. е. ударяться лбом о землю. Цзи-гун, довольно улыбаясь, но не открывая глаз, сел в позу лотоса и сложил ладони:

— Почему вы все пришли сюда?

— Мы принесли деньги на восстановление зала со стелами.

Цзи-гун не мог долго быть серьезным. Он вскочил и стал радостно размахивать руками:

— Эй, братья, несите скорее тушь, кисточку и книгу для записи пожертвований!

Пока дарители выкрикивали свои имена, а монах записывал, Цзи-гун с чувством выполненного долга достал свою тыкву-горлянку и сделал несколько глотков.

— Я даю две тысячи!

— А я — пятьдесят!

— Я — десять тысяч!

— А я пожертвую древесину на строительство!

Вскоре закипела работа. Монахи, оставшись в одних штанах, помогали рабочим; все трудились, как муравьи. И лишь довольный Цзи-гун сидел в сторонке и, наблюдая за стройкой, обгладывал собачий окорок.

Летающая гора, или украденная невеста

И, наконец, моя любимая легенда. Любимая не потому, что у нее какое-то особое содержание, а потому, что иллюстрация именно к этой истории заставила меня по-настоящему заинтересоваться Цзи-гуном.

На Цветочном рынке, который, к сожалению, уже давно снесли, я увидела статуэтку монаха, который нес на спине какую-то куклу, как мне показалось. Удивленная, я стала расспрашивать, и оказалось, что это не кукла, а невеста. Просто мастер нарушил пропорции, и девушка оказалась раза в три меньше героя.

И тут я во второй раз услышала имя знаменитого монаха (хотя мне оно тогда ни о чем не говорило). Только через несколько лет после покупки мне удалось достать книгу о необычном монахе, однако легенды, связанной с невестой, там не было. Нашла я ее совсем недавно, а потому она, как «выстраданная», — самая любимая.

Перед храмом Лин-инь, что в Ханчжоу, возвышается горная вершина со странным названием Прилетевшая гора. Говорят, гора эта является одной из вершин знаменитой Э-мэй шань в Сычхуани, откуда она и прилетела. Сначала пик перемещался, отлетая то к западу, то к востоку, пока не остановился навсегда перед храмом Лин-инь. А почему он больше не летал? Это связано с Цзи-гуном.

Как вы уже поняли, Цзи-гун этот был каким-то странным. Другие монахи ели только постное, постоянно читали сутры, а Цзи-гун пил вино, ел мясо и не стучал в рыбий барабанчик, заучивая молитвы. Он целыми днями гулял, обмахиваясь потрепанным веером, то в западном, то в восточном направлении, — как дурачок, честное слово! Потому его и прозвали сумасшедшим монахом.

Однажды проснулся он после очередной вечерней выпивки, протер глаза, смотрит, — солнце уже высоко. Потянулся лениво, спрыгнул с кровати, натянул плетеные сандалии, подхватил веер и вышел за ворота храма.

Не успел еще далеко отойти, как почувствовал сильное сердцебиение. Поднял голову, посмотрел на запад, а там — огромная черная туча, которая движется с большой скоростью прямо на храм. Пригляделся, а это, оказывается, вовсе не туча (с похмелья показалось!), а небольшая гора. Прямо с растительностью на ней! Погадал Цзи-гун на пальцах и понял, что в 12 часов 45 минут эта гора упадет прямо на деревеньку, что раскинулась перед храмом.

Развернулся Цзи-гун и вновь вбежал в ворота храма, громко выкрикивая: «Скорее! Это вам не шуточки! Это очень серьезное событие! Убегайте, убегайте! Сюда летит гора!»

Однако насельники монастыря, которые уже привыкли к тому, что странный монах редко говорит правду, а чаще несет всякую чушь, стали посмеиваться: «Опять, наверное, напился!»

А бедняга все бегал по храму, оббежав не раз каждый закуток, и все кричал, пока не охрип, однако ни один человек так ему и не поверил. Делать нечего. Выбежал Цзи-гун из храма и бросился к воротам деревни напротив.

Первым он встретил старика и взволнованно прокричал: «Сегодня в 12.45 сюда прилетит гора! Быстрее перебирайтесь в другое место, не то будет поздно!» Однако старик ничего не ответил, — не удостоил. А в душе подумал: «Опять бедный дурачок чушь несет!»

Понесся Цзи-гун дальше и наткнулся на старушку, повторив ей те же слова. Сердобольная сначала помолилась, помянув пару раз Будду, а затем, вздохнув и опустив голову, быстро пошла прочь.

Добежав до середины деревни, Цзи-гун повстречался с парнем, которого тоже предупредил о беде. Но тот, почему-то, рассердился: «Что ты людям голову морочишь?! Да если бы и вправду гора прилетела, я бы ее просто взвалил на плечо и унес бы!»

Бегая из конца в конец деревни, Цзи-гун так кричал, пытаясь спасти крестьян, что у него язык опух, однако никто его и слушать не желал; зато детишки бегали за ним толпой, смеялись и дразнили.

Устал Цзи-гун от волнения и беготни, а уйти, бросить людей боится. Сел он под деревом и стал думать. Одежда у него вся промокла, пот по лицу струится. Стал обмахиваться веером — ничуть не становится прохладнее! Тогда он просто прикрыл глаза и сидел неподвижно. А дети вокруг не унимались: «Что же ты зовешь всех убегать отсюда, а сам уселся и спишь!»

И тут издали донесся пронзительный звук дудочки-*соны*, который постепенно приближался. Цзи-гун вскочил и побежал на этот звук. Оказывается, в одном из дворов — радостное событие, дочь замуж выдают. Народу полно, все оживлены. На голове у невесты красная кисея, а у жениха на плечах цветная лента. Молодые в этот момент как раз кланялись, благодаря Небо и Землю, согласно ритуалу.

И тут Цзи-гуна осенило. Он быстро растолкал толпу, выбежал вперед и, обхватив невесту, взвалил ее на плечо. Затем развернулся к улице и побежал-полетел к деревенским воротам.

Поднялся крик; родственники, гости и просто зеваки бросились вдогонку. Они бежали и кричали так, что из других домов стали выходить любопытные, а узнав, в чем дело, тоже присоединились к бегущим.

Так, поднимая пыль, Цзи-гун пробежал два *ли* и вдруг остановился, отпустив невесту. Он сел на землю и стал обмахиваться веером. Тут и толпа подбежала. Хотел, было, жених схватить монаха, но внезапно потемнело, как ночью, поднялся страшный ветер, громкий свист, задрожала земля. Да так, что все крестьяне покатались, словно зрелые тыквы. И только Цзи-гун по-прежнему работал веером, посмеиваясь.

Неожиданно ветер прекратился, тучи разошлись, будто и не было ничего. Люди стали подниматься, отряхиваться, озираться. Смотрят, а деревни их нет и в помине. На ее месте стоит гора! И тут только все поняли, что монах спас их жизни. Цзи-гуна благодарили со слезами на глазах, потому что все видели: их дома раздавлены горой, и, если бы не монах...

Отдохнув немного, Цзи-гун заговорил, и шум разноголосицы сразу же стих. Теперь крестьяне ловили каждое его слово и верили всему, что он говорил. «Эта гора — летающая. Сейчас она здесь, а где будет в следующую минуту — неизвестно. Так что не думайте, что опасность миновала. Прежде чем отправиться на новое место жительства, помогите мне. Я предлагаю вырезать-высечь на этой горе 500 *ло-ханей* (архатов — Л. И.), чтобы они сторожили ее. Вас много, и мы быстро справимся с работой. Не знаю, согласны ли?»

Все, конечно же, с энтузиазмом согласились. Монах снял с себя потрепанную курточку, встряхнул ее пару раз, и из нее вдруг посыпались молотки, зубила и другие инструменты для обработки камня. Облепив гору, как муравьи, и взобравшись на вершину, крестьяне работали сутки, проявляя каждый свое художественное мастерство и чрезвычайно вдохновившись. Каждому хотелось, чтобы именно им высеченные *ло-хани* получились самыми выразительными.

Прошли день и ночь, и наутро монах вскарабкался на гору, чтобы осмотреть работу. Вдруг он рассмеялся: крестьяне так торопились, что забыли вырезать детали, — глаза и брови, и потому было похоже, что наместники Будды крепко спят. «Не беда!» — произнес Цзи-гун.

Он не поленился обойти всех архатов и восполнить пробел. Как он это сделал? Люди просто диву давались: брови он нарисовал длинным, давно не стриженным ногтем, а глаза — подушечками пальцев. Но даже для этого времени потребовалось немало. Зато, когда солнце установилось в зените, все 500 каменных *ло-ханей*, плотно облепив гору, надежно стерегли ее. Вот и осталась она навсегда на этом месте, — напротив храма Лин-инь. Однако название осталось прежним: Летаящая гора.

До сих пор сохранились в высокогорной пещере, что напротив храма Лин-инь *сы*, «кровать» и «стол» Цзи-гуна. Согласно преданиям, монах тайком убегал сюда, чтобы обжарить себе кусок мяса, выпить вина, а затем заснуть с громким храпом. Этими слабостями он напоминает обычного китайца, а потому особенно понятен и близок простым людям.

Почему так любят Цзи-гуна в народе? Разве может настоящий монах есть мясо и пить вино? Сам он отвечал грубовато: «Мясо и вино просвилятся сквозь кишечник и вылетят наружу, а Будда навсегда останется в сердце!»¹

Возможно, помнят и любят за то, что Цзи-гун старался сгладить неравенство между людьми; наказывал, вышучивал, а то и издевался над продажными чиновниками-казнокрадами. Если случалось где-нибудь в пути столкнуться с несправедливостью, готов был и нож вынуть, чтобы помочь попавшему в беду.

Но главным его достоинством в народе считают бойкий, острый язык, умение позубоскалить, проявить юмор, бурно повеселиться; потому что помочь всем и каждому он не мог, зато смех и веселье всегда способны скрасить тяжелую, безрадостную жизнь. А еще его любят за то, что жил он согласно своей философии:

¹ Эта фраза когда-то была произнесена другим человеком, в иной ситуации, достаточно трагической. Существует классический прецедент времен династии Мин, когда некий Чжан Сень-чжун (张献忠), предводитель крестьянского восстания, коварный и хитрый, оккупировав город У-чхан (武昌), атаковал город Юй-чхэн (渝城), ныне — Чхэн-ду, при этом он разбил свой лагерь в монастыре, который находился вне города.

Вояки не только сами жили, как им было удобно, но и заставляли буддийских монахов употреблять в пищу мясо. Один из служителей Будды по имени Пхо-шань (破山) обратился к Чжан Сень-чжуну: «Пообещай, что ты не станешь вырезать все население города, и тогда я соглашусь есть мясо!»

Предводитель дал обещание, а монах Пхо-шань нарушил один из обетов ради того, чтобы спасти жизни тысяч жителей города. Он молился, повторяя такие слова: «Вино и мясо пройдут сквозь кишечник, а Будда всегда остается в сердце».

Когда правду искажают, она все равно остается правдой.

Когда ложь выдают за правду, она остается ложью!

Цзи-гун ушел в мир иной в 1209 году, в 14 день 5 месяца по лунному календарю. Он был погребен в Ху-пхао (虎跑), и несколько позже в этом месте была возведена пагода.

Перед смертью Цзи-гун написал *гатху* (стих религиозного содержания):

Шесть десятков лет свалены в кучу,
Восточная стена соединилась с Западной¹.
Ныне собираюсь вернуться к истоку,
И, как прежде, воды сливаются с небесной лазурью.

Имена Цзи-гуна, которые встречаются в разных источниках:

- Цзи-день;
- Дао Цзи;
- Цзян Лун.

¹ Под «Западом» подразумевается Индия, из которой в Китай (на Восток) пришел буддизм.

Да-мо

Первое знакомство

Несколько лет назад на «блошином рынке» впервые появились фарфоровые статуэтки непонятного мне человека с яркой внешностью. Сначала — лишь одна, и я немедленно купила ее. Затем, «несмело», то в одном ряду, то в другом, стали появляться подобные, и я уже легко распознавала их по следующим признакам: густая, кудрявая черная борода (как известно, у китайских мужчин не растет борода и не бывает кудрявых волос), кудрявые же волосы на затылке, а на лбу — залысина; огромные черные глаза европейского разреза. На нем простой халат, в ушах — серьги-кольца; опирается на грубый посох.

Примерно через год изображения этого человека заполнили наш любимый «рынок древностей». К тому времени я уже знала имя героя — Да-мо, а чуть позже стала понятной и необычная внешность; оказывается, он был индусом, а не китайцем. Но, помимо этой информации, ничего другого никто добавить не мог. Зато удалось приобрести пятнадцать его изображений! И надо признать, что воплощения именно этого человека в фарфоре наиболее загадочны и интригующи во всей нашей коллекции.

Продавцы предлагали маленьких, больших и огромных Да-мо (达摩). Появилось немало и миниатюрных табакерок в виде фигурок Да-мо. Время от времени они по-прежнему появляются в продаже в течение вот уже нескольких лет, что является рекордом. Обычно какой-то герой в фарфоре переживает взлет популярности среди мастеров, а примерно через год он им «надоедает», и они вспоминают о какой-нибудь другой личности, способной их вдохновить в данное время.

И за эти годы мне пришлось немало помучиться, прежде чем удалось добыть хоть какие-то материалы о Да-мо. Больше всего меня интриговало то, что нередко фарфоровый герой держал в руке одну плетеную сандалию; а поскольку я уже давно усвоила, что у китайских мастеров не бывает случайностей в деталях, то очень не терпелось узнать, что это означает, какой несет смысл?

Имея привычку расспрашивать и задавать вопросы буквально всем китайцам, встречающимся на моем пути, я однажды спросила о Да-мо и у

молодого поставщика вин. Этот юноша был родом из Шанхая, учился ранее на литературном факультете, поэтому оказался первым, кто хоть что-то поведал мне.

Я была рада узнать хотя бы то, что Да-мо когда-то давно приехал сюда из Индии и является родоначальником чхань-буддизма в Китае, а потому особо здесь почитаем.

— А почему в руке у него туфля?

— О, на этот вопрос я могу дать сразу шесть версий ответа!

У меня перехватило дыхание от восторга: до сих пор ни один человек не мог дать ни одного варианта, а тут — сразу шесть!

— Откуда так много?

— У меня хорошая память, и я запомнил, как нам рассказывали о Да-мо в институте.

Не очень хорошим языком (шанхайский диалект значительно отличается от общегосударственного языка, и мне мешал сильный акцент) молодой человек пересказал все, что слышал от учителя. Самое досадное, что я все понимала; однако в конце обнаружила, что не способна четко повторить услышанное.

Запомнилась лишь самая экзотическая и довольно вульгарная версия. Якобы, Да-мо очень любил пахучий соевый творог (есть такая его разновидность), а если сказать менее деликатно, — вонючий. И вот, когда у него не было возможности его приобрести и поесть, он просто снимал сандалию и нюхал ее, т. к. аромат от ног напоминал запах *доу-фу*. Конечно, это анекдотичная выдумка. Чтобы восстановить другие версии, я попросила записать и отправить все сказанное мне по факсу (другого способа в те годы я не знала). Пообещав, шанхаец этого не сделал, — кому нужны лишние хлопоты?

Надо ли говорить, что я не только задавала вопросы, но и «прочесывала» книжные магазины, однако в течение многих лет — безрезультатно. И вдруг на знаменитой пешеходной улице Ван-фу-цзин удалось купить двухтомник, и на каждой из обложек был нарисован портрет Да-мо и написано его имя.

Я почувствовала себя такой счастливой, как будто обрела давно разыскиваемого родственника! Тем страшнее было разочарование: в книгах всего 100 глав; из них первые 99 посвящены патриархам и теории буддизма, а имя Да-мо не встретилось ни разу, и лишь последняя, сотая глава, — о годах, проведенных Да-мо в Китае.

Основные сведения о Да-мо

Только через пару лет мне удалось купить другие три книги о буддизме вообще, из которых по крохам удалось хоть что-то собирать о таинственном монахе, и этим я делюсь с читателем.

На санскрите его имя звучит Бодхидхарма, что китайцы перевели как Пху-тхи-да-мо, а затем и вовсе сократили до Да-мо (Дхарма). В каком году он родился — неизвестно, в биографии указывают лишь дату смерти, — 535 год. Возможно, потому, что когда Да-мо прибыл в Китай, на вопрос о возрасте он отвечал — 150 лет; незадолго до смерти на этот же вопрос он тоже ответил: 150. И лишь дату смерти, похоронив его, китайцы зафиксировали.

Этот человек не получил особого признания при жизни в Китае, однако после его ухода слава о нем гремела по всей Поднебесной, и, пожалуй, это самый известный и почитаемый здесь индус.

Он был третьим сыном правителя небольшого южного царства в древней Индии, которое называлось Чжу-сян-дао (в китайской транскрипции), и на родине его почитают, как 28-го патриарха *чхань*-буддизма, а в Китае — как 1-го патриарха, принесшего эту разновидность буддизма на землю Поднебесной («чхань» имеет значение «чистый», а также «созерцать»). Но, прежде чем попасть в Китай, Да-мо в течение многих лет проповедовал это учение в Индии, во многих ее районах и областях, обретя славу и известность.

В молодости он стал учеником Бань-жо-до-ло, 27-го патриарха, который, в свою очередь, был учеником самого Цзя-шэ, родственника, непосредственного ученика и одного из десяти великих последователей Шакьямуни Будды. Произошло их знакомство так.

Бодхидхарма уже в детстве отличался от братьев категориями мышления, и еще до посвящения в монахи степень его просветления была чрезвычайно высокой. Однажды Бань-жо-до-ло был приглашен государем (отцом Бодхидхармы) пожить какое-то время во дворце; отец хотел, чтобы великий учитель познакомил принцев с учением Будды.

Во время одной из встреч с братьями Бань-жо-до-ло вынул огромную драгоценную жемчужину и задал вопрос:

— Эта жемчужина не только необыкновенно яркая, но и имеет на редкость правильную круглую форму. Легко ли достать подобную?

— Такая жемчужина является редким сокровищем, и обычному человеку подобное счастье, — обладать ею, и присниться не может, — так ответили два старших брата.

Ведь они поняли вопрос учителя в обычном, житейском смысле, и так понял бы, наверное, каждый человек. Однако Бодхидхарма ответил совершенно неожиданным образом:

— Про эту яркую, огромную драгоценную жемчужину, излучающую свет, можно сказать, что это сокровище мира, яркость мира, блеск мира, но — не больше. Ее нельзя сравнить с учением Будды, ясностью ума и мудростью. Ибо всем этим обладает лишь буддизм (здесь используется игра слов, подчеркивается значение иероглифов «драгоценный» и «блестящий», которые относятся и к жемчужине, и к учению). Жемчужина не может сиять сама по себе; требуется источник света, направленный на нее, требуется вмешательство извне. А значит, это не подлинная драгоценность. Так же и человек: только когда обретет путь, данный ему учителем, он сможет узнать цену самому себе и станет подлинной драгоценностью.

Освоив учение Будды, повзрослевший Бодхидхарма задал вопрос учителю: «Куда мне направиться для морального совершенствования?» «Сначала ты должен провести в Индии 67 лет в качестве проповедника, а затем отправляйся в Чжэн-дань (так индусы называли Китай)». Потому что еще в древности было записано Буддой, что именно 28-й основоположник-учитель должен будет распространять свое учение в Китае.

Надо сказать, что, прежде чем самому отправиться в Китай, Бодхидхарма прежде послал туда двух послушников-учеников, Фо-тхо и Е-шэ, чтобы они открыли китайцам путь к буддизму, а именно — чхань-буддизму. Разве мог он тогда предположить, как холодно их примут в Поднебесной! Местные монахи отворачивались от них, не желая внимать.

Позже чужеземцам удалось встретиться с великим китайским учителем с горы Лу-шань по имени Хуй Юань, который изучал буддизм. Тот задал вопрос: «Вы монахи из Индии; какое же учение вы распространяете, если вас никто не желает слушать?» Беда индусов заключалась в том, что они плохо говорили по-китайски, знали лишь самые необходимые фразы. Поэтому один из них вытянул руку и произнес:

— Смотрите, я из открытой ладони делаю кулак, а потом из кулака — открытую ладонь. Ну, как, быстро я это делаю?

Хуй Юань ответил:

— Очень быстро!

Индус опять заговорил:

— Точно так же быстро непонимание может смениться осознанием, просветлением.

И великий учитель тут же прозрел. Оказывается, между осознанием и непониманием нет разницы! Непонимание — это осознание, а осознание — это непонимание. Он сразу же изменил свое отношение к гостям из Индии, как только понял эту истину; сердечно принял их и впредь относился с уважением.

К сожалению, посланники из-за моря прожили совсем недолго, и вскоре оба враз покинули этот мир. Их могилы до сих пор сохранились на горе Лу-шань.

Прибытие в Китай

После того, как учение махаяна не только пустило корни в Китае, но и дало некоторые плоды, а также по прошествии назначенного срока Бодхидхарма (в Китае — Да-мо) сам отправился в Китай вместе с буддийскими книгами в виде свитков, которые он намеревался передать китайским монахам. Он переплывал море на обычной лодочке, а потому берегов южного Китая достиг лишь через три года после начала путешествия. Произошло это событие где-то в 520—527 годах, — точно не известно.

Остановился Да-мо в храме Гуан-сяо *сы* в Гуанчжоу, и трудностей ему пришлось испытать не меньше, чем его предшественникам. Главной проблемой было незнание языка, поэтому местные жители, называя его Моло-чха, не понимали, чего он хочет. Стоило детям увидеть этого мужчину с длинной густой бородой, как они в ужасе разбежались, и взрослые решили, что этот индус специально охотится за детьми, и потому строго запрещали детям приближаться к нему. Так что свое пребывание здесь Да-мо начал с изучения языка.

У этого необыкновенного человека все получалось быстро, и вскоре он уже начал проповедовать в монастырях, отличаясь от китайцев лишь внешностью. Однако местные насмешливо встречали «практикующего» иностранного монаха. Хотя в Китае к тому времени буддизм был давно известен, однако присутствовал он лишь формально и не был широко распространен.

Ученые-монахи изучали сутры, исследовали теорию буддизма, обсуждали прочитанное, однако поклонения божествам не было. Монахи привыкли проводить время в высоких дискуссиях и рассуждениях, придавая значение лишь красивым обрядам буддизма. И, уж конечно, в то время не было отшельников: люди с непривычки боялись лишений и аскезы; от долгого сидения в определенной позе затекали и болели ноги, кружилась голова.

Через некоторое время Да-мо был приглашен в столицу Цзинь-лин (ныне — Нанкин) императором У-ди династии Лян (502—557 гг.), который слыл очень благочестивым почитателем Будды, поскольку и сам был посвящен в монахи.

Император как-то спросил у приближенных сановников: «Есть ли кто среди монахов, постигший истину учения?» И ему ответили, что есть такой, — недавно прибывший из Индии монах, проживающий в Гуанчжоу.

Однако при встрече оба человека не смогли найти общего языка, сердечного разговора не вышло. Император задал вопрос патриарху, чрезвычайно гордясь собой:

— С тех пор, как я взошел на престол, имею на своем счету много заслуг и благодеяний. Я открыл много буддийских храмов, в которых монахи переписывают и изучают сутры. Да и сам я стал монахом. Вы согласны с тем, что я совершаю много добрых, высокоморальных поступков и дел?

— Не вижу в этом никаких заслуг, — неожиданно ответил Да-мо.

— Почему?! — рассердился император, который страстно мечтал стать буддой.

— Открытие монастырей, переписка текстов учения, соблюдение поста, ведение монашеского образа жизни, чтение сутр и канонов вовсе не считается подвигом. Это лишь внешние атрибуты буддизма. И за это Небо не вознаградит «большими плодами». За свои труды на земле человек может получить от Неба один из шести путей: может попасть в ад, может стать вечно голодным духом, стать животным, стать архатом, вновь стать человеком или попасть на небо. Но все эти шесть путей — в пределах лишь трех миров: обычного, земного мира, цветного мира и бесцветного мира. И все это так далеко отстоит от возможности превращения в будду, что даже и сравнивать нельзя. Это все равно, что тень человека и сам человек. Такое превращение не каждому дано.

К сожалению, император ничего не понял и очень обиделся.

А действительно, какой монах может получиться из любого владыки-самодура? Если вспомним о красавице-толстушке Ян *гуй-фэй*, которую император постриг в монахини (а ведь это было много лет спустя, когда буддизм уже прочно обосновался на земле Китая), чтобы иметь возможность тайно встречаться с ней в монастыре и проводить ночи, то мы поймем, каково истинное отношение к религии у большинства китайцев, — как к простой формальности.

Да-мо тоже был разочарован и решил пересечь Чхан-цзян, т. е. Янцзы, и направиться на север страны, подальше от императора. Но прежде ему

захотелось посетить еще один храм, где читал проповеди знаменитый нан-кинский священник Шэнь-гуан, в надежде, что найдется хоть один достойный последователь буддизма, понимающий его суть.

Проповедник, которого называли великим учителем, говорил очень цветисто, украшая речь упоминанием «золотых лотосов», т. е. было видно, что он действительно очень хорошо знаком с содержанием сутр, однако понять его изложение сути буддизма смог бы лишь очень образованный человек, но не безграмотные прихожане. И это было заметно по лицам слушающих. В конце проповеди Да-мо подошел к священнику и спросил:

— Чем вы тут занимаетесь, святой отец?

— Проповедую буддизм.

— А для чего вы его проповедуете?

— Чтобы люди смогли отрешиться от жизни и смерти, чтобы избавились от перерождений и стали буддами.

— А что такое жизнь, и что такое смерть? Из того, как вы объясняли людям содержание сутр, можно было понять только то, что бумага у сутр белая, а иероглифы черные. Вы следите лишь за внешней красотой своего действия. А каким именно способом вы можете научить людей, чтобы они смогли избежать перерождений?

Ответить проповеднику было нечего, и он сначала испытал стыд, а затем это чувство переросло в ярость. Заметив это, Да-мо спросил:

— Как же так, вы пытаетесь научить людей умирять плотские страсти, а сами гневаетесь, не можете справиться с гордыней? Это подтверждает то, с чего я начал свой разговор: хоть и рассказывали столь приукрашенно, однако вы ничего не смогли поведать людям о буддизме.

Шэнь-гуан еще сильнее разозлился и, схватив свои металлические четки, это «железное оружие», произнес:

— Сейчас ты, вопреки всем ожиданиям, получишь ответ!

И он ударил Да-мо по лицу (четки у буддийских монахов такие длинные, что свисают с шеи на живот).

Хотя Да-мо владел приемами у-шу и мог бы без труда предупредить удар, он решил не делать этого: если не смог убедить словами во время полемики, а просто ударил, это признак слабости. В результате, соблюдая принципы буддизма, Да-мо оказался с двумя выбитыми зубами во рту.

Он слышал, что у китайцев существует поверье: если кто-то выбьет святому человеку зубы, то там, где они упадут на землю, в течение трех лет будет

страшная засуха. И он подумал: «Если в течение трех лет не выпадет ни одного дождя, то сколько же людей погибнет! А ведь я прибыл сюда, чтобы просвещать народ, а не губить его!» И он, сделав усилие, проглотил свои зубы. Затем, не сказав ни слова, повернулся и ушел.

Он шел, размышляя о своей нелегкой задаче на этой чужой земле, и вдруг увидел клетку с запертым в ней говорящим попугаем с очень ярким оперением. Видимо, даже птица была умнее «великого учителя» Шэнь-гуана, потому что, увидев буддийского монаха, она обратилась за советом, сложив свою речь в виде простеньких стихов:

Мудрец, ты оттуда, где солнце садится,
И мне потому твой совет пригодится.
Ты знаешь,— для неба рождаются птицы,
Скажи, как же выбраться мне из темницы?

(Здесь и далее — поэтический перевод Л. Исаевой)

С тех пор, как Да-мо прибыл в Китай, к нему еще никто не обращался с просьбой научить, просветить, посоветовать, а главное,— никто не прислушивался к его советам. И он радостно поведал птице секрет освобождения:

Не прыгай по клетке и песни не пой;
Ты вытяни лапки и глазки закрой!

Попугайчик дождался, когда придет хозяин, и, увидев его еще издалека, перевернулся на спинку и прикрыл глаза. Хозяин очень любил птичку, часто забавлялся с ней, слушая пение и болтовню, чтобы рассеять печаль. Увидев попугайчика лежащим, он расстроился, открыл дверку и взял его в руки. «Он еще теплый. Видно, недавно умер»,— подумал хозяин. И в этот момент птичка вздохнула и улетела.

Тем временем проповедник Шэнь-гуан, выбив два зуба индийскому монаху со смуглым лицом и курчавой бородой и видя, что тот не стал сопротивляться и защищать себя, решил, что вышел из ситуации победителем.

Однако вскоре к нему явился дьявол в высоком колпаке и заявил:

— Сегодня закончился твой земной путь! Ень-ло, владыка ада, отправил меня за тобой.

— Я должен умереть?! Но ведь я проповедую буддизм, и делаю это очень красиво, ярко и цветисто! И я еще не достиг заветной цели своего монашества — отрешиться от жизни и смерти, от всех страстей и желаний. Я хочу жить! Да и есть ли вообще на земле люди, научившиеся одинаково безразлично относиться и к жизни, и к смерти?

— Есть! Например, тот монах с кудрявыми волосами, которому ты выбил зубы. Поэтому он не только не нужен Ень-ло, но и, напротив, владыка ада готов бить ему поклоны в знак уважения. А ты не использовал редкий шанс, встретившись с патриархом, не пожелал смирить гордыню, не стал просить совета, не захотел признать, что учиться, познавая истину, не стыдно.

— Братец! — униженно заскулил Шэнь-гуан. — А нельзя ли повременить немного? Попроси за меня Ень-ло, пусть даст мне немного времени! Я отправлюсь к индусу и попрошу научить меня сути буддизма, научить отрешиться от всего, даже от смерти.

— Ну, что ж, попытайся; а я уговорю Ень-ло.

Услышав такое, Шэнь-гуан ошалел от счастья и бросился босиком, забыв обуться, искать Да-мо.

Недалеко от храма он увидел свободно летающего попугая, который рассказал монаху историю своего спасения. «Вот оно как, — подумал монах, — птице пришлось притвориться мертвой, чтобы остаться живой. А я, фактически уже мертвый, притворяюсь еще живущим, в надежде спастись. Да-мо не обратил никакого внимания на мою вспышку, будто меня уже и не было на этом свете, так на что я надеюсь, разыскивая его?» И так он шел по следам Да-мо, расспрашивая у людей о монахе с удивительной внешностью, довольно долго.

Уединение в пещере

Между тем тот, кого он разыскивал, добрался до берега Янцзы, однако переправа оказалась нелегкой: волны бушевали, а людей с лодками поблизости не было. И лишь одна старая женщина сидела на берегу, а рядом лежала вязанка камыша. Да-мо попросил у нее один стебель и опустил его на воду. Затем ступил на ствол растения и вошел в особое состояние медитации; глаза при этом смотрели на кончик носа, нос «смотрел» в сердце, а сердце «смотрело» на «красное поле», т. е. на область живота ниже пупка.

Путешественнику помог юго-восточный ветер, и импровизированная лодка стала медленно продвигаться на север. Женщина была так

поражена удивительным зрелищем, что потом в течение долгого времени рассказывала всем и каждому, как на ее глазах монах переплыл бушующую реку на стебле камыша. В Шаолинском монастыре до сих пор хранится картина эпохи Юань, высеченная на камне, под названием «Да-мо на тростнике переплывает реку». Там же есть Беседка Да-мо (или Беседка снега), а также в северо-западной части — келья патриарха, Чху-цзунань. А у входа в Шаолинский монастырь висят парные надписи: «Двадцать восьмой патриарх с Западного неба приплыл в Восточные земли, чтобы основать Шао-линь».

Обосновался индусский монах именно в этом монастыре (название которого переводится «Мало леса»), что в горах Сун-шань провинции Хэнань. Благодаря Да-мо этот монастырь со временем стал одним из самых известных в мире, ведь первоначально приемам боевого искусства обучил монахов именно миролюбивый Да-мо.

Позади монастыря, в горах с забавным названием У-жу фэн, Пик пяти соснов, патриарх отыскал природную каменную пещеру, где и провел девять долгих лет. В иных источниках эту гору называют Сюн-эр шань, Медвежье ухо. В течение всех этих лет Да-мо сидел в пещере, обратившись лицом к стене, погружаясь в созерцание, с раннего утра до позднего вечера, пока не становилось совсем темно. Утверждают, что когда миновало девять лет, на камне, лицом к которому сидел Да-мо, образовался «негатив», точно воспроизводящий фигуру монаха-проповедника.

Таким экстравагантным способом патриарх без всяких книг и письменных знаков обучал других непосредственному превращению в будду. На санскрите эта секта называется *дхьяна*, и ее последователи утверждают, что «когда смотришь в стену, и сердце становится крепким, как стена». Безмолвно, отрешившись от всего, не отвлекаясь на посторонние звуки и образы внешнего мира, сидя в тишине, можно легко добиться «внезапного просветления». Поэтому такой способ называется *чхань-сюэ*, т. е. учение о созерцании. И именно из этого учения впоследствии появилась разновидность китайского буддизма — *чхань-цзун*, *чхань-буддизм* (禪宗).

В этой разновидности буддизма признается 33 поколения учителей-основателей секты. Самый первый учитель-проповедник, Цзя-шэ, получил свое знание от Шакьямуни Гаутама Будды и является основателем *чхань-буддизма* в Западных землях, т. е. в Индии, а последующие

передавали свое знание друг другу. Да-мо, как уже упоминалось, был 28-м из них и принес это учение в Восточные земли, т. е. в Китай.

Буквально несколько слов об истории Шаолиньского монастыря. Он был основан в 495 году монахом по имени Ба-тхо (так оно звучит в устах китайцев), тоже индусом, который прибыл в Китай на 30 лет раньше Да-мо. Проживающие там монахи с появлением Да-мо стали представителями секты «смотрящие в стену», поскольку все они были последователями патриарха.

Всем им приходилось подолгу сидеть неподвижно в тишине, глядя в стену и входя с помощью йоги в состояние медитации, поэтому тело немело и деревенело; приходилось время от времени подниматься и разминать суставы и мышцы. Так что монахи регулярно выполняли упражнения под названием «кулак архата» (*ло-хань цюань*) и «руки 18-ти архатов» (*ши-ба ло-хань шоу*), которыми научил их Да-мо.

Существует два древних трактата, «*Да-мо си-суй цзин*» и «*И-цзинь цзин*», в которых изложены методы Да-мо для поддержания здоровья, «*ян-шэн кхун-фу*». Постепенно к этим упражнениям были добавлены и элементы боевого искусства, первоначально — лишь с целью защиты территории храма, и гораздо позже на этой основе монахи создали методы единоборств «кулак Шао-линя», *Шао-линь цюань-фа*, а также множество других разновидностей боевых искусств.

Но постепенно, с ростом славы и самого монастыря, и его монахов-воинов (*сэн-бин*), императорский двор стал использовать некоторых монахов и в военных целях, жалую за подвиги монастырю — дополнительные земли, а воинам — высокие звания, порой даже генеральские.

В эпоху Сун количество монахов уже превышало две тысячи человек, а во времена династии Мин монастырь достиг наивысшего расцвета. Однако в период последней, цинской династии знаменитый храм начал приходить в упадок, потому что правящий двор, — маньчжуры, завоевавшие Китай, отдавали предпочтение другой ветви буддизма, ламаизму, и всячески поощряли развитие ламаистских храмов. Что же касается Шао-линя, то уникальный храм был практически уничтожен китайскими милитаристами: в 1928 году самые ценные залы и реликвии, включая древние свитки, были сожжены и превращены в пепел.

Если заглянуть в книгу, посвященную тридцати трем основоположникам-патриархам, то окажется, что у многих из них очень необычны и судьба, и обстоятельства появления на свет.

Например, 3-й из них родился в одежде, — в рубашке, и, по мере того, как ребенок рос, увеличивался и размер этой рубашки на нем. Превратившись в юношу, этот буддийский учитель покинул родной дом, и его рубашка превратилась в одеяние буддийского монаха. А после того, как он принял постриг и по-настоящему отрешился от всех мирских дел, его одежда превратилась в особую, специальную рясу.

Когда же наступило время уйти в нирвану, патриарх снял эту одежду и оставил людям со словами: «Только после того, как исчезнет на земле учение Будды, эта одежда истлеет. Если же учение будет вечным, одежда навсегда сохранится именно в этом виде».

10-й патриарх-основоположник пробыл в утробе матери более 60 лет, так что после рождения оказалось, что волосы, борода и усы у него были совершенно седыми.

О Да-мо в этой книге говорится, что ему удалось потеснить в Китае даже даосизм, это исконно-китайское учение, превратившееся со временем в религию. Количество учеников в сектах чхань-буддизма росло, и представители даосского духовенства не могли спокойно смотреть на успехи своих «конкурентов». Особенно сердился духовный глава по имени Кхоу из монастыря Тхай-и гуань; ведь среди новообращенных буддистов было немало и даосов, переметнувшихся к новому учителю.

Опасаясь, что и сам император, увлекшись буддизмом, будет всячески способствовать его распространению, в то время как даосские монастыри обнищают и будут заброшены, духовный глава даосов Кхоу решил вступить в смертельную схватку с буддистами.

Написав «зеленое» даосское заклинание, он отправил в пещеру, где обитал Да-мо с учениками, одного из даосов по кличке Чума, чтобы тот осуществил замысел. Заглянув в пещеру, даос увидел, что учитель с послушниками сидят лицом к стене в состоянии медитации. Посланец тихонько прочел заклинание и запустил в пещеру *мару* (злого духа) чумы и *мару* сна. Эти *мары*, не мешкая, проникли в ноздри и желудки монахов. Все, кроме Да-мо, чихнули пару раз и рухнули на пол, уснув глубоким сном.

Через несколько дней монахи тяжело заболели, их бросало то в жар, то в холод. Да-мо тут же понял, в чем дело. Сначала он велел послушникам промыть по системе йоги нос, избавившись от *мары* сна, а затем отправиться в горы за растением под названием «золотые и серебряные цветы». Цветы заварили и постоянно пили, как чай.

Но что удивительно: стоило одному монаху поправиться, как тут же заболел другой. И тогда Да-мо впервые научил их укреплять здоровье, иммунитет и дух. Он показал, как надо, читая молитву «Очищение сердца», одновременно выполнять упражнения «Сердце влияет на кулак». Уже через несколько дней все монахи окончательно поправились. Кожа у них стала румяной и блестящей, тело — крепким, и впредь уже никакая зараза не могла проникнуть в их организм.

Даос Чума вернулся ни с чем, однако настоятель Кхоу на этом не успокоился и придумал другой план. Он написал киноварью следующее, «красное» заклинание и отправил с ним старого даоса по кличке Волк.

Этот даос велел лесному волку день и ночь ходить вокруг знаменитой пещеры и устрашающе завывать. Стоило какому-нибудь монаху отправиться в горы за хворостом или водой, как волк начинал гнаться за ним, и некоторые из монахов даже были ранены.

Монахи до того испугались, что просто умоляли Да-мо перебраться в какое-нибудь безопасное место. Учитель, не изменив позы, ответил: «Чем больше боитесь, тем более свирепым становится волк. Мы не станем менять место!»

Услышав такой категоричный ответ, монахи успокоились.

Однажды два послушника принесли Да-мо еду. Войдя в пещеру, они увидели того самого волка, который, открыв пасть и ощерив зубы, взгромоздил передние лапы со страшными когтями на плечи учителя и так стоял позади него на задних лапах. А Да-мо по-прежнему сидел лицом к стене, скрестив ноги, и даже не шелохнулся.

Монахи схватили бамбуковые палки и, громко крича, стали лупить волка, и били до тех пор, пока он не сдался и не убежал.

— Нехорошее это место, — стали опять уговаривать монахи, — давайте уйдем отсюда! Еретики, эти лжеучителя, все равно не успокоятся!

Да-мо подумал и ответил:

— Придут к нам с добром, добром и отвечайте; а придут со злом, зло и получают. Они показывают нам зубы, а мы им покажем кулак. Если сделают еще одну попытку, получают достойный ответ. Лишь одного никогда нельзя делать, запомните это: нельзя убивать.

И монахи согласились с наставником. Впредь, если им приходилось уходить в горы, они прежде делали упражнения, закаляя тело и дух. И случай проверить себя вскоре представился.

Однажды несколько монахов отправились за хворостом, и на склоне холма к ним выскочило сразу несколько волков. Как и учил Да-мо, ребята

не растерялись, а бросились в сражение со своими «железными» кулаками, обратив, в конце концов, зверей в бегство.

А одного из них, который и был оборотнем-даосом по кличке Волк, схватили и притащили в пещеру, чтобы Да-мо взглянул на него. Да-мо, скользнув по тому взглядом, сказал:

— Небо и Земля так далеко друг от друга! В Китае два учения, буддизм и даосизм. Почему бы нам не развивать, не распространять каждый — свое учение? К чему эта борьба?

Даос выглядел пристыженным и ничего не отвечал. Вернувшись в храм Тхай-и гуань, рассказал обо всем настоятелю, и тот вынужден был последовать совету Да-мо.

Однако в душе он продолжал негодовать, боялся, что буддизм, который пришел с запада, продолжит свое распространение на восток, а потому духовный лидер переименовал ближайший город Си-лин (Западный перевал), что в уезде Сун-ян, в Цзинь-дун-лин (Перевал на восток строго запрещен). Конечно же, название не помогло, и позже буддизм распространился в Китае повсеместно, значительно потеснив даосизм.

Не стало вмешательства извне, и в пещере Да-мо установилась такая тишина, что когда послушники сидели лицом к стене в молитвах, было слышно, как в пещере ползают муравьи. А у патриарха, который был единственным обладателем роскошной кудрявой шевелюры, ласточки вили в волосах гнездо, а пауки оплетали сетями его соединенные ладони, и так — все девять лет.

Испытание Шэнь-гуана

Шэнь-гуан тоже был рядом с Да-мо. В свое время он прошел немало дорог, пока разыскал патриарха в горах Сюн-эр *шань*, Медвежье ухо. Он страстно хотел спасти свою жизнь, а потому во всем подражал учителю, который его, казалось, по-прежнему не замечал. Говорят, что когда Да-мо сидел в позе лотоса, Шэнь-гуан стоял рядом на коленях, желая, видимо, вымолить прощение.

Конечно же, были монахи, которые не выдерживали такой трудной жизни и покидали монастырь. Одни уходили, другие приходили, и только Шэнь-гуан от начала до конца был рядом с учителем.

Когда я кому-нибудь рассказываю о том, что Да-мо в течение девяти лет просидел лицом к стене, меня тут же спрашивают: «И он девять лет не

ел?» Конечно же, ел; монахи — живые люди. Если Да-мо шел подкрепиться, Шэнь-гуан тоже шел. А когда Да-мо вновь садился в позу лотоса, Шэнь-гуан тоже вставал на колени.

Однажды, на девятом году, выпало небывалое количество снега, так что Да-мо и Шэнь-гуан по пояс завалило белыми хлопьями. И учитель впервые заговорил с учеником:

— Выпал такой глубокий снег, что ты тут делаешь?

— Я хочу научиться одинаково безразлично относиться и к жизни, и к смерти. Прошу патриарха поделиться со мной этим умением.

— Взгляни, что падает с неба?

— Снег...

— А какого он цвета?

— Белый...

— Вот когда снег станет красным, я открою тебе свое знание. Если же красного снега не будет, то и надежды у тебя не может быть на мое откровение! Ты злой монах, — ударил меня по лицу железными четками. Я не желаю тебя наказывать, я милосерден. Но как я могу такому человеку передать свое учение?

Слова эти Да-мо произнес, конечно же, лишь для того, чтобы испытать Шэнь-гуана. Кто же мог подумать, что раскаявшийся монах примет их за чистую монету?

Он заметил на стене ритуальный нож, которым брили монахов во время посвящения. Схватив нож, Шэнь-гуан отрубил себе левую руку. Белый снег окрасился кровью. Радостный, он зачерпнул этот снег и поднес Да-мо. От возбуждения он даже боли сначала не почувствовал.

— Патриарх, взгляните! Снег красный!

И Да-мо воскликнул непривычно эмоционально:

— В конце концов, я не зря прибыл в Китай! Ведь я встретил тебя, человека, который так искренне жаждет познать истину. Житейские хлопоты и святость... боязнь трудностей и пренебрежение к ним... одинаково спокойное отношение и к жизни, и к смерти... Ты УЖЕ не боишься смерти, и можешь стать не только моим учеником, но и следующим, 29-м патриархом...

Только после того, как учитель закончил говорить, Шэнь-гуан вдруг почувствовал страшную боль.

— У меня так болит рана, что, кажется, и сердце болит; я прошу патриарха успокоить мое сердце.

— Дай мне, пожалуйста, свое сердце, чтобы я мог его успокоить.

Удивленный, Шэнь-гуан отправился искать; «и на севере искал, и на западе; на востоке и на юге; и вверху, и внизу», — нигде не нашел.

— Я не смог найти свое сердце, — сказал он учителю, когда вернулся.

— Значит, ты давно отдал его мне! И твое сердце уже спокойно.

И Шэнь-гуан мгновенно испытал великое прозрение: «Все закономерности сводятся к единственной!» Но к чему сводится эта единственная? Отправившись на поиски учителя из эгоистических побуждений, он, оказывается, давно овладел учением Да-мо.

В честь этого события в монастыре и поставлена Беседка снега.

Став последователем Да-мо, Шэнь-гуан взял новое имя, Хуй-кхэ, т. е. «Многомудрый и несущий добро». Однажды он задал вопрос учителю:

— У вас в Индии тоже есть монахи-распространители буддизма? И они тоже носят рясу и чашу для подаваний, которые являются свидетельством их принадлежности к последователям Будды?

— Нет, у нас, в Индии, вовсе не требуется такого рода подтверждения принадлежности к монахам. Индусы в этом плане очень честны. Они не смогут сказать о себе «я уже обрел путь», «я стал архатом» или «стал бодхисаттвой», если этого нет на самом деле. Если послушник обрел путь, став монахом, он так и скажет. И достаточно лишь одного человека, который смог бы это подтвердить. Причем, чаще всего, если подтвердить некому, то человек постесняется сам заявить о своем достижении.

В Китае же все обстоит иначе. Хотя среди вас и много последователей махаяны, однако и лгунов, причисляющих себя к верующим, тоже очень много. Являясь лишь послушниками, хвастливо заявляют, что они уже монахи. Чтобы избежать обмана и самозванства, китайским монахам приходится носить отличительные атрибуты — рясу и чашу. И поэтому я сейчас намерен передать тебе эстафету, вручить регалии, монашеские аксессуары. Вот тебе ряса, береги ее!

После девяти лет медитации в пещере всем монахам Шао-линя постепенно удалось уговорить Да-мо перебраться жить к ним, в монастырь, и Да-мо стал вторым настоятелем в истории этого монастыря.

В течение всех этих лет множество людей приходило к Да-мо, чтобы поклониться ему, как великому учителю. Но были и завистники, причем, не только среди даосов. Его шесть раз пытались отравить, и делали это одни и те же люди. Популярности и влиянию Да-мо очень завидовали два человека, благочестивый отец Лю Чжи и священник Гуан Люй.

Однажды они почтительно поднесли Да-мо постное, очень простое блюдо из корнеплода сарептской горчицы, внутри которого был яд. Да-мо понял, что блюдо отравлено, однако послушно съел его. Затем велел принести чашу и на глазах у всех выплюнул в нее небольшую змейку. Лю Чжи был потрясен: почему столь сильный яд не подействовал? И как он мог превратиться в змею?

Во время второй попытки он увеличил дозу яда. И Да-мо опять съел отравленное. После этого подошел к большому камню во дворе и исторг из него содержимое желудка. Камень взорвался, столь сильным был яд.

Однако злодеям было недостаточно этих случаев, чтобы убедиться в сверхъестественных силах Да-мо, и они еще четыре раза предпринимали попытки отравить его; естественно, — безрезультатно.

Однажды Да-мо обратился к Хуй-кхэ, своему ученику и последователю:

— Я пришел в Китай, чтобы, прожив здесь несколько жизней, укрепить корни махаяны. Теперь у меня здесь немало последователей, которые будут распространять учение дальше. А я должен уйти из этого мира, достигнув нирваны.

После смерти Да-мо его положили в гроб, как и положено, и закопали на горе Сюн-эр *шань*. Однако именно в это же время совсем в другом месте — в районе горы Цхун-лин, некий императорский чиновник по имени Сун Юнь столкнулся на дороге с патриархом Да-мо. Да-мо, держа в руке одну сандалию, сказал:

— У вас в стране случилось несчастье, ваш император сегодня умер! Немедленно возвращайся в столицу.

Однако Сун Юнь гораздо больше был потрясен встречей с Да-мо, чем печальной новостью, и он спросил:

— Великий учитель, а куда направляетесь вы?

— Я возвращаюсь в Индию.

— А кому же теперь вы будете проповедовать свое учение?

— Возможно, я вновь появлюсь в Китае через 40 лет...

Когда Сун Юнь вернулся в столицу, там уже все говорили о смерти Да-мо, и когда чиновник поведал о своей встрече, ему не поверили. Однако верующие толпами бросились к могиле, и когда ее вскрыли, тела Да-мо внутри не оказалось, лежала лишь одна сандалия.

Вторую, как вы помните, он держал в руке при встрече с сановником совсем в другом месте Китая, чтобы запомниться, чтобы привлечь таким жестом внимание. Вот и ответ на мой вопрос, почему «фарфоровый» Да-мо нередко изображен лишь с одной туфлей. А легенда о пустой могиле чем-то

перекликается с евангельскими сказаниями о пустом гробе Господнем после смерти Иисуса Христа.

Где же он сейчас? Верующие говорят, что патриарх Да-мо умел изменять свою внешность, имел «тысячу обликов», потому его и не узнают люди. Когда он прибыл в Китай, ему было 150 лет, а когда покинул мир, ему по-прежнему было 150. И наука не в состоянии объяснить это.

Перед смертью Да-мо сказал: «Я приехал в Китай, чтобы поделиться моими знаниями, и для этого я выбрал трех человек; патриарху Хуй-кхэ я передал свой «костный мозг», сердцевину учения; проповедник чхань-буддизма Дао-юй получил мои «кости», основу учения, а послушнику Дао-цзи я передал свое «мясо», тексты учения».

Говорят, что послушник Дао-цзи знал наизусть все буддийские книги, и после смерти у него изо рта вырос цветок лотоса.

Небесные двойники Хэ-Хэ

В телесной форме лучше всего — согласие,
А в чувствах лучше всего — естественность.
В согласии не расстанутся,
В естественности не утомляются.

Ле-цзы

Наша коллекция

Эти милые двойники (和合二仙) настолько популярны, настолько любимы в народе, что за них даже развернулась «борьба». Даосы считают, что это единственные даосские небожители-дети, и непременно изображают их среди своих божеств. А буддисты убеждены, что Хэ-Хэ — их божества, и единственная книга о них, которую мне удалось достать, вернее, которую мне подарила китайская подруга Си Сяо-дун, рассказывает о перипетиях их жизни и посвящении в буддийские монахи.

Я все же осмелюсь высказать свое нескромное мнение: Хэ-Хэ — даосы! Я не видела ни одного изображения этих мальчиков с лысыми головами, они всегда — лохматые, как и Лю Хар. Ведь общеизвестно, что даосские монахи волосы не стригут, а буддийские бреют головы.

Как произошло мое первое знакомство с ними? В какой-то книге я прочитала беглый пересказ их истории. Жили, якобы, в одной из деревень на севере Китая сводные братья Хань Шань (寒山) и Ши Дэй (拾得). Однако жили они между собой настолько дружно, уступая друг другу во всем, что все в деревне ставили их в пример своим детям, мол, смотрите, вы — родные братья, а между вами нет согласия; а те — сводные, а берегут друг друга, заботятся взаимно, будто самые родные.

За это их и прозвали Хэ-Хэ (和合). Хотя их имена-прозвища звучат одинаково, однако записываются разными иероглифами и имеют разный перевод: Приветливый, Дружественный, Мирный — имя первого, Гармония, Единство — имя второго.

Хань Шань был чуть постарше Ши Дэя. И хотя они родились от разных матерей, каждый был готов поступиться даже личным счастьем ради брата.

Повзрослев, они полюбили одну девушку, но до поры до времени не знали о тайне друг друга. И лишь когда старший собрался на ней жениться, все и выяснилось.

Тогда старший ради счастья младшего тайком покинул дом. Он ушел очень далеко, на юг Китая, и в прекрасном городе Сучжоу стал монахом.

Младший, Ши Дэй, расстроился, узнав о решении брата, и сказал девушке: «Прости, не могу на тебе жениться. Как я могу жить в радости, зная, что он где-то скитается... Я должен отправиться на поиски брата».

Преодолевая горы и реки, испытывая множество трудностей, он искал Хань Шаня повсюду. И, наконец, благодаря расспросам, ему удалось отыскать место, где тот обосновался. А поскольку при встрече у китайцев принято дарить друг другу подарки, а бедным братьям подарить было нечего, Ши Дэй сорвал цветок лотоса и преподнес старшему, а Хань Шань протянул младшему свою коробочку с постной едой, поскольку в момент встречи как раз обедал.

Радости не было границ, и оба брата стали монахами. Они постепенно обустроили сначала пещеру в качестве храма, а затем, поскольку народ, что называется, валом валил к удивительным братьям за советом и утешением, им удалось собрать достаточно денег на постройку настоящего храма, который получил имя Хань Шань. Так говорится в легендах.

Этот храм стоит и по сей день, и до сих пор желающих попасть туда, и верующих, и просто туристов, так много, что их поток похож на течение реки.

На самом деле этот храм был построен в период Южных династий, во времена правления первого императора У-ди династии Лян (502—557гг.), и насчитывает он уже более полутора тысяч лет. Вначале он носил другое название, длинное и сложное, а во времена правления Тхан был переименован в Хань Шань-сы (寒山寺).

Поскольку в этом названии есть иероглиф «гора» (*шань*), то многие думают, что и назван он в честь горы. На самом же деле вокруг нет ни одной крупной горы, а название связано с именем монаха Хань Шань-цзы.

В храме выставлен удивительный черный камень, на котором высечены фигуры братьев во весь рост и их имена. Этот камень сохранился с давних времен.

Мы были счастливы побывать там и как бы прикоснуться к этой удивительной истории. У огромных и очень красивых, ярких статуй этих двойников в одном из залов экскурсовод бегло, скороговоркой, пересказывал одну

легенду за другой, и я очень жалела, что не в состоянии быстро осмыслить и запомнить рассказанное на китайском.

Во время первого посещения статуи были раскрашены, как живые, и одежда на юношах была разноцветной, — они выглядели очень естественно. К сожалению, через много лет, когда мы еще раз посетили уникальный храм, глиняные изображения заменили бронзовыми, покрытыми позолотой, и «металлические» герои уже мало напоминали очаровательных мальчиков, какими они рисуются в воображении.

Есть в храме и уникальный колокол, в состав которого входит много золота, специально для этой цели пожертвованного японцами.

Оказывается, японцы особо поклоняются небесным двойникам Хэ-Хэ и почему-то именно тридцать первого декабря каждого года приезжают сюда в огромном количестве. Те, кто бывали здесь в этот день, говорят, что, сколько видит глаз вокруг, — все черные головы японских туристов. И колокол тридцать первого декабря звучит очень громко и звонко, так что слышно очень далеко.

В старом Китае изображения Хэ-Хэ было принято вывешивать во время свадебной церемонии с пожеланием молодым так же трепетно относиться друг к другу, уметь так же уступать и жертвовать ради счастья другого, как это делали знаменитые братья.

Храм в Сучжоу мы посетили несколько позже, а сначала я лишь прочитала вышеизложенную легенду и, впечатлившись, везде, где могла, искала глазами их имена: в книгах, в журналах, в подписях к картинкам.

Коллекции фарфора у нас тогда еще не было, не было даже мыслей, что-бы собирать его. Все произошло спонтанно и в то же время — естественно. Хочется окунуться в воспоминания.

Пекин быстро меняется. Сносятся целые кварталы, исчезают с лица земли прелестные улочки с национальным колоритом, а на их месте необыкновенно быстро вырастают высоченные безликие дома. А нам повезло! Мы еще застали, мы видели те самые *ху-тхуны* (узкие переулки) и прелестные дворики, которые ныне воспевают художники, выставляя свои работы на «блошином» рынке. Похоже, совсем скоро лишь на картинках и можно будет увидеть невозвратно ушедшее, притягивающее иностранцев.

Одним из таких притягательных мест был длинный и холодный «ангар» на нынешней улице Чхао-ян-вай, где справа и слева располагались лавки с антиквариатом. Боже, какой там стоял запах старого дерева (мебели и

поделок)! От него слегка кружилась голова, и сердце замирало от предчувствия соприкосновения с чем-то загадочным.

Денег у нас тогда было совсем немного, да и потребности особой не было покупать что-либо; просто ходили, любовались, через старые предметы быта жадно впитывали Китай, о знакомстве с которым я столько лет мечтала.

Было очень холодно (зима!), продавцы-перекупщики, в основном, молодые, предприимчивые люди, которые скупали старые вещи в горных селениях, а затем продавали в столице, были одеты в военные ватные пальто зеленого цвета.

В одной из лавок я просто остолбенела от удивления: парень в армейском ватнике, шмыгая носом, ел горячую «растворимую» лапшу, чтобы согреться. Но из чего он ее ел! В руках он держал старинную миску тончайшего фарфора, фантастически красиво расписанную вручную: городской пейзаж, фигурки людей... Видно, взял с витрины первую попавшуюся.

Я не удержалась:

— А если разобьешь? Не боишься?

Он подхватил палочками очередной моток лапши и, улыбаясь до ушей, ответил:

— Нет, не боюсь! Если и разобью, что тут такого?

Думаю, купил он ее не дороже десяти юаней, и для него это — вовсе не предмет искусства, возможно, даже музейная вещь, а просто предмет торга: купил за десять, а продать может за пятьдесят, за сто.

Если бы не этот диалог, я бы не обратила внимания на старую фарфоровую статуэтку. Женщина лежала на боку, подперев голову рукой. Пучок волос являлся, оказывается, одновременно и пробочкой, а вся фигурка — сосуд для благовоний.

Мало сказать, что эта вещица была очень красивой; она меня сразила так, что я потеряла покой. Мне показалось, что ее лицо очень похоже на мое, что это я сама в какой-то прошлой жизни. Но сто двадцать юаней! Это была немыслимая цена для нашего кошелька в то время.

Обычно китайцы сильно завышают цену, поэтому и легко снижают, с ними не трудно торговаться. Но тут продавец не уступал ни одного юаня; похоже, действительно не мог этого сделать. Я ушла опечаленная, и грусть не проходила в течение недели. Дней через семь-восемь я заболела гриппом, и муж сказал:

— Поехали!

— Куда?

— Буду тебя лечить!

— Как?

— Сначала таблетками, — заедем в аптеку, а потом — духовно.

— Как это?

— Увидишь!

Я даже предположить не могла, что он решил купить мне ту самую фарфоровую тетушку, потому что двадцать лет назад сто двадцать юаней — слишком высокая цена для безделушки. Но я всегда помнила вычитанную где-то фразу: «У женщины либо вообще не должно быть безделушек, либо они должны быть роскошными».

Продавец нас узнал, но стоял на своем; мол, вещь самому досталось дорого, уступить не может. «Чтобы вам не было так обидно, могу в придачу подарить вот это», — и он вынул из-под стекла вещицу розовато-оранжевого цвета. Я положила на ладонь прохладную камю из коралла и поняла, что происходит что-то неправильное.

На овальном кусочке были вырезаны цветы и плоды шиповника, а на изнаночной стороне был маленький скол. Наверное, из-за этого брака вещь и показалась ему не стоящей. Заплатив за тетушку, мы попрощались и вышли. Я прошептала:

— Идем скорее отсюда!

— Почему?

— По-моему, он подарил мне настоящее сокровище!

— Да это просто кусок пластмассы!

Мы прошли по ангару уже довольно большое расстояние, и я обратилась к продавцу в другой лавочке:

— Сколько это может стоить?

У парня загорелись глаза:

— А почем ты купила?

Но я уже спрятала кулачок с камеей в карман и поспешила к выходу. Муж смеялся:

— Боишься, что догонит и отнимет? Да это пластмасса! А если и коралл, то достался он ему юаней за пять.

Через несколько недель мы обратились к специалисту, старому дедушке из «прошлой эпохи», который скупал и продавал подобные вещи на цивилизованном рынке антиквариата, в многоэтажном теплом здании, и тот предложил

нам купить наш шиповник за полторы тысячи юаней. Когда я, отказавшись, хотела продолжить свой путь, он крикнул вслед: «Две тысячи!». Я, помахав ему рукой, удалялась все дальше, а он кричал вслед, увеличивая сумму: «Пять!»... «Семь!»

Вот таким было начало нашей коллекции фарфоровых статуэток. А коралл я отнесла к ювелиру и сделала красивую брошь. Скол, закрытый оправой, никому не виден. Торговец не уступил ни юаня за статуэтку, зато подарил камео, которая стоит много тысяч! Таковы парадоксы рынка древностей.

Все выходные мы проводили на «блошином», я покупала без всякой системы понравившиеся мне вещи: вазочки, тарелочки, фарфоровые корбочки... Статуэтки практически не встречались, наверное, не было спроса.

Однажды иду вдоль рядов и вижу на земле двух крупных фарфоровых человечков на одной подставке, — какая-то композиция; один — высокий, другой намного ниже. «Наверное, мать с ребенком», — подумала я, потому что фигуры были черными от грязи, лица были такого же цвета, как и их волосы, — под толстым слоем многолетней копоти (воздух в Пекине невероятно грязный!).

Хотела, было, пройти мимо, да что-то меня остановило:

— Кто это?

— Небесные двойники Хэ-Хэ.

Я женщина эмоциональная и впечатлительная, поэтому у меня даже колени подогнулись, ноги ослабели. Как я мечтала увидеть их хоть на картинке! Я знала лишь одну, изложенную выше, историю о них, и этого мне было достаточно, чтобы навсегда влюбиться в них. А тут вдруг — фигуры в фарфоре!

— Сколько?

— Сто двадцать!

Я ни на секунду не замешкалась и стала вынимать кошелек. Подруга, кстати, торговый работник, схватила за руку:

— С ума сошла! Разве можно без торга!

— Боюсь, кто-то другой перекупит! Я так о них мечтала! Это же Хэ-Хэ!

— Убери эмоции с лица! Продавцы же психологи! Никому эти Хэ-Хэ не нужны, кроме тебя! Иди вперед, я сама поторгуюсь.

И купила мне за шестьдесят юаней «эту грязь», как она выразилась. Так с тех пор и повелось, «шестьдесят» стало кодовым числом; в основном, именно за эту сумму мы покупали все остальное, за редким исключением. Даже когда прошли годы, и цены на все значительно повысились, мы упорствовали; сколько бы продавцы ни называли, я сердилась:

— Я уже купила немало подобного, и все — только за шестьдесят.

И нам уступали, потому что за эти годы мы стала «своими людьми»; но главное, моя фраза настолько озадачивала их, что они не смели возражать: а может действительно, так и надо, — только за шестьдесят?

Дома, поставив фарфоровых мальчиков на резиновый коврик на дне ванной, я приступила к работе, которая впоследствии превратилась в ритуал. Найти, сторговать, купить, принести домой — это еще полдела. Самый потрясающий момент — впервые увидеть вещь по-настоящему, когда она отмыта.

Я смывала грязь с мальчиков жидким мылом для посуды и дряла щетками; спины и халаты — большой и жесткой; лицо — зубной. А затем убирала грязь струей из гибкого шланга и вновь намыливала... «Ты посмотри, какой «деготь» с них стекает, — кричала я мужу из ванной, — я мою уже в пятый раз, а вода все еще черная».

Это была нелегкая работа, но результат того стоил! Когда показались лица во всей красе белоснежного фарфора, я даже вскрикнула от восторга. Лица светились! Наверное, именно тогда я по-настоящему влюбилась в фарфор. Я еще ничего не понимала в нем, но, наверное, если вещь настоящая, этого нельзя не почувствовать даже дилетанту.

Так что тетушка-безделушка для благовоний была первой, хоть и не имеющей отношения к фарфоровым персонажам китайской истории и культуры, а началом коллекции явились все же Хэ-Хэ. С тех пор мне стало интересно разыскивать героев, о которых я читала или слышала, и читать, читать, читать, отыскивать литературу о них, потому что чем больше знаешь о тех, кто стоит у тебя на полках, тем более одушевленными они тебе кажутся.

Один из братьев сидит на корточках с коробочкой в руках, другой стоит с цветком лотоса на плече, поскольку цветок — очень крупный. Изображения этих святых, в принципе, очень похожи, но иногда встречается одна особенность, а именно — из коробочки для еды в руках одного из Хэ-Хэ вылетают пять летучих мышей, которые символизируют пять видов счастья:

- долголетие;
- богатство и знатность;
- доброе здравие;
- добродетель во всех областях;
- естественную кончину.

За прошедшие годы мы купили более десяти изображений этой замечательной парочки, но все же самая первая покупка не только самая любимая и самая красивая, но, наверное, и самая ценная с точки зрения специалиста.

Сколько бы ни смотрела на них,— не надоедает. Какое бы плохое настроение или самочувствие ни было, а случайно коснешься взглядом,— и потеплеет на душе.

Какой фарфор я видела раньше в магазинах или в домах друзей у себя на родине? Это были, как правило, балерины или дамы в роскошных платьях,— немецкое производство. Что можно сказать о них? Красивы! И все. Наверное, тому, кто не вник в суть китайских статуэток, они покажутся грубыми по сравнению с европейскими. Но если познаешь замысел художника, то увидишь душу фарфорового человека, его характер, потому что за каждым из них — его собственная история.

Покровители любви

В Древней Греции богиней любви была красавица Афродита, являвшаяся из морской пены. В римской мифологии покровительницей любви считалась Венера. В китайской же мифологии очень трудно назвать кого-то в качестве настоящего божества любви. Однако Хэ-Хэ вполне могут претендовать на роль покровителей супружеской любви.

Но прежде надо рассказать о *Вань-хуй гэ-гэ*, то есть о братце Вань-хуй, поскольку до появления в мифологии Хэ-Хэ символом братской любви был именно он. На первый взгляд может показаться странным, что этим символом являлся «придурковатый» монах, однако и на Руси к блаженным относились с нежностью, и это роднит нас с китайцами.

Следует сделать ремарку о том, что имя мальчика записывается слогом, который в русском языке считается неприличным, однако в китайском языке этот слог очень распространен, а значение имени довольно красивое.

Говорят, Вань-хуй был родом из провинции Хэнань, и настоящая его фамилия — Чжан. Жил он в эпоху Тхан, родился пятого числа пятого месяца 632 года. Как сказано в исторических записях, был он мальчиком болезненным, сильно отставал в развитии и к восьми-девяти годам не умел даже говорить.

К двадцати годам ничего не изменилось, юноша по-прежнему не разговаривал и целыми днями сидел или бродил по деревне с совершенно голым выражением лица.

Был у него старший брат, который служил в армии на Ляодунском полуострове. От этого брата давно не было вестей, зато порой доходили слухи о том, что он, якобы, уже умер. Поэтому родители тосковали и часто плакали. И вдруг Чжан Вань-хуй заговорил: «Не печальтесь, не переживайте, батюшка и матушка. Приготовьте-ка лучше побольше съестного и одежду, чтобы я мог отнести все это брату. Я собираюсь навестить его».

На следующий же день рано утром Вань-хуй покинул дом. Выйдя за ворота, он как будто бы полетел, — настолько быстро удалялся; ни лошадь, ни верблюд за ним не угнались бы.

— Счастливого пути! — едва успел крикнуть ему отец вслед.

Но самым удивительным было то, что Вань-хуй очень быстро вернулся, да еще и письмо от брата принес. Конверт даже был еще влажным в тех местах, где его запечатывали. Вскрыли — действительно, почерк старшего сына. Как же смог Вань-хуй обернуться туда и обратно за один день? Ведь преодолеть ему пришлось около десяти тысяч *ли*! С тех пор и прозвали юношу «Вань-хуй», то есть «Вернувшийся после преодоления десяти тысяч *ли*».

Это настолько поразило людей, знавших о событии, что они стали распространять слухи о юноше, мол, это не простой смертный, это сама бодхисаттва спустилась в мир людей под видом душевнобольного мальчика.

Как известно, китайский монах Сюань Цзан, также живший в эпоху Тхан, в свое время отправился в Индию за священными сутрами. Его путешествие и приключения описаны автором У Чхэн-энем в знаменитом романе «Путешествие на Запад». И вот когда он прибыл в Индию, ему, якобы, приснился сон, и во сне Будда поведал ему, что бодхисаттва по имени Вань-хуй, перевоплотившись, спустилась в мир людей в районе провинции Хэнань, именно в той деревушке, где родился больной мальчик, чтобы просвещать и наставлять на путь истинный людей.

Поэтому, когда монах Сюань Цзан через много лет возвращался на родину, он специально по пути посетил эту деревню, чтобы повидаться с мальчиком. При встрече он обратился к нему с глубоким почтением, назвав Буддой. Когда они вдвоем завели беседу об Индии, о ее людях и их обычаях, оказалось, что Вань-хуй гораздо лучше осведомлен, знает намного больше подробностей и деталей.

Весть о необычном юноше достигла императорского дворца, и он был приглашен на аудиенцию. При этом императрица У Цзэ-тхень пожаловала ему парчовый халат и яшмовый пояс и провела с ним в беседах целый день.

Когда Вань-хуй возмужал, он превратился в настоящего богатыря, высокого и стройного, и не было ему равных за столом: никто не мог съесть и выпить столько, сколько он.

Умер Вань-хуй в столице Чхан-ань в возрасте восьмидесяти лет. Его почитали и во дворцах, и в народе, ибо верили, что он может предугадывать события и способен предотвращать бедствия.

Несколько позже он получил в народе другое имя-прозвище, — Хэ-Хэ (т. е. «мир», «гармония», «единство»), а потому превратился в божество «встречи после долгой разлуки», «объединения», «единения». Иногда его называли еще и *Вань-хуй гэ-гэ*. Постепенно «гэ-гэ» («братец») превратилось в Хэ-Хэ.

В эпоху Сун (следующая после Тхан) в народе стали совершать обряды поклонения ему в месяц *ла*. Статуи представляли собой смеющегося мальчика со взлохмаченными волосами в зеленом халате. В левой руке он держал барабанчик, а в правой — палочку. В народе верили, что родные и любящие, даже если они находятся вдали друг от друга, с помощью Хэ-Хэ смогут вернуться и соединиться.

Возможно, впоследствии людям показалось, что если это будет не один мальчик, а два с похожими именами Хэ и Хэ, то все будет выглядеть еще милее и симпатичнее. Таким образом, в народном творчестве один человек как бы раздвоился.

Затем появилась легенда о Ши Дэй и Хань Шане, о которой говорилось в начале главы. У Хань Шаня, старшего, возникла такая биография. Имя — Хань Шань-цзы, это был буддийский монах и поэт одновременно. Жил он в эпоху Тхан в селении на горе Тхень-тхай, а точнее — у скалы Хань, отсюда и произошло его прозвище Хань Шань-цзы (сын Холодной горы).

В детстве он часто навещался в монастырь неподалеку под названием Го-цин-сы, где помогал в качестве монаха-послушника, выполнявшего разные поручения и поддерживавшего огонь на кухне.

В этом же монастыре проживал и послушник по имени Ши Дэй, и с ним Хань Шань был особенно дружен. Они часто вместе читали стихи, распевали сутры, а порой вместе сочиняли на заданную тему, воспевая в стихах горы и леса. Кстати, впоследствии люди собрали произведения Хань Шаня и составили сборник под названием «Сборник стихов Хань Шань-цзы», в котором содержится более трехсот стихотворений.

И хотя их тематика — религиозная, с буддийской окраской, они поразительно красивы и таят в себе любовь к миру вообще. Язык очень простой,

стиль — естественный. После движения студенчества «4мая» в 1919 году его стихи были переложены на *бай-хуа*, современный государственный язык, и явились важным вкладом в историю литературы Китая. Эти стихи, кстати, были замечены и за рубежом.

Что касается биографии младшего монаха, Ши Дэя, то он рано остался сиротой. А нашел его, подброшенного, рядом с тропинкой в горах Тхень-тхай, буддийский учитель; он и принес ребенка в храм Го-цин в качестве послушника, он же и имя такое странное ему дал — Ши Дэй, что значит «подобранный» (подобранный подкидыш).

Когда мальчик подрост, он сначала помогал по кухне, выполняя разные поручения, а поскольку у него сложились особо теплые отношения с Хань Шанем, то подкидыш собирал для друга остатки еды, складывал их в полый сегмент ствола бамбука, который может служить в качестве сосуда, и отдавал при встрече Хань Шаню. Они, что называется, поддерживали друг друга в бедности.

Ши Дэй тоже писал стихи, тоже, в основном, на буддийские темы, разъясняя религиозные истины. Его стихи приложены в конце сборника стихов Хань Шаня, о котором упоминалось выше.

Мальчики бедно одевались, ходили в драных халатах, на головах у них были шляпы от солнца и непогоды, изготовленные собственноручно из древесной коры. В свободное время они пели песни во дворе храма либо слагали стихи, и всегда были очень жизнерадостными. А стихотворные строки они писали повсюду: на бамбуковых шестах, на стволах деревьев, на стенах-оградах... Жители окрестных деревень считали их слегка тронутыми умом.

Однако они в течение долгих столетий служат людям в качестве образца, эталона, показывая, как надо относиться друг к другу. Вот один из диалогов этих мальчиков. Хань Шань спросил:

— Как я должен поступить, если кто-то унижает мое достоинство, насмехается надо мной, относится ко мне с презрением, клеветает на меня, наносит мне ущерб, проявляет неприязнь, ненавидит меня, обманывает меня?

— Ты должен терпеть, ты должен прощать, ты должен снисходить и уступать, ты должен уклоняться и избегать, ты должен притворяться глухим и немым, относиться равнодушно, оставаться спокойным, а в конце посмотришь на результат, — ответил Ши Дэй.

Как я уже упоминала, в знаменитом храме Хань Шань-сы в городе Сучжоу есть удивительная каменная плита, на которой высечены

портреты братьев. Интересно сделаны глаза, и при этом использован какой-то особый прием, потому что в какую бы сторону от плиты ты ни отходил, глаза смотрят прямо на тебя. Этот камень-плита находится позади Яшмового дворца.

А в зале рядом с большим дворцом когда-то находились ярко раскрашенные огромные статуи Хэ-Хэ, вырезанные из дерева. Как живые! У одного в руках цветок лотоса, который по-китайски произносится тоже хэ (荷), а у другого в руках коробочка, которая тоже по-китайски — хэ (盒).

В Китае часто используют омонимичность слов в качестве шарад, чтобы намекнуть на тайный смысл. Так, два иероглифа «хэ» (имя святого и цветок в его руках), на слух звучат как *гармония*, а вторые два иероглифа «хэ», имя второго святого и коробочка, воспринимаются как *сердечность*.

Святыми их официально провозгласил император Юн Чжэн в 1733 году. Кстати, фамилия императора «юн» тоже переводится «сердечность».

Небесных двойников Хэ-Хэ почитают за святых вовсе не за монашеское подвижничество, вовсе не за то, что они были образцовыми послушниками. Китайцев привлекает сам их облик: милые, добрые, улыбчивые, сердечные, спешащие сделать добро друг другу. Будучи святыми Гармонии и Сердечности, они постепенно стали и покровителями супружества и любви.

Одна из легенд о Хэ-Хэ

Давным-давно в районе вершины Юнь-тхай фэн, что в горах Хуа-шань, жил один даос, который вдали от суеты занимался самосовершенствованием, и было у него два ученика-послушника.

Они прилежно изучали науку Дао и помогали учителю в изготовлении целебных пилюль. В поисках трав и другого сырья для своих снадобий даос-учитель ежедневно вставал очень рано и, закинув за спину специальную корзину и мотыгу, выходил за ворота храма, а затем поднимался на высокие вершины, спускался в ущелья, преодолевая холмы, и лишь когда солнце опускалось за западную гору, он возвращался домой.

Однажды, когда он выкапывал какой-то корешок в горах, откуда ни возьмись, появились два взлохмаченных мальчика. Они были толстенькими, симпатичными, в традиционных красных фартучках, прикрывавших грудь и живот.

Их так переполняла радость жизни, что нельзя было не залюбоваться ими. Вприпрыжку подбежав к даосу, они стали помогать отыскивать молодые росточки лекарственных трав. А когда солнце начало садиться за западную

гору, и даос собрался домой, двое милых малышей, подпрыгивая на бегу, скрылись в густом лесу.

И так — день, два, три... Даос приходил в горы за растениями, и дети прибежали; он уходил вечером в свое жилище, убежали и маленькие толстячки. Шло время, и даосу-учителю захотелось узнать, кто же эти малыши? Однажды, когда они вместе выкапывали корешки, даос спросил:

— Чьи вы дети? Где живете?

— Мы — дети горы, поэтому в горе и живем.

И они опять бросились бегать туда-сюда в поисках целебных росточков. Вечером, взвалив корзину на спину, старик попрощался с малышами, которые, помахав руками, крикнули: «Завтра увидимся!» А сам спрятался, было, за большим камнем, надеясь хоть что-то увидеть, понять, наблюдая тайком за мальчиками, однако они тут же исчезли в каком-то тумане, неожиданно заклубившемся вокруг них.

Вернувшись в храм, даос вместе с двумя послушниками при свете масляной лампы начал изготавливать лекарства, рассуждая вслух о необычных детях. Если это дьяволы, то они должны совершать дурные дела, а он ни разу не заметил, чтобы они делали что-либо плохое. Как раз наоборот.

Если они святые волшебники, то должны уметь делать много удивительного, но до сих пор ничего необычного пока не продемонстрировали. Думал-думал и, наконец, ему в голову пришла неплохая идея. У него невольно вырвалось вслух:

— Так я и сделаю... Да, так и сделаю!

Монахи рассмеялись и спросили:

— Учитель, что вы собираетесь сделать?

Тут только он очнулся от мыслей и поспешно ответил:

— Ничего, ничего.

В полночь он достал специальный мешочек, вынул из него иглу и белую нитку, затем вддел эту нить в иглу и, едва дождавшись рассвета, подхватил свою корзину и вышел за ворота.

Дети, как всегда, радостно выскочили ему навстречу и стали помогать. Старик внимательно следил за ними, дожидаясь подходящего момента. И когда дети наклонились над корзиной с охапками травы, складывая ее, он незаметно прикрепил нитку к фартучку одного из них, а затем поспешно распрощался с мальчиками.

На следующий день рано утром старый даос, как всегда, подхватив корзину и мотыгу, вышел из храма. Однако он не стал выкапывать корешки, а направился по той тропинке, по которой, обычно, убегали по вечерам дети. Он шел медленно и внимательно смотрел под ноги, надеясь найти метку. И он ее нашел! В глубокой ложине среди густой зелени травы он обнаружил белую нитку. Конец ее слегка колыхался на ветру.

Но далеко ему не пришлось идти, ибо второй конец нити был совсем близко, в нескольких шагах, рядом с какими-то маленькими, но пышными и крепкими листочками. Чудно, но, кроме еще таких же росточков, рядом с первым, больше ничего не было.

Но ведь метка была именно здесь! И тогда даос достал свою мотыгу и стал осторожно выкапывать толстенький стебель и корешок. Когда он, наконец, вынул растение из земли, оказалось, что этот корешок, тоненький, белый и гладкий, — шлемник байкальский, знаменитое целебное растение.

Обрадовавшись, даос собрался, было, уйти, но вдруг услышал, как этот корешок закричал:

— А он? Что же ты только меня взял! — и указал на соседний.

Даос аккуратно окопал вокруг и второй корешок и удивился, потому что следующим оказался огромный жэнь-шэнь с четырьмя корнями.

Сложил даос то и другое в корзину и отправился домой. По дороге он думал: и жэнь-шэнь, и шлемник байкальский — очень известные растения. Если я изготовлю из них снадобья, скольким же недужным людям я смогу помочь! Вот повезло мне!

Вернувшись в храм, он тут же приступил к работе: вымыл, отскоблил котел, налил особой воды из Яшмового колодца, а потом сложил в котел промытые добытые корешки.

На следующий день даос решил вновь отправиться за корнями и травами, поэтому на крышку котла положил тяжелый камень и обратился к послушникам:

— Это снадобье надо тушить семь дней и семь ночей, и только после этого можно будет снять крышку. После моего ухода вы должны будете лишь следить за огнем, подбрасывая хворост.

Корешки начали вариться-томиться, а монахи стали наблюдать за огнем. Прошло пять дней, и послушники стали рассуждать: «Обычно наш учитель, изготавливая лекарство, варит его и, время от времени, поглядывает, помещивает. А в этот раз строго велел нам не открывать крышку. А так хочется!»

И чем больше они говорили, тем сильнее хотелось нарушить запрет. Они заглянули в котел, и увидели, что корень жэнь-шэня, который варился несколько дней, стал белым и толстым; и густой аромат разлился вокруг.

Было и радостно, и страшно. Не устояв перед таким запахом, монахи отломали кусочек и попробовали. Распробовав, воскликнули: «Никогда в жизни не ели ничего вкуснее, а может, в мире и нет ничего более вкусного! Теперь понятно, почему учитель строго-настрога запретил открывать котел!»

Кусочек за кусочком, не успели оглянуться, как допробовались до того, что в котле не осталось и следа от корешков. Однако вода в котле продолжала кипеть.

На седьмой день даос досрочно закончил свою работу и в полдень вернулся домой. Едва войдя в ворота, он крикнул послушникам:

— Пожалуй, отвар готов! Из этого сырья мы сможем сделать большое количество бесценного лекарства, которое будет продлевать жизнь, дарить здоровье и долголетие.

Говоря это, он убрал камень, снял крышку, глядь, а корня нет и в помине, остался лишь отвар. В великом гневе он уставился на послушников: «А-а-а, значит, вы, нарушив запрет, съели все!» Схватил он кочергу и бросился к послушникам. Однако те, увидев разъяренного учителя с кочергой, бросились со всех ног к воротам.

И тогда даос подумал: «Что толку сердиться, — не вернешь! Буду опять ходить в горы, постепенно еще найду такие редкие корни. Искать послушников бесполезно, кто знает, куда они убежали...»

Успокоившись, даос выбежал из ворот и закричал: «Эй, вы, двое, немедленно вернитесь!» — При этом он размахивал кочергой. Монахи, увидев в руках учителя кочергу, бросились бежать еще быстрее. А даос продолжал еще громче кричать: «Немедленно вернитесь! Эй, вы, двое!»

Но те продолжали улепетывать в южном направлении. При этом они еще и кричали дурными голосами в страхе перед раскаленной кочергой. И вдруг они почему-то взлетели, и их тела прилепились-приклеились к северной стороне стены возникшей на их пути вершины.

При виде такого зрелища у даоса обмякли ноги, и он осел на землю с возгласом «Ай-я!»

По сей день сохранились силуэты этих двух взявшихся за руки монахов в горах Хуа-шань, рядом с пещерой Шуй-лень-дун, что значит Пещера с водяными шторами. Эти силуэты так и прозвали — небесные двойники Хэ-Хэ.

На самом деле эта легенда лишь косвенно связана с Хэ-Хэ. А теперь хочу описать обычай, который тоже связан лишь с именами небесных двойников.

У национальности *хань*, которая проживает в провинции Хунань и других местах, принято пить чай во время свадебной церемонии.

После того, как молодожены войдут в свою спальню, подружка невесты просит молодых сесть на кровать, а затем подносит им два бокала чая; и в каждом бокале в чай опущены красный сахар, два куриных яйца, несколько фиников и плодов *ли-чжи*, и все это символизирует «цзао ли цзы», то есть «пусть скорее родится сын», потому что название этих плодов звучит похоже: *цзао*, *ли-чжи*.

Сначала молодые отпивают из своих бокалов по три глотка, затем обмениваются между собой сосудами и вновь отпивают по три глотка, и это символизирует то, что после свадьбы муж и жена, взаимно любя друг друга, будут счастливы в браке.

Этот обычай распространен и в настоящее время, а в период правления Цин подобный чай назывался «Хэ-Хэ чай». Молодые садились на скамеечку, при этом жених свою левую ногу клал на правое бедро невесте. Левую руку жених клал на плечо невесте, а она, соответственно, правую руку — на его плечо.

Свободные руки они соединяли с помощью больших и указательных пальцев: указательный — с указательным, большой — с большим. В результате получалась фигура — прямоугольник, похожий на иероглиф «рот» (口), и его молодые накладывали сверху на стакан. Это символизировало их супружескую любовь, обещание жить в дружбе, как бы пить из одного стакана, и в то же время пить одним (общим) ртом.

Почему японцы проявляют столь большой и необычный интерес к храму в городе Сучжоу и его святым Хэ-Хэ, ведь в Японии и своих храмов полно? Тем не менее, они вкладывают деньги в этот, и в такой прекрасный праздник, 31 декабря, покинув родных, едут в Китай, чтобы поклониться этим святым. Разве не удивительно?

Согласно некоторым сказаниям, в храме Хань Шань-сы, что в Китае, жил и совершенствовал свою душу один из братьев — Хань Шань. А в Японии, якобы, был другой храм — Ши Дэй-сы, где самосовершенствовался Ши Дэй.

Отчего и в Китае, и среди японцев так любят этих мальчиков-небожителей, которых принято изображать в виде десятилетних детей? Потому что у всех народов считается, что детские уста — самые искренние, детская дружба — самая верная, самая чистая. Это потом уже человек, взрослея,

учится лгать и совершать подлости... Что еще в детях прекрасно? Их естественный оптимизм, для которого не нужны специальные причины. Они веселы, радуются Небу и Земле.

Кроме того, для всех типов отношений — родственных, дружеских, любовных — важны верность, гармония, искренность, забота и единство. И все это воплощают в себе Хэ-Хэ. Будучи очень суеверными, китайцы часто боялись произносить некоторые слова, если они звучали одинаково с «несчастливыми». Например, слова «зонт» и «расставаться» звучат одинаково, — *сань*. Поэтому люди старались избегать слова «зонт» и предпочитали говорить *юй гай*, т. е. «крыша от дождя».

Или еще пример. У одного моего китайского приятеля любимый плод — груша. Я подчеркиваю, поскольку это важно, что он просто обожал эти плоды. И вот однажды у нас было на двоих лишь одно яблоко и одна груша. Я разрешила их пополам и честно поделила. Яблоко он взял с удовольствием, поскольку это намек-пожелание спокойствия, равенства (и «яблоко», и «спокойствие» звучат *пхин*). Но от груши буквально отшатнулся, настолько невозможным ему казалось принять эту половину. Ведь *ли* (груша) — это еще и «разлука». А выражение *фэнь ли*, то есть «разрезать, разделить грушу», звучит так же, как «разлучиться», «расстаться». Как я ни уговаривала — бесполезно. Пришлось с угрызениями совести самой съесть его любимый фрукт.

Китайцы традиционно боятся разлуки: с родней, с друзьями, с любимыми. Как же им не поклоняться двум прелестным жизнерадостным братьям, символизирующим единство?

Книга, которую я прочитала об этих двойниках, лишь внесла путаницу в мою голову, поскольку некоторые факты биографии противоречат тем сведениям, которые я прочно усвоила за эти годы. Для тех, кому это интересно, попытаюсь вкратце изложить все, что я узнала.

О том, как Сюй Фу отправился на поиски волшебной травы

Известно, что первый в истории Китая император Цинь Ши-хуан, объединивший страну в единое государство из нескольких враждовавших княжеств, мечтал о вечной жизни, надеясь навсегда остаться правителем. Его веру в то, что человек может быть бессмертным, подогревали даосы, которые проводили бесконечные опыты, пытаясь изобрести эликсир вечной жизни.

Император поощрял и субсидировал эти опыты. Он известен не только тем, что организовал строительство Великой китайской стены на севере

страны, но и тем, что по его приказу был построен грандиозный дворец А-фан-гун, — именно так император готовился к вечной жизни, — в этом дворце.

Но он не просто хотел жить вечно, а желал оставаться молодым. «Мир так огромен и удивителен, — думал он, — так неужели же в нем не найдется какого-нибудь лекарственного растения, которое помогло бы не стареть?»

А в то время в Китае случился мор из-за какой-то инфекционной болезни. Очаг этой болезни был обнаружен в Средней Азии, в Фергане, которая в то время входила в состав Поднебесной. Люди умирали в огромном количестве, и ничего не могло помочь в этой беде.

Но однажды произошло чудо. Люди увидели летящую маленькую птичку, которая выронила из клюва какое-то растение, полутраву, полугриб. Это растение упало на лицо только что умершего человека, и человек тотчас ожил.

Положили это чудо на лицо другому покойнику, — и тот ожил. И так оживили десять, пятнадцать, двадцать человек, пока слух об этом не дошел до императора. Цинь Ши-хуан послал чиновника за этим грибом, чтобы немедленно доставить во дворец. Радости правителя не было предела: неужели найдено то самое растение, которое может дать долголетие?!

За ответом император обратился к известному даосу по прозвищу Про-со, и тот пояснил:

— Знаю я этот гриб, он имеет разные названия: трава долголетия, трава бессмертия, гриб небожителей... Растет он на острове в Восточном море, где обитают бессмертные. Одного гриба достаточно, чтобы оживить тысячу человек. Всего в Восточном море, если говорить точнее, имеется три священных острова: Пхэн-лай, Фан-чжан и Ин-чжоу, и на всех произрастают эти волшебные грибы, однако больше всего их на Ин-чжоу. Само это место, Ин-чжоу, состоит из десяти больших и маленьких островков, поросших яркой, буйной зеленью. А расположены они так: в центре один большой, вокруг него — девять поменьше, и вот этот центральный называется Чжун-цзу-чжоу.

Узнав обо всех этих подробностях, император тут же снарядил корабль и отправил некоего Сюй Фу в море на поиски священных островов и волшебных грибов.

Однако через трое суток корабль вернулся. Сюй Фу доложил, что ему одному не справиться с заданием и ни за что не добраться до цели, ибо на море дуют страшные ветры, вздымая огромные волны. К тому же, в воде полно громадных хищных рыб. А уж о Драконе, царе морей и говорить нечего...

А еще Сюй Фу предложил следующее: отобрать пятьсот юношей и пятьсот девушек, фактически отроков, и разделить-распределить их, посадив на пятьдесят больших кораблей. Снабдить эту необычную команду топорами, ножами, луками и стрелами, а также одеждой и зерном-пропитанием, которого хватило бы на три года. Только в этом случае можно надеяться, что экспедиция наверняка завершится успешно.

Видя, что император колеблется (уж больно в большую сумму выльется эта экспедиция), Сюй Фу добавил: «В народе говорят, у реки нет дна, а у моря нет берегов. До нужных нам островов примерно десять тысяч *ли*, так что при попутном ветре потребуются примерно два года на дорогу в обе стороны, а уж если ветер не будет надувать паруса, да еще если море разволнуется, то путешествовать придется и того больше. А сколько еще средств потребуются для борьбы с огромными рыбинами на море да с дикими зверями на суше, когда мы высадимся...»

Пришлось Цинь Ши-хуану согласиться с доводами, и он велел отобрать триста пар юношей и девушек из народности *мяо*, проживающей в Гуйчжоу, поскольку их предки из поколения в поколение жили высоко в горах, в древних лесах. Они умели сражаться с дикими животными и преодолевать все препятствия, которые возникают при жизни в суровых условиях. Затем отобрал двести пар молодых людей из внутренних районов Китая, которые тоже с детства учились у своих предков сражаться с природой.

Стоит ли говорить, с каким нетерпением ждал их возвращения Цинь Ши-хуан, — дни и ночи, каждую минуту он помнил о них. Прошел год, прошло два... От путешественников — ни слуху, ни духу. И не приходило ему в голову, что Всевышний решил наказать его за все его преступления. Ведь людей он погубил за время своего правления без счета!

Но вот пролетело и три года, то есть наступил самый крайний срок, обещанный Сюй Фу, а вестей никаких не было. В ожидании лекарства бессмертия император старел и болел, и состояние его становилось все хуже. «А что, если Сюй Фу заранее замыслил обман, что, если давно добыл волшебную траву, да только пользуется ею сам и вовсе не собирается возвращаться?» — думал одряхлевший повелитель.

И чем дольше обмозговывал он эти догадки, тем больше приходил в ярость. А потому отправился в паланкине самолично на родину Сюй Фу (ныне — провинция Цзянсу), где повелел умертвить всю родню, не щадя ни малых, ни старых, кто имел хоть какое-то отношение к предателю Сюй Фу. Даже трехмесячные

младенцы были умерщвлены. Ведь в Китае издавна существовал закон — лишать жизни всех представителей девяти поколений, имевших родство с государственным преступником.

Погубленных из родни Сюй Фу оказалось так много, что в окрестностях деревни пришлось вырыть целый ров, где всех и похоронили. Эту могилу крестьяне стали называть курганом десяти тысяч погибших. Но и жестокий император прожил недолго. После его смерти в народе возникло множество легенд относительно экспедиции Сюй Фу.

Одни говорили, что Сюй Фу, присвоив себе все богатства и утопив тысячу человек, сопровождавших его, живет себе где-то, припеваючи, под вымышленным именем. Другие утверждали, что Сюй Фу — честный человек, и что просто вся команда во главе с ним погибла в бурном море, а их тела давно уже в животах у рыб.

А после падения империи Цинь стали говорить, что Сюй Фу — вовсе не обычный человек, а небожитель, посланный на землю Верховным божеством. И что задача его заключалась в том, чтобы помочь простым людям, помочь измученной стране. А поскольку сделать это не удалось, и через три года он не вернулся из плавания, то и империя жестокого правителя рухнула.

Это все легенды и предположения. Но есть и исторические записки, достоверно подтверждающие тот факт, что действительно пятьсот отроков и пятьсот отроковиц отправились в море на поиски волшебных островов. А что говорят на этот счет современные ученые? Исследования показывают, что знаменитые острова Чжун-цзу-чжоу и Ин-чжоу на самом деле не что иное, как Японские острова, бывшие в то время прекрасным зеленым оазисом, совсем не заселенным.

Видимо, члены экспедиции, высадившись на этой прекрасной земле, не захотели возвращаться, будучи совершенно очарованными красотами увиденного. Они начали вспахивать целину, создали семьи, обзавелись хозяйством и дали жизнь будущим поколениям, которые и стали коренными жителями страны восходящего солнца.

Первоначально молодое государство называлось вовсе не Японией, а Дун-ин, то есть Восточное море. Но позже люди почувствовали, что такое название не совсем подходит к государству, и переименовали его в Японию, исходя из того, что солнце восходит на востоке (иероглифы, которыми записывается слово «Япония», означают «источник солнца»).

Сейчас во всем мире все с большим интересом и вниманием относятся к устному народному творчеству. Потому что «нет дыма без огня»,— сказали бы русские, а китайцы могли бы добавить: «без ветра не поднимутся волны». Как показывают новейшие исследования, в описываемых фактах гораздо больше правды, чем полагали ранее. И в самой Японии обнаружили немало подтверждений в виде народных сказаний и культурных ценностей, так или иначе связанных с именем Сюй Фу.

Например, есть города, которые ранее носили имя Сюй Фу; в нескольких населенных пунктах есть родовые храмы и храмы предков с названием Сюй Фу-цы. В них ежегодно двадцать восьмого ноября отмечают день памяти Сюй Фу. Причем, многочисленные источники свидетельствуют о том, что предок Сюй Фу вовсе не принадлежал к клану рыбаков, а прибыл издалека в поисках травы бессмертия.

Преподаватели в вузах Японии рассказывают студентам, что японская нация произошла от выходцев из Китая, из провинции Юньнань, что очень похоже на китайские легенды об экспедиции молодых представителей национальности *мяо* из провинции Гуйчжоу.

И все-таки китайцы считают, что мнение японцев о собственном происхождении от жителей Юньнани ошибочно. Один китайский ученый, побывав в японском музее народных обычаев, обнаружил, что многие орудия сельскохозяйственного труда очень похожи на те, которыми пользуются *мяо* в Гуйчжоу. Похожа и манера строительства домов, в которых живут представители этой национальности в Китае, и в которых раньше жили японцы.

Непонятным остается одно: как могли *мяо*, живущие в девяти тысячах *ли* от берега моря, добраться в те давние времена до побережья?

О том, как тело сжалось и съежилось перед каменной пещерой, а затем бесследно исчезло в щели

Во времена династии Тхан жил некий Люй, служивший начальником сыска в Тхай-чжоу. Однажды, разбирая свитки с записями о судебных делах, он неожиданно заметил стихи, записанные на одном из свитков в уголке:

Тропинка незнакомая ведет к пещере.
И радость необъятную несу в себе я.
И пребываю в праздности я долго, долго...
Без мыслей дерзких я слежу за облаками.

Дорога есть, но не ведет к суетной жизни,
Ведь нет желания карабкаться все выше.
В пещере я на каменной плите-кровати
Сию уединенно ночью, наблюдая,
Как круглая луна из-за горы Хань-шань всплывает...

И еще один вариант на эту же тему:

Я счастлив обычной жизнью в пещере, где пыльный туман
заплутал, где висит паутина...
Свободен высоко в горах в своих чувствах, как будто
попутчик я тем облакам, что меж гор проплывают.
Отсюда нет выхода к людям в долину, и им нет нужды
забираться ко мне в эти горы...
В ночи одиноко сию на лежанке из камня,
мечтая, любуясь, стихи сочиняя,
И горы Хань-шань я покину лишь только тогда,
когда эта луна станет круглою в небе.

А поскольку директор департамента сыска господин Люй очень интересовался поэзией и был ее ценителем, то он сразу понял, что это произведение — замечательное.

Будучи человеком горячим и нетерпеливым, он решил разыскать автора стихов, познакомиться и поговорить-пофилософствовать с таким интересным творческим человеком. Однако — где искать, кого искать? Ведь ни имени, ни рода занятий не известно. И никто в канцелярии не мог сказать, откуда вообще на документах оказались эти стихи. Лишь один чиновник вспомнил, что свиток этот поступил из Тхень-тхай-шань. Он же и предположил:

— В последней строке говорится «...как круглая луна из-за горы Хань-шань всплывает...». Я слышал, что в тех краях есть храм, а в нем — монах по имени Хань Шань-цзы. Может, это он и написал?

— Вполне может быть, вполне...

Узнав, что предполагаемый автор — монах, Люй еще раз вспомнил строки стихотворения и вновь подумал: «Вполне возможно, — дух, настроение вполне соответствуют».

Ранним утром с пятью слугами на шести быстрых скакунах Люй отправился в Тхень-тхай-шань, а оттуда было уже рукой подать и до храма — всего лишь пятьдесят *ли* к западу. Путешественника поразила красота тех мест: прозрачные воды, зеленые горы, сосны, бамбук, дикие цветы и травы... Все это вызывало бурные чувства и особое настроение. Храм назывался Хань-ень-сы, однако оказалось, что монаха по имени Хань Шань уже нет в этих стенах, он как раз отправился в другой храм по имени Го-цин-сы.

— А когда же он вернется? — спросил Люй.

— Самое раннее — через три-пять дней, а самое позднее — через десять-пятнадцать.

И Люй отправился на поиски дальше.

А нам хочется отметить, что именно храм Го-цин-сы является тем местом, где зародилась одна из сект буддизма, — *тхень-тхай* (天台宗, «Опора Небес»). Это «созерцательная» школа китайского буддизма, получившая свое имя по названию горы в провинции Чжэцзян, где находился главный монастырь школы.

В Японии тоже чрезвычайно популярно это направление буддизма, и его корни тоже отсюда, из древнего китайского храма (а всего в Китае восемь сект буддизма). Основателем этого направления является монах Чжи И (538—597), и произошло это в пятисотых годах нашей эры. После смерти Чжи И император в 598 г. повелел построить храм Го-цин-сы, который создавали в течение нескольких лет. Интересным моментом является то, что монахи этого храма не только умели искусно писать стихи, но и в совершенстве владели математикой.

Вот Люй и подумал, что, возможно, именно по этой причине Хань Шань отправился в Го-цин-сы, чтобы обсудить-побеседовать с монахами-поэтами о проблемах стихосложения.

— Не у вас ли находится монах по имени Хань Шань-цзы? — спросил он, когда прискакал туда на взмыленной лошади.

Ему ответили отрицательно. Люй не поверил, подумал, что по какой-то причине от него прячут монаха, и стал одну за другой проверять кельи. Всего их было десять, но Хань Шаня он нигде не обнаружил. И когда он уже собирался стегнуть плеткой коня, отправляясь в обратную дорогу, вдруг услышал, как кто-то декламирует стихи в кухне. Люй улыбнулся: стиль этих строчек был абсолютно таким же, как и у тех стихов, что так пленили его на свитке в канцелярии. Распахнув дверь, он увидел двух монахов, увлеченно читавших стихи.

— Простите, кто из вас Хань Шань-цзы?

Оба монаха одинаково рассмеялись в ответ. Один из них, с красиво изогнутыми длинными бровями, сложив руки в приветствии, ответил:

— Уважаемый Люй приехал в такую даль, а мы не встретили его, простите за неучтивость!

— Что вы, что вы, это пустяки. Назовите ваши имена, уважаемые.

Те опять рассмеялись и не ответили. И тут вошел и подключился к диалогу еще один монах:

— Уважаемый Люй, вот уж, действительно, «имея глаза, не заметили гору Тхай-шань!» Одного из них, как раз того, что вы разыскиваете, зовут Хань Шань, другого...

Не успел он договорить, как тот, с красивыми бровями, недовольно произнес:

— У тебя что, язык чешется?! — и тут же выскользнул через заднюю дверь, бросившись в горы.

— Остановись, великий мастер Хань Шань! — крикнул Люй, пытаясь догнать беглеца.

Но тот припустил еще быстрее, буквально летел. Четыре всадника-слуги бросились вдогонку, однако, когда Хань Шань подлетел к огромной плоской каменной стене, на ней вдруг образовалась трещина в виде иероглифа «человек» (人). Края трещины разошлись, образовав вход в пещеру, и Хань Шань исчез в ней. Но когда вслед за ним на всем скаку попытались влететь в пещеру и всадники, она быстро закрылась. Всадники и лошади непостижимым образом исчезли, словно испарились, а на каменной стене осталось изображение лошадей, будто на негативе.

Люй был потрясен, никогда бы не поверил в это, если бы не видел собственными глазами. И ведь на камне не осталось и следов трещины, как будто пещера никогда и не открывалась. Испуганы и поражены были и монахи, которые давно знали Хань Шаня, однако и не подозревали о его сверхъестественных способностях.

Опять же, думали они, господин Люй известен, как знаток и любитель литературы. И, как известно, он не стеснялся учиться у более талантливых, чем он сам. И раз уж он так долго и настойчиво разыскивал Хань Шаня, сначала в храме Хань-ень-сы, затем — в храме Го-цин-сы, стало быть, Хань Шань особо одарен в этой области. И тут один из монахов вспомнил, что примерно три месяца назад ему приснился сон, в котором ему явился Будда и провозгласил: «Хань Шань — «крайне одаренный литератор», Ши Дэй — «просто способный» (так переводятся имена бодхисаттв).

И все пришли к соглашению: Хань Шань — бодхисаттва Вэнь Шу, вновь явившийся в этот мир в новом облике, а Ши Дэй — перерожденный бодхисаттва Пху Сень.

Мальчик по имени Ши Дэй

Но сначала надо рассказать историю братьев Хань Шань и Ши Дэй. Однажды, где-то после обеда, прибежал монах, дежуривший у ворот, и взволнованно доложил:

- С гор спустились два свирепых тигра с белыми отметинами на лбу!
- Зовите скорее монаха Фэн Ганя!
- ...Дело в том, что Фэн Гань как раз и сидит верхом на одном из тигров.
- А кто же сидит на втором?
- Мальчик лет десяти.
- Тигры никого не поранили?
- Нет.

Узнав о такой поразительной новости, все монахи высыпали к воротам. Оказалось, свирепые звери абсолютно послушны седокам: те уже подъехали ко входу в монастырь, легонько похлопали тигров по голове, и звери остановились. Люди вошли в ворота, а тигры убежали. Увидев настоятеля монастыря, мальчик бухнулся перед ним на колени, поприветствовал его на словах и трижды ударился лбом о землю.

— Вставай скорее, ни к чему столько церемоний! — откликнулся настоятель.

— *А-ми-тхо-фо*¹! Спасибо, наставник! — мальчик поднялся и сложил в приветствии ладони.

У ребенка была приятная улыбка, он был не высоким и не слишком маленьким. Лицо круглое, щеки округлые, уголки губ слегка приподняты. Во влажных глазах было какое-то особое выражение: он выглядел умным, одухотворенным, добрым, дружелюбным.

Но самым необычным в его внешности были волосы. На первый взгляд — обычные, черные, как у любого ребенка, лишь слегка подворачивающиеся завитками вниз, что не характерно для китайцев. На лоб свисала густящая челка примерно в один *цхунь* длиной, торчащая вправо и влево. Самым

¹ *А-ми-тхо-фо* — «Неизмеримый Свет» (на санскрите — Амиताбха Будда); это общее приветствие среди буддистов всех направлений. Повторение этого слова является разновидностью медитации.

же удивительным было наличие проплешины величиной с обычную пиалу в центре головы. Непонятно, то ли часть волос выбрита специально, то ли так и было от рождения.

Судя по всему, ребенок — сирота, потому что только обувь и чулки на нем были приблизительно нужного ему размера, халат же и брюки — чрезвычайно просторны и велики. Похоже, и через пять, и через семь лет он мог бы носить эту же одежду. К тому же на нем не было нижнего белья. У халата не было воротника, а V-образный вырез провисал слишком низко, открывая грудь.

Мальчик был живым, впечатлительным, любознательным, искренним, короче, очень милым и всем понравился. Затем Фэн Гань рассказал, как встретил его.

Сначала выскочили три тигра, и монах очень удивился: один — понятно, два — тоже понятно, это пара, но трое... Фэн Гань очень испугался, но защищаться не посмел, так как одна из заповедей буддизма — невозможность причинить зло живому существу. И он уже приготовился проститься с жизнью, но тут с горы спустился, выйдя из леса, этот десятилетний мальчик, и монах понял, что он ничуть не боится зверей, более того, они ему подчиняются. Затем один тигр убежал, а двух они оседлали. Оказывается, третий был их детенышем.

Мальчик поведал Фэн Ганю, что родителей у него давно нет, и что он жил с названным братом из соседней деревни, хотя у них и разные фамилии. Однако три года назад этот старший брат ушел из дома внезапно, и с тех пор младший повсюду ищет его. Фэн Гань предложил себя в качестве учителя, и ребенок согласился стать монахом и жить в монастыре Го-цин-сы.

Выслушав этот рассказ, настоятель спросил:

— А почему у него такое имя, Ши Дэй, — «Камень» и «Добродетель»?

Фэн Гань рассмеялся:

— Его имя записывается совсем другими иероглифами: Ши — «найти», Дэй — «добыть». Я нашел его недалеко от нашего монастыря, вот и дал ему такое имя: найденыш Ши Дэй. Это и будет его монашеским прозвищем. Вот только постриг мальчик сейчас не может принять. Он сказал, что сначала хочет разыскать брата, а затем они оба станут монахами.

— Ну, что же, пусть так и будет, как решил ребенок.

А надо уточнить, что Фэн Гань исполнял должность хранителя сокровищ, и он подумал, что в небогатом монастыре ребенок Ши Дэй, возможно, и есть настоящее сокровище.

Встреча Ши Дзя с Хань Шанем

Учитель Фэн Гань назначил своего ученика Ши Дзя работником на кухне, где тот должен был мыть котел, плошки, палочки для еды. Самая грязная, зато и самая легкая работа. Известно, что еда у монахов постная, а потому и жира на посуде было мало, она легко отмывалась. К тому же, простые послушники обычно сами мыли и чистили свои приборы для еды.

Фэн Гань подобрал ему такую работу по двум соображениям: чтобы у мальчика было много свободного времени для поисков брата, и чтобы тяжелая работа не повлияла на его физическое развитие, ведь ребенку было всего десять лет.

Фэн Гань решил помочь Ши Дю и в поисках брата. Хань Шань жил высоко в горах, в пещере Хань-ень. Мало кто знал об этой пещере, лишь редкие собиратели целебных трав да дровосеки в поисках хвороста иногда забирались так высоко, от них-то монах и узнал, где обитает Хань Шань.

Мальчик, конечно, не знал, что его старший брат теперь носит такое имя — Хань Шань, Холодная гора, потому что имя это он получил по названию холодной пещеры, где жил — Хань-ень.

Когда Фэн Гань нашел старшего из братьев, он очень обрадовался и сам назначил день их встречи — двадцать восьмого числа восьмого месяца, то есть через двадцать дней после того, как он нашел младшего брата. Узнав о предстоящей встрече, оба брата опечалились по поводу того, что у них нет подарков, которыми, по обычаю, надо обменяться.

Хань Шань поделился переживанием с монахом:

— Братец столько горя хлебнул, столько натерпелся, разыскивая меня, а у меня не только нет подарка, но даже чего-либо, что могло бы заменить его, тоже нет. Хоть у нас с ним и разные матери, мы близки, как самые родные. Как я встречу его с пустыми руками?

И Фэн Гань посоветовал:

— Посмотри, там, в воде, вырос лотос, из пруда выглядывает цветок и лист. Почему бы тебе не преподнести это в качестве подарка? Между братьями такая же неразрывная связь, как между цветком и листом. Зеленый лист и красный цветок, это так красиво!

— А ведь и правда, хотя лотос и вырастает из ила, из грязи, однако она неспособна замарать прекрасный цветок. Лучшего подарка и не придумаешь.

Сорвал он лотос, радуясь везению: «Не иначе, как Небо помогло мне, ведь лотосы цветут в июне-июле, а сейчас уже август, но на мое счастье остался

еще один цветок!» А затем он вдруг задумался: «Почему это обычно в августе-сентябре лотосы уже дают семена, а тут цветок только-только расцвел? Может, действительно, Небо растрогалось, а может просто в горах климат не такой, как в долине, и сезоны запаздывают? Я живу здесь больше года, но впервые увидел лотос. Наверняка, это воля Неба!»

Вот уж действительно, у тыквы обе половинки одинаковые: не успел Фэн Гань помочь Хань Шаню и спуститься вниз с гор, как с подобным же вопросом к нему в монастыре обратился и младший брат:

— А что же я подарю при встрече?

— Раз ты работаешь на кухне, подари ему коробочку для еды. Да не пустую, а с чем-нибудь вкусным.

— Что это за подарок! У брата что, еды нет?

— Знаешь что, у меня давно хранится очень красивая коробочка для еды из бамбука: она такая кругленькая и плоская, а на дне и на крышке вырезаны узоры. Если ее подарить, брату наверняка понравится так, что из рук выпустить не захочет...

— Ну, тогда уж и еды повкуснее надо туда положить, не для того же дарим, чтобы он, как нищий, ходил по дворам, протягивая пустую коробочку!

— Конечно же!

Сначала, было, Хань Шань сам хотел спуститься в долину, прийти в храм, но Ши Дэй привел свой довод учителю:

— Он старше, значит, я первым должен идти к нему с приветствием и поклоном.

Мальчик очень волновался, накануне встречи глаз не сомкнул. Он специально перед сном выпил огромную чашу воды, ибо знал, что обычно спит, как убитый, и проснуться рано утром сможет только в том случае, если захочет в туалет. Ночью он ворочался и все представлял, какой будет встреча, что они скажут друг другу.

А на рассвете умылся, перекусил, приготовил еду для брата и отправился в дорогу. Солнце еще не достигло вершины, а он уже был недалеко от пещеры. И тут он увидел, что навстречу ему кто-то идет. «Неужели это мой брат?! — подумал Ши Дэй. — Не может быть, чтобы он шел ко мне, ведь мы договорились, что я пойду к нему». До мальчика, идущего навстречу, было еще далеко и поэтому трудно было разглядеть наверняка. Однако фигура, голова — такие же, как и у Ши Дэя.

Силуэт приближался, и мальчик рассматривал: не высокий и не низкий, полненький, круглое лицо, округлые щеки, тонкие губы, в крупных глазах

было какое-то особое выражение. Черные волосы спадали на плечи, а на лоб — густая челка примерно пол-цхуня длиной. Но главной особенностью было то, что в центре головы он увидел выбритую лысину величиной с пилалу. Ши Дэй понял: это действительно брат, ведь и у него самого была на макушке такая же.

Чем ближе дети подходили друг к другу, тем ярче было заметно, насколько они похожи: одинаковые брюки, широкие сверху, зауженные книзу, широченные рубашки-халаты с рукавами «летучая мышь». Единственное различие в том, что именно они держали в руках: мальчик, шедший из храма Го-цин-сы, нес в руках коробочку, искусно выполненную, с постной едой, а ребенок, спускавшийся из пещеры Хань-ень, держал цветок лотоса, пышно распустившийся, а на стебле — еще и изумрудно-зеленый лист, тоже очень красивый.

Узнав друг друга, мальчики ускорили ход, почти побежали. У каждого в душе скопилось множество искренних слов, которые хотелось сказать брату. Но когда встретились, почему-то остановились, как вкопанные, на расстоянии метра друг от друга, и молча смотрели: Ши Дэй — на Хань Шаня, Хань Шань — на Ши Дэя. Ни один не проронил ни слова, ни один не сделал и пол-шага вперед. Слезы стекали по их лицам. Первым заговорил старший:

— Не плачь, братишка, во всем виноват я, я не должен был, не предупредив, оставлять тебя. Посмотри, что я тебе принес. Он протянул цветок:

— Нравится?

— Ай-я! Какой красивый! Я с детства любил лотосы, любовался цветами и забавлялся их огромными листьями, то зонтик делал, то шляпу, то веер...

— Правда, лист и цветок лотоса напоминают двух сестричек, младшую и старшую, или двух братьев?

— Да, лист — старший, и он защищает, оберегает цветок, — младшего брата или младшую сестру.

Протянул, было, младший руки за цветком и тут вспомнил о своем подарке:

— И у меня кое-что есть!

— Что это? Дай скорее брату рассмотреть!

Младший пытался открыть коробочку, но ему это все не удавалось. Он хотел показать старшему, что она не пуста, что внутри есть кое-что вкусное. Однако, странное дело, крышка не поддавалась. Пришлось присесть на корточки, положить коробочку на колени и открывать двумя руками. Раздался странный звук, коробочка раскрылась, но внутри была

вовсе не еда... Фью! Фью! Фью!... С резкими звуками из нее вылетело подряд пять летучих мышей!

Пострижение в монахи

Увидев мышей, младший брат растерялся, а старший обрадовался:

— Какое радостное событие! «Пять видов счастья воспарили к небу!»

— Счастья? Почему пять видов счастья?

— Потому что летучие мыши, согласно записям мудрецов, означают «счастье»:

- первая мышь — долголетие;
- вторая мышь — богатство и знатность;
- третья — крепкое здоровье;
- четвертая — высокая нравственность и добродетель;
- пятая — счастливая доля до самой старости, то есть естественная смерть от старости.

Именно этот момент встречи и обмена подарками обычно изображают на картинах и в фарфоре. Смеющиеся дети и вылетающие летучие мыши («летучая мышь» записывается двумя иероглифами, один из которых звучит похоже с иероглифом «счастье»: «фу»). Именно благодаря этим изображениям Хэ-Хэ стали покровителями и символами единения, дружбы, любви, мира, согласия.

Обычно, если у старшего спрашивали, как им удается жить так дружно, будучи не родными братьями, Хань Шань отвечал:

— У нас у всех в Китае общие предки, все мы — желтые дети и внуки Поднебесной.

А если подобный вопрос задавали младшему, он отвечал:

— Всех нас взрастил священный материк, нет никого, ни одного, кто не являлся бы сыном этой земли, земля и есть наша общая мать, а реки Хуанхэ и Янцзы — молоко нашей матери, которым мы вскормлены.

Вскоре братья попросили совершить обряд пострижения в монахи, но с некоторыми особенностями: став монахами, они не останутся жить в монастыре Го-цин-сы.

Вопрос оказался сложным, потому что за всю историю существования Го-цин-сы такого не было ни разу. Настоятель долго думал, не отказывая и не давая согласия. Наконец, он принял решение и назначил день для проведения церемонии — восьмое число девятого месяца.

— Однако Ши Дэй слишком маленький, раз ему нет еще и двенадцати; он может принять лишь монашеский постриг десятой степени, — предупредил настоятель.

А тем временем наставник Фэн Гань переживал за детей: есть пятая, восьмая, десятая степени монашеских обетов, и разница меж ними не так уж и велика, лишь церемонии разные и количество запретов. Но при любой степени главный обряд — прижигание девяти точек-дырочек на голове. Это очень болезненная процедура, и неизвестно, способны ли дети выдержать ее (девять дырочек расположены надо лбом в три ряда по три отверстия, как точки в домино — Л. И.). Этому обряду предшествуют постриг волос и «крашение одежды». Все три обряда — одно целое.

В особом зале храма — в большом зале Мужской драгоценности, серой занавеской отделили западную часть, один угол; там поставили стол, стул, чан с горячей водой, таз для умывания и бритвенные принадлежности. Церемония началась.

В лампадах зажгли масло, поставили ароматные свечи и курительные палочки к статуям божеств. Мальчики преклонили колени перед изображением Будды и отвесили земные поклоны *кхоу-тхоу*, выражая свою готовность, решимость и понимание совершаемого.

Монах-парикмахер был очень опытным. Уж сколько голов он обрил за свою жизнь! А тут — мальчишки. И головенки небольшие, и волосы не такие уж густые. Прошло совсем немного времени, как вымытая голова была гладко обрита, словно блестящая тыковка.

Едва он обрил голову Ши Дэя, как тот выскользнул за занавеску.

— Ишь, быстрый какой, — усмехнулся парикмахер, — видно, мне самому придется подметать за ним волосы.

— Ши Дэй! Вернись-ка! — позвал учитель Фэн Гань.

Мальчик тут же просунул голову из-за занавески:

— Какое будет драгоценное указание, мой учитель?

— Чему я учил тебя с вечера?

— Я должен подмести за собой волосы после пострига.

— Так отчего же ты убежал?

— А я искал метлу.

— Так где же она?

— Я не успел; услышал, что учитель зовет меня, и вернулся.

— Ну, беги скорее, раз так.

— Слушаюсь!

— Постой! — вновь окликнул его учитель. — Да ведь тебя только что постригли!

— Конечно, иначе, зачем бы я искал метлу...

— Так они что, опять выросли?

— Выросли? Не может быть! — Ши Дэй потрогал макушку.

Тут и парикмахер с изумлением уставился на мальчика: на полу не было ни одной волосинки, зато на голове у него — целая копна.

— А раньше случалось подобное?

— Сколько себя помню, меня не стригли, но мама, когда была жива, рассказывала, что через месяц после рождения она пригласила мастера, чтобы он сделал из моей головы «полную, круглую луну». (Тут использована игра слов. У китайцев принято отмечать первый месяц жизни ребенка. «Полный месяц жизни» и «полная, круглая луна» звучат одинаково, — Л. И.). Парикмахер обрил, но все волосы тут же вернулись на место, так что пришлось брить вторично.

— А что же произошло во второй раз?

— Едва обрив, мастер надел мне на голову импровизированную шапочку из носового платка, завязав на нем четыре узелочка. В результате волосы с пола уже не могли вернуться на голову.

— Интересная идея! — согласился парикмахер.

Он с резким звуком оторвал кусок серой занавески и сделал из него шапочку. Затем заново обрил голову Ши Дэя и накрыл ее чепчиком, а волосы быстро сжег.

После пострижения волос следовало провести обряд прижигания девяти отверстий. Процедура была настолько болезненной, что будущие монахи, как правило, сжимали зубы, чтобы не закричать. Но почти все молча плакали. Процедуру эту обычно проводили в специальной пещере естественного происхождения. В передней своей части, ближе ко входу, она была такой большой, что могла свободно вместить тридцать-пятьдесят человек, а в глубине сужалась настолько, что там с трудом мог развернуться один человек. На одной из стен было высечено изображение Будды, а под ним стояли лампа, свечи, подношения в виде фруктов и ароматных палочек.

Специалист начал подготовку, разложив на столе специальные мази, стебли полыни и других растений. Корни волос умертвлялись, и на всю жизнь оставались шрамы в виде точек общей длиной примерно с мизинец.

Процедура была очень болезненной, так как кожа на голове особо чувствительная. Из сухих листьев полыни сворачивали тугие палочки и ими осуществляли прижигание. При этом точки ожога на макушке были величиной с ноготь. Но прижигать надо было не только кожу, но и сам череп. Поэтому учитель Фэн Гань засомневался:

— Может, привязать Ши Дэя к столбу?

Но мальчик спокойно возразил:

— Не надо, я не стану плакать и кричать.

Во время такой церемонии одни кусали губы до крови, другие катались по земле от боли или даже теряли сознание. Поэтому многие сами просили себя связать. Ведь если из-за боли не удастся первая попытка, придется проводить церемонию повторно.

Началось совершение обряда. Раздавались звуки трескавшейся кожи и запах паленого мяса. Даже учитель утирал пот со лба, переживая за ученика, ибо он знал, что это самый болезненный момент. Однако десятилетний мальчик не выказывал никаких признаков боли, лишь бисеринки пота выступили на висках. Улыбаясь, он смотрел на изображение Будды.

По-прежнему слышались специфические звуки, в нос ударял неприятный запах. Даже совершавший процедуру не выдержал:

— Как ты терпишь боль, Ши Дэй?

— Терплю? Но разве это боль? Это же честь — стать монахом!

— Честь?! Впервые слышу подобные слова от посвящаемого в монахи!

— Впрочем, далеко не всегда при посвящении надо выжигать отверстия, — произнес мальчик.

— Верно, лишь в Китае принято проводить такую процедуру. А ты откуда об этом знаешь?

— Я знаю, для чего это делается. Китайцев слишком много на земле, и живется им нелегко. Многие с радостью идут в монахи лишь затем, чтобы сытно есть и тайком лениться. Такие люди ни за что не согласятся вытерпеть болезненный обряд, так что таким образом происходит как бы очищение рядов: в монахи придут лишь истинно верующие.

Фэн Гань поразился таким рассуждениям десятилетнего мальчика. А пока говорили, обряд завершился, все девять отверстий были готовы. Хотел, было, мастер смазать раны ребенку специальной мазью, но тот резво бросился к выходу:

— Подождите, я сейчас, только по малой нужде сбегаю, а то сил нет терпеть!

Когда ребенок вернулся, учитель подошел к нему с мазью.

— О, Небо! Куда делись точки, которые тебе только что прижгли?

— Не знаю, я ничего не делал, я лишь мягкую шапочку натянул на голову.

Взглянул учитель Фэн Гань на протянутую тряпочку, а на ней — девять аккуратных «лепешечек», как на костяшках *ма-цзян* (национальная игра).

— Боже, как это отверстия с макушки могли перейти, переселиться на ткань?!

Фэн Гань экзаменует Хань Шаня и Ши Дэй

Еще накануне обряда учитель решил поговорить с мальчиками, про-светить их.

— Знаете ли вы, для чего выжигают девять глубоких отверстий на темени тех, кто принимает монашеский постриг?

— Можно, я отвечу на этот вопрос? — отозвался Хань Шань. — Отверстия нужны, чтобы через них из сердца улетели мысли о земном.

— Так ты знаком со смыслом пострига?

— Да что тут сложного, — вмешался Ши Дэй, — я тоже знаю об этом.

И тут же, не дожидаясь приглашения учителя, подробно рассказал о пятой степени пострига.

— Удивительно! — воскликнул Фэн Гань. — Так ты, наверное, знаком и с содержанием десятой степени пострига, которая тебе предстоит завтра?

— Конечно! — ответил Ши Дэй. — Человек, который оставил светскую жизнь и решил стать монахом, обязан соблюдать десять заповедей:

1) *не убивать живое*, то есть нельзя убивать ни свинью, ни собаку, ни курицу, ни утку;

2) *не воровать*, то есть не брать тайком вещи, принадлежащие другим людям;

3) *не состоять в связи с женщиной*, то есть не жениться, а если до этого был женат, то супругу следует оставить;

4) *не произносить плохие слова*, то есть бранные, грязные, вызывающие смущение слова, невежливые слова;

5) *не пить спиртное, вино*, ну, это и без объяснения понятно;

6) *не пользоваться благовониями, красивой одеждой*, то есть ни мужчина, ни женщина не должны думать об украшательстве собственного тела;

7) *не слушать, не смотреть песни и пляски*, то есть не только самому нельзя ни петь, ни плясать, но и смотреть, как другие развлекаются, тоже нельзя;

8) *не спать и не сидеть на высокой и широченной кровати*, ну, это тоже понятно без объяснений;

9) *не есть в любое время*, то есть принимать пищу следует три раза в день, в определенное время, а в любое другое время, когда вздумается, есть нельзя;

10) *не копить богатство*, то есть у монаха не должно быть ничего, кроме самых необходимых в быту вещей: иголки для штопки одежды, самой одежды, бритвы и прочее.

Фэн Гань был поражен, он никак не мог понять, откуда у мальчика могут быть такие познания; обычные люди ничего не знают об этой стороне жизни монахов, разве что сами монахи...

— А как вы думаете, можно ли сказать, что монахи тоже живут («проводят свои дни», — как это дословно звучит по-китайски, — *Л. И.*), ведь в их жизни столько ограничений и запретов?

— Конечно же, они тоже живут, — подключился Хань Шань, — только живут не мирской, а монашеской жизнью. Если взять иероглиф *сэнь* (僧), «бонза», «монах», то он состоит из двух частей: «человек» и «раньше», «прежде». Получается, что бонза — это в прошлом обычный человек, простой мирянин. Потом значение слова «мирянин», «светский» постепенно исчезло, и осталось лишь «бонза».

Услышав это, Фэн Гань был просто потрясен. Даже не каждый монах способен анализировать иероглифы, глубоко вникать в теорию и в историю, а тут — дети...

— Откуда вы все это знаете, — прямо спросил учитель, — кто вас научил?

— Честно говоря, никто. Мы и сами не ведаем, каким образом эти знания пришли к нам.

Далее дети стали углубляться в теорию буддизма, подробно рассказывая о четырех великих бодхисаттвах.

После обряда посвящения в монахи (а Ши Дэю пришлось пройти этот обряд дважды), дети стали жить отдельно. Ши Дэй по-прежнему работал на кухне, а Хань Шань проводил дни в горах, в пещере-монастыре Хань-ень-сы, и очень редко спускался вниз. Когда же он спускался, либо младший поднимался в горы, чтобы навестить его, Ши Дэй, зная, что тот вечно недоедает, готовил для него что-нибудь вкусное или просто относил брату оставшееся от трапезы. Так прошло пять лет.

И хотя Хань Шаня неоднократно приглашали жить в Го-цин-сы в качестве монаха, он всегда отказывался. Официальной причиной он называл то, что не может оставить без присмотра и помощи двух старых монахов, живущих вместе с ним. Потому что именно они пригнали его в свое время, когда он скитался по миру.

Хань Шань мог поселиться в монастыре с братом, лишь захватив с собой и стариков, однако те посвятили себя другой ветви буддизма и считали себя уже слишком старыми, чтобы изучать новое. А чтобы у стариков было более уютное место для проживания, на третий же день после посвящения в монахи Хань Шань приступил к строительству собственного монастыря. Так что теперь ему приходилось не только читать, заниматься и молиться, но и работать физически: рубить деревья, собирать камни в качестве строительного материала.

На это ему понадобилось десять долгих лет, и в результате был построен монастырский двор с тремя передними и четырьмя задними комнатами, которому впоследствии было присвоено то же название, что и пещере, в которой они жили прежде: Хань-ень-сы.

Монастырь получился маленьким и совсем не пользовался известностью и славой, тем более что в округе было еще десять с лишним храмов и монастырей, поэтому, чтобы как-то поддерживать свой, «непопулярный», Хань Шаню приходилось уходить довольно далеко для сбора пожертвований.

Отправляясь в дорогу, он одевался всегда так, что выглядел либо намного старше, чем есть, либо намного некрасивее, даже уродливее. Если же приходил проведать младшего брата, то они уединялись в комнате для дров либо на кухне и вели долгие беседы. А если кто-то заглядывал, нарушая их уединение, они устраивали спектакль, то смеясь, то бранясь, и тихонько ускользали.

За что любили этих братьев? За то, что они не превращали свою бедную, беспросветную жизнь в повод для уныния и грусти, наоборот, бедность и грусть, тяготы и горечь превращали в радость. И все радостное и светлое они вкладывали в свои стихи.

Второе рождение братьев

В одном из рождений Ши Дэи и Хань Шань были сестрами, дочерьми правителя одного из княжеств. Более того, эти девушки оказались сестрами,

младшей и старшей, одной из самых популярных в Китае богинь — Гуань-инь.

Но прежде чем еще раз появиться в мире людей, на этот раз в облике Хань Шаня и Ши Дзя, было и второе рождение, еще до двойников Хэ-Хэ.

Во втором рождении они оба появились на свет мужчинами. Ши Дэй стал крестьянином по имени Гун Пхин, т. е. «Равенство», «Справедливость». Однажды, вспахивая поле для посадки пшеницы, он выкопал огромный слиток серебра и, конечно же, очень обрадовался. Еще бы, жил он одиноко, трудился тяжело, а тут вдруг такое везение! А поскольку колодца своего у него не было, то он побежал к ближайшей канаве и стал отмывать и с помощью соломы оттирать этот слиток от грязи. Когда же отмыл, о, Небо, оказалось, на слитке написано его собственное имя!

Но не только его; присмотрелся, а там еще одно имя: Цзяо И, т. е. «Торговля». В общей же сложности было отпечатано восемь иероглифов: «Гун Пхин, Цзяо И; богатство, принадлежащее обоим».

Гун Пхин понял, что это дар Небес, следовательно, он не имеет права присвоить все это себе, надо разыскать какого-то Цзяо И и разделить находку с ним поровну. Но где его искать, в каком уезде, в каком селении, в какой семье?

Раз решение было принято, значит, надо искать по всей стране, как бы трудно ни было. Он продал дом, имущество, чтобы собрать денег на дорогу, затем взвалил на спину «богатство, принадлежащее обоим», и отправился в долгое путешествие, переваливая через горы и холмы, проходя через селения и повсюду расспрашивая о Цзяо И.

Истратив все сбережения, он стал просить подаяние, чтобы было чем перекусить, а ночевал в бедных полуразрушенных храмах, однако к сокровищу не смел прикоснуться. Прошел год мучительных скитаний, и Гун Пхин, наконец, услышал, что в уездном городе в Хунани есть человек с таким именем. И этот Цзяо И, якобы, является чиновником довольно высокого ранга.

Когда Гун Пхин подошел к нужным воротам, стража его, естественно, не пропустила, пришлось с начала до конца рассказывать всю историю: как он нашел слиток, как продал имущество и как в течение года искал владельца половинки слитка. Цзяо И доложили обо всем, но он в душе засомневался: «Как это может быть, ведь мы не знакомы, а он пошел на такие лишения, даже милостыню просил, чтобы донести до меня мою половину?» Велел

Цзяо И пригласить гостя в большой зал и там напрямик спросил, чтобы разрешить свои сомнения:

— Ради половинки слитка ты потратил год жизни, забросил свое поле и продал дом и хозяйство. Отчего ты так поступил?

— Богатство выкопано из земли, и мне не принадлежит. Я мог бы вовсе и не найти его... А вот человеческая порядочность принадлежит мне, и стоит тысячи таких слитков. Так что раз написано на слитке, что половина — твоя, стало быть, она и должна быть твоей.

Развернул он сверток и осторожно вынул найденное сокровище. Устроили пир-банкет, а когда наелись-напились, Цзяо И с почтением протянул Гун Пхину нетронутый слиток со словами:

— Гун Пхин, ты прошел тысячи *ли*, чтобы передать мне его, я оценил твой поступок, однако я не нуждаюсь в этом серебре, так что пусть это все принадлежит тебе.

— Но как же это можно?

— Я занимаю высокий пост и не испытываю недостатка в средствах. Могу взять этот кусочек серебра, могу и не взять, — все равно. Возьму — даже не замечу. Для тебя же это целое сокровище, для тебя оно важнее.

— Уж не думаешь ли ты, что я совершил такое путешествие, чтобы заслужить доброе имя и твою симпатию? Не думаешь ли ты, что я так поступаю оттого, что ты — большой начальник и в надежде на какое-то поощрение? Вовсе нет! Ведь ты служишь так далеко от моих мест, что не смог бы мне помочь, даже если захотел бы. «Водоем слишком далеко от огня, чтобы потушить пожар».

— Я вовсе так не думаю, кроме того, отправляясь в путь, ты понятия не имел о том, кто я и где я.

— Так отчего же ты не соглашаешься принять?!

— Ну ладно, ладно, ладно... Раз ты так настаиваешь, я приму. Приму все до грамма. Но я хочу дать тебе двадцать пять *лянов* монет на дорожные расходы. И в таком случае ты тоже не имеешь права отказываться!

— Нет, нет, нет! Ни в коем случае! В этом слитке всего пятьдесят *лянов*. Если ты примешь двадцать пять, а затем дашь их мне на дорогу, получится, что ты так и не принял принадлежащее тебе.

Так они продолжали спорить, сначала на словах, затем стали «орудовать» этим слитком, «впихивая» его друг другу в руки. Одно неосторожное движение, и со звуком «*дан-лан!*» серебро упало на пол. И случилось какое-то чудо: едва

коснувшись пола, оно исчезло. Слугам было велено отодвинуть стулья, столы; они даже за дверь заглядывали. Искали в самых немыслимых местах, — нет и следа. Вот уж чудеса! Искали так тщательно, что даже иголку нашли бы, будь она там, не то, что слиток.

— Копайте землю на три *чшы* глубины, а слиток найдите мне! — Приказал Цзяо И.

И слуги выкопали огромную яму на том месте, где упало серебро. На глубине примерно три *чшы* обнаружили целый чан с золотом. И еще один чан с серебром. Но еще удивительнее было то, что на каждом маленьком слиточке, которыми были заполнены чаны, опять же, были восемь иероглифов: «Все это принадлежит Гун Пхину и Цзяо И».

Гун Пхин от изумления рот раскрыл, так и стоял в прострации. А Цзяо И подумал: «Это воля Неба! Если бы не так, разве нашел бы меня Гун Пхин, проделав такой путь из Гуанчжоу? Ведь это все равно, что найти кунжутное зернышко! Да еще везде написаны наши имена!»

И решили они побрататься по обоюдному желанию, чтобы у них была общая фамилия. Множество денег они раздали бедным и нищим, еще часть истратили на то, чтобы открыть в уездном городе Ван-чхэн свой магазин.

А поскольку они были вежливыми и сердечными по отношению к покупателям, никогда не обсчитывали и не обманывали, дело их процветало, и в магазине всегда было много народу, царило оживление. Над входом они повесили вывеску со своими именами, и получилось «Честная Торговля» (公平交易).

Как Хэ-Хэ зарабатывали деньги

Братья продолжали заниматься торговлей, и успех их рос. Другие торговцы, владельцы магазинов и лавочек, подражая, тоже стали вывешивать у входа таблички с такими же надписями: «Гун-пхин цзяо-и», то есть «Честная торговля». Однако они не переняли главное, что было присуще братьям в их работе.

Братья считали, что нажива — вовсе не цель, важнее — добрые отношения с людьми и справедливость. Поэтому все эти вывески были профанацией, и люди по-прежнему предпочитали магазин братьев.

Тем не менее, постепенно такие вывески вошли в привычку и стали традиционными в районах Хунань, Хубэй, Гуандун, а позже этот обычай распространился и по всей стране.

Есть и еще один обычай-традиция, связанный с именами братьев. Крестьянки, которые занимаются изготовлением ниток из льна, обычно

складывают сырье, то есть коноплю и лен, в специальные бочки из дерева, и на эти бочонки наклеивают знаменитый лубок «Небожители Хэ-Хэ».

Это был нелегкий ручной труд; крестьянки сучили нитки, а затем продавали их тем, кто изготавливал льняную ткань. Особенно широко этот обычай — наклеивать картинки на бочонки, был распространен в городе Ван-чхэн, что в провинции Хунань, как раз там, где занимались торговлей братья.

Если расспросить женщин об этом обычае, они могут рассказать следующее. Жили некогда в городе два брата, старшего звали Цзо Хэ, младшего — Цзо Хэ (имена «Хэ» записываются разными иероглифами: «мир» и «согласие», — Л. И.). И хотя они были рождены от разных матерей и не принадлежали к одной семье, родители у обоих давно умерли, и дети стали поддерживать друг друга, жить вместе, как родственники. В то время им было восемь и девять лет, и они еще не могли заниматься крестьянской работой, выращивать урожай.

Дети договорились продать сельхозинвентарь и мебель, а на вырученные деньги занялись мелкой торговлей. Поскольку мальчики уродились смышленными, добрыми по характеру, а лица у них были от природы симпатичными, улыбочивыми, то и дело у них продвигалось с большим успехом.

Покупателей становилось все больше, и у мальчиков отлично продавался даже тот товар, что у других залеживался без спроса. За три года нелегкой работы жизнь их резко изменилась: они стали вполне зажиточными людьми, и смогли переехать из маленького города в большой, уездный. А еще через три-пять лет они стали одними из самых богатых людей уездного города Ван-чхэн. В своем богатстве они вовсе не забыли о трудностях бедняков.

Однажды зимой, когда погода была особенно холодной, в месяц *ла*, то есть перед Новым годом, братья сидели, греясь у огня, и обсуждая планы на будущий год. Старший брат сказал:

— Интересно, отчего нам так везет: другие, торгуя, несут, порой, большие убытки, а у нас всегда лишь прибыль.

— А мне кажется, что у нас давно уже всего вдоволь, и лишние заработанные деньги нам уже вовсе ни к чему.

— И не только ни к чему, а даже могут принести вред, — добавил старший. — Вспомни, как мы жили раньше, в бедности. Мы могли вытянуть ноги, лечь поудобнее и хорошо выспаться. Кроме того, могли спать с открытой дверью, впуская свежий воздух, — воровать было нечего. Сегодня же мы закрываемся ночью на все запоры и замки, и все равно спим тревожно, беспокойно.

— Да, и хотя мы много помогаем бедным и калекам, все равно в душе остается чувство, будто мы делаем очень мало добрых дел.

— Я слышал, что этим летом многим торговцам не удалось распродать соломенные шляпы; у них образовались большие завалы этого товара, и они почти разорились. Давай поможем!

— Давай! Я тоже об этом думал.

Братья наняли более двадцати здоровых, крепких ребят, и те за четыре-пять дней скупили все соломенные шляпы, которые скопились по всему уезду. Торговцы были очень довольны: не только избавились от залежалого товара, но и получили «живые деньги».

На следующий год весной погода выдалась абсолютно необычной. Солнце палило нещадно, у людей кружилась голова, болела кожа. Был такой зной, что земля трескалась. Люди бросились покупать соломенные шляпы, с утра до вечера у магазина братьев стояла огромная очередь жаждущих. Двадцать дней назад, в конце зимы, Хэ и Хэ приобрели все шляпы, а теперь, весной, за семь-восемь дней все они были раскуплены, ни одной не осталось.

Вот чудеса! Ведь они специально запланировали эту акцию, чтобы помочь другим торговцам, а самим потерпеть убыток, и вот как все обернулось: еще большей прибылью!

Но природа непредсказуема. Вдруг полились бесконечные дожди, которые затопили все крестьянские поля с молодыми всходами. Крестьяне, живущие на берегах озера в провинции Хубэй, особенно пострадали. Оставалось только плакать, потому что погибли надежды, погиб весь урожай, которым они должны были кормиться целый год.

Обсудив эту беду, братья задумали план. Они решили скупить посевы на этих полях, которые были залиты водой. Если просто дать деньги крестьянам, они этого не поймут, заподозрят какой-то подвох: известно, крестьяне — народ недоверчивый.

Вот и придумали Хэ и Хэ такой план: за каждые шестьсот *цзиней* молодых ростков выплачивать определенную сумму. И крестьяне с радостью понесли траву, у кого сколько было. Только вернулись братья домой, как к ним явились два военных чиновника, которые попросили продать им всю траву, обещая заплатить в два раза больше, чем она стоит.

Оказывается, в город пришел большой отряд для укрепления границы. Солдаты были на лошадях, которых надо чем-то кормить. Прослышало городское начальство о том, что Хэ и Хэ скупили всю траву и поспешили к ним.

Заметив, что эти братья всегда остаются в выигрыше, за какое бы дело они ни взялись, люди стали думать, что если их собственное дело будет хоть как-то связано с именами Хэ-Хэ, доля успеха достанется и им.

Эти двойники знают обо всем заранее,— думали люди: о дожде, о засухе, а потому не совершают ошибок. Одна бедная крестьянка, которая зарабатывала на жизнь изготовлением ниток из льна, особенно верила в силу двух братьев, поэтому она добыла кусок красной бумаги и тоненькими специальными ножницами вырезала из нее силуэты двух братьев.

Как известно, этим видом искусства владеют многие простые люди в Китае. И женщина-крестьянка раньше тоже часто вырезала известные, традиционные сюжеты, чтобы украсить свое жилище и в надежде, что они помогут ей в нелегкой жизни.

Например, вырезала птиц, цветы, мандариновых уток, резвящихся в воде,— символ счастливого супружества; петухов, возвещающих о наступлении утра,— символ успеха; группу из Восьми бессмертных,— намек на долголетие; Чжун-кхуя, выдающего замуж сестру,— символ справедливости и защиты от нечистой силы...

А в этот раз она вырезала двух братьев Хэ-Хэ и наклеила на бочонок, в котором хранилась конопля. Особо не надеясь на чудо, женщина продолжала трудиться до пота с утра до ночи. Труд этот, очень примитивный, требует, тем не менее, много времени и физических сил. Так что неудивительно, что женщина переутомилась и стала ошибаться.

Чтобы стало веселее и не так тяжело, женщина начала петь во время работы. Причем, не только известные народные песни, но и свои собственные, в которых рассказывала о своем ремесле, о своих мечтах.

Поскольку женщина была трудолюбивой и искусной, ее нитки получались особенно тонкими и пользовались невероятной популярностью; продавались они, естественно, дороже, чем работа других мастериц.

Со временем ей уже не приходилось самой выходить на улицу, чтобы торговать пряжей, люди сами шли за ней к женщине в дом. Постепенно удалось собрать денег и перебраться из камышовой хижины в кирпичный дом с черепичной крышей.

После того, как весть о том, что мастерица разбогатела, разнеслась в округе, все женщины, молодые и старые, занимающиеся тем же промыслом, тоже вырезали из красной бумаги картинку с изображением Хэ-Хэ и наклеили на свои бочонки с коноплей. И эта попытка привлечь внимание братьев

постепенно превратилась в обычай. А поскольку Хэ-Хэ — это те же самые братья Гун Пхин и Цзяо И, которые занимались столь успешно торговлей, то надо все же продолжить рассказ о них.

Как братья вновь встретились

Братья, столь дружно жившие меж собой, договорились умереть вместе, в один день, в один месяц, в один год, раз им не довелось родиться вместе, в один день, как близнецы. Но ведь человек не волен в своей смерти, поэтому братья договорились: кто бы ни умер первым, он непременно должен ждать второго на мосту реки Най-хэ, и только после того, как присоединится второй, они вместе отправятся в гости к князю тьмы Ень Ло-вану.

Лучи вновь и вновь возникающей на небе луны подобны стрелам, убивающим еще один прожитый день. В мгновение ока пролетели несколько десятков лет. Гун Пхину было уже шестьдесят восемь, когда Цзяо И, который был старше его на семь лет, покинул этот мир.

Через три года Гун Пхину исполнилось семьдесят один год, и он, ничем не болея, просто от старости, умер и отправился, полный надежд, к мосту Най для встречи с братом. Но оказалось, все не так просто, поскольку ему не удалось даже пройти через Дьявольские ворота, которые сторожил дух с головой коровы и мордой лошади. Заупрямился дух, ни в какую не пропускал; пустился в длинные философские рассуждения, мол, раз умер брат раньше тебя, не суждено вам встретиться.

После долгих приключений и настойчивых поисков в мире мрака, где души умерших проходят очищение и исправление, младшему брату удалось, наконец, узнать, что Ши Дэй живет где-то в горах Тхень-тхай-шань, а где конкретно — неизвестно.

— Ты уж извини, горы большие, и где именно твой Цзяо И — не могу подсказать, — заключил беседу один из оборотней.

— Как?! Цзяо И опять на Земле, в мире людей?! Пока не увижу собственными глазами, не поверю. Не может быть! Мы договорились встретиться здесь, чтобы всегда быть вместе. Как он мог один уйти? А если это правда, что он уже не в мире мрака, подскажите, как же мне скорее оказаться там же, где брат Цзяо И.

— Мы можем помочь тебе встретиться с братом на десять лет раньше положенного срока. Но это лишь в том случае, если ты человек храбрый, — ответили

духи. — Дело в том, что вскоре на Земле должно произойти вот что. В горах Тхень-тхай-шань, между храмом Го-цин и пещерой Юй-цзин есть вершина, на которой обитают три тигра. Самая крупная — старая тигрица; она захочет съесть десятилетнего мальчика, но тот так испугается, что умрет от ужаса, как только зверь схватит его. А поскольку тигры не едят трупы, то тут ты и должен проявить храбрость: оказаться там именно в нужный момент, и как только мальчик умрет, тут же вселиться в его тело.

— Я не из трусливых, поскольку прожил семьдесят один год и повидал на своем веку всякого. Но впервые слышу, что можно оживить труп.

— Ну, раз ты на это не решаешься, то остается лишь ждать естественного хода событий. Завтра в горном селении, недалеко от храма Го-цин, одна из женщин будет рожать. Ты можешь отправиться туда, чтобы твоя душа оказалась в утробе этой роженицы. А через десять лет встретишься со своим Цзяо И.

— Нет, уж лучше я выберу первый путь, — поразмыслив, сказал Гун Пхин, — только смотрите, чтобы эта свирепая тигрица не съела меня!

— Не волнуйся, ступай!

На следующий день Гун Пхин с помощью духов спустился на клубящихся облаках в горы. Не успел Гун Пхин оглядеться, как мимо него пробежал десятилетний мальчуган.

— Быстрее, а то не успеешь! — подстегнул его дух и, толкнув в спину, сбросил с облака.

Старик даже не успел сообразить, что произошло, как почувствовал себя висющим в зубах тигрицы, позади которой бежали два детеныша. Но было и еще одно действующее лицо, — за тиграми гнался монах, который, увидев ребенка в пасти у тигра, хотел спасти его.

Неожиданно ноги младшего из детенышей запутались в лианах и густой траве. Мать не сразу это заметила, и лишь когда она оглянулась, взбегая на склон горы, то увидела, как монах подхватил ее ребенка и повесил на ветке старой огромной сосны. Тигрица, отпустив жертву, села на задние лапы и неотрывно смотрела на несчастного детеныша, а по ее морде катились две слезинки.

Гун Пхин, который еще в детстве лишился матери, тоже почувствовал жалость, и у него тоже брызнули слезы. Оба зверя, мать и ее второй детеныш, с изумлением уставились на плачущего мальчика. Тот, казалось, забыл о своем собственном несчастье и сочувствовал, сопереживал другому.

Гун Пхин подошел к тигрице, погладил ее по голове:

— Не печалься, мы что-нибудь придумаем и спасем твоего детеныша...

И тут вдруг семидесятилетний старик обнаружил, что он превратился в ребенка. Сначала он обратил внимание на свой голос, подумав, «что это я вдруг заговорил детским голосом?» А потом и тело свое рассмотрел: ребенок! Этот десятилетний мальчик и был будущим Ши Дэем.

Удивительным стало поведение двух тигров и их отношение к этому Ши Дэю: подогнув хвосты, они стали ластиться к мальчику, ходить вокруг него, а затем детеныш подставил ему спину, чтобы он сел верхом, и они отправились спасать малыша.

Ши Дэй, конечно, не знал, зачем монах погнался за ними и зачем он повесил тигренка со спутанными травой лапами на ветке. А сделал он это для того, чтобы заманить мать-тигрицу. Стоило им приблизиться, как монах Фэн Гань выскочил из-за дерева, оседлал тигрицу и изо всей силы сдавил ногами ее бока. Затем вынул нож и страшным голосом крикнул: «Стой!»

Он, конечно же, не собирался убивать животное. Тут только мальчик понял, что все действия монаха направлены на то, чтобы спасти его, Ши Дэя.

Что было дальше, мы уже знаем из вышеописанного. Ши Дэй стал учеником монаха и послушником в его монастыре, работал на кухне, следил за очагом, мыл посуду.

Золотой ключ

Хань Шань и Ши Дэй в общей сложности прожили в храме Го-цин-сы, что в горах Тхень-тхай-шань, сорок с лишним лет. Десятилетние мальчики постепенно превратились в пожилых людей. Они по-прежнему сочиняли стихи, распевая их вдвоем и, обсуждая, затем записывали их, вырезая иероглифы на бамбуковых дощечках либо на каменных стенах, чтобы ими могли любоваться и другие люди.

Выше рассказывалось, как Хань Шань и Ши Дэй убежали из храма, чтобы не встречаться с господином Люем, который специально разыскал братьев, заинтересовавшись их стихами. После того, как они таким удивительным образом скрылись-исчезли в стене, Люй отправил людей, чтобы те собрали все стихи, которые только удастся разыскать: вырезанные на бамбуке, на дереве, на скалах... Всего удалось собрать более трехсот, при этом стихи Хань Шаня были изданы в сборнике, а стихи Ши Дэя следовали в конце, как приложение. Их стихи не только издавались отдельно, но и вошли, как составная часть, в золотой фонд поэзии эпохи Тхан.

Хань Шань и Ши Дэй — наиболее знаменитые в тех местах монахи. Фэн Гань, их наставник, тоже почитаем в народе, ведь это он помог братьям встретиться, он опекал их. Подчеркивая заслуги этого монаха, мост, что недалеко от храма, называли его именем, — мост Фэн Ганя.

В горах Тхень-тхай-*шань*, что неподалеку от храма, есть и еще две достопримечательности: каменная стела и могила монаха И Хана. В храме Го-цин-*сы* свято чтут память «четырех великих монахов»: Хань Шаня, Ши Дэя, Фэн Ганя и И Хана.

Кто же такой И Хан? Годы его жизни 673—727. Это знаменитый монах-астроном эпохи Тхан. Монахом он стал в двадцать один год, покинув родной город и уйдя в горы. Он сделал немало астрономических открытий и изобрел несколько специальных приборов для изучения космоса.

Однажды, будучи уже немолодым, И Хан решил отправиться к известному монаху по имени Да Чжэнь, который жил в монастыре Го-цин-*сы*, чтобы поучиться у него. И как раз, когда И Хан уже подходил к цели, начался сильный ливень. Надо пояснить, что позади этого храма протекало два рукава речки под названием Си. Оба потока огибали храм и, соединившись перед ним в одно русло, несли свои воды на восток. Как раз перед храмом и был мостик, носивший имя Фэн Ганя.

В тот день, когда начался ливень, монах И Хан только-только взошел на мост. Река пенилась и бурлила, выйдя из берегов. И вдруг произошло небывалое, — река изменила свое течение. Сколько здесь жили люди, она текла на восток, а тут, стоило пришельцу И Хану взойти на мост, и она вдруг потекла с востока на запад.

А поскольку этот монах был личностью очень известной в стране, то люди так и решили, что это не просто природное явление, а знак Неба: с появлением знаменитого астронома в стенах Го-цин-*сы* даже река потекла вспять. Потому и стелу каменную тут установили со словами: «Когда И Хан дошел до этого места, река потекла в обратном направлении», и самого И Хана похоронили именно здесь, когда пришел его срок.

Но остается еще много вопросов. Например, каким образом Хань Шань, после того, как исчез в каменной скале, вновь возник в окрестностях города Сучжоу и построил широко известный храм Хань-шань-*сы*? Каким образом умерший в свое время Ши Дэй оказался вдруг на востоке, в Японии, где и построил храм Ши-дэй-*сы*?

И еще предстоит кропотливым образом исследовать интересный вопрос: почему и в Китае, и в Японии есть одноименные горы Тхень-тхай-*шань*?

Почему в этих горах, и в Китае, и в Японии, есть одноименные храмы Го-цин-сы? Почему, когда японские монахи из Го-цин-сы приезжают для поклонения в китайский Го-цин-сы, на шеях у них висят золотые ключики?

Впервые это произошло в 804 году, когда из Японии для поклонения приехало семь монахов. Это было первое посещение храма иностранцами монахами и вызвало у жителей монастыря удивление. Настоятель лично встретил их у ворот, прервав утренний урок. Китайцев очень тронуло, что гости пересекли море и перенесли немало трудностей, чтобы попасть в китайский Го-цин-сы и поклониться здесь Будде. И хотя они не знали языка друг друга, все же кое-как объяснились через переводчика.

Оказывается, монахи приехали, чтобы учиться в этом монастыре. Звучали барабаны, возжигались свечи... И вдруг внимание всех привлек необыкновенный аромат. Он исходил, оказывается, от огромного старого дерева, носящего название фикус благочестивый.

Оно росло в центре двора, и его с трудом могли обхватить два человека. Дерево никогда не пахло, откуда же нынче взялся этот дивный аромат? И тут сразу несколько человек вспомнило:

— Неужели сбылось то, что предрек великий настоятель и основатель храма по имени Чжи И двести лет назад?!

А произошло это в 604 году, и сказал Чжи И следующее: «Я собираюсь покинуть этот мир и прошу вас, братья, не забыть о моей просьбе. Передавайте ее от одного поколения другому. Через двести лет к вам явится делегация братьев из восточных земель, из Японии. И придут они за свитками с сутрами, чтобы изучать именно наше направление буддизма. Пусть наше дело процветает и распространяется на восток, и пусть десятое поколение монахов, которым предстоит это сделать, радушно встретят гостей».

После этих слов Чжи И вынул из-за пазухи золотой ключик, пояснив, что это ключ от знаний, ключ от храма Го-цин-сы. «Закопайте его под фикусом, что в центре двора,— попросил настоятель,— а через двести лет десятое поколение монахов передаст его гостям из Японии. Этим ключом они смогут открыть хранилище, где более трехсот драгоценных свитков. Все свитки надо будет передать прибывшим из восточных земель». Сказав это, настоятель Чжи И закрыл глаза и отошел в мир иной.

Именно через двести лет, как и предсказывал основатель секты *тхень-тхай-цзун*, гости перешагнули порог храма Го-цин-сы. Монахи вспомнили, что прежде надо поклониться самому дереву, поэтому с этой церемонии они и начали. Когда

же все молитвы были прочитаны, земля под деревом в определенном месте сама вспучилась, достигнув одного *чшы* высотой. Затем этот маленький холмик сам открылся, и под ним обнаружилась зеленоватая каменная плита. И, опять же, сама собой эта плита отодвинулась, будто ей помог невидимый человек, и взорам предстал тайник-углубление из белоснежной яшмы. Все невольно сделали шаг вперед, продолжая бормотать молитву. И вдруг всех ослепило золотое сияние ключа, который лежал на кусочке ткани из алого шелка. Когда сокровище вручили японцам, переводчик сказал по-китайски:

— Наш учитель-наставник Ши Дэй не знает, как и благодарить вас...

— Ши Дэй? — китайцы были поражены. Ведь они знали, что монах Ши Дэй скончался около ста шестидесяти лет назад. Как же он мог оказаться в Японии?

А как японские представители узнали о храме в Китае под названием Го-цин-сы? Оказывается, учителю Ши Дэю приснился сон, в котором он увидел седобородого старца, опирающегося на посох. Тот сказал: «В государстве Китай, что в десяти тысячах *ли* отсюда, есть священная гора Тхень-тхай-*шань*, а на ней — храм Го-цин-сы. Там вы сможете получить все необходимое для знания».

Наставник Ши Дэй жил в крошечном храме Го-цин-сы, о котором мало кто знал, так как место это находилось очень далеко от столицы. Собрал он нескольких монахов, и все вместе они отправились в нелегкий путь. Мало того, что путешественникам пришлось преодолеть немало трудностей на море, так еще и в Китае, чтобы разыскать нужный им монастырь, путники пересекли немало гор и рек, продвигаясь вглубь страны. В общей сложности они были в пути триста тридцать три дня, то есть почти год.

С не меньшими трудностями семь монахов возвращались и домой, увозя на родину сто двадцать восемь книг и триста сорок пять свитков со священными текстами.

Несостоявшаяся свадьба

О том, как возник этот храм, уже написано в начале главы, но сейчас расскажем об этом подробнее. Как известно, храм находится в городе Сучжоу, а раньше, когда туда пришли братья, он назывался Гу-су. Напомню, что этот город связан еще и с именем самой знаменитой из четырех красавиц, — Си Ши, женщиной-шпионом. Но произошла наша история очень далеко от южного прекрасного города Гу-су. В очередном своем рождении названные братья оказались сиротами и жили вместе, помогая друг другу.

Старший, Хань Шань, обучился искусству-ремеслу забивать свиней. В старом Китае для обозначения понятия «ремесленник» существовало два слова: *лао* (勞) и *цзян* (匠), и, по мнению китайцев, разница между ними была очень значительной. Существовало девять видов ремесла *лао* и восемнадцать видов *цзян*. Мастерские, относящиеся к группе *цзян*, ценились намного выше, пользовались большим уважением, поскольку мастерству они обучались три года, и учеба считалась довольно сложной. А чтобы овладеть ремеслом *лао*, достаточно и трех дней. Но даже у мастеровых класса *лао* существовала своя иерархия, и из девяти ступеней самыми низшими считались седьмая, восьмая и девятая, а именно забой свиней, ловля рыбы голыми руками и стрельба из ружей патронами.

И вот Хань Шань, чтобы не умереть с голоду, выбрал это презренное ремесло, а к двадцати годам соседи помогли ему найти и сосватать невесту. Девушку звали Бай Лень, Белый Лотос, жила она в соседней деревне и была круглой сиротой: ни родителей, ни братьев, ни сестер. Однако была она хоть и бедной чрезвычайно, зато умной, красивой, здоровой, с проворными руками и ногами.

Свадьбу уже назначили на счастливый, специально подобранный день — двадцать четвертое число месяца *ла*. Бедняки часто так поступают для экономии средств: празднуют одновременно встречу «малого» Нового года и свадьбу. Как говорят, «одновременно бьют в гонг и барабаны» (гонги извещают о приближении свадебной процессии, а в барабаны бьют, празднуя Новый год, — Л. И.).

Единственным стоящим «имуществом» в доме у невесты была свинья, которую она в течение долгого времени выращивала-выкармливала. Этим мясом девушка собиралась угостить всех соседей, которые ей обычно во всем помогали с детства и в течение двадцати лет. Она решила заколоть свинью за несколько дней до свадьбы. Могла ли она предположить, что именно это простое событие станет причиной того, что свадьба расстроится, а Хань Шань и Ши Дэй, один за другим, покинут родные места...

Поскольку в ближайшей округе был лишь один мастер по забою свиней, — один из братьев, то его и пришлось пригласить для этой работы, презрев обычай, запрещающий невесте встречаться с женихом до свадьбы. Беднякам часто приходится игнорировать традиции в силу нужды. Но и это еще не все. При забое животного специалисту нужны помощники, чтобы связать несчастное создание. Обычно в таких случаях помогают мужчины из семьи, пригласившей мастера.

Но Хань Шань знал, что у Бай Лень в доме никого нет, поэтому он позвал с собой брата, Ши Дзя, хотя и свояку не положено было встречаться с будущей женой старшего брата. Всю дорогу Хань Шань был в приподнятом настроении, неся любовь в своем сердце. Он все время шутил и не мог понять, отчего печален и предпочитает отмалчиваться его младший брат. «Видимо, его смущает предстоящая встреча с незнакомой девушкой», — подумал он.

Когда пришли в дом невесты, работа у Хань Шаня спорилась: и нож попал точно в сердце, и кровь удалось аккуратно собрать, не наследив, и щетину он смог соскрести особенно тщательно, так что ни волосинки не осталось, и кишки с желудком были промыты очень аккуратно, и, наконец, все мясо, которое следовало срезать с костей, было тщательнейшим образом срезано. Затем мясо точно взвесили и разделили на две части: куски по два и по три *цзиня* — отдельно. Постное и жирное тоже было разложено отдельно.

Когда вся работа была выполнена, уже смеркалось, а у хозяйки как раз был готов ужин из свинины. Хотя кушаньям на столе было и далеко до свадебного угощения, однако трапеза получилась довольно обильной, и следовало бы ожидать, что за ужином все оживятся, однако младший брат по-прежнему был невесел, да и Бай Лень ела молча. И это Хань Шань тоже отнес за счет стеснительности, не придав особого значения.

После еды Хань Шань сказал младшему: «Ты тут помоги девушке убрать все в доме, а я должен идти в соседнюю деревню, меня ждет работа, так уж получилось, что в один день — два приглашения».

И он ушел, но, пройдя три-четыре *ли*, вдруг вспомнил, что скребок для срезания щетины, кажется, остался в доме Бай Лень. Проверил свои инструменты, — точно. Ничего не поделаешь, пришлось возвращаться.

Ворота были закрыты на засов, и Хань Шань, решив, что невеста уже спит, решил ее не беспокоить, а просто-напросто перелез через ограду, подобрал оставленный скребок и хотел уж, было, тем же путем покинуть двор, как вдруг увидел свет в щели под дверью дома. Значит, Бай Лень еще не спит... И тут он услышал ее плач.

Что бы это могло значить? И зайти нельзя, — неприлично, и не поинтересоваться рискованно. Может, конечно, она просто плачет, как многие девушки, прощаясь с родным домом, с девичьей жизнью, но может, и обидел кто, может, нуждается в его защите...

Решившись, Хань Шань уже хотел постучать и открыть дверь, как вдруг услышал голос брата. Это ошеломило его и заставило внимательно прислушаться. А брат говорил:

— Не плачь, Бай Лень, мой брат — лучший в мире человек, и ты будешь жить с ним счастливо. Он наверняка не знает о нашей любви и наших планах, ибо, если бы знал, никогда бы не стал разлучать нас, разрушив наши чувства.

— Я ошибочно полагала, когда меня сватали за одного из братьев, что он — это ты... Только поэтому и согласилась... Объясни все брату!

— Не могу! Не хочу огорчать его! Готовясь к свадьбе, он истратил все свои сбережения. И потом, он так радуется предстоящему, ты так нравишься ему! А я... разве я могу сравниться с ним...

Услышав этот диалог, Хань-Шань все понял: «Ах, вот в чем дело! Не могу считать себя виноватым, потому что не знал ничего. Ну и наломал бы я дров, если бы случайно не узнал правду! Но теперь, когда в курсе всего, ни за что не смогу отнять у брата его любовь. Да, девушка мне нравится, однако братские чувства намного важнее! Потеряю эту, смогу найти и другую, а вот если брата потеряю, ничем и никем заменить не смогу. Женится младший брат, и мне будет спокойнее за него, буду только радоваться».

И Хань Шань решил помочь брату в устройении свадьбы, кроме того, отдать ему все, что закупил, что приготовил, было, для собственного торжества. Однако, обдумав ситуацию неоднократно, Хань Шань понял, что Ши Дэй ни за что не согласится на то, чтобы стать счастливым вместо него, не сможет принять такую жертву. Остается только тайком уйти из дома. Да, другого выхода нет, остается лишь постричься в монахи. И Хань Шань проделал следующее.

Он набрал древесных угольков и на внешней, белой стене-ограде сначала нарисовал монастырский двор, затем — бритую голову человека, радостно идущего по направлению к храму. Потом в закрытые на засов ворота воткнул ветку, а на нее повесил скребки для удаления щетины.

Когда пробили вторую стражу, Ши Дэй собрался домой. Дернул ворота, а щеколда не открывается. Тогда он выглянул в окно, которое в Китае принято делать в каменной ограде, и увидел, что кто-то заблокировал щеколду веткой, чтобы привлечь внимание.

Выбравшись через окно, он рассмотрел рисунок и все понял. Не сказав ни слова девушке, он бросился домой со всех ног, однако там обнаружил ключ, принадлежавший брату, который тот повесил на замок. Кроме того, на дверях висела яркая картинка-лубок, на которой были изображены новобрачные: жених вел невесту в спальню.

Всю ночь Ши Дэй не мог сомкнуть глаз. На следующее утро, прежде всего, пошел к Бай Лень, передал ей ключи от своего дома со словами:

— Наш дом и наше имущество отныне принадлежат тебе. А я отправляюсь искать брата. Найду, — вместе вернемся; не найду сразу, буду искать до самой смерти, а если не повезет, то и после смерти буду продолжать искать.

И, даже не спросив мнения девушки на этот счет, не оглядываясь, покинул ее двор.

Храм Хань Шань-сы

Младший брат шел и шел, не замечая ни времени, ни усталости. Наступила зима с обильным снегом, покрывшим все вокруг, а Ши Дэй все шел; мимо его внимания промелькнуло появление свежей зеленой травы, и он продолжал идти, разыскивая брата; и даже когда до его ноздрей долетел аромат лотосов, распустившихся в прудах, он не заметил, что наступило лето... Тополиный пух летал вокруг Ши Дэя, попадая в глаза и щекоча лицо, а он не понимал, какое время года вокруг: какая разница, раз они с братом врозь? Изумрудная трава сменялась красными и желтыми опавшими листьями, а он все шел, не обращая внимания, что у него под ногами...

Он не помнил, сколько дорог прошел, сколько монастырей посетил, скольких людей расспросил. Наконец, он пришел в местечко под названием Гу-су, что на юге Китая, и, наконец-то, услышал, что недалеко от этого города, примерно в шести-семи *ли* от него, у подножья горы *Хэ-шань* есть небольшое селение Фэн-цзяо, а в нем — пагода, построенная еще во времена Южных династий. Там как раз и проживает молодой монах, который прибыл в те места примерно год назад, именно из того селения, где Ши Дэй жил с братом когда-то. Услышав эту новость, радостный Ши Дэй бросился в указанном направлении. Надежда придала ему сил.

А Хань Шань в это время как раз вышел за водой. Увидев брата, бегущего навстречу, он выронил деревянное ведро, и оно, гремя по каменным ступеням-сходням, скатилось в воду, и река поглотила его.

Радость переполняла братьев, они обнимались и не могли наглядеться друг на друга. Ради того, чтобы быть вместе, чтобы уступить счастье друг другу, они оба отказались от любви. Им ничего не было жаль ради друга друга.

— Я прошел церемонию посвящения в буддийские монахи, — *«гуй-и-фо-мэнь»*, а изначально эта церемония как раз и означала добрососедство, а также взаимные единство, дружбу и любовь, — сказал старший брат.

Младшему эти слова показались очень необычными, свежими, однако он не понял, почему фраза *«гуй-и-фо-мэнь»* означает «стать монахом», почему она символизирует братство, единство, любовь.

Старший ответил:

— Раньше я тоже не понимал, но, став монахом, узнал, что китайское слово *«хэ-шан»*, монах, пришло из Индии, и в переводе означает «родной учитель», именно так в Индии обращаются к учителю-наставнику. Конечно, монахов правильнее было бы называть «сэн», это упрощенное слово от *«сэн-це»*. Оно тоже пришло из Индии, его перевели на китайский просто по созвучию. А смысл переводится «содружество живущих в мире», то есть *«хэ-хэ»* (как раз иероглифы, которыми записываются имена героев, — Л. И.).

— Чем больше ты рассказываешь, тем интереснее; правда, я не все понимаю. Я хочу пойти по твоим стопам и тоже пройти обряд *«гуй-и-фо-мэнь»* и обрить голову.

Вместе оба брата начали штудировать буддийские книги, в свободное время вырезая из дерева или ваяя из глины божества, постепенно возводя храм. Через тридцать лет упорнейшего труда в храме насчитывалось уже свыше тысячи братьев-монахов, которые совершили бесчисленное количество добрых дел для простых людей. Был построен величественный храм, носящий имя старшего брата, — Хань Шань-сы.

Самыми известными строениями в нем считаются главный большой зал, здание для хранения книг и галерея, где собраны каменные стелы. Вокруг храма очень красиво: течет река, над ней вздымается мост из камня. Внутри двора необыкновенно живописно смотрятся зеленые деревья на фоне желтых стен и галерея с изогнутыми перилами. Этот храм и по сей день производит на всех очень глубокое впечатление, хочется прийти или приехать сюда еще не один раз.

В эпоху Тхан знаменитый поэт Чжан Сюй, прогуливаясь на лодке ночью недалеко от храма, написал стихи, которые и сегодня очаровывают читателей:

Низко в небе провисает желтая луна,
Огоньки трепещут в лодках, чтоб была видна
Рыба сонная в реке. Грустно мне, не спится...
Вороны кричат тревожно, иней серебрится...

Настигая мою лодку, заплутавшую в ночи,
На рассвете, как обычно, колокол звучит
В храме Хань Шань-сы, что где-то около Гу-су,
Эти звуки, словно стоны, мне печаль несут...

Стихи настолько понравились людям, что сразу же стали очень популярными и широко распространенными. Кстати, в Японии в хрестоматию по литературе для старших классов включено и это произведение, которое дети знают наизусть. Но не только стихи, но и храм, воспетый в них, стал известным повсюду, несмотря на то, что по размерам он совсем не велик.

А еще через некоторое время после того, как о храме братьев узнали по всему Китаю, слухи о нем дошли и до Японии, и оттуда приехал буддийский монах-посол, который попросил, чтобы один из братьев отправился с ним и помог в распространении буддизма на его родине.

Японец много слышал о Хань Шане и Ши Дзе, но ему и в голову не могло прийти, что эти братья еще за тридцать семь лет до его прибытия в Китай уже пребывали в нирване. Так что увидеть знаменитых Хэ-Хэ ему довелось лишь в виде портретов, вырезанных на камне. Чтобы не разочаровывать бедного странника, напрасно проделавшего такой долгий путь, монахи с помощью туши сделали для него картину-копию портретов на камне, наложив на него белый лист.

Когда мы были в этом храме, видели и знаменитый камень. Он абсолютно черный, поэтому, когда на него наносят черную краску и накладывают белый лист, получается очень хорошая копия, а подлинник при этом «не страдает», не становится грязным от краски. В Пекине во многих местах можно купить эти копии, так что мы очень хорошо представляем, что получил в подарок японец.

Однако, все же видя на лице гостя некоторое огорчение, монахи обнадежили: «Неважно, что братья давно почили, дух их на Земле, во всех

изображениях. Поэтому, если вы эту картину отвезете на родину и специально для нее постройте храм где-нибудь в горах, покрытых зеленью, и чтобы рядом непременно протекала река с прозрачной, чистой водой, и если будете ежедневно возжигать свечи перед висящей картиной и совершать поклоны, высказывая свои душевные чаяния, то через совсем короткое время оба святых смогут материализоваться».

Японский монах выполнил все точно, как ему советовали, ежедневно молился, и на третий день Ши Дэй вдруг сошел с картины, сложил руки в приветствии и попросил: «Брат, не надо мне кланяться!»

Монах так растерялся, что не знал, как лучше поступить: продолжать кланяться или подняться с колен; да и что сказать, — слов он подобрать не мог. А Ши Дэй продолжил:

— Ты очень самоотверженный человек, ибо не побоялся ради веры преодолеть морской путь и десять тысяч *ли*, так что я даже не знаю, чему еще я смог бы тебя научить, чем помочь.

— Мне очень понравился колокол в вашем храме, который звучит в полночь, — осмелел японец, — но почему именно ночью?

— В буддийских храмах звуки колокола и барабана извещают о времени работы или отдыха. (И в буддийских, и в даоских храмах в Китае, как правило, в первом же дворе справа и слева от центральной дороги стоят башни: на западе — Башня колокола, на востоке — Барабанная башня, — *Л. И.*). У монахов и простых людей это время не совпадает. Крестьяне начинают работать с восходом солнца, а зашло светило, — время отдыха. Монахи же после захода солнца трудятся, а рано утром отдыхают.

Вот и получается, что в храмах и монастырях после того, как солнце сядет за гору, звучит барабан, а когда едва рассветает, слышен бой в колокол. Мы так и говорим: «*му-гу, чхэнь-чжун*», «вечером — барабан, утром — колокол». Прекрасные стихи поэта привлекли внимание всего Китая к нашему скромному монастырю. Там есть и строка «на рассвете, как обычно, колокол звучит», это как раз и есть сигнал для монахов об отдыхе. Почему-то всех пленяет именно эта строка, говорящая о печальном звуке; всех притягивает именно наш колокол после того, как его прославил в стихах поэт. Но не менее красивы и другие строки:

Низко в небе провисает желтая луна,
...Вороны кричат тревожно, иней серебрится...

Это написано о глубокой осени, об увядании природы. Но больше всего желающих бывает послушать наш колокол в храме Хань Шань-сы в новогоднюю ночь, в полночь тридцатого числа месяца *ла* по лунному календарю. В эту ночь колокол звучит особенно долго, — сто восемь раз, и звуки его особенно печальны.

— Да, — согласился японец, — я специально прожил у вас в храме десять дней, чтобы дожидаться новогодней ночи и услышать это знаменитое чудо.

— Я предлагаю вот что. Хотя храм Хань Шань-сы мы с братом строили и создавали вдвоем, но он носит имя Хань Шаня. Поэтому на ваше приглашение в Японию откликнулся я, Ши Дэй. И раз вам так понравился колокол, я могу отдать вам его. Пусть в храме Хань Шаня останется барабан, а в храме Ши Дэя — колокол. Один — на западе, другой на востоке, пусть звучат и тот, и другой вместе, соединяя две наши страны.

— Благодарю вас, великий учитель!

Через три дня японский монах прикрепил у ворот храма надпись «Монастырь Ши Дэй». И вдруг в ту самую минуту, когда он повесил вывеску с названием храма, раздался бой колокола. И хотя удар был лишь один, прекрасное эхо звучало в ушах еще очень долго.

Оказалось, в главном зале храма, в его правом переднем углу, висит колокол. Пригляделся монах, — А-ми-тхо-фо! Да ведь это же тот самый огромный колокол, что он видел в Хань Шань-сы! С тех пор в японском храме Ши-дэй был колокол, но не было барабана, а в китайском храме Хань Шань был барабан, но не было колокола.

Оба храма — как родные братья, и все же Ши Дэй всегда считал главным своего старшего брата Хань Шаня. Потому что из двух Хэ-Хэ первое Хэ переводится «мир», второе — «единение», «сотрудничество». Есть мир, будет и сотрудничество, нет мира, — нет, и не может быть ничего другого. Ну разве мир не важнее всего на свете?

Глава печальная об отвергнутой девушке

Девушка по имени Бай Лень, которая встала между двумя братьями, была очередным испытанием, посланным им Небесным императором после того, как они с честью приняли и голод, и бедность, и трудности житейские; не сломило и не изменило их даже свалившееся богатство.

Как мы уже знаем, даже любовь к девушке не смогла поссорить братьев и поселить в их сердцах неприязнь друг к другу. А что же оставалось бедной Бай Лень, которую то оба одновременно любили, то оба враз оставили? Сначала она

пролежала три дня, не поднимаясь, с трудом пережив удар. На третий день ей пришла удивительная мысль: да ведь она счастливая, раз ее полюбили сразу два таких замечательных человека; больше того, они оба достойны ее любви.

«Какая же я глупая, — думала она, — почему три дня назад не отбросила девичью скромность и не предложила Ши Дэю вместе с ним отправиться на поиски Хань Шаня? Я должна была последовать за любимым, куда бы он ни пошел, а что сделала я, Бай Лень, на самом деле? Просто оборвала нить, на которой летал воздушный змей, и тот унесся теперь в бескрайнее небо...»

«Нет, я должна найти его, — думала Бай Лень, — я, подобно знаменитой Мэн Цзян-нуй, отправлюсь на поиски любимого». Поэтому через несколько дней после того, как братья Ши Дэй и Хань Шань встретились на берегу реки, куда Хань Шань отправился за водой, в городе Гу-су объявилась и Бай Лень.

— Я все-таки нашла вас! — воскликнула она, однако дальше говорить не смогла, горло сдавил спазм, потекли слезы.

— Не говори, Бай Лень, слова ни к чему, — откликнулся Ши Дэй, — как только мы увидели тебя, всю пропыленную дорогами, мы все поняли. Мы с братом потрясены твоим поступком, однако...

— И ты не продолжай говорить, брат Ши Дэй, — перебила его Бай Лень. Я знаю, как вы любите друг друга, вы — «как руки и ноги одного туловища», вы не можете существовать врозь. Поэтому я придумала вот что. Чтобы не обидеть старшего брата, Хань Шаня, надо найти ему девушку по сердцу. У меня как раз есть двоюродная сестра, которая старше меня на один год и живет далеко от нашей деревни. Она и умная, и талантливая, и красивая; я уверена, что Хань Шаню она понравится. Она во всем намного лучше меня. Узнав, что Хань Шань ушел в монастырь, чтобы не разрушить любовь младшего брата, она прониклась к нему большим уважением.

Услышав это, Хань Шань перебил:

— Бай Лень, ты не должна заблуждаться. Брат только что вовсе не это имел в виду...

— Подождите, дайте мне договорить, — попросила Бай Лень, — мне нелегко было прийти сюда после того, как вы оба меня оставили. Я хоть и бедная девушка, но замуж вполне могла бы выйти. И все же я отправилась к вам, потому что очень люблю Ши Дэя. Раз вы уже решили проблему между собой, осталось решить лишь мою: Ши Дэй, ответь, я по-прежнему нравлюсь тебе?

— Нравишься! И до этого нравилась, а после твоего необычного поступка нравишься еще больше. Я говорю от чистого сердца, и эти мои слова — мягкая вата, чтобы тебе не так больно было услышать мое «но», мое «однако»...

— Подожди, раз я тебе нравлюсь, давай вернемся в родные края!

— Я не могу уйти отсюда, Бай Лень!

— Ну, что ж, и здесь можно остаться, мы снимем простенькую лачугу. Или построим рядом с этим вашим шалашом камышовую хижину.

— Подожди, Бай Лень, я хочу сказать, что, став монахом, нельзя уже вернуться к мирской жизни. Десять дней назад я обрил голову...

— Десять дней назад или десять лет назад, — какая разница, разве нельзя передумать, отказаться?!

— Как тебе сказать... Я не люблю «срезать углы и ходить закоулками», я скажу прямо. Хотя прошло лишь десять дней после официальной церемонии, но я понял нечто очень важное: в мире существуют более важные чувства, более сильная любовь между людьми, чем братские, материнские чувства, чем любовь детей к родителям и любовь между мужчиной и женщиной.

— Не верю!

— Это правда! Раньше и я не верил, а теперь знаю, что это так. Если сказать красиво, то эта любовь — чистая, гуманная, не требующая никаких условий и причин.

— Этого нет в реальной жизни!

— Есть, хоть и мало, к сожалению. Например, если в деревне у кого-то загорится дом, его тушат всем миром. А после того, как пожар побежден, никто не ждет от погорельцев благодарности за помощь, за то, что, возможно, рисковали ради них жизнью. Наоборот, стараются их ободрить и поддержать морально и материально. Вот это и есть пример безусловной и бескорыстной любви друг к другу.

— Но почему же тогда много желающих помочь лишь в том случае, если дом горит; если же человек тонет, желающих протянуть руку очень мало, если же речь идет о воришке мелком, а тем более — о грабителе, то тут желающих помочь практически не бывает?

— Наверное, потому, что при спасении тонущего требуется умение, не каждый сможет; а чтобы схватить воришку или грабителя, надо быть физически сильным, владеть приемами...

— Вовсе нет! Потому что, когда горит дом соседа, пожар угрожает и тебе лично, а если тонет человек или его обидели грабители, тебя это не касается. Это не любовь, а забота о себе!

Не любивший говорить Хань Шань вмешался:

— Ши Дэй, девушка только-только с дороги, а ты затеял философские беседы... Надо сначала поесть, а когда «животы округлятся», можно и побеседовать. Я схожу за водой, а вы помойте пока овощи, вместе и ужин приготовим.

Бай Лень пошла к реке мыть овощи, а Ши Дэй принялся месить тесто для лапши на каменном столе. Хань Шань же в это время кипятил воду во дворе на глиняной печурке.

Вода вскипела, овощи были порезаны, Ши Дэй опускал в воду лапшу, и Хань Шань заговорил:

— Это только на первый взгляд кажется, что люди живут сами по себе, и каждый старается лишь для себя. На самом же деле в мире все друг другу помогают. Сейчас мы все голодны, и, можно сказать, готовя ужин, каждый думает лишь о себе, о том, чтобы насытиться. Но можно и сказать, что один помогает двум, а можно сказать, двое помогают одному. Как посмотреть...

Помогая тушить пожар, думают о своих домах, но ведь и соседу помогают... А если не хотят помочь в схватке с грабителем, думая, что это их не касается, то завтра не смогут спокойно спать или вечером выйти из дома, опасаясь тех же грабителей; выходит, все же касается...

— Можно сказать, что, вслед за братом, и я стал монахом именно для того, чтобы людей, бескорыстно любящих друг друга, стало больше, — добавил Ши Дэй.

Ничего не ответила Бай Лень, лишь слезы капали в плошку с лапшой. Поев, она молча ушла.

После того, как девушка ушла, братья, конечно, переживали, но очень надеялись, что она вернется домой, выйдет замуж, и все у нее сложится хорошо. Однако через три месяца они случайно встретили ее все в том же городе, когда собирали пожертвования на постройку храма. Бай Лень отдала братьям два слитка серебра, пояснив:

— Это ваше и мое имущество, это и деньги, приготовленные на свадьбу.

— Как же ты будешь жить, если отдашь все нам?

— Вы покинули дом и ушли с пустыми руками, тем не менее, не пропали, да еще собираетесь строить храм. Так почему я не смогу себе на жизнь зарабатывать?

Весной и летом Бай Лень собирала листья тута и выращивала шелко-прядов, осенью и зимой она вышивала на шелке и тем кормилась. Еще она выкраивала время для работы на крошечном клочке земли, выращивая овощи. Да еще и братьям помогала, навещая их время от времени, чтобы постирать и заштопать одежду.

Начиная со второго года ее пребывания в городе, братья заметили, что Бай Лень два раза в месяц ставит свечи, а затем опускает в ящичек для пожертвований серебро.

— Много ли мне, одинокой девушке, надо, — отвечала она, когда братья беспокоились о ее благополучии, — к чему мне лишнее, куда его девать?

На третий год весной Хань Шань понял, что Бай Лень не собирается возвращаться домой и не собирается выходить замуж. Она явно до сих пор продолжала любить Ши Дэя и старалась быть поближе к любимому, помогая ему во всем. И Хань Шань предложил Ши Дэю еще раз поговорить с девушкой напрямую.

— Я очень беспокоюсь, что у тебя до сих пор нет своего дома, — пожурил ее Ши Дэй.

— Не беспокойся обо мне. Мужчины любят сравнивать женщин с цветами, а мне кажется, что это вы, два брата, похожи на цветы, на два лотоса, поднимающихся со дна пруда, лепестки которых не смогла замарать грязь, к которым не пристал ил. И хотя мое имя — Белый Лотос, а мне хотелось бы стать жестким и сильным зеленым листком, что поддерживает нежный стебель.

— Ты живешь в миру, а мы свою жизнь посвятили Небу, и нам не соединиться, это невозможно. Как бы я хотел, чтобы у тебя была своя семья, свой дом...

— Не беспокойся, скоро будет...

— Ну, тогда все в порядке, я спокоен!

Прошло десять лет неустанных трудов, и Хань Шань с Ши Дэем с помощью Бай Лень построили, наконец, настоящий, большой храм Хань Шань-сы.

На третий день после этого события в полдень Бай Лень пришла в новый храм, положила в ящичек все свои сбережения, развернулась и пошла в рощицу за задним дворцом храма.

— Куда ты, Бай Лень, там нет калитки! — окликнул ее Ши Дэй.

— Но ведь там есть лotosовый пруд, я хочу помочь вам в выращивании лotosов! — и она ускорила шаги.

Почувствовав что-то недоброе, братья бросились за ней, но не успели: на их глазах она прыгнула в пруд и исчезла под водой. И хотя братья последовали за ней тут же, тела не нашли. Это казалось невозможным, поскольку и пруд был мелким, и слой ила был не толстым, но девушка исчезла, как будто все это им привиделось.

— Бедная девушка, — вздохнул Хань Шань, — она превратилась в один из белых лотосов, и душа ее всегда будет с нами.

— Нет, она, как зеленый лист, всегда будет поддерживать нас, как поддерживала, когда мы собирали деньги на храм, — дело нашей жизни.

Осталось только еще раз подчеркнуть необыкновенную популярность этих братьев в народе и по сегодняшний день; даосы считают их своими небожителями, буддисты полагают, что это их святые.

Храм, посвященный братьям в городе Сучжоу, — буддийский, но даже в этом храме Хэ-Хэ везде изображены не в буддийских халатах и с бритыми головами, а в даоских куртках и брюках, с длинными волосами. Видимо, китайский Яшмовый император распорядился очень мудро: Хэ-Хэ принадлежат всем китайцам, независимо от их вероисповедания; для буддистов это «Хэ-Хэ чжи шэн», то есть «святые Хэ-Хэ», а для даосов — «Хэ-Хэ эр сень», то есть «два небожителя Хэ-Хэ».

Для самых любознательных

1. Иногда этими именами, Хэ-Хэ, ошибочно называют совсем других людей. Например, в эпоху Инь (1711—1066 гг. до н. э.) правил некий князь Гу Чжунцзюань, и было у него два сына: Бо И и Шу Ци. Перед смертью отец назначил наследником Шу Ци, но тот отказался от наследства в пользу брата. Бо И тоже отказался, ссылаясь на волю отца, и, покинув царство, ушел служить чжоускому У-вану (правителю соседнего княжества Чжоу). Шу Ци повторил то же самое.

Когда же У-ван, чтобы расправиться со свирепым Чжоу Сином, пошел на того войной, братья попытались удержать его, однако иньское войско было все же разгромлено. Братья устыдились, что, состязаясь в благородстве, дали погубить законного правителя. Они ушли в горы Шоу-ян и умерли там с голоду. С тех пор их считают примером братской любви и иногда называют Хэ-Хэ.

2. Всегда и везде находятся люди, желающие сколотить состояние или хотя бы поживиться за счет доверчивых людей. В истории Китая не раз возникали

группы обманщиков-шарлатанов, устраивающих постыдный фарс с участием «детей-святых». И на их удочку попадалось множество доверчивых людей, искренне поклонявшихся Хэ-Хэ, этим символам «красивого счастья».

Происходило это, как правило, в районах, расположенных на берегах рек и озер, а таковых, как известно, немало, — люди всегда селились ближе к воде. Так, например, в период династии Цин в провинции Гуандун в течение долгого времени орудовала настоящая банда, которая выступала со спектаклями под названием «Святые дети возносятся на небо».

Обставлялись эти выступления очень пышно. О них сообщалось заблаговременно, поэтому в назначенный день собиралось невиданное количество народу, жадного до зрелищ, тоскующего без ярких событий, верящего в чудеса. Люди прибывали пешком, на телегах и верхом на лошадях; из приморских районов и из горных. Появлялись музыканты, пронзительно играющие на дудочках и бьющие в медные тарелки. Люди несли жертвенные дары и благовонные палочки.

Наконец, появлялись «артисты», и ведущий объявлял собравшимся, что недавно ему приснился сон, из которого он узнал, что сегодня в полдень именно в этом месте «святые дети Хэ-Хэ» вознесутся на небо.

Чем ближе был назначенный час, тем нервнее становились люди, и музыка способствовала этому. К 12 часам напряжение достигало апогея. И вдруг на воде показывались два детских тела, медленно плывущих по течению по направлению к собравшимся. Трупы были как будто приклеены друг к другу, — так и плыли неразлучной парочкой. На одном был ярко-красный парчовый халат и желтые шелковые брюки, на другом — темно-зеленый халат и белые брюки из шелка, — бросающиеся в глаза незабываемые цвета на серой поверхности воды.

Главный распорядитель приказывал своим «артистам» спуститься в воду, чтобы выловить тела «Хэ-Хэ». Многие зрители в экзальтации доходили до истерики. Били в барабаны и гонги, сверлили уши звуками *соны*, взрывали петарды и хлопушки. Люди падали на колени, били поклоны, молились «святым», возжигали благовония.

Затем трупы детей сжигали, пепел и кости смешивали вместе с приготовленной глиной; специальные люди изготавливали из этой смеси статуи детей и водворяли их в ближайшем храме. Прибыль мошенники получали невиданную, — до 400 *лянов* серебра каждый день. Потому что ежедневно в такие храмы приходило по несколько тысяч верующих, которые покупали лампадное масло, свечи, благовония...

Откуда брались трупы, и почему они возникали на поверхности воды именно в нужное время? Покупали за копейки двух нищих детей, в течение полугода усиленно откармливали их, чтобы они получились «беленькими и пухленькими», а в день убийства, т. е. в день спектакля, детей красиво наряжали и по бокам головы завязывали симпатичные узелки-рожки из волос.

Затем, туго связав детей шелковыми веревками, их «аккуратно» топили. Между собой их накрепко соединяли проволокой; за крючок на поясе привязывали веревку с тяжелым грузом, и трупы уходили под воду.

Их оставляли вверху по течению, недалеко от сборища людей, однако в укромном месте, где сообщники в двух маленьких лодочках, невидимые зрителям, контролировали ситуацию. В нужный момент они перерезали веревку с грузом, трупы детей всплывали и вскоре оказывались перед глазами изумленной толпы.

3. Классическое изображение двух братьев иногда заменяют рисунком-намеком: круглая коробочка, похожая на шкатулку, а рядом с ней — пять «счастливых животных», то есть летучих мышей. Смысл такого рисунка — пожелание гармонии («коробочка» по-китайски — «хэ»), долголетия и пяти видов счастья.

Что такое «пять видов счастья», уже пояснялось выше. В народе чрезвычайно распространен орнамент в виде пяти летучих мышей, окружающих стилизованный иероглиф «долголетие». И в таком случае это изображение-орнамент означает:

- молю даровать долгую судьбу до ста лет;
- молю о богатстве и знатности во всей полноте;
- молю даровать счастье, мир и покой;
- молю о возможности заниматься благотворительностью, делать добро;
- молю о естественной прекрасной кончине в старости.

Так как слова «летучая мышь» и «счастье» созвучны, то еще в глубокой древности летучую мышь считали благопожелательным животным, и ее изображения широко использовали, как украшение.

Например, практически все виды традиционной мебели (ширмы, тумбочки, шкафы, этажерки и пр.) имеют стилизованное изображение летучей мыши.

На братьев Хэ-Хэ иногда намекают и другим способом. Рисуют только круглую коробочку, означающую «гармонию», и цветок лотоса, означающий «дружбу», «мир». При этом коробочка полуоткрыта, и из нее выглядывает цветок. А рядом лежат грибы-трава *лин-чжи*, которые, якобы, дают бессмертие. Общий смысл этой картинки — пожелание счастливого супружества.

Если же рядом с коробочкой и лотосом, атрибутами знаменитых братьев, изображены еще и две старинные монеты (круглые с квадратными отверстиями посередине), это означает «хэ-хэ шуан цюань», то есть пожелание молодоженам обладать и тем, и другим (гармонией и миром) сполна, и до самых седин.

Гармонии, сочетания, слаженности и мира желаем и всем вам, кто прочел эту главу!

СВЯТЫЕ АПОЛОГЕТЫ БУДДИЗМА

Нэ-чжа

Этот ребенок-святой невероятно популярен в Китае и является героем многих детских сказок. Особенно широко известна легенда под названием «Нэ-чжа бесчинствует на море». Сказки эти берут истоки из классического китайского романа «Путешествие на Запад» У Чхэн-эня, однако и герой, и его имя пришли из Индии.

Когда-то давно мальчик по имени Налакувара (Налакубара) был третьим сыном небесного правителя Пхи-ша-мэнь (毗沙门天王). Имя ребенка китайцы «перевели», подобрав слоги, как Нэ-чжа-цзюй-фа-ло, что впоследствии трансформировалось в короткое Нэ-чжа (哪吒). В Индии этого святого было принято изображать с тремя головами и шестью руками; однако, попав в Китай, вместе с новым именем он получил здесь и новую биографию.

В романе «Путешествие на Запад» утверждается, что отцом Нэ-чжи был некий Ли Цзин, подчиненный самого Яшмового императора, один из четырех небесных охранников (тхень-ван) и их Предводитель, отвечающий за безопасность в северной части неба. На самом деле правителя звали Пхи-ша-мэнь (искаженная китайская транскрипция), на санскрите — Вайшравана, Всеслышащий, и, как утверждают, у него было зеленое тело. На картинках-иконах, согласно канонам, его надо изображать с драгоценным балдахином (зонтом) в правой руке и серебряной волшебной мышью в левой (символ богатства).

В изменчивом мире немало грязи и заразы, в прямом и переносном смысле, и, сохраняя свою чистоту, в том числе и чистоту сердца, люди должны укрываться и защищаться от всего негативного. Представитель **Севера** слывет защитником богатства каждой семьи, потому что в древней Индии ему поклонялись, как богу богатства.

Как известно, в буддизме из четырех небесных правителей-охранников каждый отвечает за определенную часть света.

Представитель **Востока**, До-ло-чжа (Дхритараштра), Смотритель земли, имеет тело белого цвета, а в руке держит грушевидный струнный музыкальный инструмент с китайским названием *пхи-пха*. Является защитником территории государства, а также святым-покровителем музыки, задача которого заставить с помощью музыки все живое принять буддийское учение.

Ведающего **Югом**, Пхи-лю-ли (Вирудхака), изображают с синим телом и драгоценным мечом в руках. Он является защитником буддизма, а потому — неприкосновенной личностью.

Представитель **Запада** Пхи-лю-бо-чха (Вирупакша), Всевидящий, отличается кожей красного цвета, а его атрибутом является дракон (или змея), обвивающий руку правителя. В данном случае он символизирует изменчивость мира. Недаром китайцы говорят: «У волшебного дракона видны то голова, то хвост», целиком его никогда не рассмотришь. Так и все явления в мире: то проявляются, то скрываются; так и люди: то открываются, то затаиваются.

Иногда рука Вирупакши обмотана не красным драконом, а красной веревкой. Небесным зрением он наблюдает за вселенной. Если Вирупакша обнаруживает, что кто-то не признает буддийскую религию, он ловит таких людей с помощью веревки, и те становятся благоговейными почитателями этого вероучения. Представитель Запада является защитником и помощником всех людей.

На изображениях всех небесных правителей их плечи, грудь и живот покрывают латы и кольчуга.

В китайском варианте буддизма охранник Пхи-ша-мэнь (Вайшравана) получил и новое имя — Ли Цзин, и совсем другой атрибут. Здесь он известен как Правитель с пагодой (托塔天王), и в народе из всех четырех именно он наиболее популярен.

В храмах он стоит на возвышении, с пагодой и драгоценным шестом в левой руке, а с обеих сторон его обычно сопровождают супруга, небесная фея, и сыновья.

Итак, третий сын Ли Цзина (а всего их было пять) с детства отличался невероятными, фантастическими способностями волшебного свойства, и в вышеупомянутом романе он неоднократно сражается с хитрой обезьяной по имени Сунь У-кхун (孙悟空).

К сожалению, вскоре после рождения необычный мальчик Нэ-чжа, отстаивая справедливость, убил одного из сыновей Царя драконов Ао-бина. Дракон-отец пожаловался Яшмовому императору и захватил в заложники

родителей Нэ-чжи. Ради того, чтобы спасти своих отца и мать, он умер, «освободив душу и вернув бренное тело родителям». После смерти душа Нэ-чжи переселилась в цветок лотоса, и таким образом он воскрес. Поэтому в народе живут легенды о том, что Нэ-чжа способен перевоплощаться и принимать различные облики.

Первоначально все легенды, истории и сказки о нем возникли из рассказов, содержащихся в буддийских классических произведениях. Однако в Китае, где ярко выражено взаимопроникновение различных верований и религий, «Нэ-чжа пронизан даоским духом», как утверждают китайцы. И даже в своих легендах о нем жители Поднебесной сделали учителем Нэ-чжи даоса-отшельника. Поистине, в Китае буддизм и даосизм одновременно и проникают друг в друга, и дополняют друг друга, и борются друг с другом.

Для меня самым удивительным явилось утверждение в одном из словарей о том, что Нэ-чжа помог в свое время Цзян Цзы-я победить последнего властителя эпохи Шан свирепого Чжоу-синя, а также укрепить династию Чжоу во главе с правителями *У-ваном* и *Вэнь-ваном*.

О знаменитом Цзян Цзы-я написано в отдельной главе; это реально живший когда-то мудрец-даос и министр государства. А удивило то, как китайцы в рассказах умеют переплестать судьбы мифических героев и реальных исторических персонажей; и в результате уже и сказочного героя воспринимаешь, как реального, и историческую личность рассматриваешь, как героя легенды. Что — правда, что — ложь — не поймешь.

Утверждается, что, якобы, Нэ-чжа очередной раз явился в мир в облике Цзян Цзы-я.

Где впервые столкнулась с изображением Нэ-чжи — не помню, но была сразу и навсегда очарована этим необычным образом ребенка с длинными распущенными волосами, густой челкой и двумя рожками-пучками на макушке, красным пятнышком на лбу, с браслетом на руке, почти голенького, лишь в красном традиционном фартучке.

Внешне ребенок, скорее, похож на милую девочку. Говорят, к семи годам его рост составлял уже 6 *чшы*, однако изображать его принято малышом с алебардой в руке, на конце которой вьется пламя, и в боевых доспехах. Иногда на плечах у него леопардовая шкура.

Что его отличает от обычного ребенка, так это огненно-ветряные колеса под ступнями, немного напоминающие роликовые коньки. Если же он предстает перед нами с тремя головами и шестью руками, то на

шее у него длинный круглый воротник в виде пелерины, а на талии — короткая пышная юбка, чтобы скрыть места соединения обычных частей тела с непривычным количеством рук и голов. Ниже представляю несколько легенд.

Появление Нэ-чжи на свет

Появление это было необычным и доставило немало переживаний семье и домочадцам. Отец, как уже говорилось, небесный правитель, ведающий Севером, который в Китае получил имя Ли Цзин, был женат на прелестной девушке из рода Инь. Он служил начальником заставы Чхэнь-хан, и к тому времени у них уже было два сына. Забеременев в третий раз, жена продолжала носить плод в течение трех лет и шести месяцев, отчего супруг вечно грустил и хмурился.

Но вот, наконец, долгожданное событие произошло, и служанки позвали отца в женскую половину, где в опочивальне курились благовония. Однако у девушек-прислужниц был испуганный вид, и они зывали: «Господин, великое событие нельзя назвать радостным, — госпожа родила круглый шарик из человеческого тела!»

Ли Цзин в гневе затопал ногами: «Так вот, оказывается, какого чуда я дождался! Несите этот шар скорее ко мне, я хочу взглянуть!» Указывая перстом одной руки в сторону спальни жены, другой он уже взялся за рукоять меча, висевшего на поясе.

Вскоре служанка и кормилица с трудом прикатали «шарик», который оказался большим, как основание снеговика. Гнев Ли Цзина сменился испугом, потому что шар издавал невиданное благоухание и сиял, как солнце. Настроение отца вновь изменилось. Он в бешенстве пнул этот шар со словами: «Какой же я несчастный! И какая же невезучая моя семья! Это же надо, родить такое чудовище!»

Служанки стояли, опустив головы, не смея поднять глаз. И тогда Ли Цзин кликнул слугу Чжан Луна, велел ему побыстрее убрать из дома эту невидаль. Пусть, мол, укатит ее подальше от человеческого жилья, пусть ее сожрут тигры или волки.

Слуга катил шар по дороге довольно долго, ибо тот оказался тяжелым. Забравшись в безлюдное место, где высились причудливые камни и росли огромные сосны, Чжан Лун, пнув напоследок «дитя» несколько раз, воскликнул в сердцах: «Катись, ублюдок!» И развернулся, отправившись домой.

«Яйцо», похоже, оказалось разумным, потому что когда слуга ушел, оно само покатилося дальше, не останавливаясь, пока не наткнулось на огромные корни сосны. Поскольку скорость была немаленькой, и удар — сильным, странное яйцо раскололось, раскрыв восемь красивых долек-лепестков.

Внутри оказался прелестный мальчик, «беленький и толстенький», как любят говорить в Китае о красивых младенцах. На нем красовались лишь браслет и красный набрюшничек, — обычная одежда китайских маленьких детей жарким летом. По бокам головы были завязаны пучки волос, остальные свободно свисали почти до поясицы. Мальчик безмятежно спал на кудрявых облаках, подобных пуховой перине, неизвестно, как оказавшихся внутри странного шара.

Снаружи было относительно холодно и дул ветер, поэтому младенец вскоре проснулся. Он встал на ножки и протер глаза: «Ой, где это я? И как я сюда попал?» Ему становилось все холоднее, он стал дрожать. Оглядевшись в этом диком, пустынном месте, мальчик не удержался и заплакал.

Вдруг высоко в небе показался волшебный журавль, на спине которого сидел старый даос с золотой шпилькой в пучке из волос, с тремя длинными жидкими прядями, спускавшимися на грудь, — усами и бородой. Журавль стал снижаться, и мальчик услышал голос: «Не плачь, малыш; я, бедный монах, специально прилетел к тебе».

— А вы кто?

Старый даос спешил, и оказалось, что мальчик едва достает птице до шеи, так он был мал. Даос рассмеялся скрипучим старческим смехом:

— Я праведник по имени Тхай-и, живущий в пещере Золотистый свет, что в горах Гань-юань *шань*. Я только что летал во дворец Юй-суй *гун*, что высоко в священных горах Кхунь-лунь, чтобы поклониться и засвидетельствовать свое уважение моему учителю. А ты что тут делаешь, почему плачешь?

Заметив симпатию и сочувствие к себе, мальчик мгновенно опустил на одно колено и сложил руки перед грудью, хотя никто не учил его такому почтительному приветствию.

— Уважаемый учитель, здесь так холодно и ветрено, к тому же пустынно, нет ни одной живой души! А у меня нет ни одежды, ни еды. Похоже, мне суждено умереть здесь от холода и голода!

Праведник Тхай-и ласково погладил мальчика, вынул удивительную пилюлю, от которой исходило сияние, и протянул ее малышу:

— Проглоти, она сделает твоё тело нечувствительным к холоду, и ты не замерзнёшь и зимой, даже если на тебе не будет одежды.

Мальчик выполнил совет и почувствовал вдруг такое приятное тепло внутри, что от радости запрыгал, как козленок, и даже сделал кувырок. Решив, что он теперь не пропадет, даос собрался продолжить свой путь; однако малыш, заметив это, вцепился в ногу даоса, свисавшую с журавля:

— Прошу вас, не покидайте меня! Ведь вы ещё ничего мне не объяснили: что это за место, и как я сюда попал?

Растроганный живостью малыша, старик сел на широкий пенё, притянул к себе ребенка и пояснил:

— Твой отец — начальник заставы Чхэнь-тхан; он избавился от тебя, потому что ты необычный ребенок, и в мир пришел странным способом. Кроме отца с матерью у тебя есть ещё два брата; старшего зовут Цзинь-чжа, а второго — Му-чжа, т. е. Золотой-чжа и Деревянный-чжа.

— А что значит «чжа»?

— Этот иероглиф означает «громко кричать».

Черные глаза-жемчужинки ребенка беспокойно забегали:

— Но ведь у меня нет имени! Каким «чжа» стану я?

Старик задумался, почесывая голову. Вдруг он засмеялся и хлопнул в ладоши:

— Точно! Придумал! Назову тебя Нэ-чжа! Ведь ты все время спрашивал у меня: «Где я, откуда пришел, как сюда попал? Нэ...нэ...нэ...» Неплохо, правда? («Нэ» или «на» означает «где», «который», «какой», «откуда» — Л. И.).

— Значит, я теперь Нэ-чжа!

Мальчик вновь опустился на колено перед старцем и трогательно обхватил пальцами одной руки кулачок другой. Он склонил головку:

— Благодарю вас, уважаемый учитель!

Праведник Тхай-и задумчиво спросил:

— А ты действительно хотел бы, чтобы я стал твоим учителем?

— Конечно!

Даос, используя свое мастерство, стал невидимым. Нэ-чжа, оглядевшись вокруг, стал в недоумении громко звать учителя, а потом и расплакался. Тогда праведник Тхай-и вновь возник и повлек ребенка к журавлю, к спине которого был привязан мешок из леопардовой кожи.

— Раз уж ты решил стать моим учеником, я обязан передать тебе все свое мастерство, все свои умения и хитрости, все свое искусство. И тогда тебе будут не страшны никакие трудности и бедствия.

С этими словами он вынул из мешка копье с огненным наконечником и тут же начал «танцевать» с ним, выполняя воинскую гимнастику, а маленький Нэ-чжа долго и увлеченно подражал ему в каждом движении. Ребенком он был необычным, а потому очень быстро запоминал все, что видел.

Когда учитель вложил ему в руки копье, удивлению мастера не было предела: оружие со свистом летало в детских руках вокруг его тела, описывая фигуры с такой скоростью, что его просто нельзя было разглядеть. Он освоил тысячи приемов, и отблески летающего копья слепили глаза.

Безостановочно нахваливая ученика, праведник Тхай-и достал из сумки второй подарок, — огненно-ветряные колесики и, прочтя рифмованное заклинание на санскрите, протянул их мальчику.

Стоит ли и говорить, что заклинание маленький Нэ-чжа тут же запомнил и, не выпуская копья из рук, встал на колесики, каждое из которых было в диаметре не больше длины ступни.

Пробормотав на санскрите нужные слова, Нэ-чжа вспорхнул в воздух и стал мысленно руководить полетом. Захочет снизиться или подняться, — колесики тут же выполняют его волю. А сзади, из-под колес, вырываются искры и язычки пламени, как из маленькой ракеты. Так что за Нэ-чжой хвостом летела полоса из дыма. Натешившись, он приземлился, и радости его не было границ.

Наступил черед третьего подарка. Праведник Тхай-и вынул шейный об-руч, сияющий золотыми искрами, и произнес: «Это драгоценное ожерелье «цень-кхунь», т. е. «Небо и Земля», из дворца моего учителя. Если ты наденешь его, то сможешь победить и духов, и оборотней».

Стоя на колесиках, с копьем в руке, с обручем на шее, счастливый Нэ-чжа принял и четвертое чудодейственное сокровище, — шарф длиной в семь *чшы* из тончайшего шелка с вытканым узором, который, подобно легкой паутинке, взвился в воздух, изгибаясь волнами и кольцами. «Этот шарф незаменим в сражениях, — пояснил мастер, — опутав-обмотав им врага, ты сможешь заполучить в руки даже любого храброго генерала, а не только простого воина».

Тут самое время вспомнить недоговорку о Нэ-чже. Поскольку и сам он был мальчиком живым, непоседливым, и волшебные атрибуты ему достались «огненные», — и копье, и колесики, и обруч время от времени вспыхивали язычками пламени, — то люди часто говорят о несдержанном, со взрывным характером человеке: «Не иначе, как сам Нэ-чжа спустился к нам!» (*Нэ-чжа ся фань* — *шэнь хо*, 哪吒下凡 — 身火).

Уложив свой мешочек, даос оседлал журавля, крикнув на прощание:

— Нэ-чжа, теперь ты можешь вернуться в родной дом, а мне пора к себе, в пещеру!

— Учитель, а признает ли меня отец, примет ли?

— Ты стал настоящим маленьким воином, и небесный правитель Ли Цзин непременно оставит тебя в своем доме.

Провожая учителя взглядом и махая рукой, Нэ-чжа услышал последнее напутствие: «Впрочем, вряд ли ваши с отцом отношения всегда будут мирными, безоблачными. Если не сможешь сам справиться с трудностями, обращай ко мне; я всегда обитаю в пещере Золотистый свет...»

Проводив наставника, маленький Нэ-чжа тоже отправился в путь, обмотав грудь волшебным шарфом. Его концы развевались, из-под колес вылетали язычки пламени, так что выглядел маленький воин, летящий по воздуху с копьем в руке, очень впечатляюще.

Вскоре он приземлился перед главными воротами в виде башни той самой заставы, откуда недавно был изгнан. В галерее башни стояло несколько охранников-наблюдателей в шлемах и латах во главе с офицером. Старший, грозно вращая круглыми глазами, спросил:

— Кто ты такой? Как посмел подойти так близко к воротам?

Нэ-чжа, прицелившись копьем в ворота, закричал в ответ:

— Напрасно ты так грубо разговариваешь со мной! Ведь я ученик праведника Тхай-и! Кроме того, я третий сын начальника заставы Нэ-чжа; открывай скорее ворота, чтобы я смог предстать перед отцом с матерью!

Заметив, что ребенок у входа необычный, храбрый и уверенный в себе, офицер-охранник поспешил доложить о нем второму молодому господину по имени Му-чжа, который в тот день дежурил, приобщаясь к отцовским обязанностям.

Тот очень удивился новоявленному брату, ведь вчера его мать родила какой-то нелепый шар... Му-чжа велел страже закрыть ворота еще надежнее, — на все замки, а сам вышел наружу через маленькую боковую дверь, захватив «семизвездный меч», полученный от своего учителя, праведника Пху-сень. Он увидел маленького мальчика в детском фартучке, с чистыми, ясными глазами и красивой линией бровей. Выставив вперед меч, Му-чжа закричал:

— Откуда ты вылез, невидаль эдакая, дикий безродный?! И ты смеешь утверждать, что являешься моим братом?! У моего отца Ли Цзина лишь два сына, Му-чжа и Цзинь-чжа; в семье нет никакого Нэ-чжи!

В ответ Нэ-чжа, ничуть не вспыхнув, вежливо сложил кулачки и произнес:
— Оказывается, ты мой второй брат! Прости, я не узнал тебя! Прямо как в пословице: «имея глаза, не увидел великую гору Тхай-шань!»

— Какой я тебе брат! Ты не иначе, как коварный шпион, подосланный предателями-князьями! Отойди от ворот! Видишь мой меч?

Не желая слушать слабые возражения вежливого малыша, Му-чжа бросился на него с мечом. Первый удар был нанесен впустую, — Нэ-чжа успел отклониться. Тут же последовал второй выпад, и Нэ-чжа остановил его, держа в руках горизонтально над головой свое копьё.

— Остановись! — попросил он старшего. — Зачем ты поднимаешь меч на брата?

Однако Му-чжа и в третий раз попытался нанести удар. Маленький Нэ-чжа выбил меч, резко ударив по нему копьём. Раздался звон металла. Терпение малыша иссякло:

— Я позволил тебе трижды напасть на меня, второй брат, однако ты не успокоился. Думаешь, я тебя боюсь? Сейчас узнаешь силу моего копьё!

Вскочив на огненные колёсики, он бросился на брата. Куда уж тому было состязаться с малышом, а потому Му-чжа позорно сбежал, юркнув обратно через маленькую боковую дверь и крепко заперев ее изнутри. Он бросился за старшим братом.

Цзинь-чжа был старше лишь на пару лет и внешне мало чем отличался от второго брата, однако по характеру он был совсем иным: рассудительным, вдумчивым, приветливым.

Услышав сбивчивый рассказ разгоряченного и разобиженного Му-чжи, он ненадолго замолчал, размышляя: «Мать вчера родила диковинный шар-яйцо. Но кто поручится, что у этого яйца не может быть начинки? А что, если этот малыш и есть «начинка», т. е. их младший брат?»

Му-чжа нетерпеливо топтался рядом, и Цзинь-чжа произнес, наконец: «Ты говоришь, он назвал себя учеником знаменитого Тхай-и, известного всем вокруг, как удивительный чародей? В таком случае он никак не может быть шпионом. Зачем же ты так необдуманно начал набрасываться на него?»

Взяв брата за рукав, Цзинь-чжа потащил его к воротам. «Я не пойду, — хныкал Му-чжа, вырываясь, — ты сам сходи к нему. Мне так стыдно, что я несколько раз хотел ударить его мечом; боюсь, он теперь возненавидит меня!»

Захватив свое чудодейственное коромысло, подарок учителя Шу-гуана, Цзинь-чжа вышел за ворота. Он успел вовремя, потому что маленький Нэ-чжа,

встав на колесики, как раз бормотал что-то на санскрите, собираясь покинуть негостеприимный дом. Увидев, что ворота открылись, он очень обрадовался.

Старший брат, подражая взрослым, начал встречу, соблюдая этикет. Для начала он представился, назвав свое имя и, поклонившись, сложил руки перед грудью в приветственном жесте. Затем вежливо предложил ребенку рассказать о себе, что тот и сделал, не упустив ни одной подробности.

«Это и вправду мой брат, которого вчера родила мать!» — подумал Цзинь-чжа. Раскрыв объятия, он бросился к малышу, прижав его, наконец, к груди. Видя, что и Нэ-чжа несказанно рад, он даже подбросил малыша несколько раз в воздухе, любуясь им, а затем сказал: «Пойдем в дом, я поведу тебя к родителям!»

Еще не дойдя до внутренних комнат, Цзинь-чжа начал громко сообщать: «Великая радость! Я привел маленького брата Нэ-чжу! Оказывается, он был внутри шара!» На крик выбежали мамы, няньки, кормилицы... Все столпились, окружив прелестного малыша, обсуждая вслух его достоинства:

— А кожа какая белая...

— А пухленький!

— И глазки черные-черные!

— И волосы блестящие, красивые...

Разорвав кольцо любопытных, Цзинь-чжа повел брата к отцу с матерью, которым поведал все, что узнал от Нэ-чжи. После его рассказа Нэ-чжа бухнулся на колени перед родителями, сидящими в креслах на возвышении, и несколько раз стукнулся лбом об пол, традиционным способом выражая свое почтение.

Ли Цзин в левой руке держал пагоду, а правой поглаживал бороду, размышляя. Затем он задумчиво и несколько отстраненно произнес: «Действительно, невиданное дело, и большая радость! Но и проблем с тобой, я думаю, будет еще немало!»

Зато госпожа Инь была намного приветливее. Она обняла малыша и осыпала его быстрыми поцелуями, будто дождиком, приговаривая: «Послушный мой! Сокровище мое! Кровиночка моя, сердечко мое, печеночка моя!» И она продолжала целовать его и в глаза, и в брови, и в щеки, и в височки, не оставив необцелованным ни одного местечка на «личике-яичке», как говорят китайцы о красивом овале лица.

Мать приказала служанкам и нянькам приготовить для мальчика комнату и постель с шелковыми одеялами. Все с радостью выполняли указания, стараясь угодить самому маленькому хозяину.

Затем госпожа Инь позвала Му-чжу и, пожурив его за нелюбезность в первые минуты встречи с братом, велела ему повиниться. Но великодушный малыш возразил со смехом: «Ах, это такие пустяки! Да я уже и забыл обо всем!» — и он протянул брату руку.

День клонился к вечеру, и госпожа Инь, омыв лицо-яичко сына слезами, произнесла: «Я носила тебя три с половиной года; и мне, и тебе досталось, мы оба немало пережили. Теперь иди спать, дитя мое! А утром приходи навестить меня».

Нэ-чжа побеждает Эр-лана

Эр-лан в Китае является одним из святых-покровителей водной стихии, истоки верований и поклонения ему — в провинции Сычуань. Однако постепенно он стал популярен во всем Китае, как управляющий небесным департаментом, ведающим наводнениями и другими бедствиями, связанными с водой.

Как и многие божества в Китае, он имеет реального человека-прототипа, который жил в эпоху Цинь в княжестве Шу. Это был второй сын охранника по имени Ли Бин. Говорят, и отец, и сын были очень популярны, поскольку им удавалось справляться с наводнениями; но об отце постепенно забыли, а сын его, «второй сын», или «второй парень» (а именно так переводится имя Эр-лан), популярен в народе и поныне.

Тем не менее, в Сычуани возведен храм, посвященный обоим, — и отцу, и сыну. Называется он «Эр-ван мяо», т. е. «Храм двух князей», потому что императоры многих династий им поклонялись и, чтобы задобрить, жаловали различные титулы, в том числе и княжеские.

В легендах же утверждается, что Эр-лан был племянником (сыном сестры) самого Яшмового императора на небе; звали его, якобы, Ян Цзень, и с императором он был в натянутых отношениях. Когда император приказывал, Эр-лан «слушал лишь звучание его голоса, но не слышал сути произносимого». Необычным в его внешности являлось то, что на лбу у Эр-лана вертикально располагался третий глаз.

Однажды, после того, как Нэ-чжа победил в сражении «четырёх великих правителей-охранников», Яшмовый император так испугался, что даже с трона вскочил. Один из его подданных, старый Шоу-син, бог Долголетия, подполз к трону и предложил отправить Эр-лана, чтобы тот разобрался с Нэ-чжой. Свое предложение он мотивировал тем, что, во-первых, у Эр-лана три глаза, во-вторых, у него есть волшебное оружие — алебарда с тремя ножами на одной рукоятке, и при этом каждый нож — с двумя лезвиями.

Кроме того, в сражении ему всегда помогает его верный пес. Надо сказать, что этого пса ненавидели все жители Неба за его несносный характер и неопрятность, однако сам хозяин его просто обожал.

К слову, в китайском языке есть *недоговорка*, связанная с удивительным оружием Эр-лана: «Металлические вилы Эр-лана — три ножа с двусторонними лезвиями» (*Эр-лан шэнь дэ ган-чха — лянмень сань-дао*, 二郎神的钢叉——两面三刀). Ее вспоминают, когда говорят о лукавом, коварном и скользком человеке, который отличается двуличием.

Сила, храбрость, но и коварство в бою Эр-лана были хорошо известны всем. Считалось, что и «десять тысяч мужей не смогут сравниться с ним в военном деле». Император тут же велел позвать Эр-лана, однако седой Шоу-син возразил:

— Вы же знаете, Ваше Величество, какой он строптивый; а с тех пор, как вы понизили в должности его матушку и заперли ее в Персиковой горе, Эр-лан особенно обозлился. Ему пришлось прорубать гору, чтобы вызволить свою мать. И хотя он и является вашим подданным, но, скорее, послушает свою мать, чем вас: он до сих пор не забыл тот случай.

— Так как же поступить?

Старец Шоу-син «приклеился» губами к уху императора:

— Ваше Величество может изменить тактику. Ведь для вас главное не в том, чтобы он повиновался приказу, а в том, чтобы он отправился сразиться с Нэ-чжой, ведь так? Доверьте дело мне!

Император согласно хлопнул в ладоши.

Сначала Шоу-син все же отправился в устье реки Гуань-цзян, что в округе Гуань, где проживал Эр-лан. Но, как и предполагал старец, тот отказался выполнить приказ: «Вы в своем уме, старец? — вспылil он. — И с чего это я стану помогать бессердечному, безнравственному дядюшке?»

Шоу-сину, «напоровшись на гвоздь», как говорят китайцы, пришлось, оседлав облака, отправиться к запруде Теплая река, где жила мать Эр-лана, красавица Седьмая фея.

Когда он приземлился, фея как раз работала с мотыгой в саду, сажая цветы и травы, наклонив свою пышную прическу, похожую на облака. Когда Шоу-син обратился к ней с просьбой, в уголках ее красивых глаз мелькнуло презрение, однако, будучи воспитанной женщиной, она согласилась повлиять на сына из уважения к возрасту старца.

Шоу-син повторно полетел к Эр-лану, на этот раз — в сопровождении его матери. Одним из главных достоинств Эр-лана была его глубокая почтительность к матери. Едва увидев ее, он тут же опустился на колени и склонился в приветствии. Мать ласково попросила сына отправиться в сражение и как можно быстрее, победив Нэ-чжу, вернуться назад.

Эр-лан мог бы возразить императору, однако матери не мог послушаться, и он отправился на заставу Чхэнь-тхан, захватив с собой «четырех великих воинов», Кхана, Чжана, Яо и Ли, а также шестерых братьев с горы Цветок Сливы и 1400 воинов-небожителей с пучками травы на шлемах.

Сначала Эр-лан пропустил вперед конницу, а затем, вооружившись своей необычной алебардой с тремя ножами, крикнул собаке «вперед» и полетел на облаке в сторону заставы.

Нэ-чжа тем временем, завершив сражение, развлекался в саду, собирая цветы. Вдруг земля содрогнулась, подул мощный ветер, неся с собой песок и даже камни, некоторые из которых больно ударили его по щеке. Он зажмурил на время глаза, а когда открыл, то увидел нескольких генералов, несущихся по небу на облаках, в сопровождении солдат, и мысленно произнес: «Наверняка их послал по мою душу Яшмовый император!»

Сделав вид, что он ничего не замечает, Нэ-чжа понесся с букетом к матери, чтобы порадовать ее. Генерал Кхан преградил ему дорогу:

— Не спеши! Это ты — Нэ-чжа?

Он был страшен и грозен в кольчуге и шлеме перед беззащитным мальчиком, единственной одеждой которого был красный набрюшничек.

— Да, я действительно молодой господин Нэ-чжа. Подождите, пожалуйста, пока я вернусь! — и он полетел в дом к матери, оставив генерала с раскрытым от удивления ртом.

Но тут мальчику бросился наперерез генерал Яо. Заткнув за пояс огромную секиру, он вытянул вперед крупные руки, пытаясь схватить Нэ-чжу. Заметив его маневр, шаловливый мальчик быстро отпрыгнул за колючий кустарник. В результате генерал поймал не Нэ-чжу, а куст, и толстые шипы преобильно вонзились в тело.

Вскоре мальчик вернулся из дома, экипированный всеми четырьмя волшебными предметами, подаренными отшельником, и закричал тоненьким голоском:

— А кого это вы тут поджидаете? Опять нашлись смельчаки, желающие сразиться со мной? Я только что победил четырех великих охранников! Вы не боитесь позора?

Воины, увидев, что противник — всего лишь маленький мальчик, расслабились и рассмеялись. Похоже, мальчик воспринимает все это, как игру. — Ах, смеетесь? Ну, погодите! — обиделся Нэ-чжа.

Генерал Яо замахнулся топором, намереваясь сразу же отсечь голову мальчику, однако тот сделал выпад алебардой, и топор чуть не выпал у генерала из рук. Тогда вперед рванулся генерал Кхан со своим оружием, но Нэ-чжа, оттолкнув его, полетел на своих колесиках подальше от сада, приглашая:

— Кто не боится, следуйте за мной! Я не хочу, чтобы вы затоптали все мои цветы!

Солдаты с яркими хохолками из травы на шлемах бросились за ним вслед. Оказавшись за пределами заставы, Нэ-чжа обнаружил, что со всех сторон окружен противником. Он быстро принял облик трехголового и шестирукого, при этом каждой паре рук достались волшебный шарф, алебарда и обруч для шеи, и начал сражение.

Как ни старались воины, к мальчику невозможно было подобраться. Он вертел головами, работал руками, все видел и все успевал. Кроме того, на своих огненных колесиках он передвигался так быстро, что рябило в глазах. Среди солдат и генералов пострадали все: если не были ранены, то потеряли оружие.

Но вдруг Нэ-чжа почувствовал волну ветра и следом за этим — сильную боль в шее у левой головы. Это был бешеный от злости пес, вцепившийся в мальчика. Нэ-чжа накинул ему на шею волшебный обруч, так что тот захрипел, задыхаясь, а сам принял свой прежний облик. Укушенная шея просто исчезла.

— Кто твой хозяин, где он?

И в это время на облаке приблизился трехглазый Эр-лан.

— Это я, Эр-лан, и я пришел по твою душу! — Он был очень эффектен в развевающемся плаще и со знаменитой алебардой в правой руке. Сначала он свистнул, и собака бросилась к нему, взобравшись на плечи хозяина. Прежде чем вступить в бой, Эр-лан нежно потрепал свою любимицу.

Нэ-чжа слышал об Эр-лане, о его боевом искусстве, однако встретился с ним впервые.

— У тебя же три глаза, — закричал он Эр-лану, — как же ты не способен отличить зло от добра, и помогаешь этому императору, преследуя меня, маленького?

Именно из-за справедливости слов Нэ-чжи Эр-лан рассвирепел. Выставив три ножа на одной рукоятке, он бросился вперед, намереваясь заколоть

маленького героя. Но тот вместо себя подставил древко алебарды. Бой длился долго, при этом несносная собака все пыталась укусить мальчика. Воины долго не приближались, потому что Нэ-чжа и Эр-лан представляли собой клубок, и трудно было понять, кто — где.

Они были достойными противниками, и, несмотря на то, что Нэ-чжа использовал поочередно все свои «четыре сокровища», ему не удавалось победить. Он почувствовал, что выбивается из сил, и решил применить хитрость. В мгновение ока он исчез, как будто растворился в воздухе.

Сначала Эр-лан в недоумении озирался, затем бросился к своему войску, надеясь найти Нэ-чжу среди солдат. Естественно, не нашел.

А тот, оказывается, полетел на своих колесиках к берегу Восточного моря, присел на валун и стал думать. Увидев вдали рыбацью лодку с парусом, он воскликнул: «Есть! Почему бы мне не использовать 72-й способ волшебного искусства? Превращусь-ка я в старичка-рыбачка! Заманю Эр-лана в море и сделаю вид, что хочу утопить его: испугаю до полусмерти!» Пробормотав на санскрите заклинание, Нэ-чжа тут же превратился в седого рыбака в маленькой лодке и затянул протяжную рыбацкую песню.

Вскоре появился и Эр-лан с генералами. Нэ-чжа, притворившись испуганным, склонился в поклоне.

— Старик, не видел ли ты мальчика с колесиками под ступнями?

Улыбнувшись и протянув руку в сторону берега, рыбак ответил, притворившись непонятливым:

— Зря ты его здесь ищешь, генерал. Смотри, вокруг лишь песок, разве можно по песку кататься на колесах? Тут же забуксуешь!

Эр-лан развернулся и хотел, было, уйти, но рыбак, приподняв чайничек с вином, который всегда имеют в лодке под навесом рыбаки, позвал:

— Не уходи, генерал! Ты постоянно сражаешься, наверняка утомился, настрадался... У меня тут ароматное вино, осмелюсь пригласить тебя выпить глоточек.

Эр-лан действительно устал. Оглянувшись он на чайничек, раздумывая, а затем решил. Ступив в лодку, он уселся, сложив ноги кренделем. Однако рыбак не спешил наливать ему вино. Он стал пространно рассуждать, начав с Царя драконов и закончив Яшмовым императором.

Он говорил о том, что ни тот, ни другой не идут истинным путем, не соблюдают мораль; по природе свирепы и жестоко обращаются с простым народом, с крестьянами. Взять, мол, хотя бы того же Нэ-чжу, о котором

генерал только что спрашивал. Ведь этот ребенок храбр, как взрослый; у него чистые помыслы и благородный нрав, а потому он постоянно помогает обиженным и защищает обездоленных, истребляя зло.

Слушая рыбака, Эр-лан опускал голову все ниже и, чувствуя, как щеки заливают жар, пробормотал:

— Ну...ну, возможно, я и погорячился; наверное, я заблуждался...

Видя, что Эр-лан морально сломлен, рыбак протянул ему чайничек. Приняв протянутое вино, тот сделал глоток и понял, что в чайнике была... моча (такие уж китайцы натуралисты). Он резко вскочил:

— Так ты...?

Поняв, что его разоблачили, Нэ-чжа, не теряя времени на разговоры, схватился за алебарду Эр-лана и тут же принял свой обычный облик. Вместе с алебардой он, оттолкнувшись, прыгнул в воду. Эр-лан, пытаясь отобрать свое оружие, не удержал равновесие и перевернул лодку. Он пошел ко дну, а лодка превратилась в волшебный шарф и начала обматываться вокруг тонущего, затягивая его все глубже.

Нэ-чжа резвился вокруг него в воде и смеялся:

— Да, я и есть Нэ-чжа! Сегодня я видел раскаяние на твоем лице; ты сожалел об ошибке и был похож на настоящего святого-небожителя. Но я решил лишь немного испугать-искупать тебя в море, потому что гордыня твоя непомерно велика!

— Нэ-чжа, ты провел меня! Во время нашего разговора я действительно проникся уважением к тебе, маленькому воину. Однако ты напрасно надеешься утопить меня, ведь я — повелитель вод, и вода — моя стихия.

Они стояли на волнах друг против друга. Нэ-чжа крепко держал древко чужой алебарды:

— Твое оружие сейчас в моих руках, и, если ты действительно признаешь, что был не прав, то признай и свое поражение передо мной! И мы станем друзьями.

Эти слова показались очень обидными самолюбивому Эр-лану, и он, подобно рыбе, бросился в воду, чтобы отнять свое оружие. Генералы, наблюдавшие за всем с берега, поняли, что Эр-лан не только попался на крючок, но и лишился оружия. Они тоже бросились в воду, чтобы схватить Нэ-чжу. Но тот вскочил на свои колесики и поднялся довольно высоко, крикнув на прощание:

— Вы зря торопитесь! Раз не хотите признать свою неправоту и свое поражение, то не удивляйтесь, что Нэ-чжа с вами невежлив! — и он, прихватив оружие Эр-лана, приложил к груди амулет и тут же стал невидимым.

И последняя легенда о том, как Нэ-чжа бесчинствовал на море, а потом расстался с родными

В первой моей книге («Жизнь среди символов») рассказывается об интереснейшем явлении в китайском языке — недоговорках. Напомню, они состоят из двух частей, и произносится лишь первая, которая намекает на вторую, с юмористическим, сатирическим или философским высказыванием. Например, данный заголовок «Нэ-чжа скандалит на море», или «Нэ-чжа бесчинствует на море» тоже является частью часто употребляемой недоговорки, которая полностью звучит так: *Нэ-чжа нао хай — юй-ся цзао ян* (哪吒闹海 — 鱼虾遭殃). При этом вторая часть дословно переводится «рыбы и креветки попали в беду», что означает «быть втянутым, быть впутанным без всякой вины и причины в неприятное положение». Эта недоговорка взята из произведения «Фэн-шэнь ень-и».

Однажды, когда было особенно жарко, Нэ-чжа купался, чтобы освежиться, в реке Цзю-шэ хэ (Девять бродов), которая впадала в Восточное море. Играя в воде шарфом, он поднял такие волны, что сотряслся подводный хрустальный дворец Царя драконов.

Дракон отправил дозорных, чтобы те разобрались, в чем дело. В результате перепалки эти посланники были убиты. Но пострадал не только дворец Дракона, в котором даже изящные безделушки посыпались с полок. Когда Нэ-чжа мыл в реке свой волшебный обруч для шеи, воды настолько сотрясались, что погибло и было ранено несчетное количество рыб и креветок, — такой уж этот Нэ-чжа был маленький богатырь.

Дракон отправил своего третьего сына, чтобы тот утихомирил Нэ-чжу. Сын всплыл на поверхности с трезубцем в руке. Ни в чем не разбираясь, не спрашивая, «где зеленое, где красное; где черное, где белое», дракон направил трезубец на Нэ-чжу, собираясь его заколоть. Нэ-чжа попытался уклониться и объяснить, что ничего плохого не замышлял, однако третий сын Дракона не отставал, преследуя и намереваясь совершить убийство. Пришлось защищаться.

Нэ-чжа поспешно бросил в дракона шарф, и тот, обвившись вокруг свирепого зверя, превратился в огненное кольцо. Затем Нэ-чжа бросил в него обруч и убил дракона. Когда тот только появился на поверхности воды, то принял облик молодого человека, теперь же, поверженный, он вновь обрел прежние очертания. Нэ-чжа вытащил тело на берег и бросил там.

В отместку Царь-дракон затопил всю местность, прилегающую к заставе Чэнь-тхан, погубив и крестьян, и их посевы. И хотя Нэ-чжа пытался оправдаться, объяснить Дракону, что лишь защищал свою жизнь, что его сын первым напал, однако Царь-дракон ничего не желал слушать. Тогда рассердился и Нэ-чжа; он схватил обидчика крестьян и принялся выдирать чешую у него на хребте.

Дракон стал кричать, что согласен помириться и, осушив поля, вернуть всю воду в море, однако Нэ-чжа ему больше не верил. Он превратил гада в маленькую змейку, положил ее в рукав и отправился к морю, чтобы выпустить ее там.

В отместку Дракон утащил в свой дворец на дне моря Ли Цзина, отца Нэ-чжи, чтобы казнить того, поскольку с самим Нэ-чжой он справиться не мог. Услышав о том, что отец находится в Хрустальном дворце, как заложник, Нэ-чжа бросился к пещере Золотистый свет, где обитал праведник Тхай-и,

чтобы рассказать учителю о своих неприятностях, чтобы услышать совет о том, как поступить с драконом.

Их свидание чуть было не сорвалось, потому что навстречу Нэ-чже вышла даоская послушница по имени Золотистая Заря и, взмахнув даоской метелочкой, пропела нежным голосом:

— Не спеши, куда ты разогнался? Учитель занят чрезвычайно важным делом; никто не должен входить в пещеру, пока он составляет список для Цзян Цзы-я. В списке этом представлены люди, которым учитель пожалует ранг духа-божества. Обладая волшебным мастерством, они должны будут помочь Цзян Цзы-я уничтожить злодея-правителя Чжоу Синя, и способствовать расцвету династии Чжоу. Над этим мастер-учитель сейчас и думает, — кого внести в список.

Нэ-чжа сложил руки в умоляющем жесте:

— Прошу тебя, добрая Золотистая Заря! Замолови за меня словечко праведнику Тхай-и! Негодный Царь-дракон затопил заставу Чхэнь-тхан, а моего родителя уволок в Хрустальный дворец для расправы вместо меня. У меня нет ни минуты в запасе, потому что отца могут казнить в любой момент!

Учитель Тхай-и, конечно же, согласился поговорить с Нэ-чжой. Он отложил в сторону свиток желтоватой бумаги и кисть с красной тушью. Войдя, Нэ-чжа увидел праведника, сидящего на небольшом возвышении лазоревого цвета в виде жесткой кровати для отдыха, и перед ним на кровати был поставлен низенький столик.

Курились благовония, а между входом и возвышением свисал длинный желтоватый занавес, недостающий, однако, до пола, как это бывает в храмах перед статуями святых.

Нэ-чжа упал на колени с возгласом «Учитель!» Взяв в руки даоскую метелочку, Тхай-и ответил: «Я уже знаю, с чем ты пришел ко мне; не теряя время на рассказ. Ответь только на мой вопрос, хочешь ли ты и впредь быть сыном Ли Цзина?»

По лицу Нэ-чжи катились слезинки; помедлив немного, он, как бы выплеснув наружу все скопившиеся незаслуженные обиды, твердо произнес: «Учитель, я виноват в том, что ошибся при переселении души; я не должен был рождаться в этой семье. Я давно не желаю называть отцом этого слизняка!» (Чтобы была понятна ненависть мальчика к отцу, надо пояснить, что тот был полководцем при тиране-правителе Чжоу Сине и выполнял все его поручения, принося страдания безответным крестьянам, жителям страны. — Л. И.)

Тхай-и поднялся со своего места. Он прижал Нэ-чжу к груди и произнес:
— Ты не должен так переживать; на самом деле ты являешься принцем, третьим сыном небесного правителя Пхи-ша-мэня, и зовут тебя Налакувара. В новом рождении ты появился в семье Ли Цзина, а теперь настал момент расстаться с ним, связь между тобой и отцом будет прервана.

У мальчика как будто гора с плеч свалилась:

— Здорово! Больше мне не придется терпеть обиды!

И он радостно запрыгал. Потом внезапно стал серьезным и спросил:

— А каким образом можно разорвать наши отношения отца и сына?

Праведник Тхай-и сделал рубящий жест:

— Хватит ли у тебя храбрости «отрезать плоть от костей» и «вынуть содержимое живота», чтобы вернуть родителям их плоть и оставить себе лишь душу?

Мальчик заверил учителя в своей решимости сделать это и негромко добавил:

— Я только не понимаю, останется ли после этого Нэ-чжа в мире людей?

— Не беспокойся! Ты получишь новое тело и опять превратишься в Нэ-чжу, обновленного Нэ-чжу.

Поблагодарив учителя и радостно подпрыгнув, мальчик бросился к выходу, спеша на заставу Чхэнь-тхан, чтобы «отделить свою душу от плоти». Тхай-и едва успел остановить его.

— Но сначала ты должен поговорить с Царем-драконом, заставить его отвести воду, заливающую поля и дома, и взять с него слово, что впредь он не станет так поступать. А потом уже беги на заставу: родители должны знать, что ты покидаешь мир людей.

У входа в пещеру Нэ-чжу ожидали огненные колесиики, которые крутились на ветру, подобно игрушечной мельнице. Пробормотав молитву-заклинание на санскрите, Нэ-чжа полетел-покатился по поверхности облаков, как по обычной дороге, направляясь к Хрустальному дворцу в Восточном море.

В древности у китайцев было представление, что в центре мира находится суша (Китай), а с четырех сторон ее окружают моря, а потому существуют и четыре дракона, управляющие этими морями:

в Восточном море — Царь-дракон Ао-гуан;

в Южном море — Ао-жунь;

в Западном море — Ао-цинь;

в Северном — Ао-шунь.

Нэ-чжа полетел во дворец Ао-гуана с прозрачными колоннами. В это время по приказу Дракона генерал-краб готовил церемонию отсекования головы Ли Цзина.

— Еще вчера ты мог быть моим уважаемым гостем, которого я посадил бы рядом с собой, а сегодня ты стоишь у самой нижней ступени лестницы, ведущей к трону, и являешься моим пленником! — произнес Дракон.

Ли Цзин со связанными сзади руками угодливо согнулся в поклоне. Он пребывал в таком страхе, что душа его почти покинула тело. До сих пор лишь он казнил и наказывал людей, теперь настал и его черед, и в это никак не хотелось верить. Арестант стал поспешно оправдываться, обвиняя во всем Нэ-чжу, чтобы обелить себя. При этом он униженно умолял сохранить ему жизнь.

Наслаждаясь унижением противника, Дракон не только не пожалел его, но и решил еще сильнее припугнуть труса, велел генералу-крабу и солдатам-креветкам приложить топор к его шее, чтобы Ли Цзин ощутил холод лезвия.

Подвергая жертву бесчисленным унижениям и издевательствам, Дракон сидел, развалившись на троне под опахалами, которые держали в руках красивые девушки. И тут ворвался стражник с докладом:

— Ваше Величество, страшная неприятность! На своих колесиках прилетел Нэ-чжа и ворвался во дворец!

— Да как он посмел! Пусть посмотрит на отца с топором у шеи. Топор держи, да только голову пока не руби. — обратился он к генералу.

Не успел Дракон договорить, как ворвался Нэ-чжа.

— Руби голову! — отдал фальшивый приказ Ао-гуан, наблюдая за реакцией Нэ-чжи.

И вдруг поигрывающий топором краб оказался на спине и стал беспомощно, как перевернутая черепаха, перебирать ногами. Это Нэ-чжа своей алебардой выбил у него топор.

— Вот так и лежи, подняв ноги к небу! — засмеялся Нэ-чжа и пнул его.

Ао-гуан спрятался за колонну, где еще ранее свернулся клубком и Ао-шунь, повелитель Северного моря.

— Выходи, Ао-гуан! Долго мне еще ждать тебя?

Оба дракона подползли к ногам мальчика:

— Что прикажет молодой господин?

Бросив мимолетный взгляд на притихшего отца, Нэ-чжа презрительно произнес:

— Это все из-за тебя, слизняк! Ты попустительствовал злодеяниям, приспособлялся, не желая защищать невинных людей, вот и получил такой прискорбный конец! А вы, — обратился он к дрожащим драконам, — немедленно избавьте народ от наводнения! Отца отпустите, я должен положить конец отношениям отец-сын и расстаться с ним.

Пришлось драконам кликнуть еще двоих, Ао-жуня и Ао-циня, и отправиться на заставу Чхэнь-тхан. А освобожденный Ли Цзин вскочил на коня и поскакал туда же. Лишь на полпути, немного успокоившись, он вспомнил слова сына, и на душе у него стало скверно: «Порвать родственные отношения, — что это значит?»

Тем временем драконы, разинув пасти, всасывали воду, которую сами же и выпустили на поля. Когда все было высушено, они понуро потащились каждый к своему жилищу.

Ли Цзин стоял у дома, и по лицу его скатилась слезинка: он избежал смерти. Вспомнил все свои отвратительные поступки, в том числе и то, как пытался избавиться от сына. Увидев приближающегося Нэ-чжу, попросил:

— Прости меня, сын! Вернемся вместе домой! Я очень виноват перед тобой, и твоей матери мне стыдно смотреть в лицо.

— Я сегодня «срежу мясо с костей» и верну тебе твою плоть! — Решительно ответил мальчик. — Мы расстанемся навсегда.

Ему было жаль лишь мать, госпожу Инь. Войдя в дом, он бросился ей на шею и прошептал: «Мама, я вынужден покинуть тебя...»

Тут и Ли Цзин подошел. Гневно указывая на Нэ-чжу пальцем, он обратился к жене:

— Вот, полюбуйся! Из-за него у меня сплошные неприятности. Поучи-ка его уму-разуму! Он собирается разорвать связь между нами...

Мать бросилась обнимать ребенка, называть ласковыми словами; уверяла, что если он хоть чуть поранит себя, если она увидит хоть каплю его крови, то от горя, от сердечной боли может умереть.

Уверенный, что сын просто пугает его, Ли Цзин подошел к жене и, удерживая ее, проговорил:

— Раз он не ценит родительские чувства, сам ищет смерти, пусть убивает себя, не мешай ему!

Услышав это, Нэ-чжа со слезами оттолкнул мать и вынул из кармана фартука один из ножей с двойным лезвием, что когда-то принадлежал Эрлану. В этот момент отец понял, что Нэ-чжа не шутит и, бросившись к сыну,

крикнул слугам: «Держите его за руки!» Но было уже поздно, Нэ-чжа успел вскрыть вены.

Служанки приводили в чувство лежавшую на полу госпожу Инь, и в доме стоял такой плач, как будто в нем обитали сотни, а не десятки людей.

Похоронили Нэ-чжу на горе с красивым названием Изумрудная ширма, потому что гору покрывали голубовато-зеленые сосны. Цзинь-чжа и Му-чжа отнесли туда гроб с телом. На могиле поставили памятную плиту высотой в шесть *чшы*.

В ту же ночь сын привиделся матери и попросил госпожу Инь построить храм-кумирню на площадке перед могилой и установить там глиняную статую.

Через какое-то время возвели храм, и издали стали видны его лазоревая черепица, резные летящие карнизы и розовые стены с красными воротами. С первого же дня храм стали посещать благодарные крестьяне, которые считали мальчика своим защитником. Желающих поклониться статуе Нэ-чжи с каждым днем становилось все больше. Глиняный Нэ-чжа стоял на цветке лотоса, как живой, держа в руках свои волшебные предметы — обруч и алебарду.

Время летит быстро, незаметно прошло полгода. Обстановка в княжестве становилась все хуже. Из разных концов доходили вести о все более страшных злодеяниях правителя Чжоу Синя. И хотя Ли Цзин знал об этом, он по-прежнему был предан правителю и совсем не сочувствовал пострадавшим.

При этом он понимал, что возмездие настигнет не только злодея-правителя, но и его самого; да разве был у него выбор? Ступив на путь преступлений, свернуть с него было уже невозможно: в глазах людей он навсегда останется приспешником тирана. Продолжая выполнять указы Чжоу Синя, Ли Цзин в душе метался и искал выход, как муравей на раскаленной сковородке.

Однажды, ближе к вечеру, закончив тренировку войск, Ли Цзин ехал, не торопясь, на недавно обьеженном жеребце, и дорога его пролегла мимо Изумрудной ширмы. Он увидел новую постройку с дымком от благовонных курений, к которой нескончаемым потоком устремлялись люди, чтобы поклониться Нэ-чже.

Ли Цзина охватил такой гнев, как будто он, наконец, нашел виновника всех своих неприятностей. «С тех пор, как он родился, у меня кругом одни беды! Наконец-то умер, так люди продолжают ему поклоняться, как живому!»

Он спрыгнул с коня, выхватил шестихвостую плетку, ворвался в храм и набросился на статую, нанося ей страшные удары. Верующие попытались удержать его, однако Ли Цзин так рассвирепел, что, раскидав их, стал крушить алтарь,

подсвечники, статую, а затем все растоптал ногами. Вытолкав прихожан из храма, он поджег его. За короткий срок от места поклонения остался лишь пепел.

Выпустив гнев, Ли Цзин с солдатами спустился в долину, а крестьяне шептали вслед: «Бесчувственный, бессовестный человек! Настанет срок, и тебе воздастся за все твоё зло!»

А как же Нэ-чжа вернулся в мир людей? Его учитель, праведник Тхай-и, воссоздал облик мальчика из лепестков и корня лотоса, а затем вложил в его сердце золотое семечко и крикнул: «Нэ-чжа из лотоса, превратись!» И на земле опять появился Нэ-чжа, милый и непоседливый. Вновь вручив ему волшебные орудия, Тхай-и наградил его умением совершать боевые подвиги, отличаясь героизмом и военным искусством при защите слабых и обездоленных.

Дракон и его девять сыновей

Дракон настолько популярен в Китае, что, пользуясь случаем, хочется познакомить читателей с этим мифическим животным. Придуман он китайцами когда-то в древности, и одним из важнейших умений дракона считается ниспослание дождя на землю. Еще в эпоху Хань люди молились о дожде, обращаясь к «земляному» дракону. С распространением буддизма на китайской земле произошло слияние двух образов: Царя драконов, посылающего дождь, о котором писалось в буддийских священных книгах, и мифического дракона, которому поклонялись древние китайцы.

В результате Царь драконов превратился в покровителя водной стихии; после эпох Тхан и Сун в Китае появились верования в отдельных драконов, покровительствующих каждый — своему водоему, т. е. рекам, озерам, прудам и даже колодцам. Так что от этих покровителей, считалось, зависели засуха, наводнение, урожай и процветание или бедствия.

Имена, соответственно, драконы имели каждый — свое. Китайцы верят в существование Царя драконов четырех морей, Царя драконов пяти сторон, Царя-дракона всего неба и др. По всей стране, во всех местах, где есть какие-либо водоемы, непременно построены и храмы, посвященные Царю-дракону. Особенно много прихожан в таких храмах в засушливые периоды, когда дракону приносят обильные пожертвования в виде благоговий, фруктов, цветов и мучных изделий.

Что для буддистов означают жертвования в виде свежей воды, плодов и цветов? Цветы, возлагаемые на алтарь, символизируют «причину» и «первоисточник», потому что после раскрытия цветов созревают плоды. Цветы также являются символом «шести переправ» и «десяти тысяч путей»¹.

¹ Имеются в виду переправы (на санскрите — *pāramitā*) из океана рождений и смертей (сансары) на берег нирваны. Согласно мировоззрению буддистов, существует шесть миров:

1. мир богов;
2. демонов;
3. людей;
4. животных;
5. голодных духов;
6. адских существ.

Возлагая на алтарь плоды, верующие не предлагают их божествам, наоборот,— это, как бы, боги напоминают о том, что придет время воздаяния и подведения итогов. Так что верующие, глядя на цветы, должны задуматься о том, какие «первоисточники», какие поступки следует подправить.

Буддисты возжигают свечи и благовония, что символизирует мудрость и справедливость, а также истинный аромат «контроля тела воздержанием» и «благоразумия сердца путем спокойствия».

В Китае настолько почитают дракона, что отмечают и особый праздник, который приходится на 2-е число 2-го месяца по лунному календарю,— «Дракон поднимает голову», или «Праздник весеннего дракона». В народе бытует поверье, что в этот день он просыпается, почуяв весну, и готовится взмыть в небо, чтобы послать столь необходимый крестьянам дождь.

Это время соответствует *цзин-чжэ* (惊蛰), одному из 24-х сельскохозяйственных сезонов под названием «пробуждение от зимней спячки в испуге», когда червячки и насекомые пробуждаются, испуганные первым весенним громом. Поэтому в народе существует выражение «червячки испугались, дракон поднял голову». Начиная с этого периода осадков становится все больше.

Недаром и во время праздничных мероприятий или концертов, посвященных китайскому Новому году, непременно номером является танец дракона, пытающегося отнять жемчужину, которую высоко на палке держит один из артистов, убегающий от дракона. Эта жемчужина и является символом дождинки, а сам праздник называется еще и праздником Весны.

Одна из любимых тем художников, украшающих посуду, мебель и любые другие предметы быта,— два дракона, сражающиеся за жемчужину. А в императорском дворце Гу-гун подобных драконов и не сосчитать. Полагают, что когда драконы пытаются отнять друг у друга жемчужину-дождинку, она, в конце концов, выскальзывает и падает на землю. И начинаются дожди, столь необходимые полям.

Что касается символических рисунков-орнаментов с драконами, то существует всего три канонических варианта, и каждый имеет свой смысл. Причем, по форме все эти рисунки представляют собой круг, подражающий символическому изображению Высшего предела *Инь-Ян*.

Соответственно, есть шесть возможных путей жизни разного качества, и попадание в тот или иной мир зависит от деяний (кармы).

«Два дракона играют с жемчужиной» (二龙戏珠). Эта тема намекает, как уже говорилось, на благодатный дождь.

«Дракон и Феникс преподносят счастливое предзнаменование», или счастливую примету, счастливый знак (龙凤呈祥). Жемчужина при этом тоже присутствует, но имеет другой смысл — эротический, символизируя уже не дождинку, оплодотворяющую землю, а соитие любящих. Чаще всего рисуют одного дракона и одного феникса, однако бывают и орнаменты с двумя парами. Эти два мифологических животных олицетворяют императора с императрицей, символизируя мир и счастье. В быту они могут означать и просто любящую пару, счастливых мужа и жену.

Если говорить о собственно драконе, то он обладает самой большой жизненной силой среди всех мифических животных; символизирует власть, величие, уважение и знатность, т. е. могущественного мужчину.

Феникс символизирует красоту, мир, покой, т. е. женщину-мать. Согласно древним легендам, китайская нация берет начало от сказочных первопредков Фу-си (мужчина) и Нюй-ва (женщина), которые в далекие времена изображались в виде людей со змеиными телами. Китайцы считают, что это и были первые рисунки драконов.

И третий вид благопожелательного орнамента — **«Царь-дракон с девятью сыновьями»** (龙王九子). Это символ и плодovitости, и неординарности. Потому что сыновья дракона, согласно легендам, прославились тем, что, во-первых, были мало похожи на отца, собственно дракона, во-вторых, каждый из них обладал особенными пристрастиями и умениями; каждый превосходил других в какой-то

области, а потому с древности и по настоящее время изображения нетипичных дракончиков используют в архитектуре, либо при украшении отдельных предметов.

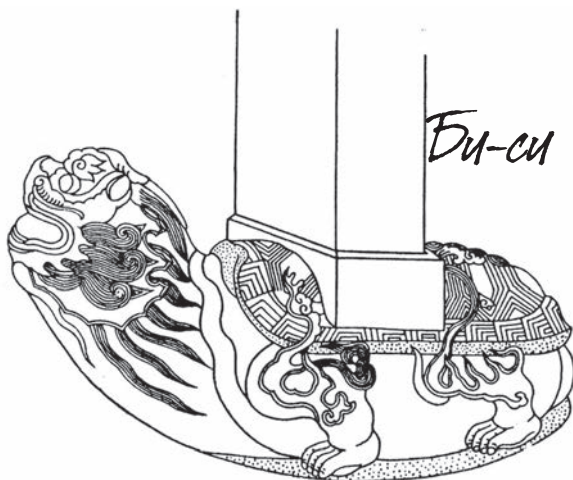
Как и любой отец, дракон не хотел, чтобы дети бездельничали, поэтому, когда они подросли, прервал их шалости и праздное существование и отправил на поиски занятия по душе; сам же решил тайком проследить за ними.

Первым вышел из дворца старший сын, **Бу-си** (霸才), т. е. Могучий. Когда отец незаметно догнал его, то обнаружил сына в одиночестве. Он упрямо нес на спине огромную каменную плиту и, хотя пыхтел и обливался потом, не желал сдаться и освободить свои плечи. «Какой же трудолюбивый этот Би-си!» — с гордостью подумал дракон.

Кто бывал в Китае, прежде всего, запоминают этого сына, потому что практически все памятники-стелы в храмах и дворцах установлены на спинах подобных дракончиков. Даже в двух иероглифах его имени четыре раза используется один и тот же знак «раковина», намекая на прочность и крепость.

Тело первого сына напоминает черепашье, и лишь голова — драконья, да лапы покрыты чешуей. Он был очень выносливым, обожал поднимать тяжести, поражая окружающих, вот и выполняет эту функцию в Китае в течение сотен лет. Кроме того, он известен и своей любовью к литературе, поэтому на стелах обычно делали подробные надписи, повествующие о каком-то событии.

В некоторых источниках его называют **Ба-ся** (霸下), упоминая, что он увлекался литературой, а потому изображали в верхней части каменных таблиц с надписями или использовали в качестве пьедестала для надгробных плит.

Второй сын, **Чшы-вэнь** (鸱吻), Клюв Совы, отошел от дома совсем недалеко. Едва выйдя за ворота, он тут же вскарабкался на крышу одного из зданий и начал озираться, внимательно вглядываясь вдаль «на востоке и на западе». «А-га! — подумал дракон, — этот сын любит сидеть высоко и смотреть далеко!»

С тех пор **Чшы-вэнь** является архитектурным украшением зданий. В словарях утверждается, что это безрогий дракон, однако в изображениях рожки все же присутствуют. Говорят, что он очень любил сражаться и вступал в борьбу с каждым, кто казался ему подозрительным. Способен проглотить все сущее, защищая дом. А еще утверждают, что **Чшы-вэнь** способен вызывать дождь и оберегать здание от пожара.

В некоторых источниках его называют иначе — **Чхао-фэн**, или **Чжао-фэн** (嘲凤).

На этого дракончика, возможно, обращали внимание многие, кто побывал в Китае, поскольку все иностранцы любят летящими углами китайских крыш, которые сначала слегка опускаются, а затем взмывают вверх. Такие углы выполняют несколько функций: украшают здание, зрительно делая громоздкую крышу более изящной; отводят дождевую воду как можно дальше от стен здания, а главное — не позволяют злым духам проникнуть на территорию двора, если они попытаются сделать это с неба.

Во-первых, эти духи, как считают китайцы, могут двигаться лишь по прямой, а потому, спускаясь по карнизу крыши, будут вновь отброшены в воздух загнутым углом кровли. Во-вторых, на самом краю «летающего угла» вырезан маленький, изящный, но свирепый **Чшы-вэнь** с оскаленной пастью и острыми зубами. Мимо этих зубов не проскочит ни один враг.

Тело у него небольшое, изогнутое, с приподнятым хвостиком, потому что позади него, на парящем в воздухе углу крыши, должны уместиться еще несколько традиционных символических фигурок: например, собачки, человечек верхом на петухе и пр. Интересно, что второй иероглиф его имени в древности имел значение «пасть, зев», что вполне понятно в данном случае. А в современном языке этот иероглиф имеет смысл «целовать». Так что, если второй сын дракона поцелует, мало не покажется.

Есть повод вспомнить и о двух других архитектурных особенностях в Китае, которые, наряду с парящими углами крыш, защищают семью от недобрых духов. Это защитный экран, который может стоять перед воротами усадьбы, дворца или храма, либо — за входной дверью, если его устанавливают в квартирах, ресторанах и пр. заведениях внутри помещения. Злые духи, пытаясь проникнуть, и двигаясь только по прямой линии, наткнутся на экран и вынуждены будут уйти восвояси — обогнуть его они неспособны.

Горбатые мостики на территории парков, усадеб, дворцов и тех же храмов, тоже играют функцию защиты. Их перебрасывают через речки, пруды, каналы, либо даже делают «сухопутными», т. е. под ними нет водоемов. В современных богатых домах, особняках и на виллах сейчас тоже принято устанавливать крошечные горбатые мостики прямо в прихожей, перебросив их через импровизированный ручеек.

Если защитные мостики необходимо установить над широкой рекой, озером или прудом, когда трудно соединить берега «по воздуху», то их делают с горизонтальной поверхностью, а не дугообразной. В таком случае его строят зигзагообразно, опять же, чтобы не оставлять прямого пути злым духам. Такой протяженный мост устанавливают на опорах в воде.

Не успел третий сын, **Пху-лао** (蒲牢), пройти и нескольких шагов, как заорал-запел во всю глотку. «Ну и голос! Громкий, звонкий, как колокол! — подумал гордый отец. — Слышен далеко во всех направлениях. Надо подобрать ему соответствующую службу!»

Этот сын был единственным, похожим на дракона, но только таким крошечным, что напоминал тоненькую змейку. Однако, несмотря на свой смехотворный размер, Пху-лао любил громко кричать, привлекая к себе внимание и удивляя окружающих, а потому его изображением стали украшать колокола и колокольчики в их верхней части, в виде удобной ручки.

Для этого пришлось несколько видоизменить тело дракончика: посредине длинное тело, а с обоих концов — по голове, для симметрии. Головы крепятся к колоколу, а выгнутое тело служит ручкой, или ушком. Так что колокольчики с изображением Пху-лао — самые звонкие; пусть кричит в свое удовольствие!

Надо сказать, что в китайских колоколах нет «языка», и звучат они благодаря «билу», — толстому, тяжелому бревну, которое висит на двух цепях горизонтально, чтобы ударять его торцом в специальный круг, обозначенный на внешней стороне колокола. Бревно

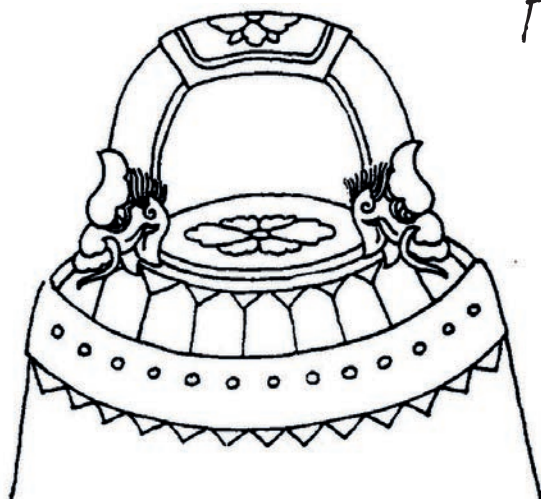

Чимы-вэнь

вырезают в форме кита, потому что морской дракончик Пху-лао, говорят, боялся огромного кита, и при его нападении кричал особенно громко.

Как известно, в Китае у входа в каждый храм, буддийский или даоский, возвышаются две башни: на западе — Башня колокола, на востоке — Барабанная башня. На западной иногда вырезают иероглифы *цзин фа* (鲸发) в надежде, что Пху-лао оглушительно закричит, как при приближении кита, потому что иероглиф *цзин* означает «кит», а *фа* — «кричать». Громкий звук колокола, — верят китайцы, — способен «разогнать тучи и облака».

Пху-лао

Четвертый сын, **Би-хань** (狻猊), и за ворота не стал выходить. Он запрыгнул на перекладину прямо над створками ворот; оскалив морду, стал грозно разглагольствовать о чем-то. «Да, такого любой испугается! — подумал дракон. — Его внешность очень подходит для такой роли».

Мордой он похож на тигра, поэтому изображают, в основном, только его голову. Выглядит он действительно устрашающе, с расширенными от гнева ноздрями, выпученными глазами, оскаленными зубами, торчащими клыками; кроме того, справа и слева от головы свисают передние лапы с когтями.

Би-хань обожал пугать окружающих и был склонен к спорам, судам и сутяжничеству, а потому в старину его голову прикрепляли или вырезали на воротах тюрем или на дверях чиновничьей управы, справа и слева: пусть

трепещут все, сюда входящие! Недаром в обоих иероглифах имени Би-ханя использован знак «собака, волк».

Пятый сын, **Тхао-мхе** (饕餮), что значит Прожорливое чудовище, выйдя из ворот дворца, заметил, что множество людей несут на коромыслах в коробах разнообразную снедь по направлению к дворцовой кухне. Он смотрел на все это с вожделением, сглатывая слюну. Отец давно заметил: Тхао-тхе жаден и прожорлив, да и выпить не дурак. Не зря в его имени дважды встречается знак «еда». «Надо будет подыскать ему службу, как-то связанную с пищей!» — решил отец.

Поскольку Тхао-тхе только и думал о еде, его голову в качестве украшения в древности изображали на бронзовых сосудах. У него забавные рожки и мясистые усы в виде облаков с завитками; однако общий вид далеко не забавный, — с выпученными глазами и оскаленными зубами; можно сказать, классическое изображение морды дракона.

Тхао-тхе нередко изображают и на крышках котлов, давая ему возможность отведать лакомое блюдо.

Когда дракон пошел за шестым сыном, **Пха-фу** (𪚩𪚱), он обнаружил, что дракончик достиг берега реки, а затем прыгнул в воду и стал резвиться. Он набирал ее в пасть, а затем выпускал с силой, как из фонтана. Он кувыркался в волнах и выглядел очень счастливым. Отец понял, что этот сын больше всего на свете любит воду.

В иных источниках этого дракончика называют **Чшы-шоу** (螭兽).

Пха-фу с детства готов был сутками развлекаться в воде, если позволяла глубина, или любоваться ею, если она стекала с гор. У него симпатичная плоская морда и символические кудряшки на голове в виде маленьких волн-бурунов. И хотя пасть раскрыта, зубки мелкие и не опасные.

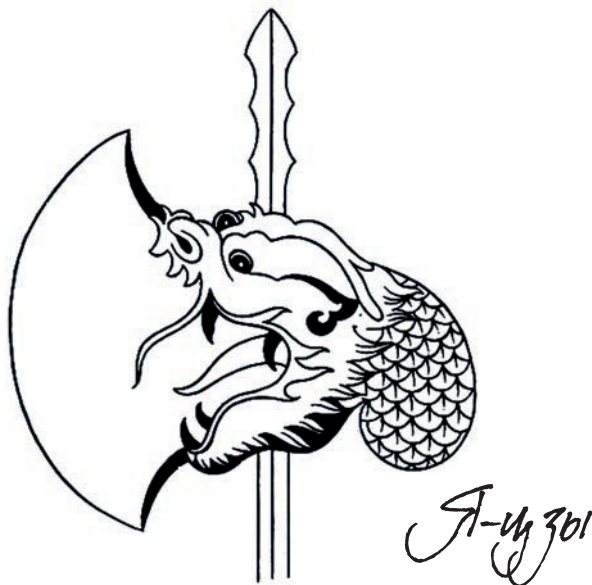
Каменными изображениями его головы вместе с передними лапами принято украшать опоры мостов. Кроме того, подобные головы устанавливают на высоких террасах во дворцах вместо водосточных труб (например, их можно увидеть в императорском дворце Гу-гун). Это поистине впечатляющее зрелище, когда дождевая вода с пузырями и бульканьем выливается из пасти Пха-фу.

Седьмой сын, **Я-цзы** (瞋毗), Гневно Смотрящий, отошел от дома далеко, на 10 *ли*. Вокруг почему-то не было ни души; стояла такая тишина, что слышалось, как падают листья. Вдруг появился один прохожий, но, увидев Я-цзы, тут же повернул обратно. Дракон преградил ему путь и спросил, почему тот вернулся. «Этот Я-цзы такой страшный, такой свирепый! Хотел бы я видеть, кто осмелится пройти мимо... — ответил тот. — И тебе не советую идти туда, лучше спрячься поскорее!»

Я-цзы — самый кровожадный из всех сыновей. В иероглифах его имени использован ключ «глаз», а перевести имя можно, как «В гневе сверлящий прищуренными глазами». Да, этот Я-цзы был очень гневливым и имел привычку сразу же убивать непонравившегося. Поэтому его голову изображают на стыке между рукояткой (эфесом) и лезвием ножа, секиры, алебарды, меча, — любого металлического оружия. Глаза дракона злобно сощурены, пасть раскрыта, так что видны язык и клыки, а из нее выступает полупроглоченное лезвие.

Что касается восьмого сына, **Суань-ни** (狻猊), то с ним определиться сложнее всего: внешность у него свирепая, а характер — добрый, и он очень отличался от братьев. Внешне это самый смешной дракончик. В изображениях у него присутствует все тело, а не как у некоторых других, — только

голова и лапы, однако туловище у него такое толстое и кругло-раздутое, что не просматривается ничего общего с длинным, извивающимся телом отца. Морда его напоминает львиную, но забавно плоскую, с приоткрытой пастью.

Суань-ни обожал огненную стихию, всегда старался держаться поближе к пламени и дыму, поэтому люди стали изготавливать металлические курильницы в виде кругленького Суань-ни, так что ароматный дым выходил у него прямо из пасти. Если же курильница, например, уличная, оказывалась слишком большой, то Суань-ни восседал сверху, на крышке, или саму крышку делали в виде восьмого сына дракона.

Чаще всего подобные курильницы устанавливают в храмах у постаментов статуй, и считается, что Суань-ни охраняет бесчисленных будд, а также украшает трон главного Будды. Иногда мастера размещают Суань-ни на ножках курильниц, давая ему возможность наслаждаться дымом.

И последний, самый младший дракончик, с забавным именем **Цзяо-тху**, Перчик (椒图), выйдя за пределы дворца, стал бегать вдоль стены, окружающей драконье жилище, отгоняя всех праздных зевак от многочисленных ворот и не позволяя им даже приблизиться.

Говорят, он похож на ракушку со створками, и любил открываться и закрываться, наслаждаясь этой своей способностью. Вот и стали использовать металлическое изображение его головы с металлическим кольцом во рту вместо ручки или дверного «молотка».

Это не только удобное приспособление, но и украшение двери. Кроме того, дракончик еще и посторонних не впускает в дом, являясь верным стражем. Иногда изображение Цзяо-тху размещали на каменных барабанах, преграждающих вход в жилище тоже с целью охраны.

Цзяо-тху

Разобравшись, к чему имеет склонность каждый из девяти сыновей, дракон вернулся во дворец, а сыновья выстроились перед ним в ожидании решения.

— Вы стали взрослыми, — заметил отец, — и я хочу дать вам соответствующие обязанности, которые вы будете выполнять во все времена в Поднебесной, — и он перечислил, кто чем отныне станет заниматься.

К сожалению, разные авторы приводят разные имена сыновей дракона, и разные способности, которыми они обладают. Кроме вышеперечисленных,

встречается, например, дракончик **Цю-ню** (囚牛), который не только любил музыку, но и обладал исключительным слухом, различая любой звук, поэтому его принято изображать на колке национального струнного инструмента *ху-цин*.

Некоторые ошибочно полагают, что самый любимый китайцами дракончик по имени **Пхи-сю** (貔貅) тоже является одним из девяти сыновей дракона. На самом деле это благовещее животное, приносящее богатство, с одним или двумя рогами, маленькими крыльями и закрученным хвостиком, с гривой, усами и бородой.

В народе говорят, что у него нет заднепроходного отверстия, поэтому некоторые китайские бизнесмены любят устанавливать его изображение у себя в кабинете и опускать в него через рот, как в копилку, деньги, как символ того, что они станут лишь накапливаться, и никогда не будут утекать.

Еще говорят, что в доме его статуэтку надо ставить так, чтобы морда смотрела в сторону входной двери, т. к. *пхи-сю* способен отпугивать злых духов.

Пхи-сю, как мифическое животное, относящееся к стихии Огня, считается самым главным инструментом для привлечения богатства в науке *фэн-шуй*. Особенно, если речь идет о нестандартных видах прибыли, например, в

иностранной валюте или акциях, а также о прибыли в игорных домах, в результате срочных сделок, ставках на скачках.

Утверждают, что среди девяти сыновей есть и дракончик **Чшы-шоу** (螭兽), способный выпить все реки и исторгнуть из себя не меньшее количество дождевой воды, поэтому он является ответственным за сброс дождевых потоков. Его голова обычно украшает дворцовые постройки вместо сточных труб, и зрелище, когда из его пасти, пузырясь, изрыгается вода, кажется сказочным.

И все же вышеперечисленные девять сыновей встречаются чаще всего. На самом деле, считают китайцы, сыновья, как и отец-Дракон, очень изменчивые существа, постоянно меняющие свою форму, — отсюда и путаница в перечислении их имен и обликов. Неизменной остается лишь идея о том, что у Дракона было девять сыновей, и что каждый из них имел свои неповторимые внешность и пристрастия.

По этому поводу стоит упомянуть еще одну легенду с участием знаменитого Лю Бо-взня, о котором пойдет речь и в следующей главе. Личность эта всегда находилась при Яшмовом императоре, Верховном божестве на Небе, в качестве приближенного духа.

В конце эпохи Юань и в начале правления династии Мин в Китае наступил «великий хаос»: то и дело вспыхивали войны и бунты, год за годом население оставалось без урожая. Чтобы помочь людям, Небесный император отправил Лю Бо-вэня на землю в очередном буддийском перерождении в качестве помощника императора династии Мин.

Поощряя талантливых и наказывая виновных волшебным мечом, Лю Бо-вэнь должен был привести Поднебесную к миру, спокойствию и процветанию. С помощью этого же меча он мог отдавать распоряжения и Царю драконов «всех четырех морей». Но Царь драконов, чувствуя себя старым и немощным, к тому же, будучи обремененным массой дел, решил отправить вместо себя девять своих сыновей.

Сыновья его обладали сверхъестественной силой, владели изумительными приемами и, приняв человеческий облик, сопровождали генерала Лю Бо-вэня во всех походах и сражениях в течение нескольких лет ради того, чтобы первый император Чжу Юань-чжан заложил фундамент процветающей династии и чтобы позже помочь третьему императору, его четвертому сыну, Чжу Ди завоевать престол.

Лю Бо-вэнь прожил на земле 64 года, заслужив репутацию военного гения. Когда настало время возвращаться на небо с докладом Небесному императору о выполнении приказа, Чжу Ди, император Поднебесной, отличавшийся огромными амбициями, потребовал, чтобы Лю Бо-вэнь всегда находился при нем, помогая стабилизировать положение в стране и способствуя успехам в завоевательных походах.

Чжу Ди намеревался построить в столице императорский дворец «запретный город», и под этим предлогом отобрал у Лю Бо-вэня волшебный меч, который позволял управлять драконами. Но те вновь приняли свой истинный звериный облик, впали в ярость, стали «метать громы и молнии», «вызывали ветер и дождь». Видя, что он не в силах даже удержать в руках волшебный меч, который стал сотрясаться, Чжу-ди решил переговорить со старшим из братьев.

«Ты могуч настолько, что способен поднять тяжесть весом в десять тысяч *цзиней*, — подольстил Чжу Ди. — Если сможешь унести на спине эту огромную каменную плиту, установленную в честь несравненных подвигов и совершенных добродетелей нашего предка, я отпущу вас всех».

Старший сын по имени **Бу-си** взглянул на стелу, и она показалась ему «небольшим камешком». Водрузив ее на спину, дракон понял, что, даже применив свои колдовские способности, он не в силах сделать и шага.

Оказалось, на плите записаны все добрые дела, совершенные Сыном Неба, т. е. императором, а они не измеряются в *цзинях*. Кроме того, на стеле имелся оттиск большой императорской печати, которой пользовались две династии, а ее оттиск способен усмирить всех добрых и злых духов со всех сторон света, так что волшебные силы дракона тут не помогли.

Восемь братьев, увидев старшего, придавленного стелой, бросились наутек. Они решили остаться жить среди людей, однако впредь никому не показывать свой истинный облик, чтобы их не узнали. Так что хотя Чжу Ди и оставил в мире людей этих девяти сыновей дракона, однако воспользоваться их силой не смог, — ему оставалось лишь любоваться ими в виде художественных изделий, о которых рассказано выше.

Лю Бо-вэнь, узнав об этом, тоже покинул императора Чжу Ди. Сбросив свое тело, он отправился в небесный дворец. Чжу Ди раскаялся в том, что из-за своих амбиций потерял и талантливого генерала, и волшебных драконов, но было поздно. В назидание потомкам, чтобы они не совершали подобных проступков, Чжу Ди велел девяти сыновьям дракона выполнять определенные обязанности для людей, и так — из века в век.

В Пекине, в парке Бэй-хай, объектом любования и восхищения является знаменитая Стена девяти драконов, памятник искусства XVIII в. (построена в 1756 г.). Она представляет собой защитный экран, который в Китае принято ставить перед входом в жилище или во дворе, и выполнена из кирпича, облицованного рельефной, цветной глазурованной плиткой. Когда-то она служила ширмой перед входом в несуществующий ныне зал. Стена установлена на каменном резном постаменте и покрыта золотистой крышей из глазурованной трубчатой черепицы.

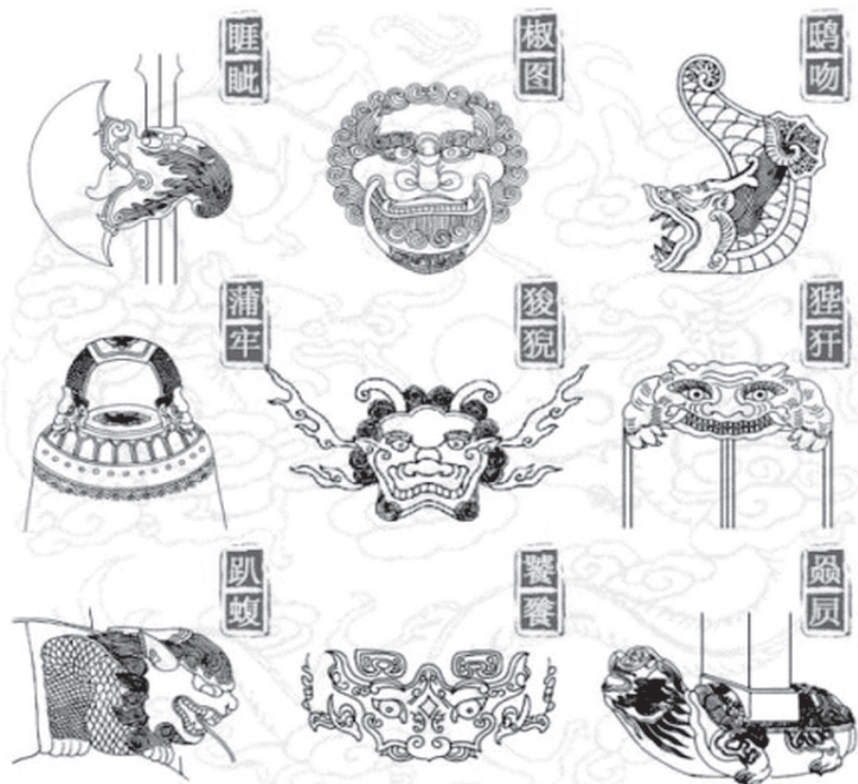
С двух сторон ее украшает по девять разноцветных драконов из обожженной глазури редкостной красоты, и все 18 драконов абсолютно разные. Они резвятся то ли среди волн, то ли среди облаков, забавляясь с жемчужинами. На самом деле драконов, если не лень, можно насчитать 642, потому что среди волн-облаков разбросано множество их маленьких изображений.

Высота стены — около 7 м, длина — 26 м, а толщина — 1,2 м. Качество работы впечатляет, если учесть, что за прошедшие столетия плитки абсолютно не изменили своего цвета, и выглядят столь же яркими, несмотря на то, что стена стоит под открытым небом.

Эти 18 крупных изображений на Стене, конечно, не имеют никакого отношения к девяти сыновьям дракона, однако их количество еще раз подчеркивает особое отношение китайцев к числу 9 (см. книгу «Жизнь среди символов»).

Можно добавить, что, начиная с династии Хань, дракон стал символом императорской власти, и его изображением украшали все предметы, которыми пользовался император. А императоры династии Цин даже учредили ордена Двойного дракона 1-й и 2-й степеней, 1-го, 2-го и 3-го классов. Подробнее о драконах рассказывается в моей книге «Жизнь среди символов».

Девять сыновей Дракона

Лю Бо-вэнь

Пекин нередко называют городом восьмирукого Нэ-чжи; разве не удивительно? На этот счет существует легенда, которую стоит пересказать. Люди говорят, что именно благодаря восьмирукому Нэ-чже удалось справиться со злым драконом, из-за которого место, где ныне находится столица, превратилось в юдоль скорби, мук и страданий для простых людей. Как же спланирован и построен Пекин?

Все началось с желания императора Чхэн-цзу (明成祖), который правил под девизом Юн-лэ (永乐) в течение 22 лет в период династии Мин, построить Северную столицу, т. е. Пекин. На 4-м году правления Юн-лэ по приказу императора по всей стране стали собирать самую лучшую древесину: в Сычхуани, Чжэцзяне, Цзянси, Хугуане, Шаньси...

О своем намерении император объявил высоким сановникам, и те предупредили правителя: «Место, на котором вы собираетесь строить столицу, особенное. Люди, живущие там, в течение многих лет страдают от злого дракона. Нам ни за что с ним не справиться, и мы просим Ваше Величество направить туда армию во главе с генералами!»

«Пожалуй, они правы, — подумал император, — нет у меня в государстве людей, способных разуть и небесные явления, и географию; умеющих общаться и с божествами, и с темными силами; нет талантов, способных создать столицу!» Император Юн-лэ обратился к генералам:

— Кто из вас может построить для меня столицу?

Те стали переглядываться, но никто не осмелился заговорить. Время шло, и молчание становилось опасным. Тогда вперед вышел Великий генерал Лю Бо-вэнь (刘伯温):

— Я! Я готов!

Второй генерал, Яо Гуан-сяо, который во всем завидовал Лю Бо-вэню, тоже сделал шаг вперед:

— Я тоже могу!

Император обрадовался; он знал, что оба генерала — выдающиеся люди, про них говорили: «и с драконом, и с тигром справятся», и он отправил их организовывать строительство Пекина.

Выполняя высочайшее повеление, Лю Бо-вэнь и Яо Гуан-сяо прибыли на место, где сейчас находится столица, разбили лагерь и начали ежедневно осматривать окрестности, прикидывая, как именно расположить город,

чтобы им не смог помешать злой дракон. Определив примерно, где будет расположен центр города, генералы наметили вертикальную линию с юга на север, по 7 *ли* в каждом направлении от центра. Затем, став спиной друг к другу в центре плана, один пошел на запад, другой — на восток, отметив по 5 *ли*, обозначив границы и начертив крест. Таким образом появился приблизительный план города.

Если говорить об их отношениях, то Великий генерал смотрел несколько свысока на Яо Гуан-сяо, а второй генерал завидовал популярности Лю Бо-вэня. Он думал: «Если план города будем создавать вместе, то лавры достанутся опять же генералу Лю, любимцу императора. А если работать отдельно, и мой план получится более удачным, появится надежда прославиться и мне». И он предложил:

— Место мы определили, размеры приблизительно обозначили. Теперь надо рисовать подробный план, и мне кажется, что лучше нам разделиться. Ты располагайся в восточной части лагеря, а я стану квартировать в западной, и пусть каждый составляет свой план. Встретимся через 10 дней; сядем спина к спине, и каждый нарисует свое. Нарисовав, сравним и посмотрим, что получится (в Пекине до сих пор существует выражение «Лю Бо-вэнь и Яо Гуан-сяо спина к спине рисуют план»).

— Хорошо, в твоём предложении есть рациональное зерно, давай так и сделаем!

Они разъехались по разным жилищам. В первые два дня генералы ни разу не вышли на местность, чтобы изучить рельеф и продумать расположение улиц и городских ворот. Они не могли ни есть, ни спать, потому что каждый все время слышал одну и ту же фразу: «Срисуй план прямо с меня, и все будет прекрасно!» Голос походил на детский и звучал постоянно.

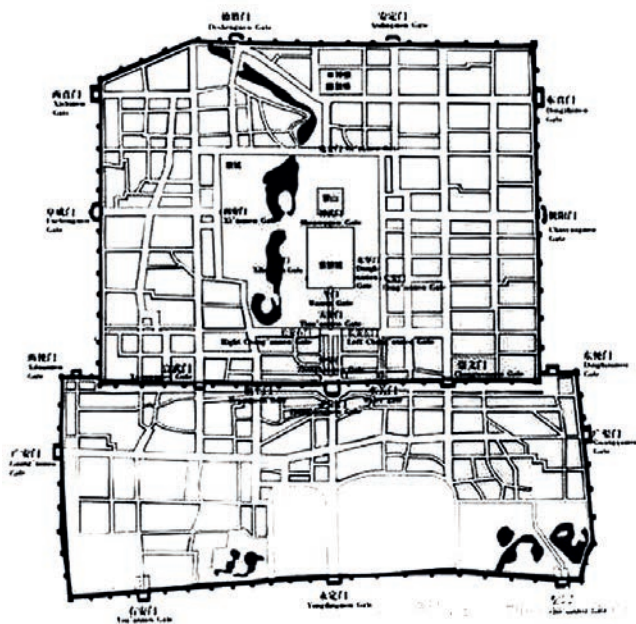
На третьи сутки оба свалились от утомления и крепко уснули. Им приснился один и тот же сон — ребенок в красной одежде, который упрямо повторял все те же слова. А когда Лю Бо-вэнь, наконец, вышел, чтобы осмотреться, он везде, куда бы ни направился, видел мальчика в коротких штанишках и красной курточке. Причем, если генерал Лю ускорял шаг, ребенок тоже шел быстрее; если Лю Бо-вэнь останавливался, и ребенок стоял.

А что было с генералом Яо? То же самое. И он увидел ребенка в коротких штанишках, и тоже не понял, кто это такой. Вернувшись домой, оба вновь услышали голос: «Рисуй план по форме моего тела, и все будет хорошо!» У

обоих мелькнула мысль: неужели ребенок в красной курточке — тот самый Нэ-чжа, о котором они так много слышали с детства? Не похоже, ведь у Нэ-чжи, говорят, должно быть восемь рук. Генерал Лю в восточной части лагеря подумал: «Если завтра еще раз встречу этого ребенка, присмотрюсь внимательнее». Об этом же подумал и генерал Яо в западной части.

Оба генерала, несмотря на то, что жили далеко друг от друга, видели и слышали одно и то же; даже мысли к ним приходили одинаковые. На следующий день оба вышли в сопровождении слуг, чтобы те помогли разглядеть мальчика. И они его увидели, и опять в красной курточке, но только она была несколько другого покроя: на плечах лежало что-то вроде пелерины или палантина, похожего на круглые листья лотоса; с плеч свисали длинные шелковые воланы, и когда их складки шевелились от ветра, казалось, что там спрятано несколько рук. «Как похоже на восьмирукого Нэ-чжу!» — подумал генерал Лю.

Карта Пекина

И с Лю, и с Яо произошло одно и то же. Сначала они, каждый отдельно, гонялись за мальчиком; естественно, безрезультатно. Затем спрашивали у изумленных слуг: «Вы видели этого мальчика?» На что те отвечали: «Нет, мы не видели ни одного человека, и удивляемся, почему вы так странно бегаете, то и дело меняя направление; мы еле за вами поспеваем!» И тогда генералы поверили: это наверняка Нэ-чжа!

Вернувшись, Лю Бо-вэнь на востоке, а Яо Гуан-сяо на западе, подумали одно и то же: «Нэ-чжа хочет помочь мне, а потому просит сделать план города в форме его тела. Ведь злой дракон боится Нэ-чжу, — ему не раз приходилось терпеть поражение в схватках с ним, и он не посмеет обижать жителей города, очертания которого напоминают фигуру Нэ-чжи».

Разница между мыслями двух генералов была лишь в том, что Яо мстительно воскликнул: «Иероглифу *да* (Великий) придется поменять место жительства. «Великим» стану я, а Лю в Стране девяти источников (страна мертвых) останется лишь зеленеть от зависти!»

На десятый день, ровно в полдень, генералы встретились, как и договаривались, на площадке в центре предполагаемого строительства. Для них установили два стола и стулья, и генералы уселись на них, спиной друг к другу. Лю Бо-вэнь сел лицом к востоку, где жил, а Яо Гуан-сяо — к западу. Обмакнув кисточки в тушь, они приступили к делу.

Когда работу закончили, генералы обменялись чертежами и через пару секунд расхохотались, ибо планы у них оказались абсолютно одинаковыми, напоминая очертания восьмирукого Нэ-чжи.

Что означает «город в форме тела Нэ-чжи»? Как известно, Пекин представляет собой прямоугольник; когда-то его окружала стена с многочисленными воротами. Их уже давно нет, однако названия ворот сохранились до сих пор; они дали имена соответствующим улицам.

Южные ворота, расположенные в центре стены, назывались Чжэн-ян *мэнь* (Истинно солнечные), и являлись головой Нэ-чжи. Тут надо пояснить, что все старые географические карты в Китае были «перевернуты», в нашем представлении; поэтому вверху находился юг, а внизу — север. Полукруглые стены, защищающие эти ворота, являлись как бы ушами Нэ-чжи. Два колодца у ворот заменяли Нэ-чже глаза.

Справа и слева, т. е. в восточной и западной стенах, ворота Чхун-вэнь *мэнь*, Дун-бень *мэнь*, Чхао-ян *мэнь*, Дун-чжи *мэнь*, а также Сюань-у *мэнь*, Си-бень *мэнь*, Фу-чхэн *мэнь* и Си-чжи *мэнь* стали руками Нэ-чжи.

В северной стене всего лишь двое ворот, и они заменили Нэ-чже ноги. Получается, в какие ворота ни сунется дракон, он везде натолкнется на Нэ-чжу.

Яо Гуан-сяо высказал сомнение:

— Без внутренних органов Нэ-чжа получится пустым, неживым.

— Это легко исправить, — откликнулся Лю Бо-вэнь, — смотри, в центре мы расположим небольшой прямоугольник, — запретный императорский город, который тоже окружим стеной. Вот этот «город в городе», императорский дворец, и станет «пятью внутренними органами» Нэ-чжи (китайцы выделяют пять главных внутренних органов: сердце, печень, селезенка, легкие и почки). Чжэн *мэнь*, или Тхень-ань *мэнь*, станет ртом; от него проходит длинная улица, — пищевод Нэ-чжи. В том месте, где спрятаны внутренние органы, с обеих сторон расположены ребра, — широкие улицы; а маленькие ребра — узкие улочки-хутхуны.

Поскольку оба во сне увидели одно и то же, план начертили совместно. Однако Лю Бо-вэнь заметил, что в чертеже генерала Яо северо-западный угол города срезан, и линия стены в этом месте получилась косой.

— Почему? — спросил он.

— Я так увидел во сне!

Спорить бесполезно, — каждый отстаивал свой вариант. План показали императору. Западная часть, которую выполнил генерал Яо, так и осталась косой, а восточная часть оказалась ровной. Первое место за выполнение задачи император присудил Великому генералу, а второе — Второму генералу.

— А по чьему плану будут строить город? — спросил Лю.

— По обоим, — ответил император Юн-лэ.

Поэтому и поныне «прямоугольник» Пекина не совсем прямой, если посмотреть на карту: северо-западный угол так и остался срезанным.

При распределении мест Великий генерал Лю не придавал этому факту никакого значения, зато Второй генерал Яо, чем больше думал об этом, тем становился печальнее, ведь он был болезненно тщеславным. По этой причине он вскоре постригся в монахи, разочаровавшись в своей карьере, и, уже будучи монахом, наблюдал со стороны, как Великий генерал Лю строил «свой Пекин».

Но и Лю Бо-вэнь недолго оставался генералом, и об этом — следующее сказание.

Лю Бо-вэнь — покровитель гильдии мастеров сахарных игрушек

В Китае существует древнейшее народное искусство — выдувание из расплавленного сахара удивительных игрушек: зверушек и человечков. Ими можно любоваться, а можно и съесть. В старину дети ими, конечно же, лакомились, вдоволь наигравшись, — за гигиеной тогда мало кто следил.

Надо сказать, что эти мастера, к сожалению, почти исчезли. Лишь в последние годы, с возрождением интереса к собственной истории и культуре, таких людей разыскивают и просят продемонстрировать свое мастерство раз в году — на храмовых праздниках в честь Нового года.

На каждой ярмарке можно встретить одного-двух таких мастеров, окруженных толпой зевак. Зачарованно, забыв закрыть рот, следят за руками умельца не только дети, но и взрослые.

Если тех, кто работает со стеклом, называют стеклодувами, то этих мастеров можно назвать сахародувами, поскольку принцип работы очень похож. Интересно, что весь их инвентарь абсолютно «допотопный», т. е. именно такими инструментами пользовались их деды и прадеды, и умещается все в небольшой сумочке, прикрепленной к велосипеду.

В выдавшей виды алюминиевой кастрюльке кипит сахар; мастер вынимает немного ярко-желтой массы, вставляет в нее тоненькую трубочку, через которую выдувает будущее изделие. Сначала получается шарик, и вот тут начинается искусство, потому что сахарная масса на холодном воздухе остывает очень быстро; чуть зазеваешься — и заготовка превратится в твердое «стекло».

Из полого шарика надо пальцами слепить задуманную фигурку: где надо — сдавить, где необходимо — поддуть воздуха. В результате изделие получается невероятно красивым, изящным, очень похожим на прототип.

Как правило, ребенок подходит к мастеру, протягивает 10 юаней и заказывает «тему». Обычно дети просят изготовить либо животное из знаков зодиака, к которым они относятся, либо животное, покровительствующее данному году, ведь дело происходит в праздничные, новогодние дни.

Фантазия детей в этом случае не слишком богата, зато мастер изготавливает зверушек не только с удивительным искусством, но и с большим юмором. Выполнив заказ, сахародув втыкает снизу, в еще теплую и мягкую массу, палочку и протягивает ребенка.

Одна из излюбленных тем — креветки: уж очень натуральными получаются длинные, невероятно тоненькие (волосяные!) усики из расплавленного сахара. И ходят по территории парка или храма счастливые дети, неся на палочках пузатую рыбку, дракончика с выпученными глазами и разинутой пастью или мышку, забравшуюся на мешок с зерном или тыкву-горлянку.

Но какое отношение имеет известная личность, Великий генерал, к фигуркам из сахара? В Китае представители практически всех ремесел и видов искусства имеют своих небесных покровителей; например, Люй дунбинь, один из Восьми бессмертных — покровитель парикмахеров, а Лу Бань, умелый зодчий, живший в давние времена, стал покровителем столяров.

Знаменитые люди всегда на виду; к сожалению, даже самые добрые, положительные и талантливые из них могут иметь недоброжелателей и завистников. И от этого жизнь знаменитостей наполняется дополнительными приключениями, только так и надо на это смотреть. Вот что однажды произошло с Лю Бо-вэнем.

В стране правил первый император династии Мин под именем Тхай-цзу. К слову напомним, что у каждого императора было по три имени: его подлинное, имя, под которым он правил, и девиз правления, который он выбирал. Девиз одновременно являлся тем именем императора, которое разрешалось произносить.

Суеверные китайцы очень боялись все называть именем великого правителя. Так, по девизам, их упоминают и до сих пор: Цень-лун, Юн-чжэн, Гуан-сюй, Тхун-чжи... Поэтому, если мы говорим, например, что на территории российского Посольства в Китае находится огромный треножник, подаренный Российской Духовной миссии самим императором Кхан-си, это значит, что мы имеем в виду императора Шэн-цзу, который правил под девизом Кхан-си.

Первый император династии Мин своим девизом избрал Хун-у, однако в легендах, которые сложились после его кончины, императора почему-то называют подлинным именем Чжу Юань-чжан, вопреки тому, о чем сказано выше.

Этот император очень боялся за свой трон (и напрасно, потому что просидел на нем 31 год). Он принадлежал к тем правителям, которые приходили к власти в смутное время, на гребне крестьянских войн, а не законным путем. Можно сказать, «вскарабкавшись на трон», он основал новую династию, кстати сказать, предпоследнюю вообще и последнюю — китайскую. Потому что после Минов пришли маньчжуры, захватившие Китай и основавшие Цин.

Чжу Юань-чжану все казалось, что его подсиживают, что множество людей вокруг мечтают занять его место. Чтобы не сидеть, сложа руки, в ожидании

переворота, он начал грандиозную чистку, убивая самых талантливых чиновников, ярких людей, — ведь именно они, казалось императору, могли претендовать на власть.

Но просто так, ни с того, ни с сего, даже император не мог уничтожить известного человека. Поэтому приходилось плести тонкие, как паутина, интриги, а иногда идти напролом, «лошадиными копытами». Многие наивные подданные, которые верили в доброе отношение к ним императора, уже погибли. Однако Лю Бо-вэнь слыл опытным сановником с чрезвычайно развитой интуицией, и решил он провести императора и спасти свою жизнь.

Когда «пламя», в котором генерал должен был погибнуть, подобралось совсем близко, Лю Бо-вэнь написал доклад императору с просьбой принять его. Во время аудиенции он изложил свою тревогу: «Я, ничтожный, наблюдал ночью странные небесные явления. В северо-западной части все окрасилось красным. Это значит, что в провинции Шаньси, в горах Два Дракона, скоро появится, спустившись на землю, небесный дух-звезда. А вскоре после этого произойдут страшные события в Поднебесной, начнутся волнения и смута; так что надо заблаговременно повлиять на события, попытаться избежать зла.

Для того чтобы защитить великую династию Мин, чтобы она могла править десять тысяч лет и стать столь же вечной, как горы и реки, я прошу Ваше Величество отправить меня в те места, и я установлю там стелу-памятник с изображением дракона. Эта стела сделает *фэн-шуй* в тех местах благоприятным: небесный дух, если и спустится, то превратится в заурядное существо, неспособное пошатнуть основы династии».

Суеверный Чжу Юань-чжан давно знал о невероятных умениях Лю Бо-вэня, который мог предсказывать будущее. К тому же, на сердце у императора было очень беспокойно, он боялся переворота, как уже говорилось, а потому согласился: предостережение попало на благоприятную почву, император ни на минуту не усомнился в правдивости слов генерала.

— Задача очень сложная, — ответил он, — пожалуй, во всей Поднебесной не сыщешь никого, кроме тебя, кто мог бы справиться с ней.

И пришлось императору отдать приказ о направлении Лю Бо-вэня в Шаньси для установления там стелы.

Однако Чжу Юань-чжан был очень осмотрительным человеком и к людям относился с недоверием; поэтому, едва генерал отправился в дорогу, как император подумал: «Сомневаюсь, что здесь замешана мистика! Не может быть такого совпадения. Почему небесный дух не спустился на землю раньше,

а сделал это именно тогда, когда я решил расправиться с Лю Бо-вэнем? А что, если генерал просто морочит мне голову?!»

И он отправил вслед за генералом евнуха, своего доверенного слугу, наказав не спускать глаз с Лю Бо-вэня. Евнух скакал на быстром коне почти без отдыха, и уже почти на самой границе Сычхуани догнал Лю Бо-вэня.

Но ведь генерал видел людей насквозь, и он сразу понял, что настигший его евнух — недобрый человек, а потому встретил его подчеркнуто спокойно. Чтобы ввести евнуха в заблуждение, Лю Бо-вэнь целыми днями, с утра до вечера, изучал гору Два Дракона, глубокомысленно измеряя шагами то западный склон, то восточный, и при этом безостановочно, со специальными терминами, рассказывал евнуху об искусстве специалистов по *фэн-шуй*, заморочив голову так, что совершенно сбил того с толку. В таких случаях китайцы говорят: «Монах ростом под три метра, — даже макушку его не потрогаешь!»

Наконец, генерал нашел подходящее место и приказал поставить там стелу с изображением дракона с пятью когтями на лапах. (Только у «императорского» дракона, украшавшего его посуду, утварь, одежду, мебель и пр., могло быть пять пальцев, все остальные имели лишь четыре). Впоследствии местные жители в течение многих лет поклонялись этой стеле с символом императора.

Дело было сделано, и настало время возвращаться в столицу. В тот же вечер Лю Бо-вэнь устроил прощальный прием. Пригласил местную знать — военных и гражданских чиновников, чтобы рассказать им о выполнении императорского указа.

Евнух, подосланный следить за генералом, расслабился, решив, что ничего плохого уже не может произойти: ведь завтра с утра они двинутся в обратный путь. Поэтому он стал пить чарочку за чарочкой, пока не свалился пьяный на циновку.

Дождавшись, пока все уснут в доме, и стихнет шум на улице, Лю Бо-вэнь переоделся в халат даоса и незаметно выскользнул в ночь. Наутро евнух обнаружил, что генерала в доме нет. Дело оборачивалось большими неприятностями, и за невыполнение приказа евнух мог поплатиться жизнью. Что делать?

Он вспомнил, что раньше генерал слыл известным прорицателем, как говорят, «господином *Фэн-шуй*». Вполне возможно, что он и впредь собирается зарабатывать на жизнь этим занятием. Поэтому евнух оповестил все

заставы, чтобы немедленно задерживали всех, одетых в даосское платье, кто практикует *фэн-шуй*. Хватать всех подряд, а там разберемся!

Приказ евнуха велели держать в строжайшем секрете, так что до Лю Бо-вэня он дойти не мог. И тот, как ни в чем не бывало, шел по дороге в хорошем настроении, напевая что-то себе под нос.

Через некоторое время он увидел старого уличного торговца с коромыслом на плече. Поравнявшись, тот снял с плеча коромысло и поставил на землю тяжелые плетеные короба с сахаром. В руке он держал барабанчик на палочке, к которому на двух коротких веревочках были привязаны шарики. Когда торговец резко поворачивал барабан вокруг своей оси то вправо, то влево, шарики стучали по натянутой коже. Обычно люди, услышав этот звук, выбегали на улицу, зная, что торговец принес сахар.

Старик обратился к Лю Бо-вэню с большим уважением:

— Скажите, пожалуйста, ваша фамилия Лю?

— Нет, моя фамилия Чжан, — соврал переодетый генерал.

А сам подумал: «Уж не император ли разыскивает меня? Откуда старик знает мое имя?»

— Ты не бойся, — прочитал его мысли торговец, — императорскому генералу следует быть храбрым. Я обычный человек, и у меня нет никаких причин обижать тебя, вредить тебе.

— Как ваши высокая фамилия и великое имя, дядюшка? — спросил, в свою очередь, изумленный Лю.

— А вот моя фамилия именно Чжан. И мне сегодня посчастливилось встретить самого генерала Лю Бо-вэня!

Старик взял Лю за рукав халата и потащил к полуразвалившемуся шалашу. Убедившись, что на дороге никого нет, он в двух словах рассказал Лю о том, что его разыскивают. Тут только генерал понял, что торговец пришел спасти его.

— Так кто же вы такой? — спросил он.

— Не надо задавать слишком много вопросов; переодевайся скорее!

С этими словами он стащил с себя одежду уличного торговца, — шапочку и коричневый халат. Затем надел костюм даоса, который протянул ему Лю. Старик Чжан вручил генералу барабанчик и передал коромысло с товаром. Не сказав больше ни слова, старик поторопился уйти.

С тех пор Лю Бо-вэнь, как говорится, «закопал свое имя и спрятал свою фамилию». Ежедневно он выходил на работу с коромыслом на плече и, гремя

барабанчиком, обменивал сахар на всякое тряпье, как сказали бы сейчас — вторсырье. Причем, ходил не широкими улицами, а кривыми переулками, прячась в бедных кварталах. В свободное время, от нечего делать, бывший генерал плавил сахар и выдувал из него петушков, собачек, человечков для детей бедноты. Фантазия у него была богатой, и Лю создавал все новые и новые образы; причем, все изделия получались очень правдоподобными и радовали детишек.

Лю Бо-вэнь часто думал: «Быть в дружбе с императором так же опасно, как ходить по лезвию ножа. С детьми — совсем другое дело! Они не смотрят, как ты одет, какое у тебя лицо, какая у тебя должность; с ними не надо вести себя, как «золотая цикада, сбрасывающая оболочку», т. е. хитрить, спасая свою жизнь». Лю Бо-вэнь стал веселым, забыв тяжелое бремя своей недавней должности и службы. Он ходил с коромыслом, смеялся и шутил, чем еще больше привлекал и детишек, и их родителей.

Торговля его процветала, а потому многие приходили к нему и с поклоном просили взять в ученики. Лю Бо-вэнь никому не отказывал, и учеников-последователей у него набралось несчетное количество. Обучившись ремеслу, они колесили по всей стране, продавая сахарных человечков, собачек и уток, неплохо зарабатывая. Постепенно среди торговцев сформировалась отдельная отрасль — сахародувное производство. А Лю Бо-вэнь стал святым-покровителем этих ремесленников.

Генералы-охранники Хэн и Ха

В период династии Мин был написан роман «Присвоение святости», или «Возведение в ранг духов» (封神演义), в котором автор произвольно создал образы охранников по имени Хэн и Ха, заимствовав идею из буддизма. В религии, пришедшей в Китай из Индии, существуют два божества-полководца, которые призваны защищать главный вход в буддийский храм.

Вид у обоих великанов свирепый, и они обладают техниками магии. Одного зовут Чжэн-лунь (郑伦), и он способен мощно хмыкать носом, извергая клубы белой субстанции, поражающей врагов, и звук его хмыканья подобен колокольному звону. В иных источниках утверждается, что Чжэн-лунь выпускал из ноздрей два белых луча, подобных молнии, и эти лучи вытягивали из человека душу, без которой тот погибал. Другого зовут Чхэнь-цзи (陈奇), и этот второй генерал обладает способностью выдыхать ртом желтую субстанцию, подавляющую недругов.

Поскольку звукоподражание «хмыкать носом» по-китайски — хэн (哼), а «выдыхать ртом» — ха (哈), то в простонародье и закрепились именно эти имена: Хэн и Ха. На родине буддизма, в Индии, две статуи, охраняющие вход в храм или монастырь, на санскрите называются богатырями Ваджры (Vajradhāra), защитниками буддийской веры.

Со временем имена охранников Хэн и Ха стали аллегорическими, их используют, иносказательно намекая на двух людей, состоящих в преступном сговоре, либо на начальника и его подручного, который, будучи уполномоченным и имея прикрытие, становится властным, заносчивым, пренебрежительным к людям.

Описываемые охранники Хэн и Ха, свирепые великаны, располагаются справа и слева от главных ворот (山门) буддийского храма. При этом устанавливают их не спиной к воротам и лицом — к входящим, а в нишах первого зала, лицом друг к другу, чтобы между ними и «мышь не проскочила». Такое помещение в буддийских монастырях называется «драгоценный зал великих героев» (大雄宝殿).

Хэн и Ха относятся к бодхисаттвам, являясь самыми известными охранниками входа. Они действительно огромны и впечатляют-подавляют входящих.

Чтобы подробно разглядеть детали, приходится задирать голову. В Китае их изготавливают из глины и ярко, красиво расписывают разноцветными красками и лицо, и роскошные генеральские одежды, используя и позолоту. Торс у них оголен, чтобы всем были видны великолепные мышцы, но и одежда не скрывает мощности тела. В руках — боевое оружие. Глаза великанов выпучены, а ноздри свирепо раздуты (китайцы говорят очень образно: «натянуты, как барабан», 鼓鼻, либо «ноздри трепещут, как веер», 扇动鼻子).

Согласно буддийскому учению, великаны-охранники держат в руках чрезвычайно прочное и острое оружие ваджру, по-китайски — *цзинь-ган-чху* (金剛杵). Это металлическая палица с шипами (их может насчитываться 4, 100 или 1000), которая символизирует прочность и вечность (бессмертие).

В китайской мифологии при жизни, до канонизации, оба генерала слыли известными людьми. Охранник Хэн по имени Чжэн-лунь служил великим полководцем в армии жестокого тирана Чжоу-вана (纣王) династии Шан.

Позже он стал учеником праведника Ду-э (度厄). Поскольку Чжэн-лунь был настойчив и почителен, приглашая праведника стать его учителем и наставником, а потом стал ревностным и добросовестным учеником, то со временем Ду-э полюбил его, как лучшего своего последователя. В результате Чжэн-лунь овладел всеми способами магии, заговоров, заклинаний и колдовства. Именно у праведника бывший генерал научился выдувать ноздрями звук мощного колокола и две струи смертельной для врагов субстанции. Во время сражений армий Шан и Чжоу Чжэн-лунь нередко использовал свое умение, поражая солдат противника.

Со временем, разочаровавшись в своем правителе, сошедшем с праведного пути, полководец перешел на сторону царства Чжоу, в котором гуманно и справедливо правил Вэнь-ван, а затем — его сын У-ван. (Подробно об этом периоде написано в главе о Цзян Цзы-я данной книги). Во время очередного сражения двух княжеств Чжэн-лунь погиб, сраженный одним из генералов бывшей родины, царства Шан.

Охранник Ха в обычной жизни носил имя Чхэнь-ци и тоже был подданным царства Шан, занимая должность ответственного за провиант в армии. В свое время и он был посвящен в тайны эзотерического учения выдающимся человеком с горы Кхунь-лунь, благодаря чему получил много умений, помогающих справляться со злыми духами. Во времена сражений он тоже пользовался вновь обретенным умением, побеждая врагов, оставаясь на стороне своего правителя Чжоу-вана. Но и он не избежал смерти в бою.

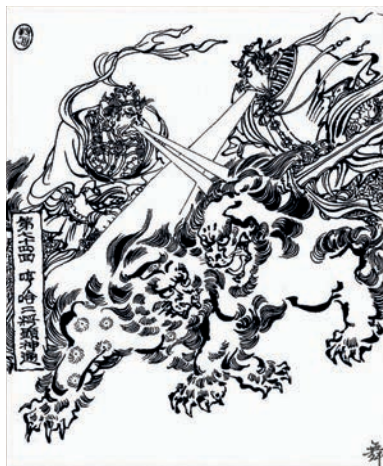

Когда правитель вассального царства Чжоу вступил в сражение с тираном Чжоу-ваном, стремясь уничтожить династию Шан, Чхэнь-цзи был заколот генералом по имени Нэ-чжа (哪咤).

После того, как царство Чжоу уничтожило Шан, знаменитый стратег Цзян Цзы-я канонизировал многих заслуженных героев, великих людей, независимо от того, на чьей стороне они воевали, в каком царстве жили. Чжэн-лунь и Чхэнь-цзи стали защитниками буддийского учения и охранниками главных ворот в буддийских монастырях.

Данные сведения почерпнуты из уже упоминавшегося произведения «Возведение в ранг духов». В индийской мифологии существует иная версия происхождения знаменитых охранников. Якобы, в глубокой древности правитель одного из княжеств родил со своей супругой 1000 сыновей, и практически все они стали буддами. Лишь самые младшие братья, которых звали Цин-е-цзи и Лоу-чжи-дэ (китайская транскрипция), добровольно и осознанно решили стать хранителями буддийского учения и охранниками входа в буддийские монастыри во всех странах, исповедующих данное учение, с целью защиты своих старших братьев, ставших буддами.

Охранники столь впечатляющи, что любители тату среди китайских мужчин нередко набивают на своем теле изображение данных героев.

ДРУГИЕ МОНАХИ

Цель нашей книги — рассказать как можно подробнее о самых знаменитых монахах Китая. В народе их так любят, что из поколения в поколение, из века в век передают сказания и легенды о них, воспевают в произведениях народного искусства — вышивке, резьбе, фарфоровой пластике и даже упоминают их имена в пословицах и поговорках.

Ниже предлагаем читателю еще несколько историй о людях, которых нельзя назвать настоящими монахами. Линь Хэ-цзин, знаменитый поэт, хоть и провел всю жизнь в отшельничестве, употребляя лишь постную пищу, однако жил не в монастыре, а в своей хижине на горе.

Лу Чжи-шэнь, знаменитый генерал, воспетый в классическом романе «Речные заводы», хоть и жил какое-то время в монастыре, облачившись в буддийскую рясу и повесив на шею длинные четки, однако в душе не чувствовал монашеского смирения, пил вино и дебоширил.

Последние три монаха даже имен не имеют, потому что их образы являются символическими, а сами они — персонажами притчи, вошедшими в поговорку.

Отшельник Линь Хэ-цзин

Покрытая лесом, гора зеленеет *У-шань*,
Напротив — другая под лесом зеленым, — *Юэ-шань*,
И обе горы, разделенные бурной рекой,
С ее берегов друг на друга взирают с тоской.
И кажется, тянут в мольбе и отчаянии руки.
Известно ли вам, каково быть влюбленным в разлуке?

*Линь Хэ-цзин, «Долгая тоска в разлуке»
(Здесь и далее перевод Исаевой Л.)*

Загадочная статуэтка

Фарфоровая статуэтка, изображающая седого мужчину с цветком сливы в руке и журавлем у его ног, не только является одним из сокровищ моей коллекции, но и в течение долгих лет представляла собой загадку, скрывающую жгучую тайну.

При покупке она поразила нас красотой и лаконичным изяществом, пластикой и выразительностью, скромностью формы и цвета, а также удивительной легкостью не только самого изделия, но и образа человека, как будто он — не от мира сего. В работе чувствовался недюжинный талант мастера.

На пожилom мужчине белый шелковый халат с поясом и расшитым воротником бледно-оранжевого цвета. Длинный и широкий рукав правой руки развеивается на ветру, а в сухощавых пальцах — розоватый нежный цветок. Левая рука заложена за спину. Волосы, собранные на макушке в пучок, прикрыты специальной косынкой со шнурком (головная повязка *пху-тхоу*, 幘头). Слева от мужчины — белый журавль с черным оперением на хвосте, а у ног — корявая сосна с густыми метелочками иголок. Такое впечатление, что человек, слегка ссутулившись, стоит на невидимой нам горе.

Я давно знаю, что в работах из фарфора не может быть ничего лишнего: каждая деталь, каждый атрибут являются подсказкой, намекающей на имя героя. Значит, жизнь и судьба старика должны быть как-то связаны и с

соснами, и с журавлями, и с цветами сливы. Его аскетичная худоба и тонкая шея тоже о многом говорят: это не сытый чиновник или богач.

Я была уверена, что смогу в ближайшее время «расшифровать» этот удивительный образ, прибегнув к помощи знакомых китайцев, как делала это уже не один раз. Ведь продавцы далеко не всегда способны назвать имя героя, чаще всего для них это просто товар, который нужно выгодно продать.

Но с седым человеком, в фигуре которого удивительно сочетались и мужественность, и изящество, все оказалось гораздо сложнее. К нам приходили в гости и профессора, и журналисты, и бизнесмены, и простолюдины, и всех, после обеда и развлечений, я подводила к заветной полочке в шкафу с загадочной фигуркой. Но никто не смог мне помочь, никто не идентифицировал загадочного мужчину.

Однажды у нас в доме оказался случайный человек, имя и лицо которого я даже не запомнила, но в память врезалась его необычная речь: он говорил торопливо, невнятно, то и дело запинаясь и спотыкаясь. По привычке подвела его к загадочной статуэтке, ни на что не надеясь, а китаец вдруг уверенно произнес: «Знаю! Цветок сливы — его жена, а журавль — его сын». «Что за бред, — подумала я, — другие хоть честно признавались, что не знают».

Прошло больше десяти лет. Однажды, оказавшись в городе Ханчжоу, о котором китайцы говорят, что «на небе есть рай, а на земле — Су и Хан» (Сучжоу и Ханчжоу), я решила показать внучке знаменитое озеро Си-ху (Западное озеро). Ранее я неоднократно бывала в Ханчжоу, но удивительных мест в каждом древнем городе так много, что за короткое пребывание все не успеешь рассмотреть и посетить.

Решив основательно подойти к изучению памятных мест на берегах уникального озера, мы подошли к стенду с картой местности и стали записывать названия. И вдруг я увидела надпись: «Сажал сливовые деревья и разводил журавлей, а потому сливовые деревья люди называли его женами, а журавлей — его сыновьями» (种梅养鹤, 故有«梅妻鹤子»). Со мной, эмоциональной женщиной, чуть не случился сердечный приступ. Только настоящий, увлеченный коллекционер сможет меня понять.

Мы бежали по горам (а вокруг озера Си-ху — сплошные горы), как будто памятное место могло нас не дожидаться! Но ведь этой встречи, разгадки этой тайны я ждала более десяти лет! На фоне нашего нетерпения удивительной казалась реакция работников и служителей парка Си-ху, мужчин и женщин. Время от времени мы обращались к ним, чтобы уточнить путь, и при этом я показывала переписанные с карты иероглифы, не надеясь на свое произношение, ведь там, на юге, — свой диалект.

Однако все отвечали, что понятия не имеют об этом месте... А один из служителей музея в военизированной форме, к которому мы обратились, взглянув на иероглифы, долго и нутжно думал, не зная, как нам помочь, а потом с надеждой спросил: «Вы хотите поесть?» Видимо, он знал, где находится местный ресторанчик, но никогда не слышал о знаменитом поэте.

Подробное описание нашего марафона и общения со служителями парка — отдельный рассказ для главы о психологии китайцев. В конце концов, нужное место мы нашли сами. Гора зеленела вековыми деревьями, радовала глаз цветущими камелиями и орхидеями. А у самого берега раскинулся сад из деревьев дикой сливы.

Ежегодно в месяце *ла* (последний месяц в году по лунному календарю), когда дуют холодные ветра, появляется дивное благоухание невидимых цветов. Кажется, что это аромат пищи бессмертных, неповторимый и изысканный. Но знатоки сразу поймут: это зацвели деревья дикой сливы *мэй*, и поспешат подойти поближе, чтобы полюбоваться цветами под снегом.

И что же мы узнали о прототипе статуэтки? Имя героя — Линь Хэ-цзин (林和靖), это был поэт династии Сун. На берегу озера установлена стела со стихами «Танцующие журавли». В стихах — 400 слов, а вокруг беседки, восстановленной в память об этом человеке, посажено 400 сливовых деревьев, которые в конце зимы, когда еще не сошел снег, радуют своими небольшими розоватыми цветами. Беседка носит название Павильон журавлей (放鹤亭), а дословный перевод — Павильон, где выпускают на волю журавлей.

Поэт жил, конечно же, в скромном шалаше, а беседку построили в память о нем потомки. С годами строения ветшали, и их заменяли новыми. Нынешний павильон был сооружен в 1915 году.

Фамилия поэта переводится, как «лес», «роща», а имя из двух иероглифов — как «мирный», «спокойный». Однако имя это, оказывается, совсем

не то, которое дали ему родители. Один из императоров династии Сун, Тхай-цзун, написал о поэте: «Настоящее имя скрывал, а неофициальным именем представлялся».

Когда-то талантливый человек Линь отошел от дел, удалился от суеты и стал жить скромным отшельником у озера Си-ху, на горе Гу-шань, что, кстати, переводится как «одинокий», «бобыль», поэтому в некоторых источниках гору называют «гора Отшельника». На озере Си-ху имеется четыре острова, и на самом большом из них, центральном, как раз и расположена гора Гу-шань, высота которой около 38 м, так что это самая маленькая гора на озере. В современном Ханчжоу остров связан с центром города двумя старинными мостами.

В течение 20 лет Линь Хэ-цзин, живя на острове, на горе, писал стихи, рисовал, разводил журавлей и оленей, а также высаживал любимые деревья дикой сливы, многократно прославленной китайцами в живописи и поэзии, т. к. считал их совершенством красоты и не уставал ими любоваться, воспевая в стихах и картинах. Кстати, журавлей у него было всего двое, а не множество, как мне представлялось по аналогии с большим количеством сливовых деревьев.

Он любил сидеть под деревом сливы с рюмочкой вина в руке и любоваться танцем журавлей, которые в Китае считаются символом и атрибутом небожителей.

Поэт Линь был не без юмора. Когда одинокого человека изредка проводывали на горе Отшельника, на вопрос, почему он, такой красивый и талантливый, уединился здесь и не желает жениться, отвечал, указывая на красоту вокруг: «Цветы — мои жены, журавли — мои сыновья!» Так вот, откуда пошла эта странная фраза! Спасибо китайцу, имени и лица которого я не помню! Если бы не его пояснение, ставшее путеводной ниточкой, я бы никогда не нашла ответ на вопрос о фарфоровом герое с цветком в руке!

Умер Линь Хэ-цзин в 1028 году. Он получил посмертное почетное имя, как это было принято в Китае, отражающее заслуги покойного, — «господин

Хэ-цзин», т. е. «тихий, мирный господин». Посмертный титул полностью совпал с его образом жизни.

Здесь же, на горе Гу-шань, находится и могила поэта. Надпись на памятнике рассказывает, что в эпоху Юань некий буддийский монах по имени У-лень-чжэнь (物琏真伽僧), проделал долгий путь, чтобы поклониться праху Линь Хэ-цзина. Добравшись до горы Гу-шань, он решил открыть могилу, чтобы убедиться: действительно ли тут покоится поэт-отшельник. Однако в захоронении нашел лишь каменную тушечницу и яшмовую шпильку из прически Линя. Удивленный и испуганный монах привел могилу в порядок и удалился.

Трудно сказать, что хотели этим подчеркнуть китайцы, возможно, намекали на то, что поэт стал небожителем, покинув могилу...

В 1964 году могила полностью разрушилась, и только в 1987 году она была в очередной раз восстановлена.

Надо сказать, что впоследствии другие литераторы и художники стали подражать прославленному поэту сунской эпохи Линь Хэ-цзину, певцу дикой сливы *мэй* и вольной жизни, эстету-отшельнику, который в одном из стихотворений писал «Друг мне — журавль, а дикая слива — жена». Например, выдающийся художник эпохи Юань по имени У Чжэнь, копируя Линь Хэ-цзина, посвятил себя воспеванию дикой сливы. Территорию вокруг своего дома он обсадил сливовыми деревьями, и ежегодное любование их цветением стало главным событием и праздником в его монотонной и размеренной жизни. Словосочетание *Мэй-хуа* — «цветущая слива» — впоследствии стало его псевдонимом.

Вот и все, что мне удалось узнать на горе Отшельника о поэте, статуэткой которого я столько лет любовалась. Для первого раза — немало: узнала и имя, и о последних 20 годах жизни. А теперь предлагаю более подробное его жизнеописание, ибо, уверяю читателя, это единственный подробный рассказ на русском языке об этом неординарном человеке, да и перевода его стихов я тоже нигде не встречала.

Бесконечно одинокий и несчастливый

Линь Хэ-цзин родился в 967 году, в крестьянской семье в деревушке *Хуан-сень* уезда *Фэн-хуа*, недалеко от города Нинбо. Правда, в этом вопросе нет единодушия, ибо в некоторых источниках утверждается, что он родился в *Цень-тхан*, что в Ханчжоу.

Однако в пользу первой версии свидетельствует целая история. В последние годы правления императора Цинь Ши-хуана жили и прославились «четверо седовласых». Так их прозвали потому, что головы, брови и усы у всех были белыми, ведь каждому из стариков было более 80 лет. Старцы бежали из-за бесчинств Ши-хуана в горы **Шан-шань** (商山), что в провинции Шэньси, и вернулись в обычный мир только после воцарения новой династии Хань и восстановления порядка. С древности их называли «Четверо седовласых с горы **Шан-шань**», что по-китайски звучит *шан-шань сы-хао* (商山四皓).

Старцев звали Ци Ли-ци (绮里季), Ся **Хуан-гун** (夏黄公), Лу Ли (用里) и Дун Юань-гун, или просто Юань-гун (东园公), который жил в саду, за что и получил такое имя-прозвище — Господин сада.

Много лет спустя одна из ветвей предков рода поэта Линь, а именно Линь Дэн-юнь с четырьмя сыновьями, переселились в **Фэн-хуа** из провинции Фуцзень в период Пяти династий. Причем, третий и четвертый сыновья впоследствии переехали в другое место, — город **Ган-бэй** района **Сян-шань**, что недалеко от Гуйлинь.

Переселенцы были, видимо, грамотными, образованными и деятельными людьми. Они основали селение, которое позже расширилось за счет вновь прибывших людей. Но в Китае считалось очень важным дать «правильные» названия самому селению и горам, его окружающим, а также реке. Будучи людьми начитанными, хорошо знающими историю, предки Линь решили использовать известные имена периода правления династий Цинь и Хань.

Долину они называли именем одного из старцев-отшельников, — **Да-ли Хуан-гун**, только последний иероглиф *гун* («господин») заменили на *сень* («высоконравственный»). В этом названии *да-ли* означает «большая верста», а Хуан-гун — имя Ся Хуан-гуна. Гору, что защищала деревню с юга, как ширма, семья Линь назвала **Шан-шань**, в память все о тех же добродетельных старцах.

Итак, фамилия нашего героя — Линь, а настоящее имя, данное при рождении, — Бу, и значение этого иероглифа — «бежать», «скрываться». Китайцы всегда были очень суеверными, а потому нередко давали подобные имена своим детям, надеясь обмануть злых духов, чтобы ребенок прожил долгую жизнь. Его второе, неофициальное имя, которое взрослый человек обычно подбирал себе сам, — Цзюнь-фу, что можно перевести как «господин вернулся». Взяв это имя, наш герой проявил отменное чувство юмора: родители боялись его потерять, а потому называли «Убежавшим». Но все опасности, поджидавшие малыша, болезни

и рискованные ситуации остались позади, и взрослый Бу назвал себя «Вернувшимся господином».

Что касается его посмертного имени Линь Хэ-цзин, под которым он стал известен, то так его называли, намекая на его отшельнический образ жизни, и именно это имя за ним закрепилось в народе.

Детство его было непростым. Линь Бу (林逋) рано потерял отца, и семья жила очень бедно. Мальчик много болел, но учился охотно. Он самостоятельно (ибо школы в селении не было) выучил наизусть все канонические книги и исторические сочинения. В написании стихов, каллиграфии и живописи не было ему равных. Вот только в шахматы играть не научился, — за неимением партнеров, не будешь же играть в одиночку! Станным он был ребенком и неприспособленным, в деревне о нем говорили: «Нет ничего, чего бы он не умел делать блестяще, вот только удобрения не умел носить на коромысле, мало смыслил в крестьянском труде, да в шахматы не играл».

Практичным крестьянам был непонятен его характер: ребенок всегда довольствовался малым, был наивным, неприятным и скромным в желаниях, зато природу, и особенно — дикую сливу любил самозабвенно.

Говорят, он посадил перед своим двором и позади него 360 деревьев сливы, и когда они давали плоды, возил их на продажу, упаковывая вырученные от каждого дерева деньги в отдельный сверток. Продавая сливы, он складывал полученные сверточки в глиняный кувшин, пока не заполнял его доверху, а затем, когда сезон заканчивался, постепенно тратил заработанное. Удивительно, но когда деньги в кувшине заканчивались, как раз проходил год, и на деревьях появлялся новый урожай, так что предоставлялась возможность вновь немного заработать.

Дело в том, что, согласно китайскому лунному календарю, в году 360 дней, и смывленный ребенок рассчитал все именно так, чтобы сливы с каждого дерева давали ежедневный доход на пропитание. Именно так Линь Бу поступал и впоследствии, живя на горе Отшельника, которую после поселения там Линь Бу окружающие стали называть еще и Горой сливовых деревьев.

В 10 лет Линь Бу лишился и матери, а потому не мог назвать свои детские годы счастливыми и безмятежными. У Линя был старший брат, который жил в Ханчжоу, и дом брата стал его семьей, в которой он прожил несколько лет. Семья эта была «разбита вдребезги», — китайское выражение, и находиться в ней было просто невыносимо. Если бы они жили лишь вдвоем с братом, у старшего могли бы сохраниться хоть какие-то родственные чувства. Но тот был женатым человеком, и в семье всем негласно заправляла невестка, которая ненавидела родственника мужа и с трудом терпела его в доме.

Со временем и брат стал относиться к Линю холодно и безразлично, нередко игнорировал его, проводя целые дни в молчании. Он был слишком мягкотелым, а потому не мог возразить жене, которая не позволяла мужу быть лояльным к младшему брату. Стоило супругу смягчиться, как жена одергивала его, и тот вынужденно соглашался с хозяйкой дома в том, что маленький Линь является непосильной обузой для их семьи.

Она часто уязвляла самолюбие мужа, издевательски спрашивая: «Так кто в нашем доме «примак», посторонний человек, — я не понимаю: ты — зять, живущий в доме жены, или он — зять? Парень уже достаточно вырос, а потому можно сказать, что свой братский долг ты давно выполнил. Пора выставить его из дома, — тебя никто не осудит!»

В тот день, когда Линя выгнали из дома, он простился с братом у ворот. Старший расщедрился и сунул Линю мешочек с серебряными слитками *юань-бао*. Сдерживая слезы, он произнес: «Это все, что я накопил. Ступай и постарайся проложить себе путь в жизни, добейся славного имени. Сдай успешно экзамены и заслужи чиновничью должность. Если ты добьешься ученой степени, то моя жена, возможно, взглянет на тебя другими глазами...»

Линь Бу правильно понял брата: если ученой степени не добиться, ему никогда нельзя будет вернуться в этот дом. И еще понял, что ему никогда не стать чиновником. И не потому, что трудно сдать экзамены на высокую должность, просто у него не было склонности к этому виду деятельности, он не мог представить себя чиновником.

По этой причине Линь Бу не удавалось сдать дворцовые экзамены в столице. В письменных ответах он умышленно игнорировал установленные правила и нормы, не желал отвечать по шаблонам. Он писал в соответствии со своими воззрениями и по велению души. Юноша мог стать *сю-цхаем* или *цзюй-жэнем* (первая и вторая из трех ученых степеней), однако сознательно отказался от таких попыток, а потому от него отказалась и жена брата, которая смотрела с подобострастием и раболепствовала только перед чиновниками и начальниками — большими и маленькими.

Линь Бу вовсе не печалился, что пришлось покинуть негостеприимный дом, не скучал по нему. Он понимал, что если бы жена брата не выставила его в этот раз, все равно, рано или поздно, пришлось бы уйти из дома и начать самостоятельную жизнь.

К чему лежала его душа? Все люди рождаются разными, с непохожими задатками. Линь с детства любил природу, реки и горы, потому что сердце его наполняли романтика и поэзия. И он решил уйти подальше, поселиться где-нибудь на лоне природы. Однако в его сердце была и печаль, но не от разлуки с братом, а от расставания с первой любовью.

Любовь

Фамилия его первой и единственной возлюбленной была Мэй (цветок сливы). Он так любил ее, так тосковал, что пронес чувство через всю жизнь, оставшись одиноким, как перст, до старости.

Мэй была единственной дочерью в зажиточной семье и жила, как и Линь, в Ханчжоу. Ее отец был одним из высших чиновников провинции. Девушка

Мэй, хоть и выросла в богатой и знатной семье, характер имела весьма кроткий, росла тихой и скромной, — и не скажешь, что это богатая барышня.

Единственным увлечением девушки оказались ветки дикой сливы *мэй*, которые китайцы любят ставить в большие вазы с широкими плечами, но таким узким горлышком, чтобы поместилась лишь одна ветка, облепленная цветами. Китайцы так и называют эти вазы — *мэй-пхин* (梅瓶). Случайное совпадение или естественная закономерность, что девушка по фамилии Мэй обожала изысканные цветы с таким же названием? Она собственноручно посадила 10 роскошных саженцев дикой сливы и сама за ними ухаживала, с нетерпением ожидая цветов, чтобы украсить ими все комнаты. Сама она была такой же прекрасной и изящной, выглядела столь же возвышенной и чистой, как и ее любимые цветы.

Любовь Линь Бу и девушки Мэй, конечно же, связана именно с цветами сливы. Однажды во время снегопада, когда Линь Бу прогуливался, любуясь снежинками, он вдруг заметил сквозь белую пелену алые пятнышки. Юноша сразу понял, что это могут быть только цветы дикой сливы, — лишь они могли так гордо алеть, презрев холод и снег. И ускорил шаг, направившись к любимым деревьям.

Войдя в сад, Линь остановился, ошеломленный. Но потрясли его не цветы, а девушка. Она стояла спиной, абсолютно неподвижно, одетая в красную накидку от ветра, держала в руке зонтик из бумаги, пропитанной маслом, защищаясь от снега, и напоминала статуэтку, припорошенную сверкающим серебром. Линь с восторгом подумал: «Вот настоящий цветок сливы, на лепестках которого лежит снег!»

Юноше показалось, что перед ним — невиданная по красоте картина, которую следует тут же перенести на свиток. Но он не захватил с собой ни

бумагу, ни кисть... Неважно! Пусть бумагой ему послужит ровный и чистый снег, а вместо кисти он возьмет веточку. На самом деле его растревожило не так желание написать картину, как незнакомые прежде чувства и настроение, охватившее душу при виде девушки.

Когда Линь сделал набросок на снегу, и в голове отзвучали заключительные аккорды мелодии от созерцания восхитительной картины, он поднял голову и увидел лицо девушки. Он не смог бы описать его, употребляя обычные слова «красивая», «нежная»... Он бы сказал, как поэт, что перед ним было сочетание белого снега и красного цветка. А еще юноша увидел, что ее черные глаза чисты и спокойны, как осенняя вода в пруду. И в то же время в зрачках ее он увидел отблеск жемчуга.

Эти черные очи с изумлением смотрели то на Линь Бу, то на рисунок на снегу, изображающий молоденькую девушку, любующуюся цветами. В силуэте девушки в накидке от снега она узнала себя.

Явилось ли это волей Неба? В одно мгновение девушка была покорена талантом юноши, а Линь — ее красотой. Каждому из них показалось, что он, наконец-то, встретил родственную душу, нашел человека, о котором мечтал столько лет! Между ними вспыхнула любовь, о которой не было сказано ни слова, однако каждый признался в своем сердце в сильном чувстве.

Девушке в красном по фамилии Мэй исполнилось 18, а Линь Бу — 20 лет. В этом зимнем сливовом саду началась красивая и печальная история их любви. Сад стал любимым местом, колыбелью чувств.

Часы пролетели, как миг. Скоро солнце скроется за западной горой, а влюбленные не в силах расстаться. Скоро луна взойдет на небе, а они все смотрят в глаза друг другу и не могут разлучиться. В спокойной воде ночного пруда отражаются изящные ветки сливовых деревьев. В сумерках едва светит тусклая луна, освещая все те же деревья, и далеко разносится нежный, легкий аромат дивных цветов.

Линя охватило вдохновение, и он продекламировал вечные слова:

众芳摇落独喧妍，占尽风情向小园。
疏影横斜水清浅，暗香浮动月黄昏。

Сотни цветов осыпаются, —
ветер скользнул за ограду,
Сердце познало любовь
и трепещет от нежности к саду.

Тени прозрачные косо
 ложатся на воду, и кажется мне, —
Благоуханье уносится
 дивное в сумерках прямо к луне.

Эти неожиданно вырвавшиеся из груди строки Линь подарил своей возлюбленной. Испытывая восторг и счастье, Мэй покинула сад, провожаемая его взглядом.

Ах, если бы могло так продолжаться вечно! Но в мире нет ничего вечно-го... Прошло пять лет, их любовь все так же жарко пылала, и тут настал час, когда Линя выгнали из дома. Он вынужден был поехать в столицу, и даже не представлял, как долго теперь не увидит Мэй: год, пять, десять лет придется жить в разлуке?

Мэй давно мечтала полюбоваться прибоем на реке *Цень-тхан* вместе с Линем*. Они выбрали беседку, из которой хорошо видна вода. Именно тут им предстояло разлучиться навеки.

Но тогда они этого, конечно же, не знали и с легкомыслием молодости полагали, что это лишь временная и недолгая разлука... Мэй утешала Линя, внушая, что он, будучи мужчиной, должен ставить высокие цели и добиваться их. Он должен научиться взрослой жизни вдали от дома, а уж она непременно будет ждать его возвращения.

Как передать их страдания и тоску при расставании? Разве что стихи, которые написал Линь Хэ-цзин в молодости, расскажут об этом:

吴山青，越山青，两岸青山相对迎，谁知离别情？
君泪盈，妾泪盈，罗带同心结未成，江头潮已平。

Покрытая лесом, гора зеленеет *У-шань*,
Напротив — другая под лесом зеленым — *Юэ-шань*,
И обе горы, разделенные бурной рекой,
С ее берегов друг на друга взирают с тоской.
И, кажется, тянут в мольбе и отчаяньи руки.
Известно ли вам, каково быть влюбленным в разлуке?

У юноши слезы вот-вот через край перельются,
А девушка их не скрывает, — потоками льются.

На шелковом поясе узел единства сердец
Еще не завязан, и счастью приходит конец.
Прилив завершился, вода — словно зеркало снова.
Пора расставаться. Как Небо к влюбленным сурово!

Вдали от родных мест

В разлуке прошло 10 лет. Ведь, согласно существовавшей в те времена системе обучения, соискатель чиновничьей должности должен сначала сдать экзамены в своем уезде. Если сдавал успешно, то получал звание *шэн-юань*. Далее надо было сдавать экзамены в провинциальном центре. Эти экзамены проводились обычно осенью, один раз в три года. Успешно сдавший их получал звание *цзюй-жэнь*. Следующий этап — государственный экзамен в столице, который тоже проходил один раз в три года. Сдавший его получал звание *гун-шэн*. И, наконец, соискатели, сдавшие экзамены при императорском дворе, получали звание *цзинь-ши*. Вопросы задавал сам император, и счастливицы, прошедшие испытания, получали право поступить на государственную службу.

Такая система существовала в древнем Китае, начиная с правления династии Суй, и отнимала у соискателя много лет.

За это время Линь Хэ-цзин, можно сказать, исколесил всю страну. Путь его был нелегким, ибо страна простиралась с юга на север на многие десятки тысяч *ли*. Если пользоваться водными путями, то плыть приходилось не по прямой, а в соответствии с извилистыми руслами рек и каналов. Линь из Ханчжоу направился к северу по Великому каналу.

Сначала он миновал такие города, как Сучжоу и Янчжоу, а добравшись до уезда Сюй-и, повернул и далее, поменяв русло, поплыл по рекам Хуай-хэ и Бень. Затем он вновь взял направление на север, добравшись до уезда Цхао-чжоу. Далее фарватер изменился, и судно вновь повернуло на юг, в обратном направлении относительно начала путешествия, выбрав путь в бассейне Хуай-хэ, курсом на Шу-чхэн.

Благодаря извилистым рекам, Линь миновал немало уездов, областей и округов страны. Переправившись через великую Янцзы, он оказался в уезде Чжун-бу; миновав уезд Ань-фу, прибыл в город Линь-цзян, что на севере Китая. Пересев на другое судно, наш путешественник двинулся дальше на север. На обратном пути он вновь поплыл по широкой Янцзы, миновав города У-ху, Ли-ян, Цзинь-лин (ныне — Нанкин), и в конечном итоге вновь вернулся в родной Ханчжоу.

Как он и предполагал, его ожидало немало серьезных трудностей при сдаче экзаменов на чиновничью должность. Несмотря на то, что юноша был одарен и блестяще образован, он не смог по-настоящему раскрыть и продемонстрировать свои таланты, как уже упоминалось выше: застарелые правила, царившие в столичной экзаменационной аудитории, заставили Линя глубоко разочароваться в системе экзаменов вообще.

За 10 лет на чужбине Линь приобрел лишь одного друга по имени Ли Цзы, с которым познакомился, когда прибыл на учебу в провинцию Цзянсу. Ли Цзы в то время только получил степень *цзинь-ши* после экзаменов при императорском дворе, и у него еще не было знакомых. Ли Цзы выделил Линь Хэ-цзина, как особо одаренного и сообразительного, а Линь однажды обратился к другу со словами: «Ты станешь высокопоставленным чиновником в свое время!»

И действительно, впоследствии Ли Цзы стал уполномоченным сразу трех учреждений, т. е. занял посты вице-министра наказаний, вице-председателя Цензората и Председателя Верховной судебной палаты. Еще через некоторое время он стал высшим чиновником, отвечающим за финансы в стране.

Отшельничество

Что же касается Линь Хэ-цзина, то 10 лет пролетели для него, как в каком-то сне, и он вернулся в родной город, так и не добившись каких-либо успехов, измотанный, уставший от городской жизни, с разбитыми мечтами. Однако он и предположить не мог, что дома его ждет смертельный удар. Его любимую Мэй выдали замуж, не спросив ее мнения, как это всегда бывало в старом Китае.

Странно было с его стороны надеяться, что девушка будет ждать его до 28 лет, а именно столько ей исполнилось к моменту его возвращения, ведь в те времена девушек выдавали замуж очень рано, почти в подростковом возрасте. Однако Линь был поэтом и романтиком, «не от мира сего». Он не находил себе места, ночами напролет блуждал бесцельно, как умалишенный, под луной, не мог спать, да и жить ему не хотелось. Он решил удалиться от мира, чтобы обо всем забыть и залечить израненное любовью сердце.

Во все времена немало талантливых людей, мечта об уходе на покой, об отшельническом уединении среди «гор и вод», «полей и садов», отказывались от чиновничьей карьеры, чтобы стать ближе к людям, к природе. Истоки отшельнических настроений у натур с утонченным восприятием мира коренились не только в неудачах по службе, когда они видели, что их таланты и знания не

находят должного применения на государственном поприще, но и в многовековой китайской традиции, идущей от древних мудрецов, и философии буддизма. Линь Бу, будучи ревностным последователем этой религии, да еще переживший разочарование в глубокой и яркой любви, тоже решил найти уединенное прибежище в горах, отрешившись от тщеславия и суесть несправедливого мира.

Он сел в лодку, чтобы отправиться в путь по воде, но тут на берег прибежала его Мэй, чтобы проститься, как будто чувствовала его душу, как будто знала о его отъезде. Они ничего не говорили друг другу, лишь держались за руки, и по их лицам катились слезы.

Простившись, Линь отчалил от берега с глазами, полными слез, не видя пути, — да и какая разница, куда плыть. Он двигался по Хуай-хэ, по Янцзы, путешествовал в течение нескольких лет, останавливаясь то в одном городке, то в другом. Он встречал рассветы, провожал закаты, смотрел на луну и скопления звезд, и готов был умереть в любую минуту, потому что жизнь для него потеряла ценность. Вспоминая поцелуи Мэй на своих губах, он писал стихи, посвященные ей, а на сердце лежала неизлечимая тоска.

酒酣相向寺·别泪湿吟衣。
半夜月欲落·千山人忆归。
乱尘终古在·长瀑倚空飞。
明日重携手·前期易得违。

Пьяный, гляжу я на храм в стороне,
Ворот слезами пропитан, не спится.
Ясная полночь. Но, кажется мне, —
Хмельная луна может с неба скатиться.

В чем же страданий и грусти причина,
Может, — тоска по родной стороне?
С детства смятение, боль и кручина
Многим знакомы, как, впрочем, и мне.

Видимо, жизнь на земле — испытание:
Редко — дарения, чаще — поборы;
Бурной рекой уносимый в скитания,
Ты и без помощи, и без опоры.

Скоро наступит рассвет, и мы снова
Пальцами встретимся, руки совьём,
Послушные сердцу и верные слову:
Мораль нарушаем, пока мы живем.

Несмотря на то, что стихи Линя высоко оценивали знаменитые поэты-современники, сам отшельник их никогда не берег и не хранил, писал и потом выбрасывал, так что людям, которым этот человек был интересен, кто симпатизировал ему, с большим трудом удавалось собрать хоть что-то из его творчества. Например, от стихотворения «Маленькая Мэй в горном саду» сохранилось лишь 14 иероглифов, но оно является абсолютно непревзойденным. Описывая свои любимые цветы, отличающиеся нежным ароматом, скромной красотой и стойкостью, он никогда не говорил о деталях, — лепестках, тычинках и пестиках, но после прочтения его стихов хотелось немедленно самому увидеть цветущую сливу. Всего сохранилось более 300 стихотворений отшельника Линь.

Именно Линь Хэ-цзин, влюбленный в свою Мэй, создал культ цветка дикой сливы, и вслед за ним и другие стали подражать поэту. В Китае это стало традицией, — ехать в определенные места, в парки или в горы, чтобы не пропустить эту дивную картину, — короткий период цветения сливы. Кто-то любовался сливой, кто-то — вишней. Все цветущие плодовые деревья неотразимы, но прелесть именно сливы в том, что ее цветы, не боясь снега, распускаются самыми первыми, когда вокруг еще нет других цветов. Японцы, спустя какое-то время, тоже переняли эту традицию, назвав ее любованием цветущей сакурой (вишней).

Китайцы, как известно, любят все классифицировать и подсчитывать, выводить канонические наборы предметов и чисел. Например, «восемнадцать видов

боевого искусства», «девять легенд о чае», «четыре красавицы древности» и т.д. Если говорить о цветах, то существует условная классификация «четыре любителя цветов» (四爱者): знаменитый каллиграф **Ван Си-чжи** (王羲之) был любителем орхидей (兰), поэт **Тхао Юань-мин** (陶渊明) любил хризантемы (菊), китайский философ и литератор, основоположник неоконфуцианства **Чжоу Дунь-и** (周敦颐) обожал лотосы (莲), а **Линь Хэ-цзин** всю свою любовь отдал цветам сливы *мэй*.

Кстати, определенные растения в Китае символизируют четыре сезона:

магнолия — весну;

пион и лотос — лето;

хризантема и бамбук — осень;

цветы сливы — зиму.

Впрочем, символическое значение каждого цветка в разных районах неодинаковое, поскольку и климат разный, и цветы распускаются в разное время. Символом весны можно назвать и нарциссы, потому что китайцы специально заранее ставят в воду их луковицы, рассчитывая так, чтобы они распустились к празднику Весны.

Итак, потеряв любимую, Линь долго странствовал в районах рек Янцзы и Хуай-хэ, пытаясь найти место для службы. Однако нигде не был принят, несмотря на его глубокую эрудицию и обширные знания. В конце концов, когда ему было уже за сорок, обосновался на окраине Ханчжоу, на горе Гу-шань, что возвышается у самого озера, где построил себе шалаш.

Гора невысокая, и веяло от нее какой-то утонченностью и изяществом. Вокруг своей хижины Линь насадил немало различных деревьев, чтобы пейзаж выглядел уютнее, а чтобы развеселить душу, посадил дикую сливу мумё, по-китайски — *мэй*.

Выращивать деревья было не просто, и каждому саженцу требовалось отдать много сил и любви: рыхлить землю, поливать, уничтожать прожорливых вредителей, которых так много в теплом климате, формировать крону и обрезать лишние ветки. Он знал об этих деревьях гораздо больше обычного человека, а потому и любовь к ним, и стихотворные строки о них стали непревзойденными.

Для пропитания Линь Бу возделывал землю и рыбачил. А в свободное время занимался каллиграфией, сочинял музыку, играл на *цине*, старинном струнном инструменте с космическим звучанием, с гостями играл в шахматы, читал книги, упражнялся с мечом, сочинял и читал нараспев стихи, пил вино и любовался цветами. В сумерках катался на лодке по озеру. Можно сказать, что он достиг совершенства во всех видах искусств, которыми обязан был владеть каждый интеллигентный человек его времени.

В произведении «Осенью праздно плаваю на лодке по озеру Си-ху» есть такие строки:

水气并山景，苍茫已作秋。
林深喜见寺，岸静惜移舟。
疏苇先寒折，残红带夕收。
吾庐在何处？归兴起渔讴。

Горный пейзаж, и туман над водой, —
Всюду осенний привет золотой.
Лес потемнел, словно тени легли;
Радостно видеть кумирню вдали.

Осень покой в этот край принесла, —
Берег уснул, и движеньем весла
Страшно вспугнуть тишину у воды.
Травы поникли, увяли цветы.

Там, вдалеке, шелестящий тростник
Рано согнулся, от холода сник.
Ночь собрала от цветов лепестки, —
Краски пожухли, — сухи и легки.

Но как же далёко деревня моя,
Где в детстве забытом жила вся семья!
Я вижу, оттуда плывут облака,
И вспомнилась грустная песнь рыбака...

Еще несколько прекрасных строк, рассказывающих о жизни поэта, из стихотворения «В уединении от мира»:

竹树绕吾庐，清深趣有余。
鹤闲临水久，蜂懒采花疏。
酒病妨开卷，春阴入荷锄。
尝怜古图画，多半写樵渔。

Жилище мое окружает бамбук, —
Стволы с благородной осанкой стройны.
А два журавля, для которых я — друг,
Повсюду со мной, нашей дружбе верны.
Но в праздности будней их манит всегда
Прохладой озерной живая вода.

Вот пчелы лениво — с цветка на цветок,
Что редко растут на полянке.
В моей голове — словно шумный поток, —
Болит после дружеской пьянки.
И сил не найду в себе, чтоб развернуть
Отложенный свиток предлинный
И радость от встречи с искусством вдохнуть
Из свернутой книги старинной.

Мотыга для лотосов спряталась в тень.
Весенний заботой насыщенный день.
Люблю я картины старинной работы,
Где главная тема — труды и заботы:
Рыбак с кувшином и с ножом — дровосек...
В труде лишь прекрасен любой человек.

Линь Хэ-цзин никогда не знал ни жены, ни детей, ни чиновничьей должности, но зато он был свободен, как сама природа, и над ним не довлели ни законы людей, ни законы Неба. Он стал выше авторитетов и могущества сильных мира сего.

Окончательно убедившись, что высокая должность и большой оклад — не его судьба, Линь успокоился и стал сдержанным и уравновешенным, живя в уединении, вдали от мира, мало чем отличаясь от буддийского монаха.

Говорят, император династии Сун по имени Чжэнь Цзун-чжао, который в течение многих лет из разных источников слышал о талантливом отшельнике, предложил ему самую высокую должность при дворе — преподавать грамоту самому императорскому наследнику. Для любого другого такая удача, конечно же, показалась бы уникальной. Однако Линь, ни на секунду не задумавшись, отказался от лестного предложения. И этим поступком он гордился до самой кончины.

Природа давала все, что требовалось ему для жизни, а прекрасные сливовые деревья — и того больше: и в детстве, и повзрослев, он не только зарабатывал себе на скромное существование, продавая плоды *мэй*, но и любовался их цветением, черпая вдохновение для стихов. Живя в одиночестве, он часто декламировал вслух сочиненное, даже не предполагая, что его произведения впоследствии станут классикой.

Из всего творчества Линь Бу наиболее популярными стали стихи о цветах *мэй*, а среди них самым известным является «Маленькая Мэй в горном саду» («山园小梅»).

В этих стихах поэт, считавший, что под луной нет ничего более совершенного, чем эти цветы, называет их «прозрачными тенями», отражающимися в воде (疏影), ибо он заметил, что каждый цветок на дереве непременно развернут в сторону ближайшего водоема. Еще он с нежным изяществом называет их «тонко благоухающие» (暗香). Поэтому слова из популярного стихотворения «прозрачные тени» и «тонко благоухающие» стали синонимами прекрасных цветов.

Именно поэтому впоследствии Сунский поэт Цзян Кхуй назвал свои мелодии для стихов жанра *цзы*, воспевающих цветы сливы, «Прозрачные тени» и «Тонко благоухающие».

В произведении «Маленькая Мэй в горном саду» всего восемь строк, и в каждой — по семь иероглифов, но они так многозначны, и каждое значение столь глубоко, что можно увидеть и параллели.

Восхищаясь совершенной формой каждого полупрозрачного, чистого лепестка («прозрачные тени»), автор намекает и на овал лица своей возлюбленной, розового и нежного, со светлым, чистым выражением. В словах «косые тени» угадывается намек на стойкость цветов, благоухающих и манящих, несмотря на снег на их лепестках, а также на храбрость Мэй, отстаивающей свое право на чувство, и демонстрирующей поступками, что ее не сломить и не поколебать.

Слова «аромат улетает к луне» намекают на что-то из мира небожителей, может быть, на фею Луны Чхан Э, и в то же время это показывает отношение Линя к своей возлюбленной, как к девушке не от мира сего, живущей чувствами и понимающей красоту природы, любящей ее самозабвенно.

Луна, обычно такая светлая, в сумерках и дымке оказывается туманной, и на фоне неясных очертаний воспеваемые цветы выделяются еще ярче.

Есть в стихах и преувеличение, когда поэт говорит о страданиях летней бабочки, которой не дано увидеть прекрасную зимнюю сливу *мэй*, ведь она так

любит цветы! Такой гиперболой Линь хотел подчеркнуть, что воспеваемыми им цветами не могут не восхищаться все существа на земле.

О третьей и четвертой строках можно сказать еще вот что. Когда-то поэт царства Южная Тхан, которое существовало в период Пяти династий, по имени Цзян Вэй (937—975 гг.), написал в одном из стихотворений:

竹影横斜水清浅·桂香浮动月黄昏。

Бамбук отражается косо в прибрежной и мелкой воде,
И дух ароматный коричных деревьев скользит,
уплывая к луне.

Линь Бу перефразировал эти красивые строки, заменив иероглиф «бамбук» на «сливу *мэй*».

疏影横斜水清浅·暗香浮动月黄昏。

Тени прозрачные косо
ложатся на воду, и кажется мне, —
Благоуханье уносится
дивное в сумерках прямо к луне.

Вспомним, что «тени прозрачные» у Линь Бу — символ сливы *мэй*. А вот и описываемое стихотворение полностью.

众芳摇落独喧妍·占尽风情向小园；
疏影横斜水清浅·暗香浮动月黄昏。
霜禽欲下先偷眼·粉蝶如知合断魂；
幸有微吟可相狎·不须檀板共金尊。

Сотни цветов осыпаются, —
ветер скользнул за ограду,
Сердце познало любовь
и трепещет от нежности к саду.
Тени прозрачные косо
ложатся на воду, и кажется мне, —

Благоуханье уносится
дивное в сумерках прямо к луне.
Любовные чувства мои
с ароматом волшебным по волнам,
К луне устремляются, тайну храня,
и в молчании полном.

Изящно журавль белоснежный
спустился на землю, подальше от люда,
Надеясь украдкой взглянуть
на цветущее нежное чудо.
И если бы бабочка знала
об этой красе, этом благоуханьи,
То сердце б ее разорвалось на части
от боли, досады, страданья.
Ведь бабочкам, летом живущим
и жадно нектар собирающим,
Увы, не дано любоваться цветком,
мир зимой украшающим.

Мы сблизились душами,
тихо стихи нараспев повторяя,
Сдвигая бокалы со звуком,
и стук кастаньет вспоминая.

К Линь Хэ-цзину приходили визитеры, восхищенные его благородством и душевной чистотой, чтобы поклониться знаменитому отшельнику. Он был очень гостеприимным, и даже если приходил крестьянский ребенок, приглашал того в хижину, как важную персону, чтобы посидеть в прохладе, побеседовать.

Многие прибывали из немыслимо далеких мест. Среди посетителей было много не только простых людей, но и монахов, представителей императорского двора и высоких чиновников: каждому хотелось хоть на короткое время окунуться в атмосферу истинного и искреннего духа, о котором мы зачастую забываем в суете будней.

Линь со всеми приветливо беседовал, отвечал на вопросы и давал советы, однако ответных визитов, как это принято по этикету (и на что в тайне надеялись

гости), не наносил: общение с внешним миром его утомляло, и он гораздо больше радовался присутствию двух журавлей, его постоянных спутников.

Когда-то он привез их из родных мест, из уезда Фэн-хуа и, построив для них большой загон, сумел приручить диких птиц. Одомашненные журавли, живя рядом с отшельником, были очень добрыми и умели различать людей по их сущности.

Невероятно, но эти его «сыновья», как называл их отшельник Линь, могли даже покупать для него овощи на рынке, припрятав в клюве монеты. Они же какими-то знаками, понятными только Линю, сообщали ему о новостях, о которых узнали, побывав среди людей.

Когда им хотелось порезвиться, журавли улетали в заоблачные дали, а потом, покружив над озером, опускались у своего загона. Линь ценил их больше, чем иная красавица — драгоценности.

Журавли в Китае — символ и долголетия, и счастливого предзнаменования. Считается, что эти прекрасные птицы живут тысячу лет. Существует много видов журавлей, а те, что жили у поэта-отшельника, относились к маньчжурским, их еще называют уссурийскими, или японскими. Это самые крупные журавли, почти с человеческий рост. Они необыкновенно красивы: тело с белым оперением, шея и хвост — черные, а на голове — ярко-красная шапочка. Сейчас этот вид — на грани исчезновения.

Возможно, в те давние времена красноголовые журавли и не были редкостью, как сейчас, однако Линя очаровывали их грациозность и изящество, пленительные танцы и волнующий клёкот, а также преданность, ум и способность понимать человека.

Линь называл их Мин-гао, т. е. Поющие. Это имя он позаимствовал из древнего стихотворения в Малых одах Книги песен. Когда Линь Бу прогуливался среди деревьев, журавли всегда сопровождали его, чуть позади, курлыча свои песни. Когда Линь Бу пил чай, беседуя с наставником ближайшего монастыря, они стояли по обе стороны от него, благовоспитанно и почтительно, скромно и тихо, лишь слегка, по обыкновению, курлыча.

А если Линь Бу играл в шахматы с образованными людьми, навестившими его, чудесные птицы, издавая тихий клёкот, безмятежно и лениво наблюдали со стороны за своим хозяином. Ну, а когда с визитом приходили высокопоставленные гости, Линь Бу делал им знак, и журавли начинали танцевать и тихо петь, развлекая визитеров и поражая своим изяществом, свободой и изысканными движениями.

Нередко и сам Линь отправлялся на маленькой лодочке, чтобы прогуляться по озеру, либо посетить один из многочисленных монастырей на его берегах. Но ради гостей Линь Бу был готов отложить любые свои занятия. У него в услужении состоял мальчик, как это было принято в те времена, и если в отсутствие хозяина у скромной хижины появлялись визитеры, мальчик выпускал журавлей из загона, и пара величественных птиц поднималась в небо, кружила над озером, издавая свои чарующие звуки. Для отшельника это означало, что у него — гости. В таких случаях Линь прерывал прогулку или бросал дела, спеша вернуться домой.

Гости при этом изумлялись, не понимая, как мог Линь Бу, находившийся где-то далеко, узнать об их приходе. И все с восхищением относились к такой «сыновне-отцовской» привязанности между отшельником и птицами, узнав, что у них существует свой, тайный язык.

Воспевая своих «волшебных» журавлей, Линь писал:

皋禽名祇有前闻·孤引圆吭夜正分；
一唳便惊寥◆破·亦无闲意到青云。

О таких журавлях я когда-то почтительно слушал,
С детства раннего это запало мне в душу.
Сирота одинокий, я их имена повторяю,
И в ночной тишине клёкот в небе немного пугает,
Но затем он — все тише, и вот голоса пропадают.
Нескончаемы мысли мои, к небесам, им вослед, улетают.

На самом деле отшельнику трудно было полностью отгородиться от внешнего мира, ибо, помимо постоянных визитеров, с ним поддерживали связь и известные литераторы, и выдающиеся государственные мужи. Например, однажды во время сильного снегопада его навестил знаменитый поэт Мэй Яо-чхэнь, который был моложе Линя на 30 с лишним лет, и фамилия которого переводится «слива мэй». Поэты развели костер и, греясь у огня, долго декламировали свои стихи и пили вино.

Фань Чжун-ень, государственный деятель и писатель, посвятил отшельнику Линю пять стихотворений. А начальники префектуры Ханчжоу, которых за время проживания Линя на горе Гу-шань сменилось, как минимум, пять человек, постоянно навещали его и советовались по многим жизненным вопросам.

После кончины Линя начальник префектуры Ли Цзы в течение семи дней сидел у гроба Линь Хэ-цзина, облачившись в белые траурные одежды, как будто умер его близкий родственник, и только после этого позволил его похоронить. Правящий в то время император Чжэнь-цзун посмертно пожаловал поэту имя «Ученый-затворник», подчеркнув этим признание его знаний и эрудиции, благодаря которым он вполне мог бы занимать высокие посты при дворе.

Надо сказать и о почтительном отношении к отшельнику Линю со стороны монахов, ибо он пользовался славой и среди буддистов. Известно, что буддийский наставник высшего ранга из города Ханчжоу по имени Чжи Юань постоянно общался с Линем, отзываясь о нем так: «Это человек блестящего таланта, достойный носить плащ из журавлиных перьев¹. Он мог бы стать и блестящим членом общества, и мог бы постричься в монахи, уйдя от мира, и в любом качестве он соблюдал бы чувство меры во всем, был бы спокойным и уверенным».

Да, встречались с ним многие, общения с отшельником искали сотни людей, но понял ли хоть кто-нибудь из его собеседников и друзей всю глубину одиночества и огромное несчастье, которые Линь прятал в душе в течение всей жизни?

Перед смертью он написал:

湖上青山对结庐·坟前秋色亦萧疏。
茂陵他日求遗稿·犹喜曾无封禅书。

Уютно мне было жилище мое, мой приют,
Где птицы, деревья и озеро радость дают.
Владел изумрудной горою у озера я,
Стихи, журавли и цветы — моя страсть и семья.

Но осень пришла, и пейзаж у могилы поблек:
Стареют и никнут и дерево, и человек,
Рedeют и травы, и волосы, даже — мечты,
Так что ж удивляться, что к смерти готовишься ты...

¹ Считалось, что в такую одежду облачались небожители.

Хочу одного: чтоб стихи жили дольше меня,
Чтоб их не ценили, в коллекциях тайно храня,
Как прячут в хранилищах темных священные сутры,
Пусть люди читают их вечером, днем или утром.

Даже в глубокой старости, став совсем немощным, поэт не пожелал перебираться в Ханчжоу, предпочитая умереть на своей горе, в своей хижине. Говорят, любимые журавли Линя после его кончины долго и надрывно кричали у могилы отшельника, а потом и сами испустили дух.

Говорят также, что цветы сливы *мэй*, которые ежегодно радовали глаз красными, розовыми и белыми цветами, в момент смерти отшельника Линь все враз стали белыми, а ведь в Китае это цвет траура.

С древности повелось, что в праздник *Цин-мин*, когда принято приводить в порядок могилы близких, монахи из соседних монастырей по очереди убирали могилу поэта-отшельника, и порядок этот сохранялся до 50-х годов уже в новом Китае.

Нынче Гу-шань не назовешь горой Отшельника, потому что по обе стороны от белой дамбы колышут зелеными ветвями ивовые деревья, а если перейти по мосту с красивым названием Парчевый пояс, то окажешься в краеведческом музее провинции Чжэцзян, что в городке *Пхин-ху*. Еще чуть дальше, у подножия горы Гу-шань, раскинулся парк имени Сунь Ят-сена, в котором множество отдыхающих играют на национальных музыкальных инструментах, поют песни.

Но и тысячелетняя старина не забыта: еще живы 360 деревьев, собственноручно посаженных Линь Хэ-цином, плодами которых лакомятся до сих пор все желающие, и стоит пара бронзовых журавлей, как напоминание о тех, что когда-то украшали жизнь своего хозяина.

В изящной беседке, установленной на месте жилища отшельника, возвышается большая плита со стихами «Танцующие журавли», принадлежащими поэту периода Южных династий Бао Чжао. Строки выведены рукой императора Кхан-си (последняя династия Цин), который попытался имитировать почерк известного каллиграфа, художника и коллекционера Дун Ци-чхана. Так что плита эта как бы соединила таланты трех знаменитых людей, восхищавшихся жизнью и творчеством поэта-отшельника.

Ну, а автор этих строк почувствовала умиротворение, найдя ответы на все вопросы, связанные с удивительной по изяществу статуэткой, изображающей седого мужчину с цветком сливы в руке и журавлем у его ног.

Для самых любознательных

*Река Цень-тхан, о которой идет речь, действительно необычная, и о ней стоит рассказать отдельно. Даже ее название о многом говорит: *цень* — «деньги», *тхан* — «дамба», *цзян* — «река». Цень — родовое имя одного из императоров, в честь которого и дали название, так что в данном случае к деньгам оно отношения не имеет. Зато *тхан* — ключевое слово.

Река эта настолько бурная и постоянно разливающаяся, что для защиты жилья и посевов от ударов прибой люди издавна стали возводить морские и речные дамбы и плотины. Позже, когда люди этому научились, на ней стали строить и электростанции.

Впервые морские дамбы появились здесь в период Тхан, их возводили неоднократно, одну за другой, и в грандиозных масштабах. Во время последующих династий подобное строительство активно продолжалось; только в небольшой отрезок эпохи Мин была построена 21 плотина, а сколько было возведено в общей сложности с XIV по XVII века — и сказать трудно.

Однако, несмотря на строительство защитных плотин (даже на озере Си-ху их имеется три), прибой то и дело вторгался на жилые территории, заливая плодородные земли. Так, в период Сун вода залила равнину на северном берегу реки, продвинувшись на 30 ли (1 ли = 0,5 км).

Кстати, озеро Си-ху поначалу являлось заливом реки Цень-тхан и носило такое же название: Цень-тхан-ху. Знаменитый город Ханчжоу тоже когда-то назывался Цень-тхан. Но в 600-х годах знаменитый поэт назвал его в стихах Си-ху (Западное, т. к. оно находится к западу от центра города), и это название прижилось.

Известно, что приливы и отливы — это периодические вертикальные колебания уровня воды (чаще — в океане или море), которые являются результатом изменения положений Луны и Солнца относительно Земли. Однако причина таких необычных приливов с мощными волнами на реке Цень-тхан заключается не только во влиянии небесных светил, луны и солнца, но и в необычной форме устья.

Река впадает в Восточно-Китайское море, а на южном ее берегу, у самого устья, раскинулась гора Чжэ-шань (название «Багряная» она получила благодаря цвету почвы), занимающая 500 тыс. му (1 му = 1/15 га) и окружающая материк, подобно полуострову, которая перегородила устье реки.

Есть и другие особенности. Во-первых, река перед самым устьем образует зигзаг, напоминающий китайцам перевернутый иероглиф 之. Кстати, река, протекая по нескольким провинциям, имеет в каждой из них разные названия, и только в районе Ханчжоу — название со словом «дамба», ибо только люди, живущие здесь, постоянно страдали от ее разливов и приливов. Но в этом регионе Цень-тхан имеет и второе название — Чжи-цзян (之江), что значит «река в форме иероглифа 之». Си-ху находится в одном из зигзагов этой реки.

Во-вторых, и это главное, — в месте впадения в море река образует гигантский «рупор», в результате чего получается эффект пузатой бутылки с широким туловом и очень узким горлом, когда во время прилива вода легко входит внутрь, но с трудом выходит наружу. В устье Ханчжоуского залива расстояние между северным и южным берегами составляет примерно 100 км, в устье реки оно сужается до 20 км, а еще выше, у города Ень-гуань (симпатичное название — «чиновник соляного ведомства»), который раньше назывался Хай-нин, ширина составляет всего 2, 5 км.

Морские волны врываются в устье реки, создавая небывалые волны. Их средняя высота — 13 метров, но случаются и выше, и ниже. По высоте волн во время прилива река занимает второе место в мире, а по степени опасности — первое. В этом месте самый большой объем воды — 29 тыс. куб. м в секунду. А выше по течению, в районе города Гань-пху объем воды, проходящей в обоих направлениях, составляет 140 тыс. куб. м в секунду.

Мощь приливного вала достигает семи тонн на квадратный метр, высота гребня прибоя составляет один-два, максимум — три метра. При этом скорость волн — 8-10 метров в секунду, а скорость реки на отдельных участках составляет 40 км в час. Волны разбиваются с такой силой, что сметают все на своем пути. Грандиозный рокот и вздымание волн, бурление и яростный клочок воды производят глубокое впечатление. Именно этим знаменита река. Благодаря мощному напору со стороны моря соленая вода смешивается с пресной в пропорции примерно 1:1. Это негативно влияет и на питьевую воду в Ханчжоу, и на воду, используемую в сельском хозяйстве.

Есть и третья причина такого необычного явления на реке. В ее русле, если посмотреть в продольном разрезе, имеется огромный вздымающийся

песчаный бугор. Начинаясь от города Чжа-пху¹, он постепенно поднимается и в районе поселка Цхан-цень² достигает максимальной высоты, а затем вновь опускается, вплоть до запруды у поселка Вэнь-ень³.

Отмель получается высокой, а вода — мелкой, и во время прилива во-рвавшаяся через устье большая вода не успевает равномерно подняться из-за резкого сужения русла. Следующая волна толкает предыдущую. Первая движется очень медленно, а потому последующие волны нагромождаются на нее слоями очень высоко. Вода вспучивается кверху, и в результате приливная волна вздымается и бурлит-бушует, создавая невиданное, поразительное явление и зрелище, известное в Китае под названием «прилив на реке Цень-тхан».

Приливы бывают утренние и вечерние. Но из-за того, что в Ханчжоуском заливе внутренняя часть устья реки резко сужается по сравнению с внешней, приливо-отливный диапазон постоянно увеличивается. В районе Чжэн-хай на южном берегу этот диапазон составляет 1,69 м, а в районе Гань-пху, что находится в самой северной части гавани, он составляет 5,45 м. Самый большой диапазон — 8,93 м.

Первым это уникальное явление описал китайский философ-энциклопедист Ван Чхун (王充), живший в начальный период правления Восточной Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). Он впервые пояснил его астрономические причины и причины, связанные с особенностями рельефа.

Вначале люди не особо обращали внимание на такой необычный прилив, но в период Хань (I век н. э.) им уже начали любоваться. Во времена династий Тхан и Сун (VII-XIII вв.) этот обычай стал особенно популярным, и вот уже более двух тысяч лет это явление привлекает огромное количество любопытствующих. Особенно много людей — как пчел в улье, собирается на берегу в период праздника Середины осени, потому что самый большой прилив наблюдается 15-го числа 8-го месяца по лунному календарю. Высота волн достигает нескольких метров, они все сокрушают на своем пути и шум производят оглушительный.

¹ Чжа-пху — город-порт на севере Ханчжоуского залива, известный со времен правления Тхан. На востоке соседствует с городом Шанхай, на западе примыкает к уезду Хай-ень. Между городами Чжа-пху и Нин-бо сейчас проложен длинный мост над морем.

² Цхан-цень — поселок, непосредственно подчиненный уезду. Расположен к западу от Ханчжоу, на берегу древнего Великого канала. Поселок этот существует более 800 лет, население составляет 33000 человек, занимаемая площадь — 48,9 кв. км.

³ Вэнь-ень — поселок, находящийся к западу от района Сяо-шань города Ханчжоу; располагается напротив Ханчжоу, будучи отделенным от него рекой. Примыкает к месту слияния трех рек: Цень-тхан, Фу-чхунь и Пху-ян.

Лучшим местом для наблюдения за беснующимися волнами считается город Хай-нин, или Ень-гуань («чиновник соляного ведомства»), что в 50 км от Ханчжоу.

Ежегодно повторяющийся приливо-отливной цикл остается неизменным вследствие точной компенсации сил притяжения между Солнцем и центром масс планетной пары и силами инерции, приложенными к этому центру. Время наступления приливов и их высоту можно вычислить. Существует расписание приливов на реке Цень-тхан, и в каждом месяце — свое, скользящее время. Если обобщить, то можно сказать, что дневные приливы происходят в промежутке между 11.20 и 14.40, а вечерние — между 23.10 и 2.25 ночи.

Вот этот-то прилив и мечтала увидеть девушка Мэй.

Монах с внешностью разбойника Лу Чжи-шэнь

История обиженной девушки

Эта великолепная статуэтка, купленная когда-то давно на Цветочном рынке, которого уже не существует, в районе Хун-цзяо, выполнена одним из мастеров «столицы фарфора» города Цзин-дэ-чжэнь. Нас глубоко впечатлила внешность героя, рвущего зубами окорок и держащего в ладони пиалу с вином. На нем буддийские четки, свисающие на живот, монашеская ряса и плетеные сандалии, однако волнистые волосы уже отросли, и трудно понять: монах он или воин?

Рядом, на большом валуне, лежат алебарда и узелок с пожитками. Захмелевший хозяин даже не заметил, что кувшин с вином опрокинулся, не устояв на неровной поверхности, и пахучая жидкость льется прямо на землю. От продавца мы узнали имя столь колоритного героя, — Лу Чжи-шэнь (鲁知深), и оказалось, что он — один из 108 генералов, героев классического романа «Речные заводы». Оставалось лишь перечесать это большое произведение, чтобы собрать информацию о монахе со свирепым взглядом.

Первоначально героя звали Лу Да (鲁达), а кличку он приобрел Хуа хэ-шан (花和尚), т. е. Развратный монах. Имя Чжи-шэнь (Познавший глубину) получил при пострижении в монахи. Родился Лу Да в округе Вэй-чжоу, что в нынешней провинции Ганьсу, и жил в период правления династии Северная Сун. Одно время он выполнял обязанности *тхи-ся* (提辖), — военного инспектора-контролера, и тогда к нему обращались еще и Лу *тхи-ся*.

Роста Лу Да был высоченного, — 8 *чшы*, широкоплечий и мускулистый, лицо имел широкое, нос — прямой, уши большие и рот — крупный, «квадратный». Борода и усы — как у барсука. Голову он повязывал косынкой из льняной сетки, скрепленной на затылке золотыми кольцами, какие изготавливают в Тай-юани. Он носил боевой халат из зеленой ткани, подпоясанный двойным поясом — гражданским и военным, из фиолетового плетеного шелкового шнура, а обувался в светло-желтые сапоги, сшитые в четыре шва и напоминающие когти ястреба.

Лу Да отличался широтой души: слыл щедрым, великодушным, отзывчивым, кроме того, характер имел горячий, живой. Говорил обо всем прямо, без обиняков, и порочных людей ненавидел, как личных врагов.

Однако «в толстом было тонкое», как говорят китайцы, т. е. в крупном теле с грубоватой внешностью таилась чуткая и нежная душа. Лу Да был верным другом для своих товарищей, которых звали Ши Цзинь, Линь Чхун, У Сун и Ян Чжи.

Однажды, услышав историю несчастных старика с дочерью, которые зарабатывали на пропитание, выступая с песнями и отбивая ритм кастаньетами *кхуай-бар* (块板儿) перед гостями в одной из харчевен в Вэй-чжоу, Лу Да возмущился. Оказывается, влиятельный богач по фамилии Чжэн, владелец мясной лавки, решил взять в наложницы восемнадцатилетнюю девушку Цзинь Цхуй-лень. Находясь в крайней нужде, старый отец Цзинь, посоветовавшись с дочерью, решил согласиться на такую сделку в надежде на вознаграждение.

Договор заключили, однако денег мясник Чжэн не выплатил, и через три месяца официальная жена Чжэна выгнала девушку на улицу. Мало того, — мясник стал требовать от семьи Цзинь возврата денег, которые он, якобы, заплатил им.

Лу Да, начальник управления пограничных войск в Ень-нань-фу, был человеком справедливым. Выслушав историю, он сплюнул от досады: «Грязная тварь! Нажился на поставках пограничной охране, открыл мясную лавку, а теперь еще обманывает бедных людей!» Решив защитить несчастных, он сначала помог отцу с дочерью перебраться из Вэй-чжоу в другое место, дав им денег на повозку, а затем встретился с обидчиком девушки и тремя ударами кулака убил негодяя. Много дней бродил он без всякой цели, скрываясь, пока не свернул на север и не оказался в уездном городе Ень-мэнь, в области Дай-чжоу.

И хотя Лу Да полагал, что он справедливо поступил с мясником Чжэном, власти округа считали иначе, и везде расклеили объявления о розыске преступника, указав его приметы и объявив награду.

Беспечный Лу Да стоял однажды под таким объявлением, ничего не замечая, ибо читать он не умел, когда кто-то оттащил его в сторону. Оказалось, это тот самый старик Цзинь, отец Цзинь Цхуй-лень. Побранив воина за пренебрежение осторожностью, старик Цзинь рассказал, что произошло с ними после последней встречи. Оказывается, старику с дочерью удалось неплохо устроиться на новом месте, и Цзинь Цхуй-лень удачно вышла замуж за местного богача Чжао.

Будучи глубоко благодарным за спасение, старик Цзинь, рассказывая о своей жизни, то и дело называл Лу Да благодетелем, а затем пригласил в гости в свое жилище, уверяя, что зять будет рад знакомству, т. к. много слышан о подвигах Лу Да и его владении приемами борьбы.

Пострижение в монахи

Отец и дочь Цзинь радушно приняли гостя, щедро накрыв стол, а когда вечером вернулся со службы зять и супруг по фамилии Чжао, тот тоже был очень рад личному знакомству с Лу Да, называя его благородным героем. На все похвалы Лу Да отвечал скромно, мол, я — простой и невежественный человек, да к тому же еще совершил такое тяжкое преступление. Но если вы не брезгуете моим обществом и считаете меня своим добрым знакомым, то я в случае надобности всегда готов быть вам полезным.

Чжао обрадовало такое заявление. Он расспросил Лу Да об обстоятельствах смерти мясника Чжэна, потом они заговорили о приемах фехтования и просидели за столом до полуночи. Как водится в Китае, понравившиеся друг другу стали названными братьями.

На следующий день, рано утром, Чжао сказал гостю:

— Боюсь, что здесь оставаться небезопасно. Я хотел бы пригласить вас на некоторое время в свое поместье.

— А где оно находится? — спросил Лу Да.

— Более десяти *ли* отсюда, — отвечал Чжао. — Местность эта называется Ци-бао-цхунь.

— Лучшего и быть не может, — согласился Лу Да.

В поместье им нашлось, о чем поговорить, и Лу Да прожил там семь дней, а Чжао, смущая гостя, ежедневно накрывал для него богатый стол, угощая вином и яствами. Но вот однажды, когда друзья беседовали в библиотеке, появился старик Цзинь и тревожно предупредил, что соседи в Ень-мэне заметили присутствие в доме Чжао постороннего человека, пошли слухи, и вчера к соседям приходили стражники, задавая подробные вопросы.

— Вам надо быть на чеку, мой благодетель!

— В таком случае я просто уйду! — печально ответил Лу Да.

Чжао предложил:

— В 30 *ли* отсюда есть гора У-тхай, а на ней — буддийский монастырь Вэнь-шу-юань (文殊院), где живет около 700 монахов. Настоятель Чжи Чжэнь — мой

побратим. Еще мои предки вносили пожертвования в монастырь, и монахи считают нашу семью своими покровителями. Если, господин Лу Да, вы согласитесь обрить голову и стать служителем Будды, все расходы я готов взять на себя.

— Я человек обреченный, — ответил опечаленный вояка, — могу ли я отказываться, когда мне предлагают убежище?

Приготовив подарки и поднявшись на рассвете, друзья сели в паланкины и отправились на гору У-тхай. В монастыре слуги выставили корзины с дарами перед настоятелем, и гости, попивая с ним чай, изложили суть дела.

— Я привез к вам названного брата по фамилии Лу, — почтительно обратился к настоятелю Чжао, — сам он из пограничных войск, но, убедившись в бренности всего земного, решил отказаться от мира и пойти в монахи. Не откажите ему в постриге ради вашего скромного просителя!

Настоятель с улыбкой ответил:

— Такое событие лишь увеличит славу нашего монастыря!

Когда он приказал монахам подготовиться к церемонии, те стали перешептываться, мол, какой из этого громилы монах, вы только посмотрите, какой у него свирепый взгляд. Будущим собратьям Лу Да сразу не пришлось по душе. А помощник настоятеля прямо заявил:

— У этого человека внешность преступника, и мы не должны его принимать, если не хотим навлечь на себя беду!

Однако настоятель возразил:

— За него просил наш благодетель, как ему отказать? Кроме того, хотя сейчас он и производит неприятное впечатление, но со временем он ступит на стезю праведников, так что не препятствуйте ему!

Чжао дал деньги на покупку и пошив всего необходимого для церемонии, — материи для монашеского облачения, туфель и головного убора, рясы, халата и прочего.

Выбрав благоприятный для такого случая день, в монастыре стали звонить в колокола и бить в барабаны. Все монахи собрались в особом зале. Двумя ровными рядами они уселись перед алтарем, сложив ладони и приготовившись к молитве. Чжао вынул серебряный слиток и, поклонившись, понес его вместе с приготовленной одеждой и благовонными палочками к алтарю.

После прочтения молитвы Лу Да тоже подвели к алтарю. Цирюльник обрил его голову, и волосы опали, как лепестки цветка. Когда дошла очередь до бороды и усов, вояка разволновался:

— А нельзя ли их сохранить?

Монахи не смогли удержаться от смеха.

Посвященному дали монашеское имя Чжи-шэнь, что значит «познавший глубину» (учения Будды). Облачившись в монашеское одеяние, Лу Чжи-шэнь выслушал наставление о необходимости соблюдать пять заповедей: не убивать, не красть, не прелюбодействовать, не пить вина и не лгать.

Отправляясь домой, Чжао попросил настоятеля Чжи Чжэня и всех монахов проявлять к его побратиму милосердие и сострадание. Как только друг уселся в паланкин и отбыл, Лу Чжи-шэнь, нелегко переживший торжественную церемонию, развалился на скамье, предназначенной для самосозерцания, и крепко уснул. Как ни пытались его разбудить, он сердито отвечал: «Я хочу спать!»

Монахи пожаловались настоятелю, однако тот посоветовал: «Оставьте его в покое!» Что поделаешь, — решили монахи, — если старший среди них потворствует Чжи-шэню! Больше они его не беспокоили, и новообращенный каждый вечер разваливался на скамье, раскинув руки и ноги, и засыпал. По всему монастырю разносился его громоподобный храп.

Свои нужды он, к ужасу монахов, отправлял прямо позади храма, загадив все вокруг. На все жалобы настоятель отвечал: «Мы не должны забывать нашего благодетеля. Брат Чжи-шэнь исправится!»

Через пять месяцев от длительного безделия Лу Чжи-шэнь затосковал. «Что за никудышняя жизнь! Раньше я пил хорошее вино, ел вкусную пищу, а теперь, став монахом, скоро высохну от постной еды!» — думал он.

Однажды, надев черную рясу с блестящим поясом и монашеские сандалии, он широким шагом вышел из монастыря. Расположившись в беседке на «поясе» (середине) горы, он увидел вдалеке человека, который нес на коромысле две кадучки, накрытые крышкой. «Наверняка у него вино!» — подумал Чжи-шэнь, потому что в руках у мужчины заметил приспособление для нагревания вина. Дождавшись, когда тот подойдет ближе, Лу Чжи-шэнь потребовал продать ему вина.

— Сколько стоит кадучка?

— Ты смеешься надо мной, — ведь ты же монах!

После долгих пререканий генерал в монашеской одежде, схватив коромысло, оттолкнул ногой торговца. Открыв одну кадучку, Лу Чжи-шэнь стал черпать не подогретое вино прямо чашей для нагревания.

— Вечером приходи в монастырь за деньгами! — велел он несчастному парню, потирающему ушибленное место.

Но об этом бедолага и не думал, потому что он торговал вином на монастырские деньги, и все ему подобные жили в монастырских домах. Вино предназначалось

мирянам, работавшим в монастыре по найму: истопникам, носильщикам, уборщикам и другой прислуге. Узнай в монастыре, что он продал хмельное монаху, и у него отберут деньги, выданные для торговли, и из жилища выгонят.

Разлив остатки вина в две кадушки, торговец бегом спустился с горы, а довольный Чжи-шэнь вернулся к монастырю. Два привратника еще издали заметили, что он пьян и, схватив грабли, преградили ему путь:

— Ты — последователь Будды! Как ты посмел напиться?! За такое тебя приговорят к сорока ударам палками, а нас, если пропустим тебя, накажут десятью палками!

Чжи-шэнь еще не забыл своих старых повадок и, свирепо выпучив глаза, закричал:

— Угрожаете бамбуковыми граблями? Давайте померяемся силами!

Пока один привратник побежал к настоятелю, он дважды ударил второго, и несчастный свалился.

— На этот раз я тебя милую! — великодушно произнес Лу Чжи-шэнь и вошел через ворота на территорию.

Бывший генерал значительно осложнил жизнь монахов, хотя сам того не замечал. Он обзывал собратьев «лысыми ослиами» и вел себя так, как ему удобно. Скрамная жизнь его сильно раздражала, и он стал все чаще выходить за пределы монастыря в поисках вина. Однако утолить «жажду» было нелегко, — все владельцы харчевен боялись осложнить отношения с насельниками монастыря, и Чжи-шэню порой приходилось обманывать, утверждая, что он — странствующий монах, не имеющий никакого отношения к монастырю на горе. Глядя на его необычный вид, многие верили.

Чжи-шэнь не раз винился перед настоятелем, обещая исправиться, но длительные беседы и увещевания не помогали: тому, кто привык к вину, трудно отказаться от зелья. Даже трусливый становится храбрым, выпив вина, что уж говорить о человеке с независимым характером!

Месяца четыре горе-монах не выходил за ворота, но однажды весной все же сказал себе: «Куда это годится, — я пью только воду!» Он пошел наугад и оказался в большом селении, где торговали вином сразу в нескольких местах. Удобно расположившись на лавке, Чжи-шэнь потребовал вина, пугая посетителей своей щетиной.

Хозяин отказал все по той же причине — монахам не следует пить хмельное. После долгих споров Лу Чжи-шэнь перебрался в другое заведение. Но везде, куда бы он ни заходил, отодвинув дверную занавеску,

его отказывались обслуживать. И только после того, как он выдал себя за странствующего монаха, в одной из харчевен его приветили.

Говядина у хозяина еще утром закончилась, и Чжи-шэнь согласился отве-
дать собачатины, которая как раз варилась на очаге во дворе. Ему отрезали
полтушки, и монах на глазах изумленного владельца заведения стал рвать
ее руками и жадно поедать, макая в чесночный соус, запивая вином. Выпил
он изрядно, недоеденную ногу спрятал за пазуху и, довольный, вернулся в
монастырь.

«Эх, давненько я не тренировался! — воскликнул он, — Все тело задреве-
нело. Сделаю-ка несколько выпадов!» Лу Чжи-шэнь засучил рукава, сделал
пару упражнений, и кровь в нем заиграла. Подойдя к беседке, он подналег
плечом на столб, и тот с треском сломался, а беседка рухнула.

Долго он бесчинствовал во дворе, разбивая статуи божеств и круша
столы для жертвоприношений. Он пытался насильно толкнуть монахам в
рот собачий окорок, бил их по головам, обзывая «лысыми ослиами». Часть
из них попряталась в кельях, другие, схватив чаши для подаяний, убежали
из монастыря, а среди оставшихся оказалось несколько десятков раненых.
Лишь настоятель Чжи Чжэнь смог утихомирить пьяницу.

На следующий день настоятель решил отправить буяна в другой мона-
стырь, выдав ему на дорогу немного денег. Речь шла о Восточной столице
Бень-лян (汴梁), или Бень-цзин (汴京), ныне — Кхай-фэн. В центре столицы
располагался монастырь Да сян-го, что можно перевести как «великий
канцлер».

— Мой бывший ученик ныне — наставник в Да сян-го, я напишу письмо,
и он примет тебя, — пообещал Чжи Чжэнь. — На прощание дам тебе настав-
ление, помни его всю жизнь:

Все главное в твоей жизни начнется, когда ты встретишь **Лес** (*Линь*);
Встретишь **Гору** (*Шань*), — получишь богатство.
Столкнувшись с **Водой** (*Шуй*), испытаешь радость,
И закончится все у **Реки** (*Цзян*).

Это напутствие следует пояснить. Настоятель храма произнес всего
16 иероглифов, в которых описал основные вехи жизни Лу Чжи-шэня:

遇林而起, 遇山而富。
遇水而兴, 遇江而止。

В первой части иероглиф «**Лес**» (*Линь*) намекает на имя названного брата Линь Чхуна (林冲), по другой версии это намек на Лес диких кабанов (野猪林), где Линь Чхун едва не убили.

Во второй части иероглиф **Гора** (*Шань*) является намеком на гору Цветы персика, где Лу Чжи-шэнь столкнулся с разбойниками.

В третьей части иероглиф **Вода** (*Шуй*) подсказывает, что речь идет о речных заводах недалеко от горы Лян-шань, где собирались повстанцы.

Иероглиф **Река** (*Цзян*) подразумевает знаменитую реку Цень-тхан, на берегу которой провел в монастыре свои последние годы Лу Чжи-шэнь. Эта же река упоминается и в главе об отшельнике Лине.

Таким образом, 16 иероглифов, в которых настоятель монастыря зашифровал дальнейшие годы жизни воина-монаха, можно перевести достаточно многословно и с комментариями, восхищаясь при этом лаконичностью иероглифической письменности:

1. Со встречей и дружбой с **Линь Чхуном** (林冲) начнется твоя борьба за справедливость. [Другая версия — твоя борьба за справедливость начнется после того, как ты спасешь от смерти Линь Чхун в Лесу диких кабанов (野猪林)].
2. На **горе** Цветы персика (桃花山) ты отберешь у главарей разбойников Ли Чжуна (李忠) и Чжоу Тхуна (周通) нечестно нажитое богатство.
3. У болот и **озер** у горы Лян (水泊梁山) дело будет процветать, — ты с единомышленниками соберешь армию повстанцев.
4. Оказавшись недалеко от **реки** Цень-тхан (钱塘江), ты закончишь свой земной путь.

Жизнь в столичном храме

Дней через девять, пережив ряд приключений, Чжи-шэнь увидел Восточную столицу. Найдя монастырь, он сообщил о письме настоятелю, и его провели в келью. Всех монахов напугал необычный вид служителя Будды с тяжелым железным посохом и висевшим на боку кинжалом.

Прочитав письмо о бесчинствах Чжи-шэня, настоятель стал советовать с остальными монахами: и оставить такого пьяницу страшно, и отказать настоятелю с горы У-тхай неудобно. Пока гость обедал и отдыхал с дороги, насельники монастыря решили дать ему работу за пределами монастыря. Там имелось у них огородное хозяйство, которое постоянно подвергалось нашествиям солдат из ближайших казарм и участников шайки, обосновавшихся

неподалеку. Старый монах, присматривавший за огородом, конечно, не мог справиться с набегами. Так что Чжи-шэню со столь устрашающим видом такая работа оказалась бы впору.

Когда Чжи-шэню объяснили его обязанности, он заупрямился: «Не стану я присматривать за огородом! Хочу должность келаря или казначея!» Долго объясняли генералу, что такие почетные должности надо заслужить, и что только после старательной работы в течение какого-то срока он может рассчитывать на повышение. Наконец, Чжи-шэнь согласился: «Если и вправду смогу получить повышение, то завтра же отправлюсь на огороды». И столь тихое место, как огород, превратилось в поле боя.

Во время первого же набега шайки (пришло лишь несколько человек из тридцати) воин-монах показал, на чьей стороне сила, не только побив наглецов, но и унизив их. Так что в конце беседы бездельники почтительно поклонились и ушли.

На следующий день шайка держала совет и решила: закупить вина и пригласить на пир монаха Чжи-шэня. Услышав много лестных слов в свой адрес, монах растаял. Все вместе пили-гуляли, но в разгар веселья грабители и воры всполошились, когда до них долетело воронье карканье со двора. Оказывается, члены шайки, будучи суеверными, полагали, что крик ворона непременно накличет беду.

Кто-то из них предложил залезть на дерево и разорить воронье гнездо. Захмелевший Чжи-шэнь вышел наружу и снял с себя рясу. Наклонившись, он левой рукой ухватился за корень высокой ивы, а правой обхватил ствол. Выпрямившись, он вырвал дерево с корнем. Разбойники упали на колени, восклицая: «Учитель, вы не простой смертный, вы — *ло-хань*!»

Опустим много подробностей из жизни Лу Чжи-шэня, потому что если кого из читателей заинтересует эта персона, он сможет самостоятельно познакомиться с произведением Ши Най-аня «Речные заводы». Скажем лишь, что этот герой пережил множество сражений, неудач и успехов, обрел немало друзей и врагов, а последние дни свои провел все же в монастыре на берегу реки Цень-тхан, безболезненно почив в позе созерцания (т. е. умер в сидячем положении) и погрузившись в паринирвану.

Вот как это произошло. После окончания народных выступлений и множества подвигов Лу Чжи-шэню предложили чиновничью должность при императорском дворе, однако он отказался, приняв решение уже осознанно уйти в монастырь Лю-хэ сы, что в городе Ханчжоу.

Он не был южанином, — родился на территории Гуань-си, что в провинции Хэнань, а потому никогда не слышал о таком явлении, как чжэцзянский прилив в виде высокого катящегося водяного вала в устье реки Цень-тхан, и о том, что в городе о приближении прилива извещают специальным сигналом. Услышав его, Лу подумал, что звучат военные барабаны, как сигнал о нападении разбойников, поэтому схватил свой тяжелый посох и выбежал из кельи.

— Что с тобой? — всполошились монахи, — куда собрался?

— Спешу вступить в сражение — слышу грохот боевых барабанов!

Монахи рассмеялись:

— Ошибаешься, барабаны предупреждают о приливе с волнами.

— Какой еще сигнал о приливе? — испугался Лу.

— Сегодня 15-й день восьмой луны, и в третью ночную стражу (с 1 до 3 ночи) как раз и прибудет волна.

— О, теперь я понял слова, сказанные мне когда-то наставником Чжи Чжэнем! «Услышишь о морском приливе, — сразу придет пора круга, увидишь сигнал, — и сразу наступит безмолвие» («听潮而圆·见信而寂»). Раз уж я услышал сигнал о приливе, значит, настало время погрузиться в паринирвану (иероглифы «круг» и «безмолвие» вместе означают «уход в мир иной»). Братья-монахи, скажите, пожалуйста, что такое паринирвана?

— Ты — монах, и странно, что не знаешь этого: в буддизме паринирвана означает смерть.

— Раз мне сегодня суждено умереть, помогите мне нагреть бочку воды, чтобы я мог помыться! — с улыбкой попросил Лу Чжи-шэнь. И сообщите моим друзьям, боевым товарищам, пусть придут, попрощаются.

Пришли два самых близких нашего героя, попрощались. После этого Лу Чжи-шэнь сел на низкое широкое буддийское кресло, на котором можно было скрестить ноги, и отрешенно предался созерцанию, углубившись в себя. Душа его отлетела совершенно незаметно.

Главных героев в романе — 108, и в китайском варианте их называют «генералами», причем, Лу Чжи-шэнь занимает 13-е место по значимости. Но следует иметь в виду, что в реальности они не носили такое звание, речь идет о подвигах мастеров боевых искусств, странствующих рыцарях, которые совершенствовались в приемах кулачного боя и боя на мечах и палках. Металлический посох Лу Чжи-шэня, например, весил 35 кг. Большинство из этих героев являлись разбойниками, к ним, в конце концов, присоединился

и Лу Чжи-шэнь. Тренировался он обычно в пьяном виде, так что движения его приобретали самую неожиданную траекторию. Он наносил удары в падении, в кувырках, шатался и уклонялся от ударов врагов. И внезапно из хитросплетения падений и неуклюжих движений возникал жесткий и хорошо рассчитанный удар. От Чжи-шэня и пошел один из подстилей «пьяного человека». Он исполнялся монахом на площадке всего в 2—3 метра шириной, и основной упор делался на точном подражании пьяному человеку.

Надо сказать, что образ разбойника почитался в Китае, так что героев можно было бы назвать «108 благородных разбойников», или «108 отважных героев из Лян-шань-бо» (там базировался их лагерь).

Наиболее часто встречающиеся изображения Лу Чжи-шэня на рисунках или в пластических формах — монах с кадучкой вина в руках, монах с собачьим окороком, монах, вырвавший с корнем дерево.

Мне было известно, что где-то в Китае есть храм, в котором когда-то жил Лу Чжи-шэнь, однако не помнила ни города, ни названия, — упомянуть такое невозможно, ведь роман читала давно, еще в юности, да и старинных монастырей в Поднебесной не счесть. Поэтому можно понять мой восторг, когда во время экскурсии по пяти древним столицам Китая (голова кружилась от обилия достопримечательностей) вошла в один из храмов в городе Кхай-фэн и увидела огромную статую монаха с выкорчеванным деревом в руках!

Уж не Лу Чжи-шэнь ли это? Я не верила своему везению! Компьютеры в то время еще не были столь распространены, как сейчас, и я не имела возможности хорошо подготовиться к экскурсии, прочитав необходимые материалы заранее. Сердце билось учащенно. Стояла посреди монастырского двора и думала: «Неужели тут жил мой любимый герой? Круг замкнулся: сначала я восхитилась работой

мастера, купив статуэтку, затем перечитала отдельные главы романа, а теперь оказалась в монастыре, который упоминал автор знаменитого произведения и в котором более тысячи лет назад жил неповторимый воин-монах, благородный разбойник Лу Чжи-шэнь, внешность которого меня поразила, когда впервые взяла в руки его статуэтку!»

Три монаха — нет воды

Заключительную главу о буддийских монахах мы предлагаем в качестве своеобразного десерта, чтобы читатель мог улыбнуться. Однажды мы увидели небольшие статуэтки трех буддийских монахов с ведрами и удивились: что за сюжет? Оказалось, что иногда мастера мелкой пластики шутят, делая иллюстрации к пословицам, поговоркам и *чхэнь-юям* (*чхэнь-юй* — идиоматическое выражение, фразеологизм).

Этот вид народного творчества не только свидетельствует о мудрости китайцев, но и знакомит с их менталитетом, отношении к различным жизненным ситуациям, что помогает лучше их узнать и понять.

Например, в представлении россиян самопожертвование считается подвигом: если российский солдат в бою убеждается, что силы у него с противником не равны, он может броситься под танк со связкой гранат, чтобы, погибнув самому, вывести из строя и вражескую технику. И не имеет значения, что танк этот на поле боя не единственный, а потому исход сражения предreshен не в нашу пользу.

Китайцы такую гибель называли бы бессмысленной. По их представлениям, нет ничего ценнее человеческой жизни, и правильнее следовало бы сбежать, спрятаться, затаиться на время, чтобы, набравшись сил и выбрав подходящий момент, нанести удар противнику тогда, когда он этого не ожидает. И получится, что и твой временный отход, и сохранение твоей жизни оправданы.

Или еще один пример стратегии китайцев. В период Борющихся царств князь государства **Чжао** решил пойти войной на **Ень. Су Дай**, знаменитый странствующий проповедник из города Ло-ян, встретился с князем Хуй-ваном, правителем **Чжао**, чтобы дать ему совет. «Я только что переходил через реку *И-шуй*, — сказал он, — и увидел, как жемчужная устрица выползла на берег и раскрыла створки, чтобы погреться на солнышке. И тут к ней подлетел бекас и вцепился клювом в ее тело. Защищаясь, устрица плотно закрыла створки раковины, крепко защемив нос птицы.

При этом бекас, видимо, предполагал, что если долго не будет дождя, жемчужница погибнет без влаги. А устрица, наверное, надеялась, что если она и сегодня, и завтра не отпустит клюв, то бекас умрет. И никто не хотел уступать в своем упрямстве.

И тут на берегу появился рыбак с внуком, который подобрал и птицу, и жемчужную устрицу, поучая маленького мальчика, мол, смотри, когда двое дерутся, третий выигрывает. Так и в вашей ситуации, — подытожил **Су Дай**, — вы собираетесь идти войной на **Ень**, и вы, оба правителя, не желаете уступать друг другу. Ваши споры продолжаются в течение долгого времени, и ваши силы, рано или поздно, иссякнут. И тогда, я предполагаю, мощное царство **Цинь** окажется в роли того самого рыбака. Так что подумайте хорошенько еще не один раз: стоит ли упрямиться».

Хуй-ван поразмыслил и согласился: «Ты прав, говоришь разумно!», и отдал приказ остановить наступление на Ень.

В нашей коллекции есть три фарфоровых иллюстрации к этому эпизоду, выполненных в разное время, — китайцам нравится это мудрое выражение — видимо, такое поведение, такая стратегия характерны и для отдельного человека, и для страны в целом. По-китайски из полной фразы «Когда бекас сражается с жемчужницей, пользу извлекает рыбак» (鷸蚌相爭，漁翁得利) принято использовать лишь последнюю часть, — «пользу извлекает рыбак» (юй-вэн дэ ли), и всем становится понятно, что имеется в виду.

Но вернемся к монахам. Покупая фарфоровую группу из трех человек с деревянными ведрами, мы услышали пояснение: «Три монаха — нет воды!» (三个和尚没水喝).

— Почему нет воды? — удивились мы, и в ответ услышали поговорку полностью: «Один монах несет воду в двух ведрах на коромысле, чтобы напиться, два монаха несут одно ведро, а если в храме три монаха — нечего пить» (一个和尚挑水喝，两个和尚抬水喝，三个和尚没水喝). Оказывается, речь идет о старинной иронической сказке.

И, опять же, китайцы говорили мне, что в сказке подмечена их характерная особенность. «Иностранцы иногда говорят, что мы очень трудолюбивые, но это так лишь в том случае, если надеяться не на кого, кроме себя, — поясняли мне. — Захочешь есть, будешь вкалывать без усталости! Но если рядом появляется другой человек или даже несколько, мы сразу расслабляемся и предпочитаем отлынивать от работы, надеясь, что ее выполнит кто-нибудь иной».

Еще один экспонат из коллекции тоже имеет отношение к монахам. Речь идет об уникальном старинном чайничке-непроливайке. Фигуры ламаистского монаха и обнаженной девушки с маленькими бинтованными ступнями и являются туловом чайника. Фарфоровый носик имитирует полый бамбук. «Подошва» чайника имеет отверстие, в которое и наливается вино. Внутри — глубокая воронка (как в чернильнице), так что налитое назад не выливается.

Понятно, что монахам не разрешалось ни употреблять спиртное, ни общаться с женщинами. На самом же деле эти правила нередко нарушались, так что данное произведение искусства представляет собой реплику мастера, иронизирующего над святостью служителя Будды. Маленькое пояснение: в старину чай заваривали в специальных чашках с блюдцами, которые служили и подставкой, и крышечкой. А в маленькие чайники наливали вино, чтобы подогревать его.

А вот и сама сказка о трех монахах. Когда-то давно на высокой горе, у самого неба, стояла крошечная кумирня, в которой обитал всего лишь один монах. Он был совсем молоденьким и маленького роста. Монах ежедневно проделывал одно и то же: сначала, рано утром, он спускался за водой к колодцу и набирал два полных деревянных ведра, которые нес на коромысле. Неважно, что обратная дорога была неблизкой, а склон — крутым: ведь вода нужна не только, чтобы пить и готовить пищу, но и одежду стирать, и цветы поливать.

Нелегко было тащить в гору два тяжелых ведра, но и без воды жизнь и служба невозможны. Монах, прежде всего, наполнял водой сосуд, который держала в руке статуя богини Гуань-инь, ведь чистая вода, цветы и плоды — главные жертвоприношения для божеств и духов. И только после этого монах пил воду сам.

Потом он читал сутры, постукивая для ритма в «рыбий» барабанчик, молился, а ночами следил, чтобы мыши не погрызли храмовую утварь. Жизнь его текла размеренно, спокойно и безмятежно.

Но вот однажды на гору поднялся еще один монах, толстый и потный, который очень хотел пить. «На улице такая жара! — пожаловался он, — не найдется ли водички?» Выпив сразу полведра, он попросил маленького монаха:

— Можно, я тоже буду служить с тобой в этой кумирне?

— Оставайся! — ответил первый монах, а сам подумал, что вдвоем веселее, да и за водой можно реже ходить — ведь появился помощник.

Однако на следующий день толстый монах сказал: «Пойдем вместе за водой, — одному тяжело нести!» И отправились они вдвоем к далекому колодцу. Толстяк захватил лишь одно ведро, и они вдвоем с трудом дотащили его до кумирни, повесив его в центре коромысла. Первому монаху теперь и

самому было трудно представить, как это он раньше приносил по два ведра? Теперь одного ведра, конечно, маловато, но от жажды не умрут.

Через некоторое время к двум служителям Будды присоединился третий, — высоченный и худющий, и все вместе они смотрелись карикатурно: на одном халат болтался, как на палке, на другом натянут, как на барабане. Первый — коротышка, второй — толстяк, третий — как верстовой столб возвышается над всеми.

Новый монах после долгой дороги очень хотел пить, но деревянное ведро оказалось пустым. Коротышка и толстяк упрямылись — никто не хотел идти за водой, каждый думал: «Почему я должен нести воду для кого-то другого?»

Высоченному монаху предложили: «Сходи к колодцу, набери воды, да и пей!» Монах сходил, но он так устал от подъема в гору, от тяжести и от жары, что, едва дойдя до кумирни, взял большой черпак из половины высушенной тыквы и с жадностью выпил всю воду из ведра.

С тех пор эти трое так и жили: с утра каждый читал свои сутры, стучал в барабанчик, но никто уже не наливал свежей воды в сосуд для Гуань-инь. Мыши по ночам осмелели и стали воровать и пожирать все, что казалось им съедобным: свечи, благовония, масло.

Трава во дворе завяла и высохла, у монахов кружилась голова от жажды, но каждый был спокоен и уверен в собственной правоте. Низкорослый монах полагал, что он тут — главный, да и вообще, он за свою жизнь на горе больше всех воды перетаскал! И, поскольку он приютил двух других, то они и обязаны носить воду.

Толстяку все время хотелось спать, и он нередко устраивался поудобнее в тени, подложив под голову деревянное ведро, опрокинутое на бок. «Долговязый последним пришел, — пусть он и ходит к колодцу», — думал он, засыпая. У долговязого были свои доводы: «Я самый младший, худой и слабый, мне следует больше отдыхать».

Мыши настолько обнаглели от безнаказанности, что ночами поднимали страшный шум, резвясь, громко топая и опрокидывая все на жертвенных столах. Они перевернули подсвечник, и начался пожар. Проснувшиеся в испуге монахи только тут опомнились и побежали за водой. Они бегали туда и обратно не один раз, и им уже не казалось, что колодец — далеко, подъем — крутой, а ведра — тяжелые.

Они и пожар потушили, и кумирню починили-восстановили, стали прилежными, старательными, и воды у них теперь всегда было вдоволь: и жажду утолить, и Гуань-инь в сосуд налить, и еду сварить, и постирать, и цветы во дворе полить.

С тех пор в народе и шутят, что у трех монахов нет воды, чтобы напиться.

*Современная шутка о знаменитых монахах***Четыре¹ буддийских монаха подходят к Пекину**

У-кхун²: Учитель, впереди клубится и колышется дымка. Похоже, это царство небожителей? Боюсь, мы попали в храм Да-лэй-инь, что на Западном небе³!

Тхан-сэн⁴: У-кхун, это Пекин! Не удивительно, что ты считаешь его «царством небожителей», ведь уровень жизни тут самый высокий в стране. Если хочешь — оставайся!

У-кхун: Нет, учитель, я предпочитаю Западные небеса!

Тхан-сэн: Ученик не знает, что остаться в этом месте — самый быстрый способ отправиться на Западное небо!

*Для самых любознательных***Что означает свастика в буддизме**

Свастика, т. е. крест с загнутыми против часовой стрелки концами, в древней Индии имела символический смысл, означая благое пожелание, чистоту, полноту во всем. Это счастливый знак.

Согласно древним записям в канонах у изображения Будды должны быть такие знаки на груди, ладонях, ступнях и пояснице, символизируя его заслуги и благодеяния, его мудрость и сострадание.

Кроме того, непрерывное вращение свастики означает неограниченное продвижение буддизма, безграничность его силы, протяженность во все четыре стороны света, неистощаемую открытость учения для каждого, безостановочное спасение людей в их неисчислимом количестве жизней.

В Китае этому знаку, подобно иероглифу, дали чтение *вань*, что омонимично иероглифу со значением «10 тысяч». А потому к значениям индийской свастики добавили и свое, — «десять тысяч лет здоровья», «долголетие», «да

¹ Имеется в виду группа из четырех главных героев произведения У Чхэн-эня «Путешествие на Запад» (Тхан-сэн, Сунь У-кхун, Ша-сэн и Чжу Ба-цзе).

² У-кхун (Сунь У-кхун) — один из главных героев произведения «Путешествие на Запад».

³ Западное небо — буддийский рай.

⁴ Тхан-сэн — одно из имен Сюань-цзана, знаменитого китайского буддийского монаха, ученого, философа, путешественника и переводчика времен династии Тан. Он стал главным героем классического произведения «Путешествие на Запад».

здравствует». Практически в каждом храме, будь то буддийский или даосский, свастика украшает каждый торец карнизных стволлов, и вообще является важной частью многих видов орнамента.

Что касается немецко-фашистской свастики, то Гитлер, который увлекался буддизмом, использовал этот знак, перевернув его в обратную сторону, и концы его креста загнуты по часовой стрелке.

Важнейшие атрибуты буддийских монахов

Главные атрибуты — четки и рыбий барабанчик. Слово «четки» на китайский перевели тремя вариантами: *фо-чжу*, *нень-чжу* и *шу-чжу*, т. е. «буддийские бусины», «бусины для чтения» и «бусины для счета». Ими пользуются монахи, чтобы сконцентрировать свои мысли и чувства во время чтения буддийских сутр, а также для запоминания количества прочитанного. У китайских буддийских монахов четки очень длинные, как правило, свисают ниже пояса, поэтому носят их на шее. Чаще всего они очень крупные, темно-коричневого цвета (если сделаны из дерева), и на каждой косточке, или каждой «жемчужине», вырезан иероглиф *фо* (佛), — Будда.

Выполняют их из ароматного дерева или камня — агата и даже нефрита. Количество косточек может соответствовать числам 18, 27, 54 и 108.

Рыбий барабанчик бывает двух видов. Первый — *му-юй* (木鱼), «деревянная рыба», — круглой формы, такой барабан-рыба похож, скорее, на головастика с вырезанной на его теле чешуей. Иногда выполняют и хвост, но чаще ограничиваются лишь пузатым телом. Зато всегда есть широкий рот и выпуклые глаза. Во время церемоний поклонения Будде по барабану стучат деревянной палочкой с шариком на конце. Получается глухой, но приятный и достаточно громкий звук. Когда барабаном не пользуются, палочку вставляют поперек рыбьего рта в специальное отверстие.

Иногда барабанчиком пользуются монахи во время заучивания сутр, т. к. ритм и монотонные удары помогают запомнить тексты. Маленькие барабанчики, да еще из красного дерева, выполненные в качестве сувениров, необыкновенно красивы и приятны для уха, глаза и рук.

Второй вид по форме гораздо больше напоминает продолговатое тело рыбы, чем предыдущий. Обычно его вешают перед складским помещением и стучат в него, когда созывают монахов на трапезу либо собрания.

Эти барабаны могут быть маленькими и огромными, а свое необычное название и форму они получили потому, что «рыбы вечно бодрствуют», т. е.

даже ночью не закрывают глаза и, по мнению буддистов, монахи должны поступать таким же образом — круглосуточно, неослабно помнить о своем служении Будде.

Есть еще один вид, не имеющий отношения к буддизму, но с похожим названием, — *юй-гу* (渔鼓), т. е. рыбий барабанчик с кастаньетами. Его изготавливают из полого ствола бамбука длиной в 3—4 *чшы*, и на один его торец натягивают кожу. Использовали его во время пения *да-цинов*, а также в национальных оркестрах. С таким барабанчиком принято изображать старого даоса Чжан Го-лао, одного из Восьми бессмертных.

В чем разница между буддийскими и даоскими храмами?

Для обозначения храмов пользуются иероглифами *сы*, *мяо*, *гуань*, *ань*.

Сы (寺, 山寺). Только после прихода буддизма в Китай этот иероглиф, потеряв свое прежнее значение, стал обозначать буддийский храм, т. е. место, где проживают буддийские монахи.

Ань (庵). Это тоже буддийский скит, монастырь, только проживают в нем женщины-монахини, т. е. *би-цю-ни* (比丘尼); это слово *bhiksuni*, переведенное с санскрита. Упрощенное название монахинь — *ни-гу* (尼姑). Слово произошло от санскритского *nip* (женщина).

Хэ-шан (和尚). Так принято называть буддийских монахов.

Мяо (庙). Это кумирня или храм, где проживают даосские монахи. Этим словом могут называть и конфуцианские храмы.

Гуань (观). Даосский скит, монастырь, место проживания даосских монахов.

Дао-ши (道士). Так принято называть даосских монахов.

Если надо сказать «храм» вообще, в широком смысле, то используют слово из двух иероглифов *сы-мяо* (寺庙).

Имена буддийских божеств

При переводе-транскрибировании санскритских имен с помощью китайских слогов некоторые иероглифы читаются особым образом. Например:

читается «шэ», а не «е»;

читается «цхе», а не «цзя»;

читается «цзи», а не «гэй»;

читается «сю», а не «су»;

читается «нэ», а не «на».

Есть ли сейчас в Китае отшельники?

Есть. Их священное место — горы Чжун-нань-шань, что в провинции Шаньси. Отшельничество длится год или два. Среди них есть отшельники, которые вообще не спят ни днем, ни ночью. Они ходят по келье, «туда и обратно», погруженные в самосозерцание.

Что означают буддийские пагоды?

Верующие считают, что силы *фэн-шуй* гораздо чаще оказывают негативное влияние, чем позитивное. По этой причине дома в деревнях строили одинаковой высоты, опасаясь, что выделяющийся высотой дом может привлечь «ветры четырех сторон света и злые силы».

Единственной защитой, полагали китайцы, могут служить еще более мощные силы, например, горы и холмы, способные преградить путь ветру. Если природные горы вблизи селения отсутствовали, люди создавали искусственные. Город или селение без защиты от таинственных сил в глазах суеверных людей был все равно, что без стен, и ему грозила гибель.

С возникновением даоской религии такой защитой стали служить пагоды — многоэтажные башни с небольшими выступами и карнизами с загнутыми краями, увешанными колокольчиками или пластинками, звон которых напоминает «вечную музыку миров» и улаживает слух Будды.

Пагоды обязательно имели нечетное количество этажей — 3, 5, 9, 11 и более. Самая высокая пагода насчитывала 15 этажей. По форме они строились квадратными, шести, восьми, двенадцатиугольными или круглыми, к вершине постепенно сужались и сооружались, как правило, в окрестностях города.

После проникновения в Китай буддизма пагода приобретает значение мемориального сооружения и хранилища буддийских священных книг и реликвий (например, мощей Будды). В VI-XI вв. н. э. соорудили несколько тысяч пагод, многие из которых сохранились по сей день. В приморских районах они играли и роль маяков.

Некоторые буддийские термины

Бу-цю (比丘) — буддийский монах, принявший полные монашеские обеты (Bhiksu);

ша-мэнь (沙门) — буддийский монах-аскет (Sramana);

сю-син (修行) — отшельничество;

цзюэ-у (觉悟) — прозреть, обрести сознательность, постигнуть истину;

цзе-тхо (解脱) — отказаться от мирской суеты, спасти душу;
кху-син (苦行) — схимничество, аскетизм, самоистязание, подвижничество;
не-пхань (涅槃) — нирвана;
ме-ду (灭度) — умереть, достичь нирваны;
цзи-ме (寂灭) — отрешиться от смерти и жизни;
юань-цзи (圆寂) — скончаться, погрузиться в паринирвану (parinirvāna);
бу-ань (彼岸) — противоположный берег, тот свет, потусторонняя жизнь (Paramita).

Буддийские храмы Китая, посвященные конкретным персонажам

Ми-лэ-фо. Пекин, *Гуан-цзи-сы тхень-ван день* (广济寺天王殿).

Ми-лэ-фо. Сучжоу, *Лин-ень-сы ми-лэ-гэ* (灵岩寺弥勒阁).

Ми-лэ-фо. Хэбэй, *Чжэн-дин син-лун-сы* (正定兴隆寺).

Бу-дай хэ-шан. Нанкин, *Ци-ся-чхань-сы* (栖霞禅寺).

Бу-дай хэ-шан. Ханчжоу, *Лин-инь-сы фэй-лай-фэн* (灵隐寺飞来峰).

Цзи-гун. Ханчжоу, *Лин-инь-сы хай-дао-цюнь-су* (灵隐寺海岛群塑).

Цзи-гун. Ханчжоу, *Ху-пхао Цзи-гун тха-юань* (虎跑济公塔院).

Цзи-гун. Сычжуань, *Синь-ду бао-гуан-сы* (新都宝光寺).

Цзи-гун. Сучжоу, *Си-юань цзе-чхуан-люй-сы* (西园戒幢律寺).

Да-мо. Хэнань, *Сун-шань шао-пинь-сы* (嵩山少林寺).

Да-мо. Фучжоу, *Гу-шань Да-мо-дун* (鼓山达摩洞).

Хэн и Ха. Пекин, *И-хэ-юань сян-ень цзун-инь-чжи-гэ* (颐和园香岩宗印之阁).

Хэн и Ха. Пекин, *Цзе-тхай-сы* (戒太寺).

Хэн и Ха. Хэнань, *Сун-шань шао-пинь-сы* (嵩山少林寺).

Хэн и Ха. Кхунь-мин, *Си-шань хуа-тхин-сы* (西山华亭寺).

Хэ-Хэ. Сучжоу, *Хань-шань-сы* (寒山寺).

Юй Вэнь дэ ли - Юй Вэнь получает выгоду. распространенная китайская поговорка, означающая Когда двое дерутся - третий получает выгоду.

Цзи-гун

Цзи-гун убегает с невестой

Цзи гун пьет подогретое вино

Цзи гун с петухом

Хэ-Хэ на крыше храма в Сучжоу

*Фарфоровая Гуан Инь
с двумя левыми руками*

Храм в горах

Храм братьев Хэ-Хэ в Сучжоу - этот храм служит местом новогоднего паломничества японских последователей цзен-буддизма.

Фарфоровое изображение Юй Вэня, извлекающего выгоду из схватки аиста с гигантским моллюском.

Три монаха без воды

Сыновья Дракона

Представители 18 архатов, миниатюра

Сатира. буддийский монах с певичкой на чайничке с вином.

Прочищающий ухо Нагасена

Прочищающий нос

Продавец бронзовых буддийских святых

Пиндола Бхарадваджа

Печальный

Отдыхающий монах

Монах, уснувший на рыбьем барабане

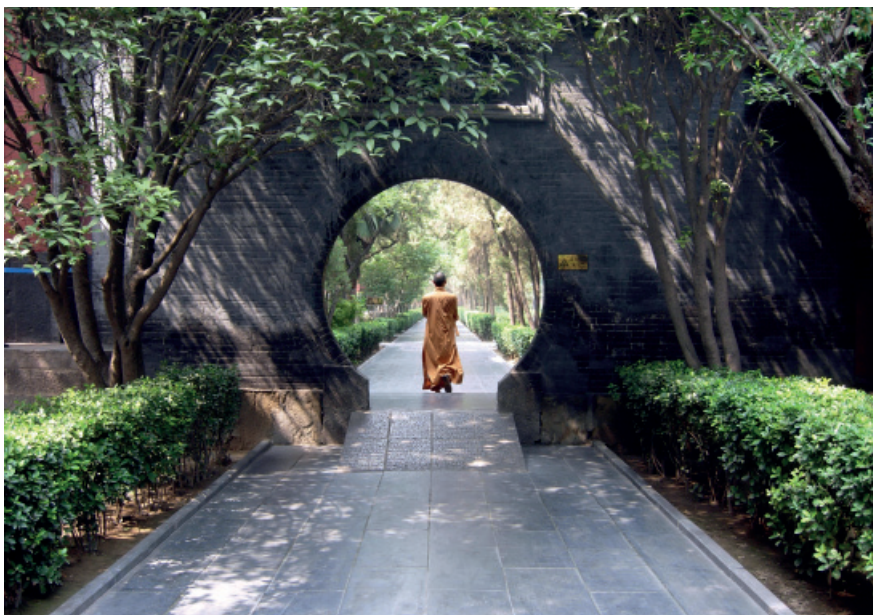
Монах, приветствующий гостей

Многорукая Гуань-инь

Монах с больной ногой

Монах в Бай-ма-сы, первом буддийском храме Китая

*Миниатюра. Бодхисаттва,
разбрасывающая цветы*

*Миниатюра. Бодхисаттва,
разбрасывающая цветы.*

Майтрейя. Резьба по камню.

*Да-мо. Изготовлено из фарфора
в городе Цзиньдэчжэнь*

*Майтрейя. Фарфоровое
изображение. Таншаньская школа
фарфоровых изображений*

Майтрейя с детьми

Майтрейя у подножья горы Линьшань близ города Уси

Лу Чжи-шэнь в храме Сян-го-сы

Ло-хань

Линь Хэ-цзин

Китайские монахи

Картины ада в храме

Золотые Будды из города Ханчжоу

*Золотой Будда в Храме
Прибежище Души (Линъисы)
в городе Ханчжоу*

Заноза

Архат Гопака

*Да-мо в храме Шаолинь - родине
китайского ку-фу.*

Девятиярусная пагода

Два монаха несут одно ведро.

Да-мо с посохом. Фарфор

Гуань инь

Да-мо на черепаходраконе

Гуаньинь в Санъя высотой в 108 метров.

Гуань инь

Гуань инь

Генерал-монах Лу Чжи-шэнь

Глиняные монахи

Ворота Круглая луна в храме

Ваджрипутра

Будды на Блошином рынке в Пекине

*Будда, татуировка.
Шанхай 2010.*

Архат

Архат Ваджрипутра

Братья Хэ-Хэ

Архаты Ангаджа и Пантхака

Будда с пятью детьми

Архат Рахула

Архат Пантхака

Архат Канакаватса

*88-метровый Будда на горе
Линшань рядом с городом Уси*

Даосизм

Китай — многонациональное государство со множеством религий. Среди пяти главных, как уже упоминалось, — даосизма, буддизма, католицизма, протестантизма и ислама — только даосизм является местной религией, приспособленной к духовным традициям раннего Китая. Так что, рассказывая о верованиях китайцев, прежде всего, стоило бы рассмотреть даосизм (道教), который сформировался во II веке, в период Восточная Хань, изначально — в среде угнетенного крестьянства, мечтающего об идеальной жизни в обществе. Считается, что он зародился в местечке Чжан-дао-лин, что в провинции Сычуань.

Войны и неурожаи приводили народ на грань разорения, а многочисленные крестьянские восстания являлись отличительной чертой того периода. Поэтому понятно, что в таких условиях идеалы Лао-цзы оказались близки народу. В них они искали утешение и пытались спрятаться от невзгод, мечтая о вечной жизни и процветании. Люди верили, что существуют лекарства, предотвращающие смерть и дарующие долгожительство, а также волшебные эликсиры, употребляя которые можно получить сверхъестественные способности. Изготавливали их путем плавки киновари, золота и прочих компонентов.

В легендах утверждается, что, став бессмертными, можно обрести жизнь, свободную от обязанностей, недовольства и земного беспокойства, получить возможность бродить свободно между Небесами и Землей. Бессмертным, наделенным огромным могуществом, не приходится бороться за жизнь или трудиться, они свободны от болезней и смерти. Они поют или пьют вино весь день, живя в местах абсолютно гармоничных, где Солнце и Луна всегда блистают, сезоны пунктуальны, ветер и дождь — послушны, мальчики и девочки растут здоровыми, высокими и находят в жизни счастье и богатство.

Самым процветающим периодом для даосизма можно назвать VII-XIV века, когда он, наряду с конфуцианством и буддизмом, превратился в один из трех идеологических столпов Китая. К XIV веку появляются различные школы и секты даосов. И, начиная с этого времени, философия даосизма делится на два направления: *Дао цюань-чжэнь*, пропагандирующее самосовершенствование для достижения бессмертия (религиозное течение), и *Дао чжэнь-и*, связанное с колдовством и чарами.

Основными и уникальными методами самоусовершенствования стали «внешняя» и «внутренняя» алхимия. «Внешняя» занималась превращением обычных металлов в драгоценные, как и на Западе, а «внутренняя» алхимия делала акцент на развитие методов, позволяющих алхимику использовать собственные дух, характер и жизненную силу, чтобы поднять духовность и продлить жизнь. Конечная цель внутренней алхимии — создание духа, который может, оставив тело, покинуть земную сферу и путешествовать во Вселенной.

Находилось немало людей, которые восприняли возможность стать бессмертным буквально, а потому заплатились жизнью. Вот отрывок из романа Цхао Сюэ-цин «Сон в красном тереме». «Он поклонялся звездам, принимал пилюли из ртути с серой и делал другие глупости, чтобы обрести долголетие. Это и привело к преждевременной смерти. Живот его был тверд, как железо, а губы, сожженные пилюлями бессмертия, потрескались. Он принадлежал к даосской секте, поэтому глотал золото и киноварь, в результате чего сжег себе внутренности. Гроб для умершего приготовили еще несколько лет назад, и тот давно стоял в монастыре, так что хлопот было не много».

После XV столетия взаимное влияние трех идеологий росло, сглаживая различия между ними. Многие люди верили одновременно в буддизм и даосизм, существовало множество обычных практик, которые включали ценности обеих религий, а также конфуцианства.

Космологию даосизма можно назвать древней китайской философией. Даосские изображения, встречавшиеся на картинах и в литературе, отображающие жизнь на небесах, а также бессмертных, населяющих их, распространялись на территории Китая и передавались от поколения к поколению. Традиция эта простерлась настолько широко, что большая часть содержания даосизма, как веры, была привнесена в обычную жизнь и превратилась в народную мудрость. Иностранные религии, проникшие в Китай, также подвергались влиянию даосизма.

Утверждая, что религия даосов сформирована во втором веке, мы не должны забывать, что некоторые ее доктрины относятся к десятому столетию до Рождества Христова. Обычно считается, что даосизм рожден из трех источников:

- поклонение духам предков и духам природы, которое существовало уже в первобытном обществе;
- сказания о бессмертных небожителях, а также древние мистики *фан-ши* и их тайное искусство *фан-шу*, возникшие в периоды Весны и Осени и Враждующих государств (VIII-III вв. до н. э.);
- учение «Хуан-Лао», процветавшее во времена династии Хань.

Именно учение «Хуан-Лао сюэ-пхай» (黄老学派) можно назвать основой даосской религии, ибо из него даосизм выбрал все лучшее, в том числе рецепты бессмертия, а также представления о Пяти первоэлементах и «Схеме Великого предела» (太极图), т. е. круге, символизирующем изначальный эфир, разделенный на противоположные составляющие *Инь* и *Ян*. Свое название «Хуан-Лао» трактат получил от имен Желтого Императора (Хуан-ди) и Лао-цзы, которых считают его основателями.

О Лао-цзы, основателе школы Дао, мало что можно сказать наверняка. Даже даты его жизни точно не известны. Предполагается, что родился он около 571 г. до н. э., а умер в 470 году до н. э. При рождении ребенок получил имя Ли-эр, но поскольку у него были седые брови и усы, его стали называть Лао-цзы, т. е. «старый ребенок». В Китае принято рождение мудрецов и великих людей окутывать тайной и приукрашивать загадочными и мистическими явлениями, чтобы придать значимости таким событиям. Сказочных нагромождений много, а истинным можно назвать лишь то, что настоящее имя мудреца — Ли Бо-ян. О жизни Лао-цзы почти ничего не известно, кроме того, что он родился в провинции Хэнань, был сыном знатных родителей, жил в эпоху кризисов и переворотов и служил хранителем архива и библиотеки при дворе династии Чжоу. Он прекрасно знал историю, обладал обширными знаниями о природе, хорошо разбирался в обычаях и обрядах и консультировал Конфуция по вопросам придворных ритуалов и этики.

После окончания гражданской войны за престол, вспыхнувшей в 520 году до н. э., Лао-цзы уволили с должности за то, что он принимал участие в военных сражениях. Философ долгое время скрывался и много путешествовал.

В преданиях упоминается, что однажды охранник заставы на границе заметил на востоке фиолетовое свечение, что свидетельствовало о прибытии святого. Пограничники увидели, что к ним приближается мудрец верхом на буйволе. Оказалось, что это был Лао-цзы, в конце своей жизни принявший решение уехать из Китая.

«С утра пораньше Лао-цзы выехал на черном воле к заставе Хань-гу. Там его приняли, как гостя, угостили и попросили написать на память поучения. «Путь совершенного человека — это деятельность, но не вражда...». Лао-цзы исписал дощечки пятью тысячами иероглифов, вырезав их чисто и аккуратно, а затем нанизал их на веревку, и получилось две связки. Этот трактат — единственный текст мудреца, оставшийся для потомков, хорошо известный сегодня, как классический канон «Дао Дэ цзин» («Канон о Пути и Морали»).

Начальник заставы Гуань Инь-си приказал приготовить свертки с солью, кунжутными семечками и лепешками и сложил все это в мешок из белого холста в дорогу для Лао-цзы.

Мудрец спустился со сторожевой башни, где он вырезал иероглифы на дощечках, к воротам заставы, провожаемый всеми ее обитателями, сел на вола и поехал по дороге между холмами. Провожающие смотрели вслед, пока были видны седые волосы, желтый халат, черный вол и белый мешок. Но затем поднялась пыль, окутавшая путника, и уже ничего было не разглядеть среди облака желтого песка.

— Он сказал, что направляется в зыбучие пески, — промолвил начальник заставы, — доберется ли? Ведь там нет ни соли, ни хлеба, ни воды...».

Лао-цзы оставил много мудрых изречений, ставших сегодня популярными афоризмами. Например, «благородный муж надевает на себя простую одежду, но в душе имеет драгоценный камень», «кто считает, что все постиг, тот ничего не знает», «хочешь быть наверху и впереди, — находишься внизу и сзади».

Немного теории. В основе учения даосизма лежит принцип *Дао*, который буквально переводится как «путь», «дорога» (второе его значение — «метод» и «высший принцип»). Другие принципы даосизма — *у* *вэй* («пассивность», «плыть по течению») и *дэ* («добродетель», но не в смысле высокой моральной

чистоты, а в смысле качеств, проявляющихся в повседневной жизни, когда принцип *дао* осуществляется на практике).

В даосизме считается, что характер событий в мире определяется силами *Инь* и *Ян*. Все, что существует между Небом и Землей, порождается взаимодействием этих сил. Все прямое и кривое, красивое и отвратительное, все изменения и превращения в природе возникают и совершаются под влиянием этих двух энергий. Они неразрывно связаны друг с другом и представляют собой единое целое: исчезновение *Инь* влечет за собой возникновение *Ян* и наоборот.

Эти невидимые жизнетворные силы, взаимодействуя, принимают формы: Небо — *Ян*, Земля — *Инь*, Вода — *Инь*, Огонь — *Ян*, Солнце — *Ян*, Луна — *Инь*. Мужское начало — ясность мысли, активность и возвышенность — считается присущим силам *Ян*, тогда как женское начало — все слабое, темное и пассивное в жизни — приписывается действию сил *Инь*.

Основу политической идеи Лао-цзы составляла доктрина об управлении посредством недеяния, т. е. править государством нужно в согласии с законами природы. А достижения могут свершаться и путем невмешательства в государственные дела. Он считал, что увеличение количества законов, указов и запретов приводит к разбоям, грабежам и обеднению народа.

Великий философ говорил, что с развитием человеческой цивилизации люди стали все сильнее гнаться за славой и прибылью и впоследствии потеряли свою изначальную природу. Недостаток доброты, верности, праведности, сыновней почтительности привел к тому, что люди стали бороться друг с другом. Если бы все могли оставаться добрыми к окружающим, и правительственные чиновники служили бы народу честно, то мораль стала бы частью повседневной жизни, и не приходилось бы постоянно напоминать о ней.

Лао-цзы учил: «Человек следует Земле, Земля следует Небу, Небо следует Дао, а Дао следует естественности». Единство Неба, Земли и Человека — это идеал, к которому веками стремились китайцы.

Дао — основное понятие философии Лао-цзы, это — корень и сущность всех предметов и явлений во Вселенной. В древнем каноне «Дао Дэ цзин» говорится, что Дао можно считать матерью мира, однако его невозможно увидеть или услышать. Это нечто бесформенное, существующее вне органов чувств, это — корень происхождения всех явлений в природе.

Даосизм, как полагают многие ученые, является наименее распространенным среди главных религий мира. Но, несмотря на то, что в настоящее

время даосизм является религией с самым малочисленным количеством храмов, именно он оказывает влияние на развитие китайской культуры, а также на каждодневные привычки китайцев, ибо именно эта религия сконцентрировала в себе ранние духовные традиции Поднебесной. Живущие по всему миру китайцы испытывают влияние философии Дао во всех аспектах своей жизни, и не будет преувеличением сказать, что китайскую культуру невозможно понять, не ознакомившись с даосизмом.

В современном Китае количество храмов и прихожан, являющихся чистыми даосами, уменьшается. Тем не менее, влияние даосизма на китайскую культуру велико и сейчас, поскольку он является особым сплавом религии, культуры и философии. На сегодняшний день существуют десятки тысяч даосских монахов и около 4500 даосских храмов. Многие из них являются не только святынями, но и памятниками истории, имеющими огромное культурное значение, демонстрирующими основные черты китайской цивилизации.

Популярными божествами в даосизме являются боги Долголетия (Шоу-син) и Богатства (Цхай-шэнь), Огня (Хо-шэнь) и Очага (Цзао-шэнь), покровитель Литературы (Вэнь-ди), бог Медицины (Хуа-тхо) и др. Они же принадлежат и к пантеону божеств народной религии, с ними мы познакомим читателя в соответствующей главе.

Но самыми известными представителями даосизма можно считать знаменитых Восемь бессмертных, которым посвящена моя книга с таким же названием — «Восемь бессмертных», так что в данном томе мы расскажем о них лишь вкратце, уделив больше внимания не менее интересным историческим персонажам, обожествленным впоследствии и имеющим отношение к даосизму.

ВОСЕМЬ БЕССМЕРТНЫХ

В течение двух с лишним тысяч лет даоская мудрость накапливалась, передавалась от поколения к поколению посредством различных записей и книг. Последователи даосизма собирали и переписывали эти книги, и хотя многие из них утеряны, сохранившихся до наших дней тоже немало.

Собрания сочинений даосов знакомят читателей со своим учением не только путем глубокомысленных рассуждений, но и посредством трогательных, интересных по содержанию историй с богатым философским наполнением, в которых нашли свое воплощение мечты, чаяния и стремления людей древнего Китая, а также идеи даосизма. Многие рассказы основаны на реальных исторических фактах и всегда привлекали внимание простых людей.

Отличие от других религий, лишь небольшая часть сочинений даосов посвящена порицанию и осуждению зла, в большинстве же из них описывается стремление к прекрасной жизни, когда вставшие на путь *Дао* путем самосовершенствования становились небожителями.

Восемь бессмертных — представители даосской школы (*Дао* — путь познания и прозрения; этим понятием пользуются не только даосы, но и конфуцианцы, и буддисты, вкладывая в него свое понимание и религиозно-философское содержание).

Даосы считали, что путь в бессмертие доступен каждому. По учению *Дао* главная заповедь — спасение людей. В этом и состоит высшая добродетель, ведущая к бессмертию. И хотя эти восемь героев, реальные исторические личности, жили в разное время, в разные эпохи, их объединяет то, что все они очень любили людей, с удовольствием помогали самым бедным и несчастным. Именно за это их почитали, о них слагали легенды, и они остались навсегда в памяти потомков.

Об этой восьмерке есть и исторические записи, но в основном сведения о них передавали из уст в уста, из поколения в поколение, отсюда и наслоение огромного количества легенд; и теперь уже трудно судить, что — правда, а что — вымысел.

Со временем люди объединили в своих представлениях восьмерых бессмертных в единую группу. И хотя эти канонизированные личности, повторяюсь, в реальной жизни не знали друг друга (да и не могли знать), фантазия китайцев сделала их представителями какого-то небесного сообщества, в котором есть представители молодых и старых, чиновников и бродяг, мужчин и женщин, богатых и бедных, образованных и невежественных.

Иероглиф «бессмертный» (*сень*), который можно перевести еще и как «колдун», «волшебник», «небожитель», состоит из двух частей: «человек» и «гора» (山). Потому что даосами в прошлом, как правило, становились люди (порой даже высокопоставленные чиновники), которые разочаровались в устройстве мира и Поднебесной, в порядках и отношениях, существовавших между людьми. Они уходили высоко в горы (поближе к небу), стряхнув прах мирской жизни, и вдали от суеты, питаясь только травами, рыбой да кореньями, занимались самосовершенствованием.

Самые талантливые и последовательные из них постепенно овладевали умением на какое-то время душой покидать тело, путешествуя в небесном мире, в космосе. А были среди них и такие, кто навеки обрел бессмертие. Не зря даосов поэтично называли «заоблачными странниками, гуляющими среди облаков».

Китайцы верили, что где-то в Бохайском заливе (китайцы называют его морем) среди туманов скрыт от посторонних глаз остров Пхэн-лай с огромной, высокой горой. Ее вершина, уходящая в облака, и является обителью бессмертных, и эта гора — одно из священных мест даосов. Согласно записям Сыма Цяня, историка династии Хань, священные острова защищены сильными ветрами, которые отгоняют прочь корабли с простыми смертными.

Император Цинь Ши-хуан, который построил Великую китайскую стену и объединил Китай, организовал в 219 г. до н. э. экспедицию на этот остров под руководством даоского мистика по имени Сюй Ши. Легенда гласит, что путешественники потерпели неудачу, не достигнув священного острова; вместо этого они высадились на островах-оазисах, ныне принадлежащих Японии, и передали местным жителям элементы культуры, которые позднее воплотились в самурайских традициях этой нации.

Из древних сказаний известно, что возле дворца бессмертных стоят кареты, запряженные журавлями и птицами *луань*, что темная глина и белый

камень — пища небожителей. Вкушали они и легендарные грибы *лин-чжи*, грибы бессмертия, а пили из нефритовых источников жизни: если отведаешь такой воды, ни одна хворь не пристанет, ни один зверь не нападет, а нечистая сила обойдет стороной. Священный тигр охраняет горы, окружающие мир бессмертных, и врата на дороге, ведущей к ним.

Говорят, что время там течет медленнее, чем на земле. Некий дровосек, например, собирая хворост, встретил в горах небожителей, играющих в шахматы (люди верят в то, что их можно встретить высоко в горах в любой местности). Опершись о топор, дровосек посмотрел лишь одну партию, а на земле за это время прошло очень много лет, даже топориче успело сгнить. Вот древнее стихотворение с похожим сюжетом:

Высоко в горах, завершив свое дело,
Я встретил даоса с пучком из волос.
На родине тысяча лет пролетела,
Пока наблюдал, как играет даос...

Мы рассказали лишь о Пхэн-лае, а всего последователи *Дао* почитают пять островов и пять священных гор. Если говорить об островах, то это:

- Дай-юй — Колесница преемства;
- Юань-цзяо — Круглая вершина;
- Фан-ху — Квадратная чаша;
- Инь-чжоу — Обитель красавиц;
- Пхэн-лай — Приют презревших блага.

Пять священных гор Китая:

- **Тхай-шань** (泰山), другое название — Восточная гора (东岳), находится в провинции Шаньдун, ее высота 1504 м;
- **Хуа-шань** (华山), другое название — Западная гора (西岳), находится в провинции Шаньси, высота 1997 м;
- **Хэн-шань** (衡山), другое название — Южная гора (南岳), находится в провинции Хунань, высота 1266 м;
- **Хэн-шань** (恒山), другое название — Северная гора (北岳), находится в провинции Шаньси, 2052 м;
- **Сун-шань** (嵩山), другое название — Срединная гора (中山), находится в провинции Хэнань, 1359 м.

При этом Тхай-шань у даосов считается главной. Она обладает наиболее чудодейственной силой. Тут берут начало тучи и дожди. На ее склонах располагалось множество храмов и кумирен, где совершались торжественные ритуалы.

Высоконравственные люди, в том числе и императоры, почитающие Дао-путь, отправлялись на самую вершину для жертвоприношений в честь духа гор. Тхай-шань имеет еще одно древнее название — Дай-цзун (岱宗), что значит «начало всех перемен», потому что души покойных, как полагают даосы, улетают после смерти человека именно на эту гору. Конфуций о ней сказал: «С вершины горы Тхай-шань Поднебесная покажется крошечной» (登泰山而小天下).

В Пекине есть множество храмов — даоских, буддийских, ламаистских (ламаизм — тибетская разновидность буддизма). Буддийские монахи бреют голову наголо, а даосы никогда не стригут волосы, потому что ценят все естественное, и сворачивают их в пучок на макушке, закалявая деревянной шпилькой с символическим орнаментом, выточенной собственными руками. По этой же причине они и ногти отращивают максимально длинными.

Единственный действующий в Пекине даоский монастырь — Храм Белых облаков, *Бай-юнь гуань*. В течение десятков лет мы непременно посещали его по несколько раз в году: притягивала густая атмосфера добра, любви, реальное ощущение связи с космосом. А сами даосы — как будто спустились с облаков или явились из сказок-легенд. Есть там и зал Восьми бессмертных (八仙), который советую обязательно посетить.

Император периода Тхан Сюань-цзун (713—756) в знак глубочайшего почтения к Лао-цзы повелел изваять статую мудреца и поставить этот храм, сохранившийся до наших дней. Впечатляет своим количеством даоский канон, что хранится в Храме Белых облаков, — более пяти тысяч томов. При этом, как утверждают ученые, современные вычислительные машины оперируют гораздо меньшим набором решений в сравнении с тем, который содержится в даоских книгах.

По представлениям даосов, всем миром сверхъестественных сил правит небесный Яшмовый император. Главное внимание в мистически-философских воззрениях даосов уделяется учению о бессмертии. Среди разнообразных рецептов бессмертия важное место занимали волшебные талисманы, пилюли и эликсиры. А главными компонентами для их изготовления считались

нефрит и киноварь (сернистая ртуть). Кроме того, даосы разработали различные приемы дыхания и гимнастические упражнения, которые тоже, якобы, способствовали достижению бессмертия. Именно даосы в своих обителях создали знаменитую гимнастику *тхай-гун* (в просторечии — *ци-гун*).

Китайцы различают души двух родов: животную *лхо*, управляющую жизненными функциями, и духовную сущность *хунь*, которая ведает деятельностью рассудка. Пока *лхо* пребывает в теле, человек живет; покидает его — человек умирает. Душа *хунь* тоже может покидать человека (во сне, во время обморока), но он при этом продолжает жить. У некоторых даосов душа *хунь* могла, говорят, на время покидать тело по их желанию и путешествовать в космосе.

Даосы, прожив много лет аскетами, заканчивали свою жизнь, а душа *хунь* возносилась к бессмертию. Время от времени такие духи могли появляться и среди живых людей, приняв прежний облик и получая все необходимое из предметов материального мира. Эти духи, по мнению даосов, могли свободно общаться с людьми в своем прежнем облике или перевоплощаясь в кого-либо; они обладали волшебной силой, а потому совершали удивительные дела. Вот о таких духах-небожителях и рассказывается ниже.

Восемь бессмертных и части света, к которым они относятся, так же как и триграммы, имеющие отношение к этим небожителям, используются в даосизме в качестве одной из наиболее мощных форм чародейства, с помощью которой можно оказывать сопротивление практикующим черную магию.

Для жителей востока число восемь — магическое, поэтому неудивительно, что из сонма небожителей легенды объединили группу именно из восьми человек, и поклоняются им теперь не только даосы; их любят и знают (хотя бы понаслышке) все китайцы.

Несмотря на определенную очередность и своеобразную иерархию, самым любимым в народе является красавец-мужчина Люй Дун-бинь. Недаром небесной восьмерке во многих храмах отводятся специальные общие залы с их статуями, а лично Люй Дун-биню посвящено немало отдельных кумирен, где поклоняются лишь ему одному.

Мы с удовольствием продолжаем знакомить читателя с таинственным Китаем и его жителями. Ведь, несмотря на элементы сказочности, в легендах народ описывал и свою повседневную жизнь. И если вы будете внимательны, то заметите много интересных и непривычных для нас подробностей

быта; необычную манеру общения и обращения друг к другу; особенности отношений между родственниками и знакомыми, а также мужчинами и женщинами. Вы узнаете, какие поступки осуждались, какие считались нормой, и какие — героическими. Вы поймете, над какими ситуациями китайцы смеются, и какой у них юмор. Чем они восхищались и чего старались избегать. Короче, вам станет понятнее психология этого народа, который является нашим ближайшим соседом, и о котором, к сожалению, мы так мало знаем.

Наша цель — не просто заинтересовать читателя этой страной, но и очаровать древним и современным Китаем, заманив посредством легенд в почти нереальный для нас мир. И помните, что для китайцев прошлое их родины и современность неразрывно связаны, а значит и полумифические Восемь бессмертных, жившие много веков назад, будут встречаться вам в Китае ежедневно и почти на каждом шагу в виде вышивок, статуэток, резьбы на предметах мебели, рисунков на посуде — всего не перечислишь.

Ли Тхе-гуай

Рассказ о восьми небожителях начну с Тхе-гуай Ли (铁拐李). Иногда его еще называют Ли Тхе-гуай (李铁拐). Ли — это фамилия, а Тхе-гуай — прозвище, кличка, которая переводится Железный костыль. Иногда его упрощенно зовут Тхе Ли-цзы (Железный Ли), ибо в молодости он слыл очень крепким и сильным.

Ли Тхе-гуай, главный из Восьми бессмертных, стал известен очень давно, гораздо раньше остальных небожителей, а история его жизни наиболее яркая. Говорят, он жил в эпоху Суй-чхао (581 — 618 гг.), и звали его первоначально Хун Шуй (Половодье), уменьшительное имя — Гуай-эр (Кривой). Некоторые источники свидетельствуют, что он являлся учеником Лао-цзы, основоположника философского учения о Дао, и только потому, что он «воспользовался трупом, чтобы воскреснуть», его внешность стала столь отталкивающей.

В других источниках говорится, что его настоящее имя — Ли Сюань, т. е. Мистификатор. Иные утверждают, что его звали Ли Нин-ян (Ли-Затвердевшее солнце). Кроме прозвища «Кривой» было и еще одно: Ли-Дырявый глаз. Об этом факте рассказывается в «Записях о Восьми бессмертных» и в «Полном собрании легенд обо всех небожителях». Вот как вкратце звучит описание того, как герой потерял свою привлекательную внешность.

Первоначально Ли Тхе-гуай обладал представительной, мужественной наружностью; это был мужчина богатырского сложения, широкоплечий, рослый. Будучи учеником философа Лао-цзы, постигал Дао-путь и стремился стать бессмертным, а потому жил в пещере.

Однажды Ли Тхе-гуай вместе с Лао-цзы (который к тому времени был уже давно мертв, поэтому имеется в виду, наверное, дух Лао-цзы) и неким Вань Цю, своим учителем, решил отправиться в мир духов. Но прежде он условился с учеником-послушником о том, что если он не вернется через семь дней, то его тело нужно будет сжечь.

Итак, Ли отправился в путешествие на Хуа-шань лишь душой, т. е. «вышел в астрал», как сейчас бы это назвали, тело же осталось на земле, и

выглядело оно безжизненным. Ученик исправно молился, охраняя тело; однако на шестой день к нему прибежал старший брат с известием о том, что их мать при смерти и просит младшего сына вернуться как можно быстрее. Молодой монах почувствовал себя, как муравей на раскаленной сковородке. Он не мог тотчас бежать к матери, поскольку надо было выполнить наказ учителя. Пришлось сидеть в Волшебном гроте еще одну ночь.

Но на седьмой день утром учитель все еще не вернулся. Ученик ждал до полудня — безрезультатно. У послушника не хватило терпения, и он, предав тело огню, побежал к матери, чтобы исполнить свой сыновний долг.

Ближе к вечеру после утомительного путешествия вернулся Ли, но не нашел в гроте своего тела. Душа его, оказавшись бесприютной, скиталась повсюду в поисках тела, и вдруг в лесу наткнулась на чей-то труп. Не мешкая, душа проникла внутрь. Но когда Ли поднялся на ноги, он отчего-то испытал дискомфорт; оказывается, умерший человек был хромым. Ли проковылял к воде, чтобы посмотреть на свое отражение, и ужаснулся: он увидел замызганного старика со всклокоченными, давно не мытыми волосами и ввалившимися глазами. Смердное тело было худым, как скелет. Страшно смотреть!

Босые ноги, расстегнутая рубаха, обожженное дочерна солнцем лицо... Увидев свое отражение в воде, Ли пришел в ужас и отчаяние, однако Лао-цзы сказал ему: «Ты, наверное, забыл, что познание Дао-пути — не во внешнем. У меня есть металлическая лента, чтобы связать твои лохматые волосы в пучок, и есть металлический костыль для опоры твоей хромой ноге. Ты от горя забыл все, чему я тебя учил. Неважно, как выглядит человек, лишь бы он был умелым, и поступки совершал достойные. Даже человек со странной внешностью может стать истинным святым».

После слов Лао-цзы Ли почувствовал раскаяние и успокоился относительно своего безобразного вида. С тех пор этот черный, уродливый, горбатый и хромой святой путешествует по свету, неся за спиной сосуд из тыквы-горлянки... Он спасает людей от всяческих бед и, естественно, приносит им много радости.

Это — наиболее распространенный вариант легенды, но есть и еще один. Ли Тхе-гуай, как и любой даос, занимался самосовершенствованием. Со временем он научился не страдать ни от холода, ни от жары, и однажды решил проверить, обрел ли он чудодейственную силу. Он попросил невестку, жену старшего брата, понаблюдать за его действиями: есть ли результат? При этом посоветовал ей молчать, не произносить ни слова, что бы она ни

увидела. Затем он одной ногой ступил прямо в огонь в печи и, стоя в пламени, начал готовить пищу.

Невестка, увидев такое, не смогла сдержаться и вскрикнула: «Что же ты делаешь с ногой!?» Прервав таким образом эксперимент, она вспугнула Ли Тхе-гуая, который находился в особом состоянии духа, и он остался хромым на одну ногу. Согласно преданию, матушка Си Ван-му, владычица Запада, вылила ему на больную ногу кипящее снадобье из тыквы-горлянки и исцелила раны. С тех пор эту тыкву он носит с собой, чтобы помогать другим (врачеватели-даосы носили в таких сосудах лекарства и эликсир бессмертия, а то и просто вино).

Благодаря целебному снадобью, которое Ли Тхе-гуай носил в тыкве-горлянке, он считается покровителем народной медицины. Никто не знал состав его лекарств, поэтому в Китае существует недоговорка с дословным переводом: «Кто знает, что за снадобье он продает из тыквы-горлянки», а переносный смысл ее таков: «Кто знает, что у него на уме?» Кроме того, полагают, что именно Ли Тхе-гуай открыл целебные свойства известного в Китае лечебного пластыря из собачьей кожи, и об этом тоже есть интересная легенда.

В провинции Хэнань жил некий Ван, хозяин аптечной лавки, который изготавливал мази. Он помогал людям, делал им много добра, занимался благотворительностью. Однажды он торопился на храмовый праздник и на полпути столкнулся с нищим в драной одежде, который попросил у него мазь от нарывов на ногах. Ван тут же прилепнул к его ноге лекарство со словами: «Завтра наверняка все пройдет!» Но время шло, нищий неоднократно наносил на ногу оставленное ему лекарство, а рана все гноилась и никак не заживала. Дошло до того, что разгневанный хромым с руганью пришел во двор к Вану.

Собака Вана набросилась на нищего и хотела его укусить, но хозяин, защищая человека, так ударил ее палкой, что убил. А нищий, дождавшись, когда аптекарь занялся приготовлением нового лекарства, зажарил на огне собачий окорок и с аппетитом съел его.

Когда ему вынесли лекарство, он намазал его на рану и прикрыл сверху куском собачьей кожи. Прошло немного времени, он снял нашлепку и оказалось, что огромный нарыв, величиной с пиалу, бесследно исчез, а нога полностью зажила. Только тут Ван догадался, что хромым этот — святой, и

явился он, чтобы научить его чудесному способу лечения. С тех пор мазь, нанесенная на пластырь из собачьей кожи, стала знаменитой, широко известной во всем Китае (не зря, наверное, и у нас в народе говорят: «заживет, как на собаке»).

А вот некоторые сведения о детстве известного героя. Жил он в период правления династии Суй, подлинное имя его — Ли Сюань. Впрочем, в этом вопросе единства нет; я встречала семь вариантов его настоящего имени и шесть-семь вариантов названия эпохи, в которую он жил. Семья, где рос мальчик, очень бедствовала, но сам он слыл замечательным сыном и старался за столом лишний кусочек подложить в тарелку отцу или матери. Питались же, в основном, рисом, который сами и выращивали, с утра до ночи работая по колено в воде на заливном рисовом поле.

Но однажды выдался необычно жаркий год, из-за жестокой засухи погиб весь урожай. В порыве отчаяния отец Ли покончил с собой, ибо для мужчины, который обязан содержать семью, было невыносимо сознавать свою беспомощность перед судьбой. Потеряв мужа, жена так горько и так долго плакала, что ослепла. Мальчик Ли чувствовал себя глубоко несчастным, ведь он оставался еще ребенком и ничем не мог помочь матери. С другой стороны, он стал единственным мужчиной в семье, и теперь вся ответственность легла на его плечи.

С учетом возраста, самым доступным для него оказалось просить милостыню, и он решился на это горькое и постыдное занятие. Мальчик ходил из дома в дом и радовался, если люди откликались на его просьбу, вываливая в протянутую плошку остатки еды из своих пиал.

Но вот однажды голод и забота о матери толкнули его на вовсе негодное дело. Как-то, принимая милостыню, он заметил краем глаза, что неподалеку от дома стоит корзина с морковью. Эдакая большая корзина с двумя «ушками», которую в состоянии поднять лишь двое взрослых, а в корзине аппетитной моркови — доверху.

Мальчик дождался, когда хозяева закрыли дверь и, сглотив слюну, подошел к оранжевым кореньям. Он положил за пазуху столько, сколько уместилось. Ему повезло — воровство прошло незамеченным. Весь сияющий, он бежал домой, представляя, какой вкусный ужин ожидает их сегодня. А вечером мать, поднеся палочками очередной кусочек ко рту, спросила ласково: «И у кого же это такая добрая душа, сынок, что он дал тебе так много моркови?» Мальчик в ответ что-то солгал, не поднимая глаз, и мать поверила.

Вскоре воровство вошло у маленького Ли в привычку. А разве плохо: и унижаться, кланяться не надо, и еды полно?! Легче стащить, чем просить милостыню — думал он за ужином, выбирая палочками лакомые кусочки из пиалы. Рядом с ним сидела и с удовольствием ела счастливая мать, и маленький мужчина чувствовал себя уверенно и спокойно. Пальцы Ли стали легкими, проворными, а сам он превратился в настоящего воришку-профессионала. Но однажды, когда он потянулся за крупным клубнем батата, его схватили за руку.

Мало того, что стыдно перед людьми, которые знали его с малых лет и которые теперь смотрели на него с осуждением. Отныне еще торопились закрыть двери и ворота, как только Ли появлялся рядом с их домом. Ему не подали бы даже объедков, и мальчик с урчащим от голода животом решил на ночной грабеж. В глубокой темноте он проник в чужой дом... Схватив какой-то котелок, он бежал прочь с одной мыслью: «Быстрее, быстрее...». Казалось, ноги несут его, не касаясь земли. И вдруг перед ним возникла чья-то фигура и преградила путь. Парнишка бросил котелок и кинулся в другую сторону. Но крепкая рука схватила его за плечо.

— И куда ты собрался? — прозвучал голос незнакомца.

Мальчик попытался вырваться, глаза у него чуть не вылезли из орбит от страха, однако тот, кто стоял сзади, был очень силен. И тогда Ли закричал:

— Пожалуйста, отпустите меня! Моя мать слепа и беспомощна, у нас в доме три дня нет и зернышка риса. Нам нечего есть, сжалятесь надо мной!

Рука отпустила его, и мальчик, повернувшись лицом, упал на колени.

— Пожалейте нас!

— С одной стороны, ты почтительный сын, все время помнишь о голодной матери, — проговорил в раздумье незнакомый старик. Он поглаживал длинную белую бороду, возвышаясь над мальчиком. — Но с другой стороны, ты украл чужую собственность...

Вокруг стояла черная, непроглядная темень, но старик был хорошо виден в светлой длинной одежде, с седыми волосами, как будто от него самого исходило свечение.

— Подумал ли ты о том, — продолжил старик, — что теперь в той бедной семье, где живут лишь беспомощные мать и дочь, не будет даже котелка, в котором можно вскипятить воду? Живя в этом мире, каждый должен найти свой честный способ добывания пищи, чтобы не стать вором. Если ты действительно раскаялся, — обратился старик к мальчику, — то для начала сейчас же верни котелок.

— Спасибо за науку, спасибо, что простили и просветили меня, — поклонился Ли, сложив руки перед грудью.

И удивительный старик понял, что ребенок действительно искренне сожалеет о дурном поступке. А тем временем наступил рассвет, начали перекликаться петухи, и мальчик испугался, что его обнаружат и схватят, когда он пойдет возвращать чужую вещь.

— Пожалуйста, помогите мне, придумайте что-нибудь, чтобы я остался незамеченным! — Ли упал на колени у ног старика и стал кланяться в знак почтения, ударяясь при этом лбом о твердую землю.

— Да все очень просто: иди прямо и ничего не бойся. Положи котелок туда, где ты его взял, и возвращайся ко мне. А я постараюсь помочь тебе. — С этими словами он поднял высоко над головой, как флаг, свою даосскую метелочку, и вокруг вдруг наступила темень, да такая, что Ли не видел собственных ступней. Смолкли в недоумении петухи, и мальчик храбро двинулся вперед, ощущая необыкновенную радость оттого, что он возвращает украденную вещь. «Этот человек наверняка необычный, раз смог мгновенно сделать небо темным», — подумал мальчик.

Благополучно водрузив котелок на прежнее место, Ли вернулся и вновь поклонился даосу с пучком седых волос на макушке:

— Учитель, скажите, пожалуйста, как мне лучше всего поступить теперь, чем заниматься впредь?

— Вот тебе тыква-горлянка, в ней лекарство от всех болезней, — сказал даос и протянул тыковку, от которой в темноте исходило яркое сияние. — Это и станет твоим главным делом в этом мире — помогать людям.

Мальчик радостно прижал к груди тыкву с привязанной к ней веревочкой. А когда он закинул ее за спину, даос исчез, и небо вновь стало светлым. На горизонте показался край солнца.

С тех пор Ли Тхе-гуай повсюду ходил с тыквой-горлянкой, помогая заболевшим людям. Всем нуждавшимся он отливал зелья в протянутую пиалу, однако волшебного снадобья в сосуде не становилось меньше. Надо ли говорить, каким уважением и любовью пользовался теперь Ли... Со временем он вырос, превратившись в красивого, статного молодого мужчину. Любый отец с радостью отдал бы ему в жены свою дочь. Однако Ли решил заняться изучением Дао-пути и ради этого поселился в пещере, удалившись от мирской суеты. Видимо, неизгладимое впечатление произвел на него встреченный когда-то седой даос, направивший его на праведный путь.

Пещера была неглубокой, и Ли, сидя в ней, видел синее небо, высокие горы и стволы бамбуковой рощи, что начиналась у самого входа. Конечно же, Ли не ел ничего мясного, питался лишь дикими плодами, ягодами, съедобными кореньями. Тело его стало крепким и сухощавым, душа — спокойной, а мысли — чистыми. Целыми днями он сидел на бамбуковой циновке, читая древние книги или занимаясь самосозерцанием.

Учителем его стал некий Вань Цю, и под его руководством Ли добился больших успехов. Способный и усердный юноша задавал учителю множество вопросов и внимательно выслушивал ответы, впитывая мудрость прошлых поколений, совершенствуясь с каждым днем. Миновало несколько лет, и теперь уже Ли стал учителем для молодого монаха-послушника, потому что сам он к тому времени уже постиг многое, научился самому трудному — покидать душой тело и путешествовать в других мирах.

Однажды старый учитель Вань Цю пригласил Ли отправиться в космос троим, вместе с древним философом Лао-цзы. Ли подбросил в воздух грубый, сучковатый посох, весь в буграх и наростах, рукоять которого отдаленно напоминала голову дракона. Посох в воздухе действительно превратился в дракона, и Ли, оседлав его, отправился в путь, наказав послушнику сторожить его тело в течение семи дней.

Тут и произошла та история, о которой уже упоминалось выше. В силу обстоятельств послушник не справился с задачей, и Ли Тхе-гуай обрел новый, отталкивающий облик старого бродяги-нищего. Он стал худющим, почти чернокожим, со скрюченной правой ногой. Именно таким он известен в Китае: всклокоченные волосы придерживает металлический обруч; примечательны борода, густая и кудрявая, что редко встречается у китайцев, и большие круглые глаза. Таким его изображают и в фарфоре, и в камне, и в дереве, и в металле, и на картинах.

У меня не только несколько комплектов Восьми бессмертных, выполненных в разное время и различными художниками из многих городов Китая. Есть и отдельные фигурки из фарфора, относительно старые. Видимо, хранилась когда-то у кого-то в семье вся группа, да со временем иные разбились или потерялись, так что «выжили» не все.

Так, у меня на полке долго стоял лишь один Ли Тхе-гуай небольшого размера, с очень выразительным лицом. Самые тонкие и хрупкие детали статуэтки были отломаны, но это не сразу бросалось в глаза, а потому не портило фигурку. И только через несколько лет я «откопала» где-то еще одну,

на этот раз — Люй Дун-биня, явно из этой же серии, на такой же подставочке. Позже — еще две фигурки выплыли на рынке старых вещей. Но полностью собрать всю компанию из этого набора мне пока не удалось.

Несмотря на то, что во всех книгах упоминается об отталкивающей внешности Ли-Железная клюка, мне кажется, художники, испытывая к нему симпатию, изображают его все же внушающим уважение, а не страх.

Тхе-уай Ли

Хань Чжунли

Следующий небожитель — Хань Чжунли (汉钟离); не менее распространенное имя — Чжунли Цюань (钟离权). Фамилия его состоит из двух иероглифов, что встречается довольно редко — «Чжунли», а Цюань — его имя.

Согласно преданиям, он жил в эпоху Хань, отсюда и его второе имя — Хань Чжунли, т. е. ханьский Чжунли. Однако одна из китайских исследователей древних сказаний и легенд Ма Шу-тхень считает ошибочным утверждение о том, что Чжунли жил в эпоху Хань. Всех вводит в заблуждение иероглиф «хань», считает она. Однако, помимо названия одной из династий, он имеет и другое значение — «мужчина», «китаец». Став небожителем, овладев Дао-путем, наш герой сам назвал себя *«Тхень-ся доу сань хань Чжунли Цюань»*, что значит «самый праздный, самый свободный, самый необузданный в Поднебесной мужчина — Чжунли Цюань». Он не раз говорил о себе так. Позже, когда эту фразу сократили, исказился и ее смысл, так как иероглиф «мужчина» отнесли к фамилии.

Путаница произошла еще и потому, что в эпоху Хань также жил генерал по фамилии Чжунли, только имя у него было другое — Чжунли Мэй.

Есть немало исследователей, которые считают, что Чжунли Цюань жил в эпоху Тхан. Его даосское прозвище — Хэ-гу цзы (Просо). Есть и еще два: Чжэн-ян цзы (Житель Чжэн-яна) и господин Юнь Фан (Живущий в облаках). Иногда встречается и такое имя: Цзин Чжао Сень-ян жэнь.

Имя Хань Чжунли упоминается в документах «Эпоха пяти династий и десяти царств» (907 — 960 гг.) и в произведениях начала правления династии Сун, например, в таких источниках, как «Разъяснения», «Книга песен», «Спокойствие и крепкая воля», «История Сун».

Отец Чжунли Цюаня был генералом; в свое время он пошел походом на гуннов (северных кочевников, которые постоянно угрожали набегами на Китай) и добился успеха. Он получил титул правителя Ень-тхай, позже служил чиновником в Юнь (ныне — город Да-тхун).

Легенды о Хань Чжунли свидетельствуют о его святости и необычности рождения. В них утверждается, что в тот день неожиданно появился великан,

древний святой по имени Хуан *шэнь-ши*. Он вошел в спальню роженицы огромными шагами, и его сопровождал луч, горящий, как пламя, длиной в несколько *чжанов*. На следующий день, пятнадцатого числа четвертого месяца, и родился Чжунли Цюань.

Появившись на свет, младенец не плакал, не ел, никто не слышал его голоса. А по размерам он напоминал трехлетнего ребенка. На седьмой день он неожиданно встал на ножки и сказал: «Я путешествовал в Фиолетовом дворце, там я досконально изучил знаменитые книги». Ребенок обладал удивительной способностью: он мог определить на глаз вес предмета с такой же точностью, как и с помощью весов. Поэтому его и называли «Цюань», т. е. «Гирька».

Когда он вырос, превратился в красавца высотой в восемь *чшы*; лицо его было прекрасным и как бы окрашенным в нежно-розовый цвет. Впоследствии он, как и отец, стал боевым генералом, но, в отличие от отца, потерпел поражение в сражении и вынужденно ушел в горы, чтобы стать даосом и постичь путь к святости.

Позднее Чжунли Цюань то исчезал, то появлялся вновь. Его имя снова слышали во времена правления княжеств Вэй и Цзинь (ныне — территория провинции Шаньси), когда его опять назначили старшим генералом по охране границы. Он поменял свое имя на Цзинь Чхун-цзень, что можно перевести как «Я опять вернулся». Интересно, что если соединить в старом написании первые два иероглифа «цзинь» и «чхун» в один, то получится современный иероглиф «чжун» («колокол»), т. е. его первоначальная фамилия. Поменяв имя, даос просто разделил фамильный иероглиф на два слова, на два новых иероглифа.

Защищая границы, этот беспутный генерал, который так любил бродяжничать, очередной раз потерпел поражение и вновь сбежал в горы Ян-цзяо (Бараний рог), что в провинции Шаньси, чтобы изучать даосизм. Еще позже он вернулся к мирской жизни, став правителем Чжэн-яна (отсюда и одно из его прозвищ — Чжэн-Ян цзы). Но путь Дао манил его неодолимо, и он окончательно ушел в горы.

Сохранилось множество портретов Чжунли Цюаня в генеральском одеянии. Его продолжали рисовать в генеральском мундире и позже, когда он уже стал даосом. Но надо признать, что его сути гораздо больше подходил другой облик — наряд даоса: два пучка волос завязаны по обе стороны головы, кудрявая борода, халат — нараспашку, так что видны грудь и живот

внушительных размеров. В руке — неизменный веер из пальмовых листьев. Что касается волос, то даосы обычно завязывали их в пучок на макушке, а Чжунли Цюань сделал себе очень эксцентричную прическу — два пучка, справа и слева, как у девочки-подростка.

Весь вид даоса говорит о том, что дух его свободен, а сам он — праздный. Он как бы проповедует своим видом: под небом все люди свободны. Пожалуй, в Поднебесной действительно не встречалось более свободного в своих поступках человека, чем Чжунли Цюань. Этот любитель праздной жизни, наслаждавшийся вином и мясом, писал стихи. Вот вкратце одно из них:

Хорошо развалиться где-нибудь поудобнее,
Прихватив с собой чайничек с вином.
Зачем утруждать глаза изучением наук,
Зачем трепетать, угождая императору...
Не лучше ли, будучи одним из многих,
Не имея ни имени, ни фамилии,
Праздно гулять?
Смейся! Лови радостные мгновения!
И пусть ты самый бедный среди людей...
Стать истинным даосом не так-то просто!

Случались в мирской жизни Чжунли Цюаня и победы. В книгах говорится, что он помогал правителям династии Сун вести войну с Ляо, жители которого господствовали на севере Китая. Другой персонаж из Восьми бессмертных, герой-любовник Люй Дун-бинь, выступил на стороне Ляо и, в конце концов, этот Люй был разбит Чжунли Цюанем. Есть даже пьеса, в которой Чжунли изображен судьей, приглашенным разрешить дело, связанное с преступлением Люй Дун-биня.

Познав Дао-путь, Чжунли спустился с гор. К тому времени он уже обладал огромной силой: все, на что он указывал пальцем, превращалось в золото, которое он затем раздавал бедным. Говорят, что именно он изобрел чудодейственное лекарство «золотая киноварь» и что он также умел получать желтое или белое серебро путем сплава свинца с ртутью (ведь даосы — известные алхимики). Еще он мог, поднявшись в воздух, унести в заоблачные дали.

Его волшебным атрибутом являлся знаменитый веер, с помощью которого он воскрешал душу умершего. Иногда его изображают с буддийской

метелочкой от пыли, зажатой в руке, но чаще все же — с веером из пальмовых листьев, с помощью которого, как утверждается в ряде других источников, он мог усмирять морские волны. Все эти сведения почерпнуты из исторических записей. Но есть и множество легенд, из которых мы приводим несколько.

Каждый человек в нашем окружении интересен по-своему, потому что обладает присущим лишь ему душевным богатством, и каждый в общении учит нас чему-то. То же самое можно сказать и о полумифических бессмертных. Каждый из них глубоко индивидуален. Когда я впервые увидела их фарфоровые изображения на прилавке магазина и еще не знала, что это — скульптурная композиция, и их нельзя покупать разрозненно, я выбрала именно веселого толстячка с веером. Есть в нем что-то притягательное, чего нельзя объяснить словами.

О рождении, детстве и молодых годах

Придется немного повториться. Чжунли Цюань родился в городе Ень-тай провинции Шаньдун в знатной семье. Говорят, во время его рождения какое-то сверхъестественное существо вошло в родильную прямо через окно. Оно оказалось огромного роста, и его окружали какое-то свечение и искристые звездочки. В момент рождения ребенка комната наполнилась ярким светом, напоминающим бушующее пламя. Младенца отличала идеально круглая голова и высокий лоб. Уши выглядели мясистыми, глаза глубоко посаженными, крупный нос возвышался над лицом. Рот оказался квадратной формы, щеки — полными, губы и лицо румяными. Руки казались длинными, а соски далеко отстояли один от другого.

Он не ел, не пил и не плакал в течение нескольких дней, а на седьмые сутки вдруг закричал, перепугав мать так, что она едва не выронила его из рук. «Я хочу поиграть в Пурпурном дворце Яшмовой столицы, где живут бессмертные!» Да, такое необычное появление на свет не могло не запомниться людям, о нем не могли не упомянуть летописцы, хотя каждый при этом немного искажил истину.

Мальчик с детства страстно любил читать. У него на столе лежали горы связок из бамбуковых дощечек (так выглядели древние книги), и он «проглатывал» их с невиданной скоростью. Но книги — не единственное его увлечение. Он обожал военное искусство и особенно — упражнения с мечом. И надо сказать, что ребенок вел себя, как рыцарь. Он не мог пройти мимо,

если видел, что кого-то обижают. Еще будучи подростком, он мог расшвырять целую группу взрослых негодяев, пристающих, например, к девушке. Не один мошенник получил от него хороший урок.

Когда Чжунли подрос, он стал, подобно отцу, генералом, ему очень шли военный наряд, латы и меч. Однажды он возглавил военную экспедицию на борьбу с племенем *тху-фаней*, вторгшихся на территорию нынешнего Тибета. Офицеры и сам генерал выступили в поход на скакунах, за ними следовали пешие солдаты, вооруженные пиками, топорами, луками. Состоявшееся сражение не назовешь удачным. Численность армии *тху-фаней* намного превосходила китайское войско. Кроме того, все кочевники скакали верхом на лошадях и легко справлялись с пешими воинами Чжунли. А если учесть, что сам он абсолютно не имел опыта сражений с противником, то поражение можно назвать закономерным.

Среди всеобщего смятения, охватившего его армию, Чжунли бежал, припориная коня. Он долго скакал по долине, пока не понял, что заблудился. Конь изнемогал от усталости, Чжунли тоже чувствовал себя полностью истощенным. И вдруг перед ним возник буддийский монах, молоденький мальчик с четками на шее, с бритой головой, на которой выделялись три ряда точек, образовавшихся в результате специального обряда прижигания.

— Следуй за мной, — предложил монашек.

Вскоре они оказались перед скромным домиком с низкой оградой и деревьями во дворе.

— Это жилище Учителя Дун Хуа, где он постигает Дао. Здесь ты можешь отдохнуть.

Чжунли спешил, однако не отважился, несмотря на приглашение, беспокоить обитателей дома и стал в одиночестве бродить неподалеку. Уже начинало темнеть, когда Учитель, выглянув в окно, пробормотал:

— Это Чжунли Цюань...

Он вышел из дома, опираясь на высокий посох, и спросил:

— Не ты ли генерал Чжунли Цюань, и почему ты неходишь в дом?

Старик не был лысым, как буддийские монахи. Он выглядел, как настоящий даос с длинной бородой и усами, с пучком волос на макушке, заколотым деревянной шпилькой. Его облачение состояло из длинного халата и развевающейся накидки. Ноги — в белых чулках и черных матерчатых тапочках.

Величественный вид старца поразил Чжунли. Он сразу понял, что перед ним — необычный человек. Генерал только что пережил потрясение и едва спасся от смерти, поэтому следовало, наверное, бежать от незнакомых людей... Вместо этого он почему-то вдруг рухнул перед даосом на колени и, неожиданно для себя, попросил: «Обучи меня Дао-пути!»

С тех пор в течение долгого времени Чжунли жил отшельником, жадно впитывая все, что узнавал от Учителя. Когда же он обучился искусству, полученному от бессмертного, то решил, что теперь сможет жить самостоятельно. Оседлав коня, оглянулся на прощанье на домик, где провел столько лет, однако ни Учителя, ни его жилища не увидел. Они как будто испарились в воздухе.

На этом его обучение не закончилось, потому что позже он встретил бессмертного по имени Хуа Ян, благодаря которому познакомился с еще более глубокими знаниями, позволяющими изучить Дао-путь. Далее он в течение многих лет скитался по стране уже в привычном для нас облике: в просторных штанах, распахнутой куртке, с веером в руке, с двумя пучками волос на голове, и густой черной бородой на добродушном лице.

Окончательно он постиг Дао на горе Сы-хао, после чего и сам превратился в бессмертного.

Бамбук изобилия и всегда наполненная ступка

Однажды Чжунли Цюань играл в шашки с Люй Дун-бинем в горах Тхень-тхай, а мимо проходил А-Гуан, бедный, но честный и добрый молодой человек в жилете, сшитом из лоскутков. За спиной он нес коромысло с тяжелыми корзинами. Увидев играющих, А-Гуан решил понаблюдать за ними, а заодно и передохнуть. Он снял с плеч коромысло и встал за спиной у Чжунли. Стояла страшная жара, и Чжунли произнес:

— Нестерпимый зной! Съем-ка я персик.

В это время Люй Дун-бинь сделал ход, и Чжунли удовлетворенно воскликнул:

— Отлично! Двину-ка я своего «коня».

Однако следующий ход Люй Дун-биня неожиданно поставил его противника в такое сложное положение, что тот, так и не успев откусить от персика, в досаде швырнул его за спину, угодив прямо в крестьянина. А-Гуан успел поймать плод, а Чжунли, оглянувшись, стал извиняться:

— Ой, прости, что я попал в тебя!

— Нет, что вы, это моя вина! Я так хотел понаблюдать за партией, что, увлекшись, подошел слишком близко.

— Молодой человек, если ты не в обиде на меня, то можешь съесть мой персик.

А-Гуан, испытывая жажду, с удовольствием откусил кусочек. А ведь персик-то оказался необычным, это был известный плод долголетия из сада небожителей, поэтому не удивительно, что тело А-Гуана тут же налилось небывалой силой и энергией. От избытка радости и сил ему захотелось, как мальчишке, зашвырнуть остаток плода как можно дальше. Он уже размахнулся, однако Чжунли остановил его:

— Оставь себе эту половинку персика. Возьми ее домой, и увидишь, что она тебе пригодится.

А-Гуан засунул плод за пояс и продолжал наблюдать за игрой. Он увлекся настолько, что не заметил, как пролетело время, и солнце уже спряталось за горизонт. В ужасе парень понял, что до дома к ночи ему не добраться, потому что находился он очень далеко.

— Не переживай, парень, садись верхом на мой посох, и тут же окажешься дома. — Чжунли протянул ему бамбуковую палку.

— Разве это возможно — оседлать палку? — проговорил юноша удивленно, разглядывая бамбук в своих руках.

Тем не менее, он, подхватив коромысло, встал одной ногой на посох и, не успев поставить и другую, как взлетел вверх. Со свистом, как на самокате, пронесся сквозь облака и тут же оказался у себя в деревне. Рот А-Гуана расползся до ушей: он был очень доволен таким приключением. Очутившись во дворе своего дома, он прислонил удивительный посох к стене дома, чтобы заняться содержимым своих корзин.

Но чудеса, оказывается, еще не закончились. Едва бамбуковый посох коснулся земли, как в его нижней части появились корешки, вцепившись в почву, а на верхнем конце стали появляться листочки — один за другим. Надо было видеть лицо А-Гуана, который даже подпрыгнул от неожиданности. Не прошло и минуты, как вокруг бывшего посоха образовалась целая бамбуковая роща, шелестевшая на ветру и дающая приятную прохладу во дворе. Но самое удивительное — все листочки оказались из чистого золота. Они мелодично звенели на ветру, а вокруг них, казалось, вспыхивали звезды, когда лучи заходящего солнца отражались на их поверхности.

От резкого движения удивившегося крестьянина из-за его пояса выпала половинка персика с косточкой. Неожиданно эта половинка, напоминавшая по форме крошечную мисочку, превратилась в большую ступку, полную золотых слитков и драгоценных камней. Тут от увиденного у А-Гуана «отвалилась челюсть» и он, подобно ребенку, положил палец в рот.

От ступки исходило невиданное сияние, а у крестьянина подогнулись ноги, и он опустился на землю. Немного придя в себя, уселся поудобнее и, подперев кулаками щеки и глядя на свое богатство, задумался: «Я привык надеяться лишь на себя, на свой труд, и не могу воспользоваться драгоценностями, пришедшими ко мне таким странным образом. Другое дело — если бы бамбуковая роща стала вечнозеленой, я мог бы работать, делая из бамбука посуду, палочки для еды, различную утварь».

Не успел А-Гуан об этом подумать, как золотые листья бамбуковой рощи превратились в зеленые, а волшебная ступка стала обычной, каменной, какие стоят почти во всех крестьянских дворах, подпертые камнями снизу для устойчивости. Из нее выглядывал обыкновенный пестик, а от драгоценностей не осталось и следа. Лицо крестьянина просияло: ведь такие предметы для него гораздо привычнее. Насыпав в ступку немного зерна, А-Гуан принялся за работу. Но зерна в ней почему-то становилось все больше и больше. Чем дольше он работал пестиком, тем больше риса получал. Вот чудеса-то!

Пришлось делиться рисом с односельчанами, и он сделал это с удовольствием. Выстроилась целая очередь. Досталось не только молодым, старым и детям, но и птицам, и домашним животным — все были сыты. Люди прозвали это чудо «всегда наполненной ступкой», ибо после того, как А-Гуан раздал рис, его ступка опять оказалась полной. Вокруг сустились довольные гуси, куры, соседские и свои, подбирая упавшие зерна. Не остались голодными и дикие птички.

Однажды А-Гуан, сидевший во дворе на большом камне, почувствовал, что кто-то прикоснулся пальцами сзади к его шее:

— Эй, дядюшка!

А-Гуан оглянулся:

— Ах, это ты, А-Чхун! Давненько не виделись!

Перед ним стоял тощий юнец, у которого уже показалась жидкая растительность на лице. Этот парень слыл таким лежебокой, что в деревне ему дали прозвище Ленивые Мощи.

— Дядюшка, а ты разбогател... Не расскажешь ли мне, где тебе удалось добыть такую чудесную ступку?

Будучи прямым и честным человеком, А-Гуан рассказал обо всем без утайки своему племяннику. Ленивые Мощи заявил дяде, что он желает «продолжить его дело». С этими словами он подхватил коромысло с корзинами и направился в горы, даже не задумываясь, в чем же конкретно может заключаться его работа. Ведь на самом деле его волновала лишь встреча с небожителями. Он поднимался все выше и выше, обливаясь с непривычки потом. «Ох, до чего же я устал! И как долго мне еще идти, интересно?» — подумал он.

В конце концов, он увидел на небольшом плато Люй Дун-биня и Чжунли Цюаня, которые играли в облавные шашки. «Ага, один из них полный, другой — худой, — присмотревшись, подумал Ленивые Мощи. — Видимо, это и есть те бессмертные, о которых говорил дядюшка».

Почувствовав, что сзади кто-то стоит, догадливый Чжунли сразу же сказал: — Иди сюда, я угощу тебя персиком.

Поймав плод, Ленивые Мощи тут же жадно впился в него, выгрызая большой кусок вместе с косточкой.

— Ого, как грохочет у меня в кишках! — схватившись за живот, парень притворился, что с ним не все в порядке. — Мне срочно надо домой, про-чистить внутренности.

— Не переживай, — улыбнулся Чжунли, — мой посох поможет тебе быстро добраться.

Лежебока проворно вскочил на посох, как на коня.

— Эй, парень, ты забыл свое коромысло с товарами, — едва успел крикнуть бессмертный, однако того и след простыл.

— О-го-го! Великолепно! Я действительно повстречался с небожителями, — ликовав Ленивые Мощи, несясь со свистом сквозь облака верхом на посохе.

Когда он приземлился, во дворе его дома все произошло именно так, как рассказывал А-Гуан: выросла роща бамбуковых деревьев с золотыми листьями, а половинка персика превратилась в миску, полную золотых слитков.

— Больше! Я хочу еще больше! — закричал А-Чхун, возбужденно размахивая руками.

Однако после этих слов золотая миска с драгоценностями вообще исчезла, растворившись в воздухе. Сначала А-Чхун страшно разозлился, даже

подпрыгнул, потрясая кулаками и оскалив зубы. Но тут он вдруг испугался, что и роща золотого бамбука может улететь в небо, и бросился к ней. Он вцепился в одно из деревьев, пытаясь вырвать его из земли и спрятать в доме, однако, как ни старался, его усилия оказались напрасны. «Ой, что происходит?» — успел лишь подумать он, повиснув руками и ногами на стволе, и в ту же минуту ствол обломился, земля треснула, и образовалась расщелина, куда и провалился несчастный.

На краю расщелины появился горный гребень, который так и называли: гора Бамбуковой рощи. Эту рощу и каменную ступу можно и по сей день увидеть на горе. В большой пустой ступке, которой никто не пользуется, любят играть ребяташки, залезая внутрь. А кто-нибудь из стариков, усевшись на камень рядом и попыхивая длинной трубкой, может рассказать детям эту историю.

Лань Цхай-хэ

Если судить по внешности, чрезвычайно гротескной, то Лань Цхай-хэ (蓝采和) — самый неудачливый, нелепый, самый несчастный из Восьми бессмертных: босяк, оборванец. На самом же деле все обстоит совсем не так.

В труде летописца Чхэнь Фэня периода Южная Тхан под названием «Продолжение сказания о Восьми бессмертных» читаем: «Лань Цхай-хэ часто ходит в рваной, истлевшей одежде, подпоясан широким, более трех *цхуней*, деревянным ремнем, и лишь одна его нога обута, другая же — босая. Летом он подбивает свою рваную одежду ватой, но не потеет, зимой же, наоборот, одевается легко и может спать прямо на снегу, и горячий пар клубится над его телом.

Обычно он ходит по улицам и просит подаяние. При этом в руках у него крупный, длиной в три *чшы пхай-бань* (музыкальный инструмент из трех деревянных пластин, служит для отбивания такта). Напившись и захмелев, поет и танцует. При этом он чрезвычайно умен, остроумен, находчив, за словом в карман не лезет. Если начнет говорить, окружающие смеются до колик.

Как же он поступает с деньгами, которые получает в виде милостыни? Иногда нанизывает их на конопляную веревочку и волочит по земле. При этом любой прохожий может взять себе одну из его монет, ведь Лань Цхай-хэ не придаст этому никакого значения. Он может раздать деньги нищим, а может и спустить все в трактире.

Он обошел весь свет, и везде запомнился людям своим оборванным видом и веселым нравом. Внешне это далеко не старый, полный человек, неопределенного пола, поэтому некоторые полагают, что это, возможно, женщина».

Один из Восьми бессмертных Люй Дун-бинь известен своим умением сочинять стихи, а Лань Цхай-хэ выделялся среди других как умелый певец. Наиболее известным его напевом является «Песня-танец», записанный в исторических книгах. Слова песни содержат идеи даосских бессмертных:

Пою и танцую я только для вас,
и ритм отбиваю *пхай-банем*.
Мы шутим, острим и смеемся сейчас,
но рано иль поздно устанем...
Ах, если бы знать, сколько миру стоять,
и сколько земля существует...
И можно ли двигать события вспять,
и сколько судьба нам дарует...
Недавно лишь были деревья в цвету,
и щеки светились румянцем,
А ныне, согбенный, с клюкою бреду,
среди пира кажусь самозванцем...
И слезы текут поперек, а не вдоль,
послушные руслам морщинок...
Печальна иль сладка земная юдоль?
И в чем мы счастливей личинок?
И сколько судеб уже было до нас, —
им в мир никогда не вернуться...
А сколько готово родиться сейчас,
чтоб позже на нас оглянуться...
И, став небожителем, с птицей *луань*
я в неба лазурь устремляюсь...
Со мной мои песни под ритмы *пхай-бань*;
красотам внизу изумляюсь...
Вот в сумерках белые волны плывут, —
то поле засажено тутом...
Вот горы высокие в вечность зовут
и в небо вздымаются круто...
Но вот уже утро. Лучи так длинные,
что кажутся цепью златою.
Дворцам императорским горы равны —
судьбой, высотой, красою...

Как уже говорилось выше, даоским атрибутом Лань Цхай-хэ является *пхай-бань*. Почему? Это одна из тайн Восьми бессмертных. Но иногда Лань Цхай-хэ изображают и с цветочной корзиной, внутри которой

собраны предметы, не имеющие отношения к мирскому, земному. Наверное, именно из-за наличия корзины его иногда считают покровителем садоводов.

Те, кто считали, что Лань Цхай-хэ — женщина, утверждали, что эта певица и танцовщица с помощью своих песен предсказывала будущее. Но есть и еще одно мнение: Лань Цхай-хэ — гермафродит. В своем длинном голубом халате, истрепавшемся до лохмотьев, он появлялся в людных местах и исполнял песни под аккомпанемент бамбуковых дощечек. Он любил большие, шумные города, и песни его звучали особенно проникновенно, если он исполнял их после возлияния, выйдя из трактира. В народе полагали, что он является покровителем бродячих артистов. В большинстве своих песен он призывал людей отречься от мирского и заняться изучением Дао-пути. И все песни при этом были полной импровизацией.

Некоторые видели Лань Цхай-хэ, будучи еще детьми, а потом, когда на склоне лет они вновь встречали его, оказывалось, что Лань Цхай-хэ выглядит точно таким же, каким запомнился им еще в детстве. Говорят, что пребывание Лань Цхай-хэ на земле закончилось следующим образом.

Странствуя из города в город, он, побираясь, оказался в Хао-лене; однажды, когда он сидел в трактире и изрядно набрался, послышались вдруг звуки губного органчика (инструмент из тростниковых трубочек), и в воздухе появился священный журавль, который подхватил Лань Цхай-хэ на крылья и унес в небо. Поднимаясь вверх, небожитель поочередно терял все, что имел: туфли, халат, пояс, *пхай-бань*... И все эти вещи оставались на облаках, а сам он, в конце концов, исчез в вышине.

Говорят, что подлинное имя этого святого — Цзень, а фамилия — Сюй, и жил он во времена эпохи Пяти династий и десяти царств, а к даосизму его, якобы, приобщил Хань Чжунли, тот самый толстяк с веером из пальмовых листьев.

Как Лань Цхай-хэ стал небожителем

Старики рассказывают, что Лань Цхай-хэ обладал множеством достоинств еще до того, как стал небожителем, и главное из них — доброе, «золотое» сердце. Он был искренним и настолько настойчивым в достижении цели, что «мог опрокинуть горы». Еще он отличался пытливостью, готовностью

учиться тому, чего не знал. Короче, о нем можно сказать множество приятных слов, и ни одного — дурного.

Попробуйте угадать, для чего он, обычно, держит в руках цветочную корзинку. Для цветов, скажете вы? Нет, не угадали. В нее он складывал травы и корни от ста болезней. Ему исполнилось десять лет, когда он начал сопровождать старого отца, поднимаясь в горы, пересекая овраги, взбираясь на холмы, углубляясь в густые леса в поисках целебных трав. Три главных достоинства Лань Цхай-хэ — как три распустившихся бутона. Сначала расскажем о первом, о его «золотом», добром сердце.

В восемь лет он научился воровать «наоборот», т. е. не отбирал у других, чтобы принести к себе в дом, а уносил из дома, чтобы раздать другим. Он, затаив дыхание, на цыпочках прокрадывался в кладовую, тихонько открывал крышку котла, в котором обычно разогревали вчерашнюю пищу, нащупывал пампушечку *бо-бо* либо дрожжевое *гао* и выбегал из дома. И кому же он нес еду? Он догонял старую нищенку с клюкой и деревянной плошкой для подаяния и совал в руку несчастной кусок съестного. Только после этого он чувствовал, что на душе у него спокойно и приятно.

Второе из основных достоинств — настойчивость в достижении цели. Отец поучал Лань Цхай-хэ, когда тому исполнилось лет десять: «Собирать травы в горах далеко не безопасно. Ведь порой заходишь в темные чащобы, где вполне можешь встретиться с волком, шакалом, тигром или леопардом. Так что если не укреплять тело и дух с помощью *кхун-фу*, то можешь и с жизнью расстаться».

Слова отца маленький Лань запомнил; как говорится, «записал в сердце» и ежедневно по утрам усиленно тренировался. А как именно он тренировал тело, добивался выносливости, угадайте-ка. Его «противником» стал колодец глубиной в восемь *чжанов*, что находился в северной части деревни. Ежедневно он ударял по нему руками и ногами по три тысячи раз. Дул ли сильный ветер, падал ли снег, маленький Лань продолжал тренироваться. Один год по лунному календарю — это 355 дней, три года — это 1065 дней. Да еще плюс добавочные месяцы в високосном году — всего выходит 1093 дня.

Так что маленький Лань в общей сложности нанес глубокому колодцу, своему «противнику», 3279000 ударов! И какова же была сила ударов, вообразите, если каждый раз вода в колодце откликалась всплеском со звуком «хуа». Поэтому, когда мальчик подрос и начал подниматься в горы за

лекарственными травами, стоило ему взмахнуть кулаком, как от сотрясения воздуха возникал ветер, и все шакалы, волки, тигры и леопарды прятались как можно дальше.

А теперь проиллюстрируем и третье достоинство Лань Цхай-хэ — его стремление учиться у более опытных. Вот какой случай произошел с ним однажды. В ту пору ему исполнилось восемнадцать лет, он уже в течение большого срока собирал в горах целебные травы и сам при этом ел дикорастущие плоды, пил чистую воду из родников, готовил себе пищу из знаменитых грибов *фу-лин*, что растут на корнях сосны. Постепенно он превратился в пригожего юношу. Родители к тому времени уже умерли, и остался он круглым сиротой. Целыми днями только тем и занимался, что собирал травы-коренья, а также ходил пешком в близлежащие и дальние деревни, врачую хворых.

Подошел он однажды к пруду, заросшему лотосами, неся в руке корзинку с лекарствами, и вдруг увидел грязного, убогого старика, который лежал на обочине дороги, и на ноге у того зиял страшный нарыв. Голень из-за этого усохла, стала тоненькой. Из раны сочилась кровь и гной. Несчастный в это время дремал, почесывая во сне нарыв грязной рукой.

Подошел к нему Лань Цхай-хэ, нагнулся, очистил рану, нанес дезинфицирующее средство. Он был уверен в силе своей настойки и знал, что через час-два рана затянется. Каково же было его изумление, когда он увидел, что рана не только не заживает, а, наоборот, становится все больше, извергая мерзкое содержимое в еще большем количестве. В чем же дело? Почему столь целебное средство, в силе которого он не раз убеждался, сегодня подвело? — думал он. А бедолага тем временем проснулся и, лениво почесываясь, приоткрыл один глаз:

— Ты полагаешь, что мой нарыв так легко залечить? Беги-ка ты скорее со своей бамбуковой корзиночкой к лотосовому пруду, зачерпни воды и хорошо промой мою рану. Только после этого можно будет наложить твоё лекарство, и нога заживет.

Хотя Лань Цхай-хэ не очень поверил старику, однако, не теряя времени, бросился к воде. Но ведь не даром говорят, что черпать бамбуковой корзинкой воду — напрасный труд. Так что как ни старался Лань, как быстро ни бегал, а не успевал донести и капли воды. И тут очень кстати появился даос, державший в руках дощечки *инь* и *ян* для гадания. Лань учтиво поздоровался, поклонившись, и, согласно этикету, назвал себя

учеником, желающим поучиться у мастера. Однако странный даос довольно невежливо ответил:

— Голова твоя дубовая! Не иначе, как мозги шишками покрылись! Набери-ка ты клейкой глины на берегу, обмажь ею корзину, тогда и вода не вытечет.

Закончив свое поучение, даос удалился, а Лань Цхай-хэ удалось, наконец, донести полнехонькую корзинку воды.

Но, к сожалению, «даже прекрасное не может быть вполне совершенным», — как говорят в народе. Способ даос изобрел хороший, да только когда Лань поставил воду перед нищим, он обнаружил, что в корзине — желтая глиняная жижа. Страдалец вытаращил глаза:

— Ты что же это принес?! — разгневался он. — Сейчас же вылей это и принеси чистой воды!

Пришлось вновь бежать к пруду, чтобы отмыть и скоблить корзинку. Удалив глину, Лань задумался, почесывая затылок. И в это время на дороге появилась еще одна фигура, на этот раз — женская. Красивая, молоденькая, похожая на новобрачную девушка спросила:

— Отчего загрустил, что печалит?

Лань Цхай-хэ рассказал в двух словах о своем затруднении и услышал в ответ:

— И всего-то? Такая малость! Сорви несколько листьев лотоса, выстели ими корзину, вот и принесешь чистой воды.

Послушавшись совета, Лань вторично принес воды, на этот раз действительно чистой, и вылил ее на больную ногу. И буквально через мгновение (Лань успел лишь взмахнуть ресницами) рана затянулась. У Ланя от удивления не только глаза расширились, но даже рот открылся. А оборванец засмеялся, вынул из-за пояса отполированную до блеска тыкву-горлянку и сунул ее в руки Лань Цхай-хэ:

— Что тебя так изумило? Выпей-ка скорее глоток вина, согрей свое тело и косточки, ведь ты столько времени провел в воде!

С громким звуком Лань сделал большой глоток. Он почувствовал, как его легкие наполнились ароматом, а тело, став легким, как воздух, вспорхнуло, и Лань обнаружил, что он сидит на облаке. А хромоногий нищий бросил ему бамбуковую корзину со словами:

— Поздравляю, уважаемый младший брат, ты стал небожителем! Давай-ка отправимся на остров Пхэн-лай, развлечемся.

И тут до Лань Цхай-хэ дошло, что его собеседник — знаменитый Ли Тхе-гуай. Не успел он додумать эту мысль, как Ли-Железная клюка протянул в его сторону свой костыль, и Лань с корзинкой полетел в небесном пространстве. А как это у него получилось, он и сам не понял.

Удивленный Лань оглянулся и увидел еще двух небожителей, летящих на благовещих клубящихся облаках: даоса с дощечками и красавицу с цветком лотоса в руке. Конечно же, это были Цхао Го-цзю и Хэ Сень-гу, еще два представителя из Восьми бессмертных.

Волшебный плот

Говорят, что первоначально Лань Цхай-хэ был босоногим божеством на небесах, но однажды он совершил какой-то проступок, рассердивший небесного императора, и за это его изгнали на землю. Там ему предстояло родиться заново, что он и совершил в семье чиновника по фамилии Лань.

В то время как пожилой чиновник готовился стать отцом и мерял шагами галерею, окружавшую дом, заламывая руки от нетерпения и переживаний, из дома к нему выбежала служанка и с радостью доложила:

— Мальчик! У вас родился мальчик!

Отец пришел в восторг и не спускал с рук орущего крупного младенца. Еще бы! Кто бы в Китае не обрадовался появлению сына, будучи в таких преклонных годах! Ребенку шили самую красивую одежду, дарили самые невероятные игрушки: мечи, копья, четки, монеты и слитки серебра. А с макушки его не снимали шапочку с изображением головы тигра, оскалившего зубы, и на шее он постоянно носил довольно тяжелый серебряный обруч-замок, своеобразный оберег от злых духов.

Когда ему исполнился годик, он вдруг настолько увлекся книгами, что абсолютно потерял интерес к игрушкам. В три года он остался без матери, которая умерла от серьезной болезни, — легко ли в пожилом возрасте родить ребенка. Отец еще раз женился, на вдове, и у него появилось еще два сына, сводных брата Лань Цхай-хэ. Самый маленький, грудной, постоянно сидел у матери на руках, а тот, что постарше, с забавными островками волос на круглой голове, вцепившись в материнскую юбку, не отпускал ее ни на шаг и все норовил спрятаться за нее при появлении старшего братца или его отца.

Что же касается занятий маленького Ланя, то он по-прежнему интересовался только книгами. Особенно нравилось ему читать их в саду, на природе, где

прелестные бабочки кружили над осенними хризантемами либо весенними цветами персика. Отец часто любовался сыном, незаметно подойдя к нему. Стоя за спиной, он с удовольствием и преисполненный гордости слушал, как тот декламирует древние стихи, заученные наизусть. Но больше всего ребенок увлекся таинственной книгой «Дао-Дэ цзин», написанной великим мудрецом Лао-цзы.

Вскоре умер и отец. Мальчику исполнилось только восемь лет, и трудно сказать, что для него было бы лучше: остаться одиноким, круглым сиротой, или жить с мачехой, ибо эта чужая женщина только после смерти мужа показала свою истинную сущность: жестокость, свирепость, бессердечность. Мальчику доставалось и палкой, и кулаками, и в виде затрещин, а в лучшем случае — злобной брани. Опасаясь осуждения соседей, женщина не могла сразу лишить его жизни, и решила избавиться от пасынка постепенно. На ту пору уже пришла холодная зима со снегами и ветром, и участь ребенка казалась предрешенной, ибо ему не давали ни еды, ни теплой одежды.

А чтобы он не сидел в теплом доме, ему вменили в обязанность постоянно мести двор, дабы не осталось под ногами ни снежинки. Мальчик все мел и мел, еле удерживая в окоченевших руках бамбуковую рукоять метлы, а снег все падал и падал... И лишь лохматая собачонка преданно не оставляла его, несмотря на холод. Невзирая на эти испытания и издевательства, ребенок все не умирал, и мачеха, придя в бешенство, выгнала его из дома поздно ночью.

Черное небо, падает снег, все соседи давно спят, а на пороге добротных ворот с двускатной крышей стоит, подбоченясь, женщина, и из ее широко разинутого рта доносятся проклятия. Она кричит вслед удаляющемуся в ночь ребенку с двумя хвостиками из волос на голове, в легкой курточке; однако тот мачеху уже не слышит: лучше жить бездомным, чем помехой и обузой в родном доме.

Ночевал он в храме, ложась прямо на голый пол у подножия статуи божества, а днем выходил в людные места и пел песни, декламировал стихи, сопровождая себя с помощью бамбуковых пластин *пхай-бань*, которыми звонко отбивал ритм. Таким образом ему удавалось зарабатывать на пропитание. Сначала люди безразлично проходили мимо, потом начинали прислушиваться, и постепенно собиралась толпа. Ведь мальчик стал очень начитанным и образованным, и безграмотные простолюдины могли услышать много интересного из его уст. Видя, какой это неутомимый ребенок, и

чувствуя его доброе сердце, люди с удовольствием помогали: кто подаст пампушку, кто — плошку риса, а кто — медную монетку.

Однажды на базарной площади Лань увидел чудо: какой-то хромоногий человек с клюкой и с металлическим обручем в волосах на глазах у собравшейся толпы воскресил только что умершего человека. Воскресший мужчина, стоя на коленях, кланялся спасителю, и даже кошка, сидящая среди изумленных свидетелей, поразилась настолько, что шерсть на ней встала дыбом. Лань Цхай-хэ тоже бросился на колени, сразу поняв, что перед ними — небожитель:

— Уважаемый бессмертный, я, Лань Цхай-хэ, умоляю вас принять меня к себе в качестве ученика и послушника.

Тут толпа, будто очнувшись, оживилась, и раздалось множество голосов, мужских и женских: «И нас возьми в ученики, великий бессмертный!» Люди опускались на колени, молитвенно складывая руки. Даже пузатый малыш, заодно со всеми, бросил погремушку и встал на колени.

— Вы хотите стать бессмертными, как я? — лукаво улыбнулся Ли Тхе-гуай (а это оказался, конечно же, он), и поднял указательный палец вверх, слегка склонив голову набок. — Нет проблем! Приходите завтра утром в беседку Любования Пейзажем, что стоит на берегу реки. За вами придет волшебный плот.

А на реке стояла не просто беседка, а роскошный павильон в четыре этажа с шестью крышами на разных уровнях. Несмотря на раннее утро, народу собралось немало, и Лань Цхай-хэ с трудом удалось протиснуться вперед, поближе к перилам.

— Волшебный плот прибыл. Прыгайте на него! — пригласил Ли Тхе-гуай и указал пальцем на маленький удлинённый листочек бамбука на поверхности воды.

Толпа выдохнула изумленное «О-о-о!»

— Какой же это волшебный плот?

— Да это же опасно!

— Что за обман?! Ведь это просто бамбуковый лист! — раздались недовольные голоса.

Но Лань уже принял решение:

— Я прыгну на него!

Он отважно преодолел перила и полетел вниз, к реке. Рубаха надулась пузырем, волосы развевались. Люди замерли, и лишь Ли улыбался. Лань

вытянул ногу, пытаясь попасть в цель. Когда же большой палец ноги прикоснулся к листочку, тот вдруг стал увеличиваться и подниматься к небу. Мальчику оставалось лишь балансировать, чтобы удержаться на этом огромном, прочном листе, который возносил его все выше и выше над головами изумленных зевак. Ли тоже оказался рядом, но не на «плоту», а на кудрявом облаке. Так Лань, несмотря на свою молодость, тоже стал бессмертным, одним из восьми.

Чжан Го-лао

Среди Восьми бессмертных имя Чжан Го-лао (张果老) тоже весьма популярно. Можно сказать, мало найдется китайцев, не знающих этого героя или его ослика, на котором он ездил задом наперед. Это, конечно, комично, и никто толком не знает, отчего он путешествовал именно так.

Возможно, таким образом он демонстрировал пренебрежительное отношение к миру. Но есть и другая версия. Это как бы определенная жизненная философия, призыв к людям ни в коем случае не привязываться к своему прошлому; ко всем явлениям относиться с легкой душой, не позволяя себе вспоминать, скучать и тосковать. Смотреть на прошедшие события как бы из будущего. На одной из картинок, изображающих Чжана на осле, есть надпись на древнем языке:

Как много людей в мире было и есть...
Но разве еще кто осмелится сесть
Верхом на осла, как шутник-сумасброд?
Все видит по своему, «наоборот».

Согласно хроникам в «Династийных записях Тхан», такой человек действительно существовал — Чжан Го-лао. Известно даже, что он являлся *цзинь-ши* (название ученой степени в феодальном Китае, присваиваемой после столичных экзаменов) времен правления династии Тхан. Звали его Чжан Го. К тому времени, когда записи о нем появились в документальной литературе, он уже был человеком преклонного возраста. Как он сам говорил, ему минуло несколько сотен лет, поэтому его и прозвали в народе «лао», («старый»). Его, единственного из восьми небожителей, изображают с совершенно белыми, седыми волосами, усами и бородой.

Некоторые даже добавляли, приукрашивая, что Небесный император первоначально создал его в виде белой летучей мыши, и случилось это в период хаоса, когда, по представлениям даосов, Небо еще не отделилось от Земли, и когда мир еще не обрел свой нынешний порядок. Как бы то ни

было, люди превозносили дедушку Чжана и, подчеркивая его сверхъестественные способности, считали, что его, не сомневаясь, можно отнести к святым, небожителям.

Говорят, что он появился на свет в начале VII в., и место его рождения — провинция Шаньси. В других источниках утверждается, что Чжан родился в местечке Чжан-чжуан-цзи, что находится в уезде Хуай-бинь провинции Хэнань. А еще раньше, говорят, это местечко называли Чжан-го чхэн, то есть «город Чжан-го». Через некоторое время после того, как Чжан Го-лао стал небожителем, город переименовали в «Сень-чжуан-цзи», т. е. «святой Чжуан-цзи».

Чжан не выделяется среди Восьми бессмертных чем-либо особенным. Однако чудес и фокусов он совершил немало. Большинство этих трюков и уловок он проделал по отношению к двум императорам своей эпохи.

Согласно «Полным сведениям об эпохе Тхай-пхин» и другим источникам, в начале эпохи Тхан Чжан Го-лао пользовался чрезвычайной популярностью в народе. И хотя его неоднократно приглашали на аудиенцию к императорам Тхай-цзуну и Гао-цзуну, он не являлся во дворец, заявляя: «Если ты хочешь видеть мудреца, но идешь не его путем, это равносильно тому, что ты зовешь мудреца, но закрываешь перед ним дверь».

Чжан жил затворником в горах Чжун-тхяо-шань и, несмотря на регулярные приглашения на службу при императорском дворе, гордился своей святостью, независимостью и не соглашался прерывать отшельничество. Он считал, что прав был отец Правильный, который при первом повышении по службе пригибался, при втором — горбился, при третьем — клонился до земли и уползал вдоль стены. А ведь есть и такие мужи: при первом повышении становятся надменными, при втором красуются на колеснице, при третьем начинают звать всех старших по имени.

В очередной раз его пригласила на службу императрица У Цзэ-тхень. Чжан Го-лао покинул горы, но на полпути то ли умер, то ли притворился мертвым, чтобы его оставили в покое.

А во время правления императора Сюань-цзуна династии Тхан умерший десятки лет назад Чжан вновь объявился. Новый император тоже предложил ему должность. Чжан был напуган докучливым вниманием венценосцев и сбежал от посланника Пхэй У, которому велели привезти святого на аудиенцию.

Вновь за ним послали человека, но Чжан спрятался в храме. Император же просто умирал от любопытства: что же такого удивительного в этом негоднике-старце? Поэтому не рассердился, а предпринял еще одну попытку встретиться с ним. На этот раз — успешно. Увидев, что у Чжан Го-лао седые реденькие волосы, а зубы уже выпали, что видом своим он напоминает дряхлого, немощного старца, император усомнился в том, что перед ним святой, и задал вопрос:

— Вы poznали Дао-путь, уважаемый святой, почему же у вас такой дряхлый вид?

Чжан Го-лао ответил:

— Когда я жил во времена правления императора Яо (один из первых императоров в мифо-истории Китая), мои зубы выпали, а волосы поредели, прежде чем я овладел Дао-путем, — настолько это сложно. Но поскольку Его Величество Яо все же остался недоволен мной, я сам вырвал оставшиеся зубы и волосы.

Говоря это, он пучками вырывал реденькие волосы и выдираал последние зубы. И пока император Тхан Сюань-цзун, застыв в изумлении, не знал, что предпринять, Чжан прямо у него на глазах превратился в молодого человека с волосами черными, как вороново крыло, с белоснежными зубами. Он стал выглядеть так, словно до этого только притворялся дряхлым старцем. В новом облике он принялся пить вино, а чтобы не скучать, превратил храмовый колокольчик в своего ученика-послушника, который присоединился к пиршеству.

Утверждают, что в тот момент император действительно поверил Чжану и решил отдать за него свою дочь — принцессу Юй Чжэнь (Истинная Жемчужина). Кроме того, он произнес такие слова: «Чжан Го-лао из Хэн-чжоу странствует повсюду. Все к нему относятся с почтением. Душа его способна путешествовать даже в потустороннем мире, а сам он давно ведет жизнь простолюдина. Посему приказываю ему жить отныне в Цюэ (название зданий, которые находятся по обе стороны от входа в императорский дворец). Никто не знает, — продолжал император, — сколько он прожил «ветвей» и «стволов». (По 12-ти «земным ветвям» и 10-ти «небесным стволам» 60-летнего цикла китайцы определяли год, месяц, день, время; 12-ти «домам» соответствовали 12 животных). Сам себя он называет императором Си, стремится познать суть Дао-пути, полностью овладел постулатами учения. Мало мужей, которые, подобно ему, poznали, что такое цзя-цзы (цзя

возглавляет 10 «стволов», *цзы* возглавляет 12 «ветвей»). Отныне он будет ответственным за церемонии во дворце, поэтому милостиво повелеваю назначить ему жалование серебром и отныне жалую ему имя — господин Тхун Юань (Главный знаток)».

Таким образом, Чжан Го-лао получил полное признание государственных чиновников. Но даже после этого он в дипломатичных выражениях отказался от всех почестей, вовсе не желая становиться зятем императора, а всей душой стремясь стать небожителем. Ведь небо и земля одинаково вскармливают всех. Поднявшихся высоко нельзя считать лучшими, живущих внизу нельзя считать худшими. Поэтому, сев задом наперед на ослика, он вновь исчез.

Странствуя по свету, Чжан Го-лао распевал песни, содержащие изложение учения Дао и сущности бытия, так называемые *дао-цины*, сопровождая себя на рыбьем барабанчике для отбивания ритма, призывая людей к добру, направляя их на праведный путь. И некоторые стали ему подражать и тоже петь *дао-цины*.

Странное название «рыбий барабанчик» объясняется тем, что на полое коленце бамбука натягивали рыбью кожу, в результате инструмент получался узким и длинным, как высокий стакан. Отправляясь в дорогу, Чжан Го-лао переворачивал этот странный инструмент и вставлял в его полость тоненькие барабанные палочки с загнутыми концами.

Прошло время, и Тхан Сюань-цзун вновь захотел увидеть удивительного старца. Узнав об этом, Чжан быстро умер, и ученик похоронил его, но гроб через некоторое время оказался пуст, потому что тело Чжана давно освободилось и сбежало.

Рассказывают и такую историю. Однажды Чжан Го-лао все же пришел во дворец. Тхан Сюань-цзун принял его с большим почтением, ибо какой бы вопрос ни задал император, Чжан мог ответить на все. А в то время при дворе жил даос по имени Е Цин-нэн, и император спросил его:

— Что за человек Чжан?

Даос ответил:

— Я знаю, кто он, но не осмеливаюсь сказать, так как стоит мне раскрыть эту тайну, как я умру. Ваше Величество, если вы уговорите Чжана спасти меня, я поведаю Вам о нем.

Император дал согласие, и даос сказал:

— Чжан Го-лао — оборотень, в самом начале сотворения мира Верховное божество создало его в виде белой летучей мыши...

Не успел даос это вымолвить, как из его семи отверстий (глаза, уши, ноздри и рот) хлынула кровь, и он упал замертво. Император стал умолять Чжана спасти даоса, но Чжан возразил:

— Полный чайник молчит, а наполовину пустой — шумит. Этот несмысленный юнец слишком болтлив; если не наказать его, он нарушит связи между многими явлениями в мире.

Император вновь стал уговаривать, и Чжан уступил: брызнув изо рта водой на лицо даоса, оживил его, а затем сказал:

— Запомни! Речь не нуждается в словах. Бывает, что человек говорит всю жизнь, а ничего не скажет. Бывает, что всю жизнь молчит, но скажет все!

Чжан очень любил смешить и забавлять людей. Однажды, когда его в очередной раз принесли в паланкине во дворец императора в столице Лоян, он, отказываясь от угощения, сказал:

— Я могу совсем не есть на протяжении многих дней, но вовсе не могу жить без хорошего вина. Правда, пью совсем немного, литра два. А вот мой ученик-послушник может выпить и целый *доу*.

Обрадованный император велел принести вина, предвкушая развлечение. Молоденький монах лет шестнадцати, неописуемо красивый, тут же оказался во дворце, скатившись с карниза крыши. Его отличали безупречные манеры и четкая речь. Очарованный император хотел усадить его рядом с собой, однако Чжан Го-лао возразил:

— Монашек привык сидеть только рядом со мной!

Стараясь добиться своего, государь решил спить послушника, и все подливал вина, несмотря на предостережения Чжан Го-лао. И вдруг вино, которое выпил монашек, подобно роднику, брызнуло у него из макушки, отбросив его шапочку на пол. И шапочка эта превратилась в золотую чашу для вина. Император и дворцовые девушки не удержались от смеха. Глядь — а все рюмки, что стояли на столе, превратились в маленьких монашков.

Присутствовавшие повеселились от души, а император окончательно убедился, что Чжан — настоящий мистификатор. Он вновь стал уговаривать старца остаться при дворе, обещая, что тот будет волен вести такой образ жизни, который ему по душе, на что Чжан Го-лао возразил:

— В котле с кипящей водой нет холодного места. Уж лучше я останусь жить на природе, где журчанье ручья в ночи становится слышнее, а краски гор на закате становятся ярче. Именно там — настоящие сокровища: зачерпни ночью воду, и луна окажется в твоей руке; прикоснись к цветам, и их аромат пропитает твою одежду.

Согласно легендам, Чжан Го-лао обладал двумя волшебными объектами — «рыбий» барабанчиком и ослим. В «Династийных записях Тхан» говорится, что осел — белого цвета, в день он пробегал десять тысяч *ли* (что приближается к скорости современного вертолета), и он не нуждался ни в корме, ни в воде. Во время отдыха Чжан складывал его, как бумажного, и клал его в матерчатую сумку. Если хотел вновь ехать — стоило брызнуть на осла водой, как тот оживал и становился на ноги.

«Рыбий» барабанчик существует двух видов. У Чжана он представлял собой, как уже говорилось, полую бамбуковую трубочку с натянутой на одном конце рыбьей кожей. Под его монотонные звуки даосы распевали песни, содержание которых представляло собой изложение даосского учения, а назывались такие песни *дао-цины*, т. е. «даоские баллады».

Иногда на изображениях Чжан Го-лао держит не барабанчик, а две барабанные палочки, перья феникса или персик. Что же касается осла, то Чжан не одинок. Кроме него, в истории известен еще один человек, который ездил на осле задом наперед. Это поэт Пхань Лан эпохи правления династии Сун. В исторических записках говорится, что Пхань Лан слыл безмерно разгульным, буквально «не знал узды». Сам себя он прозвал Сяо Яо (Блаженный) и, чтобы привлечь к себе внимание, без всякой цели ездил повсюду на осле задом наперед. Этим он хотел показать презрительное отношение к существующим порядкам, к жизни вообще. Возможно, именно такое свободное от условностей поведение и послужило образцом для Чжан Го-лао.

Но большинство людей считает, что, привлекая к себе внимание необычным способом передвижения, дедушка Чжан учил их смотреть на происходящее так, как будто прошло много времени, ведь, передвигаясь на ослике, он как бы смотрел из будущего на то, что оставалось позади него.

И вправду, лишь по прошествии времени мы способны правильно оценить прошедшее. Судите сами. Например, ваш ребенок набедакурил, причем,

его проказы могли привести даже к его гибели, — как же тут не рассердиться? Чтобы снять СВОЙ стресс, вы не только отругали, но и отшлепали его. И вам кажется, что вы поступили справедливо. Пройдет три месяца, и вы, вспомнив о неприятном событии, скажете себе: «Правильно сделал, что накричал на ребенка, ведь он тогда оказался в опасной ситуации. Но бить, конечно, не стоило».

Пройдет три года, и вы, стыдясь своей реакции, подумаете: «Конечно, я должен был предостеречь ребенка от подобных шалостей впредь, но не стоило бить его и даже ругать. Ведь мы, взрослые, порой, совершаем более ужасные ошибки, и никто нас за это не лупит, а попробуют ругать, критиковать, — станем оправдываться, возмущаться, доказывая свою правоту из чувства противоречия».

Пройдет 30 лет, и вы, вспомнив о методах своего «воспитания», возможно, заплачете от жалости к несмышленому ребенку и от стыда за себя. Не лучше ли было обнять его за плечи и спокойно все объяснить?

Делайте выводы. В ситуации, когда хочется «рвать и метать», когда злое слово готово сорваться с языка, когда хочется замахнуться, скажите себе: «Прошло 30 лет...» Скорее всего, через много лет вы не сможете даже припомнить данный случай, который сейчас вызывает такие отвратительные эмоции. Так стоит ли?

Дедушка Чжан Го-лао был любимым персонажем и защитником нашей маленькой внучки, и когда мы сердились на нее, она говорила: «Прошло 30 лет...».

Чжан вовсе не похож на других небожителей, которым верующие в храмах приносят подарки и жертвоприношения, однако в Китае невозможно перечислить все памятные места, которые каким-либо образом связаны с его именем. Например, следы от копыт ослика, согласно преданиям, остались на мосту в городе Чжао-чжоу в провинции Хэ-бэй, а также на горе Хэн в северной части провинции Шаньси.

Кроме того, существует множество народных песен, спектаклей, опер, посвященных Чжану, а также — спектакли театра теней. Например, шаньсийские *дао-цины*, иуские *дао-цины* (народные песни, распеваемые сказителями под аккомпанемент маленького барабанчика), шаньдунские народные песни под аккомпанемент «рыбьего» барабанчика, сычхуаньские — исполняемые в сопровождении губного органчика из бамбука, и др. виды музыкально-песенного

искусства, рассказывающие о Чжане. Под эти мелодии и происходит действие в театре теней.

Существуют даже сказки для детей. В одной из них говорится, что Чжан Го-лао первоначально работал плотником. Согласно предсказанию, полученному во сне, он столкнулся на мосту с Ли Тхе-гуаем, и тот дал ему глиняный шарик. Этот предмет мог оживить мертвую рыбу. Об этом узнали рыбаки, находившиеся неподалеку. Они бросились к Чжану и попытались отнять шарик. Но Чжан быстро проглотил его и в результате стал бессмертным.

Люй Дун-бинь

По количеству легенд и сказаний, связанных с именем определенного героя, можно судить о его популярности в народе. Видимо, Люй Дун-бинь (吕洞宾) — наиболее яркая личность, ибо храмов, кумирен, построенных в его честь по всему Китаю — огромное количество, а легенд — не счесть.

Поскольку Люй был искусен в трех областях — великолепно владел мечом, умел пить вино и слагал прекрасные стихи, то имеет и соответствующие прозвища: Небожитель-воин, Небожитель-повеса и Небожитель-поэт.

Уже упоминалось, что в даоском храме Белых облаков, помимо отдельного зала, посвященного Восьми бессмертным, где представлены их яркие, запоминающиеся статуи, есть еще зал, посвященный лично Люй Дун-биню. Как поясняется в книге, изданной в храме, Люй — наиболее известная и влиятельная фигура. Не удивительно, что в столице есть и храм, построенный в честь Люй Дун-биня в начале правления династии Цин.

Хотя мастер Люй и не является главным среди группы бессмертных, и по возрасту занимает место где-то посередине, однако он имеет больше, чем другие, связей с остальными бессмертными и является центральной фигурой среди них. Во время народных обрядовых церемоний он получает наибольшее количество подношений и благовонных палочек. Остальные семь довольствуются общей долей поклонения, Люю же, чаще всего, поклоняются, как отдельному божеству, и ритуалы, связанные с этим, наиболее пышны.

Родился Люй якобы четырнадцатого числа четвертого месяца по лунному календарю (по другим источникам — тринадцатого), в старину этот день назывался «день рождения святого», а в храмах он отмечался, как праздник. Помимо совершения молитв, люди старались набрать побольше пепла от ароматических палочек, называя его «снадобье из курильницы», полагая, что им можно излечиться от сотен болезней, настолько сильна была вера людей в этого святого. А еще к нему обращались с просьбой погадать, предсказать судьбу. Разве не удивительно?

Кроме всего прочего, в некоторых районах Люй считается еще и покровителем парикмахеров (так как обладает острым мечом), и представители этой профессии особо поклоняются ему, как святому.

Согласно преданиям, Люй Дун-бинь родился в Юэ-ян, поэтому неподалеку от озера Дун-тхин ху имеются памятные места, связанные с его именем.

Говорят, что в день его рождения в безоблачном небе появилась вдруг белая птица, похожая на журавля (спутник небожителей). Она опустилась, влетела в дом госпожи Ван и каким-то образом проникла в ее живот, в результате чего женщина тут же родила мальчика.

Первоначально его называли Ли Ень (Ли Скала), а позже он получил прозвище Чхунь Ян-цзы (Чистое солнце, или Настоящий мужчина). И отец, и дед мальчика служили придворными чиновниками; не удивительно, что и маленький Люй рос необыкновенно умным ребенком. Он легко запоминал и пересказывал классические конфуцианские произведения.

Однажды, когда Люй уже стал юношей, он оказался в горах Лу-шань, где встретил небожителя в виде огненного Дракона. Именно этот Дракон и обучил Люя искусству владения мечом.

Наступило время определяться со своим будущим, и юноша, сдав два низших экзамена на чиновничью должность, отправился в Чхан-ань для сдачи столичных экзаменов, которые проводились один раз в два года. Странно, что, будучи таким одаренным, изучив все книги, которые имелись в доме отца, в совершенстве овладев классикой конфуцианского учения, изучив историю буддизма и вызубрив буддийские каноны, он так и не смог победить на экзаменах и попасть во дворец.

Люй слыл человеком глубокой эрудиции, тем не менее, в течение двадцати трех лет подряд безуспешно пытался сдать экзамены на звание *цзинь-ши*. Отказавшись от мирской суеты, он скитался по стране в качестве даоского монаха. Когда же ему исполнилось 46 лет (по другим источникам — 64 года), родители вновь настояли, чтобы он поехал в столицу.

Соблюдая сыновнюю почтительность, тот отправился в Чхан-ань, хотя это и не отвечало порывам его души. Его постигло очередное разочарование, и с горя он отправился в харчевню Вечный покой на постоялом дворе, чтобы перед возвращением домой выпить пару чашек вина. Когда он одиноко сидел за столом, в комнату вошел толстяк Чжунли Цюань, пыхтя и обмахиваясь веером из пальмовых листьев. Он подсел к Люй Дун-биню и сочувственно спросил: «Ты выглядишь удрученным, приятель. Тебя что-то беспокоит?»

Для убитого горем Люя оказалось совсем непросто найти человека, который смог бы выслушать и понять его, и он рассказал Чжунли о превратностях

своей судьбы, о том, как на его пути все время оказываются преграды, не позволяющие ему осуществить свои желания и мечты. Чарочка за чарочкой подогретого вина... Они пили и болтали до тех пор, пока Люй не «отключился», рухнув головой на руки и опрокинув рюмку с вином на пол.

Чжунли, абсолютно трезвый, подхватил товарища и притащил его в свою хижину. Пока опьяневший отдыхал, Чжунли Цюань готовил ему кашу из проса.

А тем временем спящий видел прекрасный сон, будто он оказался первым среди успешно сдавших экзамены, и начал неуклонно подниматься по служебной лестнице. Во сне он был счастлив и в семейной жизни, блаженствуя среди бесчисленных детей и внуков. Он уже вот-вот должен был стать Первым министром, чтобы занимать этот пост в течение многих лет, и уже видел себя в роскошной чиновничьей шапочке, с красивой эмблемой на груди, вышитой на халате. Он сидел за огромным столом, в то время как помощники с трудом сдерживали толпу желающих попасть к нему на прием.

Во сне его могущество возрастало, и новый император, опасаясь его влияния на окружающих и разрастания его мощного клана, казнил всю его семью, а самого министра отправил в далекую ссылку, где Люй прозябал в отчаянии и полной нищете. Несчастный вздрогнул и проснулся, охваченный страхом. Волосы его спутались, по лицу струился пот.

— Пока я готовил тебе еду, ты до конца досмотрел свой сон? — при этих словах Чжунли поставил перед Люем пиалу с кашей.

— Откуда ты знаешь о моем сне? — поразился неудачник.

— Величайшее счастье в жизни — пребывать в гармонии со своей душой. А самое большое страдание испытываешь тогда, когда знаешь слишком много, однако не в силах осуществить намеченное. Разве ты не понял из своего сна, что слава, деньги и почести — все преходяще? Ты как бы увидел свою жизнь наперед, узнал, как бы она сложилась, если бы ты успешно сдал экзамены. И к чему хорошему привели бы тебя, в конце концов, все усилия и успехи?

Люй нахмурил брови и задумался.

— Ты, видимо, не простой смертный, — обратился он к Чжунли, сложив руки в приветствии и поклонившись. — Прими меня, пожалуйста, в свои ученики!

Хань Чжунли, погрузив Люя в «радужный сон», убедил его забыть о карьере, выгоде и экзаменах ради должности, заставил его всей душой стремиться к постижению Дао-пути. Но что же Хань ответил на просьбу товарища?

— У тебя не крепкий костяк и слабая воля, — был его приговор. — Если ты решил стать бессмертным, то ждать тебе придется еще несколько поколений.

Сказав это, он попрощался.

На самом же деле Чжунли Цюань решил убедиться, что намерение Люй Дун-биня твердое, и он не изменит своего решения.

Когда расстроенный Люй добрался домой, он обнаружил, что все члены его семьи умерли. Стояли гробы, перед поминальными табличками клубились благовония. Монах стучал в гонг, однако эти печальные звуки не вывели Люя из состояния равновесия. Безо всякого страдания в душе он уладил все дела, связанные с похоронами, привел дом в порядок.

И только после того, как Люй прошел это испытание, оказалось, что все его родственники живы-здоровы, каждый занимался в доме своим делом.

На следующий день он собрался купить какую-то крупную вещь. Сговорились о цене, и сделка состоялась. Однако купец вновь вернулся и, брызжа слюной, стал требовать проданную вещь обратно, так как считал, что Люй заплатил за нее слишком мало. Не моргнув глазом, Люй добавил требуемую сумму, и торговец удалился, сияющий.

Через некоторое время к дому подошел нищий, несчастный и дурно пахнущий. Это случилось в первый день Нового года. Люй вынес ему несколько семейных драгоценностей и опустил их в протянутую чашу.

Однако попрошайка не только не поблагодарил, но и стал браниться, оскорбляя благотворителя. Неблагодарность нищего не задела ни одной струны в сердце Люя. Нищий требовал еще и еще и, распалившись, достал нож, приставил его к груди Люя. Но испугать того было невозможно: он распахнул халат на груди, подставляя ее для удара. Нищий расхохотался и исчез. Это, конечно, явилось третьим испытанием.

В очередной раз, когда Люй пас овец в горах, он столкнулся с тигром. Ничуть не испугавшись, он преградил своим телом дорогу зверю, защищая овец. И тигр, опустив голову, отступил. Так завершилось четвертое испытание.

Однако самым трудным оказалось для него следующее. Глубокой ночью он читал книгу в своей комнате. Вдруг вошла девушка необыкновенной красоты и начала всячески соблазнять его. Усилием воли Люй заставил себя сидеть спокойно и по-прежнему читать книгу. И сердце его осталось холодным.

Прошло время, и семью Люй ограбили. Ради пропитания все вынужденно гнули спину в поле, выращивая зерно. Когда Люй в очередной раз рыхлил землю, он неожиданно обнаружил, что его мотыга наткнулась на кусок золота. Даос, не взяв его, вновь закопал слиток в землю.

Да, с богатством и деньгами связывалось наибольшее количество соблазнов. Вот следующее испытание. Купил он однажды на рынке бронзовые изделия, совсем не дорого. А дома обнаружил, что они сделаны из чистого золота. Люй немедленно вернулся на рынок и отдал изделия владельцу.

А вот и седьмое испытание. Увидел как-то Люй на рынке даоса, который продавал снадобье. На разостланной циновке стояла курильница с благоуханными свечами, а рядом на полотнище ткани красовалась надпись «лекарство возрождения».

Продавец пояснил, что, приняв пилюли, непременно умрешь, однако в будущем перерождении сможешь овладеть Дао-путем. Как ни странно, вокруг не нашлось ни одного желающего, кто осмелился бы купить пилюли. И лишь Люй шагнул вперед:

— Я съем это! — произнес он и проглотил шарик. Конечно, он по-прежнему остался здоровым, — это оказалось восьмым испытанием.

Прошло время. Довелось как-то Люю переплывать реку на лодке. Стояла весна, с гор сошло много воды, и она затопила все вокруг. Когда Люй оказался на середине реки, уровень воды вдруг поднялся, и ветер погнал высокие волны. А что же Люй? Он сидел в лодке, не двигаясь, и полагая, что ни жизнь, ни смерть от него не зависят.

Но и это еще не все. Пришла очередь десятого испытания. Сидел как-то Люй один в комнате. Вдруг влетело бесчисленное множество чертей, которые принялись кричать и колотить даоса. Но тот и ухом не повел, и пальцем не пошевелил.

На следующую ночь вновь появилось несколько десятков злых демонов, которые принесли труп, истекающий кровью. Труп захныкал:

— В прошлой жизни ты убил меня. Разве я не должен расквитаться с тобой? Так будет справедливо!

Услышав это, Люй отыскал веревку, чтобы повеситься:

— Да, убийца должен умереть! Это справедливо, — согласился он.

Но в этот момент с неба послышался крик, и оттуда спустился человек. Оказалось, это был Чжунли, спешивший на помощь.

Пройдя все испытания, связанные с прекрасными женщинами, славой, смертью, золотом, родственными чувствами, Люй удостоился чести стать учеником Чжунли Цюаня. Для начала учитель дал испить волшебный эликсир, а затем Люй провел много лет, вникая в секреты учителя, который поселил Люя на горе Чжун-нань *шань*.

Овладев многими истинами, которые до него ведали лишь великие люди, Люй Дун-бинь достиг вершин в освоении волшебного мастерства, в постижении даоского самосовершенствования. Он не только научился у Чжунли Цюаня секретам высшей истины и всем способам чудодейственного лечения, но и узнал методы, как с помощью меча подняться в небо.

Следует подчеркнуть, что стремления и цели даоса Люя были высокими. Об этом говорит и его имя. Сам он называл себя «Давший зарок помогать обездоленным и наказывать виновных». Не случайно во время правления императора Мин-цзун эпохи Юань ему официально пожаловали титул наместника императора в городе Чхунь-ян (отсюда и одно из его прозвищ).

Все истинные последователи даосизма веками поклонялись ему, как родоначальнику секты в этом городе, как одному из основоположников даосизма, называя его отцом Люем. Влияние его так велико еще и потому, что он широко распространял и передавал не только свои знания и умения, но и изготовленные им самим лекарства; память о его деятельности осталась в народе в самых разнообразных проявлениях.

Существует множество драматических, оперных произведений, рассказывающих о его жизни; насчитывается не менее восьми-девяти романов.

Во всех произведениях Люй описан очень тщательно: его внешность, поведение, поступки и деяния, его манеры, а также моральный облик, душевные качества. Самыми известными произведениями считаются: «Десять испытаний Люй Дун-биня»; «Трижды заигрывает с Белым Пионом» и «Летающий меч поражает Желтого Дракона».

«Трижды заигрывает с Белым Пионом» — рассказ о романтической стороне жизни Люя, повествующий о том, что в городе Ло-ян публичная женщина по имени Белый Пион стала первой красавицей в стране. Увидев ее, Люй почувствовал смятение в душе и, приняв вид *сю-цхая* (название ученой степени), нанес ей визит. Молодые люди быстро и легко нашли общий язык. На эту тему создано бесчисленное количество рассказов, и с тех пор Люй получил очередное прозвище — Небожитель-ловелас.

В семье небожителей мало таких, кто имел бы репутацию любителя женщин. Вполне возможно, что Люй — единственный в своем роде. Недаром, когда владычица Запада Си Ван-му пригласила как-то бессмертных на свой день рождения, она сказала: «Небожителей — огромное количество, тем не менее, каждый, кто хочет пожелать мне долголетия, может это сделать».

Не разрешила она являться ко двору лишь Люю, так как считала, что его помыслами полностью завладели вино и женщины.

Выше упоминалось прозвище Небожитель-любитель вина. Почти все бессмертные в легендах держатся легко и непринужденно, любят хорошее вино. И Люй не является исключением. Он называл вино своей пищей.

Говорят, «воду в озере Дун-тхин ху он превращал в вино, и если испытывал жажду, поглощал его в огромных количествах. В этом случае гора Цзюнь служила ему подушкой, ведь когда опьянеешь, спится особенно сладко».

Некоторые из Восьми бессмертных писали стихи, но наибольшее количество сочинил Люй. В сборнике стихов эпохи Тхан содержится 249 его стихотворений и 30 изречений. Так что прозвище Любитель поэзии тоже вполне заслужено.

Выше говорилось, что волшебным атрибутом Люй Дун-биня являлся меч, и об этом оружии надо сказать несколько слов. В некоторых источниках утверждается, что меч ему пожаловали после того, как Люй преодолел десять соблазнов, или прошел десять испытаний. Его одиннадцатым соблазном стал именно меч, и Люй не смог устоять.

В других легендах говорится, что меч передал ему святой по имени Огненный Дракон, он же и научил Люй Дун-биня искусству владения этим оружием. Меч оказался необычным, двойным, парным, то есть сочетал в себе *Инь* и *Ян*. Он так и назывался: *цзы-сюн шуан-цзень*, «парный меч самка-самец».

Этот волшебный атрибут мог, во-первых, избавить человека от грусти, во-вторых, от любовного вожделения, в-третьих — от гнева. Кроме того, Люй знал секреты, как с помощью меча подняться на небо. Странствуя по свету, он постоянно носил меч за спиной, не расставаясь ни на миг. Однако впоследствии во время заигрывания с Белым Пионом Люй потерял меч, обладающий мужским началом.

А поскольку с помощью меча, способного победить злых духов, Люй помогал слабым и страждущим, искореняя зло и способствуя добрым делам, он имеет и еще одно имя — Небожитель с мечом.

Самая знаменитая из историй об этом мече — как мужской меч *Ян*, принадлежавший Гань Цзяну (Самый Способный), соединился с мечом *Инь*, принадлежавшим его жене Мо Се (Непорядочная, Злая). Рассказывается, что они выплавили эти мечи из печени и почек зайца, съевшего железо на знаменитой горе Кхунь-лунь.

Люй, исцелитель бедных и покоритель злых духов, обладал и еще одним атрибутом — пушистой летающей метелочкой, с помощью которой он мог передвигаться в воздухе по своему желанию.

Это основные сведения о любимце и любителе женщин, а теперь настало время пересказать некоторые легенды подробнее.

История, связанная с феей по имени Пион

Однажды Люй путешествовал неподалеку от вершины Тхун-бай, на которой приютилась небольшая деревушка, и обнаружил, что дома там разрушены, а жители убиты. Оказывается, людей терроризировал огромный ящер. Выхватив меч, Люй воскликнул: «Выходи, наглый ящер, встретить свою смерть!» Но как ни старался, как ни сражался Люй Дун-бинь, он понял, что его меч не сможет справиться с этим чудовищем. Баталия длилась полдня, и Люй, в конце концов, вынужденно отступил. Он отправился на небо и обратился за помощью к божеству по имени Золотая Звезда, и та посоветовала:

— Есть лишь один способ справиться с ящером — добыть нефритовую заколку-шпильку для волос, принадлежащую Небесной матушке Си Ван-му. Только с ее помощью ты сможешь одолеть зверя.

— Но как же я добуду шпильку, столь интимную вещь?

— Есть один способ. С матушкой часто встречается фея Пион. Если тебе удастся завладеть вниманием этой девушки (глаза его заблестели), она поможет тебе. Дерзай! Я знаю, что девушку тайно мучают мысли о земном, мирском, плотском...

В это время, легкая на помине, появилась фея Пион, чтобы предложить им вина. Не откладывая приятное дело в долгий ящик, Люй тут же украдкой пожал ей руку. Девушка вспыхнула и сразу удалилась.

Однако вскоре она опять появилась, протягивая блюдо с персиками. Люй решил еще раз прикоснуться к ней, нежно погладив руку. В смущении и радостном предчувствии девушка направилась к Лotosовому пруду. Вскоре она услышала, как Люй окликнул ее:

— Пион!

Смутив ее еще больше, он спросил:

— Ты пришла сюда, чтобы полюбоваться цветами или чтобы поразмышлять о сердечных делах?

А надо сказать, что Люй был необыкновенно хорош собой, и сердце девушки затрепетало, когда она бросила на него взор.

— Конечно же, я здесь смотрю на лотосы...

Глядя проникновенно ей в глаза, красавец-даос сказал:

— Я догадался о твоих тайных «земных» мыслях. Ты мечтаешь узнать, на что похожи «игры» между жителями земли, мужчинами и женщинами.

— Я не могу об этом и мечтать, ведь это против наших небесных законов!

— Я вижу тебя насквозь! — воскликнул Люй и вызвал в воображении девушки картину свидания двух влюбленных на земле. — Посмотри, как это выглядит! Земной мир полон восхитительных видов и звуков. Разве тебе не нравится?

Девушка не могла оторвать взор от пары:

— Мир людей прекрасен!

Затем Люй объяснил девушке, какой помощи он ждет от нее, и показал с высоты, что произошло на горе Тхун-бай, в том прекрасном мире. В результате Пион согласилась прожить с ним сто дней на земле, как жена и муж. Сделка состоялась: она узнает, что такое человеческая жизнь, а он получит шпильку из волос Небесной матушки, которую фея подменит на фальшивую.

Девушка с задачей справилась, а вскоре в деревушке на горе Тхун-бай опять появился ящер.

— Берегись! — крикнул Люй и бросился в атаку. Он вынул шпильку, та ослепительно сверкнула, и чудовище превратилось в ледышку. Источник зла исчез, а фея Пион и любвеобильный Люй прожили парой сто счастливых дней, после чего герой-любовник покинул девушку.

Журавль-небожитель

Во всех источниках Люй описывается, как очень красивый мужчина. Говорят, что он от природы держался свободно и с изяществом, любил носить желтый халат, повязанный черным шелковым поясом. На голове — мужская повязка (длинные волосы связывали на макушке в пучок, пучок покрывали кусочком ткани и вместе с ней пучок еще раз обвязывали у основания красивой повязкой).

Говорят, брови у него взлетали к вискам, а глаза казались особенно красивыми: удлинненными, как у феникса, тоже приподнятыми у висков, как и брови. Если к этому добавить пронизательный ум и манеры образованного человека, то портрет действительно получится чрезвычайно привлекательным.

Несмотря на то, что Люй обладал умом государственного человека, он, как мы уже знаем, вынужденно забыл о карьере. Путешествуя по стране, даос совершал добрые поступки и оставлял хорошую славу о себе. Однажды он забрел в маленькую харчевню на берегу озера Дун-тхин ху.

Люй Дун-бинь давно слышал о ее хозяине по имени Синь Ши, который славился своей благотворительностью, помогая людям. Ежедневного дохода ему едва хватало на пропитание, и потому семья его не считалась зажиточной.

Люй решил помочь доброму человеку. Он вошел в харчевню, сел у окна, чтобы любоваться пейзажем, заказал вина и закуски. Хозяин Синь Ши встретил гостя, как и других, с глубоким почтением. А Люй, поев и напившись вина, вышел из трактира горделиво, с высоко поднятой головой, не расплатившись. Синь Ши при этом ничего ему не сказал.

В следующий полдень Люй опять пришел в харчевню, от души наелся, напился, ни в чем себе не отказывая, и ушел, утирая на ходу рот.

Таким образом он регулярно наведывался к Синь Ши, и длилось это в течение шести месяцев. Хозяин ни разу не потребовал расплатиться. Однажды Люй в очередной раз зашел выпить вина. Когда все было выпито и съедено, он подозревал Синь Ши и сказал:

— Я задолжал тебе слишком много. Принеси-ка мне свежих мандаринов.

Хотя Синь Ши и был обескуражен, он тут же принес несколько свежих, ярких плодов. Люй оторвал несколько кусочков кожуры, подошел к противоположной белой стене, взобрался на стул и стал ярким соком кожуры рисовать желтого журавля в натуральную величину. Оперение у птицы выглядело как настоящее; казалось, она готова вот-вот взлететь на расправленных крыльях. Люй обратился к хозяину:

— Когда к тебе будут заходить гости, чтобы выпить вина, стоит лишь приказать журавлю, и он спустится со стены и станет танцевать под любую мелодию, которую ему споешь. Таким образом, в течение нескольких месяцев я расплачусь с тобой.

Сказал и ушел. С тех пор, когда приходили желающие выпить, стоило хозяину сказать слово, и желтый журавль слетал вниз и исполнял перед гостями самые разнообразные танцы. Потом вновь возвращался на стену. Естественно, весть об удивительном явлении разнеслась повсюду, и люди из разных мест устремились в харчевню Синь Ши, чтобы посидеть за чарочкой вина и посмотреть на танцующего журавля-небожителя (во всех китайских легендах журавль — спутник небожителей).

Посетители ломились в заведение, и вскоре Синь стал настоящим богачом. Однажды его вновь посетил Люй. Хозяин бросился к нему, заставил стол различными яствами. За трапезой разговорились:

— Ну, как живется? Стало ли больше посетителей?

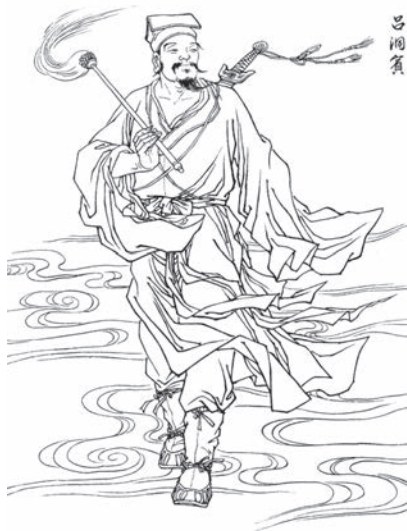
— Ежедневно — прямо паломничество, — радостно ответил Синь, — я баснословно разбогател.

Тут Люй вынул из-за пазухи яшмовую флейту и заиграл. Желтый журавль слетел со стены, Люй Дун-бинь вскарабкался ему на спину; журавль расправил крылья, взлетел и вскоре скрылся высоко в небе.

Реальная ли это историческая личность — Люй Дун-бинь? Да, — утверждается в одной из китайских газет. В заметке написано, что весной 1989 года в местности Юнь-шуй-дун, недалеко от городка Шуан-си-сян, который, в свою очередь, расположен поблизости от города Ань-кхан, были обнаружены вырезанные на камне стихи Люя, общим числом — шестьдесят.

Исследования показали, что эти стихи написаны в стиле эпохи Тхан. Позднее обнаружили еще изображение лежащего льва с открытой пастью и высунутым языком, вырезанное в виде барельефа на камне, тоже в стиле этой эпохи. Льва нашли на юге провинции Шаньси, в знаменитом своими пейзажами месте под названием Пещера у ароматного ручья, при реконструкции здания Чхун-ян, в котором, согласно преданиям, и жил Люй.

Так что, как утверждают китайцы и как показали всесторонние научные исследования, Люй — реальный человек, живший в эпоху Тхан. Конечно, подлинных сведений о нем сохранилось мало, зато легенд сочинили великое множество.

Цхао Го-цзю

Среди Восьми бессмертных Цхао Го-цзю (曹国舅) появился сравнительно поздно, и сведений о нем почему-то относительно мало.

Рассказывают, что фамилия этого человека — Цхао, имя — Ёу. Был он якобы старшим из многочисленных братьев супруги императора эпохи Сун — Жэнь Цзун-цхао, который правил с 1023 по 1032 гг. За это небожителя и прозвали Го-цзю, то есть «шурин государя».

Один из его младших братьев, опираясь на могущество и силу старшей сестры, «изо всех сил творил зло»; поэтому Го-цзю счел для себя позорным продолжать службу при дворе. Все свое состояние он раздал бедным и удалился в горы. Вот и вся его биография.

Говорят, даосизмом он увлекался с детства, а богатство, процветание и удачу рассматривал как ненужный хлам. Однажды он встретился с Чжунли Цюанем и Люй Дун-бином. Люй спросил:

— Говорят, ты стал отшельником. К чему ты стремишься?

— Постигнуть Дао-путь, — был ответ.

Люй вновь задал вопрос:

— Где же, по-твоему, этот Дао-путь?

Отшельник молча указал на небо.

Люй спросил:

— А где же небо?

И тот молча указал на свое сердце. Оба великих бессмертных рассмеялись:

— Сердце — это небо, небо — это Дао. Ты проник в самую суть!

Поэтому великие даосы с удовольствием передали Цхао Го-цзю свое мастерство и приняли его в свою среду.

Если говорить про облик Цхао, то он — типичный чиновник: на голове черная чиновничья шапочка из флера, на теле — красная парадная форма сановника, на ногах — соответствующие форме сапоги. Лицом, говорят, был очень некрасив, как будто «не лицо, а кусок соевого творога». В руках он обычно держит ху, дощечку из нефрита, слоновой кости или бамбука, для записи приказов, с которой сановники входили на аудиенцию к императору.

Встречалось мне изображение Цхао Го-цзю и с кастаньетами или трещотками в руках, а почему именно с ними — расскажем ниже.

Как Цхао обучали бессмертию

К северу от городка Шуан-си чжэнь, что в уезде Цзин-ань (Спокойствие) провинции Цзян-си, есть древняя пещера, которую называют Пещерой небожителя Цхао — *Цхао-сень дун*. Глубина ее около четырех — пяти метров; внутри есть каменные стол и табуретки. Перед входом — мощный водопад, который служит как бы дверной шторой-занавеской (у китайцев в жару не принято закрывать двери, зато они вешают короткую занавеску, скрывающую лица и тела находящихся в комнате, и видны только их ноги до колен, — Л. И.). По обе стороны от пещеры — отвесные скалы-стены. Вход прикрыт кронами деревьев, образующих тень, а вокруг яростно цветут горные травы.

А вот и история, связанная с пещерой *Цхао-сень дун*.

Как известно, сначала Цхао служил при дворе, но поскольку его младшие братья, тоже чиновники, безобразничали и бесчинствовали, издеваясь над жителями вверенных им деревень, Цхао испытывал стыд за них.

Сколько раз он пытался увещевать, уговаривать братьев, — все бесполезно; все равно что «мельничными жерновами перетирать воду». Они продолжали притеснять крестьян, и казалось, просто не могли не творить зло. Рассердившись на них окончательно, Цхао покинул столицу и отправился в путь в поисках святого, которого можно было бы почитать и учиться у него Дао-пути.

Однажды он оказался на берегу реки Гань-цзян, что в провинции Цзян-си, и опечалился, глядя на бурные воды, поскольку не видел ни лодки, ни какой другой возможности преодолеть препятствие. И тут вдруг заметил крошечную, примитивную лодочку, покачивавшуюся на волнах, неизвестно откуда взявшуюся: еще секунду назад ее здесь не было.

Цхао окликнул лодочника и попросил переправить его на другой берег, однако тот запросил плату вперед. Цхао Го-цзю ощупал одежду, но не нашел даже самой мелкой монеты. Делать нечего, пришлось вынуть золотую табличку, пожалованную ему императором, которая удостоверяла его личность. Увидев ее, лодочник в гневе вскричал:

— Раз уж ты решил постигать Дао, общаться со святыми, зачем же вынул золотую табличку, испугав меня до смерти?! Это крайне неучтиво!

А Цхао и сам перепугался, подумав, — откуда лодочник знает, что я ищу святого? Уж не принадлежит ли он к их числу? И когда эта мысль пришла ему в голову, он забросил табличку далеко в бурлящие волны. Затем вновь взглянул на лодочника, и оказалось, что перед ним — небожитель Люй Дун-бинь. Низко поклонившись, Цхао произнес:

— Учитель, учитель!

После этих слов Люй принял Цхао в качестве своего ученика-послушника, перевез его через реку и доставил в тихое, спокойное место.

Однажды они, путешествуя на облаке, оказались недалеко от местечка Шуан-си (Двойная пещера), где увидели грот, созданный самой природой. Рядом протекал ручей, а древние кипарисы заслоняли небо. Цветы коричневых деревьев изысканно благоухали; вокруг стояла такая тишина, было так спокойно, что лучшего места для «совершенствования тела и воспитания характера» не найти. Поэтому Люй Дун-бинь велел Цхао Го-цзю заняться самосовершенствованием в этой пещере.

Как велел учитель Люй, Цхао вставал рано и отправлялся в горы за редкостными съедобными плодами, а также в поисках подлинных следов небожителей и святых. Ночью он возвращался в пещеру и приступал к постижению и заучиванию канонов. Таким образом он прожил в пещере девять тысяч, девять сотен и восемьдесят один год.

Однажды ранним утром, когда солнце едва показалось на востоке, Цхао, как всегда, вышел из пещеры и вдруг услышал многоголосую музыку, как будто одновременно звучали флейта, губной органчик и барабан. Звуки радовали и раздавались откуда-то сверху. Цхао поднял голову и увидел учителя Люя, который парил в воздухе и манил его к себе.

— Ты стал небожителем, скорее следуй за мной на небо!

Цхао подпрыгнул и почувствовал, что его легкое тело оказалось на облаке. Вместе они полетели в небесный дворец.

Хань Сян-цзы

В Китае нет четкой разницы между летописными сведениями, заслуживающими полного доверия, и слухами-легендами, особенно — если это касается исторических личностей и, тем более, героев легенд. Взять, к примеру, Хань Сян-цзы (韩湘子). Принято считать, что он — племянник известного литературного корифея тханской эпохи Хань Юя (768 — 824 гг.), но боюсь, что это абсолютно не соответствует действительности.

Самым интересным документом о нем является, пожалуй, «Все о Хань Сян-цзы», написанный Ян Эр-цзэном в начале эпохи Мин. В этой книге прослеживается путь Ханя «в обратном порядке»: со времен эпохи Тхан до периода правления Поздней Хань. Впрочем, сколько всего перевоплощений на земле прожил этот герой — не известно.

Говорят, во времена правления Хань у первого министра Ань Фу росла необыкновенно красивая дочь по имени Лин Лин (Повкая, Гибкая). Император захотел пожаловать ее в жены своему племяннику, но Ань Фу решительно отказался отдавать свою дочь. В великом гневе император уволил министра и отправил его в ссылку. Когда это несчастье обрушилось на Лин Лин, она затосковала и через некоторое время умерла, не в силах пережить горе. После смерти она превратилась в белого журавля, а небожители Чжунли Цюань и Люй Дун-бинь с помощью волшебства перенесли ее душу в ребенка, родившегося в уезде Чхан-ли у некоего Хань Хуя.

Мальчику дали «молочное имя» Сян-цзы. К сожалению, его родители рано умерли, и ребенка взял к себе и воспитал его дядя по отцу Хань Юй. Когда мальчик вырос, все те же бессмертные занялись его обучением и воспитали из него, в конце концов, праведника. Через некоторое время праведником-даосом стал и его дядя, благодаря помощи со стороны племянника, а также различным событиям, изменившим его судьбу.

Из-за слова «племянник» Хань Сян-цзы всегда изображают юношей, стройным и привлекательным, хотя он стал известным, познав путь Дао, уже в немолодом возрасте. Его даоским атрибутом является китайская дудочка, которую он обычно держит в руке. Что же необычного в этой волшебной дудке?

«Если заиграть на ней, то даже волны в тысячу баллов будут усмирены». А еще говорят, что Хань усилием воли умел заставить цветы распусться, раскрыть свои чашечки. И того больше, — мог вызвать появление цветов из почвы, их рост и расцвет прямо на глазах. Еще Хань славился тем, что умел с помощью волшебства наполнить вином кубок, который только что был пустым. Поэтому иногда его изображают с корзиной цветов или с чашей (очень редко).

Мальчик с детства любил общаться с даосами, а бессмертным он, говорят, стал следующим образом. Однажды учитель привел его к волшебному персиковому дереву, чтобы тот смог отведать плодов. Когда Хань взобрался на дерево, ветка обломилась, и он наверняка разбился бы насмерть, если бы не успел откусить от персика во время падения.

Порой в разных книгах встречается противоречивая информация о небожителях. Что является правдой, а что вымыслом, — теперь уже не определить. Итак, предлагаем описание некоторых страниц жизни юноши.

Рассказывают, что один из Восьми бессмертных Хань Сян-цзы считался чрезвычайно красивым, с тонкими, правильными чертами лица. Хотя многие и утверждают, что он — племянник пользовавшегося широкой известностью великого литератора Хань Юя, на самом же деле он являлся его внучатым племянником, довольно образованным, сдавшим экзамены на звание *цзинь-ши*.

Мальчик с детства не желал пользоваться почестями и наслаждаться богатством. Ему претили стяжательство и карьеризм, зато он с головой ушел в изучение Дао. Дядя неоднократно заставлял его учиться дальше и продвигаться по служебной лестнице, но Сян-цзы отвечал:

— Я и так учусь, штудирую книги; только их содержание отличается от тех, которые читаешь ты.

Хань Юй обычно сердился и, укоряя, сетовал:

— Даже городские обыватели обладают каждый — своим умением, мастерством, зарабатывая на еду и одежду. А ты целыми днями где-то ходишь, путешествуешь... На что ты собираешься жить, чем собираешься кормиться в будущем?

Сян-цзы, смеясь, отвечал на это:

— Я тоже обладаю определенным мастерством, только дядя не понимает моего умения.

Как-то выдался чрезвычайно засушливый год, и император приказал Хань Юю отправиться в храм Царя драконов, что в южном предместье, и помолиться о ниспослании дождя. Он пригрозил, что если Хань Юю не удастся умиловить Дракона, то его уволят с министерской должности.

Узнав об этом, Хань Сян-цзы превратился в даосского монаха, встал недалеко от ворот императорского дворца и повесил вывеску с четырьмя крупными иероглифами: «Продаются снег и дождь».

Люди тотчас же доложили об этом Хань Юю, и дядя велел позвать монаха, а затем предложил тому взойти на алтарь, чтобы подтвердить свое умение. Вскоре небо заволочло тучами. Они казались такими плотными, что не видно стало ни одного просвета. И вдруг пошел дождь со снегом в огромном количестве. Хань Юй не поверил, что это результат искусства даоса. Он спросил:

— Этот снег вымолил я или ты?

— Конечно же, я, — ответил даос.

— А чем это докажешь?

— Толщина моего снега — ровно три *чшы*, можете проверить.

Хань Юй велел измерить толщину снежного слоя. Оказалось, действительно, три *чшы*. Только после этого Хань Юй перестал сомневаться.

А еще рассказывают о другом случае. Однажды Хань Юй отмечал день рождения, и у дома собралось множество родных и друзей, желавших поздравить его. Хань Юй устроил званый пир — во дворце. Неожиданно появился и Хань Сян-цзы, который тоже пожелал дяде долголетия. Дядя и удивился, и разгневался:

— Ты целый год скитался, неизвестно, где, неизвестно, чему учился, чем занимался. Приказываю тебе прочитать перед гостями стихи и объяснить в них, к чему ты стремишься, в чем твое призвание.

Сян-цзы тут же симпровизировал, продекламировав стихи, в которых звучали такие строки:

Живу я на небе, на облаке — сплю,

Питаюсь я соком из тучи.

А утром я чашу наполнить люблю

Свежайшей зарею пахучей.

Я в тыкве-горлянке секреты таю;

И знают о них лишь даосы.

Все золото бедным они раздают,
Себе оставляют лишь росы.
Мне дьяволы, нечисть и зло нипочем,
Магическое заклинанье
Поможет мне вместе с волшебным мечом.
И все это — Дао познание.
В моем арсенале есть средство одно,
Которым гостей «угощаю»:
Я в кубке пустом сотворяю вино,
Росточки в цветы превращаю.

Выслушав, дядя воскликнул:

—И ты еще осмеливаешься хвастать, что способен творить чудеса?! Ну, что ж, проверим. Продемонстрируй-ка моим гостям свое искусство «виноделия и выращивания цветов».

Хань Сян-цзы взял большой пустой кубок и поставил его на циновку перед сидящими на полу гостями. Сначала он накрыл кубок золотой тарелкой, а через мгновение открыл, чтобы дать взглянуть собравшимся. Кубок оказался до краев наполнен ароматнейшим прекрасным вином.

Вслед за этим Сян-цзы насыпал на циновку горсть земли и закопал у всех на глазах зернышко-семечко. Вскоре все увидели, как из земли показался крошечный крепенький росток, который тянулся вверх прямо на глазах, и вот уже появились листья, а затем и бутон.

Бутон мгновенно раскрылся, и всем взорам предстал крупный, ароматный цветок пиона. На нежных лепестках блестели жемчужные капельки росы. Хань Юй и гости застыли в изумлении. Но самым удивительным стало то, что на лепестке цветка они увидели золотые иероглифы:

Тучи тяжелые, ветру послушны,
 низко плывут над горами.
Там — моя родина, мне недоступна,
 словно стена между нами.
Снег перекрыл все пути и дороги,
 горько пропасть на чужбине...
Родина близко, но мне не добраться:
 конь обессилел в лавине...

Ни Хань Юй, ни гости не смогли постигнуть смысл этих строк, а Сян-цзы сказал: «Пройдет время, и вы все поймете». Сказал и исчез.

После того, читатель, как вы представили себе эту картину — одинокого путника, погибающего в нескончаемом снегопаде — можно сократить перевод до двух строчек, как в оригинале:

Плывут облака над горами, где родина.
Мне же она недоступна.
Обрушился снег, перекрыл все пути,
и мой конь обессилел в лавине...

Итак, Сян-цзы исчез. Прошло несколько лет. В очередной раз настало время перевозить в столицу мощи Будды, хранящиеся в храме Путь к Будде, в селении Фа-мэнь, что в десяти километрах от уездного города Фу-фэн провинции Шаньси. В храме стояла пагода Защищающая страну, а в ней находилась фаланга пальца Будды, которую император Тхан Сюань-цзун приказал привезти в столицу.

В древности ежегодно мощи Будды привозили в столицу Чхан-ань, помещали в храме Помогаящий государству, и верующие мужчины и женщины били поклоны. Сам император тоже был последователем буддизма и мечтал о долголетию.

Хань Юй же считал, что такая слепая религиозная вера, связанная с большими материальными затратами, может принести государству только бедствия, и, рискуя быть казненным, он написал доклад государю «О мощах Будды». В результате Сюань-цзун разгневался так, что действительно хотел было казнить смельчака. Но благодаря заступничеству со стороны канцлера Пхэй Ду и других сановников тому все же удалось избежать смерти.

Наказание он получил в виде ссылки в Чхао-чжоу, которое находится в восточной части нынешней провинции Гуандун, в восьми тысячах *ли* от столицы. Верхом на коне Хань Юй покинул столицу, добрался до заставы Лань-гуань, и в это время небо плотно закрыли тучи, крупными хлопьями повалил снег. Создалась безвыходная ситуация, когда оказалось невозможно двигаться вперед, и не стало ходу назад. В тот момент, когда он понял, что окончательно сбился с пути, впереди вдруг возник человек, который как будто летел в вихре снега, оседлав ветер.

Когда Хань приблизился, оказалось, что это — Сян-цзы. Подойдя вплотную к лошади, племянник обратился к литератору:

—Помнишь ли ты строки стихотворения, написанные на лепестке во время банкета?

Вместо ответа Хань Юй спросил:

—Где я?

—У заставы Лань-гуань,—ответил Сян-цзы.

И литератор сказал:

—Когда мы доберемся до почтовой станции, чтобы передохнуть, позволь мне дополнить написанное тобою стихотворение, чтобы получилось семисловное восьмистишие.

Так появилось знаменитое восьмистишие Хань Юя «Разжалованный в чине, я встретил внучатого племянника Сян у заставы Лань-гуань...»

Судьбу не предскажешь: лишь утром письмо императору

подал с докладом,

А вечером был уж разжалован, сослан за тысячи *ли* от столицы.

В преклонных годах, я не думал о старости тихой

с правителем рядом, —

В политике царства хотел я советом помочь, невзирая на лица.

Плывут облака над горами, где родина.

Мне же она недоступна.

Обрушился снег, перекрыл все пути, и мой конь

обессилел в лавине.

Но ты издалёка пришел

(не помочь невинному предку — преступно).

Ты спас от бесчестья, чтоб кости мои не валялись в далекой долине.

В тот вечер дядя с племянником проговорили до глубокой ночи. Сян-цзы простился с литератором, а перед тем, как расстаться, дал ему снадобье из тыквы-горлянки со словами:

—Проглоти этот шарик, и тебе станут не страшны ни холод, ни жара.

И добавил, успокаивая Хань Юя:

—Не печалься, в скором времени тебя вновь пригласят ко двору.

И действительно, через некоторое время литератора вновь вернули в столицу на службу императору.

Как Сян-цзы пришел в этот мир

Вот одна из легенд, рассказывающая о том, как Сян-цзы появился на свет. Думаю, что людей, знающих, каким образом Хань Сян-цзы пришел в этот мир в первом воплощении, совсем немного. Старые люди рассказывают, что знаменитый император древности Шунь является отцом Ханя.

Как известно, у этого императора жили две наложницы: Э Хуан и Нюй Ин. Однажды, когда император направился в район реки Сян-цзян по каким-то делам, произошло несчастье — лодка перевернулась, и Шуня проглотил огромный дракон, обитавший в той реке.

Узнав о гибели мужа, обе женщины немедленно отправились на берег, чтобы оплакать супруга. Поплавав немного для приличия, Э Хуан обратилась к Нюй Ин:

— Сестрица, что толку плакать, ведь человек уже умер; плачь, не плачь — не вернешь. Мне кажется, нам лучше вернуться домой.

Однако Нюй Ин ответила:

— Если хочешь, можешь идти. А я предпочту умереть здесь, чтобы и в следующей жизни быть вместе с любимым мужем.

Такой ответ страшно разозлил Э Хуан. Ворча и посылая проклятия, она ушла, оставив Нюй Ин на берегу. А та плакала день и ночь, ночь и день, пока не обессиливала. Придя в себя, вновь начинала плакать. И так продолжалось полгода, поэтому даже бамбук, что рос на берегу, стал пятнистым от ее слез, которые без конца капали на стволы. А если слезинки неоднократно попадали в одно и то же место на стволах, там образовывались круглые отверстия.

Однажды, утомившись от слез, она прилегла и задремала, а может, и не дремала, а впала в полузабытье. Во всяком случае, увидела она сон, будто из бамбуковых зарослей на берегу Сян-цзян вышел человек, как две капли воды похожий на ее мужа Шуня. Подошел он к ней близко-близко, обнял крепко-крепко и ласково прошептал:

— Ай, Нюй Ин, Нюй Ин, я понял, что только ты меня любишь по-настоящему. Ты доказала свою преданность. Хватит слез, возвращайся, пожалуйста, домой. А через год ты родишь мне сына. Береги его, прошу тебя; что бы ни случилось, не причиняй ему вреда. Потому что в назначенный час он сможет отомстить за меня.

Сказав это, образ исчез, а Нюй Ин проснулась. Станным показался ей этот сон, однако она верила, что повидалась именно с мужем, поэтому,

подчинившись его приказу, вернулась домой и действительно вскоре обнаружила, что беременна. Незаметно пролетел год, и Нюй Ин разрешилась от бремени. Но разве могла она предположить, что родит не человека, а круглое, розовое, скользкое яичко из плоти, какой-то комочек мышц.

Э Хуан ничего не знала о том, что Нюй Ин говорила во сне с мужем, поэтому очень удивилась, когда увидела, что та беременна; а уж когда оказалась свидетельницей рождения странного розового яйца, она решила, что на свет появилось какое-то чудовище, от которого надо немедленно избавиться.

Схватив нож, она ударила по странному яйцу, но последствия оказались еще более удивительными: со звуком «пхэн!» яйцо развалилось на «четыре доли и восемь лепестков», а изнутри выпрыгнул маленький червячок.

Так вот почему император просил беречь сына: он знал, что его вид наверняка пугает окружающих. Э Хуан еще больше рассердилась и стала бегать с ножом, пытаясь приблизиться к новорожденному и убить его, однако червячок, как на пружинке, в самый последний момент быстро отскакивал.

А что же мать? Дело даже не в наказе мужа-императора, просто в ней проснулось чувство материнства. Ведь говорят же, что собаке дорог ее щенок, а кошке — ее котенок. Кого родил, того и любишь, тот тебе и родной. Поэтому Нюй Ин, видя, что Э Хуан носится за ее новорожденным с ножом, преградила той путь своим телом.

А червячок тем временем не знал, куда деться. Он в панике бросался то туда, то сюда, пытаясь найти какую-нибудь дырочку, где можно укрыться. Одна женщина набрасывалась на него, другая прикрывала его собой; а червячок все прыгал вперед, теперь уже не в доме, а за его пределами, пока они, все трое, не оказались на берегу той самой реки Сян-цзян. В панике Нюй Ин отломила ветку бамбука, протянула ее сыну. Червячок, увидев, что в ней есть отверстия, мгновенно вбуравился в одно из них, скрывшись из глаз.

Прошло несколько лет, червячок вырос и превратился в большого желтого дракона. В конце концов он победил огромного водяного дракона, что жил в реке Сян-цзян, и тем самым отомстил за гибель отца Шуня.

После этого он в течение нескольких тысяч лет прожил в пещере Желтый Дракон, что в горах Лао-шань. Там он занимался самосовершенствованием, пока не превратился в святого-небожителя, и дальнейшая его жизнь проходила на знаменитом острове Пхэн-лай. Впоследствии именно он и стал Хань Сян-цзы.

Говорят, что дудочка, которую он всегда держит в руках, и есть та бамбуковая трубочка, в которой он когда-то давно спрятался от Э Хуан. А отверстия в трубочке, благодаря которым он извлекает прекрасные звуки — это следы многочисленных слезинок его матери, оплакивавшей его отца.

В Китае есть разновидность бамбука — пятнистый; он соломенно-желтый, а пятна на нем коричневые. Название по-китайски звучит очень интересно: *сян-фэй чжу*. Чжу означает «бамбук», *сян* — название реки, в которой погиб император, *фэй* — «наложница», «жена». Получается намек на слезы-пятнышки наложницы на стеблях бамбука, растущего на берегах реки Сян-цзян.

А имя Хань Сян-цзы можно перевести как «Сын реки Сян».

Хэ Сень-гу

Англичане говорят «ladies first», а в китайском мини-обществе Восьми бессмертных единственная женщина оказалась в тени, скромная и незаметная, самая последняя. Благодаря ей Восемь бессмертных вызывают еще больший интерес, поскольку присутствие дамы всегда привлекательно.

Существует разноречивость во мнениях относительно того, где она родилась. Впрочем, такая же ситуация сложилась и с остальными даосами. Согласно самой распространенной версии, Хэ Сень-гу (何仙姑) родом из Лин-наня и жила в эпоху правления Тхан. Ее настоящее имя — Цюн, т. е. Прекрасная яшма.

В момент ее рождения комнату заполнили фиолетовые облака, а на макушке у новорожденной уже насчитывалось шесть волосков (это неперемutable условие в китайских легендах — рождение необычных людей должно сопровождаться и неординарными явлениями природы или какими-то чудесами).

Когда девочке исполнилось тринадцать лет, произошло знаменательное событие. Однажды она пошла со служанкой в горы собирать целебные травы; в горах девушки ходили довольно долго, отвлекаясь то на птиц, то на цветы, то на диких зверюшек, и, в конце концов, заблудились.

Неизвестно, чем бы их приключение закончилось, если бы не встреча с отшельником-даосом очень приятной наружности. (Случайно ли заплутали, и случайна ли та встреча?) Даос дал девочке персик и пояснил, что плод этот — необычный: тот, кто его съест, сможет взлететь к облакам и стать небожителем.

Дети любопытны (на это и рассчитывал ловелас), и Цюн съела персик. Вернувшись домой, она в течение месяца жила в праздности, потеряв интерес к своим обычным занятиям, обязанностям и развлечениям. При этом она абсолютно не испытывала ни голода, ни жажды. Но самое интересное — у девочки появилось умение узнавать сокровенные мысли людей.

Красивый даос взволновал сердце полуподроска-полудевушки, и жизнь в родной деревне стала казаться ей скучной и тоскливой. Через некоторое время отшельник стал являться ей во сне, все больше смущая юную душу, и Цюн дала обет не выходить замуж ни за кого из земных, проводя все свое

время в горах. Она надеялась на повторную встречу с даосом, а потому придумала для родных в свое оправдание версию, будто она ищет в горах волшебные плоды, способные вернуть здоровье ее больной матери.

Из-за душевных переживаний и любовной тоски тело девушки стало легким, почти невесомым. Ежедневно рано утром она уходила из дома, а поздно вечером возвращалась с какими-то дикими фруктами для матери.

Родители, взволнованные необычным поведением дочери, ее тоской и отрешенностью, подыскивали ей жениха из хорошей семьи, и уже назначили свадьбу, вычислив счастливый день. Но их затея закончилась достаточно трагично: отлучившись ненадолго из дома, чтобы «посоветоваться с бессмертными», Цюн бросилась в колодец.

В провинции Гуандун, в городе Цзэн-чхэн стоит небольшой домик-храм, посвященный небожительнице Хэ Сень-гу. Он построен в ее родных местах, и в честь того давнего печального события у входа в храм висят парные надписи:

Тысяча лет прошла, но остались следы
древнего волшебного колодца.

И сотни поколений людей
молятся на этом старинном месте.

Если говорить о месте рождения девушки по фамилии Хэ, то, помимо Лин-нани, чаще всего упоминают два города: Цзэн-чхэн, что в провинции Гуандун, и Лин-лин в провинции Хунань. Вообще же мест, которые она посещала и где остались памятные следы, связанные с ее именем, гораздо больше. Они обнаружены, например, в провинциях Фуцзень, Чжэцзян, Аньхуй, Хунань, Гуанси... И все же большинство легенд о Хэ Сень-гу связаны с уездным городом Цзэн-чхэн.

Что касается учителей и наставников будущей небожительницы, то кроме даоса по имени Люй Дун-бинь, который, повстречавшись в горах, дал ей персик бессмертия, своими познаниями делились с ней еще и Тхе-гуай Ли, и Лань Цай-хэ.

Большинство исследователей считает, что день рождения девушки — седьмое число третьего месяца по лунному календарю, и эту дату широко отмечают на ее родине, проводя в храмах различные театрализованные

представления о бессмертных; эти развлечения длятся от трех — пяти до десяти дней.

В качестве святой Хэ Сень-гу, как и владычицу Запада Си Ван-му, изображают в виде необычайно красивой женщины. В Китае довольно часто можно встретить рисунок или скульптуру Хэ в развевающейся одежде отшельницы с цветком лотоса в руке, который является символом отрешенности от мирской суеты.

Вот и все скудные сведения о единственной *lady* в этой группе небожителей. А теперь — самая распространенная легенда о Хэ Сень-гу.

Как она стала небожительницей

Согласно преданиям, у подножия горы Лэй-ло *шань*, что в провинции Хунань, есть селение, в котором жила некогда злая, жестокая женщина. Она сладко ела, целыми днями бездельничала и, тем не менее, «сердце у нее было волчье, а руки пропитаны ядом», как говорят в народе.

Жила при ней девочка, взятая на воспитание, и звали ее Хэ Сю-гу. Росла она изящной, грациозной, очень смышленной, и внешность оказалась приятной: тонкие брови, большие глаза. Но особенно удивлял характер: ее отличала бесконечная, безграничная доброта к людям.

Вся работа по дому лежала на ней. Ежедневно приходилось и в поле трудиться, и еду готовить, и одежду стирать, и кур да уток кормить, а еще — ухаживать за госпожой, прислуживать ей. Вставала девочка с пятой стражей, то есть около пяти утра, ложилась в полночь. Ни минуты свободной не имела. И даже при этом госпожа вечно бранила ее и даже колотила. Девочка не осмеливалась и слова сказать в свою защиту. Лишь плакала украдкой.

Однажды злая женщина покинула дом на время, отправившись по своим делам, а девочке велела хорошенько смотреть за воротами, чтобы никто чужой не вошел.

Сю-гу принесла скамеечку, села снаружи у ворот и принялась чинить подошву башмачка, думая о своей горькой судьбе. И тут она увидела семерых нищих на тропинке, ведущей от начала села. Все они выглядели нечесаными и оборванными, худыми и желтыми — вид чрезвычайно жалкий. Подошли к девочке и стали просить:

— Тебе, сестрица, как видно, живется здесь совсем неплохо: усадьба зажиточная. А мы уже пять дней не ели. Подай нам чего-нибудь хоть немного...

Посмотрела она на голодных, несчастных и отнеслась с большим сочувствием. Сначала хотела им риса сварить, да подумала, что хозяйка, вернувшись, узнает; попадет ей тогда за это... Что же делать? А нищие тем временем продолжали просить, вот бедолаги... Сердце ее не выдержало, и она, позабыв о страхе перед побоями, побежала в дом и отварила большую миску лапши, поставив перед странниками.

Как они ели! Словно голодные волки или тигры! В мгновение вылизали все дочиста. Поблагодарили девочку и ушли, огибая деревню по периметру.

Только они исчезли, как вернулась хозяйка. Едва войдя в дом, она, прежде всего, начала проверять, все ли цело в ее хозяйстве. Заглянула в кадушку с мукой, в бутылку с маслом, бросила взгляд на кучу хвороста. Везде — «недостача»; стала с пристрастием расспрашивать, обвинять. Сю-гу сначала боялась признаться, но, поскольку врать не умела, рассказала всю правду. Хозяйка рассвирепела и приказала немедленно вернуть этих нищих.

— Не приведешь их ко мне, ноги тебе переломаяю!

Сю-гу, обливаясь слезами, пошла за околицу. Она отошла совсем недалеко от села и увидела всех семерых, которые сидели у обочины, отдыхая. Рассказала Сю-гу им обо всем, а те отвечают:

— Эту лапшу съели мы, значит, ты здесь не при чем. Пойдем в деревню!

Едва они показались в воротах усадьбы, как хозяйка набросилась с руганью и потребовала, чтобы нищие вернули лапшу. Не возразив ни слова, они выплюнули лапшу, причем, она оказалась в том же виде, в каком до этого лежала в миске. Так же молча нищие удалились.

Замахнувшись скалкой, госпожа закричала, указывая на лапшу:

— Сама виновата, сама и получай! Сейчас же съешь это все!

Девушка послушно подошла к лапше, боясь побоев, но ноги при этом передвигались с трудом. И тут случилось удивительное: стоило ей прикоснуться к лапше, как та исчезла, испарилась. Но изменения произошли и с самой Сю-гу: она почувствовала, что ее тело стало намного легче, ноги легко оторвались от земли, и она вдруг медленно поплыла-полетела по направлению к семи нищим.

Хозяйка побелела от испуга, не понимая, что произошло. Бросилась было догонять, добежала до околицы села, но опоздала: довольно высоко в небе парили, стоя на облаках и окруженные облаками, семь «попрошаек», а с ними — Сю-гу, и летели они в юго-восточном направлении.

Только потом хозяйка сообразила, что те семеро — знаменитые Тхе-гуай Ли, Чжан Го-лао, Цхао Го-цзю, Лань Цхай-хэ, Хань Сян-цзы и Хань Чжунли, которые всегда защищали слабых и обиженных. Оказалось, прослышали они о добросердечности Сю-гу, которая страдает от несправедливого отношения хозяйки, и явились за ней, приняв облик попрошайек. Эта девушка и стала впоследствии Хэ Сень-гу, восьмой среди них. Имя «Сю» поменяли на «Сень», что значит «Небожительница».

ДРУГИЕ ДАОСЫ

Расскажем еще лишь о двух, но каких интересных личностях! Трехлапая жаба, с которой не расставался Лю Хар, известна нынче в России даже тем, кто ничего не знает о культуре Китая, во всяком случае, в Москве этот сувенир можно увидеть едва ли не в каждой лавке в подземных переходах и метро. А вот о Цзян Цзы-я, пожалуй, не каждый синолог слышал. Теперь узнает всякий, кто прочтет эту книгу.

Лю Хар с трехлапой жабой

*Хвалу не считаю славой; хулу не считаю позором;
Приобретая, не радуюсь, теряя, не печалюсь.
Смотрю на жизнь, как и на смерть,
Смотрю на богатство, как и на бедность.
Смотрю на человека, как и на свинью...*

Однажды, гуляя по Пекину, мы увидели небольшую улочку с названием Лю Хар. Случилось это давно, когда я не имела еще каких-либо материалов об этом персонаже. Мы остановились и стали расспрашивать у местных жителей, откуда такое необычное название.

Невероятно доброжелательные люди, пожилые и не очень, окружили нас, желая помочь. Позже остановились и подростки, прислушиваясь к разговору. Выяснилось, что никто ничего не может мне объяснить. Тогда я попросила:

— Расскажите мне о Лю Харе сами, кто что знает, ведь вы, наверняка, слышали о нем больше, чем иностранка. Вас много, с каждого — по две-три фразы, вот и получится рассказ.

— Я могу вам принести Лю Хара, — сказал молодой человек.

— Принести? — поразилась я. — А вы знаете, кто такой Лю Хар?

— Это такое животное, — ответил один.

— Нет, это переулочек... — другой показал рукой в сторону улочки.

— Я знаю, там их продают по 40 юаней, — еще один тоже показал куда-то рукой.

А подростки просто пожали плечами, смущенно улыбаясь.

Так получилось, что об одном из самых любимых мною персонажей — Лю Хай-чхане (刘海蟾), Лю Хае, или Лю Харе, как произносят на пекинском диалекте, я знаю меньше, чем об остальных, хотя информацию о нем ищу уже много лет.

В Пекине на каждом шагу можно увидеть сувенир в виде трехлапой жабы, держащей во рту круглую старинную монету с квадратным отверстием посередине. Эта жаба имеет непосредственное отношение к Лю Хаю. Иногда она сидит на плече у изображаемого героя, а порой он восседает верхом на жабе.

Но нередко можно встретить и одну жабу. Это удивительное чудовище обычно отталкивает европейцев своим видом, никто не торопится купить его изображение в камне, металле, фарфоре.

Впервые я увидела Лю Хая на картине-лубке из коллекции академика В.М. Алексеева, корифея китаистики. На той картине собраны все главные представители пантеона небожителей-даосов, в том числе и Восемь бессмертных. Естественно, Лю Хаю досталось совсем мало места, где-то в уголочке.

Но, увидев этого толстячка и прочитав скудные сведения о нем, я оказалась очарована навсегда. Говорят, это был молодой человек лет тридцати, довольно полный, с лохматыми, непокорными волосами. Его всегда изображают с открытыми грудью и животом, чтобы подчеркнуть внушительность форм.

Жил он якобы в эпоху правления Тхан, слыл очень умным и талантливым. Однако эти достоинства оказались невостребованными при дворе. Императору нравились совсем другие чиновники: угодливые, безынициативные, для которых нажива — главный смысл жизни. Такими легче манипулировать.

Разобидевшись и разочаровавшись в чиновничьей карьере, Лю Хай (имя «Хай» означает «море») решил удалиться в горы и стать даосом-отшельником, чтобы познать Дао-путь и заняться формированием души.

Но еще один даос гораздо раньше Лю Хая начал заниматься самосовершенствованием, да, видно, это занятие давалось с трудом, ибо не жилось ему мирно и спокойно. Он почему-то постоянно враждовал с Лю Хаем и всячески вредил ему. В конце концов Лю Хаю это так надоело, что он просто погнался за своим врагом, надеясь поймать и расправиться с ним.

Видя, что дело плохо, и что Лю Хай его вот-вот нагонит, враг решил спрятаться в колодце, который он приметил по пути, а чтобы не утонуть, задумал на время превратиться в жабу.

Обидчик так спешил, что, превращаясь в пресноводное, успел создать себе лишь три ноги, и почти из рук преследователя прыгнул в колодец. Разъяренный Лю Хай беспомощно сутился вокруг, не зная, как достать врага. А в это время мимо проходил Люй Дун-бинь, красавец-мужчина, один из Восьми бессмертных. Он снял с себя пояс и посоветовал:

— Привяжи к поясу несколько медных монет и опусти в колодец. Твой враг в прошлой жизни слыл стяжателем, а потому не сможет устоять.

Так Лю Хай и поступил. Жадный даос в облике лягушки вцепился челюстями в монету, да так, что оказался не в силах зубы разжать. Вот за этот-то пояс

Лю Хай и вытащил из колодца жабу. Да только что с ней делать дальше — не знал. А уродливое существо, выпучив глаза, как будто говорило всем своим видом: «Умру, но монету не отдам!»

Жаба вышла большая, пупырчатая... Передних лап — две, а сзади — только одна, но не сбоку, а посередине, для устойчивости. Как будто это хвостик с пальцами. Умора! Вызывает она, почему-то, не злость, а умиление и симпатию. И Лю Хай прослыл с тех пор повелителем денежной жабы.

Так и стал он после этого случая богом монет, и иногда входит в свиту бога богатства на лубочных изображениях. А жабу с тех пор вечно таскает за собой за пояс, ибо та не выпускает изо рта висящую на нем монету. В пекинском говоре принято эризировать имена, т. е. добавлять суффикс «р», поэтому более привычно имя героя звучит Лю Хар.

И хотя фарфоровых статуэток мне удалось собрать довольно много, — есть и флакончики для нюхательного табака с изображением Лю Хара, и металлические курильницы, — а вот историй и легенд о нем нигде найти не могла.

Однажды увидела в журнале рекламу изданных на Тайване книг, в том числе и о моем любимом герое. Очень обрадовалась, поскольку знаю: на Тайване особенно трепетно относятся ко всему, что касается прошлого Китая, будь то легенды, мебель или туфельки для бинтованных ножек.

Но когда я позвонила, чтобы заказать книгу, оказалось, что издательства там уже нет, его адрес и телефон изменились. Ниточка оборвалась, как и надежда получить сборник легенд о Лю Харе.

Прошло несколько лет в бесплодных поисках. Ни образованные люди, ни простые крестьяне так и не смогли мне рассказать ни одной легенды. Хотя многие, услышав мой вопрос, произносят в ответ поговорку: «*Лю Хар си цзинь чхань*» (刘海戏金蟾), т. е. «Лю Хар забавляется с золотой жабой». Это своего рода пояснение к классическому лубочному изображению, на котором Лю Хар тянет за собой пояс с монетами, а в одну из них вцепилась жаба.

Энциклопедия дает такие сведения о даосе. Жил он в эпоху Пяти царств (907—960) и настоящее его имя — Цхао (操), второе имя — Юань Ин (元英). Его родина — провинция Шэньси. Служил он министром при дворе Ень-вана, а затем небожители Хань Чжунли и Люй Дун-бинь стали его учителями в постижении Дао-пути, дав ему имя-прозвище Хай Чхань-цзы (海蟾子), — Морская Жаба.

Согласно другим источникам, этот человек состоял чиновником в эпоху Ляо (907—1125) и благодаря талантам дослужился до чина первого министра.

Именно потому, что у Лю Хара такое странное прозвище, множество легенд пытаются дать свое объяснение этому имени.

На классических новогодних лубках нашего яркого персонажа рисуют в обрамлении двух вертикальных надписей:

招财, 童子至 (*«Чжао цхай тхун-цзы чжи»*) и 利市仙官来 (*«Ли ши сень гуань лай»*), что означает пожелание радости и богатства. Увидев Лю Хара, некоторые китайцы произносят: 刘海戏金蟾, 步步钓金钱 (*«Лю Хар си цзинь чхань, бу бу дяо цзинь цень»*), что значит «Забавляясь с золотой жабой, Лю Хар выуживает монету за монетой».

О Лю Харе мне удалось найти лишь три легенды. Вот первая.

Как Лю Хар применил смекалку, чтобы жениться на девушке-лягушке

В провинции Аньхой, в небольшом местечке есть колодец, который, согласно поверью, имеет отношение к Лю Хару. Именно здесь он якобы заигрывал с Золотой Жабой, поэтому рядом с колодцем построили храм в честь Лю Хара.

Давным-давно здесь жила семья по фамилии Лю, которая выращивала овощи на своем небольшом огороде. Семья состояла всего из двух человек — матери и взрослого сына, которого звали Лю Хар. Они жили небогато, но сын прилежно трудился, усердно поливая огород из колодца, который находился во дворе их дома. Когда созревал урожай, юноша продавал его на улицах ближайшего города, за счет этого они и жили.

Однажды выдался особо засушливый год, в течение шести месяцев не выпало ни дождинки, и у многих крестьян погибла вся рассада, ибо остатки воды, что оставались в реке и колодцах, люди постепенно вычерпали. И лишь в колодце семьи Лю почему-то оставалось вдоволь чистой, прохладной воды.

Однажды вечером Лю Хар работал на огороде, ухаживая за растениями, а затем направился к колодцу, чтобы полить рассаду. Приблизившись к краю огорода, он увидел при свете яркой луны очень красивую девушку в желтом одеянии, которая, набрав воды, собралась, похоже, поливать его огород.

«Чья же это дочь, такая добрая и красивая, словно фея?» — подумал Лю Хар. Он тихонько приблизился сзади, подходя к колодцу. Но девушка, увидев незнакомца, вспыхнула от смущения, бросила ведро и, закрыв лицо руками,

вознамерилась убежать. Как и куда она делась, юноша не понял; он лишь увидел золотистую вспышку, и девушка исчезла.

Вернувшись домой, он подробно рассказал обо всем матери, и они вдвоем принялись гадать: что за дивные дела, ведь в округе на несколько десятков *ли* даже не слыхали, чтобы у кого-то в доме жила такая добросердечная дочь-красавица. Мучаясь от любопытства, Лю Хар решил выяснить все следующим вечером. Он поужинал раньше обычного и, едва начало темнеть, отправился к колодцу.

Луна еще не взошла, и Лю Хар спрятался за большим деревом, боясь даже дыханием выдать себя. Ждал, ждал, уже совсем стемнело, луна вскарабкалась на верхушки деревьев, а вокруг никакого движения. И когда ему стало уже совсем неважно сидеть в засаде без движения, из колодца вдруг полилось золотистое свечение, как будто молния сверкнула, а затем из этого золотистого света каким-то образом образовался человеческий силуэт.

Присмотревшись, Лю Хар разглядел вчерашнюю красавицу, которая чарующей походкой, покачиваясь на крошечных бинтованных ножках-лотосах, подошла к краю колодца и стала вращать ворот, доставая воду. Хотел, было, юноша подойти, да вспомнил, как вчера целомудренная девушка испугалась встречи с ним, и решил остаться за деревом, наблюдая из укрытия и боясь пошевелиться.

А красавица тем временем трудилась, поливая огород, и лишь когда выполнила всю работу, она опять превратилась в золотистое сияние и вернулась в колодец. Только после этого Лю Хар пошевелился, размял затекшее тело и направился к дому. Всю ночь он ворочался без сна, вспоминая увиденное. Ясно одно, — это не простая смертная. Как исхитриться, чтобы оставить ее в мире людей, не дать скрыться? И красивая, и добродетельная, и трудолюбивая... Вот бы такую жену! И когда пропели петухи, возвестив о наступлении рассвета, Лю Хар, наконец, придумал способ.

Утром он побежал на базар, купил тонкую-тонкую длинную нить, на которую обычно ловят рыбу, и рыболовный крючок. Лю Хар уже сидел в своей засаде, когда солнце еще и за горой не скрылось, — настолько ему не терпелось осуществить задуманное. При этом рыболовный крючок, маленький и незаметный, он пристроил на воротах колодца, а второй конец снасти зажал в руке.

Девушка появилась из колодца, лишь когда луна поднялась над кронами деревьев. Как и в прошлый раз, она подошла к вороту, собираясь приступить к работе. И тут Лю Хар понял, что крючок зацепился за подол платья красавицы.

На этот раз ей не удастся скрыться! Юноша начал быстро сматывать нитку, приближаясь к девушке-лягушке.

Это действительно оказалась не обычная девушка, а золотая жаба, живущая в колодце. Она давно приметила трудолюбивого парня, любящего, почтительного сына, и решила тайком помогать ему, поливая ночами его огород.

С этого дня Лю Хар и девушка по имени Золотая Жаба стали жить в согласии и счастья, и каждый их день был наполнен взаимной любовью, а через год в молодой семье родился ребенок, беленький и толстенький.

***Вторая легенда повествует о том,
как Лю Хар стал небожителем.***

Жил некогда очень образованный молодой человек по имени Лю Хар. Он ежедневно усердно учился, чтобы впоследствии сделать карьеру чиновника. Каждый день, отправляясь по одному и тому же маршруту, Лю Хар проходил мимо пещеры, в которой жила лохматая собачка-оборотень. Она в течение многих столетий обитала там, в горах, занимаясь самосовершенствованием, и умела перевоплощаться в красивую девушку.

И вот, приняв облик красавицы, она ежедневно поджидала юношу, проходившего мимо, встречала его сердечно и приветливо, и, в конце концов, они стали любовниками, жили душа в душу, как образцовые супруги.

А напротив входа в пещеру стоял *ло-хань* (наместник Будды на земле), каменное изваяние. Он тоже занимался самосовершенствованием и находился в очередном перевоплощении. Обидно и завидно стало ему, что Лохматая Собачка полюбила не его, а ученого. Коль уж в сердце родилась зависть, возникло и желание помешать чужому счастью. Улучил *ло-хань* момент, когда ученый находился один в пещере, и обратился к нему вкрадчивым голосом:

— Эта Лохматая Собачка — оборотень, она околдовала тебя, приворожила, тебе следует немедленно избавиться от ее чар. Если мне не веришь, можешь сам убедиться. Притворись, будто у тебя болит живот, и она даст тебе понюхать жемчужинку, чтобы излечить. Ты же эту жемчужину не нюхай, а быстро проглоти, и тогда станешь самым умным среди всех соискателей на государственную должность, сможешь победить на экзаменах в столице и получить звание *чжуан-юань*.

Лю Хай запомнил эти слова. И хотя ему было очень хорошо с любимой женщиной, тщеславие все же оказалось сильнее, и он решил вновь посвятить себя только учебе.

Однажды он притворился, что у него разболелся живот, и получил от любящей и заботливой женщины блестящую жемчужину. Да только вместо того, чтобы понюхать ее, как велела Лохматая Собачка, он быстро сунул ее в рот и проглотил. Жена беспомощно сказала:

— Ты станешь высоким чиновником, но если все же вспомнишь обо мне, соскучишься, приезжай навестить.

Лохматая Собачка сразу догадалась, чьи это проделки, кто научил ее мужа так поступить. Поэтому, прощаясь, она еще добавила:

— Каменный *ло-хань*, что стоит напротив, уже достиг желаемого. Он познал все необходимое и превратился в небожителя. Его голова является одновременно крышкой. Если ты свалишь ее, то под ней обнаружишь углубление, наполненное водой. Выпей эту воду, и ты тоже станешь небожителем.

Добившись успехов на экзаменах, Лю Хар зажил безбедно, но все же часто вспоминал жену и сильно скучал по ней. Не выдержав, решил вернуться, повидаться. Не знал он, что без жемчужины Собачка не может оставаться в облике девушки.

Пришел он к пещере, а жены нигде не видно. Вздохнул он горько, и вдруг вместе с выдохом из его рта выкатилась волшебная жемчужина, которую он когда-то проглотил. Неожиданно из пещеры выкатилась, как шарик, лохматая собачка. Схватила жемчужину и исчезла там же, откуда выбежала.

Лю Хар же с горя решил выполнить совет жены. К чему ему земная слава и земные радости, если рядом нет любимой женщины! Возможно, став небожителем, он сможет встретиться с ней?

Стукнул он по голове идола, она и отвалилась. Выпил Лю Хар всю воду из лужицы в углублении, да еще извлек оттуда трех золотых лягушек, которые тут же превратились в монеты.

Собрал он их, разглядывая с изумлением, и тут каменный *ло-хань* принял свой истинный облик, опять стал огромной золотой жабой. Не растерявшись, Лю Хар вскочил на спину жабе, и как раз вовремя, потому что жаба выпустила из брюшка фиолетовое облачко, оно закрубилось и стало подниматься вверх,

подталкивая и жабу. Вместе с жабой в небо поднялся и Лю Хар. А Лохматая Собачка радостно запела:

Золотая Жаба мне
Навредить хотела,
Только зло вернулось к ней:
Голова слетела.
Прихватив монеты три,
Лю Хар не растерялся:
Выпил воду, что внутри,
И в небо поднялся.
Нам желая разных бед,
Помышлял о мести.
А теперь мы сотни лет
Будем с милым вместе.

И последняя легенда о Лю Хае.

Лю Хар забавляется с жабой

Лю Хар жил в эпоху Пяти царств в районе нынешней провинции Хэбэй, т. е. на севере Китая. И его настоящее имя — Лю Цхао.

Всем китайцам известна яркая благопожелательная картинка-лубок, которую вывешивают обычно на Новый год. На ней изображен босой полный мальчик, в руках у которого — связка монет. Длинные волосы развеваются, он пляшет, а у его ног сидит большая трехлапая жаба, вцепившаяся в монету. И соответствующая надпись: «Лю Хар играет с золотой жабой».

На самом деле Лю Хар был взрослым человеком. И помимо имени Лю Цхао он имел еще несколько имен и прозвищ, как это было принято в старом Китае: Чжао Юань, Цзун Чхэн, Лю Чжэ, Юань Ин, Хай Чхань-цзы.

Раньше Пекин называли Ень-шань, и вот Лю Хар, сдав экзамены в столице, с 16 лет начал здесь службу и в качестве чиновника прослужил очень долго на благо государства Ляо в звании *цзинь-ши*. Он любил беседовать с людьми об их жизни, интересовался превратностями человеческих судеб и слыл очень мудрым. Карьере его исполнилось 50 лет, и ему пожаловали должность *чхэн-сяна*, т. е. канцлера, первого министра.

Однако в душе этот чиновник постоянно испытывал жгучий интерес и тягу к учению Дао, к даосам.

Однажды к нему в дом зашли два даоса. Как впоследствии выяснилось, ими оказались Люй Дун-бинь и Хань Чжунли. Лю Хар оказал гостеприимство, а даосы поразили его своим мастерством, продемонстрировав всяческие фокусы превращений с золотом и киноварью. Затем Люй попросил десяток яиц и десять медных монет. Хозяин принес, и тогда даос выстроил целую «пагоду»: на монету поставил сырое яйцо, сверху — еще монету, на нее — опять яйцо, и так — все десять.

Лю Хар в волнении воскликнул:

— Но это же опасно!

Люй Дун-бинь, улыбнувшись, возразил:

— А разве служить чиновником — менее опасно? По-моему, думать о выгоде, стремясь сделать успешную карьеру, гораздо опаснее.

И тут Лю Хар, можно сказать, прозрел, он понял, что знаменитые даосы Люй Дун-бинь и Чжунли Цюань пришли, чтобы испытать его.

А надо сказать, что в 909 г. император Тхай Цзу назначил Лю-Хара сначала губернатором города Ень-шань, а затем, в 911 г., своим наместником там же, — невиданное доверие со стороны Сына Неба. Поразмыслив, Лю Хар отказался от высочайшей должности. К нему пришло как будто высшее знание, недоступное ему ранее, и он увидел всю свою предыдущую жизнь, словно глазами небожителей.

Чтобы не навлечь на себя гнев императора, ибо отказ грозил преследованием, Лю Хар сказал, что очень болен, боится серьезных осложнений и поэтому вынужден покинуть столицу и вернуться в родные места.

Император позволил ему отправиться на родину, чтобы известить о болезни родных, а поскольку его дом находился недалеко от города Ень-шань, то Лю Хар в тот же вечер уже сидел со своей семьей за столом и выпивал.

В честь приезда родственника устроили грандиозный банкет, однако радости встреча не принесла, потому что Лю Хар прикинулся не в меру захмелевшим и не только разбил вдребезги всю посуду и все чарки, но и, собрав ценности, которые имелись в доме, — золотые и серебряные украшения, драгоценные камни, — выбросил все на улицу, и тут же, во дворе, начал топтать их каблуками.

Естественно, такое бесчинство вызвало гнев всей родни. Виданное ли дело: не собирать, копить и беречь сокровища, а разбрасывать и уничтожать их!

Однако ничто и никто не могли утихомирить главу семейства: ни родня, ни жена, ни дети. Он словно обезумел, — выбросил чиновничью шапочку и облачение, весело приплясывая при этом и распевая песни.

Закончилось все тем, что бывший сановник покинул дом и стал даосом, изменив свое имя на Лю Сюань-ин и приняв даосское прозвище Хай Чхань-цзы.

Его учителями стали все те же Люй Дун-бинь и Хань Чжунли, они научили его секретам алхимии, и приобщался он к Дао-пути где-то между горами Чжуннань-шань и Тхай-хуа-шань, а в народе его стали звать просто Лю Хай-чханем.

Надо сказать, что обычно люди покидали семью, расставались со светской жизнью и становились монахами, даоскими или буддийскими, по двум причинам. Первая — бедность, а то и крайняя нищета. Стремясь не утонуть в «море бедствий», люди становились монахами, уверенные, что смогут ежедневно иметь, как минимум, две чашки риса и не умрут от голода. В такой безвыходной ситуации покинуть дом не составляло труда.

Вторая причина, которая могла толкнуть людей на вечную «постную жизнь», это всевозможные душевные страдания и разочарования: безрадостное будущее либо прошлое, которое приводит в отчаяние; обманутая любовь либо предательство близких и многие другие душевные муки.

Но причины, которые побудили Лю Хая покинуть дом, семью, благополучную жизнь и служебную карьеру, встречаются крайне редко, наверное, на десять тысяч человек найдется лишь один такой. Его жизнь и судьба казались настолько благополучными, с точки зрения обывателя, что могли вызвать лишь зависть.

Очевидно, ему открылось нечто, чего не в состоянии понять простые смертные. Не случайно впоследствии именно Лю Хар оказался одним из четырех людей, которых называли *отцами-учителями*, распространявшими учение Дао в одной из его версий, а именно истинное Дао, как они называли эту ветвь великого учения. Как известно, официально основателем его считается даоский монах Ван Чхунь-ян, живший в эпоху Цзинь. Однако у истоков этого течения стояли *отцы-учителя* Лю Хар, Дун Хуа, Ди Цзюнь, Чжунли Цюань, Люй Дун-бинь.

И еще интересный факт! В эпоху Юань Хубилай, внук Чингисхана, основавший эту династию, присвоил Лю Хару почетный титул «истинный муж, по настоящему понимающий учение Дао». Однако, в реальной жизни презрев деньги и власть, Лю Хар в китайской мифологии стал именно богом монет, богом денег и богатства. Разве не забавно?

А произошло это благодаря кличке Хай-чхань, т. е. «морская жаба». И чтобы объяснить этот курьез, возникла легенда. Жил некогда в прекрасном южном городе Сучжоу богат по имени Бэй Хун-вэнь, вся его семья занималась коммерцией. А происходило это в эпоху правления императора Хан Си, правившего с 1662 по 1723 гг.

Некий человек, назвавший себя А-Бао (в этих местах принято к имени прибавлять приставку «А»), упросил богача Бэя взять его в качестве наемного работника, и тот согласился. Семья Бэя не пожалела о своем решении, потому что А-Бао трудился за десятерых. Однако когда хозяин решил заплатить работнику, тот наотрез отказался от денег, чем чрезвычайно удивил семью. Но на этом чудеса не закончились. Работник А-Бао порой мог обходиться без еды и питья по несколько дней и не чувствовал себя при этом голодным и ослабленным.

Если ему приходилось мыть и чистить ночные горшки хозяев, он для своего удобства выворачивал эти фарфоровые посудины наизнанку, как бараньи желудки, а затем, тщательно вычистив и выскоблив, опять выворачивал их налицо.

А однажды произошло еще одно удивительное событие. Отмечали праздник Фонарей, и А-Бао, подхватив «молодого хозяина» на руки, пошел прогуляться по улицам, чтобы полюбоваться фонариками. Наступила полночь, а слуга с барчуком все не возвращались. Нечего и говорить, что домашние не на шутку разволновались. Вернулся А-Бао лишь под утро и набросившимся на него с бранью хозяевам возразил:

— А чего вы разволновались? Здесь, в Сучжоу, выставка фонариков оказалась совсем не интересной, а праздник — вовсе не таким уж веселым и оживленным, поэтому мы решили отправиться в провинцию Фуцзень, в ее столицу Фучжоу. Вот там красота — так красота! Настоящие фонари!

Разве могли хозяева поверить этим словам?! Хотели, было, побить слугу, но в это время ребенок, хозяйский сыночек, вынул из-за пазухи веточку свежих ягод *ли-чжи*, которые растут только в Фуцзени, и предложил родителям попробовать лакомство. Тут уж всем присутствующим пришлось поверить в невероятное путешествие.

Прошел еще месяц, и произошло следующее событие. А-Бао набирал из колодца воду и вытащил при этом огромную трехлапую жабу. Он привязал к ней разноцветную, длиной в несколько *чжи* веревочку, усадил на плечо и, радостно приплясывая, пояснил окружающим:

— Эта тварь убежала от меня, и я в течение нескольких лет не мог ее найти. А сегодня вот разыскал и очень рад! Для меня это — настоящее сокровище.

И тогда соседи стали распространять версию о том, что, мол, А-Бао специально нанялся на работу в семью Бэй, чтобы найти свою жабу. Потому и деньги за работу не брал. Сам же А-Бао с жабой на плече помахал хозяевам в знак благодарности и не просто ушел, а исчез со двора, поднявшись в небо. Хозяева Бэй, наконец-то, поняли, что им прислуживал небожитель Лю Хар собственной персоной.

Лю Хар и прежде удивлял окружающих. Как известно, поражать воображение зрителей — любимое занятие даосов. Своими фокусами и чудесами они, как правило, помогали бедным и обиженным, наказывали жадных и злых, да и просто привлекали к себе внимание людей.

Например, однажды Лю Хар, еще во времена ученичества и изучения Дао-пути, оказался в одном из даосских храмов и написал на его стене толстой кистью четыре иероглифа: «*Гуй-хэ ци шоу*» (龟鹤齐寿), т. е. «И черепаха, и журавль символизируют долголетие». И в ту же секунду подобная надпись каким-то образом возникла на стенах всех тамошних даосских храмов в округе на тысячу *ли*.

Поскольку Лю Хара приобщили к Дао-пути два представителя знаменитых Восьми бессмертных Люй Дун-бинь и Чжунли Цюань, то и самого Лю Хара первоначально тоже причисляли к этой группе небожителей.

Как известно, состав этих восьми представителей даосов формировался постепенно, и только в эпоху Мин окончательно установились и количество, и последовательность в иерархии этой живописной группы. Лю Хара среди них, к сожалению, уже не оказалось.

Итак, легенда дает нам пояснение, откуда произошла эта фраза-выражение «Лю Хар играет с золотой жабой». Вытянув ее из колодца, он принялся забавляться с ней, приплясывая; к тому же называл ее «сокровищем», отчего ее впоследствии и прозвали «золотой».

Почему же в народе на протяжении столетий изображение Лю Хара с жабой является столь популярным? Недаром и меня сразил-очаровал его облик, едва увидела: толстенький, румяный, щекастый, с улыбкой до ушей; волосы взлохмачены, халат на груди распахнут, босые ноги приплясывают. Да еще эта жаба на трех лапах...

Я слышала, что на одном из южных наречий «*чхань*», т. е. «жаба», звучит так же, как слово «деньги». Есть и еще одна версия. Видя, как Лю Хар

забавляется с монетами на веревочке, т. е. «*шуа цень*», люди предпочитали заменять глагол «*шуа*» другим: «*са цень*», т. е. «разбрасывать деньги».

Поскольку для китайцев материальное всегда на первом месте, то мечта о деньгах проявлялась во всем, даже в легенде о возникновении бога богатства, бога монет. Поклоняясь Лю Хару, вывешивая его изображения во время главного праздника — Нового года, люди надеялись, что и им божество отсыплет монет.

Люди всегда считали трехлапую жабу волшебной; есть даже такая поговорка: «Все люди на двух ногах, а вот жабу на трех ногах найти не просто».

И если говорить о классическом изображении Лю Хара, то следует отметить вот что. Когда этот герой покинул дом и семью, став даосом, он был уже довольно старым человеком, лет 80 — 90, и очень худым, вид имел неряшливый. А на лубочных картинках его изображают живым и милым толстеньким мальчиком в красно-зеленом одеянии. Помимо жабы, на лубках рядом с Лю Харом рисуют еще и цветок лотоса, цветы сливы, жемчужину, которые символизируют счастье, знатность, спокойствие, здоровье и исполнение желаний.

Причем, первоначальный замысел изображения Лю Хара со связкой монет в руках, которыми он небрежно играет, в том, что этот даос пренебрегает деньгами, отказывается от мирской жизни. Но этот глубокий смысл в народе постепенно исказили, и привнесли новый: желание добиться выгоды и разбогатеть.

А теперь попытаемся понять, почему Лю Хар взял себе такое даосское имя-прозвище — Хай Чхань-цзы, т. е. Морская Жаба. Это важно, ведь именно благодаря жабе он стал богом богатства.

На первый взгляд, прозвище странное, ибо жаба всегда вызывала у людей отвращение своим отталкивающим видом. Кроме того, китайцы считали, что белая жидкость, которую выделяет кожа этого земноводного, ядовита, вредна для человека. Поэтому жабу включили в группу из пяти опасных и вредоносных существ, встречи с которыми следует избегать. Существует даже специальный день, отмечаемый в народе, а именно 5-е число 5-го месяца по лунному календарю — *Дуань-у цзе*, когда детей «защищали» от жаб.

В горах после зимы просыпалась всякая живность, в том числе и ядовитая. Чтобы не пострадать от нее, китайцы предпринимали ряд мер. Детям надевали фартучки и другую одежду, на которой вышивали эту «ядовитую пятерку»: жабу, змею, сколопендру, ящерицу, скорпиона. А в домах, чтобы изгнать злых духов, а заодно защититься от «пяти ядовитых тварей», сбрызгивали все углы и пространство под кроватями раствором гашеной извести и желтым вином.

Но в любом явлении есть две стороны: все эти «ядовитые твари» использовались и для изготовления лекарств, значит, они приносили человеку не только вред, но и пользу.

Например, сушеные жабы, входящие в состав снадобий китайской медицины, способны якобы укрепить сердце, остановить кровотечение, снять боль, а при наружном употреблении излечивают от карбункулов и геморроя. Так что жаба обладает и «волшебным» свойством.

С давних времен в Китае поклонялись жабе. Исследования специалистов показывают, что уже в период неолита на керамические вазы наносили зооморфный орнамент в виде лягушек и жаб. А в раскопках древних захоронений находят каменные фигурки жаб. В провинции Гуаньси и других местах найдены медные барабаны, богато украшенные изображениями лягушек.

Все говорит о том, что и на севере, и на юге Китая издавна поклонялись жабе. В прошлом ее почитали, как благопожелательный символ, предвещающий знатность и богатство, а также дающий долголетие и защищающий от злых духов. Поэтому повсюду использовали изображение жабы в качестве украшений.

С самого начала правления Цинь Ши-хуана (221 г. до н. э.) и до конца эпохи Цзинь (420 г. н. э.) жабу почитали, как священное животное. После окончания правления династии Цинь в районе Великой китайской равнины изображения лягушки стали встречаться все реже, а вот на юге Китая в некоторых местах по-прежнему главным украшением медных барабанов оставались изображения лягушек.

Возможно, Лю Хар, взяв себе даосскую кличку Чхань, имел в виду именно внутреннее содержание, заложенное в этом символе, а вовсе не отталкивающий вид бедного животного, которое обычно так не нравится людям. Что касается меня, то взять в руки ни лягушку, ни жабу я не осмелюсь, а вот издали с удовольствием полюбуюсь ими!

В первые годы пребывания в Китае я собрала довольно большую коллекцию лягушек и жаб из красного лака, коралла, дерева, металла и фарфора. Покупала лишь тех «особей», которые обладали особым шармом и вызывали во мне умиление и улыбку. А потом, когда узнала, что жаба в древности считалась у китайцев богиней домашнего очага, стала с особым теплом поглядывать на свое пучеглазое «стадо» на полочке.

Еще в Китае распространены сказки и легенды о жабе, живущей на Луне, поэтому одновременно она стала и символом земного спутника. Почему — не знаю, когда мы смотрим на луну, то замечаем на ней какие-то пятна. Говорят,

китайцы видят там прекрасную женщину Чхан Э, и, возможно, они разглядели там и силуэт жабы? Поэтому кличку Лю Хара «Хай Чхань» можно понять иносказательно и как «Луна». Возможно, наш герой, выбирая себе даосское имя, имел в виду именно высоту и чистоту этого ночного светила.

Есть и несколько легенд, повествующих о том, что Лю Хар поддался когда-то чарам оборотня в виде жабы, почему и взял затем такое имя.

Как бы то ни было, реально живший когда-то человек Лю Цхао известен потомкам под таким забавным именем Лю Хай-чхань, потому что только после того, как он овладел Дао и стал небожителем, в народе стали распространять о нем были и небылицы, а его принадлежность к небесному (или к Луне) отразилась в новом имени «Чхань».

Необычно то, что этот небожитель предстает перед нами не в классическом облике даоса, а в виде растрепанного юноши, похожего на безумца. Впрочем, блаженные во всех странах пользовались особой симпатией.

И еще несколько слов о жабе, с которой забавляется Лю Хар. Как известно, это не обычная, а трехлапая жаба. В реальной жизни тоже встречаются такие экземпляры в виде аномалии, как продукт «игры» природы. А ведь все редкое ценится особо. Поэтому если кто-то встречал такое уродливое животное, то полагал, что оно непременно принесет ему богатство (а о чем еще мечтать бедному крестьянину, как не о богатстве?)

Поэтому самые распространенные и самые любимые в народе легенды — о том, как Лю Хар помогал бедным. В них рассказывается, что и сам герой вышел из бедной семьи, а потому способен понять горести неимущих. Якобы на жизнь себе он зарабатывал, собирая и продавая хворост. А затем путем хитрости покорил золотую жабу, которая в течение многих лет занималась самосовершенствованием, в результате чего стала обладать волшебными свойствами.

И вот эта жаба, с которой забавлялся Лю Хар, «выплевывала» золотые монеты. И куда бы ни направился даос со своей жабой, она повсюду оставляла деньги, и этим спасла многих бедняков. За это в народе особенно почитали и уважали Лю Хара. О нем говорили: «Это великий святой, он раздает богатства направо и налево круглый год, в любой сезон».

Как в народе могут отблагодарить любимого святого? Конечно, строя храмы, кумирни, посвященные ему, рассказывая легенды, сочиняя сюжеты театрализованных представлений, рисуя картинки-лубки. Кстати, местные оперы повсюду выступали с репертуаром «Лю Хар играет с золотой жабой» и «Лю Хар рубит хворост».

Удивительно, но китайцы в своих легендах зачастую нелогичны. В одних сказках говорится, что жаба была жадной и поглощала деньги, не боясь погибнуть при этом от руки Лю Хара. В других рассказывается, что жаба щедро выплевывала монеты, помогая бедным.

Но и это еще не все о Лю Харе. Как мы поняли, основная его роль в глазах китайцев — даровать богатство. Однако во многих районах Китая к нему относятся и как к святому, приносящему детей. Это объясняется тем, что в первобытном обществе в период матриархата лягушка являлась символом женского детородного органа и репродуктивных возможностей, поскольку внешне напоминала китайцам лежащую женщину с широко раздвинутыми и согнутыми в коленях ногами.

Именно поэтому одно время считалось неприличным произносить даже слово «лягушка», его деликатно заменяли эвфемизмом «полевая курочка», а вместо «жаба» говорили «водяная курочка».

А еще символом материнства жабу считали из-за высокой способности к воспроизводству и большого количества икринок, которые она откладывала. Вдоль всего течения Хауан-хэ у древних жителей было принято изображать в орнаментике предметов и утвари этапы превращения икринок в головастики и лягушек.

А старый иероглиф «беременность», вырезанный на панцирях черепах, представлял собой изображение лягушки и женщины, т. е. знаки «женщина» и «лягушка», сведенные в один иероглиф, означали «беременность».

Лягушек вышивали на фрагментах одежды и предметах, которыми пользовались дети: на фартучках, башмачках, кошельках, даже подушки детям шили в виде большой зеленой жабы. Любят изображать лягушек и мастера бумажной вырезки; лепят их из глины, изготавливают фонарики в виде жаб к знаменитому празднику Фонарей, вырезают из дерева, изготавливают из фарфора, камня, металла, т. е. в народном творчестве этому земноводному по-прежнему уделяют большое внимание.

Но еще более удивительно, что эту тему любят и ювелиры. У нас в стране золотое кольцо с жабой, возможно, и не поняли бы. В Китае же мастера выполняют подобные изделия с такой любовью, что она передается и покупателю. Помню, я не могла оторвать глаз от золотого колечка с жабкой «в полете», т. е. в прыжке. Муж купил мне его, однако радовалась и любовалась им совсем недолго; приехавшая в гости дочь пришла от него в такой восторг, что пришлось подарить его.

Зато позже, когда мы поехали в знаменитый город Ли-цзян на юго-западе Китая, мы купили в семье потомственных мастеров серебряный сет: кольцо,

браслет и кулончик с милыми лягушатами, и жена мастера пояснила, что у них, т. е. у национальности *дунба*, лягушка приносит счастье. Впоследствии, какие бы гроздьи бриллиантов ни украшали руки моих приятельниц, все они проявляли заметный интерес к моим серебряным лягушатам.

И еще несколько слов о том, как неожиданно увековечили имя знаменитого небожителя, столь любимого в народе. Китайские девушки любят носить челки. Какую бы ни возводили прическу, на лоб нередко опускают прядь волос. Мода менялась, менялась и форма челки.

Например, челка в виде иероглифа «единица» (一), т. е. горизонтально срезанная, длиной в два *цхуня*. Или челка в виде шелковой бахромы, когда волосы срезают полукругом; челка в виде острого треугольника, или хвоста ласточки. А после Синьхайской революции 1911 г. особо модной считалась очень короткая челка: вроде она и есть, а как бы и нет,— настолько короткая. Ее называли «звездное небо».

Но какое отношение все это имеет к Лю Хару? Дело в том, что у героя, как вы помните, изображались непричесанные, взлохмаченные волосы, в том числе и спадающие на лоб. С тех пор само слово «челка» по-китайски так и звучит: *лю-хар*.

К сожалению, в этой главе много общих сведений и весьма мало собственно текстов легенд. Но надеюсь, что мне все же удалось заронить в сердца читателей симпатию к веселому толстячку и, возможно, кому-то из китаистов повезет больше, и он разыщет новые байки о Лю Харе.

Кто поймается на удочку дедушки Цзяна...

Фарфоровый рыбак

В 90-х годах XX века в Пекине практически не встречались красивые статуэтки ни в магазинах, ни на рынках. Видимо, не было спроса. Но вот однажды, рассматривая на «блошином» выставленные на земле, на тряпках и газетах, различные старые предметы, я заметила крошечного фарфорового рыбака — чуть больше половины мизинца. Он был одет в синий кафтанчик и соломенную шляпу. Седые, белые борода и усы, добрейшие глаза, улыбающееся лицо. К груди он прижимал красную рыбешку.

Взяв его в руки, я обнаружила, что это — не просто статуэтка, а фарфоровая бутылочка-табакерка, ибо на макушке возвышалась пробочка из красного камня, замаскированная под тулью шляпы. Спросив о цене, я надеялась услышать сумму в несколько десятков юаней, и была уверена, что уже не выпущу его из рук, — такое сокровище!

Но мне ответили — триста! И, как водится, стали убеждать, что вещь — старинная, цинской эпохи (последняя императорская династия). Я в то время была чересчур доверчивой, да и опыта общения с торгашами имела мало. Поэтому приняла и цену, и комментарий, как должное. Муж согласился, что вещь — прелестная, редкая. Но при такой цене, по его мнению, торг не стоило и начинать.

Я потеряла покой. По ночам долго не могла уснуть, все не шли из памяти глаза старичка в добрых морщинках. Конечно, триста юаней за такую вещичку — очень большие деньги, но, как всякий азартный человек, я решилась: пусть это цена трех пар обуви, я лучше буду ходить в матерчатых тапочках, но дедушка станет моим. Однако мой уравновешенный муж не позволил мне совершить ошибку: «Не сходи с ума! Это вовсе не старая вещь».

И действительно, через несколько недель он принес мне сразу две подобные «бутылочки»: точно такого же дедушку-рыбака и бога долголетия

Шоу-сина, по тридцать юаней — каждая. Заметив, что появился интерес иностранцев к подобным изделиям, китайцы наштамповали их столько, что одно время они лежали грудami у нескольких продавцов. Спрос был удивителен, и рыбачки постепенно исчезли.

На рынке постоянно происходит подобное: сначала вещь появляется в 1—2 экземплярах и стоит дорого. Есть спрос — произведут столько, что упадет цена, и вещь уже не будет восприниматься столь радостно-остро, как при первом знакомстве. Далее — обратный процесс: постепенное уменьшение количества и, в конце концов, изделие исчезает с рынков, чтобы никогда больше не появиться.

И в этом — своя прелесть для коллекционера. Ведь нас, купивших, не так уж много. Так что дедушка-рыбачок не утратил для меня своей ценности и после того, как его растиражировали, — вещь сделана с большим мастерством и нежностью.

Позже я встретила немало изображений этого героя на картинках в книгах, а также в знаменитой галерее под открытым небом в парке И-хэ-юань. Где-то через год на том же «блошином» появились и более крупные фарфоровые статуэтки. Увидела и купила подобных рыбачков и в камне: лазурит, малахит — ошибиться было невозможно, это все тот же Цзян Цзы-я (姜子牙). Иногда продавцы называли его иначе — Цзян *тхай-гун* (姜太公)¹.

Изучив его биографию, я поняла: личность дедушки Цзяна, жившего до нашей эры, настолько уникальна, что о нем хочется рассказать подробно.

Первый фантастический роман

Для нас этот классический моноглавный фантастический «роман о чудесах» интересен тем, что в нем есть немало сведений о Цзян Цзы-я. Поскольку он написан очень давно (в эпоху Мин), то автор его точно не установлен. Предполагают, что это мог быть **Сюй Чжун-линь** (许仲琳), или **Чхэнь Чжун-линь** (陈仲琳), живший в 1567—1620 гг., а отредактировал и внес правки в произведение, якобы, **Ли Юнь-сян** (李云翔).

Еще один вероятный автор — Лу Си-син (陆西星). Он написал роман о временах правления княжеств Шан и Чжоу, основываясь на материалах еще более древнего произведения «Как князь У-ван победил тирана Чжоу», а также на исследовании древней литературы, исторических записей и устных преданий. При этом автор четко придерживается исторических фактов, критикуя и самого деспота, и тиранию, как явление.

Роман носит название «*Фэн-шэнь ень-и*» (封神演义), т. е. «Историческая повесть о присвоении святости» (дословно — «пожалование духа»). Но встречается и еще два китайских названия: «*Фэн-шэнь чжуань*» (封神传) и «*Фэн-шэнь бан*» (封神榜), а на русском есть еще вариант перевода названия — «Превращение в богов». Причем, существует книга и со 100, и со 120 главами.

В народе все необычное окутывается легендами, да и сам Цзян Цзя-я, даоский отшельник, а позже — знаменитый политик и стратег, являясь подлинной исторической личностью, впоследствии в народе был канонизирован, превращен в святого, а затем и небожителя, сказочного героя.

Имя его часто упоминают и в романах, и в фольклорных произведениях, поэтому немало людей принимают его за святого, и даже вывешивают картинки с его изображением на входных дверях или в других местах. Они убеждены, что небожитель Цзян Цзы-я способен избавлять от злых духов, отводить беду. Ведь при жизни он и вправду мог не только справляться с бесчисленным могучим войском, владел магией и знал даосские заклинания, но и был пророком-провидцем, знал все об оборотнях, бесах и злых силах, короче, не было ничего, чего бы он не знал.

А после написания этого мифологически-фантазийного произведения, основанного на исторических фактах, в народе стали воспринимать Цзяна, как божество и начали поклоняться ему в храмах.

Достаточно сказать, что Цзян Цзы-я является одним из главных героев, которого чествуют в народе, наряду с божеством Цзао-ваном (духом домашнего очага), *мэнь-шэнями* (духами входных дверей), *кхай-лу-шэнем* (духом, открывающим путь) и покровителями разного рода ремесел и занятий.

В книге описывается исторический фон главного события, каковым является уничтожение вассальным княжеством Чжоу княжества и династии Шан-Инь. При этом была прослежена и вся предыдущая история Поднебесной, от мифической богини Нюй-ва, починившей небосвод (она являлась сестрой легендарного императора Фу-си), до Цзян Цзы-я, сыгравшего едва ли не главную роль в победе князя У-вана над бесчеловечным Чжоу Синем (ди Синем), последним правителем династии Инь.

Заканчивается книга описанием того, как Цзян Цзы-я канонизировал 365 героев, получивших статус святых-небожителей.

Автор не только придерживался исторических фактов, но и черпал свой материал из буддийских и даоских легенд, поэтому роман представляет

большой интерес для изучающих историю религии, тем более что немало удивительных историй из романа целиком перешли в современные народные верования, а упомянутые в произведении божества (около тысячи) и сейчас занимают свое место в народном пантеоне.

Древнее произведение полно приключений, и об этом свидетельствуют названия сюжетов: «Нэ-чжа разбушевался на море» (этот герой, его характер и приключения описаны особенно живо, ярко и эффектно), «Цзян Цзы-я спустился с гор Кхунь-лунь», «Вэнь-ван разыскивает мудрых и добродетельных», «Небожители ссорятся, состязаясь в магической силе» и др.

Все сюжеты говорят о богатом воображении и яркой фантазии древних людей: герои романа возносятся на облаках и передвигаются с помощью тумана, они управляют стихиями, вызывая ветер и накликают дожди, они передвигают горы и перемещают моря. Они рассыпают бобы, которые затем превращаются в воинов, совершают колдовство с помощью сил воды и земли.

Один из героев, мальчик Нэ-чжа (о нем рассказано в данной книге), передвигается с невероятной скоростью с помощью двух «огненно-ветряных» колес (под каждой ногой — по колесу), а в руках держит копье, на острие которого горит пламя.

В книге герои исповедуют придуманное вероучение *цзе-цзяо* (截教), являющееся противопоставлением существующему в реальности *чхань-буддизму*. Последователи *цзе-цзяо* в произведении считают драгоценным сокровищем траурную хоругвь, собирающую души покойников, и в книге есть эпизод, в котором Изначально Почитаемый на Небе (Изначальный Небесный Владыка), Юань-ши Тхень-цзунь (даоское божество), со смехом произносит: «С помощью этого предмета (хоругви) можно вычеркнуть имена У-вана и Цзян Цзы-я из списка канонизированных (обожествленных) героев». Узнав об этом, Цзян был безмерно рад.

Несведущим может показаться странным, что человек радуется, когда его лишают звания «святой», «бессмертный». На самом деле для отшельников-даосов канонизация является своего рода наказанием, ведь, согласно принципам даосской школы, последователи даосизма принципиально стремятся к совершенной свободе и недеянию, к отсутствию желаний, страстей и стремлений, к праздности и блаженству, связанному с ничем не связанной свободой.

Оказавшись в статусе божества, даосы были бы вынуждены выполнять указы, подчиняться небесным правилам, законам и регламентам. В бесчисленных китайских легендах сонму небожителей приходится забывать о

собственных желаний и мнении. Именно поэтому Изначальный Небесный Владыка выбрал для Цзян Цзы-я другую судьбу — наслаждаться жизнью среди людей, совершая подвиги, а затем стать богатым и знатным. В этом проявилась его любовь к Цзяну.

Подробности биографии

Будучи дотошными в исследовании генеалогии известных и даже простых людей, китайцы выяснили, что Цзян Цзы-я является 54-м потомком по прямой линии легендарного «Огненного императора» Шэнь-нуна и 36-м потомком Бо-и, того самого, что помогал умирять потоп.

В биографии Цзян Цзы-я, считают китайцы, заложен глубокий философский смысл. Представители этого народа терпеливы и настойчивы, они готовы долго наблюдать за развивающимися событиями, делая выводы, чтобы в нужный момент воспользоваться благоприятной ситуацией, и судьба Цзян Цзы-я — яркий пример тому.

Герой наш имел огромный талант государственного деятеля и большие планы, в душе лелеял благородные цели — принести пользу и простым людям, и правителю, проявить и осуществить свои амбиции, однако в течение большей части его жизни таланты этого человека не были признаны и востребованы.

Полжизни он провел в бедности, разочарованиях и скитаниях, как облака, гонимые ветром, и ни в чем ему не было удачи. Но даже в глубокой старости он продолжал верить и надеяться на успех, и удобный момент настал: его отыскал правитель царства Чжоу, и во благо этого царства Цзян совершил много подвигов, дожив до невероятных цифр. Причем, именно в почтенном возрасте он прославился и на весь Китай, и во всех поколениях.

В 80 лет он впервые повстречался с основателем династии Чжоу, а когда ему было уже далеко за 80, принял участие в битве при Му-е, которую сам же спланировал и подготовил. Для ученых доказательством его долгожительства являются упоминания Цзян Цзы-я великими людьми, жившими в период Борющихся царств (V-III вв. до н. э.): философом Сюнь-цзы, автором одного из военных канонов Вэй Ляо, философом Мэн-цзы и поэтом Цюй Юанем.

Нам удалось найти интересный исторический пример, свидетельствующий о невероятном уважении и поклонении народа этому герою. Второй император династии Тхан Тхай-цзун, взойдя на престол, столкнулся со множеством

трудностей: в стране царила смута и возникла масса проблем, не дававших покоя его душе, ибо решить их он был не в состоянии; политическую ситуацию можно было назвать шаткой, и границам Китая постоянно угрожали варвары, — они, объединившись, в очередной раз вторглись на северные территории. Казалось, что страну вот-вот поглотит хаос.

Чтобы спасти свое государство и успокоить народ, Тхай-цзун провозгласил себя реинкарнацией (перевоплощением) Цзян Цзы-я и приказал построить в его честь кумирню на берегу реки Пхань-си. Этим поступком он хотел продемонстрировать народу, что он, подобно легендарному правителю Вэнь-вану ищет талантливых людей и искусных полководцев, способных спасти государство.

И, что удивительно, ему удалось найти немало таких людей. Были прекращены военные действия, и Тхай-цзун бросил все силы на гражданские дела во имя благоденствия страны. На высокие должности в государстве император подобрал и назначил способных и высокоморальных людей, готовых принять и решать трудности империи, как свои собственные. Постепенно экономика в стране пришла к процветанию, население стало увеличиваться, во всех аспектах общественной жизни стремились соблюдать честность и справедливость. Впоследствии правление Тхай-цзуна в течение 23 лет стали называть «Правильным и честным, с которого стоит брать пример».

Сведений о происхождении Цзян Цзы-я совсем мало, гораздо больше — о его подвигах. Но соберем хотя бы крупницы его биографии.

Родился он в третий день восьмой луны 1211 г. до н. э., в аристократической семье, потому что его предкам были пожалованы земли, на которых они и образовали княжество Люй, отсюда и клановое имя Цзян Цзы-я — Люй.

Место его рождения — город Жи-чжао на берегу Восточно-Китайского моря (нынешняя провинция Шаньдун), и название города переводится очень красиво: «освещенный солнцем». Правда, есть и другие документы, в которых утверждается, что родился он в уезде Цзи-сень, что в провинции Хэнань. Об этом жарко спорят китайские ученые, и больше доказательств все же у тех, кто считает его родиной город Жи-чжао, однако для нашего повествования это не принципиально. Стоит лишь подчеркнуть, что в те времена этот город считался самым крупным в Азии.

С детства Цзян Цзы-я отличался смышленостью, а главное — умел предсказывать будущие события, чем выделялся из ряда обычных людей.

Он был человеком упорным и целеустремленным, прилежно учился всю жизнь, смолоду и до старости, был хорошо знаком с такими науками как география, астрономия, военное дело, подробно занимался способами обеспечения стабильности в стране в надежде проявить и применить на практике свои блестящие таланты. И благодарные потомки, помня о нем, рассказывая сейчас о нем своим детям в школьных учебниках, называют его основателем военного искусства и талантливым политиком, дипломатом, одним из основоположников философского учения Дао.

В те времена свирепый **Чжоу Синь** княжества Шан постоянно вел войны, и год от года тиран становился все более бесчеловечным. Когда жизнь народа стала совсем невыносимой, чиновник Цзян сложил с себя служебные обязанности и покинул столицу Чжао-гэ.

Желая спрятаться от тягостной жизни при правителе-узурпаторе, он перебрался на север, в район нынешней провинции Ляонин, где провел в затворничестве в горах 40 лет, занимаясь даоскими практиками.

Если верить произведению «Историческая повесть о присвоении святости», Цзяну исполнилось 32 года, когда он поднялся на знаменитую гору Кхунь-лунь (где, согласно преданиям, обитают небожители, полуплюди-полубоги), чтобы найти себе наставника для изучения *Дао*. Будучи учеником и последователем «Изначально Почитаемого на Небе» основателя религии *чхань-цзяо* (сочетающей в себе учение Будды и Дао), Цзян Цзы-я, поселившись во дворце Юй-суй (место проживания Яшмового императора), изучал *Дао*.

В 72 года он вынужденно покинул горы по причине неповиновения, невыполнения какого-то приказа. Он направился в селение Сун-цзя-чжуан, что располагалось в 35 *ли* к югу от Чжао-гэ, столицы княжества Шан, где когда-то в молодости побратался с неким Суном, выдающейся личностью. В свое время Цзян назвал его старшим братом, и именно к месту жительства этого брата, в поисках приюта над головой, он и отправился.

К сожалению, мы не обладаем материалами, в которых описывается монашеская часть жизни даоса Цзян Цзы-я, а потому вынуждены рассказывать лишь о последних годах знаменитого стратега, которые он посвятил борьбе с династией Шан-Инь.

Итак, после 40-летнего затворничества Цзян Цзы-я перебрался в Сун-цзя-чжуан, и надежды на лучшее будущее, несмотря на свой преклонный возраст, не терял. Там он женился на старой деве 68 лет из рода Ма.

Сразу после женитьбы Цзян по принуждению супруги пытался заниматься коммерцией: он плел дуршлаг и шумовки, держал харчевню, продавал лошадей, коров, свиней и овец, и каждый раз лишь терпел убытки и ничего не зарабатывал.

Из-за бедности Цзян Цзы-я пришлось перепробовать многие виды деятельности, которые не особо почитались в обществе: в столице Чжао-гэ родного царства Шан он забивал скот и продавал мясо, в Мэн-цзине торговал мукой и вином, однако все, за что бы он ни брался, было похоже на «стряпню без риса», т. е. любое дело у Цзяна прогорало. Есть люди изворотливые и пронырливые, приспособленные для обычной жизни, а есть талантливые и гениальные, предназначение которых — великие государственные дела.

Пытаясь все же добиться каких-то успехов, он вновь открыл харчевню, в которой, попутно, занялся прорицательством, стал предсказывать людям судьбу, и именно на этом поприще неожиданно стал пользоваться невероятной популярностью, можно сказать, добился настоящей славы.

Вскоре он был приглашен на службу при дворе князя государства Шан-Инь в качестве *да-фу*. К должности его привело, в какой-то мере, умение гадать, но оно же сослужило ему и дурную службу: как-то он сжег личину оборотня-скорпиона, чем навлек на себя гнев Да-цзи, фаворитки князя.

В «Исторической повести о присвоении святости» об этом эпизоде рассказывается подробно, а если — вкратце, то дело происходило так. Во время встречи вассальных князей, которые дали клятву о взаимной поддержке, Цзян Цзы-я увидел замужнюю женщину Юй Ши, которая превратилась в оборотня скорпиона; он поймал ее и прибил тушечницей. Мимо проходил вице-канцлер Би Гань (приближенный и дядя Чжоу Синя, правившего в Шан-Инь). Он подробно расспросил о том, как все произошло, а потом вместе с Цзяном пошел к Чжоу-вану (Чжоу Синю).

Главный правитель потребовал, чтобы даос вернул женщине прежний облик, и тот с помощью своего мастерства проделал все на глазах у Чжоу-вана. В даосизме существует термин *сань-мэй чжэнь-хо*, означающий «истинный огонь из трех составляющих». Такой огонь получают путем соединения трех сил: души человека (или изначального духа 元神), изначальной *ци* (или жизненного эфира, изначального эфира 元气) и врожденной жизненной силы человека (или изначальной силы 元精).

Путем плавки этих ингредиентов и получается «истинный огонь». С помощью этого огня Цзян смог вернуть скорпиону-оборотню изначальный

облик, за что получил от Чжоу-вана чиновничью должность «нижний да-фу» (в древности существовало 3 степени да-фу: верхний, средний и нижний).

Будучи мелким чиновником, Цзян Цзы-я неустанно учился, постигая науку управления государством и веря в то, что когда-нибудь его знания помогут привести царство к процветанию и успеху. В его родном государстве, которое находилось на востоке Поднебесной, и из которого он однажды в молодости сбежал, некогда великая династия Шан приходила к упадку. Тирания усугублялась, правитель Чжоу сошел с истинного пути, двор и чиновники погрязли в коррупции, экономика пришла к краху, жизнь народа стала невыносимой, и всюду слышались ропот и возмущение.

И в то же время на западе Поднебесной в царстве Чжоу гуманно правил Вэнь-ван (Цзи Чхан), при котором экономика развивалась, и который строил свое правление на великодушии и доброжелательности к простым людям. Общество отличалось спокойствием и стабильностью, мощь государства крепла день ото дня, крестьяне из других княжеств перебирались в Чжоу, а вассальные князья искали опоры и защиты у правителя княжества Чжоу.

Да Ци, фаворитка Чжоу Синя, требовала от правителя все новых и новых развлечений, и тот во всем ей потакал. Захотелось ей, чтобы в столице построили Оленью башню, и она выразила просьбу, чтобы дело это поручили Цзян Цзы-я. Цзян не только отказался, но и укорил правителя, озабоченного лишь развлечениями, а не государственными делами, и тот приказал казнить даоса. Последнему удалось сбежать по воде.

Когда он вернулся домой и сообщил своей жене из рода Ма о необходимости вторично бежать из княжества, спасая свою жизнь, та решила с ним расстаться, и Цзян Цзы-я отправился в Си-ци (西歧), столицу соседнего княжества Чжоу, в одиночку.

На самом деле престарелой супруге от Цзян Цзы-я нужны были только деньги, которые он так и не научился зарабатывать, а потому она воспользовалась ситуацией, чтобы оставить мужа. Цзян облегченно вздохнул и воскликнул: «У зеленой бамбуковой змейки жало во рту, а у желтой осы — в хвосте, какая разница, — обе они ядовиты! Но самый страшный яд таит в себе женщина!»

Несмотря на то, что Цзян обещал супруге, что в будущем станет знатным и богатым, она не верила ему и все его достоинства измеряла лишь количеством денег, которые он мог или не мог для нее заработать. «Курица следует за петухом, гусыня — за гусем, а жена — за мужем, — говорил Цзян. — Не я бросил жену, это она отказалась от меня!»

Попрощавшись с названным братом, Цзян отправился в дальнейшие скитания. Бредя по дорогам и «поднимая желтую пыль», т. е. испытывая всяческие лишения и страдания, он добрался до речки Пхань-си. С тех пор, как он спустился с гор Кхунь-лунь, прошло восемь лет, и, значит, Цзяну к тому времени исполнилось уже 80.

Впоследствии, кстати, когда Цзян был приглашен на службу к Вэнь-вану и занял высокий пост, супруга из рода Ма горько пожалела, что рассталась с мужем. И тут можно провести аналогию.

В период Западная Хань жил очень умный и достойный человек по имени Чжу Май-чхэнь, который прилежно изучал классические науки, надеясь преуспеть в жизни. Поскольку он был очень бедным, то вынужденно собирал хворост в горах для продажи — этим и зарабатывал себе на жизнь, а также на книги, необходимые ему для учебы. Его жена из рода Цхуй стыдилась такого заработка, часто укоряла и смеялась над ним, мол, тебе уже больше сорока, а никакой должности до сих пор не добился.

«Потерпи, — уговаривал ее Чжу, — к 50 годам я непременно стану чиновником и отблагодарю тебя за терпение!» Однако супруга не верила в него и, в конце концов, бросила мужа, найдя себе другого мужчину-покровителя.

Став женой Чжана-столяра, она познала и другую жизнь: тот частенько пил вино и колотил свою супругу, ни за что, ни про что. Вот тут-то она и вспомнила о счастливой и безмятежной жизни с добрым «книжным червяком», — как она его называла. Горько сожалела о необдуманном поступке, да было уже поздно.

Чжу Май-чхэнь тем временем старательно учился, готовясь к экзаменам на чиновничью должность, и — не напрасно. Отправившись в столицу, он покориł императора Хань У-ди своими знаниями, был обласкан им и получил должность тхай-шоу, т. е. правителя области Гуй-цзи. Со временем он стал очень известным, а впоследствии занял еще более высокий пост. Бывшая жена, устыдившись и мучаясь запоздалым сожалением, пришла к супругу с просьбой принять ее обратно, и Чжу ответил: «С удовольствием приму тебя, если выполнишь одну пустяковую просьбу». На следующий день он прискакал верхом к дому Чжана-столяра и попросил налить для его коня деревянную бадейку воды. Затем он «случайно» перевернул емкость и все вылил, а потом велел жене собрать воду.

Пристыженная супруга все поняла, она бросилась к реке, что протекала неподалеку, и, прыгнув, покончила с собой. С тех пор существует поговорка «Выливать воду перед лошадьё» (马前泼水), кроме того, существуют и рассказы, и пьесы с таким же названием.

Что же касается Цзяна, то он, став богатым и известным, поступил с женой следующим образом. Когда она пришла к нему, повинившись, чтобы вновь стать его супругой, он набрал полный чайник воды и, наклонившись, вылил ее на землю, велел жене «собрать всю вылитую воду». Надеясь вернуть супружеские отношения, та ползала на коленях, пытаясь выполнить просьбу, однако в руках у нее осталась лишь мокрая грязь.

А затем Цзян произнес: «Вылетевшие слова вернуть невозможно, но еще труднее собрать вылитую на землю воду!» Видимо, именно поступок и слова Цзяна послужили впоследствии примером для чиновника Чжу Май-чхэня. Однако мы забежали несколько вперед, проясняя отношения между старыми супругами.

Задумался Цзян на берегу реки Пхань-си о своей жизни. Выучившись, он занял небольшую должность при дворе и верил в свои способности и таланты, был убежден, что сможет добиться больших успехов в карьере. Но годы шли, а он не смог найти применение своим способностям при дворе правителя по имени Чжоу Синь. Видимо, так часто бывает с одаренными, необыкновенными людьми. Прожил не один десяток лет, не успел оглянуться, как и жизнь пролетела, подступила старость, и виски побелели. И к чему он пришел? Вынужден бежать в чужое княжество, спасаясь от гибели. Но оптимизм Цзяна был неистребим. Когда до него дошла молва о добродетельном правителе царства Чжоу, он приободрился, поверив, что не все в его жизни потеряно.

Княжества Шан и Чжоу

Название династии Чжоу и имя правителя династии Шан звучат одинаково, хоть и записываются разными иероглифами. Чтобы читатель не запутался в именах и названиях, еще раз напомним главные из них. Родное княжество описываемого героя — **Шан**, это вторая династия в истории Китая и первая династия древней страны, существование которой подтверждают археологические материалы (утверждение о существовании предыдущей династии Ся основано лишь на древних преданиях). Династия эта правила примерно в течение 600 лет (с 1711 по 1066 гг. до н. э.), и на троне сменилось 30 царей (*ванов*).

Последний период Шан в российской историографии принято называть **Шан-Инь**. Столица Шан не раз переносилась, в разное время это были города Бо, Чжао-гэ и др., а в конце правления ее утвердили в местности Инь-сюй

(ныне — провинция Хэнань, город Ань-ян). После этого Шан стали называть иногда Инь, а иногда — Шан-Инь. Иньский период династии Шан — с 1401 по 1122 гг. до н. э. У китайцев же этот период называют Инь-Шан (殷商).

Итак, Цзян Цзы-я был родом из государства Шан-Инь. А в это время в другом княжестве — Чжоу жили два князя: старый **Вэнь-ван** и его юный сын **У-ван**. В свободное от государственных забот время Вэнь-ван, собираясь на охоту, всегда гадал, пытаюсь узнать исход дела. И вот однажды оракул предсказал ему: «Сегодня ты не поймашь ни медведя, ни другого зверя. Ты найдешь мудреца, который станет твоим советником». Но, прежде чем рассказать о судьбоносной встрече правителя и старого даоса, познакомимся подробно со страницами древней истории Китая.

История Китая — это история династий. Среди первых пяти императоров последними и наиболее известными были **Яо** и **Шунь**².

Следующая эпоха — Ся, что значит «лето» (2140—1711 гг. до н. э.). И если в начале династии Ся о народе своей страны в течение сорока пяти лет неустанно пекся император **Юй**, то завершает эту династию пятидесятидвухлетнее правление негодяя **Цзе** (еще одно его имя — **Люй Гуи**). Столицей был город Дэн-фэн.

Уже в те времена китайцы придерживались теории Пяти Стихий, которые считались фундаментальными силами или энергиями Вселенной. Они полагали, что все явления в мире, как материальные, так и нематериальные, являются результатом взаимодействия этих Пяти Стихий, которые имеют самое непосредственное отношение ко всем аспектам нашей жизни.

Династия Ся считалась связанной со Стихией Воды. Эта Стихия характеризуется черным цветом, поэтому правитель (**ван**) носил черные одежды и имел черное знамя. При этом Стихии Воды соответствуют: планета — Меркурий, сторона света — Север, вкус — соленый, время года — зима, класс животных — черепаха.

Говоря о **Люй Гве**, китайцы вспоминают и о князе **Чжоу-ване** (Чжоу Синь), который тоже правил в последние годы династии, но уже следующей — Шан. Упоминая свирепого **Чжоу**, говорят и о **Люй Гве**.

Что же их объединяет? Оба привели свою династию к закату, оба обладали недюжинной силой и внешне являлись крепкими богатырями-героями, хотя и с отталкивающими чертами лица. Но главное — оба правителя уродились с душами отвратительными, жестокими, глухими к чувствам и страданиям

других. Опять же, у обоих были наложницы с черными сердцами, которые во многом способствовали злодеяниям, и ради которых, не жалея ни средств, ни людей, строили дворцы, башни, парки. У **Люй Гуя** была Мэй Си, у **Чжоу-вана** — Да Цзи.

Месяцами правители не выходили из дворцов, развлекаясь с красавицами и юношами, карликами и шутами, даже не вспоминая о своих обязанностях, государственных делах. Для **Люй Гуя** построили пруд, наполненный вином, в котором можно было плавать на лодках. Развлекаясь с наложницей Мэй Си, он заставлял три тысячи человек подползать на четвереньках к пруду и, подобно животным, пить это вино.

Не удивительно, что такая «забота» о государстве привела к падению династии. Ся пала, и появилась Шан.

Первопредком шанцев считается канонизированный **Шунь** (зять **Яо**). У императора **Шуня** был министр просвещения, очень достойный человек и талантливый чиновник. Назначая его на эту должность, император пожаловал ему, как водилось, и территорию, — местность, которая называлась Шан. Ныне это уезд Шан-сень в провинции Шэньси.

Очередной правитель этой земли уничтожил ослабевшее, развалившееся государство Ся. Звали его **Чхэн Тханом**, он и стал первым великим князем новой, основанной им династии, а имя для нее оставил «Шан», как назывались и его земли.

Династия считалась связанной со Стихией Металла, и ей соответствовали планета Венера, белый цвет, едкий вкус, Запад, осень, тигр.

Город-государство Шан — первое крупное объединение. Город отличался четкой планировкой, окружался глинобитной стеной толщиной до шести метров. Во дворце правителя найдены каменные скульптуры людей и животных (бык, тигр), а также фрески в красных, черных и белых тонах.

Именно в тот период была завершена разработка религиозного учения о божественном происхождении и священном праве на власть правителя. При этом правитель, провозглашенный Сыном Неба, стал посредником между Небом и людьми, а также владыкой Поднебесной. Была создана единая мифологическая история Китая.

В середине I тысячелетия до н. э. Китай пережил бурный социально-экономический рост. Сложились новые центры торговли, а численность населения многих городов приблизилась к полумиллиону. Успешно развивались ремесла, строились гидротехнические сооружения. В земледелии

широко использовались оросительные системы. Землянки стали первыми жилищами простых китайцев.

Шанцы занимались скотоводством, разводили коров, овец, коз. В домашнем хозяйстве они содержали свиней, собак, кур, уток, гусей. Один из правителей по имени **Хай** сам очень любил животных, с удовольствием ухаживал за ними, и люди учились у него. Скот продавали северянам, которых называли народом ёу-ху или ёу-и. Сами шанцы жили к югу от реки Хуанхэ, а ёу-ху — к северу от нее, так что река служила разделом между их территориями. Взамен шанцы получали от северян изделия из бронзы, зерно, шелковые ткани. И это — одна из загадок: что за племена жили по соседству, которые намного опередили китайцев в своем развитии?

Несмотря на мирную торговлю, шанцы со временем уничтожили народ ёу-ху, захватив его территорию по ту сторону реки. Шан-Инь крепло год от года, и теперь в государстве самостоятельно выращивали коноплю, фасоль, бобы, пшеницу, ячмень, чумизу, а также свои овощи и фрукты. Крестьяне научились разводить тутовых шелкопрядов и производить шелковые ткани для правителей, — об этом свидетельствуют раскопки.

Со временем появились и керамические мастерские, умельцы научились изготавливать бронзовые и каменные изделия с красивым орнаментом. Позже плавка железа достигла высокого уровня.

На рынках в современном Китае то и дело слышишь: «Это — минской эпохи, это — цинской». Так обманывают торговцы, пытаясь «всучить» какую-нибудь вазу или статуэтку, старое зеркало или изделие из бронзы. И невольно возникает иллюзия: старое — значит, необыкновенно красивое. На самом деле у музейных экспонатов — иная ценность.

Мне посчастливилось побывать в городе Ань-ян и внимательно рассмотреть многие предметы из раскопок времен династии Шан-Инь, и они, конечно, впечатляют. Однако, будучи в этом вопросе дилетантом, больше восхищаюсь современными изделиями китайских мастеров, которые способны выполнить и точные копии древних произведений, сохранив форму, стиль, манеру раскраски, и создать новые шедевры, ибо ушли далеко вперед в своем мастерстве и фантазии.

Взять хотя бы изображение в фарфоре того же рыбака-даоса Цзян Цзы-я. Однажды мы обнаружили на «блошином» седого рыбака величиной с кисть руки. Его доброе лицо — само совершенство. Как можно столь виртуозно вылепить черты, глубокие морщинки, а главное — передать одухотворенность...

Купив один раз, мы заказывали этих старичков вновь и вновь, и нам их привозили из города Цзин-дэ-чжэнь («столицы» фарфора) раз — два в месяц: по два, по три. Если есть спрос, мастер повторяет изделие. Кажется, уже не осталось ни друзей, ни знакомых, кому бы мы не подарили этого дедушку Цзяна. И глаз не отвести от его лица, от сутулой фигуры. И в профиль хорош, и анфас...

А если говорить о музейных экспонатах, то в раскопках более десятка царских гробниц периода Шан были обнаружены совершенной формы колесницы и боевые лошади. Причем, колесницы имели прочные колеса со спицами, в то время как у китайцев периода неолита не встречалось ни колес, ни повозок. Более того, в захоронениях обнаружили останки людей с европеоидной внешностью³.

Итак, государство Шан крепло и развивалось, правитель сменял правителя, да не всякому удавалось оставить о себе такую память, чтобы впоследствии его имя знал даже неграмотный китаец. К сожалению, в истории сохраняются, порой, имена недобрых личностей, причинивших много зла своему народу и стране.

Что можно сказать, например, о двадцать седьмом правителе династии Шан — **У И**? В начале правления первых китайских императоров (правильнее сказать — великих князей) они пытались передавать трон наиболее достойному человеку, пусть и не «царских кровей». Позже власть переходила от брата к брату, от дяди — к племяннику. А начиная с великого князя **У И** престол стал наследовать сын.

Сам **У И** правил всего четыре года, а его сын **Тхай Дин** — три года. Следующий император **Ди И** — тридцать семь лет. И вот наступила очередь последнего, тридцатого — **Чжоу Синя**, который удерживался у власти тридцать три года, что, впрочем, не пошло на пользу государству. «Чжоу», как известно, не является истинным именем великого князя, оно было дано ему посмертно потомками и отражало суть этого человека, ибо изначальное значение иероглифа 紂 — «злодей, утративший добропорядочность».

Его правильнее называть 30-м *ди-ван* династии Шан по имени Цзы Синь (иногда китайцы называют его 32-м правителем), где *ди-ван* означает титул «великий князь». *Цзы* — первый циклический знак из двенадцати, а *Синь* — восьмой циклический знак десятичного цикла, это и есть его истинное имя.

Имя это иногда сокращали, называя правителя *ди* Синь, т. е. «император Синь». В китайских учебниках истории его принято называть **Чжоу Синем**.

К слову, в имени его сына У Гэна тоже использован циклический знак *Гэн*, один из десятиричного цикла; видимо, детей у правителей в те времена от разных жен рождалось так много, что их проще и удобнее было называть «порядковыми номерами», — циклическими знаками.

Несколько слов о титулах. Государи династии **Ся** назывались хоу (царь), «Ся-хоу» значит «царь из дома Ся». Правители династии **Шан** титуловались *ван* (王, великий князь), и это слово, как и хоу, ставилось перед именем, например: **Ся-хоу Юй** (Юй из дома Ся), *ван* Чхэнь Тхан (великий князь Чхэнь Тхан). Помимо главных титулов хоу и *ван* в Шан были и другие: *бо* и *цзы*.

Государи следующей династии — **Чжоу** тоже назывались великими князьями, но титул *ван* ставили после имени: Вэнь-*ван*. Это произошло потому, что, напомню, в начале этой династии правителям по их кончине стали давать особые имена, под которыми они оставались в истории. Эти имена подчеркивали их свойства и качества, например, У-*ван* (Воинственный великий князь)⁴.

Итак, история повторилась: конец предыдущей династии Ся был омрачен правлением тирана **Цзе Люй Гуя**, а последние десятилетия Шан-Инь — жестокого князя **Чжоу Синя**. При этом порочные наложницы обоих явились причиной гибели и государств, и тиранов. Между ними было немало общего: они обладали красноречием, широкой образованностью, и их трудно было переспорить, убедить в неправильности их поступков. При безграничном высокомерии они всех окружающих считали ниже себя. В китайской литературе их имена так и упоминают вместе: «**Цзе-Чжоу**», подобно правителям «**Яо-Шунь**», но только с отрицательным знаком.

В китайских легендах говорится, что оба злодея слыли явно неординарными личностями. Тот же **Чжоу Синь** уродился высоченным богатырем, представительным и мужественным, безрассудно храбрым в бою. В древних записях упоминается, что он мог голыми руками справиться с диким животным, мог посостязаться с несколькими буйволами, запряженными в телегу: они тянули ее вперед, а **Чжоу Синь**, преодолевая их сопротивление, катил телегу назад. Мог в одиночку заменить перекрытие в доме, подняв балку наверх, мог подгнивший столб заменить новым.

Историк Сыма Цень писал о нем: «**Чжоу Синь** имел телосложение быка, обладал при этом гибкой силой тигра». Он держал себя в форме при помощи сложнейшей программы упражнений и поединков, куда входили и единоборство с дикими зверями на специально устроенной арене, и схватки

с пятью, шестью его лучшими воинами одновременно. Злодей владел в совершенстве приемами всех известных тогда видов борьбы, разбивая голыми руками доски и камни.

Еще он отличался умом и образованностью, и никто не мог превзойти его в ораторском искусстве, речь его лилась потоком. Когда он хотел доказать что-нибудь, никто не мог переспорить его. Знаний хватало на то, чтобы отвергать все советы, а образованность помогала оправдывать свои ошибки.

К сожалению, так уж получилось, что все его достоинства не только не служили на благо государства, но и, наоборот, способствовали его развалу и краху.

Зато для своих развлечений **Чжоу Синь** не жалел никаких богатств. Тысячи рабов в течение семи лет трудились, не покладая рук, и выстроили в столице знаменитую Оленью башню. В окружности — полтора километра, высота — тридцать метров, каждый этаж высотой более семи метров, каждый терем высотой более четырнадцати метров. Стоящий на самой вершине башни не только мог видеть весь город, как на ладони, но и испытывал ощущение, что дождь из облаков сыплется где-то внизу, под ним.

Впоследствии **Чжоу Синь** построил еще и дворец Цин, то есть «наклонный», здание Цюн и башню Яо (последние названия означают «прекрасная яшма»), и масштабы их были еще более грандиозными, чем Оленьей башни.

Все строения украшались нефритом и яшмой, отсюда и получили такие поэтичные имена. В этих дворцах размещались самые бесценные кони, привезенные из разных мест Поднебесной, собаки знаменитых пород и, конечно же, самые прекрасные женщины, насильно уведенные из семей в самых разных уголках Китая.

Чжоу Синь велел построить и знаменитый лесной парк, куда свозились невиданные дикие животные со всех концов земли. За ними ухаживали, кормили, создавали необходимые условия в этом парке, который можно назвать первым зоопарком.

Подражая негодяю **Лью Гую** династии Ся, **Чжоу Синь** тоже вырыл в парке огромный пруд и заполнил его вином; на ветвях деревьев развесил куски жареного мяса, чтобы знать, развлекавшаяся вместе с ним, могла в любое время отведать вина и закусить мясом. Назывался этот парк «Винное озеро и мясной лес».

Правитель также велел известному музыканту по имени Цзюань написать новые мелодии — песни распутного содержания, чтобы сопровождать ими

развратные танцы. **Чжоу Синь** вместе с друзьями и родственниками любил и другое развлечение: он заставлял большое количество обнаженных юношей и девушек играть в догонялки с хохотом и непристойными телодвижениями среди «мясных» деревьев на берегу «винного озера».

Жестокий правитель был настолько бесчеловечным, что от его настроения могла зависеть жизнь окружающих. Так, рассказывают, ему не понравилось однажды блюдо из медвежьей лапы. То ли действительно оно не было доведено до нужной кондиции, то ли просто у злодея пропал аппетит, но повара он тут же в гнев казнил.

Политическое единство иньцев олицетворялось правителем — *ваном*. Причем, отчетливо проступает тенденция к утверждению единоличной власти государя. Говоря о себе, иньские *ваны* употребляли торжественную формулу: «Я — единственный среди людей».

Власть *вана* находила выражение в его праве отдавать приказы любому человеку, находившемуся на его землях. Нередко *ван* лично возглавлял карательные походы против враждебных племен. Если же племя признавало власть иньского *вана*, он жаловал его вождю титул, указывавший на то, что данное племя становится членом иньской коалиции. Отныне оно могло рассчитывать на покровительство и защиту со стороны *вана*, который должен был заботиться обо всех своих подчиненных.

Вождь племени, получивший от *вана* титул, регулярно являлся в столицу Шан, присылал туда дань, а в случае необходимости предоставлял в распоряжение правителя свои ополчения. Если же территории подчиненных вождей подвергались нападению, они немедленно сообщали об этом *вану*.

Перейдя от кочевой жизни к земледелию и скотоводству, общество государства Шан стало еще более суеверным, веря в добрых духов и злых, а также в возможность влияния на их жизнь душ умерших предков. По малейшему поводу они обращались к знахарям, колдунам и прорицателям, с помощью гадания определяли каждый свой шаг. Ван (правитель) был одновременно и верховным жрецом. Только он мог по трещинам на гадательной кости определять волю божества.

В специально построенных местах жители Шан совершали благодарственные жертвоприношения, во время которых неумеренно принимали спиртные напитки и радостно танцевали, порой — ночь напролет, и бывало немало

случаев смерти от алкогольного отравления. Причем, люди одинаково вели себя и в императорском дворце, и в простых жилищах, — таковы были обычаи.

Согласно представлениям, господствовавшим в Китае в древности, «главные дела в государстве — жертвоприношения и войны». И то, и другое достаточно подробно отражено в иньских надписях на гадательных костях, обнаруженных археологами.

Одним из наиболее важных результатов любого военного похода считался захват пленных, которые превращались в рабов.

О предметах, которыми пользовались в то время жители Шан, могут поведать все те же раскопки. Например, в погребениях правителей периода Инь были обнаружены бронзовые ритуальные сосуды, украшения из золота и яшмы (нефрита), музыкальные инструменты, оружие, сосуды из белой каолиновой глины. Встречаются и повозки, запряженные лошадьми.

Причем, наиболее крупные гробницы площадью 400—500 квадратных метров и глубиной 10 и более метров содержат и внешний гроб, и внутренний с костными останками людей.

Когда Да Цзи попала во дворец великого князя, мощь государства напоминала луну, находящуюся в самой высокой точке на небе. Столица была перенесена в Чжао-гэ: и климат более благоприятный, и окружающая природа радовала глаз. Строительство в столице только началось, а потому толпы строителей и мастеровых, а также просто талантливых и образованных в разных сферах людей устремились в Чжао-гэ. В городе наблюдались невиданные оживление и подъем.

Бурную жизнь столицы описывали такими словами: «сооружались дома и дворцы, возводились храмы, строились помещения для собак, лошадей и огромного количества других животных; все необходимые предметы и продукты привозились в изобилии: дворцы ломились от драгоценностей, вино лилось рекой (по-китайски — «озера были заполнены вином»), куски мяса висели для обозрения покупателей, словно плоды на деревьях».

Высказываются предположения, что именно подобные образные выражения и послужили основой для неправдоподобных преувеличений, когда впоследствии, говоря о правлении Чжоу Синя, упоминали и «озера с вином», и «мясной лес».

«Целыми днями звучала музыка, и в город подвозили все новые и новые запасы шелковых нитей и бамбуковых стволов для изготовления струнных музыкальных инструментов; разбивались сады и огороды. И среди этого

оживления то в одном, то в другом месте появлялась колесница Чжоу Синя с Да Цзи, которые радовались вместе со всеми».

Чжоу Синь безумно любил Да Цзи и потакал ей абсолютно во всем, угрожал, как мог. Кстати, это психологически интересный вопрос: как мог такой своевольный тиран и самодур всегда следовать капризам избалованной женщины? Об этом уместнее было бы рассказать в главе о китайской эротической культуре, но если в двух словах, то суть в следующем.

Наложница Да Цзи

Чжоу Синь имел сто двадцать две жены и наложницы, а также три тысячи девушек для участия в пирах и развлечениях. Неудивительно, что после многолетних излишеств, которым правитель предавался с женщинами, он стал импотентом, так и не родив ни одного сына. Гарем не раз заменялся, но результатов не было. И уже ни одна красавица не могла его воодушевить.

А молоденькая Да Цзи (妲己), «прекраснее пиона и лотоса», как рассказывают историки, будучи невинной физически, обладала настолько богатыми и даже извращенными эротическими фантазиями, что вернула правителя к полноценной жизни, к прежним ощущениям и наслаждениям. Вот почему он ее боготворил и не отпускал от себя ни на шаг, не в силах расстаться даже ненадолго. Она стала его фавориткой, официальной женой.

Влияние Да Цзи росло, ради нее он организовывал огромные оргии на берегу «винного озера», где они проводили дни и ночи среди обнаженных гвардейцев и стражи, а также дворцовых девушек.

Да Цзи придумывала пытки, которые впоследствии использовали не только Чжоу Синь, но и другие правители. Например, «жаровня», о которой будет сказано ниже, — тоже ее изобретение.

Однажды ранним утром именно с ней Чжоу Синь проводил время в праздности в Оленьей башне. С такой высоты он разглядел старика, который стоял на берегу реки Ци-шуй, что протекала в окрестностях столицы. Старик, высоко подвернув штанины, как раз собирался перейти реку вброд, да только все никак не мог решиться ступить босыми ногами в ледяную воду. И надо же было, чтобы появился молодой, крепкий парень и, ни минуты не колеблясь, перешел реку.

Великий князь Чжоу Синь заинтересовался и спросил у окружающих: почему? Один из них ответил: «У старых людей костный мозг слабый, не цельный, поэтому по утрам они боятся холода».

И у императора возникла, как ему показалось, прекрасная идея: схватить, притащить старика, отрубить ему обе ноги, чтобы проверить, действительно ли мозг в костях не представляет собой сплошную массу?

Прослышал однажды Чжоу Синь, что у некоего феодала Цзю есть красавица дочь, и тут же приказал отнять ее, привести к нему во дворец в качестве наложницы. Но девушка оказалась с твердым характером и наотрез отказалась стать игрушкой. В яростной злобе Чжоу велел убить ее; больше того, по его же указке схватили и отца, феодала Цзю, чтобы засолить его мясо в соевом соусе.

Да Цзи и Чжоу Синь

Единственным человеком, который осмелился вступить за безвинных отца с дочерью, был феодал Э, сподвижник Цзю. Он, глядя в глаза чудовищу в человеческом обличи, сказал вслух то, о чем остальные боялись и подумать. За что и поплатился. В результате были казнены не только красавица с отцом, но и храбрец, пытавшийся восстановить справедливость. С него срезали мясо лентами и завялили на солнце.

А чтобы впредь никто больше не посмел говорить о правителе нелицеприятное, Чжоу Синь с подачи Да Цзи изготовил орудие для казни под названием *пхао-лао* («жаровня»). Это был металлический цилиндр, смазанный

жиром, который помещали над горящими углями горизонтально. Орудие пытки раскалялось, а «виновного» заставляли босиком идти по нему. Человек, естественно, не мог на нем удержаться и соскальзывал, падая в яму с печью, прямо в пламя, где кожа его тут же обгорала, а кости обугливались.

Такая жестокая казнь, как утверждают, очень веселила любимую наложницу Чжоу Синя, и она, глядя на мучения несчастных, смеялась, не в силах остановиться. Ради того, чтобы доставить ей радость, чтобы слышать ее смех, Чжоу Синь безостановочно казнил людей таким образом.

Утверждают, что Да Цзи была невероятно любопытной и любознательной, у нее возникало множество вопросов относительно устройства человека, и она, якобы, не чуралась никаких, даже самых жестоких опытов и «исследований».

Говорят, однажды она, увидев беременную женщину, сказала Чжоу Синю, что знает пол плода: у женщины должен родиться мальчик, а затем предложила проверить ее предположение. Несчастной разрезали живот, ибо и правителю стало любопытно: неужели его любимая наложница не только ослепительно красива, но и обладает определенными умениями? В животе действительно оказался мальчик, но две человеческие жизни были загублены.

Еще один пример жестокости правителя Шан. При дворе у Чжоу Синя служил его родной дядя Би Гань. Не в силах больше терпеть выходки племянника, он попытался наставить его на путь добродетели. Причем, давая советы, он старался подбирать слова помягче, памятуя о жестоком нраве родственника-правителя.

Заходить к правителю, пытаясь что-то ему сказать, приходилось по несколько раз, потому что он всегда был «занят» со своими наложницами, которые соревновались между собой за внимание и покровительство. Одна протягивала ему лакомый кусочек, подхватив его палочками, другая почтительно подносила двумя руками кубок с вином, пытаясь привлечь к себе внимание. Эта игра забавляла правителя, а докучливые сановники, пытавшиеся поговорить о делах государственных, воспринимались, как помеха.

Более осторожные, давно смилившись с ситуацией, предпочитали беречь свою жизнь, лишь один Би Гань по-настоящему переживал за государство и династию, а потому все время рисковал. Вот и в этот раз он трижды заходил в царские покои, пытаясь донести до правителя известие о бедственном положении народа, страдающего от наводнения, и каждый раз наложницы, швыряя в него пампушками, предупреждали: «Не зли великого князя, если не хочешь лишиться жизни!»

Но Би Гань все же настоял на том, чтобы Чжоу Синь его выслушал. Изощренный садист вкрадчиво ответил: «Вы слишком добры к народу, дядюшка! Люди говорят, что у святых в сердце семь отверстий, а так как вы, дядюшка, слывете святым, позвольте мне убедиться, действительно ли в вашем их — семь?» И по приказу *вана* из груди живого человека было вырезано сердце. Так развлекался правитель Шан.

Как раз в тот период, когда Чжоу Синь радовался строительству новой столицы и постоянному общению с молоденькой красавицей, племя Чжоу, проживавшее в бассейне реки Вэй-шуй и считавшееся варварским, довольно быстро развивалось и крепло. Это были потомки Хоу-цзи (царь Просо, или еще один вариант перевода — государь Зерно) исчезнувшей династии Ся, которые давно лелеяли надежду продвинуться на восток, покорив Шан.

В древнем произведении «Ши-цзин» («Книга песен») по этому поводу есть такие строки в переводе Штукина Алексея Александровича:

Внука оставил преславный Зерно государь —
Это Тхай-ван был, великий наш предок и царь.
А поселился он к югу от Циской горы,
Шанское царство он стал подрывать в те поры.

Когда-то это было племя чжоу, которое пришло в речные долины Центрального Китая с запада. Позже его название перенесли на занимаемую им территорию, и оно дало имя правившей здесь княжеской династии. Родоначальником княжеского рода Чжоу считался некий Ци, известный по своему посмертному титулу как Хоу-цзи⁵.

Один из вождей — Дань-фу в начале XIII в. до н. э. получил княжеский титул *гун*. При нем княжество Чжоу стало одним из самых могущественных в Шанской империи. Он много воевал, побеждал соседние племена, усмирял врагов Шан и строил новые города. Император (великий князь) Тай-дин (правил в начале XII в. до н. э.) даровал Дань-фу почетный титул *бо*, но потом велел его умертвить.

Ему наследовал сын Чхан, который более известен под титулом *си-бо* («Западный правитель»). Чхан еще более возвысил род Чжоу. Почти за полвека своего правления он заметно увеличил пределы княжества и перенес столицу из района Ци-шань на восток, во вновь отстроенный город Фэн

(неподалеку от современного города Си-ань). За несколько лет до смерти Чхан принял титул *вана* («государя»), который кроме него носил только император (великий князь династии Шан), и стал именоваться Вэнь-ваном («Просвещенным правителем»).

Жители Чжоу постепенно перенимали у шанцев культуру, письменность, образ жизни. Они также стали пользоваться боевыми колесницами, научились изготавливать бронзовые изделия.

Вэнь-ван, главный герой дальнейшего повествования, умело правил народом. Он постепенно сколачивал вокруг Шан антикоалицию, готовясь свергнуть Чжоу Синя, и в результате стал основателем новой, следующей династии Чжоу (1066—256 гг. до н. э.).

Чтобы понять, какое отношение княжество Чжоу имеет к княжеству Шан, расскажем об административном делении последнего. Оно подразделялось на структурно неодинаковые части. Под непосредственным подчинением *вана* (Чжоу Синя) находилась зона радиусом в несколько десятков километров с центром в столице.

Далее следовала обширная территория региональных владений, управлявшихся уполномоченными *вана*, его родственниками и приближенными. Таких вассальных владений было около двухсот, и одним из них являлось царство Чжоу.

За второй зоной проходил внутренний пояс *нэй-фу*, а за ним — аморфная третья зона, населенная племенами, постоянно нападавшими на периферию шанского государства. Военные конфликты государства были, в основном, связаны с отражением этих нападений кочевых племен, наиболее воинственными из которых считались *жун* и *ди* на севере территории Шан.

Но и в региональных владениях, окружавших шанцев, набралось немало народов, не раз пытавшихся покорить Шан-Инь, и особенно воинственными слыли жители Чжоу, княжества, которое располагалось в западной части долины реки Вэй-хэ.

Правитель Вэнь-ван

Чжоуский Вэнь-ван, заложивший основу Западной Чжоу (1066—770 гг. до н. э.), являлся внуком Чжоуского Тхай-вана (周太王), первого правителя вассального княжества Чжоу. Внешность Вэнь-вана описывают так: «он ничем не выделялся среди окружающих; высокий, с очень темной кожей, глаза

несколько близорукие». А вот душой он обладал широкой, умом — острым. Его можно назвать дальновидным, высокообразованным политиком, хорошо знакомым с культурой и образом жизни народов, населявших все государства вокруг его Чжоу, поэтому мнение его высоко ценилось.

Поскольку государство Чжоу считалось вассальным, Вэнь-вану Чжоу Синем был пожалован титул Западного правителя, то есть главы князей, феодалов западной области. В других источниках утверждается, что титул *си-бо* (Западный правитель) Вэнь-ван унаследовал после смерти отца Цзи Ли, после чего его тоже стали называть *си-бо* Чхан, и носил он этот титул в течение 50 лет.

Основав государство, он, будучи гуманным правителем, совершил немало великих и добрых дел в политике и культуре. Впоследствии этот человек был оценен потомками, как самый высокоморальный и гуманный правитель. Недаром его сын Цзи Фа (*У-ван*), взойдя на престол, присвоил отцу посмертное имя Вэнь-ван, или Чжоу Вэнь-ван, подчеркнув его просветительскую и гуманную деятельность. Ведь иероглиф его имени *вэнь* (文) имеет два смысловых значения: «культура» и «письменность». Именно он стал лидером клана Чжоу в последние годы существования династии Шан. В истории он и остался под этим именем, а его настоящая фамилия — Цзи, имя — Чхан.

До династии Цинь аристократы имели *син* (фамилия) и *ши* (род). Мужчины именовались по их роду (*ши*), а женщины — по фамилии (*син*). Поэтому при жизни Вэнь-вана не звали Цзи Чханом. По фамилии его стали упоминать в период Восточной Хань, а потому и последующие поколения стали звать Вэнь-вана Цзи Чханом.

Столица царства Чжоу называлась Си-ци (西歧), что переводится как «ответвление на запад». В течение 400 лет Ци-шань являлась центральной частью Западной Чжоу, в то время как столицы в княжестве менялись, например, одно время ею был город Цзун-чжоу. Последним правителем Западной Чжоу оказался Пхин-ван, который впоследствии перенес столицу из Ёу-хао на восток в Ло-и (洛邑), и после Пхин-вана династия стала называться Восточной Чжоу.

Период правления Чжоу относится к стихии Огонь, которому соответствовали сторона света — Юг и сезон — Лето. Поэтому символом династии считался Красный ворон, а правители носили красное одеяние.

В местах, где до нашей эры находилось царство Западное Чжоу, до сих пор остались руины царского храма и дворца Фэн-чху. Там же из земли

извлечено большое количество памятников материальной культуры, из которых наиболее известными являются бронзовые изделия.

Вэнь-ван придавал большое значение развитию сельскохозяйственного производства, введя систему «1/9», при которой разделял общественные поля на девять частей, и крестьяне, которые на ней трудились, платили налоги в казну лишь с 1/9 части всей обработанной земли. Развивалось не только сельское хозяйство, но и скотоводство и ремесла, причем, увеличилось количество ремесел.

Выросло производство бронзы, шире стали использовать в быту изделия из железа, а в сельском хозяйстве начали использовать рабочий скот, и широкое развитие получила система орошения.

Вэнь-ван совершенствовал законы в стране, учредителем которых явился его отец, проявлял осмотрительность при наказаниях, например, не наказывал жен вместе с мужьями за преступления последних, как это практиковалось в других княжествах. Он не осмеливался обижать одиноких, был прост и спокоен. С уважением относился к мудрецам и милостиво — к образованным людям, с любовью и заботой — к молодежи.

По его приказу возвели башню Лин-тхай для астрономов, и в изучении этой науки удалось достигнуть неплохих результатов, позволивших составить календарь.

В Шан-Инь существовала письменность гу-вэнь («древние письмена»), выработанная для обслуживания сакральных обрядов, и состояла она из особых знаков — иероглифов-пиктограмм, представлявших собой схематизированные изображения предметов.

В Чжоу появился новый вид письма — чжоу-вэнь, т. е. «чжоуские письмена», которые в наше время были обнаружены археологами на бронзовых сосудах, жертвенных треножниках и камне. При этом в начертании иероглифов произошел переход от округлых форм к прямоугольным. Что касается книг, то они существовали еще во времена династии Ся (предшествующей Шан).

Во внешней политике Чжоу формально относилось к Шан почтительно и покорно, чтобы усыпить бдительность правителя Чжоу Синя. Однако втайне Чжоу подчиняло своему влиянию соседей, постепенно переманивало на свою сторону другие княжества, деморализуя союзников правящей династии Шан. В результате ослабленное Шан постепенно оказалось в изоляции.

Молва о добродетелях Вэнь-вана, его верности данному слову, образованности и культуре, политических талантах разнеслась широко. Кроме

того, многим стало известно, что сам он, порой, забывал поесть, заботясь о делах государственных, зато народ в стране всегда был сыт, хорошо одет, поэтому жители соседнего Шан целыми семьями убегали в Чжоу.

В результате две трети населения Поднебесной оказались у князя Вэнь. Все они желали жить и трудиться под покровительством и при справедливом правлении Вэнь-вана. Впрочем, и сам Вэнь-ван был трудолюбивым и бережливым, усердно трудился в поле, надевая такую же одежду, как и простые люди, мудро руководил страной, и княжество при нем с каждым днем становилось все более могущественным.

Поскольку Вэнь-ван поступал с подданными гуманно, правил с пользой для своего княжества, которое при нем процветало, не только простые жители других княжеств перебежали в Чжоу, но и многие чжу-хоу (вассальные князья) и известные люди перебирались в его княжество, в его подчинение.

Например, к нему перебрались знаменитые Бо И и Шу Ци, сыновья Иньского правителя Гу Чжу-цзюня, которые славились своей братской любовью и в свое время отказывались от управления страной в пользу друг друга. К нему перешли служить и такие известные и талантливые чиновники, как Тхай День, Хун Яо, Сань И-шэн, Юй Сюн, Синь Цзя.

Судьбоносная встреча

О правителе княжества Чжоу Вэнь-ване, о его политике мы расскажем еще немало, однако в дальнейшем он будет действовать уже в союзе с Цзян Цзы-я, и тут — самое время рассказать об их встрече.

Сбежав из княжества Шан, чтобы не быть казненным, Цзян Цзы-я поселился в *Пхань-си-ся*, т. е. у «Реки, обвивающей ущелье», у источника *Цсы-цюань*, где целыми днями ловил рыбу. Высокий камень, на котором Цзян сидел, обычно, с удочкой в руках, находится на южном берегу реки Вэй, что протекает в северном предгорье хребта Цинь-лин.

Река эта берет начало в глубине горного хребта, и сначала течет тонким ручейком, извиваясь, в северном направлении, а потом, постепенно соединяясь с такими же маловодными ручьями, она превращается в небольшую реку под названием Фа-юй (второе название — *Пхань-си*). Эта *Пхань-си*, вытекая с гор, образует глубокий пруд, который люди прозвали *Цзы-цюань*. Отсюда до столицы княжества Западное Чжоу в районе Ци-шань всего лишь 45 километров.

Именно здесь, согласно преданиям, и сидел Цзян на берегу Вэй-шуй, что впадает в Хуанхэ, делая вид, что ловит рыбу. Он соорудил себе удочку с выпрямленным крючком, на котором не было наживки, и при этом «игла» даже до воды не доставала, — до нее оставалось сантиметров 30. Он нередко приговаривал: «Эй, рыбешки, кому надоело жить, сами ловитесь на мою удочку!»

Будучи слышанным о добродетельном и просвещенном государе из Чжоу, он верил, что и правитель когда-нибудь о нем услышит и навестит его, предложив достойную должность.

Естественно, даос подвергался насмешкам со стороны тех редких крестьян, которые случайно проходили мимо, собирая в горах хворост. Однако он невозмутимо отвечал: «Я пытаюсь поймать не рыбу, а мудрого правителя». Был и еще один вариант ответа: «Я ловлю не рыбу, а свою удачу: на мою удочку поймается лишь тот, кто хочет быть пойманным!» А иной раз даос Цзян и прямо говорил, хитро улыбаясь: «Я ловлю самого князя!»

В «Исторической повести о присвоении божественных званий» странное поведение старичка объясняется так: «Вместо того чтобы идти извилистым путем, стремясь к чему-то, лучше получить это, действуя «прямолинейно»; не рыбу ловил он, а *вана* и *хоу*»⁶.

Цзян Цзы-я таким образом пытался привлечь внимание, понимая, что молва о его чудачествах разнесется вокруг, и, как знать, может, кто-нибудь заинтересуется им...

И действительно, удивленные крестьяне передавали подобные диалоги из уст в уста, и, конечно же, молва о странном старом даосе доходила и до двора правителя, — на это Цзян и рассчитывал. Но князь Вэнь-ван не очень-то верил в предназначение этого человека: мало ли чудачков на свете, однако, будучи суеверным, все же пытался «прощупать» рыбака, и однажды отправил «на разведку» одного из своих офицеров. Но, увидев посланника, Цзян и говорить с ним не стал, лишь проворчал себе под нос: «Ловлю, ловлю, а рыбы все нет, лишь креветки какие-то морочат голову!»

Через некоторое время, не получив никаких подробных сведений, правитель отправил на берег реки одного из высоких сановников, но и тому не удалось поговорить с Цзяном, который лишь проворчал: «Сиж тут с утра до ночи, а крупной рыбы все нет, — только одна мелочь попадаетесь!»

Терпению Цзяна можно позавидовать, потому что проходили год за годом, а он все сидел на берегу, на большом валуне, подогнув под себя ноги, так

что от коленей даже небольшие вмятины образовались. Он прожил в даосском отшельничестве и покое 10 лет, ютясь в пещере, питаясь плодами да кореньями. Теперь его украшала не проседь на висках, а вся голова с усами и бородой стали белыми. Иногда проходившие мимо крестьяне, видя, что улова нет, советовали: «Брось ты это дело,—ведь нет никакого результата!» Но Цзян с улыбкой отвечал: «Вы ничего не понимаете, не знаете моего секрета!» И продолжал дальше упорно сидеть на валуне.

Этого старичка так любят в народе, что еще в давние, давние времена сложили о нем немало легенд. В одной говорится, что сначала, удалившись в горы, он совсем не умел ловить рыбу. Просидев три дня и три ночи подряд, он вконец обессилел от голода, но не поймал ни рыбешки. Цзян так рассердился, что сорвал с себя курточку и шляпу, швырнул их на землю с досадой и крикнул: «Все! Рыбной ловлей я сыт по горло!»

Эту картину увидел случайно проходивший мимо опытный рыбак из селения неподалеку. Он и научил, и посоветовал: «Рыбка тоже «подход» любит: нитка на удилище должна быть тоненькой-тоненькой, наживка должна быть вкусненькой-вкусненькой. Крючок забрасывать надо осторожно, чтобы не распугать рыбешку...»

Цзян Цзы-я прислушался к совету и вскоре поймал отменную рыбину. Немного погодя — еще одну, да какую! В ее животе оказался кусочек белой ткани с надписью: «Люй Ван будет правителем государства Ци». Эти несколько слов были написаны ярко-красными иероглифами. И ведь пророчество это сбылось в конце его карьеры!

В другой легенде рассказывается, что старик пытался поймать рыбу вообще без наживки. Он был настойчив, и, несмотря на неудачу, продолжал с надеждой всматриваться в воду. Наконец, поймал необычного карпа: в его животе старик обнаружил печать правителя.

Еще утверждают, что однажды он поймал большую рыбину, и в ее брюхе даос обнаружил свиток с трактатом о военном искусстве. В легендах утверждается, что именно в этот вечер правитель княжества Чжоу по имени Вэнь-ван увидел во сне великана, а это предвещало знаменательную встречу.

Как-то раз, сидя на берегу речки Вэй-хэ (Вэй-шуй) с удочкой, Цзян Цзы-я занимался гаданием и предсказал появление некоего У Ци, который ради пропитания занимался продажей хвороста, при этом Цзян узнал, что У Ци может убить человека. И действительно, вскоре тот вошел в город и случайно

убил человека. Цзян взял его к себе в ученики и стал читать заговоры, чтобы помочь ему спрятаться от *си-бо* Цзи Чхана (Вэнь-вана), который преследовал бедолагу.

Позже правитель нашел У Цзи и узнал, что именно Цзян помог ему спрятаться и избежать кары. И вновь упоминание о необычном даосе-процятеле, жившем недалеко от столицы, не заинтересовало Вэнь-вана, он подумал: «Мало ли их, даосов, изображающих из себя провидцев! Разве можно верить каждому из них!»

Еще через какое-то время Цзян, сидевший с удочкой в руке, услышал на дороге за своей спиной звуки и оглянулся. Оказывается, подъехала телега, запряженная лошадей. За телегой шли люди с «похоронным» выражением лица, и некоторые из них роняли слезы. Плакал даже погонщик.

Оказалось, в телеге лежит молодой господин, сын очень влиятельного человека. Он покинул дом, чтобы найти себе наставника, получить необходимые знания, но внезапно потерял сознание и упал. Приглашали нескольких лекарей, но все сказали, что не в силах помочь и посоветовали поскорее отвезти юношу домой, чтобы совершить последние в его жизни приготовления, иначе он может умереть вдали от дома.

Цзян подошел к телеге и, отодвинув занавеску, взглянул на молодого человека. «Милостивые государи, — обратился он к сопровождавшим, — не убивайтесь так, успокойтесь. Через три дня он придет в себя, и все будет хорошо». Но никто не мог поверить, что этот старик, выглядевший как нищий, говорит правду.

Через несколько дней, когда Цзян в широкополой шляпе, как всегда, восседал на камне у реки, из города к нему подъехала группа людей на повозке. С нее прыгнул и подошел к Цзяну молодой человек, который тут же бросился к нему в ноги. Он беспрестанно изливал благодарность за свое спасение и хвалил старика за его доброту. В конце он обратился с просьбой стать его учителем-наставником, в котором он давно нуждался.

Да, это был тот самый юноша, которого в бессознательном состоянии провозили недавно на телеге. Оказалось, отец его — очень высокий сановник, помощник самого правителя Вэнь-вана.

Юноша предложил отправиться к нему домой, чтобы познакомиться с отцом, который тоже хотел поблагодарить спасителя своего сына, а также наградить дедушку золотом. Но Цзян от всего вежливо отказался и остался сидеть с удочкой на берегу.

Несколько позже произошел еще один удивительный случай. С дороги к реке свернули два человека, каждый из которых вел за поводья высоких скакунов. Судя по одежде, это были офицеры командного состава армии. Близился полдень, и солнце палило нещадно. Путники, видимо, решили напоить лошадей и умыться.

Цзян взглянул на лицо одного из них, протяжно вздохнул и сказал: «Я, ничтожный старик, вижу на твоей переносице пронзительно-красный зрачок. Ты должен немедленно вернуться и найти лекаря, в противном случае тебе суждено умереть в течение семи дней». Цзян был гадателем и хорошим физиономистом, и он не ожидал, что военные люди рассмеются ему в лицо со словами: «Да ты просто сумасшедший старик!» Они умылись, освежили лошадей и отправились дальше по своим делам.

Оказывается, люди эти были помощниками полководца, отвечавшего за оборону городских стен в царстве Вэнь-вана, и один из них на пятый день действительно внезапно заболел и скончался. Описываемое время — «доисторическое», однако люди страдали от тех же заболеваний, что и сегодня. Цзян увидел и красные белки глаз, и неровную походку у вояки, и понял, что все эти признаки — предвестники кровоизлияния в мозг, как сказали бы сейчас. Именно это вскоре и произошло с бедолагой.

Весть о том, что на берегу Вэй-шуй сидит рыбак-старик, который способен «прервать» жизнь человека, тут же облетела город: от одного узнавали двое, от двух — пятеро... Слава о нем дошла и до дворца вана. Однако тот опять не придавал значения слухам: какая польза может быть его княжеству от убогого старика-гадателя?

Шли годы, и Цзян уже потерял им счет. Когда сам он стал похожим на высохшее дерево, а душа его — на остывшую золу, долгожданная встреча состоялась. Западный правитель Вэнь-ван тайно объединял подчиненных ему князей и готовился к нападению на Шан, чтобы выполнить политический долг. Но для осуществления плана князю не хватало выдающегося своими способностями человека, на которого он мог бы опереться.

Конечно, среди его чиновников были талантливые люди, как те же, допустим, его четыре друга-соратника, Тхай День, Хун Яо, Сань И-шэн и Нань Гун-кхо. Но ему нужен был особо одаренный человек, который одновременно блестяще разбирался бы и в военном деле, и в культурных вопросах, чтобы он был широко образован, высокогуманен и помог бы князю спасти жителей Шан.

Вэнь-ван, день и ночь озабоченный этой мыслью, плохо ел, беспокойно спал. И однажды ночью ему приснился сон, в котором он увидел Небесного императора, облаченного в черный халат, стоящего у брода Лин-ху-цзинь. За спиной императора он разглядел старика с белыми усами и бородой. Окликнув Вэнь-вана по имени, Небесный император сказал: «Цзи Чхан! Дарю тебе человека с великими талантами, он станет твоим учителем и помощником. Зовут его Ван, — Надежда».

Услышав это, князь Вэнь встал на колени и поклонился. Старичок тоже склонился перед ним.

Проснувшись, Вэнь-ван решил под видом охоты объехать все возможные уголки своего владения в надежде встретить обещанного человека. Но сначала он обратился к прорицателю, как делал это всегда, прежде чем выехать на охоту.

«Охотиться ты поедешь на север, к речке Вэй-шуй, — пропел ему гада-
тель. — И выпадет тебе огромная удача,

Но будет это не тапир, не рогатый дракон, не безрогий,

Не медведь черно-бурый, не тигр,

По всем приметам, ты встретишь помощника,

Особо талантливого человека,

Который послан тебе Небом в качестве доброго наставника!

День, когда ты встретишь совершенномудрого человека,

Станет началом расцвета нашего царства Чжоу».

Сердце князя Вэнь наполнилось радостью, и он поскакал впереди большого отряда всадников, захватив соколов и собак. По пути они охотились, пока не добрались до небольшого ущелья Пхань, недалеко от речки Вэй-шуй.

Надо сказать, что охота великих князей и императоров (ее еще называли императорской облавой) никогда не теряла своей религиозной подоплеки, связанной с чествованием усопших предков: в глубокой древности считалось обязательным собственноручное убийство диких зверей для жертвоприношения духам.

При династии Чжоу такие облавы совершались четыре раза в год (весной, летом, осенью и зимой) самим правителем при содействии князей, сановников и даже военачальников, которые командовали отрядами войск, специально обученных всем правилам охоты.

После охоты, оказавшись в ущелье Пхань, на излучине реки, в рощице, у чистой бирюзовой воды, князь увидел старца в голубых одеждах, голову

которого покрывала конусообразная шляпа, плетеная из бамбуковой кожуры. Он как-то ладненько сидел на яркой молодой траве, подложив под себя вязаночку камыша, и в тишине ловил рыбу.

Встреча

Все животные — и лошади, и орлы, и собаки притихли, будто почуяли небожителя. Князь еще раз внимательно присмотрелся к аккуратному рыбачку: да, сомнений быть не могло, этот человек в точности похож на увиденного во сне.

В это время Цзян, сидевший в уединении на берегу, окруженный лесом, услышал голоса людей и топот лошадей, которые быстро приближались. Он стал напряженно всматриваться, и, к своей радости, увидел человека в облачении князя, который направлялся прямо к нему. Дождался!

От бедно одетого старика исходило какое-то особое сияние, как от святого. Вэнь-ван поспешно спрыгнул с коня, упал на одно колено и, опустив голову и высоко подняв соединенные кулаки в приветственном жесте, с величайшим почтением произнес: «Ты — тот, кого я так долго искал!» Цзян со сдерживаемой радостью ответил на приветствие: «Ты — тот, кого я давно жду!»

Усевшись на берегу, они разговорились. Беседа была не долгой — еще и тень от тутовых деревьев не переместилась, — но оживленной. «Уважаемый господин, — сказал обрадованный Вэнь-ван, — я слышал от предков, что в нашем государстве Чжоу должен появиться великий святой старец, который приведет наш народ к процветанию. Вы и есть тот самый святой, наша надежда. Я так давно мечтал о встрече с вами!»

Соблюдая правила вежливости, Цзян подробно рассказал о своей жизни, а потом они свободно беседовали, и ван понял, что не ошибся: науку о Пяти стихиях космогонии, все тонкости гадания и древние трактаты о военном искусстве старик знал досконально. Оба почувствовали, что очень близки друг другу по духу, что по многим вопросам их мнения сходятся. Но больше всего вана поразило то, что бедный старик, годами сидящий с удочкой на берегу, прекрасно осведомлен о том, что происходит в Поднебесной, великолепно разбирается в административном управлении государством и военном искусстве⁷.

Вэнь-ван давно мечтал о квалифицированных соратниках, он искал талантливых людей, как страдающий от жажды — воду, и был впечатлен глубокими знаниями, сметкой и находчивостью, изобретательностью и остроумием, манерой выражаться и вести беседу Цзяна. Да, это именно такой мудрец, о котором мечтал ван.

Пребывая в отличном настроении, Вэнь-ван шутливо произнес: «Допустим, что тот, кто хочет быть пойманным, уже пришел. А кто не хочет, тот прошел мимо». На самом деле он был чрезвычайно поражен, и в душе подумал: «Неужели это тот, кого я так долго искал?» Авторитет учителя в Китае всегда был настолько высок, что даже правители мечтали о достойном наставнике.

Затем он опять обратился к рыбаку: «Видно, у меня есть глаза, да нет зрачков, раз я сразу не разглядел в вас талантливого человека! Ведь слава о вас давно распространилась по всей Поднебесной. Простите за неучтивость!» На что Цзян возразил: «Ничего страшного!»

Вэнь-ван вновь с почтением произнес: «Чжоу-ван (Чжоу Синь) сошел с Дао-пути, свирепствует и безжалостен к своему народу, который не может спокойно жить и трудиться. Желаю, чтобы господин стал моим Учителем, можно ли на это надеяться?» Цзян ответил согласием.

Вэнь-ван пригласил Цзяна в свою колесницу, причем, отстранил возницу, чтобы собственноручно отвезти Цзяна в свою столицу. Никто в Поднебесной не посмел бы подняться в колесницу вана, поэтому тот факт, что Вэнь-ван

не только пригласил его воспользоваться своим транспортом, но и захотел лично править лошадьми, подвозя бедного старика к столице, явился демонстрацией небывалого уважения к нему. Видя, как торжественны церемонии *вана*, старик тоже решил проявить учтивость и предложил донести правителя на собственной спине до города.

Что же делать, как ответить старику? Взобраться к нему на спину — позор, так правитель еще никогда не передвигался, — на спине у старика. Отказаться — тот может обидеться, а потерять расположение такого редкостного человека никак нельзя. И *ван* принял решение. Он взвалил старичка к себе на спину и пешком пошел в город.

Пройдя лишь небольшой участок пути, *ван* почувствовал такую усталость, что, казалось, больше не сможет сделать и шагу. Он опустился прямо на землю и стал утирать пот. Ему уже было безразлично, как он, правитель, выглядит в глазах подчиненных. А Цзян тихонько засмеялся: «Ты пронес меня ровно **810** шагов, и за это я буду защищать твое государство 810 лет, за каждый шаг — по году».

Обрадованный *ван* вскочил, и усталость — как рукой сняло, он готов был и дальше нести старика на спине, однако тот рассмеялся; все-таки он был провидцем, а потому сказал: «Нет, больше не получится, — это судьба. Дальше поедем на колеснице!»

Вернувшись в столицу, князь с поклоном пожаловал старцу высшую должность — Наставник государя и дал ему имя «Надежда предков» — *тхай-гун* Ван.

Историческая встреча состоялась. Несмотря на то, что Цзян Цзы-я известен, как знаток *Дао*, высокоавторитетный наставник правителя, верховный главнокомандующий, основатель династии Чжоу, культурный просветитель царства Ци, знаменитый основатель китайской военной науки и уникальный политик, у потомков он ассоциируется именно с рыбаком, и все изображения дедушки Цзяна показывают его именно в момент встречи и именно в таком виде: в соломенной шляпе от жаркого солнца, с удочкой в руке, сидящим на берегу.

Цзян Цзы-я и Чжоу-ван

По совету Цзян Цзы-я Вэнь-ван, мечтая о походе на Шан-Инь, решил зайти на время, чтобы усыпить бдительность подозрительного Чжоу Синя. И хотя Вэнь-ван старался делать вид, что ни в чем не осуждает правителя, он все же опечалился и вздыхал украдкой, узнав об убийстве феодалов Э

и Цзю с дочерью, особенно потряс его тот факт, что с тела Э срезали мясо, чтобы проявить его на солнце, прежде, чем употребить в пищу.

В то время Чжоу Синь как раз изобрел свое новое орудие для казни под названием *пхао-лао*. Народ, вассальные князья и сам Вэнь-ван, затаив гнев и ненависть, скрежетали зубами. И вот Вэнь-ван после долгих размышлений решил воспользоваться гневом народа, вызванным новой пыткой узурпатора, чтобы еще больше укрепить свои позиции среди населения. Он решил приехать в столицу Чжао-гэ княжества Шан и преподнести *вану*-мучителю в подарок часть своих земель в Ло-хэ, что простиралась к западу от Хуанхэ. При этом он хотел попросить взамен об одном одолжении — отмене жестокого орудия казни под названием *пхао-лао*.

Чжоу Синь уже был наслышан, как критически относятся в народе к его новому «развлечению», а потому решил, что вполне может отказаться от него ради большого куска земли. Добродетельный поступок Вэнь-вана оценили и в народе, и среди князей. Потеряв часть земель, он обрел поддержку князей и народа, которая была ему необходима в будущем походе на Шан.

И еще один факт. В то время государство Чжоу обладало драгоценной пластиной из нефрита, стоившей нескольких городов. Чжоу Синь, собиравший драгоценности, просто мечтал завладеть ею. Он направил своего сановника Цзяо Гэ, довольно добродетельного человека, чтобы тот просто отобрал это сокровище, но Вэнь-ван ему не отдал.

Цзяо Гэ заботился о простом народе, и государству приносил немалую пользу, придумывая новые способы повышения производств, развития сельского хозяйства и укрепления армии. Однако высокие посты Цзяо Гэ и доверие к нему со стороны Чжоу Синя были не на руку Вэнь-вану: сильный враг — опасный враг.

Вэнь-ван не отдал драгоценный предмет, — чтобы унижить Цзяо Гэ в глазах правителя. И он своего добился: Чжоу Синь стал презирать высокого сановника за то, что тот не смог выполнить его приказ, и Цзяо Гэ потерял почву под ногами, уже не имея прежнего прочного положения. Именно Цзян Цзы-я посоветовал Вэнь-вану так поступить. Позже Чжоу Синь направил за драгоценной пластиной из нефрита Фэй Чжуна; Вэнь-ван все тщательно продумал и отдал посланнику кусок нефрита.

Фэй Чжун был чрезвычайно хитрым и лживым чиновником, который, всячески потворствуя дурным наклонностям правителя, придумывал для него все новые и новые способы развлечения, которые рождали еще больше гнева и ненависти к нему со стороны народа.

Иньский Чжоу Синь, утопая в роскоши и излишествах, не зная предела своим вожделениям, пребывал вечно пьяным, предавался безудержному разгулу, сеял раздор среди чиновников и князей, натравливая их друг на друга, возводил поклепы и разносил сплетни, в результате и вдали от него, и среди приближенных не было мира и согласия, царили разобщенность и изоляция.

Он отбирал имущество и у вассальных князей, и у простых людей в свою пользу, доводя противоречия в обществе до предела. Следовательно, — подумал Вэнь-ван, — если он отдаст пластину Фэй Чжуну, Чжоу Синь еще больше приблизит его, и в результате силы династии Шан будут подтачиваться изнутри с еще большей скоростью.

К сожалению, в окружении Вэнь-вана нашелся предатель — Хоу Ху, родом из Чхуна, человек трусливый и со злым сердцем. Ему было далеко до добродетелей и славы правителя, это не давало ему покоя, и он отчаянно завидовал.

Упав перед Чжоу Синем на колени, он стал докладывать: «Вам следует поостеречься этого Вэнь-вана, по имени Цзи Чхан! О нем идет слава, как о гуманном, добродетельном человеке с высокой моралью, на это и покупаются люди, все князья на западе тянутся к нему, прислушиваются к нему во всем. Когда он узнал о казни Цзю с дочерью и вставшего на их защиту Э, начал тайно вздыхать. Боюсь, это не к добру; как бы он не навредил вам, великий повелитель! Думаю, это невыгодно Шан. Я предлагаю арестовать его и посадить в нашу темницу Ёу-ли (隍里)».

Выслушав, Чжоу Синь приказал схватить Вэнь-вана и запереть в темнице в местечке Ёу (ныне это северная часть уезда Тхан-инь в провинции Хэнань), на севере которого протекала речка Ёу-шуй. Местная тюрьма была самой крупной в государстве Шан и, по сути дела, представляла собой целый городок, имеющий в окружности около трехсот метров.

Темницу в свое время вырыли глубоко под землей, и окошки располагались на потолке, отсюда и второе ее название «Окошки». Вокруг подземного «городка» с четырех сторон возвышалась насыпь более трех метров высотой. Говорят, землю для этой стены по приказу перетаскал на своих плечах, на своей спине сам князь Вэнь, чтобы наглядно показать, как он искупает свою «вину». Чжоу Синь отдал приказ не выпускать его оттуда в течение двух лет.

Но и этого показалось мало Чжоу Синю. Он взял в заложники старшего сына князя Вэнь — Бо И-кхао и оставил его при себе колесничим (кучером). Этот юноша ранее бывал в государстве Шан и видел Да Цзи, красота которой его сразила. В те далекие времена, для того чтобы доказать свою верность

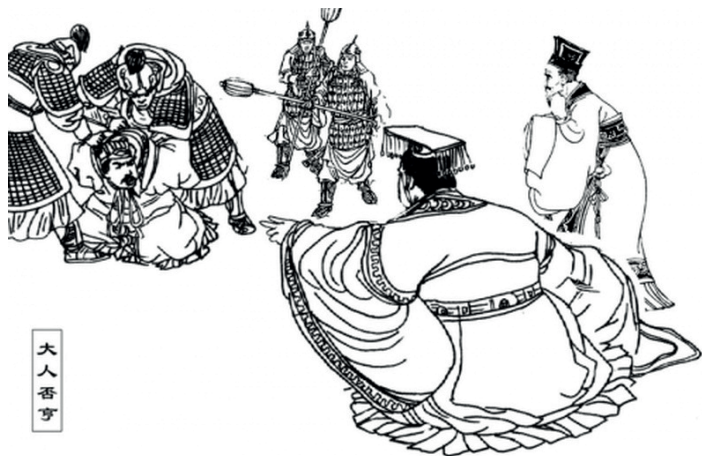

императору, посылали ему заложников. Императоры же, боясь измены со стороны подданных, нередко держали при себе детей вассальных князей. Поэтому и Бо И-кхао оказался в Шан.

Бо И-кхао — старший сын Вэнь-вана от официальной жены. Родился этот ребенок, когда самому Вэнь-вану было всего лишь 13 лет. Через два года, когда правителю исполнилось 15, у него родился второй сын, У-ван, — тоже от официальной жены.

Фамилию старший сын носил, как и отец, Цзи (姬), односложное имя — Кхао (考), а иероглиф бо (伯) служил как бы «порядковым номером», — детей в семьях бывало много, и таким иероглифом показывали социальное положение старших сыновей в семье. Что же касается иероглифа И (邑), то он, с одной стороны, показывал, что речь идет о наследнике княжеского дома, с другой стороны обозначал определенный ранг, должность, которые ему предназначались. В результате образовалось именно такое имя — Бо И-кхао («старший сын, наследник княжеского дома по имени Кхао»).

Впервые увидев этого красивого, честного, талантливого юношу, жизнерадостного, любящего музыку, Чжоу Синь люто возненавидел его. А однажды, заметив, что Бо И-кхао стал пылко ухаживать за его наложницей, буквально преследуя ее, взбешенный от ревности ди Синь, воспользовавшись случаем, бросил Бо И-кхао прямо в котел, сварив его заживо.

大人香亨

Сын Вэнь-вана

Существует несколько версий того, как Бо И-кхао оказался в руках у Чжоу Синя как раз в тот период, когда его отец томился в тюрьме тирана. Помимо описанных вариантов, в которых утверждается, что Бо И-кхао состоял управляющим колесницей, а также, согласно обычаю, жил при дворе главного правителя в качестве заложника, есть и другой, согласно которому Бо И-кхао самостоятельно прибыл в столицу с невиданными дарами с целью выкупа отца из тюрьмы.

Он привез колесницу, выполненную из семи сортов ароматного дерева, войлочный ковер, способный отрезвить сидящего на нем пьяного человека, а также редкостную обезьяну с белой шерстью.

Причем, в этом варианте истории утверждается, что не Бо И-кхао ухаживал за красавицей Да Цзи, а она влюбилась в него, оценив и мужскую красоту, и невиданное искусство игры на *цине* — струнном музыкальном инструменте. Но Бо И-кхао, якобы, в гневе отверг предложение красотки познакомиться ближе, да еще и пристыдил ее, чем вызвал неудержимое желание отомстить. Она оговорила гостя перед правителем, утверждая, что тот, играя на *цине*, поет аморальные песни, всячески понося в них Чжоу Синя. Так или иначе, Чжоу Синь приказал изрубить молодого человека на куски, приготовив блюдо с соусом, которое велел преподнести в горшке его отцу Вэнь-вану, находившемуся в темнице.

При этом правитель нарочито произнес: «Святые люди не могут пить бульон, сваренный из собственного сына». Однако исполнитель поручения, вернувшись, доложил, что князь Вэнь угощение принял и, похоже, выпил его с большим удовольствием.

После этого случая Чжоу Синь расслабился и говорил окружающим: «Да какой он добродетельный?! Выпил бульон и даже не догадался... Ничтожество, полное ничтожество!» Постепенно его злоба стала утихать.

Некоторые авторы утверждают, что сидящий в темнице Вэнь-ван, конечно же, догадался, какая участь постигла его несчастного первенца, и узнать о судьбе сына ему помогли «образы и явления, выражающие триграммы», над которыми он работал. Он специально притворился незнающим и непонимающим, чтобы Чжоу Синь стал распространять слухи о его «пустой славе и дутой репутации», чтобы перестал его опасаться.

В то время как Вэнь-ван сидел в тюрьме «Окошки», четыре его друга, оставленные в столице, очень переживали за него. Это были чиновники высокого ранга, его сподвижники, их так и называли — «четыре друга князя Вэня»: Тхай День, Хун Яо, Сань И-шэн и Нань Гун-кхо. Они продумали и приняли ряд шагов для освобождения своего правителя.

Вэнь-ван в темнице

Облачившись в дорожную одежду, они приготовили подарки и отправились в «Окошки», надеясь повидаться с Вэнь-ваном. Один Бог знает, сколько льстивых слов было ими произнесено, сколько подношений сделано, но, в конце концов, они получили разрешение и встретились с князем Вэнь.

Увидеть-то они его увидели, — в мрачной камере, но рядом присутствовал стражник, ни на минуту не спускавший с них глаз. Казалось невозможным поговорить откровенно, поэтому они не знали, что и сказать, кроме обычных вежливых фраз о здоровье, положенных по этикету. Смекалистый Вэнь-ван сразу понял, в чем затруднение у его друзей и стал незаметно делать знаки, жестикулировать. Сначала он подмигнул правым глазом, и друзья догадались, что Чжоу Синь чрезвычайно равнодушен к женщинам, следовательно, надо подыскать красавиц в дар властелину. Затем он постучал себя по животу, давая понять, что Чжоу Синь очень жаден, мол, надо собрать побольше жемчуга, драгоценных камней и преподнести ему.

После этого Вэнь-ван, перебирая ногами, быстро постучал тихонько ими по полу, чтобы намекнуть, что делать все это надо очень быстро. Стоит произойти задержке и, кто знает, будет ли он к тому времени еще в живых... Друзья все поняли, быстро распрощались и поторопились вернуться, чтобы заняться приготовлениями.

Каждый из четырех чиновников бросился на телеге с лошадьми по всем уголкам Китая в поисках подходящей красавицы и невиданных сокровищ. Вскоре им удалось привезти из государства Шэнь двух неописуемо прелестных девушек, из государства Цюань-жун — пятнистого коня. Причем, пятна на нем были пяти цветов, грива и хвост — огненные, глаза — золотистые, шея переливалась, как петушиный хвост. Говорили, что тот, кто оседлает коня, будет жить до тысячи лет.

В стране Линь-ши приобрели редкостного дикого зверя, внешне напоминающего тигра, но тело его, как и у коня, тоже украшали разноцветные пятна. Хвост — в четыре раза длиннее туловища. Зверь этот назывался *цзоу-у*, и верхом на нем можно было в день пролететь тысячу *ли* (пятьсот километров).

Кроме этих даров друзьям удалось привезти из разных мест несметное количество прекрасной яшмы, перламутра, жемчуга, драгоценного меха и других сокровищ. Все это они собрали вместе, выставили в зале и преподнесли Чжоу Синю.

Правитель и без того давно потерял интерес к пленнику, гнев его давно угас. А при виде таких даров и, особенно, таких прелестниц, он просиял и, хихикая, обратился к друзьям: «Я с самого начала не имел ничего против Западного правителя, не собирался причинять ему какие-либо неудобства. Это все — вина того длинноносого негодяя с маленькими ушками. Это он нашептал мне клевету, это по его вине уважаемый Вэнь-ван получил незаслуженную обиду».

Чжоу Синь стал восторгаться подарками, утверждая, что ему достаточно и одних красавиц. А уж если к ним прилагаются еще и драгоценности, и резвые скакуны, то он готов немедленно выпустить Вэнь-вана на волю. И тут произошло то, что в исторических записях называется «Катастрофой Ёу-ли»: Чжоу Синь на радостях не только приказал выпустить Вэнь-вана, но и одарить его луками и стрелами, топорами и секирами, а также наделил его полномочиями идти войной на непокорных князей.

Друзья поехали в «Окошки», помогли князю выбраться из темницы, посадили на коня и тут же покинули злое место, рассказав по дороге о словах Чжоу Синя и объяснив, что тот самый «длинноносый негодяй» — Хоу Ху из государства Чхун.

Повезло Вэнь-вану, — он был отпущен на свободу за огромные взятки, однако поступок *ди* Синя по отношению к отцу и сыну царства Чжоу посеял глубочайшую ненависть и непримиримую вражду в сердце Вэнь-вана и его друзей.

Возвращение и смерть

Оказавшись после заточения в столице своего княжества Чжоу, князь Вэнь собрал обученное войско, составил план, накопил побольше мяса, другой провизии и начал наступление на маленькие государства, прилегавшие к границам Шан.

Он заставил подчиниться себе, прекратив распри, два царства — Юй и Жуй, которые в течение долгого времени воевали между собой. Они формально подчинялись Чжоу Синю, будучи вассальными княжествами династии Шан. Однако, восхищаясь высоким авторитетом Вэнь-вана, просили именно его разрешить споры между ними.

На второй год после присоединения к своей территории земель Юй и Жуй Вэнь-ван начал захватнические войны на северо-западе и юго-западе, чтобы создать прочный тыл к тому времени, когда наступит срок для завоевания Шан. Он выступил в поход на племена *цюань-жун* («собачьи воины»), что жили на западных окраинах, разгромил западных жун и все племена *и*, покорил несколько мелких царств.

(Жуны обитали вдоль северо-западных границ древнекитайской империи Чжоу, и китайцы описывали их, как высоких светлоглазых блондинов с густыми рыжими бородами. К слову, царство Цинь, в III в до н. э. объединившее под своей властью весь Китай и давшее начало первой китайской империи, считалось изначально наполовину жунским.)

На третий год Вэн-ван и Цзян Цзы-я пошли войной на царство Ми-суй, победив его, а также решили давние военные проблемы на севере и западе от своих территорий. В результате успешных войн границы государства были продвинуты на север на несколько сот *ли*.

На четвертый год Си-бо Вэнь-ван покорил народность *ли*, на пятый пошел войной на княжество Хань. Победа над княжествами Ли (ныне — провинция Шаньси) и Хань (Хэнань), фактически, явилась прямой угрозой Чжао-гэ, столице Шан.

Вслед за этим Вэнь-ван и Цзян Цзы-я двинулись на восток, расширяя свои территории, пересекли Янцзы и покорили княжество Ци. Далее они пошли на восток вдоль течения речки Вэй-шуй, захватив Чхун, важный стратегический пункт в среднем ее течении, который принадлежал царству Шан, убив при этом предателя Хоу Ху. Завоеватели очистили все препятствия и заграждения на своем пути на восток, захватив плодородные равнины в районе Гуань-чжун.

На шестой год город Ци-шань, или Ци-ся (ныне — северная часть уезда Ци-шань провинции Шэньси), столица Чжоу, была перенесена восточнее и гораздо южнее, на равнину у реки Вэй-шуй, и была названа Фэн-цин, или Фэн-е, по названию реки Фэн-хэ, притока Вэй-шуй, поскольку расположилась на ее западном берегу. Ныне это восточная часть уезда Э, провинции Шэньси, что недалеко от города Сиань.

В Фэн-е был перенесен и политический центр княжества. В те времена столичный город князя Чжоу, как и других вассальных князей, являлся «царством», крупный город в центре царства считался «столицей», маленькие города являлись «городским поселением», все остальные территории назывались «провинцией» или «захолустьем».

Столица была перенесена, в том числе, и для того, чтобы вдали от Шан было удобнее тренировать войска, готовясь к войне. Кроме того, министры развернули «пропагандистскую кампанию» против Да Ци и ди Синя (Чжоу Синя) с целью оклеветать и опорочить их. Они распространяли слухи о том, что Да Ци — расточительная и развратная красotka, фактически — злой дух в женском облике, ядовитая змея или скорпион в девичьем теле, а ди Синь, якобы, — непомерно честолюбивый, жестокий тиран, которому безразлична судьба народа.

Растущая мощь царства Чжоу превратилась в реальную угрозу государству Шан. После переноса столицы Вэнь-ван расширил свои территории на юг, вплоть до бассейна рек Янцзы, Хань-цзян и Жу-шуй, взяв под контроль две трети всей территории Поднебесной. Шан при этом оказалось в крайней изоляции. На этом Вэнь-ван завершил окружение царства Шан, захватив его в тиски со всех сторон, готовя довольно агрессивное военное наступление армии Чжоу на династию Шан.

Вэнь-ван показав всем истинное лицо правителя Шан, втайне готовился к свержению злодея. Он постепенно проводил деструктивную работу среди вассальных князей, подчинявшихся Чжоу Синю, решал земельные споры между княжествами, и в результате правители всех земель, всех маленьких государств на востоке от Янцзы присоединились к его княжеству, признав его власть.

Полагают, что целью Вэнь-вана было вовсе не свержение династии. Он лишь хотел убрать с трона «дикого» правителя Чжоу Синя. Он все знал о его безумных выходках, о бешеных приступах злобы; знал, что все честные чиновники, которые осмеливались когда-либо перечить тирану, давно

казнены; понимал, что даже если он сам отправится вразумлять негодяя, это окажется бесполезной тратой сил. И он принял другую тактику — молчания.

Цзян Цзы-я, занимая должность наставника князя, оставался его правой рукой до конца, продумывая каждый политический шаг, давая мудрые советы по любому серьезному поводу. Кстати, впоследствии он занимал эту же должность еще при нескольких правителях: *У-ване*, *Чхэн-ване* и *Кхан-ване* династии Чжоу.

Появилась у Цзяна и новая супруга по имени Шэнь Цзян, которая со временем родила герою 13 сыновей. Их имена остались в истории: Дин, Жэнь, Нень, Цзи, Фан, Шао, Ло, Мин, Цин, И, Шан, Ци и Цзо. Были и дочери, но о них ничего не известно, кроме одной, потому что дочери в Китае никогда не ценились.

Лишь одна его дочь по имени И Цзян упоминается в документах, потому что после смерти Вэнь-вана отец отдал ее правителю *У-вану* в качестве второй жены. Случайно это или нет, но в именах обеих женщин, супруги и дочери, встречается иероглиф *цзян*, «имбирь», как и в фамилии самого Цзян Цзы-я.

Государственный аппарат в царстве Чжоу складывался из приближенных личных слуг *вана*, а иногда и доверенных рабов. Высший сановник (*сян*) возглавлял государственный аппарат. Он был главой административного аппарата и ближайшим помощником *вана* по управлению страной. Высшие чиновники (*да-фу*) делились на три разряда: старшие, средние, младшие.

Главными советниками царя являлись «три *гуна*»: «великий наставник», «великий учитель» и «великий покровитель» (из их числа назначался *сян*). Кроме того, значительную роль в государстве играли три управителя: один ведал культом, другой возглавлял ведомство общественных работ (в его ведении находились земельный фонд и ирригационная система), третий («великий начальник лошадей») управлял военным ведомством.

Важную роль в Западном Чжоу играли жрецы и гадатели. Существовали должности верховного жреца и «великого гадателя». Армия не была постоянной. Она состояла из двух частей: небольших кадровых отрядов и ополчения, которое собирали во время войны.

Так что дедушка Цзян, будучи «великим наставником», отдавал все силы и разум во имя благоденствия своей новой родины. Он упорядочил этикет и музыку, свадебные и похоронные обряды, совершенствовался в своем литературном мастерстве, тренировался в военном деле, славился своими добродетелями и пользовался большим уважением.

Согласно преданиям, предок Цзян Цзы-я помогал великому Юю умирять наводнение. Напомним, что в период правления пяти мифических императоров последними были Яо и его зять Шунь. В то время народ очень страдал от частых наводнений. Происходило это в районе нынешней провинции Хэбэй, и бедствия причиняла все та же Хуанхэ, которая в очередной раз разлилась в бассейне так, что под водой оказались огромные пространства.

И Юй придумал способ: он отводил воду с помощью каналов таким образом, чтобы она устремилась к морю. В течение тринадцати лет он умирнял воду, и когда это ему, в конце концов, удалось, народ зажил счастливо, а император Шунь сделал его, а не собственного сына, своим приемником, в результате Юй основал новую династию Ся.

Да, предки у него были знатными и богатыми, имевшими заслуги перед родиной. Но когда родился Цзян Цзы-я, дела бывшей знати пришли в упадок, и он, повзрослев, вел жизнь «нищего интеллигента». То есть знаний и умений было немало, да достатка это не приносило.

Рассказывают, что после того, как Вэнь-ван привез Цзян Цзы-я к себе в столицу, он решил испытать его необыкновенные способности и назначил начальником заставы Гуань-тхань. Прошел год, и в этом месте наступили такие тишина, покой и благоденствие, что даже ветер не завывал, даже веточки на деревьях не колыхались.

Однажды ночью Вэнь-ван увидел во сне плачущую девушку. Она была очень красива и князь, тронутый ее горем, поинтересовался, в чем причина. Девушка ответила: «Я дочь духа горы Тхай-шань, а замуж вышла за духа Восточного моря, поэтому меня повсюду сопровождают ветер и вода. Сейчас я направляюсь домой, хочу навестить родителей, но начальник заставы Гуань-тхань не позволяет мне пройти, отправляет меня прочь, назад.

Он знает, что стоит мне ступить на вверенную ему территорию, как начнется буря и град, а это может повредить его репутации. Что мне делать?!»

Вэнь-ван пробудился и призвал к себе Цзян Цзы-я, расспрашивая о девушке. Пока старичок молчал в затруднении, не зная, как лучше объяснить свой поступок, с заставы Гуань-тхань прискакал гонец и доложил, что вокруг этой крепости разыгралась страшная буря с градом. Но все — по ту сторону, в самой же крепости и по эту сторону все по-прежнему спокойно.

Узнав об этом, Вэнь-ван значительно повысил старичка в должности. На этот раз он назначил его исполняющим обязанности генерала конной армии.

Цзян Цзы-я считал, что для того, чтобы правильно управлять государством, надо, во-первых, самому правителю быть добродетельным, во-вторых, привлекать в правительство талантливых людей. Именно так и поступал Вэнь-ван.

Совершив столько подвигов и подойдя вплотную к главному делу своей жизни, Вэнь-ван, к несчастью, скончался, и произошло это в 1056 г. до н. э. (в отечественных источниках встречается и другая дата, — 1135 г.). В течение 43 лет он создавал свое княжество Чжоу и в течение 50 лет царствовал в нем. Похоронили его в Би, на берегу Вэй-шуй, где он когда-то повстречал своего сподвижника Цзян Цзы-я.

Впоследствии в «Шу-цзин» («Книга истории») было записано: «Наши чжоуские государи (Вэнь-ван и У-ван) хорошо обращались с народом, были способны поддерживать бремя добродетельного правления и заправлять жертвоприношениями духам и Небу. Небо наставило наших князей, увеличило их превосходство и тогда избрало их, чтобы они заместили династию Инь и сделались правителями наших многочисленных земель».

В последующие века Вэнь-вана почитали как одного из величайших мудрецов древности, много сделавшего для процветания своего государства. Косвенным образом такую высокую оценку подтверждают и данные археологии. Они свидетельствуют о том, что как раз в правление Вэнь-вана чжоусцы сделали огромный шаг вперед в своем экономическом и культурном развитии.

В «Больших одах» (третий из четырех разделов «Книги песен», древнейшего памятника китайской литературы) есть посвященные ему стихи, а Конфуций называл его «героем трех первых династий Китая» (Ся, Шан и Чжоу) и с восхищением добавлял: «Я горжусь Чжоу!» Философ Мэн-цзы сказал о Вэнь-ване, что такие совершенномудрые правители рождаются раз в 500 лет, и все эти слова нельзя назвать преувеличением.

Когда Вэнь-ван слег от тяжелой болезни, он перед смертью поручил своего сына Учителю Цзян Цзы-я, чтобы тот по-прежнему оставался наставником У-вана по фамилии Цзи.

Подготовка к нападению

С тех пор как Цзян *тхай-гун* стал помогать Вэнь-вану в качестве советника, государство его стало крепнуть и процветать. Сам Цзян Цзы-я возглавил боевую конницу, и в течение короткого времени Вэнь-вану удалось покорить несколько небольших соседних государств.

Когда об этом доложили Чжоу Синю, он не насторожился, не испугался: «Лишь только Небо может решать, быть мне или не быть Сыном Неба. А как может повлиять на мою судьбу какой-то князишко?!» И он продолжал, как ни в чем не бывало, предаваться развлечениям и веселью.

Княжеский титул Вэнь-вана наследовал его второй сын Цзи Фа. «У-ван» — имя, под которым он правил. И если имя его отца «Вэнь» переводится «образованный», «просвещенный», то имя «У» означает «воин».

Этого мальчика, Цзи Фа, будущего князя У-вана, воспитал сам Цзян Цзы-я, за что получил еще один титул — *шан-фу* — наставник наследника («батьюшка *шан*»). Когда Цзи Фа вырос и заменил отца на престоле, Цзян по-прежнему, как и при Вэнь-ване, исполнял должность главного советника.

У-ван государства Чжоу, подобно его отцу, почитается в Китае, как один из известных мудрецов. Рассказывают, что он был похож на отца внешне и имел такие же немного близорукие глаза. Одна особенность отличала его от других — двойной «ряд» зубов, то есть позади обычных зубов — еще один. Такие люди рождаются крайне редко, и в народе считали, что они непременно обладают сильным характером и железной волей.

Как и отец, У-ван относился к Цзян Цзы-я с необыкновенным уважением, величал его «батьюшкой Цзян», прислушивался к его советам даже в быту. Еще будучи наследником, он очень любил есть вяленую рыбу абалон с душком — имел такую слабость. Его Учитель Цзян, узнав об этом, пояснил, что эта рыба — не праведная еда, ее нельзя возлагать на алтарь во время жертвоприношений богам. И, соответственно, негоже ему, царскому сыну, питаться подобной пищей. С тех пор мальчик больше не ел абалонов. Такие забавные подробности донесли до нас летописцы.

Надо сказать, что у Вэнь-вана и его старшей жены Тхай-сы родилось десять сыновей: старшего сына звали Бо И-кхао (伯邑考, которого Чжоу Синь заживо сварил), второго сына звали У-ван Фа (武王发, и он стал наследником престола), третьего сына — Гуань-шу Сень (管叔鲜), четвертого — Чжоу-гун Дань (周公旦), пятого — Цхай-шу Ду, или Цхай-шу Чжэнь (蔡叔振), шестого — Цхао-шу Чжэнь-до (曹叔振铎), седьмого — Чхэн-шу У (成叔武), восьмого — Хо-шу Чу (霍叔处), девятого — Кхан-шу Фэн (康叔封), десятого — Жань цзи Цзай (冉季载).

Жань цзи Цзай среди них родился последним. Лишь второй из братьев, Цзи Фа, и четвертый, Цзи Дань, оказались мудрыми, они во всем помогали

Вэнь-вану, поэтому отец сделал своим наследником Фа, тем более что старший сын к тому времени погиб. Цзи Дань уродился высоконравственным и невероятно талантливым во многих областях человеком, прекрасным политическим и военным стратегом. Он умело сеял вражду между министрами и другими подчиненными *ди* Синя, а в своем государстве поднимал боевой дух в армии и вдохновлял свой народ на победу.

Цзи Фа, провозгласив себя *ваном*, подражал титулу Чжоу-вана, правителя Шан, который ранее лишь один имел этот титул («великий князь»). Таким способом братья хотели принизить и запугать Чжоу Синя. Объединив всех вассальных князей, присоединившихся к *У-вану* (Цзи Фа), его брат Цзи Дань занялся воспитанием строгой дисциплины и выработкой боевого порядка в объединенной армии.

Как и отец, *У-ван* во всем советовался с Цзян Цзы-я и прислушивался к его рекомендациям. Однажды *У-ван* обратился с вопросом: «Как лучше воспитывать свой народ? Правильно ли будет, если людей сильно устрашать, однако легко наказывать; если их редко поощрять, однако много увещевать и наставлять, побуждая к добрым делам? Можно ли воспитать людей, если относиться к ним по-доброму?»

Цзян Цзы-я ответил: «Если казнить одного человека, то сможешь устрашить тысячу человек, если казнить двух, то десять тысяч человек станут бояться, если умертвить трех, то воины трех армий будут дрожать от страха, опасаясь быть казненными.

Если поощрить одного человека, то тысяча человек возрадуется, если наградить двух, то десять тысяч человек станут счастливыми. А если поощрить трех, то воины трех армий возликуют, почувствовав себя награжденными.

Прикажи одному человеку, и тысяча последует приказу; запрети двум, и десять тысяч человек станут вести себя благопристойно; обратись с наставлениями к трем людям, и воины трех армий прислушаются, как будто это их наставляли.

Лишив жизни одного, караешь десять тысяч человек; наградив одного, вдохновляешь и поощряешь целую толпу; просвещенность и талант государя заключается именно в том, чтобы мудро карать и миловать».

Выслушав такой совет, *У-ван* в течение всего правления следовал этим словам. Всегда старался быть осмотрительным, поощряя, и стремился к строгому соблюдению законов, в результате чего династия Чжоу прославилась спокойной политической ситуацией, которая становилась все более стабильной.

Вскоре после вступления на престол У-ван держал совет с Цзян Цзы-я о намерении разгромить государство Чжоу Синя, и Учитель одобрил его. В то время армия их государства была огромной и мощной. У-ван громкогласно объявил о «десяти великих преступлениях» ди Синя и стал называть его **Чжоу-ваном**, подчеркивая его склонность к злодеяниям (напомним значение иероглифа Чжоу, — «злодей, утративший добропорядочность»).

«Шанский император Чжоу — приводятся слова У-вана в «Книге истории» — не почитает верховного Неба, приводит в бедственное состояние народ, предается пьянству и разгулу, совершает неслыханные жестокости... Разгневанное царственное Небо уполномочило Вэнь-вана, моего усопшего родителя, на получение верховной власти; но мой отец умер и не мог исполнить волю Неба. Вот почему я, ничтожный Фа (имя У-вана), и вы, наследственные правители дружественных владений, оспариваем правление государя династии Шан... Небо повелевает наказать его, и если я не буду следовать велениям Неба, то велика будет вина моя».

Немаловажную роль в подготовке к нападению сыграл некий Цзяо Гэ⁹. Этот герой, которого впоследствии в народе обожествовали, при жизни трудился настолько прилежно, что Вэнь-ван, столкнувшись с ним, порекомендовал порядочного человека на высокую должность правителю Шан. Почему он не пригласил его в свое царство? Видимо, прозорливый Вэнь-ван превратил Цзяо Гэ в шпиона-соглядатая, чтобы тот готовил народ Шан к восстанию против правителя и чтобы получать от него необходимые сведения.

Позже уже шанский Чжоу Синь отправил Цзяо Гэ в княжество Чжоу с дипломатическим корпусом, возглавляемым его старшим братом Вэй-цзы. Членами этого корпуса, помимо Цзяо Гэ, были назначены и братья Бо И и Шу Ци, о которых речь будет ниже.

После кончины Вэнь-вана его сын У-ван и его брат Чжоу-гун, пытаясь перетянуть членов дипломатического корпуса на свою сторону, дали им задание всячески вредить царству Шан и помогать Чжоу, пообещав Вэй-цзы в случае победы над Шан-Инь должность Правителя князей, а Цзяо Гэ было обещано повысить его знатность до третьего класса, т. е. дать чиновничью должность первого разряда.

Вэй-цзы и Цзяо Гэ согласились, а принципиальные братья Бо И и Шу Ци отказались от предложенных выгодных должностей.

Мощь государства Чжоу крепла по мере того, как крепла его опора в виде сторонников и помощников. Тем не менее, прежде чем выступить против

Шан-Инь, У-ван по совету Цзян Цзы-я решил испытать, пойдут ли за ним вассальные князья в карательный поход, чтобы свергнуть Чжоу-вана. Произошло это на девятом году правления У-вана, приблизительно в 1059 г. до н. э.

Грандиозная армия Чжоу во главе с верховным главнокомандующим Цзян Цзы-я, подняв боевые знамена, стройными рядами прибыла к Мэн-цзиню (孟津). «Цзинь» означает «переправа», а «мэн» — название переправы со значением «старший брат». В древности так называлась переправа через Хуанхэ, что в нынешней провинции Хэнань.

Утверждают, что ранее слово «мэн» записывалось другим иероглифом с таким же звучанием (盟津). При этом иероглиф «мэн» (盟) имеет значение «союз», «лига», потому что именно в этом месте, у переправы, правитель У-ван собрал своих союзников из числа вассальных князей для испытания. И лишь позже это знаменитое историческое место по чьей-то ошибке стали записывать иероглифом «старший брат».

У данной переправы была дана знаменитая «мэн-цзиньская клятва Небу» и был зачитан манифест об объявлении войны Чжоу-вану династии Шан-Инь. Князей на переправе собралось 800 человек, и все они дали клятву Небу.

В то время удельные княжества были небольшими, и всего на территории Шан-Инь их насчитывалось более 1800. К слову сказать, в дальнейшем постепенно территории этих княжеств расширялись, а количество их сокращалось. В результате образовалась система гегемонов, т. е. наиболее сильных князей, которые помогали Сыну Неба (главному правителю-вану дома Чжоу) и защищали его, и в то же время они чувствовали себя уже настолько сильными, что нередко манипулировали его решениями.

В более позднем историческом периоде, называемом Весны и Осени (правление дома Чжоу), упоминаются так называемые «пять гегемонов», а в период Воюющих царств (тоже династия Чжоу) — «семеро сильнейших» (царств). Они образовались из упоминавшихся 1800 путем покорения слабых соседей.

Встреча князей на переправе продемонстрировала высокий авторитет У-вана, и все признали, что династию Шан-Инь во главе с Чжоу Синем вполне можно свергнуть.

Однако У-ван и Цзян Цзы-я полагали, что подходящий момент для нападения еще не настал. Хотя правление династии увязло в непреодолимых трудностях внутреннего и внешнего порядка, и государство находилось на грани гибели, однако еще не была достигнута та ситуация, о которой говорят

«обваливается, как сухая земля, и рассыпается, как истлевшая черепаца», — если сейчас поднять армию и пойти войной на Чжоу Синя, с его стороны наверняка будет оказано упорное сопротивление.

Для этого и нужен был дому Чжоу такой умный стратег, как Цзян Цзы-я. Убедившись в том, что удельные князья поддерживали *У-вана*, Учитель развернул армию и двинулся в обратный путь. Эти действия главнокомандующего фактически явились генеральной репетицией нападения на Шан и произвели сильное впечатление на князей, так что в дальнейшем они с еще большим доверием подчинялись приказам Чжоуского *У-вана*.

На одиннадцатом году правления *У-вана* в самой сердцевине правящих кругов дома Шан-Инь начали происходить распри, «грызня» и междоусобицы. Ученый и философ Цзи Цзы был арестован и заключен в тюрьму, а затем превращен в раба. Приемный сын, испугавшись грозящих бед, сбежал из княжества. Тхай-ши (наставник императора) слег от потрясения. Шао-ши (младший наставник наследника престола) сдался в плен Чжоускому *У-вану*.

У-ван задал вопрос Цзян Цзы-я: «Высшие сановники династии Шан либо погибают, либо убегают от своего правителя. Не настал ли час для нападения на Шан?» Цзян Цзы-я ответил: «Если Небо дает тебе что-либо, ты должен брать; не взять — большой проступок. Если момент настал, а ты не предпринимаешь действия, будешь страшно наказан!»

Но, прежде чем идти войной, в соответствии с обычаем, требовалось обратиться к гадалкам. Результаты гадания всех обескуражили: предвещали большую беду. Придворные советники, увидев это, заколебались, стали наперебой советовать *У-вану* временно воздержаться от выступления.

И в этот тревожный момент Цзян Цзы-я неожиданно встал со своего места, вышел вперед и резким движением сбросил на пол и черепаший панцири, и стебли специальной травы; в гневе он начал топтать все гадательные принадлежности, выкрикивая: «О какой беде могут говорить эти высушенные панцири и мертвая трава! Немедленно выдвигайте войска! Стоит промедлить, и этот варвар Чжоу Синь предупредит нас!»

У-ван, которому в сердце закрались тревога и неуверенность, увидев решительный настрой Учителя, тоже приободрился. Он отдал приказ трем военным чиновникам готовиться к немедленному выступлению. Советникам пришлось подчиниться. *У-ван* широко оповестил вассальных князей и обратился к ним со словами: «Чжоу Синь совершил немало преступлений, и мы не можем не пойти на него войной!»

Вэнь-ван в то время был уже мертв, но еще не был похоронен, — по совету прорицателей ждали подходящего для этой церемонии дня, согласно науке *фэн-шуй*. Так что многие в стране еще и не знали о кончине прежнего князя. Такое не раз случалось в истории Китая, бывало, годами не могли подобрать подходящее место или благоприятное время для захоронения, и чем позже простые жители узнавали о кончине, тем стабильнее оставалась обстановка в государстве.

Воспользовавшись этой ситуацией, сын велел одному человеку надеть доспехи Вэнь-вана, чтобы еще больше вдохновить и воодушевить свое войско, ведь любовь и уважение подданных к старому князю были известны. Этот человек оседлал боевого коня Вэнь-вана, взял в руки его оружие.

В других же древних книгах говорится, что не постороннего нарядили в князя, а просто из дерева выстругали копию уважаемого всеми человека, которую нельзя было отличить от живого, ведь китайцы — известные умельцы, и усадили эту деревянную куклу в доспехах князя в боевую колесницу.

Как бы то ни было, этот маскарад очень помог. Где бы ни появлялась армия У-вана, ее горячо приветствовал народ — и своего государства, и маленьких подчиненных. По всему пути следования армии люди поставляли провизию, кололи свиней и баранов, привозили свежую воду, приносили солдатам одежду.

Больше того, правители земель, через которые проходило войско, сами присоединялись со своими отрядами к армии У-вана. В древней книге говорится: «Армию У-вана встречали хлебосольно, с распростертыми объятиями».

Произошло лишь одно недоразумение — сыновья правителя Гу Чжу, Бо И и Шу Ци, пытаясь помешать У-вану, бросились к его лошади, схватились за поводья. Но справиться с ними было делом пустяковым — оба были старыми, слабыми¹⁰.

Братья слыли праведниками, которые придавали такое большое значение законам и справедливости, что сами отказались от трона, поскольку каждый хотел поступить в соответствии со своей совестью.

Они выразили свое неодобрение У-вану, попытались отговорить правителя, убеждали, что тот совершает сразу два преступления. Во-первых, проявляет себя как непочтительный сын. Ведь тело отца еще не предано земле, а он вооружил армию и занимается совсем не тем, чем положено в этой ситуации.

Во-вторых, он не гуманен, бесчеловечен: как можно поднять руку против Сына Неба Чжоу Синя, как можно уничтожить законного правителя, каким бы он ни был в своих проявлениях?

Защищая одного, братья оскорбили другого правителя. Ближайшие его охранники, справа и слева, услышав это, в гневе бросились к братьям, на ходу готовя оружие, чтобы отрубить головы этим «книжным червям», которые за правилами и сводами не видят реальной жизни.

Но их остановил Цзян Цзы-я, проговорив: «Отпустите их с миром. Эти двое уверены, что служат великой идее, что принципиально защищают правду». Затем он велел нескольким охранникам взять братьев под руки и, осторожно поддерживая, отвести их подальше.

Итак, их оттеснили, а У-ван последовал дальше. Он был смуглолиц, с небольшой бородкой. В левой руке он держал желтый топор, а в правой — белый хвост яка. Впереди шли колонны латников, далее — солдаты с парадными знаменами, похожими на разноцветные облака. За ними — снова латники, а за латниками — много военных и гражданских чинов ехали верхом, окружив тесным кольцом своего царя.

О Чжоу Сине говорили, что он, поддавшись наущениям женщины, порвал с Небом, внес хаос в летоисчисление, отдалил от себя родичей. Следуя советам женщины, пренебрег музыкою предков, заглушив и осквернив истинные песнопения непристойными песенками.

Поэтому царь Фа («мирское» имя У-вана) взял на себя осуществление Небесной кары. А Бо И и Шу Ци, убедившись, что их советы и уговоры не помогли, бежали в горы Шоу-ян, где и стали жить, подобно отшельникам. Поблизости были селения крестьян, так что старики не голодали.

Как У-ван победил Чжоу Синя

Во время похода в качестве полководца выступил Цзян Цзы-я, он возглавил 300 военных повозок, три тысячи отчаянных храбрецов-офицеров и 45 тысяч латников. К ним присоединились восемьсот удельных князей со своими войсками под лозунгом «Покарать злодея и освободить народ от тирании!» Войска вышли в поход на столицу династии Шан-Инь.

В те времена было принято обращаться к специалистам-прорицателям по любому важному поводу, поэтому гадали даже в пути. Гадание показало неблагоприятные результаты похода. Армия подошла к реке Сы-шуй, что протекает в горах Бычья голова, впадающей в Хуанхэ. Небо как будто про rvalось, — полились потоки дождя с громом и молниями. Древко знамени было сломано, барабаны разбились. Князей и высоких чиновников обуял

ужас, и они засомневались, стоит ли двигаться дальше. Кое-кто даже стал умолять вернуть армию в Чжоу.

И только Цзян Цзы-я настаивал на продолжении: «Сегодня Чжоу Синь взрезал грудь Би Ганя, посадил в темницу Цзи Цзы, и неизвестно, что он может сотворить завтра. Что мешает нам продолжить поход? Гадание?»

Безусловно, приступая к важному делу, необходимо выбрать счастливый день. Но бывает и так, что удачный день не подобрал, а дело заканчивается успехом; ты не гадаешь на панцире черепахи или тысячелистнике, а событие имеет счастливый конец. Как могут сухая трава и истлевшие кости знать о том, как завершится событие?»

С этими словами Цзян Цзы-я, подобрав полы халата, ступил в воды реки, намереваясь перейти ее вброд и вдохновить своим примером остальных. За ним последовал *У-ван*, взбодренный словами Учителя, за ними же двинулась и вся армия.

Важно отметить, когда именно *У-ван* и Цзян Цзы-я выступили в поход. Придворные советники потребовали дождаться, согласно совету оракула, периода *цзя-цзы*, потому что Чжоу Синь относился к «пернатым», если говорить о символике пространственно-временных зон пятичленной космологической модели у син (Пять Стихий).

В древности говорили: «тот, на чьей стороне справедливость, пользуется широкой поддержкой, а тот, кто совершает несправедливость, лишается ее». *У-вану* было суждено победить Чжоу Синя, и это соответствовало тому, о чем давно мечтали люди, и бедные, и богатые. Больше того, этому событию способствовало само Небо. Потому и поддерживали *У-вана* и огромные массы простых людей, и все *чжу-хоу*, все вельможи из сопредельных княжеств.

И как же не поверить, что все небесные святые помогали *У-вану*, когда он, возглавив огромную армию, двинулся на восток, и почти тут же захватил город Ло-и (ныне город Ло-ян в провинции Хэнань). Он был совершенно непобедим; великая армия должна была уже подойти к берегу Хуанхэ, у знаменитой переправы Мэн-цзинь, но погода неожиданно резко изменилась. Крупными хлопьями, величиной с гусиное перо, повалил снег. Он шел десять с лишним дней подряд. Широкая равнина покрылась толстым серебристо-белым слоем.

А в это время Вэй-цзы (старший брат Чжоу Синя), узнав о предстоящем выступлении, велел Цзяо Гэ (соглядатаю Вэнь-вана) немедленно отправиться в Чжоу в качестве связного, чтобы добыть, так сказать, разведданные. Однако встретились *У-ван* и Цзяо Гэ гораздо раньше, — в местности Вэй-шуй.

— Куда направляешься, правитель Запада?

— Иду на Инь, — ответил У-ван.

— Когда дойдешь? — поинтересовался Цзяо Гэ.

— Дойду в день, что под знаками цзя-цзы.

Цзяо Гэ развернулся и отправился в Шан, чтобы донести весть: 15-го числа второго месяца У-ван должен прибыть в шанскую столицу Чжао-гэ.

И тут удача, казалось, изменила У-вану, в его военном походе на восток препятствовало все: и отвратительная погода, и очень опасные для продвижения дороги. Помощники уговаривали правителя дать возможность войскам отдохнуть, однако У-ван не соглашался и продолжал вести свои войска в том же быстром темпе, как и при хорошей погоде.

Помощники полководца стали возражать, мол, не стоит так мучить войско, но У-ван ответил: «Цзяо Гэ уже отправился в резиденцию правителя, и если я с войсками задержусь, Чжоу Синь наверняка казнит его за неверное донесение! Мы непременно должны прибыть вовремя, чтобы спасти его». Именно за верность слову У-вана ценили не только соратники, но и враги.

Когда армия У-вана совсем обессилела и не могла продвигаться вперед, войска все же были вынуждены ненадолго расквартироваться в округе города Ло-и.

Однажды ранним утром появились неизвестно, откуда взявшиеся пять крупных повозок, запряженных лошадьми; в каждой сидело по чиновнику в специальном наряде, говорившем об их высокой должности. Позади следовало по два всадника на высоких лошадях.

Они остановились у ворот дворца и потребовали встречи с У-ваном. Тот же, посчитав, что это вновь приехали посланники мелких княжеств, владельцы которых желают присоединить свои войска к его армии, не посчитал нужным выйти к ним навстречу.

Но Цзян Цзы-я, взглянув на них в приотворенную дверь, сказал: «На улице лежит снег толщиной более чжана, а на дороге даже не видно следов от копыт и повозок. Да и как они смогли в такую рань, едва рассвело, оказаться у ворот? Боюсь, это не простые люди. Вам следует повидаться с ними».

У-ван почувствовал, что в словах тай-гуна есть резон и решил все же выйти к ним навстречу. Но оказался в замешательстве: нельзя нарушить церемонии, а он не знал, кто из семи прибывших — главный, кому из них оказывать почести?

Цзян Цзы-я и тут нашелся, придумал уловку. Он отправил к гостям посланца с миской обжигающе горячей жидкой каши, который сказал: «У великого князя срочные дела, он не может немедленно встретить вас, поэтому велел сначала угостить вас с дороги. Поешьте, согрейтесь, ведь на улице такой мороз! Только не знаю, кому первому поднести, боюсь нарушить этикет, проявить неуважение».

Двое, спешившись с лошадей, пояснили: «Прежде — вот этому князю Южных Морей, затем — князю Восточного Моря, князю Западного Моря, Северного моря, после этого — Владыке Рек, и только потом — нам, Владыкам Ветра и Дождя».

Посланец по очереди угостил всех, вернулся и доложил обо всем *тхай-гуну*. Последний обратился к *У-вану*: «Теперь можете выходить навстречу. Оказывается, эти два всадника и пять вельмож на повозках — повелители стихий. Зовут их Чжу Жун, Гоу Ман, Сюань Мин, Жу Шоу, Фэн И, Пхин И и И. Обращайтесь к ним, пожалуйста, по имени в нужной очередности.

Правитель приготовился приветствовать гостей в зале, сидя на положенном месте. Один из чиновников у дверей поочередно выкрикивал имена, приглашая гостей войти.

Прибывшие же были немало удивлены тем, что князь, еще ни разу не видевший их, уже знал их имена и занимаемое положение. Они поспешно совершили поклоны, упав ниц, а *У-ван*, ответив, как положено, на их приветствие, обратился:

— Почтеннейшие, вы проделали такой долгий путь! Какой совет вы хотите дать мне?

Главный из семерых ответил:

— Верховное Божество считает, что государство Чжоу должно уничтожить Инь. Повелители ветра и дождя будут помогать вам.

У-ван и Цзян Цзы-я, конечно, обрадовались, приказали поселить всех святых во дворце и выполнять все их прихоти.

Прошло несколько дней, небо прояснилось, и *У-ван*, возглавив армию, ночью подошел к переправе Мэн-цзинь и пересек реку Хуанхэ. В это время донеслась весть о том, что армия мелких князей, которые решили участвовать в сражении на его стороне, насчитывает уже более восьмисот воинов.

В ночь переправы ветер утих, поверхность воды была спокойной, как зеркало. Выглянула небывало яркая луна, и стало светло, как днем. Сидя на лодках, солдаты *У-вана* и присоединившиеся отряды князей пели, вторя ритму весел. Сердце каждого было наполнено верой в победу.

Когда они достигли середины реки, то увидели вдруг, как множество крупных пчел, подобно красным птичкам, подлетев, сели на лодку *У-вана*. Ему так понравились пчелы, что он повелел нарисовать их на своих знаменах.

Впоследствии, когда сражение уже закончилось победой, судно, на котором плыл *У-ван*, назвали «Пчелиным кораблем» в память о той ночи.

Итак, огромная армия с помощью высших сил переправилась через Хуанхэ в районе Мэн-цзинь и двинулась на столицу Иньского государства Чжао-гэ («Утренняя песня»), не получив серьезного отпора.

Вскоре *У-ван* с войсками достиг знаменитого Пастушьего Поля — Му-е. Здесь должны были встретиться обе армии, и их полководцы знали, что именно на этом диком поле решится судьба: кто — кого. Встреча произошла вовремя, — *У-ван* не подвел Цзяо Гэ.

На второй день после того, как *У-ван* разбил лагерь и обосновался на Пастушьем Поле, едва рассвело, он собрал всех малых князей, пришедших к нему на подмогу с 800 воинами, и провел торжественную церемонию принесения клятвы.

Все собравшиеся, в течение долгого времени терпевшие гнет и неслыханные издевательства со стороны Чжоу Синя, верили, что совершают справедливое дело ради спокойной жизни своего народа, и все, как один, готовы были броситься в битву. Воинский дух был чрезвычайно высок.

Особенно воодушевленными казались воины, прибывшие из Ба-шу (ныне — провинция Сычуань), отборные храбрецы, которые во время марша играли на музыкальных инструментах, пели и приплясывали, продвигаясь вперед, на врага. Но воинов Чжоу Синя нигде не было видно.

Рассказывают, что когда ему впервые доложили о том, что *У-ван* идет на него во главе войска, он даже не обратил на это особого внимания. И только когда до него донеслись песни чжоуских воинов, которые дошли до Му-е, Сын Неба дрогнул.

Старший брат *ди* Синя по имени Вэй Цзы (они были братьями от разных матерей) возглавил армию в семьсот тысяч человек, сформированную из жителей племени *Лин*, покоренных на юго-востоке, надеясь дать отпор союзной армии *У-вана*. И хотя армию и в самом деле можно назвать огромной, но насильно вооруженные рабы, давно тая ненависть к тирану, и не помышляли о том, чтобы отдать свою жизнь за него.

У-ван с золотисто-желтым большим топором в левой руке и со знаменем из пушистого хвоста белого яка вел свое войско. Его воины уверенно

двигались вперед, подобно лодке на волнах. Увидев стройные ряды хорошо экипированного противника, воины Чжоу несколько струсили, однако их ожидало непредвиденное: армия из необученных инородцев, собранная за одну ночь, внезапно дрогнула. И солдаты Чжоу одержали быструю победу, не прилагая особых усилий: армия Чжоу Синя почти тут же рассыпалась, как комок сухой земли, как черепица.

Напрасно били в боевые барабаны на склоне холма по приказу правителя: остановить бегство рабов было уже невозможно. Они не просто бежали, но большинство из них обернули свои алебарды против своего же полководца. Каждый мечтал собственными руками расправиться с ним, чтобы освободить сердце от накопившейся ненависти. Чжоу Синю с трудом удалось избежать расправы. Вместе с самыми приближенными он вернулся в столицу, бросившись к Оленьей башне. Именно здесь хранились драгоценные шелка и другие богатства, здесь устраивались пиршества и оргии. При закладке этой башни, согласно древним обычаям, принесли в жертву детские души.

Взобравшись на башню, Чжоу Синь облачился в нарядную, украшенную жемчугами одежду, давно приготовленную, зажег факел и поджег сам себя.

Но перед самоубийством он прибинтовал к телу пять кусков яшмы невиданной красоты. Остальные сокровища — жемчуга, нефрит, он бросил в пламя, и только эти пять кусков оставил при себе, надеясь, что эта яшма защитит его тело.

А в это время У-ван, не видя главного злодея, бросился в погоню; он был буквально начинен ненавистью, жадой мести. Вспомнил, как его отца посадили в темницу, как сварили бульон из его брата, как у Би Ганя, этого праведника, вырвали сердце и печень, вспомнил, как отрубили ноги старику, который не осмеливался ступить в холодную воду, вспомнил сотни и тысячи замученных людей...

Оказавшись в Оленьей башне, У-ван натянул тетиву и выпустил подряд три стрелы в труп злодея, затем сошел с боевой колесницы и собственноручно отрубил ему голову. Он приказал повесить голову на верхушку древка большого белого знамени и выставить на обозрение толпе.

После этого У-ван отправился во дворец в поисках любимой наложницы Чжоу Синя — Да Цзи, но обнаружил лишь ее труп — она повесилась на балке. Да Цзи была дочерью одного из князей, и когда Чжоу пошел войной на него, тот подарил властителю свою дочь. Она сумела с помощью ума и необычайной привлекательности добиться безумной любви со стороны правителя, помогая Чжоу Синю во многих дурных делах. Поэтому закат и гибель династии Шан-Инь связывают с ее именем, которое стало нарицательным.

И все же винить ее одну в гибели династии было бы несправедливо. Рассказывают, что У-ван обошелся с ней так же, как и с самим Чжоу Синем: велел отрубить топором голову и повесить на древко малого белого знамени. Говорят, Да Цзи была так красива, что даже у палача не поднималась рука обезглавить ее, поэтому Цзян Цзы-я даже пришлось закрыть ее лицо маской, прежде чем совершить казнь.

Один калека, пострадавший в битве при Му-е, рассказывал, выпивая в харчевне:

— Шанский царь сгрел в кучу свои сокровища, сам сел посредине, да все и поджег. Сам-то сгорел, а сокровища остались. Когда великий государь У-ван со своей свитой вступил в пределы Шан, жители встретили его за городскими воротами. Государь приказал своим сановникам пожелать населению счастья, и жители так и бросились к нему в ноги. Везде, где он проезжал, на воротах было написано крупно: «Будем верно тебе служить».

— А долго ли длилось сражение? — интересовались слушатели.

— Недолго, но было оно страшным. Мы встретились на Пастушьем Поле, в тридцати *ли* к югу от столицы Чжао-гэ. Резня была такая, что трупы усеяли поле, и кровь лилась рекой. А в реках крови плавали, как соломинки, деревянные боевые палицы. Армию вел сам Цзян Цзы-я! Да-а-а, несметные сокровища были вывезены из Оленьей башни. А на Огромном Мосту захватили отборный рис.

— Что же это за мост такой большой с рисом?

— «Цзюй цяо» — это не мост, а название царских амбаров в шанской столице. Риса и зерна в нем — немерено.

— А что стало со злодеем? — расспрашивали у инвалида.

— Государь на колеснице подлетел к Оленьей башне и отсек головы и ему, и лисице-оборотню Да Цзи. Говорят, у нее вместо ног были лапы, поэтому она бинтовала их и никому не показывала.

— А правда ли, что она была необычайно красива?

— Не знаю, их головы повесили высоко, много народу сбежалось посмотреть. А у меня как раз рана разболелась, не стал протискиваться сквозь толпу.

Большое впечатление смерть Чжоу Синя произвела на братьев Бо И и Шу Ци, которые в свое время пытались остановить поход Вэнь-вана. Когда они узнали об этом, то решили, верные своим принципам, что не имеют права питаться хлебом этого правителя и стали употреблять в пищу то, что можно было найти в лесу, в горах.

Они собирали травы и дикие корни. Вспомнили о целебных грибах, что растут на корнях старых сосен. Да только трудно было их достать без мотыги. Вспомнили и об осоте, о его съедобных корнях.

Туго им пришлось, ведь людьми они выросли непрактичными, неприспособленными. Всю жизнь провели безбедно, на их столе всегда красовались изысканные яства, а о том, какие травы являются съедобными, они знали лишь понаслышке.

Младший попытался, было, растирая в кашу хвою, печь из нее лепешки на раскаленных плоских камешках. Старший совсем ослабел и младший, обернув руку рукавом халата, протянул ему однажды камень с такой лепешкой. Но она оказалась горькой и несъедобной.

Старики уже еле передвигали ноги, жизнь еле теплилась в них, поддерживаемая скудной растительной пищей. И вот однажды они встретили крестьянку, которая собирала в горах хворост. Она решила передохнуть и сбросила вязанку рядом. Утирая пот, она заговорила: «Я слышала, что вы — праведники. Ради великого принципа вы отказались есть хлеб государства Чжоу. Но ведь и травы, и корни, которые вы собираете, тоже принадлежат нашему повелителю, нашему царю, зачем же вы их едите?»

Старики не нашлись, что ответить, получив страшный удар. С тех пор они буквально с каждым днем становились все слабее и хуже, а когда собирали травы, в их ушах как будто звучал голос той крестьянки. Та, возможно, просто пошутила, а может ей захотелось пофилософствовать. Конечно же, она не желала зла старикам, не желала им смерти. Но они все восприняли слишком серьезно.

Если они осуждают поступок У-вана, зачем же они живут на горе, принадлежащей ему, едят дикие травы, которые растут на его земле? Как это можно объяснить людям?

Почувствовав себя в тупике, братья больше не собирали корни. Просто сидели, прислонясь к стволу, в ожидании голодной смерти. Но страшнее голода оказались душевные терзания. По морщинистым щекам, напоминавшим грецкий орех, текли слезы.

В преданиях говорится, что на восьмой день голодания, когда в глазах их уже почти не оставалось жизни, Небесный владыка сжалился и послал волшебную белую самочку оленя, чтобы та напоила стариков молоком. И те, напившись, стали постепенно приходить в себя, возвращаться к жизни.

Олениха кормила их регулярно, как малых детей. И однажды, когда оба стояли на коленях у ее живота и с удовольствием глотали сладкое молоко, Шу Ци закралась в голову нехорошая мысль. Он подумал о том, что животное довольно упитано, и мясо его, наверняка, необыкновенно вкусное...

Олениха не зря была волшебной, она тут же узнала о дурных помыслах старика и поняла, что им далеко до истинно святых людей. Эти двое лишь говорят о высокой морали и гуманности, но стоило им столкнуться с сильнейшим материальным желанием, и у них зародились нехорошие мысли.

Олениха, конечно же, больше ни разу не появилась в горах Шоу-ян, и старики умерли от голода.

Итак, в 1122 г. до н. э. в битве при Му-е была разгромлена армия Шан. Чжоу Синь потерпел сокрушительное поражение, а его придворные Цзяо Гэ и Вэй-цзы, проводившие подрывную работу, когда У-ван основал новую династию, склонились в поклоне перед новым правителем и поднесли ему символические подарки в знак верности до могилы.

Но победивший правитель Чжоу, теперь уже великий князь, не решился низложить династию Шан, считая ее правление легитимной, и пожаловал титул князя царства Инь сыну Чжоу-вана, У Гэну (У Лу-фу), оставив его править в старой столице. При этом он поручил надзор за ним своим младшим братьям Гуань-шу Сенью (管叔鲜), Цхай-шу Ду (蔡叔度) и Хо-шу Чху (霍叔处), велел им контролировать, соответственно, территории к востоку, западу и северу от столицы.

«Три верховных надзирателя» (*сань цзень*, 三監) — так их принято называть в истории. Братья в свое время получили от старшего, победителя, княжеские уделы в Гуань, Цхай и Хо, и, соответственно, титулы: Гуань-шу, Цхай-шу и Хо-шу, в то время как Сень, Ду и Чху — их имена. После победы в качестве награды уделы получили многие родственники и сподвижники У-вана, в том числе и Цзян Цзы-я, который стал владельцем княжества Ци. Всего был роздан семьдесят один удел, — таким было прежнее царство Шан-Инь, на обломках которого возникли эти уделы.

Войдя в столицу Шан, У-ван отправился в храм предков, где совершил жертвоприношение в честь шанских *шан-ди* (верховных правителей), которые, как все полагали, жили на Небе и оттуда руководили своими потомками, обеспечивая их успехи. Поступив таким образом, он как бы стремился сообщить им, что не покушается ни на их власть на Небе, ни на власть их потомков на земле.

После этого, демобилизовав воинов и щедро наградив шанскими ценностями всех участников похода, включая и союзников по коалиции, *У-ван* возвратился домой.

В глазах населения бассейна Хуанхэ победа не делала власть победителя легитимной, ибо легитимность приобреталась покровительством *шан-ди*, а не преимуществом удачного случая и тем более — просто силы. Это смущало и самого *У-вана*, воспринимавшего идеи мироустройства сквозь призму шанской традиции.

Чжоусцы начали строить новый город-столицу Ло-и (ныне — Ло-ян) значительно восточнее их прежнего местожительства с тем, чтобы управлять своими союзниками и побежденными шанцами, находясь в центре бассейна Хуанхэ.

У-ван все время находился в ожидании, что Небо дарует знак своего расположения к нему и его потомкам, чтобы дом Чжоу мог прийти на смену старой династии, но такого знака он так и не дождался. До самой смерти он пребывал в состоянии политической двусмысленности — будучи главой государства по сути, он по имени оставался подданным бессильного *У-гэна*.

У-ван учредил шесть школ: три низших — для детей в возрасте 8—15 лет и три высших — для учеников более старшего возраста. Посещать эти школы могли дети всех слоев населения. *У-ван* также определил владения земель сановникам по титулам и начал выдавать им дипломы на яшмовых пластинках. При этом сановники *гун*, *хоу* и *бо* имели право ходить со скипетром.

Но главным вкладом в историю и литературу Китая явилось продолжение *У-ваном* работы своего отца. Историк Сыма Цень писал, что *У-ван* удвоил триграммы, известные ныне во всем мире по «Канону Перемен» («Книга Перемен»). Ему же приписывают разработку последовательности 64-х гексаграмм. Примерно в 1143 или 1142 г. до н. э. он написал меньшую часть основного текста «Канона Перемен», и эта книга всегда являлась гадательным пособием для исследования сомнительных ситуаций и выработки императором правильного решения в условиях неопределенности.

В 1115 г. до н. э., через семь лет после победы, *У-ван* умер, и престол перешел к его сыну Суну, известному в истории под именем Чхэн-ван.

В древнем произведении «Ши-цзин» («Книга песен») воспеваются оба государя царства Чжоу: «О, сколь велик, сколь достоин удивления император *У-ван*, с которым никто не может сравниться деяниями! Поистине украшен славой мира государь Вэнь-ван, обеспечивший потомкам пользование

властью. Он имел своим приемником императора У-вана, который победил последнего государя династии Инь, доставил мир империи и приобрел себе великую славу».

Централизованного государства в течение всего периода Чжоу не существовало, и в непосредственном управлении *вана* находилась лишь столичная область. Остальная территория страны управлялась владетельными князьями — чжу-хоу. Эти правители получали свою территорию из рук чжоуского царя и были обязаны являться ко двору в определенные сроки. Это подчеркивало их зависимость от царя.

Первые чжоуские правители старательно пытались создать централизованное государство. Они использовали шанский опыт, квалификацию шанских ремесленников при строительстве новой столицы, куда, заметим, были переселены и шанские воины-профессионалы (восемь иньских армий, как они именуются в источниках). Использовалась также схема шанской администрации, лишь немного дополненная за счет чжоуской. Были взяты на службу и шанские чиновники. Одним из важнейших заимствований чжоусцев явилась иньская письменность, которую они со временем слегка модифицировали.

Все это сыграло определенную роль в укреплении чжоуской государственности. Однако создать сколько-нибудь прочную империю чжоусцы не смогли. Более того, они переняли у шанцев их систему региональных владений, которая и привела к политической раздробленности, ибо население было разноплеменным, связи центра с периферией можно назвать далекими и непрочными, а правление оказалось слабым.

Мятеж в Шан

Поскольку после смерти У-вана новый государь Сун (Чхэн-ван) был еще мал, а дом Чжоу только что утвердился у власти, младший брат У-вана, Чжоугун Дань, испугался, что владетельные князья взбунтуются, и взял власть в свои руки, удерживая ее в течение семи лет. В его непосредственном подчинении находились все восточные территории империи, а за западными областями надзирал Шао-гун (тоже — брат У-вана).

Но Гуань-шу, Цхай-шу и Хо-шу (братья У-вана) поддерживали притязания на трон У Гэна, потомка свергнутой династии Шан, за которым им было поручено надзирать, потому что заподозрили Чжоу-гуна в стремлении захватить

престол, и подняли мятеж против Чжоу. Восстание поддержали варварские восточные племена. Чжоу-гун Дань, заручившись повелением Чхэн-вана, выступил против мятежников.

Война продолжалась три года и закончилась новой решительной победой Чжоу над Шан. После разгрома Шан-Инь коровы и лошади, распущенные на волю, одичали, а шесть родов иньцев стали рабами Бо Циня, сына Чжоу-гуна, и семь родов — рабами Кхан Шу, молочного брата Чжоу-гуна. Из иньцев же сформировали восемь армий, а еще шесть образовали из чжоусцев, итого — четырнадцать армий!

Чжоу-гун казнил правителя династии Инь У Гэна и своего брата Гуань-шу и отправил в ссылку брата Цхай-шу, переселив его в другое место, предоставив при этом десять повозок и семьдесят человек для сопровождения. Вторичное поражение шанцев все современники расценили как знак явного расположения Неба к Чжоу. С этого времени легитимность новой династии уже ни у кого не вызывала сомнения, и она прочно утвердилась у власти.

Чтобы обезопасить своих потомков на будущее от новых мятежей шанцев, дальновидный Чжоу-гун разделил оставшихся иньцев на две части: одну часть он пожаловал Вэй-цзы Ци (брату погибшего Чжоу Синя) во владении **Сун**, чтобы тот продолжал приносить жертвы предкам дома Инь, а младшему брату Цзаю пожаловал владение в **Жань**. Произошло масштабное переселение с территорий исторического проживания шанцев (иньцев) в другие районы Поднебесной. На старом месте осталась лишь небольшая часть шанцев, отданная в качестве удела брату Чжоу-гуна Кхан-шу, и эта территория была названа княжеством **Вэй**.

Жань-цзи и Кхан-шу, известных примерным поведением, Чжоу-гун возвысил, поставив первого на пост *сы-кхуна* — управителя общественных работ, а второго — на должность чжоуского *сы-кхоу* — управителя судебных дел, чтобы они помогали Чхэн-вану управлять государствам.

Часть иньцев переселили в наследственный удел **Лу**, принадлежавший самому Чжоу-гуну. Значительная часть шанцев, причем, наиболее квалифицированная, оказалась в районе реки Ло, где под руководством Чжоу-гуна построили новую столицу Чжоу — город Ло-и (Чхэн-чжоу). В результате всех этих перемещений шанцы вскоре слились с местным населением и перестали существовать как единая этническая общность.

Между главными двумя сравнительно небольшими царствами **Сун** и **Лу** было немало общего, и каждое из них претендовало на особый статус в

рамках Поднебесной, имея для этого основания: правящий дом **Сун** восходил к древним шанцам, а правители **Лу** были потомками великого Чжоу-гуна.

Дом Сун — один из немногих, чьи правители всегда именовались высшим титулом *гун*, а дом Лу имел некоторые ритуальные привилегии, приравнивавшие его по статусу к дому чжоуского *вана*. При этом удел Сун — один из первых, созданных в начале Чжоу, и его основателем являлся престарелый Вэй-цзы Ци (старший брат шанского Чжоу Синя), известный своими добродетелями и постоянными нравоучениями в адрес недобродетельного брата-правителя.

К слову, отец Конфуция, которого звали Шу Лян-хэ, вел свой род от вышеупомянутого Вэй-цзы Ци. Через 300 лет в результате дворцовых интриг потомки Вэй-цзы Ци были вынуждены перебраться в соседнее царство Лу, в город Цю-фу (на юго-востоке современной провинции Шаньдун); там служил отец Конфуция, там родился и сам Конфуций.

О Вэй-цзы Ци, который известен еще и под именами Кый-чжа, Киджа (это не китайские имена), Кхай, Цзи-цзы, говорят, что после 1122 г. до н. э. он оказался в ситуации опального вельможи. Покинув государство Инь, Вэй-цзы Ци в 1121 г. основал страну Древний Чосон после Тангуна, который в корейской мифологии является родоначальником корейцев, основателем корейского государства.

Через некоторое время он получил от китайского императора У-вана титул *гун* для выполнения ритуала жертвоприношений государям из династии Шан, а уже позже стал правителем удела Сун. Столица этого удела находилась в городе Гуй-дэ-фу (ныне — в провинции Хэнань), и потомки Вэй-цзы Ци в количестве тридцати двух государей правили там в течение 828 лет.

Чжоу-гун (или Цзи Дань) умер в 1105 г. до н. э., и потомки называют его мудрецом, просвещенным государственным деятелем, первым правителем удела Лу, пожалованного ему У-ваном. Он написал вторую, большую часть «Канона Перемен», продолжив работу Вэн-вана.

После его смерти сильная центральная власть в Чжоу существовала не более столетия¹¹. Точно так же, как гибель династии Ся и ее последнего императора Цзе связывают с именем его наложницы Мэй Си, а гибель династии Шан-Инь — с именем Да Цзи, так исчезновение Чжоу и ее последнего императора Ёу-вана связывают с именем Бао Сы, подаренной ему жителями местности Бао¹².

Кончина Цзян Цзы-я

Со времени установления правления династии в 1066 году прошло 810 лет: предсказание Цзян Цзы-я, которого Вэнь-ван пронес на своей спине 810 шагов, сбылось.

Существует легенда, согласно которой Цзян Цзы-я перед смертью оставил наставление, в котором советовал не закапывать его гроб, а повесить над городскими воротами, чтобы в случае нападения извне развернуть изголовье гроба по направлению к вражеским войскам, и тогда угроза сама по себе исчезнет.

Этот способ действительно не раз помогал решать серьезные проблемы в связи с нападением кочевников. Но через несколько столетий после смерти Цзян Цзы-я сыновья правящего князя решили полюбопытствовать, что же находится внутри саркофага и велели подручным опустить и вскрыть гроб. Из гроба вылетела стая голубей, которая, покружив в небе, улетела на юго-восток, а династия Чжоу вскоре погибла.

Рассказывая о Цзян Цзы-я, мы много страниц посвятили и другим историческим персонажам, но лишь для того, чтобы можно было более объемно представить роль Цзян Цзы-я в период династий Шан и Чжоу. Как уже говорилось выше, Цзян Цзы-я за уничтожение Шан-Инь получил в награду княжество Ци со столицей в Ин-цю (что в нынешней провинции Шаньдун).

Он отправился на восток к своим землям, пожалованному уделу, однако двигался очень медленно, потому что по пути приходилось останавливаться на ночлег и подолгу задерживаться: многие люди воспринимали встречу с известным героем, как редкую удачу, и не желали упускать такой случай. Каждому хотелось насладиться общением с Цзяном, надолго удержать его в своей гостинице в качестве почетного гостя. Цзян опасался, что уже никогда не доберется до своего княжества Ци, если так будет продолжаться.

После очередной ночи на постоялом дворе он встал еще до рассвета, оделся и двинулся вперед. Рассвет застал его уже в столице Ин-цю, и как раз вовремя: город оказался заполненным жителями соседнего княжества Лай, которые прибыли с целью отобрать у него столицу.

Добившись стабилизации политической обстановки в Ци, Цзян Цзы-я начал осуществлять реформу политического устройства своего княжества. Он старался приспособить чжоуские бюрократические процедуры

и церемонии к привычкам и традициям данной местности, всеми мерами способствовал усиленному развитию торговли и коммерции в княжестве, чтобы простой народ мог радоваться и наслаждаться главными ценностями того времени — солью и рыбой.

Большинство населения в те времена во вновь образованном царстве по старинке конструировали для себя одежду из особо прочных листьев, что в теплых краях очень удобно и практично — не требуется стирка.

Однако Цзян Цзы-я организовал строительство небольшого храма, посвященного легендарной китайской богине шелководства Лэй-цзу в селении Юй-лин-и и вместе с населением ежегодно 16 числа месяца *чжэн* (первый месяц по лунному календарю) проводил там церемонию жертвоприношения богине. Он обучал местных крестьян разведению шелковичных червей и ткачеству из шелковых нитей, так впервые в царстве Ци появилась шелковая одежда, красивая, приятная для тела, сохраняющая тепло в холодную погоду и охлаждающая в жару.

В Ци начали в крупных масштабах высаживать тутовые деревья, профессионально заниматься разведением шелкопрядов и шелкоткачеством, что активно стимулировал сам правитель. Он, также, вместе с крестьянами принимал участие в народных гуляниях и праздновании, посвященном богине Лэй-цзу в конце сезона сбора и обработки коконов.

На широкой равнине к северу от столицы Цзян Цзы-я велел построить алтарь, высота которого достигала одного *чжана* (3,33 м), что символизировало «небесные стволы», а длина и ширина — по 1,2 *чжана*, что соотносилось с «земными ветвями». «Небесные стволы» (их всего 10) и «земные ветви» (всего 12) являются терминами китайской астрологии и представляют собой два зодиакальных цикла.

Знаки десятиричного (небесного) и двенадцатеричного (земного) циклов применялись в Китае для летосчисления, а также для определения месяца, дня и времени суток; кроме того, эти знаки используются в китайской традиционной медицине и во многих других областях.

Три этажа алтаря символизировали три начала макрокосмоса: Небо, Землю и Человека. В восточной части алтаря, означавшей восточный сектор неба с семью созвездиями, было водружено знамя с нарисованным Зеленым Драконом, духом-покровителем Востока. В западной части алтаря, соотносящейся с западным сектором неба с семью созвездиями, водрузили знамя с Белым Тигром, духом-покровителем Запада.

Южную сторону алтаря (южный сектор неба с семью созвездиями) украсило знамя с Красным Воробьем, или Красной Птицей, духом-покровителем Юга. На северной части алтаря (северный сектор неба с семью созвездиями) развевался флаг с Черным Воином, духом-покровителем Севера, которого принято изображать в виде черепахи.

В центре алтаря (ибо по представлениям китайцев существует пять сторон света, в том числе и Центр) был водружен желтый флаг, символ совершенного правителя, на котором красовался восьмиугольник с триграммами и их иероглифическими обозначениями.

Все вместе это символизировало Пять стихий космогонии (Земля, Дерево, Металл, Огонь, Вода), Восемь триграмм (☰ ☷ ☱ ☴ ☲ ☵ ☶ ☸) и 24 сезона китайского сельскохозяйственного года.

В северной части этой трехметровой трибуны установили собственно алтарь для жертвоприношений, причем, правитель Цзян Цзы-я собственноручно расписал, где, какое место и кому принадлежит.

Верхнее почетное место было отведено Небесному императору Тхай-хао из рода Фу-си (太昊伏羲), самому главному из трех (Владыка Неба, Владыка Земли, Владыка людей) мифологических императоров глубокой древности. Нижнее место он отвел Земному императору, «огненному правителю» из рода Шэнь-нун (神農), а место в середине, между Небом и Землей, выделил Владыке людей, легендарному Желтому императору Хуан-ди из рода Сюань-юань (皇黃帝軒轅).

Впереди этих трех императоров, по центру, находилось место для супруги Желтого императора Лэй-цзу, которая почиталась, как богиня шелководства. Перед всеми перечисленными божествами и мифическими императорами установили стол для жертвоприношений. На нем выставлялись чистая вода, фрукты, пять видов злаков (рис, пшеница, кукуруза, гаолян, ячмень), шелковичные коконы и три вида жертвенных животных (бык, баран, кабан). Перед столом возвышалась огромная бронзовая курильница, чтобы усладить божества еще и дивным ароматом сжигаемых благовоний.

Собрав малых и старых, гражданских и военных чиновников, дедушка Цзян поднимался на трибуну и проводил большую церемонию «трех обычных поклонов и девяти челобитных», при этом на первом ярусе 28 барабанщиков отбивали ритмы, а на втором 36 музыкантов сопровождали церемонию специальными мелодиями. Струился благовонный дым из курильниц, поднимаясь лентами к небу. Простой народ снизу наблюдал за торжественной церемонией.

После того как Цзян завершал церемонию, местные чиновники по очереди кланялись ему и приступали к выполнению обряда поклонения предкам.

Цзян Цзы-я всегда очень внимательно относился к местным обычаям. Он обратил внимание, что жители этого края придают большое значение расположению гор и рек, т. е. науке *фэн-шуй*. Поскольку горы к югу от городской стены напоминали феникса, распростершего крылья, он дал им название Птица феникс; высоченная западная гряда тянулась непрерывной чередой, и потому получила название Зеленый дракон из девяти сегментов. В результате оба названия приобрели скрытый смысл, намекающий на «счастье Дракона и Феникса» (эти два мифических существа являются символами императора и императрицы).

В восточной и западной частях города высились два небольших холма, которые получили названия Рисовый и Мучной. На востоке имелось еще небольшое возвышение, которое в народе прозвали «Для седлания коня», потому что, как утверждают, Цзян Цзы-я имел обыкновение именно в этом месте садиться на коня.

В горах, на западе от городской стены, протекала река, неспешно неся свои воды к северу. Оба ее берега были усыпаны мелким щебнем, на местном наречии такие камешки называли *гань-гоу*, а потому такое же название носила и река: Гань-гоу хэ (汧沟河). Однако Цзян Цзы-я заменил в названии первый иероглиф гань (汧) на другой, с таким же звучанием, но другим значением (淦), и получилось новое название — Гань-хэ (淦河).

Понимая, как важно для людей хранить память о своих ушедших предках, ибо без прошлого не может быть и будущего, Цзян Цзы-я боялся, что после его ухода люди перестанут поклоняться предкам, проводить церемонии их поминовения, а также постепенно забудут о развитии шелководства и шелкоткачества, т. е. то, к чему он их упорно приучал. Поэтому он велел своему сыну построить недалеко от своей будущей гробницы (их было принято строить заранее, еще при жизни правителя) храм, посвященный Тхень-хоу, богине мореплавателей и торговцев, а также дворец, посвященный Трем Властителям (Неба, Земли и Человека).

Он отобрал имена 365 человек, отличавшихся при жизни добропорядочностью, возвел их в ранг святых и велел изваять их статуи, которые расставили вокруг дворца Трех Властителей в соответствии со сторонами света. Люди стали поклоняться этим предкам, возжигая благовония и принося жертвы, под присмотром Трех Властителей. Эти 365 человек являлись представителями

различных профессий, должностей и ремесел, так что каждый человек имел возможность приносить подношения именно «своему» святому, покровителю своей профессии, надеясь на помощь и поддержку.

С помощью таких методов Цзян Цзы-я образовывал и воспитывал людей и добился желаемых результатов. Будучи преданным людям, он любил свой народ, однако праздные, распутные, порочные и злые, не желавшие исправляться, бывали наказаны им по заслугам.

Не удивительно, что множество людей из других районов Китая устремилось в Ци, как когда-то население соседних княжеств переходило под покровительство Чжоу. Ци превратилось в одно из самых богатых и процветающих княжеств того времени.

После смерти У-вана правителем Чжоу, как уже упоминалось, формально стал Чхэн-ван, его сын-младенец. Лишь через 7 лет, когда он подросток, стал полноценным правителем и находился у власти в течение 37 лет. В период его правления подняли мятеж младшие братья покойного У-вана, Гуань-шу и Цхай-шу, т. е. дядья малолетнего Чхэн-вана. Воспользовавшись этой ситуацией, взбунтовались и национальные меньшинства, проживавшие в долине реки Хуай-хэ.

Правитель Чжоу отдал приказ Цзян Цзы-я: «Я даю тебе право подчинить жителей на севере — до У-ди, на юге — до Му-лина, на востоке — до самого моря, на западе — до реки Хуан-хэ. Кем бы они ни являлись, представителями знати или простолюдинами, все должны подчиняться твоим приказам и во всем слушаться тебя».

С этого времени Ци стало крупным княжеством, границы которого непрерывно расширялись. Так что впоследствии среди «пяти гегемонов» периода Весны и Осени и среди «семерых сильнейших» периода Воюющих царств оказалось и княжество Ци.

Цзян Цзы-я прожил более сотни лет и в свое время скончался. На престол вступил его старший сын Дин-гун. Строительство храма Тхень-хоу и дворца Трех Властителей он закончил уже после кончины отца и, принимая и проверяя строительство, он задумался о судьбе отца, который всю жизнь посвятил служению государству и народу. В награду, уже будучи в преклонном возрасте, он получил земли княжества Ци и соответствующее звание. Но, даже став князем, он продолжал неустанно трудиться на благо страны и народа.

При жизни отец получил почетное звание Ши шан-фу от самого правителя Чжоу, однако после смерти он не получил посмертного имени,

характеризующего его заслуги, как это было принято в древности. Зато сам отец дал немало имен и названий горам, рекам, населенным пунктам во многих землях Китая, а погибшим военным и гражданским чиновникам в царствах Шан и Чжоу он присвоил почетные имена, объявил их святыми, достойными поклонения, и велел изваять их статуи в назидание потомкам здесь, в царстве Ци. Потомки поклоняются им и приносят жертвы. «Я тоже закажу статую отца!» — решил Дин-гун.

Но где ее установить? Для китайцев это вопрос принципиальный, и Дин-гун размышлял в течение нескольких дней. Статую нельзя размещать среди изваяний духов и божеств, как равную им, однако отец является не простым человеком, а потомком первых китайских императоров Еня и Хуана, поэтому его статуя должна охранять и защищать Трех Властителей и Пятерых Императоров (легендарных правителей древнейшего периода истории Китая).

Поразмыслив таким образом, Дин-гун решил установить статую отца на коньке крыши дворца Трех Властителей, чтобы он вечно охранял своих предков и присматривал за всеми духами и божествами: защищают ли они государство и народ; чтобы он мог сверху осчастливливать творящих добро и наказывать делающих зло, чтобы мог даже управлять стихиями на благо людей: ветер делать мягким, а дождь — благодатным.

Впоследствии люди стали поддерживать эту традицию, — при строительстве храмов и кумирен они устанавливали на крыше статую Цзян Цзы-я. При этом иногда его изображали в одежде и обуви чиновника, иногда — в одеянии даосского монаха. Есть и другие варианты изображения, например, верхом на мифическом животном *сы-бу-сян* (т. е. «ни на кого из зверей не похожий»), со священной плеткой на плече; в некоторых случаях он держит в руках желтое знамя, или наряжен в шлем и латы, или покрыт мантией с поясом, или красуется в облачении полководца... Но во всех случаях Цзян Цзы-я символизирует полный успех во всех делах, благополучие, счастье и удачу.

В старину было принято делать надписи-обереги на жилищах. Подобные надписи вырезались на плитах, дереве, камне или бумаге. Если перед воротами жилища располагалось высокое строение или переулок, упирающийся в жилище (согласно правилам *фэн-шуй* там следовало протекать реке, ручью, в крайнем случае перед домом могла проходить неширокая, извилистая улочка, напоминающая реку), то на деревянной дощечке вырезали надпись «Цзян тхай-гун находится здесь» и прибавляли ее к стене-ограде либо над воротами.

Если люди сталкивались, как им казалось, с проделками злых духов, и требовалось их изгнать, они наносили подобные надписи на желтую бумагу (когда беспокоящие явления считались временными) или вырезали на чем-то твердом (когда злые духи досаждали постоянно). Считалось, что имя великого человека способно победить сверхъестественные силы, и постепенно историческая личность превратилась в духа, которому поклонялись в народе.

Этот известный и в древности, и в наши дни, и в Китае, и за рубежом, выдающийся человек был талантливым политиком, военным специалистом и богословом. Он обобщил в единое целое и начал применять на практике трактаты о военном искусстве легендарного Желтого императора, а также объединил всех князей Поднебесной для уничтожения Шан. Он стал применять на практике технику и способы триграмм, созданных мифическим первым императором Китая Фу-си и князем Вэнь-ваном. Взяв за основу небесные тела и небесные явления, он учредил пантеон основных духов и божеств, которым стали поклоняться китайцы. Основал теорию, согласно которой души добропорядочных людей в Поднебесной на протяжении всей истории не погибают после смерти, а превращаются в духов и божеств, помогающих обездоленным людям.

Благодаря этому впоследствии образованные люди создавали романы, в которых популярно излагали сказочные и волшебные истории; еще более распространенными в народе были музыкально-драматические спектакли, рассказывающие о приключениях небесных божеств, спустившихся в мир обычных людей. Все это сделало историю китайской цивилизации богаче и ярче.

Знаменитый храм Тхень-хоу и дворец Трех Властителей, построенные когда-то сыном Цзян Цзы-я в районе Чжоу-цхунь (район города Цы-бо в Шаньдуне), в течение всей истории Китая, в периоды мятежей и смуты, неоднократно разрушались, а затем восстанавливались. В последний раз дворец Трех Властителей реконструировали уже в прошлом веке, и во время реставрационных работ он был окончательно испорчен.

Что касается канонизации Цзян *тхай-гуном* многих героев, то на эту тему существует сказка. Якобы, жена дедушки Цзяна однажды возмутилась, мол, что же ты обожествил многих людей, а мне ничего не досталось? Ведь я прожила с тобой столько лет, и всегда отличалась добродетелью, верностью.

И тогда Цзян предложил: поскольку сам я после смерти буду возвышаться на крышах домов, присматривая за духами и божествами, то тебе после смерти вполне можно стать духом (покровительницей) подоконников. Вот и останемся после смерти рядышком.

В Китае принято кормить духов, поэтому в определенные дни люди совершают жертвоприношения в виде чистой воды, цветов, плодов, риса, благовоний. Все духи и божества должны быть сытыми. Даже покровительницы отхожих мест и кроватей получают свои порции. И только духу подоконников никто ничего не подносил.

«Что же я буду есть, живя на подоконнике?» — вновь обратилась к супругу женщина. Тот ответил: «Увидишь красные ворота — заходи», т. е. «Тебя накормят за красными воротами» (红门就进). Он имел в виду ворота храмов, потому что их, чаще всего, покрывали красным лаком. А в храмах всегда бывает достаточно подношений, которые верующие люди приносят в дар божествам.

Однако супруга не расслышала сказанного, ей показалось, что Цзян Цзы-я сказал «Увидишь ворота — заходи» (逢门就进). С тех пор она так и поступала, что очень не нравилось людям.

Раньше в деревнях провинции Хэбэй во время празднования Нового года крестьяне зажигали свечи и устанавливали их на подоконниках, это и являлось жертвоприношением покровительнице подоконников. Рано утром в первый день нового года, когда еще не приступили к главному новогоднему блюду — пельменям, взрослые не разрешали детям разговаривать, чтобы не вспугнуть, не разбудить божество, супругу Цзян Цзы-я.

Ее почему-то недолюбливали и опасались, что она может отнять жертвоприношения у других, более уважаемых и необходимых в жизни духов, покровителей и божеств. Чтобы этого не произошло, люди сначала взрывали петарды и хлопушки, обращая перепуганную бабушку-покровительницу подоконников в бегство, а потом уже садились за стол и приступали к главному новогоднему лакомству.

Но вернемся из сказки к реальным событиям. Потомки Цзян Цзы-я, пытаясь спрятаться во времена военной смуты, бежали на юг и обосновались где-то в районе округа Чхан-дэ, что в провинции Хунань, сменив фамилию «Цзян» (姜) на «Дин» (丁), поскольку на северном диалекте «цзян» звучит так же, как на южном диалекте — «дин», хотя иероглифы и разные.

Китайским исследователям удалось проследить всех потомков Цзян Цзы-я и их фамилии, это姜姓、吕姓、丁姓、高姓、齐姓、卢姓、邱姓、丘姓、庆姓、贺姓、桓姓、查姓、柯姓、年姓、柴姓、崔姓、骆姓、章姓、聂姓、国姓、高堂姓、太公姓、卢蒲姓、淳于姓、厉姓、易姓、青姓等等 (Цзян, Люй, Дин, Гао, Ци, Лу, Цю, Цю, Цин, Хэ, Хуань, Чха, Кхэ, Нень, Чхай, Цхуй, Ло, Чжан, Не, Го, Гао-тхан, Тхай-гун, Лупху, Чхунь-юй, Ли, И, Цин).

Цзян Цзы-я ушел в мир иной в возрасте 139, в 1072 году до н. э., в 5-й год 60-летнего цикла, в 6-й год правления Кхан-вана. После смерти тело его вернули в княжество Чжоу, в столицу Хао-цзин, где он был погребен в одном километре от усыпальницы великих князей Вэнь-вана и У-вана. Она находится в селении Чжоу-лин («Мавзолей династии Чжоу») округа Сень-ян (咸阳) провинции Шэньси. Ведь именно первый правитель Чжоу в свое время и отыскал знаменитого мудреца в горах, на берегу реки Вэй-шуй.

Согласно законам княжества Чжоу, Цзян Цзы-я можно было перезахоронить на родине, в княжестве Ци, только после того, как умрут пять поколений потомков Цзян Цзы-я, выступавших против династии Чжоу.

А в провинции Шаньдун, на родине великого человека, в районе Линь-цзы (临淄) округа Цзы-бо (淄博), в родовом храме Цзян Цзы-я имеется еще одно захоронение, но уже — с одеждой усопшего мудреца. Могила с погребенной одеждой достигает 28 метров в высоту, занимает расстояние в 50 м с юга на север и 55 м с запада на восток.

В течение последующей истории Китая императоры всех династий строили храмы в честь великого полководца Цзяна, а последователи даосизма утверждали, что он вознесся на небо и стал бессмертным небожителем.

В разной литературе могут встретиться такие имена знаменитого даоса:

Цзян Цзы-я (姜子牙);

Цзян Шан (姜尚);

Ши шан-фу (师尚父);

Ши Ван (师望);

Цзян *тхай-гун* (姜太公);

Люй Шан (吕尚);

Люй Ван (吕望);

Тхай-гун Ван (太公望);

Шан-фу (尚父);

Тхай-гун (太公).

«Претенциозные записки об императорских наложницах»

Мы изложили официальное жизнеописание всех главных героев данного периода времени: Цзян Цзы-я, Чжоу Синя, Да Цзи, Вэнь-вана, У-вана. Однако в 2007 году в Китае вышла книга «Претенциозные записки об императорских

наложницах» (изд-во «Цзинь-чхэн», т. е. «Неприступная крепость»), в которой есть и глава о Да Цзи. Автор Ян Нань-нань задумалась: и официальные исторические документы, и мифология свидетельствуют о том, что Да Цзи «была подобна змее и скорпиону». Но так ли это обстояло на самом деле?

Исторически так сложилось, что на эту наложницу возвели много напраслины, несправедливо обвиняя даже в том, к чему она никогда не имела отношения. Из поколения в поколение ученые мужи произвольно решают ее «судьбу» и делают выводы, опираясь на собственные умозаключения и впечатления, шаг за шагом приписывая ей новые страшные злодеяния.

В результате имя Да Цзи известно всем поколениям, из века в век, как нарицательное, а сама она представлена потомкам как самая страшная женщина в истории Китая. И несет она этот груз на своих плечах целую вечность, ибо эту пару супругов исстари считают исчадием зла. Разве может супруга быть невиновной, если муж — злодей? Недаром в народе говорят «когда муж поет, жена подпевает», — живут в одном ритме, согласовывая такт.

Да, в истории Китая это стало уже трафаретом, что из всех известных роковых женщин именно Да Цзи считается самой отвратительной, которую никто не мог превзойти в жестокости. Кстати, выражение «роковая женщина» по-китайски передают очень своеобразно и точно, опираясь на теорию Пяти Стихий. Здесь принято говорить «хун-ень хо-шуй», что значит «прекрасное лицо — это губительная вода, несущая бедствие» (Вода считается женской стихией, способной залить яркое Пламя, — символ мужского начала).

В «Династийных историях периода Инь», описывающих события царствования, говорится, что Чжоу Синь был свирепым правителем, но слово «свирепый» — слишком мягкое, а вот если заглянуть в известный роман «Историческая повесть о присвоении святости», то можно сделать вывод о том, что правитель Шан являлся опасным садистом и извращенцем.

В этом же романе утверждается, что Чжоу-ван (Чжоу Синь) во время визита к богине Нюй-ва был так очарован ею, что сочинил в ее честь стихи с игривым содержанием, что страшно оскорбило последнюю. Ведь в пантеоне божеств Нюй-ва считается праматерью китайской нации, и она сочла такое поведение «непочтительного сына» величайшим преступлением, за что и решила его наказать, подослав к нему впоследствии «тысячелетнюю лисицу-оборотня» под личиной красавицы Да Цзи из

рода Су. И сделала она это, чтобы поселить смуту в княжестве Шан и разрушить его. По этой же причине и Чжоу Синь стал таким извращенно жестоким демоном. А разгневанное Небо помогло впоследствии Чжоу У-вану уничтожить Шан.

Конечно же, это версия суеверных людей, какими китайцы оставались всегда. В «Слове о династии Цзинь» говорится: «Синь, правитель Инь, получил в качестве военного трофея во время карательного похода женщину из рода Су по имени Да Цзи». Там же упоминается, что она происходила из племени, тотемом которого являлась девятихвостая лисица. Именно отсюда в романе и была взята идея относительно лисьего происхождения наложницы. Согласно официальной истории династии, Чжоу Синя и вправду очаровала эта женщина, которая, будучи чужеземкой, восхитительно «произносила непривычные звуки родной речи, от которых он терял разум, пластично танцевала под ритмы народов северных окраин и так играла медленные прекрасные мелодии «дурного вкуса», что слушающему не хотелось, чтобы они когда-нибудь заканчивались».

Но самым отвратительным было то, что у Чжоу Синя оказались «слишком мягкие уши», как говорят китайцы: если Да Цзи кто-то нравился, правитель его поощрял, а если она на кого-то сердилась, он его казнил, — во всем ее слушался.

Говорят, что и в смерти Би Ганя (дядя правителя) виновата Да Цзи, потому что именно она подала идею, открыв свой ротик-вишенку: «Я слышала, что у праведников в сердце семь отверстий, интересно, правда ли это?»

Чтобы не быть безвинно казненными, придворные изощрялись, как могли: и сумасшедшими притворялись, и дурачками прикидывались, и в другие княжества сбегали, и на сторону врага переходили...

А как происходило все в истории на самом деле? Даже Чжоу Синя нельзя однозначно назвать деспотом и тираном, — высказывает свое мнение Ян Нань-нань. В исторической хронике «Чхунь-цю» («Весны и Осени», 770—476 гг. до н. э.) излагается, что Цзы Гун, ученик Конфуция, гневался и был не в состоянии спокойно смотреть на то, как несправедливо описывается личность Чжоу Синя. Лишь зависть и злоба могли заставить низшее окружение так отзываться о нем, сильном, ярком и благородном человеке. И если последующие поколения поносят этого правителя, повторяя неправду, то их следует останавливать, — считал Цзы Гун.

Взять, к примеру, историю с дядей правителя, Би Ганем. В хронике «Чхунь-цю» описаны лишь два факта: что Би Гань увещевал племянника, и что после этого он умер. Позже, в период Борющихся царств (403—221 гг. до н. э.), это событие было представлено уже несколько иначе, чтобы растрогать потомков. Великий поэт Цюй Юань (340—278) написал, что Би Ганя бросили в реку, и он утонул.

Один из прихлебателей Люй Бу-вэя (выдающийся политик, канцлер царства Цинь, 221—207) утверждал, что у Би Ганя было вырвано из груди сердце. А в эпоху Хань знаменитый историк Сыма Цень в своих «Исторических записках» поведал еще более трогательную историю о вырванном сердце, высказав предположение о том, что сделал это правитель ради любопытства фаворитки Да Цзи, которой было интересно: правда ли, что у святых людей в сердце имеется семь отверстий.

Пришла очередь династии Цзинь, которая тоже оставила для потомков исторические хроники. Некий Хуан Фу-ми (215—282), будучи известным врачом, специалистом по иглоукаливанию, трактатами которого пользуются и современные врачи традиционной медицины, не смог удержаться от анализа поступков Чжоу Синя с профессиональной точки зрения.

Он высказал свое личное предположение о том, что правитель при подстрекательстве Да Цзи анатомировал беременных женщин, чтобы рассмотреть, как выглядит человеческий плод.

Таким образом, из поколения в поколение разные ученые мужи, сидя в своих кабинетах, высказывали свои предположения, добавляя все новые и новые подробности, и разве все это не могло привести к большим искажениям и ошибкам?

Теперь рассмотрим самые известные легенды о Чжоу Сине, — о казни невинных с помощью «жаровни» и его винном озере и мясной роще, — предлагает дотошная Ян Нань-нань, внимательно изучившая древние документы. Исторических трудов и литературных памятников интересующей нас эпохи не существует. В летописи «Весны и Осени» (а это следующая династия, — Чжоу) тоже нет описания событий времен Шан.

И только в поздний период Борющихся царств Хань Фэй-цзы, известный ученый и философ, вдруг трогательно описал историю о том, как в древности Чжоу Синь велел изготовить для себя палочки для еды из слоновой кости, а посуду — из нефрита и рога носорога, заставив горько вздыхать от переживаний Цзи Цзы, своего сановника. Цзи Цзы, философ и ученый, один из

совестливых и порядочных людей в окружении *вана*, являлся, как и Би Гань, братом отца правителя, т. е. дядей Чжоу Синя, и его пугало расточительство великого князя.

«Палочками из слоновой кости и яшмовыми бокалами не станешь есть-пить похлебку из бобов, ими следует вкушать блюда из быков, слонов да зародышей леопарда (фраза «есть зародыша леопарда» — символическое описание роскошной жизни, — Л. И.), — говорил Цзи Цзы, — такой пищей, опять же, не станешь лакомиться в короткой курточке из сермяжной ткани, да еще в камышовом жилище. Чтобы вкушать такие яства, следует одеваться в парчовые халаты и восседать на высоком троне в императорских дворцах с просторными палатами.

В течение пяти лет Чжоу Синь копил горы мяса, как будто это фрукты и овощи из сада-огорода, велел соорудить огромную жаровню и любил взбираться на холм *Цзао-цю*, возведенный в парке, с которого можно видеть все на 10 *ли* вокруг. Холм этот создан из винных выжимок, ибо их так много, как будто рядом — винное озеро. При таком образе жизни Чжоу Синь приближается к гибели».

Тут следует дать небольшой комментарий. Иероглиф *цао* (糟) означает «винный отстой», «винная гуща», «барда», поэтому о горьком пьянице в Китае говорят, мол, он подкладывает под голову закваску, подстилает под себя винную гущу. С тех пор выражение *цао-цю*, 糟丘 («холм из барды»), означает «безудержное пьянство», «собутыльник».

Говорят, Хань Фэй-цзы был заикой и с трудом выражал свои мысли вслух, зато литератором он был непревзойденным, и статья о Чжоу Сине, в которой он использовал фразы, якобы, сказанные Цзи Цзы, является ярким подтверждением тому. В силе воображения философу Ханю не откажешь. Значит, «куски мяса на деревьях» — это искажение фразы о мясе, которое копили впрок, подобно плодам с деревьев, а «винное озеро» было просто домыслено при упоминании горы винных выжимок? И получается что жаровня для пыток «*пхао-ло*» (炮烙) — просто печь для жарки мяса, ведь отдельно каждый иероглиф, и *пхао*, и *ло*, имеют одно значение — «жарить мясо».

Но допустим даже, — пишет автор романа «Претенциозные записки» Ян Нань-нань, — что великий историограф Сыма Цень, который всегда старался «держать злых в тени безвестности и прославлять добрых», т. е. быть справедливым, тоже порой «слишком сильно смачивает тушью кисть»

(преувеличивает). Ведь это он записал, что в знаменитом парке Чжоу Синя резвились обнаженные юноши и девушки.

Но для этого кто-то должен был описать подобное пиршество еще раньше, до Сыма Цяня, но такого рассказа не существует, и это преувеличение очень напоминает плод большого воображения.

Возможно, все эти истории полагали, что плохого героя (а Чжоу Синь и вправду не был похож на идеального правителя) стоит дополнительно оговорить, не опасаясь никаких преувеличений, — в назидание потомкам? Например, уже после Сыма Цяня великий историк, писатель и ученый Лю Сян (ок. 77—6 гг. до н. э.), упоминая об Оленьей башне Чжоу Синя, утверждал, преувеличивая, что площадь башни — 3 *ли* (1 *ли* = 0,5 км), а высота — 1 тыс. *чшы* (1 *чшы* = 0,32 м).

Однако Хуан Фу-ми, живший в эпоху Цзинь, в своих фантазиях пошел еще дальше, увеличив высоту башни в 10 раз: он утверждал, что ее высота — 1 тыс. *чжанов* (1 *чжан* = 3,33 м).

Точно так же можно проследить постепенное наращивание количества злодеяний и бесчеловечных поступков Да Цзи. В исторических записях все началось с одной фразы «Чжоу Синь верил словам этой женщины», которую можно прочесть в «Шу-цзин» («Книга истории»), в той части, где описывается победа над Чжоу-ваном.

А далее — в «Го-юй» («Речи царств») уточняется: «Да Цзи была избалованной, обожаемой наложницей, в которой он души не чаял. Разве сравнишь ее с высокоморальным Цзяо Гэ, — из-за нее погибло царство Инь».

Это намек на историю, в которой винят Да Цзи. Якобы, она придумала один из видов казни, когда человека сажали в чан, кишасший ядовитыми змеями и скорпионами, и он погибал там от их укусов. Говорят, что правитель вместе с Да Цзи развлекался, скармливая ядовитым тварям дворцовых девушек.

Высокий сановник Цзяо Гэ возмутился и призвал прекратить такие пытки, а правитель, придя в ярость, велел и защитника бросить в чан с жертвами. Однако Цзяо Гэ, проклиная Чжоу Синя, выпрыгнул из очень высокой башни *Чжай-син-лоу* (Башня для собирания звезд), в которой они в тот момент находились, и таким образом покончил с собой. На самом деле такого факта в истории не существовало, однако красивую сказку придумали, чтобы воспеть высокую принципиальность, непоколебимое чувство долга и стойкий дух любимого героя.

Еще позднее в «Люй-ши Чхунь-цю» («Весны и Осени» господина Люя), имеется в виду историк Люй Бу-вэй) появилась запись: «Правитель Шан

нарушил все порядки в Поднебесной, пристрастился к вину и забыл о морали, государством управляла Да Цзи, были нарушены все правила, согласно которым следовало награждать или наказывать подданных». В этой фразе нет серьезных искажений истины, почти все соответствует действительности.

Но время шло, и у людей вновь стала разыгрываться фантазия. Речь идет о знаменитом произведении «Историческая повесть о присвоении божественных званий». Автор и сам не был специалистом по истории, а потому его особо не заботила достоверность фактов, да и исторические документы, к которым он обращался, как мы увидели выше, были полны фантазий, в результате романист тоже включил свою дедукцию и стал делать различные предположения, строить догадки и домысливать, и в результате Да Цзи в течение тысячелетий слывет, как одна из самых больших преступниц в истории Китая.

И тут нам стоит самокритично спросить у своей совести: если все извращенные поступки Да Цзи являются вымыслом, то почему мы смакуем их и с удовольствием пересказываем?

Фигура Чжоу-вана тоже достаточно трагична. В «Династийных историях царства Инь» говорится: «Он был невероятно красноречив, остроумен, обладал полемическим даром, отличался сообразительностью и проворством, эрудицией и опытом. Сексуальной силой превосходил обычных людей, голыми руками мог одолеть дикого зверя». Соответственно, был храбрым, благородным мужчиной, одинаково сильным и в военном искусстве, и в знаниях, образованности.

К сожалению, именно потому, что он во всем превосходил обычных людей, Чжоу Синь возгордился и зазнался, не прислушивался к мнению окружающих. «Всех великих сановников презирал, потому что считал, что им далеко до него, громко разговаривал, чтобы всех подавлять», «полагал, что с ним никто не может тягаться».

Были и другие слабости: пристрастие к алкоголю, безнравственной (не канонической) музыке и чувственным радостям. Женщины восхищались им. Причем, потомки вовсе не преувеличивали, говоря о распутстве и бесстыдстве Чжоу Синя. Однако быть правителем, героем, настоящим мужчиной — вовсе не недостатки. Надо учесть и то, что в период его правления в обществе бытовали именно такие нравы: людям нравилось собираться большими компаниями, безудержно пьянствовать, чревоугодничать и всячески развлекаться, так как же самому правителю не задавать в этом тон?

О том, что в государстве (в последний период правления Шан) буквально все злоупотребляли алкоголем, и что, возможно, это являлось серьезной проблемой в обществе, свидетельствуют извлеченные из земли при раскопках специальные утварь, приборы и сосуды для винопития, причем, в небывалом количестве. Тем не менее, такое масштабное поветрие не могло послужить причиной гибели государства.

Если говорить о чрезмерной жестокости казней, то следует быть объективными и справедливыми. В культуре каждой эпохи есть свои характерные особенности, к которым мы не можем подходить со своими требованиями. Является ли «нравственной» современная казнь с помощью электрического стула или внутривенного впрыскивания?

Давайте вспомним, что записано в «Шан-шу Да Юй мо» о еще более древних временах. Речь идет о великом Да Юе, усмирившем потоп и основавшем династию Ся. В течение веков его прославляют, как героя, а ведь во времена его правления существовала система «пятикратной казни» (клеймение, отрезание носа, отрубание пальцев на ногах, отрубание головы, разбрасывание отрубленных конечностей по площади), а также славилась своими жестокими порядками знаменитая тюрьма *Ся-тхай*.

В те времена, помимо отрубания головы, практиковали и казнь в виде бросания человека в кипящую воду, приготовление из человека «мяса с соусом», т. е. измельчение его тела на кусочки, разрывание туловища двумя колесницами, разрубание тела на две части по пояснице, удушение, сжигание заживо, публичная казнь на площади, истребление всего рода и другие виды бесчеловечных наказаний.

Так что подобные жестокости — вовсе не изобретение Чжоу Синя. И в каждом обществе осуществляют наказания, в соответствии с судебной системой.

Возьмем еще один пример, который поможет нам понять систему наказаний того времени. В трактате «Хань Фэй-цзы» (III в. до н. э.) написано: «Согласно законам государства Инь, тому, кто разбрасывал золу на общественной дороге, следовало отрубать руки». Смысл в том, что за мелкое правонарушение надо строго наказывать. Знаменитый сановник того времени Цзы Гун говорил, что тому, кто не понимает, почему за мелкую провинность надо жестоко наказывать, следует обращаться с вопросом к Конфуцию.

Конфуций же по этому поводу говорил, что люди, понимающие, как надо правильно управлять государством, будут учреждать именно такие виды наказаний — строгие за малую провинность.

Ведь если кто-то выбросит на дорогу золу, и она попадет в лицо прохожему, последний, естественно, возмутится, начнет ругаться, полезет в драку, — кому понравятся грязные лицо и одежда? Но любая драка и потасовка считались преступлением, за которое по законам того времени следовало казнить три поколения виновного!

Так что, хотя выбрасывание пепла на дорогу и может показаться легким проступком, но, если учесть, к каким последствиям это может привести, — смертной казни, наказание окажется вполне справедливым. В главе *Кхан гао* («Указ о назначении Кхан-шу» правителем бывших земель Шан-Инь) из книги «Шу-цзин» («Книга истории», автор — Конфуций), которую можно назвать наставлением-назиданием новому правителю, есть похвальный отзыв о законах Чжоу Синя династии Шан-Инь: «Законы Инь справедливы и обоснованы».

Несмотря на то, что нам они могут показаться жестокими и варварскими, эти наказания являлись разумными и целесообразными, соответствующими состоянию общества.

В той же главе есть достойная внимания мысль: «если человек совершил незначительный проступок, но поступил неправильно осознанно, более того, делает подобное неоднократно, его следует казнить. Если же человек допустил серьезное преступление, но произошло это случайно, его следует судить в соответствии с законом, но лишать его жизни не надо».

Возвращаясь к Чжоу Синю, скажем, исходя из вышеупомянутых пояснений, что его никак нельзя назвать беспощадным и безжалостным. Так почему же он потерпел поражение, почему погибла династия?

Многие культурные, образованные люди того периода значительно превзошли правителя Шан в злодеяниях и преступлениях. Успех политического переворота, который совершил чжоуский *У-ван*, во многом является случайностью. Убийство Би Ганя и арест Цзи Цзы явились серьезными ошибками в политике Чжоу Синя, но они произошли, возможно, из-за несовпадения политических взглядов. А вот то, что Чжоу Синь не принял мер предосторожности в отношении собственного брата Вэй-цзы, остается непонятным. В результате Вэй-цзы коварно предал и брата, и свое государство, «впустил волка в собственный дом».

Если исходить из фактов, Чжоу-ван был сильным правителем с мощной армией, экипированной металлическим оружием и доспехами. Он имел и отряд специального назначения — «кавалерию на слонах». В древних

книгах написано: «Шанцы использовали слонов для подавления восточного варварского племени *и*». Армию Шан называли «все сметающей на своем пути», «всепобеждающей» и «не знающей поражений». В то время Чжоу Синь имел лишь двух достойных противников: царство Чжоу на западе и племя *и* на востоке.

В свое время между Чжоу-ваном и Вэнь-ваном из вассального царства Чжоу произошла ожесточенная битва в местности Ли-чхэн, в результате которой Вэнь-ван потерпел поражение. Мы знаем, что он (Вэнь-ван) сидел в тюрьме Ёу-ли в Шан, и, похоже, он оказался там, потому, что был взят в плен в ходе сражения при Ли-чхэн, а вовсе не потому, что за кого-то заступился, как об этом принято писать в литературе. В это время помощник полководца Цзян Цзы-я находился на востоке от Шан, где призывал к восстанию восточные варварские племена, пытаясь учинить смуту и тем самым отвлечь Чжоу Синя от решения судьбы Вэнь-вана, — он боялся, что правитель казнит его соратника и покровителя.

Чжоу-ван тут же двинул войска на восток, намереваясь раз и навсегда покончить с угрозой со стороны этих варваров. Благодаря численному превосходству армия Чжоу-вана пробились к низовьям Янцзы, сметая все на своем пути, и напоминая осенний ветер, подметающий опавшие листья. Правитель Шан покорил большую часть племен восточных варваров, одержал блестящую победу и взял в плен бесчисленное количество людей.

Судя по записям «Цзо-чжуань» («Комментарии Цзо» к хронике «Чхунь-цзю», написанные Цзо Цю-мином), именно во время этого карательного похода Чжоу Синь и захватил в плен в качестве трофея девушку Да Цзи из восточного рода-племени Су.

Надписи на панцирях черепах периода Инь свидетельствуют о том, что воинам Шан потребовалось 200 дней, чтобы совершить этот поход, учитывая путь туда и обратно. Надо признать, что это очень изнурительное предприятие. В результате раскопок на месте руин столицы Инь, рядом с современным городом Ань-ян, из земли извлечен фрагмент человеческого черепа, на котором выгравированы иероглифы «глава местных князей», что свидетельствует о следующем: шанские воины убили главу местных князей, взяли его голову в качестве военного трофея и позже сделали соответствующую надпись на черепе.

Хотя шанская армия и победила восточных варваров, *жэнь-фанов* и *и*, но силы государства были сильно истощены, и об этом в «Цзо-чжуань»

сказано: «Чжоу одержал победу над восточными племенами, но нанес ущерб своему телу».

В это время Вэй-цзы, старший брат Чжоу Синя, тайно донес У-вану, правителю Чжоу, что армия Шан-Инь истощена, и ее обороноспособность чрезвычайно слаба. А отборная дивизия великого князя сейчас находится в дальнем походе на юго-востоке и вовремя не успеет вернуться. Так что сейчас правитель вооружил лишь 700 тысяч рабов и пленников, захваченных во время похода на восток. Если неожиданно двинуть войска на царство Чжоу Синя и развязать сражение в районе Му-е, можно одержать легкую победу.

Битва при Му-е оказалась невероятно жестокой, как описывается в «Шу-цзин»: «Крови было столько, что палицы плыли по ней, как по реке. Земля была красной на тысячу *ли* вокруг», а вовсе не так, как описывали в книгах последующих поколений, утверждая, что рабы обернули оружие против своих и «лезвия даже не были окровавлены», т. е. победа досталась слишком легко.

Чжоу-ван, не желая капитулировать, покончил с собой, а население не желало мириться с властью ставленника У-вана У Гэна, сына Чжоу-вана.

Так почему же народ не захотел жить под властью У Гэна? И, в то же время, почему У-ван не положил конец династии Шан? Потому что У-ван (как и его отец Вэнь-ван) считал низложение династии большим грехом, а Чжоу-вана — легитимным правителем.

Чиновники царства Шан отказывались занимать должности при новой власти, простые жители тоже не желали подчиняться новому правителю, поднимали бунты, и лишь через три года дому Чжоу удалось подавить эти волнения и беспорядки. Сплоченность населения свидетельствовала о высоком авторитете Чжоу Синя.

Относительно гибели правителя царства Шан у Конфуция есть оценка, которая заставляет задуматься: «Осталась слава о гибели грубияна и невежды, и не осталось славы о гибели великого князя!»

Возможно, он слишком много внимания уделял военным походам и военной мощи царства, и не придавал значения добродетели, не стремясь завоевать уважение людей добротой и щедростью души? Трудно судить о человеке, потому что каждый хочет видеть в нем то, что ценит сам: гуманисты хотят увидеть его гуманные поступки, а просвещенные и мудрые ищут в нем мудрость и просвещенность.

Но одно совершенно ясно: «нельзя судить о человеке по факту его победы или поражения. И тем более нельзя по собственной прихоти чернить женщину, вина которой ничем не подтверждается» — пишет в своей книге Ян Нань-нань.

«Мне хочется опровергнуть сложившееся мнение о Да Цзи, — говорит Ян Нань-нань, — но сделать это слишком сложно: исторических источников мало, да и времени прошло чересчур много. Поэтому справедливым будет лишь обсуждение причин поражения Чжоу Синя и причин гибели наложницы, как «принадлежности» великого правителя, ибо женщины в те времена полностью зависели от мужчин и подчинялись им.

Если властелин оказывался удачливым, его возлюбленная пользовалась почетом и богатством, если же он терпел поражение, женщину не только казнили, но и оставляли о ней дурную славу в истории».

Судя по всему, автор книги «Претенциозные записки об императорских наложницах», выступающая в защиту Да Цзи, права, потому что разные источники приводят разные примеры ее жестокости. Одни авторы утверждают, что по ее капризу отрубили ноги старику, который, в отличие от молодого парня, никак не решался войти в холодную воду. В других источниках рассказывается, как Да Цзи поразил мужчину, который лютой зимой бесстрашно ходил босиком по льду, и она велела отрубить ему ноги, чтобы посмотреть, как они устроены, чем отличаются от ног обычных людей.

Что касается истории об убийстве сановника Би Ганя, дяди Чжоу Синя, то она тоже излагается в разных вариантах, и вот один из них. Затаив злобу против Би Ганя, который неоднократно критиковал и осуждал ее поступки, Да Цзи решила изощренно отомстить.

Она притворилась больной и сказала правителю, что у нее больное сердце, и что вылечить ее сможет лишь блюдо, приготовленное из сердца самого справедливого и праведного сановника, потому что лишь у таких людей сердце имеет семь отверстий. Как известно, согласно традиционной китайской медицине, «подобное лечат подобным», т. е. больному, у которого слабая печень, следует употреблять в пищу именно печень животных и птиц.

Чжоу Синь предложил дяде пожертвовать своим сердцем ради любимой наложницы, на что тот, вспыхнув, возразил: «У нее нет сердца, а потому оно не может быть больным!» Тем не менее, сердце у Би Ганя было вырезано, и Да Цзи вскоре «выздоровела».

Естественно, что и саму виновницу гибели многих людей ждал печальный конец, — ей отрубили голову. Однако утверждают, что красота ее была

столь совершенной, напоминающей цветок персика, а сама она была столь обольстительной, что даже у душегуба-палача не поднималась рука казнить ее, и он, якобы, пришел в такой восторг, что готов был сам умереть чтобы спасти Да Цзи. Недаром ее красоту называли дьявольской.

Однако в книге «Ши шо синь ю» («世说新语») приводятся слова великого поэта конца периода Восточной Хань Кхун Жуна (153—208), внука Конфуция в 20-м поколении, который утверждал, что «после вторжения армии Чжоу в шанскую столицу Чжао-гэ У-ван захватил Да Цзи в качестве военного трофея и впоследствии сделал ее своей служанкой», и тот факт, что после этого в народе прекратилась молва о ее склонности к жестокости, является косвенным доказательством этого факта.

Отец и сын, Вэнь-ван и У-ван, дали клятву, что уничтожат династию Шан. Такая позиция была основана и на развитии политической ситуации, и на личной ненависти, а стремление опорочить Да Цзи в глазах людей явилось лишь политическим средством.

Гибель Шан оказалась предрешенной, прежде всего, потому, что все силы государства оказались брошенными на юго-восток в погоне за новыми плодородными землями и территориями. Все внимание уделялось району, расположенному в южном течении Янцзы, в то время как центральная равнина оказалась совершенно неприкрытой, незащищенной.

Правитель Чжоу получил великолепную возможность использовать исторический случай, и он его не упустил. Тем не менее, гибель династии вменили в вину женщине, и эта версия упорно поддерживалась в течение многих веков, однако с такой версией трудно согласиться.

Единственное, что можно признать,—Да Цзи невольно способствовала обострению конфликтов между вассальными князьями и правителем Шан. Попав во дворец, Да Цзи, естественно, начала бороться за внимание *ди* Синя, оттесняя других наложниц. Это приводило к ссорам с обделенными второстепенными женами, а ведь за каждой из них стоял определенный князь, определенное вассальное государство. Так что не стоит переоценивать силы синьцзянской красавицы, приписывая ей вину в гибели династии.

Это же подтверждают и надписи на костях животных, принадлежащие жителям Шан, обнаруженные учеными во время раскопок: на них есть записи, свидетельствующие о дурных поступках Чжоу-вана, и нет никаких записей, порочащих имя Су Да Цзи.

Скорее всего, наговоры на Да Цзи и, в какой-то степени, на Чжоу Синя явились попыткой обосновать и исторически оправдать события, связанные с завоеванием государства Шан-Инь и свержением этой династии.

Синьцзян, из которого, якобы, была привезена Да Цзи, расположен на северо-западе нынешнего Китая. А в литературе подчеркивается, что в последние годы существования Шан правитель выступал, в основном, на юго-восток, присоединяя все новые и новые земли. Впрочем, возможно, что военные походы предпринимались во всех направлениях, ибо есть и еще одна версия происхождения красавицы, с которой связано так много тайн. Автор книги «Претенциозные записки об императорских налогоплательщиках» утверждает, что Да Цзи принадлежала к племени *чжуанов*, проживающих на юго-западе современного Китая, на границе с Вьетнамом, причем, эти земли в древности действительно принадлежали Вьетнаму.

Интересный факт. В селении Цюань-чжэн (全征村), рядом с городком Ма-тхоу (马头镇), что в уезде У-мин (武鸣县) автономного района Гуанси, обнаружены развалины храма с названием «Храм предков, посвященный великим светилам и горному духу» (大明山神祠). И хотя родовой храм сильно разрушен временем, тем не менее, хорошо угадываются колонны и фундамент строения периода Тхан (618—907).

Старики рассказывают то, о чем слышали от своих предков: в этом храме придворные чиновники когда-то совершали жертвоприношения, поклоняясь Чжоу-вану и Да Цзи. В Китае никто никогда не видел и не слышал о подобном, — чтобы поклонялись этим историческим героям.

Рассуждая логически, только на родине красавицы могли возвести храм, единственный в Китае, как дань памяти о своей знаменитой соплеменнице, в котором ей поклонялись.

А если проанализировать имя Да Цзи, то его структура полностью совпадает с аналогичными именами народности *чжуан* в древности и по сей день. И сейчас молодые девушки в народе часто перед именем имеют приставку «Да», которая записывается тем же иероглифом, что и имя Да Цзи. Она служит как бы артиклем, указывающим: «девушка такая-то».

Правда, надо сказать, что в разных районах Гуанси-Чжуанского автономного округа эта приставка записывается разными иероглифами, например, 姐, 达 или 女大, потому что даже в одной провинции может

быть много разных диалектов, однако читаются все иероглифы одинаково: «да».

Своеобразный этот артикль явно древнего происхождения, так что не исключено, что Да Цзи была родом из народности чжуан. И, поскольку девушка обладала удивительной внешностью, вполне возможно, что правитель древнего южного племени *ло-юэ* (предки *чжуанов*) преподнес ее в качестве подарка *ди* Синю, получив от этого какую-то выгоду, будучи благодетельствованным.

Вероятно, что и храм был построен в этих местах тоже в знак благодарности правителю Шан; в свою очередь и шанский *ди* Синь не оставил племя без подарков: в районе города Ма-тхоу, в древних захоронениях периода Шан-Чжоу, обнаружено множество удивительных артефактов. Однако общество *оу-ло* (*ло-юэ*) того времени не обладало такими возможностями, чтобы отливать тонкостенные изящные медные кувшины с крышками для вина и блюда из меди, поэтому остается предположить, что все это было привезено из центральной равнины и, не исключено, — пожаловано *ди* Синем вождю племени *ло-юэ*.

Последующие поколения, обратив внимание на то, что некоторые женщины своим поведением способствовали краху империй из-за чрезмерной привязанности к ним китайских правителей, объединили самых ярких таких представительниц в группу «четыре великие обольстительницы древности» (中国古代四大妖姬).

К ним относят **Мо Си** (妹喜), наложницу последнего правителя-тирана Цзе легендарной династии Ся, **Да Цзи** (妲己) династии Шан, **Бао Сы** (褒姒) династии Чжоу и **Ли Цзи** (骊姬) периода Весны и Осени.

А мне, как автору этой главы, хочется возразить: мужчин во все времена формировали женщины: мать, сестра, жена, подруга, возлюбленная. Именно они, как темное начало *Инь*, способны своим влиянием перечеркнуть все положительные задатки и добродетели мужчины.

Для самых любознательных

¹Имена и прозвища. Напомню некоторые сведения из своей «зеленой» книги («Жизнь среди символов»). В древнем Китае у образованного человека

бывало по несколько имен, несколько официальных прозвищ, несколько псевдонимов, так что у Цзян Цзы-я их тоже немало, как у человека достойного и прославленного в веках.

Почти каждый человек в Китае имел **родовое имя** (*син*, 姓), **клановое имя** (*ши*, 氏), **первое личное имя** (*мин*, 名), **второе личное имя** (*мин*), **имя** (*цзы*, 字), **народное прозвание** (*су-чхэн*, 俗称) и **прозвище**. Не все, но многие китайцы имели, сверх того, почетные названия и проименования, а также качественные наименования по смерти.

Недаром, по-китайски вопрос «как тебя зовут?» звучит «*ни цзяо шэн-мо мин-цзы?*», т. е. «какое у тебя *мин*, и какое — *цзы?*»

В Китае нет определенных, фиксированных имен, они составляются и даются детям по решению родителей или старших в семье и могут меняться в разные возрастные периоды. Но имя, принятое при определении в должность, менять запрещено.

Обращались друг к другу по фамилии, добавляя учтивые слова, в зависимости от чина, возраста и состояния. Называть друг друга по имени всегда считалось неприличным, а то и оскорбительным, разве что хозяин мог окликнуть по имени слугу, или родители — детей. Поэтому, если требовалось уточнить имя, спрашивали: «Как ваше непроизносимое?»

По этой же причине правители (императоры, князья) имели специальные имена, под которыми они известны в истории, чтобы не упоминать вслух и не записывать их подлинные.

Почетные названия давали, учитывая смысл слов, составляющих имя. Например, имя — Надежда, почетное название — Чаяние. Проименования давали отличившимся людям, используя слова, характеризующие их человеческие качества либо напоминающие место их рождения или пребывания.

Родовое имя главного героя (*син*), — Цзян, **клановое имя** (*ши*) — Люй, **первое личное имя** (*мин*) — Шан, **второе личное имя** (*мин*) — Ван («смотреть с надеждой»), **имя** (*цзы*) — Цзы, неофициальное, **второе имя** (*цзы*) — Я («зуб»), **народное прозвание** (*су-чхэн*) — Цзян *тхай-гун*, **прозвище** — Летящий медведь.

Трудно сказать, откуда пошло такое родовое имя (а по-нашему — фамилия) «Цзян», что значит «имбирь». Что же до кланового имени «Люй», то его предкам за особые заслуги была пожалована местность Люй, расположенная в современной провинции Хэнань. Кстати, героя нередко называют еще и

Люй Шаном, и иероглиф «шан» означает, что данный человек служил при дворе правителя.

Позже и сам Цзян Цзы-я заслужил за свои подвиги надел земли в Ци, став князем, а потому появилось и новое имя: **Ци тхай-гун** (齊太公), а предки его получили клановое имя Люй вот, за что.

Основатель рода Сы-юэ Бо-и, имя которого переводится «четыре вершины», являлся помощником знаменитого Да Юя, усмирявшего потоп в Китае в период династии Ся, и за его подвиги Великий Юй (Да Юй) пожаловал тому земли Люй. На этих землях и основали княжество Люй. Однако потомки Сы-юэ Бо-и постепенно обеднели, так что от бывшего осталось лишь клановое имя.

А как появилось второе личное имя *мин* — **Ван** («надежда»)? Это имя ему пожаловал князь, чжоуский Вэнь-ван, которому прорицатель предсказал, что именно старичок Цзян Цзы-я станет его «учителем» и советником, благодаря которому в царстве наступит процветание, причем — на три поколения правителей княжества Чжоу.

После того как правитель царства Чжоу обратился к нему при первой встрече со словами: «Ты — тот, на кого я возлагаю большие надежды!», «Ван» стало его личным именем. При этом, подчеркивая свое особое уважение, князь назвал его еще и «батюшкой», или «предком» (*тхай-гун*), так что «**Тхай-гун Ван**» (太公望) сначала стало его прозвищем, а потом и привычным именем, которое в просторечии сократили до «**Цзян тхай-гун**» (姜太公).

Привычными стали и другие, образовавшиеся путем соединения всех известных имен и прозвищ в разном порядке: **Люй Ван** (呂望), **Цзян Шан** (姜尚), **Люй Шан** (呂尚), **Цзян тхай-гун** (姜太公), **тхай-гун Ван Люй Шан** (太公望呂尚), **Ши Шан-фу** (師尚父), **Цзень-Шан** (翦商), т. е. Покоритель Шан.

Профессор Завьялова Т.Г. полагает, что имя «Ван» можно оценить и как прозвище или как знаковую смену имени, связанную с изменением социального статуса.

Но были еще и почетные прозвища *хао* (号), или похвальные имена, которые давались за какие-то заслуги или подвиги. У дедушки Цзяна их несколько: **тхай-гун Ван**, **Шан-фу**, **Ши Шан-фу**, **тхай-гун Ван Люй Шан**, **Ци тхай-гун** и **Цзян тхай-гун**.

Иероглифы *тхай-гун* в первом, четвертом, пятом и шестом прозвищах означают титул знатности. Ведь, как уже упоминалось, великий князь после его подвигов пожаловал дедушке Цзяну удел, на территории которого тот основал княжество Ци.

Второй чжоуский правитель У-ван, сын предыдущего Вэнь-вана, относился к дедушке Цзяну, как к учителю, отсюда и иероглиф *ши* в третьем почетном прозвании. Он же, У-ван, относился к своему учителю, как к отцу, поэтому во втором и третьем прозваниях есть иероглиф *фу* («Подобный отцу» и «Лучший учитель, подобный отцу»). Остальные иероглифы в прозвищах являются личными, родовыми или клановыми именами.

Было у дедушки Цзяна и прозвище **Фэй-сюн** (Летающий медведь, 飞熊), и храмовое имя **Ши-цзу** (Основатель рода, 始祖), и посмертное имя **Ци тхай-гун**, которое уже упоминалось, т. е. «*тай-гун* княжества Ци».

Что касается качественных наименований по смерти, то они впервые были утверждены именно в начале династии Чжоу, о которой рассказано в данной главе. В Китае существует три книги, в которых собраны с объяснением их смысла все посмертные имена государей, государынь, князей и высших чиновников за всю историю страны, всего — 528.

Прозвище Цзян Цзы-я появилось следующим образом. Однажды удельному князю Си-бо (чжоускому Вэнь-вану) приснился сон, в котором он увидел летающего медведя, опустившегося перед его дворцом. Сон ему растолковали, пояснив, что он должен встретить добродетельного человека, мудреца. И Вэнь-ван через какое-то время действительно встретил Цзян Цзы-я, сидевшего на берегу со странной удочкой. Впоследствии Цзян Цзы-я и получил это прозвище — Летающий медведь.

Его называют еще и отшельником из Пхань-си-ся (蟠溪峽隱士), и советником полководца по стратегии (軍師).

Под именем **Люй Ван** герой известен как основатель китайской военной науки и автор трактатов «Три стратегии князя Желтой скалы» и «Шесть военных тактик» (六韜).

Правда, позже некоторые исследователи стали утверждать, что «Шесть военных тактик» написал человек, живший несколько позднее, — в эпоху Борющихся царств. Однако в существующем ныне варианте данного произведения отображены рекомендации по практическим действиям в военном деле Цзян Цзы-я и его идеи относительно военного искусства, тактики и стратегии.

Древнекитайский историк Сыма Цень (145 — около 86 гг. до н. э.) в своей работе «Исторические записки», в главе «Дом Ци-ского Тхай-гуна» (речь идет о Цзян Цзы-я, князе Ци), указывает, что военные трактаты, написанные позднее, а также «коварные замыслы и хитрые приемы» в военном деле, о

которых писали военные специалисты последующих поколений, все основаны на работе предка *Тхай-гуна*. Таким образом, можно утверждать, что Люй Ван действительно является основателем военной науки в Китае.

Неподготовленному читателю непросто запомнить и не запутаться в многочисленных именах и прозвищах описываемого героя, однако имена — часть китайской культуры, и тут трудно что-либо упростить для удобства восприятия.

²**Яо** слыл простым, скромным, неприхотливым в быту, его жилище ничем не отличалось от бедняцкого. Он ничего не ел кроме риса и отваров из целебных трав. Одевался, соответственно, тоже очень просто.

Главной своей заботой он считал благо народа. Будучи самокритичным и совестливым, обвинял только самого себя, если кто-то совершал преступление, если кто-то голодал и терпел лишения. Вместе с мудрыми сановниками **Яо** правил таким образом сто лет.

И как же потомкам не славить этого императора, если его можно считать образцом справедливости. Его сын Дань Чжу (Киноварно Красный) был непочтительным, и благополучие подданных его абсолютно не волновало. Поэтому, чтобы народ не страдал от такого правителя, как его сын, мудрый **Яо** стал искать наследника среди способных людей своего государства.

Его выбор остановился на юноше по имени **Шунь**, который родился на юге нынешней провинции Шаньси в семье слепого старца Гу Соу. Забегая вперед, скажу, что его со временем обожествили, и он стал считаться прародителем народа Шан, той самой династии и государства Шан, в котором жил Цзян Цзы-я.

Правитель **Яо** отдал в жены **Шуню** двух своих дочерей, и тот правил несколько десятков лет, сделав много доброго для своей страны. Он тоже, подобно **Яо**, отдал трон не сыну, который интересовался только развлечениями и большую часть времени посвящал пению и танцам, а молодому человеку по имени **Юй** из рода Ся. Этот **Юй** был одним из прямых потомков императора **Хуан-ди** (Желтый император, который считается основоположником китайской государственности).

Итак, период У-ди («Пять императоров») завершают **Яо** и его зять **Шунь**, который стал прародителем шанцев.

Следующую эпоху, легендарную Ся, «открывает» **Юй**, и названа она по имени его рода. Ему, а не своему сыну, передал правление император **Шунь** за то, что **Юй** усмирил Великий потоп, посвятив этому делу несколько лет своей жизни, и спас страну. Сам же благородный император **Шунь** в старости

отправился с инспекцией на юг и там неожиданно скончался. Вся страна скорбела, а две его жены, родные сестры, дочери легендарного императора **Яо**, отправились на юг за телом супруга. Они так плакали, что слезы, падая на бамбук, оставляли на его стволах темные отметины. Именно с тех пор, говорят, на юге по сей день можно встретить пятнистый бамбук, который называется «бамбук фей реки Сян». Когда сестры Э Хуан и Нюй Ин переправлялись через реку Сян, их лодка перевернулась, и женщины утонули, став феями этой реки (Сянлинские феи, Сянцзянские феи).

³Перед учеными возникла загадка: как попали они к монголоидам? К западу от Шан жило индо-европейское племя тохаров, возможно, оно и было посредником между шанцами и Ближним Востоком? Ведь именно на Ближнем Востоке впервые вывели породы лошадей, пригодных для колесниц. А может быть, и сами правители шанцев периода Инь относились к европеоидам, придя на эту территорию с запада и принеся свою цивилизацию, а затем ассимилировались среди монголоидов?

Китайский антрополог Ян Си-мэй обследовал 159 черепов бывших жителей царства Инь, найденных близ Ань-яна, к северо-западу от Великого города. 83% из них были обезглавлены и принадлежали пленникам, погребенным вместе с правителями царства Инь.

По мнению китайского антрополога 51 череп (32,1%) принадлежал эскимоидам (черепной указатель 76,35), 41 череп (25,8%) — полинезийцам (черепной указатель 75,7), 34 черепа (21,4%) — негроидам Индии, Индонезии, Океании (черепной указатель 75,01), 31 череп (19,5%) — классическим монголоидам (черепной указатель 79,16), и 2 черепа — узконосым кавказоидам (черепной указатель 73,58). Черепной указатель является одним из важнейших расовых признаков.

Судя по перечисленным черепам, правителями царства Инь, скорее всего, были кавказоиды. Их черепной указатель практически равен черепному указателю атипичных карасукцев (73,9) на востоке Минусы (Лугавская культура), готов Среднего Приднепровья (73,7) и саксо-тюрингов (74,3). Описания правителей царства Инь, а также других последующих царств: Чжоу, Цинь и иных, подтверждают вывод о том, что их правителями могли быть кавказоиды. В свою очередь, слугами в царстве Инь могли быть негроиды Индии, а пленниками — эскимоиды, полинезийцы, классические монголоиды.

Первую археологическую культуру на китайской территории (северо-восток) — культуру *син-лун-ва*, 6200—5400 гг. до н. э., — создали пришельцы, и это были европеоидные пришельцы круга культур крашеной керамики.

Интересным является тот факт, что на памятниках этой культуры обнаружены первые скульптурные изображения змеев, или драконов. То есть пришельцы принесли с собой не только культуру, но и соответствующую мифологию, которая впоследствии была усвоена китайцами. Иероглифы были переданы «китайцам» представителем высокоразвитой цивилизации, лежащей к северу от Древнего Китая.

Представители карасукской культуры (смешанный тип, в основе которого был европеоидный «андроновский» антропологический тип, дополненный монголоидным типом пришельцев из восточных районов Центральной Азии) были связаны с древним населением Северного Китая. В частности, часть ножей карасуксы импортировали в Китай, где в эпоху Чжоу монеты-ножи были в активном хождении. В Хакасском музее сохранилась статуэтка китайского императора Чжоу Синя, в которой угадывается человек европеоидной внешности, а не монголоидной.

О «неясной» антропологической природе представителей культуры *син-лун-ва* можно судить хотя бы по размеру могил и обнаруженных в них костяков. Так, погребение №117 в жилище №176 имело длину около 2 метров. А погребение №118 близ жилища №180 имело размеры 2,5 × 0,97 метра, и в могиле находился скелет мужчины, ростом 1,82 метра. Этот рост соответствует европеоидам и настоящего, и того (7–6-го тыс. до н. э.) времени. Напомним, рост местных палеоантропов составлял 140—155 см в живом состоянии, или около 130—140 см в костяке. Из метисации пришельцев с монголоидными палеоантропами сформировались китайский и соседние народы.

На определенном историческом этапе, в течение нескольких веков после завоевания чжоусцами царства Шан-Инь, представители белой европеоидной расы, вероятно, составляли военно-политическую элиту Северного Китая. Иначе трудно объяснить, почему некоторые китайские императоры, вплоть до периода Троецарствия (220—280 гг. н. э.) имели достаточно выраженный европеоидный облик.

Цинь Ши-хуан, император династии Цинь (259—210 гг. до н. э.), имел продолговатое лицо, широкие глаза и выдающийся нос. Столь же выраженными арийскими чертами обладал и родоначальник династии Хань — Гао-ди: «Родился в нынешней провинции Ганьсу в области Суй-чжоу-фу. Он имел

орлиный нос, широкий лоб, был прост и одарен обширным соображением». Историк Сыма Цень добавляет, что Гао-ди имел бороду и бакенбарды — признаки, почти немыслимые у этнически чистых китайцев. В «Троецарствии» многие деятели китайской политики описаны точно так же, а один из них, рыжебородый богатырь Сунь Цюань, даже носил прозвище «голубоглазый отрок».

⁴Помимо *вана* (великого князя) в Чжоу были и другие титулы китайской знати: *гун* (公), *хоу* (侯), *бо* (伯), *цзы* (子) и *нань* (男). Причем, строгая иерархия титулов отсутствовала, и они с легкостью взаимозаменялись.

В период Восточной Чжоу наследственная рабовладельческая знать лишилась своих родовых земельных владений. Представителей новой земельной аристократии стали называть *да-фу* (大夫, «большие люди»). Они получали от правителей княжеств поселения и поля вместе с людьми и постепенно образовали сильные семейные роды и сосредоточили в своих руках огромную власть, опираясь на служилое сословие — *ши* (士). Следующая после Чжоу — династия **Цинь** (221—207), которую основал известный всему миру правитель Цинь Ши-хуан-ди. Именно он впервые в истории объединил все княжества, образовав империю, а потому стал именоваться императором (*хуан-ди*, или *ди*). После этого все государи в Поднебесной носили только титул *ди*.

⁵В древнем тексте «Кхун-цзы цзя-юй» рассказывается, что когда Конфуций посетил храм, в котором приносились посмертные жертвы Хоу-цзи, он нашел в нем статую с надписью завета: «Древние люди были осмотрительны в своих словах. Будьте и вы осторожны! Говорите поменьше, многословие ведет к ошибкам (т. е. всегда скажешь то, чего не следовало бы). Не обременяйте себя делами, обилие дел ведет к заботам. Не предавайтесь излишне покою и удовольствиям. Не делайте того, в чем могли бы потом раскаяться. Будете говорить: «это не важно», «это не опасно», «это не вредно», — и непременно попадете в большую беду.

Не говорите: «нас никто не слышит», — духи бдительно наблюдают за людьми. Маленького огня не погасишь, и он делается большим пламенем; маленьких ручейков не запрудишь, и они образуют большую реку; когда нитки (как ни тонка каждая, отдельно взятая) соединены вместе, их нелегко разорвать, из них можно делать сети и силки; неукоренившееся деревце

нетрудно вырвать, но когда оно делается большим, понадобится топор, чтобы срубить его.

Осторожность — корень благополучия; рассуждения «то не беда, другое не беда» — врата несчастий. Кто имеет силу и употребляет ее во вред другим, тот не окончит дней своей естественной смертью. Кто любит побеждать, тот непременно встретит себе противника, которым сам будет побежден».

Вожди племени, потомки мудрого Хоу-цзи, на протяжении многих поколений, следуя его заветам, не могли не возвыситься. Один из них — Дань-фу в начале XIII в. до н. э. получил княжеский титул *гун*. Тогда же земли, занимаемые племенем Чжоу в Ци-шани, были официально признаны его наследственными владениями.

По свидетельству древнего историка Сыма Цяня, именно Дань-фу, получивший посмертный титул *Гу-гуна*, отверг обычаи кочевников: он стал строить города, окруженные стенами, и предместья вокруг них, сооружал здания и дома и расселял в них народ. При нем чжоусцы перешли к земледелию. Своим наследником *Гу-гун* объявил младшего сына Цзи-ли (получившего потом титулы *гун-цзы* и *ван-цзы*).

⁶Здесь уместно будет привести соответствие китайских титулов — западноевропейским:

ван — князь;

гун — герцог;

хоу — маркиз;

бо — граф;

цзы — виконт;

нань — барон.

⁷Цзян Цзы-я написал трактат «Шесть военных тактик», который имеет интересные названия глав: Гражданское искусство, Военное искусство, Искусство дракона, Искусство тигра, Искусство леопарда и Искусство собаки.

Эта книга написана в виде беседы между двумя князьями (отцом и сыном) царства Чжоу, *Вэнь-ваном* и *У-ваном*, а также их учителем и советником Люй Ваном, т. е. Цзян Цзы-я.

В первых двух главах рассказывается о принципах управления государством и об основах военной политики.

Искусство дракона подразумевает военное искусство и стратегию, которыми должен владеть полководец.

Искусство тигра подразумевает управление войсками и включает в себя 12 разделов: Военные атрибуты, Три воинских расположения в триаде Небо-Земля-Человек, Ожесточенное сражение, Стремительная атака, Стратегическое планирование, Учет ситуации, Неторопливое передвижение, Гонги и барабаны (своевременное информирование), Перекрывание дороги, Захват стратегических позиций, Огневой бой и Возведение ложного лагеря (ловушка).

Под «Тремя воинскими расположениями», в свою очередь, подразумеваются: светила, горы и реки; колесницы и кони; гражданские и военные средства (天阵·地阵·人阵).

В главе Искусство леопарда говорится о ведении военных действий.

Глава Искусство собаки посвящена обучению войск.

В 1972 году в провинции Шаньдун, в горах Инь-цзюэ, недалеко от города Линь-и, во время раскопок гробницы императора У-ди династии Хань был обнаружен вышеупомянутый трактат «Шесть военных тактик», немного пострадавший от времени, написанный на бамбуковых дощечках. Сравнение с экземплярами, существующими на сегодняшний день на бумаге, подтвердило подлинность найденного бесценного варианта.

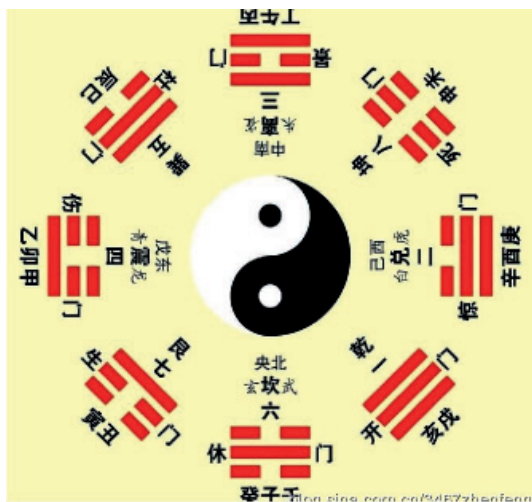
Данный трактат веками хранился в личных императорских библиотеках, как величайшее сокровище. Многие герои мечтали о прочтении этой книги, а потому о ней распространялось много легенд и небылиц. Например, утверждалось, что усвоивший все ее военные секреты сможет летать, оседлав палку, и, конечно же, непременно добьется победы в любом сражении. Утверждалось, также, что обнаружить и изучить этот трактат дано лишь особо талантливым людям, причем, якобы, сразу после прочтения текст исчезает с бамбуковых дощечек, ибо читающий как бы впитывает глазами в себя его священные иероглифы.

⁸Космогония китайцев. Находясь в тюрьме Ёу-ли, согласно преданиям, Вэнь-ван, изучив книгу Фу-си, продолжил его исследования в области восьми триграмм «И-цзина» («Канон Перемен»), автором которого тот является (Фу-си и Нюй-ва в китайской мифологии — прародители китайцев). Свою работу он назвал «Восемь триграмм Вэнь-вана» и «64 гексаграммы Вэнь-вана».

Стремясь и в заточении принести пользу, Вэнь-ван работал над пояснительными текстами к гексаграммам, а также комментариями к

Восемь бессмертных
переплывают море.
Декоративная тарелка

Высший Предел Тхай-цзи и триграммы

Даоский храм

Восемь бессмертных, фарфоровая миниатюра

Восемь бессмертных

Молельные подушки в храме

Даос с метелочкой

*Даосские монахи в пекинском храме
Белых облаков*

Даосский монах

*Колокол с одним из сыновей
дракона*

Звездные генералы-покровители каждого китайца

Идолы и подношения им

Лань Цхай-хэ

Лао-цзы

Correspondence between the 64 Hexagrams of the I Ching and Modern Chinese Characters

天干	十	乙	丙	丁	戊	己	庚	辛	壬	癸
事物	虎	马	鹿	牛	咒	羊	象	鱼	鹏	蚕
物	雷	雨	水	虹	日	月	夕	车	土	王
行为	并	闻	伐	获	降	射	身	渔	坠	易

Иероглифы эпохи Шан

Лао-цзы

Лао-цзы с символом даосизма

Лао-цзы на белом носороге

Ли Тхе-гуай

Лю хар в г.Тяньцзинь

Лао-цзы

Лю Хар на трехлапой жабе

Лю Хар верхов на трехлапой жабе. Бронзовое литье

Моление о счастье на территории храма

Трехлапые денежные жабы

Хань Сян-цзы

Хэ Сень-гу

Монахи на отдыхе

Подушка молельная

Цзян Цзы-я — ловец удачи

Чжоу-синь и Да-цзи

гадательным чертам «И-цзина», усовершенствовав древнее произведение (гексаграмма — сочетание двух триграмм). Тщательно изучив их, он унифицировал, стандартизировал триграммы и сделал логический вывод о том, что всего должно быть 64 гексаграммы и 384 прерывистых и сплошных линий.

В этом труде с помощью простейших рисунков и чисел, противостояния и превращений *Инь* и *Ян* разъясняются сложные социальные явления, и именно эта работа Вэнь-вана была названа «Чжоу-и». В нее входят «И-цзин» и комментарии к нему.

Название «Канон Перемен» объясняется тем, что главная идея, лежащая в ее основе, — идея изменчивости. На основе этой идеи была построена теория гадания о деятельности человека: идет ли эта деятельность вразрез с ходом мирового свершения, или она гармонически включается в мир, т. е. несет ли она несчастье или счастье?

Несколько слов о философии китайцев. Как уже упоминалось, еще мифический правитель Фу-си изложил свои мысли об устройстве вещей в природе с помощью двух черт — прямой и прерывистой. Через утроение эти черты представлены в восьми видах и называются *гуа*.

Восемь символов (*ба гуа*) представляют собой сочетание определенных каббалистических знаков, состоящих из различных комбинаций прямых линий, составленных в круг. Непрерывная линия (—), называемая *Ян*, является символом мужского начала, а прерывистая (- -), называемая *Инь*, символизирует женское начало.

Эти символы посвящены эволюции природы и ее циклическим изменениям. Каждое сочетание из трех линий имеет свое название, характеристику, соответствующую стихию, животное и сторону света.

Еще один мифический государь Ень-ди (Шэнь-нун), а также описываемый нами Вэнь-ван, а позже — и его сын Чжоу-гун с помощью триграмм изложили основные понятия о законах физического и духовного мира. Китайская космогония основывается на принципах дуализма. *Инь* и *Ян* являются отрицательным и положительным началами и графически изображаются «яйцом» с четким разделением желтка и белка.

Ян символизирует Небо, Солнце, Свет, Энергию, Мужчину, Проникновение в Монаду. Ему соответствует Дракон, голубой цвет и нечетные числа, а в китайской науке *фэн-шуй* — возвышенности.

Инь символизирует Землю, Луну, Тьму, Покой, Женщину, Поглощение и двойственность. **Инь** представлена Тигром, оранжевым цветом, четными числами; в *фэн-шуй* **Инь** представлена долинами и реками.

Из 64 символов (гексаграмм) каждый выражает определенную жизненную ситуацию во времени с точки зрения ее постепенного развития. Каждый символ состоит из шести черт, которые обозначают последовательные ступени развития данной ситуации.

Черты называются *яо* (爻), следовательно, триграмма образуется из различных сочетаний трех *яо*, а гексаграмма — из различных сочетаний шести *яо*. Комбинации черт *яо* имеют общее название *гуа*. При этом *яо* бывают, как уже упоминалось, двух видов: сплошные и прерывистые.

Черты читаются снизу вверх, и их последовательность описывает развитие ситуации.

Первоначально «Канон Перемен» использовался как гадательная книга, в этом же качестве он используется и поныне — для исследования ситуаций и решения проблем как простыми людьми, так и государственными лидерами. В переломные периоды человеческой истории вообще и индивидуальной человеческой жизни в частности «Канон Перемен» выступает как помощник на путях исследования судьбы и поиска смысла существования.

Гадание заключается в выборе с помощью довольно сложных псевдослучайных процедур шести черт и поиска в книге соответствующей гексаграммы. Каждой гексаграмме, а также каждой черте в гексаграмме сопутствует набор афоризмов, которые и должны дать совет гадающему. Однако некоторые китаеведы по этому поводу имеют свою точку зрения, полагая, что существует некий **код перемен**, известный лишь китайцам, и без ключа к коду перемен не имеет смысла заниматься переводом «Канона Перемен» на европейские языки. В европейском образовании отсутствует понятие «закон перемен», однако некоторым европейцам с парадоксальным мышлением удалось его открыть.

Китаевед Крушинский Андрей Андреевич, опираясь на алгебру Буля, описал этот закон перемен в математическом виде. Еще один наш соотечественник Масленников, математик и физик, который даже и китайского языка не знал, занимался кодом перемен и описал его. Код перемен — это, собственно говоря, штрих-код, состоящий из сплошных и прерывистых линий, символизирующих чет и нечет. Набор из 64 определенных ситуаций, обозначенных штрих-кодами, соответствует генетическому коду человека, что обнаружил наш ученый, биолог Петухов.

Китаист Андрей Петрович Девятов напоминает тем, кто знаком с китайской историей, культурой и философией: «Вся китайская история мыслится как циклическая, — это хаос, наведение порядка, малое процветание, потом великое единение. Далее — все опять падает в хаос, потом — вновь наведение порядка, процветание и т.д. Считая от первого регулярного императора (Цинь Ши-хуана) сейчас у китайцев уже восьмое малое процветание».

«Еще Конфуций в своей книге «Весны и Осени» изложил историю, как циклы, в которых весна переходит в осень, а осень переходит обратно в весну. Ибо история — это цикличность, это сумма волн разных периодов. И китайцы умеют считать эти циклы».

Математиков «Канон Перемен» интересует, прежде всего, с точки зрения порядка расположения в ней гексаграмм. Исторически известно несколько вариантов расположения гексаграмм: Фу Си, Вэнь-вана и несколько экзотических. До сих пор не известно до конца, расположены ли эти гексаграммы в каждом таком порядке хаотично или по некоторому закону. Но определенные закономерности удалось выявить.

Например, если в порядке Вэнь-вана, который развил и дополнил древнее произведение «И-цзин», расположить гексаграммы в соответствии с их нумерацией, получится следующая картина.

Каждая четная гексаграмма получается путем поворачивания стоящей перед ней нечетной гексаграммы на 180° . Если же четная гексаграмма симметрична относительно поворота (то есть при повороте переходит в саму себя), то она получается из стоящей перед ней нечетной гексаграммы путем замены в этой нечетной гексаграмме всех сплошных черт на прерывистые, а прерывистых — на сплошные. Таким образом, все гексаграммы можно разбить на пары.

Американскому писателю, философу и этноботанику Теренсу Маккенне удалось обнаружить то, что ускользнуло от внимания других исследователей произведения «И-цзин». Изучая порядок Вэнь-вана, он решил исследовать, сколько черт изменяется при переходе от каждой предыдущей гексаграммы к каждой следующей.

На этой схеме первым числом является число шесть — это количество черт, которое изменилось при переходе от первой гексаграммы ко второй. И действительно, шесть сплошных черт сменились шестью прерывистыми. При переходе от второй гексаграммы к третьей две прерывистые черты сменились на две сплошные — получили число два. И так далее.

Теренс Маккена заметил, что количество всех четных чисел равно 48, а всех нечетных — 16 (всего 64 числа). Поэтому их отношение равно $16/48=1/3$. В своем интервью Теренс Маккена утверждает, что гексаграммы книги «И-цзин» являются неделимыми элементами времени, элементами потока *Дао*, а сам «Канон Перемен» является чем-то вроде периодической системы элементов времени.

Вообще же существует множество математических закономерностей, выявленных в расположении гексаграмм. Но следует учесть, если все-таки опираться на общепринятую терминологию математики, что ни одна закономерность не объясняет нам, зачем и как Вэнь-ван построил существующий порядок гексаграмм «Канона Перемен». Не объясняют нам его и многочисленные предания и комментарии, которыми буквально «напичкана» вся система китайской традиционной философии, система смыслов и понятий.

Ключ к его пониманию содержится в работе Ю.К. Щуцкого Китайская классическая «Книга Перемен И Цзин», где авторитетнейший ученый-переводчик выявил «мантические (гадательные) формулы первого слоя «Канона Перемен». Расстрел автора в 1937 году не дал возможности выявить математические структуры сумм мантических формул первого слоя, проявляемые в классическом квадрате гексаграмм Фу Си. Это легко проверяемое прямой подстановкой обобщение находит свое подтверждение и в наличии таких же структур в классическом квадрате (именно как геометрической фигуры) додекаграмм («додека» — двенадцать, греч.) первого автора триграмм Фу Си.

⁹В свое время Цзяо Гэ верно служил Чжоу Синю, однако после того, как правитель перестал заботиться о государстве, сановник удалился подальше от столицы и занялся торговлей, продавая рыбу и соль.

В те времена соль являлась настолько ценным продуктом, что ее даже приносили в храмы в качестве жертвенных даров покровителю соли, т. е. обожествленному впоследствии человеку по фамилии Су-ша, который первым придумал выпаривать морскую соль. Впоследствии таких соляных предков, которым поклонялись благодарные крестьяне, стало три, и один из них — Цзяо Гэ. Он считается покровителем торговцев солью, а третий, по имени Гуань Чжун, первым начал добывать пищевую соль, и всем троим благодарные китайцы поклоняются до сих пор. Так реальность переплетается с верованиями.

¹⁰Бо И и Шу Ци — очень известные в истории Китая личности. Упоминая их имена, говорят о принципиальности, верности и бескорыстии. Они были сыновьями Мо Тхай-чху, правителя государства Гу Чжу (название страны переводится очень поэтично — «одиноким бамбук»). Гу Чжу было вассалом Шан, то есть формально и сам правитель, и его сыновья должны были уважать Чжоу Синя и подчиняться его власти.

Перед смертью отец назначил младшего Шу Ци своим наследником, считая его наиболее достойным. Но тот после смерти отца отказался от трона в пользу брата Бо И: он считал, что наследником должен быть только старший.

Но и Бо И отказался, ссылаясь на волю отца. Чтобы у брата не было выбора, он покинул свое государство и поступил на службу к У-вану из государства Чжоу. Шу Ци сделал то же самое — покинул страну и последовал за братом. В результате во главе Гу Чжу встал средний сын.

Почему братья попросили приюта именно в государстве Чжоу? Потому что были наслышаны о справедливости его правителя Вэнь-вана, который с особой заботой относился к старикам.

И надо же было случиться, чтобы именно тогда, когда братья оказались в чужой стране, ее правитель почил. А сын его, У-ван, не дождавшись даже похорон, поднял знамя своего отца и от его имени пошел войной против Чжоу Синя.

Когда У-ван собрался в поход, братья пытались удержать его. А когда У-ван одержал победу, братьям стало стыдно, что они служат человеку, свергнувшему законную династию, и они ушли в горы Шоу-ян-шань.

Сначала они питались козьим молоком в горах, но их упрекнули, что, мол, и козы — собственность государства Чжоу, которому они не желают служить. И тогда братья умерли от голода, не желая изменять своим убеждениям.

С одной стороны, они бросили родную страну, завещанную отцом, которая находилась к западу от реки Ляо (ныне — западная часть провинции Ляонин). Бросили из принципа, соревнуясь друг с другом в великодушии.

С другой стороны, они оставались верными своему правителю Чжоу Синю, невзирая на то, что его правление принесло много горя народу и даже окружающим сановникам.

Китайцы этих братьев почитают. О них много писали в древних книгах, и многие мыслители Китая высказывали свое суждение о поступках братьев.

Например, Конфуций в книге «Лунь-юй» сказал: «Цинский гун владел тысячей четверок коней; в день, когда он умер, народ не увидел ни одной

добродетели, за которую можно было бы воздать ему хвалу. Бо И и Шу Ци умерли голодной смертью у подножия горы Шоу-ян, а народ и поныне прославляет их».

Однажды ученик Конфуция Цзы Гун спросил у него:

— Как можно охарактеризовать этих людей — Бо И и Шу Ци?

И учитель ответил:

— Это праведники древности.

Философ Мэн-цзы также высказывался о них: «Бо И не смотрел на плохое, не слушал дурное... Это наиболее чистый и возвышенный среди святых» («его глаза не смотрели на плохое, уши не внимали дурному»).

Один из литераторов эпохи Тхан по имени Хань Юй даже написал о них произведение под названием «Хвала Бо И», в котором прославлял поступок двух братьев, осмелившихся попытаться помешать У-вану пойти войной против законного владыки Чжоу Синя.

Одобрение и восхваление со стороны потомков основаны на древней морали: сын должен почитать отца, подданные должны подчиняться повелителю, Сыну Неба...

¹¹Сложность ситуации заключалась в том, что, укрепившись на своем троне, первые чжоуские правители не располагали сильной административно-политической структурой, необходимой для управления большим государством.

На первых порах большинство заново создававшихся чжоуских уделов, особенно отдаленных от столиц, были, по сути, военно-территориальными образованиями для наведения порядка на местах. Эти уделы и их немногочисленное коренное население в случае нужды достаточно легко перемещались с места на место, а их управители, получив из рук вана документ на право владения, вначале ощущали себя, скорее, комендантами гарнизона в далекой глуши, чем полновластными правителями.

Со временем эти периферийные уделы стали увеличиваться в размерах за счет присоединения соседних территорий и междоусобных войн, росла и численность их населения. В то же время само число этих уделов постепенно сокращалось. Одновременно менялась и их внутренняя структура.

Разнородное население подвергалось естественному процессу этнического слияния. Пройдя через этот «плавильный котел», жители удела пускали новые корни, устанавливали между собой родственные связи и

через несколько поколений уже закономерно считали себя жителями данного удела, подданными его владельца.

Что же касается правителей, то они стали воспринимать свой удел в качестве вотчины, со временем все меньше нуждаясь в подкреплении своего права на владение от *вана*, хотя формально эта процедура еще продолжала существовать. Они становились наследственными владельцами уделов, по размерам порой сравнимых с территорией центра, находившейся под управлением *вана*. Таким образом, вчерашние уделы превращались в полунезависимые государственные образования.

Закончилось все тем, что в IX в. до н. э. связи центральной власти с правителями зависимых княжеств становились все слабее, эти правители прекратили свои приезды ко двору, перестали присылать дань. Усиление эксплуатации повлекло недовольство народных масс; восстание привело к изгнанию царя. Неудачные войны с кочевниками внесли свой вклад в развал Западного Чжоу, и страна распалась на ряд самостоятельных государств, а чжоуским *ванам* стало принадлежать лишь небольшое владение — Восточное Чжоу.

¹²Первые правители-основатели княжества Чжоу были благородными и справедливыми. Но последний, 13-й Великий князь Западного Чжоу по имени Ёу-ван, безумно влюбившись, потерял голову. Расскажем о закате славной династии.

«После смерти Сюань-вана правителем стал его сын Ёу-ван (781—770 гг. до н. э.). Бао Сы, уникальная танцовщица, любимая наложница Ёу-вана, была безродной сиротой. Во дворец князя ее, девушку из южного племени варваров, отдал один человек из княжества Бао, который таким путем откупился от какого-то наказания. Подобно тысячам других женщин-рабынь, прислуживавших во дворце, она вначале не привлекала ничьего внимания.

Но вот однажды Ёу-ван, любитель красавиц и жадный до удовольствий, прогуливаясь по женским покоям, наткнулся на нее, и она приглянулась ему. Ёу-ван, как говорится, поднял этот прекрасный цветок из мрачной долины прямо на синие облака, но ее нисколько не радовали ни богатство, ни роскошь, ни любовь Ёу-вана, чужого ей человека.

Привыкший к лстивым улыбкам и угодливости женщин, Ёу-ван, глядя на эту необыкновенно красивую, но замкнутую девушку, почувствовал, что в ней есть что-то необычное, и его любовь разгорелась еще сильнее. Она родила Ёу-вану сына по имени Бо-фу.

В то время государыней была дочь князя из удела Шэнь. У нее имелся взрослый сын по имени И-цзю, которого давно уже объявили законным наследником. Но когда родился Бо-фу, Ёу-ван решил разжаловать свою супругу, убить наследника и сделать государыней свою любимую наложницу Бао Сы.

Рассказывают, что однажды Ёу-ван и наследник И-цзю гуляли в парке, и Ёу-ван, как будто нечаянно, выпустил из клетки тигра, надеясь, что он съест И-цзю. К счастью, наследник оказался храбрым. Он, глядя в упор на тигра, громко прикрикнул на него. И тигр, который уже выпустил когти и оскалил зубы, прижал уши, покорно лег на землю и не смел шевельнуться.

Через некоторое время Ёу-ван все-таки лишил государыню титула и изгнал наследника. Официальной женой он сделал Бао Сы, а наследником объявили Бо-фу.

Ёу-ван, который никакими способами не мог заставить Бао Сы засмеяться, впоследствии придумал метод. Он приказал зажечь на сторожевой башне сигнальный огонь и громко бить в барабаны. Тогда и на всех других таких же башнях зажгли огни и забили в барабаны.

Если сигнальный огонь о бедствии зажигали днем, то его называли «волчьим дымом», так как для разжигания брали волчий помет. По преданию, дым даже на ветру поднимался прямо вверх, и его можно было увидеть на очень большом расстоянии.

Вечером зажигали обычный сигнальный огонь, устанавливая на башне «журавля». Это была железная клетка, в которую клали хворост. Когда хворост поджигали, получался факел высотой до облаков. И эту систему передачи сигналов государственной важности преступный Ёу-ван превратил в забаву.

Когда загорелся сигнал бедствия, князя быстро собрали свои отряды и выступили из всех областей на помощь правителю. Когда же они прибыли в столицу, то выяснилось, что там ничего не случилось. На перекрестках больших дорог смешивались кони и люди, знамена перепутывались, командиры громко кричали, воины галдели и злились! И вот тут, довольная шуткой государя, Бао Сы впервые громко рассмеялась.

А глупый правитель потом каждый раз, когда хотел заставить Бао Сы засмеяться, приказывал зажигать огни на сигнальных башнях. С каждым разом одураченных князей приходило все меньше и меньше, и смех Бао Сы с каждым разом тоже становился менее веселым. В конце концов, наступил такой день, когда человека, устроившего эту глупую комедию, постигло жестокое наказание.

Шэнь-хоу, дядя бывшей жены государя Ёу-вана, был чрезвычайно разгневан тем, что тот выгнал жену и неоднократно замышлял убийство наследника И-цзю. Он объединил племена западных и, цзэн и «собачьих жунов» и выступил в поход против Ёу-вана.

Ёу-ван затрепетал от ужаса и поспешно приказал зажечь сигнальные огни, но ни один воин не пришел на помощь. Ёу-ван, бежавший вместе с Бао Сы на восток, был убит у подножия горы Ли-шань, а Бао Сы была захвачена в плен племенем «собачьих жунов» и отправлена на запад.

Все князья вместе с Шэнь-хоу поддержали наследника И-цзю и провозгласили его Сыном Неба, назвав его Пхин-ваном. Чтобы избежать набегов со стороны племени «собачьих жунов», которое с каждым днем становилось все могущественнее, Пхин-ван перенес столицу из города Хао-цзин на восток, в Ло-и. С того времени государство Чжоу пришло в еще больший упадок. Название его еще существовало, но в действительности династия уже погибла».

(Юань Кэ. «Мифы Древнего Китая». Стр. 251—256)

Конфуцианство

Несмотря на присутствие с давних времен в китайском языке фразы *сань-цзяо, цзю лю* (三教九流, «три религии, девять течений философских школ»), в которой под «тремя религиями» подразумевались даосизм, буддизм и конфуцианство, последнее к религии относить нельзя. Конфуцианство можно назвать системой этических правил и морального поведения. Оно не исключает другие религии, и у него нет ни рая, ни ада, ни Бога.

Основоположителем этико-политического учения является Конфуций (по-китайски его имя звучит Кхун-цзы, 孔子), великий мудрец древности. Основа его учения — принцип нравственного самосовершенствования личности, а изложено оно в книге «Лунь-юй» («Беседы и рассуждения»). Книгу написали ученики Конфуция, собрав в ней высказывания своего Учителя, а также некоторых его последователей.

Одним из самых ярких высказываний великого мыслителя о себе является знаменитая фраза:

«В 15 лет у меня появилось стремление к учению,
в 30 лет я установился,
в 40 лет я освободился от сомнений,
в 50 я познал волю Неба,
в 60 мои уши стали отличать истину от лжи,
а в 70 я стал следовать велениям сердца и не нарушал ритуала».

(«Установился» означает «обрел уверенность в своих словах и поступках», стал самостоятельным).

吾十有五而志于学
三十而立
四十而不惑
五十而知天命
六十身顺
七十而从心所欲、不逾矩。

Со II века до н. э. конфуцианство стало официальной идеологией государства. Свое влияние оно сохранило на протяжении всей истории, уступая в отдельные периоды свое ведущее место только буддизму и в незначительной степени даосизму.

Изучение свода конфуцианской литературы, преимущественно — *У-цзин* (五经, «Пятикнижие») и *Сы-шу* (四书, «Четверокнижие») стало основой системы государственных экзаменов в феодальном Китае. Первая часть конфуцианского канона *Сы-шу* включает такие работы как *Лунь-юй* (论语, «Беседы и суждения»), *Да-сюэ* (大学, «Великое учение»), *Чжун-юн* (中庸, «Учение о середине») и *Мэн-цзы* (孟子, «Книга мудреца Мэн-цзы»).

Конфуцианский канон «Пятикнижие» включает в себя пять классических произведений конфуцианской литературы: *И-цзин* (易经, «Книга перемен»), *Шу-цзин* (书经, «Книга исторических преданий»), *Ши-цзин* (诗经, «Книга песен»), *Ли-цзи* (礼记, «Записки о ритуале») и *Чхунь-цю* (春秋, летопись «Весны и Осени»). Работа над *Ли-цзи* приписывается последователям Конфуция, а для остальных работ собирал материалы и редактировал их якобы сам Конфуций.

Знание конфуцианской литературы являлось обязательным условием для занятия постов на государственной службе. В VI-VIII вв. конфуцианство стало напоминать религию, в которой особое внимание уделялось культу предков, различным обрядам, нормам поведения и культу «совершенномудрого» божества Конфуция. В государственном культе почитание Конфуция занимает среднее место между культом природных божеств и культом предков.

Конфуцианские храмы начали строить практически во всех городах Китая. Но надо сказать, что конфуцианство, как форма религии, получило широкое распространение и наиболее полное выражение в соседних государствах — Корее, Японии, частично во Вьетнаме, в Китае же, как религия, в настоящее время это учение распространения не имеет.

Годы жизни Кхун-цзы (Конфуция) — 551—478 гг. до н. э. Родился он в обедневшей семье знатного рода в царстве Лу (ныне — провинция Шаньдун). В три года потерял отца, так что воспитанием сына занималась молоденькая мать, вырабатывая в нем терпение, трудолюбие и желание учиться.

В 19 лет Кхун-цзы женился, а в 20-летнем возрасте лишился и матери. В зрелом возрасте он стал главным чиновником по судебнo-уголовным делам и параллельно занимался преподавательской деятельностью, но

после смерти матери был вынужден соблюдать траур в течение трех лет, и не имел права занимать какую-либо должность. После окончания траура его не пригласили на какую-либо должность, поэтому можно сказать, что на государственной службе потерпел неудачу.

Продолжив просветительскую деятельность, имел в общей сложности 3000 учеников и в сопровождении многих из них странствовал по разным царствам древнего Китая, стремясь найти применение своему учению. Не встретив нигде поддержки, вернулся на родину 68-летним старцем, и последние годы жизни посвятил изучению загадочного произведения «И-цзин», а также изложению и разъяснению своего учения многочисленным ученикам и последователям.

Хун-цзы охарактеризовал себя кратко: «Я не творю, а только передаю; я верю в древние времена и люблю их». И еще: «Пока у меня будет рис в качестве пищи, вода — чтобы утолить жажду, и рука, чтобы, положив под голову, спать, как на подушке, я с радостью приму все, что со мной может произойти».

Хун-цзы не стал исследователем, его ум был направлен на практическую жизнь. Собирая старинные тексты, он выбрал из них лишь такие, которые казались ему полезными для политического и нравственного подъема нации и государства.

Существует легенда, в которой утверждается, что два великих мудреца Поднебесной, Лао-цзы и Хун-цзы, встретились однажды, когда более молодой Хун-цзы пришел издалека, чтобы поклониться старшему. После этой встречи Лао-цзы понял, что ему придется уйти:

— Мы идем разными дорогами; мой путь — к зыбучим пескам, его — к царскому двору.

— Но вы же его учитель! — воскликнул расстроенный ученик Гэн Сан-чху, — не могли же вы ошибиться в нем!

— Поначалу я часто ошибаюсь. Больше Хун-цзы не придет за советом, не назовет меня своим учителем. Возможно, не остановится даже перед подлостью...

— Значит, нам надо с ним расправиться!

Лао-цзы улыбнулся.

— Посмотри, есть ли у меня зубы? — и разинул рот.

— Нет.

— А язык?

— Язык на месте.

— Теперь ты понимаешь, в чем дело? Твердое скорее утрачивается, а мягкое дольше сохраняется. Так что собирай вещи и возвращайся домой, к жене. А мой путь — за заставу.

Основными понятиями учения Конфуция являются *ли* (禮, ритуал) и *жэнь* (仁, гуманность). Овладение *жэнь* означает преодоление личного и возвращение к следованию *ли*. Этические принципы предусматривали строгую иерархию и регламентацию отношений в обществе и семье. Все люди должны свято соблюдать культ предков, стремиться к нравственному самосовершенствованию: этим определяется разделение людей на «подлых» и «благородных».

Самой важной из конфуцианских доктрин считалось уважение к семье. Требовалось особо почитать предков, особенно — после смерти. Любить родителей Конфуций не требовал, главное — уважать. За непочитание родителей сына могли выпроводить из деревни сами родители или дядя со стороны матери.

По конфуцианским законам только сын мог совершать жертвоприношения Небесам после смерти отца. Памятуя о том, что из всех видов сыновней непочтительности самым страшным является отсутствие потомства, китайцы часто брали наложниц для увеличения шансов родить как можно больше сыновей.

Женщина в детстве повинуется отцу, в замужестве — мужу, после его смерти — сыну. Для нее было достаточно талантов в рукоделии, добродетели, умения поддерживать разговор и следить за своей внешностью. Замужняя женщина должна была целиком отказаться от родной семьи и вставать на сторону мужа при любых разногласиях с ее родственниками.

Каждый должен действовать в строгом соответствии с тем положением, которое он занимает в обществе. Много внимания Кхун-цзы уделял вопросам воспитания, говоря, что человек обязан учиться, а правители — содействовать этому. Впервые в истории Китая Кхун-цзы создал частную школу. Его большая заслуга еще и в том, что он собрал и обработал древние документы и народные песни.

Впоследствии господствующие классы использовали многие стороны учения Кхун-цзы в своих интересах: воспитание народа в духе покорности, стремление увековечить феодальный строй с его сословной иерархией и строгой регламентацией общественных взаимоотношений.

Странствуя по княжествам, желая поступить к какому-нибудь правителю на службу, Конфуций, проезжая по ущелью из царства Вэй в царство Лу, увидел однажды одиноко растущую прекрасную орхидею. Вдохнул и сказал: «Своим благоуханием она достойна услаждать князя, а растет среди простых трав. Так и мудрец — если время его не пришло, вынужден жить в окружении невежественных людей». Он остановил повозку и стал сочинять песню «С сожалением гляжу на орхидею».

24 примера сыновней почтительности

В Поднебесной существуют две великие заповеди:
одну дает судьба, другую — долг.

Судьбою дана сыну любовь к родителям,
от нее не освободить сердца.

Долг велит слуге служить государю.

Конфуций

Сыновняя почтительность *сяо* (孝) всегда считалась самой главной добродетелью, а к старикам в Китае, благодаря Конфуцию, испокон веков относились уважительно. Предполагалось, что любящий и уважающий пожилых людей непременно является порядочным человеком, верным правителю. Во времена династии Хань каждому старику, достигшему 70 лет, правительство дарило тросточку из нефрита с вырезанной на ней кукушкой. Эта птица считалась «неутомимой в еде», и таким подарком правитель намекал взрослым детям, что они должны вкусно кормить своих отца с матерью, ни в чем им не отказывая.

В XIII в., в период монгольского завоевания, китайский ученый Го Цзюй-цзин (郭居敬) с целью укрепления конфуцианской морали составил сборник старинных преданий о почтительных детях и уважающих родителей мужа невестках. Причем, известные истории ученый изложил в стихотворных строках. Эта книга под названием *Эр-ши-сы сяо* (二十四孝) получила широкое распространение в Китае.

Образованные люди в современном Китае не только знают все 24 примера, но и помнят имена «почтительных сыновей и невесток». Более того, отдельные фразы из текстов являются символами трогательной заботы о родителях, например, «мыть ночной горшок», «плакать в бамбуковой роще», «лечь голым животом на лед» и пр. Великая сила любви к родителям всегда рассматривалась в Китае как воплощение одной из конфуцианских ценностей.

Иностранного читателя могут смутить уже одни названия историй, например, «Цзян Лоу в тревоге исследует кал больного отца», «Хуан Тхин-цзян

моет ночной горшок своей матери», «Урожденная Тхан кормит грудью свекровь». Но при этом надо быть хоть немного знакомым с культурой Китая, а также с принципами традиционной народной медицины, чтобы отнестись ко всему непривычному с симпатией и интересом. Надеюсь, что книга, которую читатель держит в руках, как и мои предыдущие книги будут способствовать этому.

1. Сердечная боль

Цзэн Шэнь (曾參) по прозвищу Цзы Юй, годы жизни которого 505—436 до н. э., проживал в У-чхэне царства Лу в период Весны и Осени. Он был одним из любимых учеников Конфуция, который ласково называл его Цзэн-цзы.

Семья была настолько бедной, что **Цзэн Шэнь** зарабатывал на пропитание продажей хвороста. Ежедневно он поднимался высоко в горы в поисках упавших веток и высохших деревьев.

Однажды, когда мать была дома одна, к ним пришли незнакомые люди. Угостить было нечем, и мать так растерялась, что прикусила себе палец. В это же мгновение **Цзэн Шэнь** испытал резкую боль в сердце, — он почувствовал, что матери плохо, что она зовет его.

Взвалив на спину вязанку хвороста, он бросился домой, а подойдя к воротам, упал в волнении на колени перед матерью:

— Что случилось?

Мать ответила:

— Неожиданно пришли гости, и я прокусила палец, надеясь, что ты услышишь и придешь.

Цзэн Шэнь принял гостей любезно, учтиво и с уважением.

Он был очень образованным человеком, изучил все канонические книги, в том числе и *Сяо-цзин* («Канон сыновнего благочестия»), и, как утверждают, компилировал текст знаменитой классической книги *Да-сюэ* («Великое учение»), одну из конфуцианского Четверокнижия.

Цзэн Шэнь

Последующие поколения конфуцианцев в знак уважения присвоили **Цзэн Шэню** титул *цзун-шэн* (Главный мудрец).

2. Закопать сына ради матери

В эпоху Цзинь жил некий **Го Цзюй** (郭巨), известный своей невиданной заботой о матери. Одни говорят, что был он родом из местечка Лун-люй (ныне — уезд Линь, что в провинции Хэнань), другие утверждают, что его родина — селение Хэ-нэй уезда Вэнь (ныне — юго-западная часть уезда Вэнь провинции Хэнань), и происходил он из довольно зажиточной семьи.

Однако после кончины отца **Го Цзюй** разделил все имущество между двумя младшими братьями, а сам остался при старенькой матери, чтобы ухаживать за ней, ибо всегда испытывал глубокое почтение к родителям. Через некоторое время жена родила ему сына, но радоваться пришлось недолго — постепенно семья обеднела, и **Го Цзюй** стал тревожиться, что не сможет достойно содержать свою мать.

Когда семья дошла до крайней нужды, он стал советоваться с женой, высказывая свою боль: «Если моя мать умрет, то уже ничто не сможет ее оживить, даже если впоследствии мне удастся разбогатеть. А сыновей мы сможем родить еще неоднократно. Я считаю, что следует закопать сына, чтобы сэкономить провизию для моей матери, ибо чем взрослее он становится, тем меньше еды достается матери».

Понятно, что несчастная женщина не имела права возразить мужу, и супруги, обливаясь слезами, стали копать яму. Неожиданно лопата **Го Цзюя** натолкнулась на что-то твердое, и это оказался большой кувшин с золотом, на котором супруги увидели надпись: «Это ниспослано Небом специально для **Го Цзюя**, и ни жадные чиновники, ни злые люди не посмеют это у него отобрать».

3. Моет ночной горшок своей матери

Хуан Тхин-цзень (黃庭堅), годы жизни которого 1045—1105, — известный китайский поэт и каллиграф, ученик знаменитого Су Ши. Жил он в местечке Фэн-нин (ныне — уезд Сю-шуй провинции Цзянси) в период Северная Сун. И хотя занимал высокое положение в обществе, не стал нанимать слуг для ухода за матерью, когда та заболела.

Исполняя свой сыновний долг, он ежевечерне старательно отмывал ее ночной горшок, ни разу не забыв о своей обязанности.

4. Отказался от должности, чтобы разыскать мать

Чжу Шоу-чхан (朱寿昌) из города Тхень-чхан жил в эпоху Сун. Его молоденькая мать, урожденная Лю, была очень красивой женщиной, однако ее выдали замуж в качестве наложницы, или второй жены, и главная супруга невзлюбила соперницу. Своей ревностью она изводила не только молодую красавицу, но и самого супруга.

Будучи больше не в силах терпеть крики и драки на женской половине, отец **Чжу Шоу-чхана**, когда тому было всего 7 лет, был вынужден избавиться от молодой супруги из рода Лю, выдав ее замуж в другую семью. С тех пор сын не видел мать в течение 50 лет.

Став взрослым, **Чжу Шоу-чхан** служил при дворе на хорошей должности. Однажды ему на глаза попалась буддийская книга «Алмазная сутра», в которой описывались поведение, речь и образ мыслей ставших на путь *бодхисаттв*.

Чжу Шоу-чхан

сына с двумя его младшими братьями, а затем они все вместе вернулись в дом **Чжу Шоу-чхана**.

Хуан Тхин-цзень

Когда **Чжу** прочел историю о том, как один из героев повсюду разыскивал свою мать, он почувствовал укол в сердце и дал клятву, что не вернется на службу, пока не найдет родную маму.

В конце долгих поисков он нашел ее в уезде Шан-чжоу провинции Хэнань. Мать, которой на ту пору было уже 70 лет, очень обрадовалась встрече, познакомила

5. Горюющий сын исследует содержимое горшка больного отца

Юй Цень-лоу (庾黔娄) жил в эпоху Южных династий и занимал должность *лин* в уезде Шань-лин. Не прошло и десяти дней со времени его вступления в должность, как на него напала непонятная тоска, а временами от страха прошибал пот. **Юй Цень-лоу** решил, что дома что-то случилось, а потому взял отпуск и отправился на родину. Предчувствия его не обманули: оказывается, старый отец серьезно заболел и уже два дня не мог подняться с постели.

Врач, поговорив с сыном, пояснил: «Чтобы понять, каков будет исход болезни, следует исследовать содержимое ночного горшка; если вкус стула будет горьким, значит, отец вскоре поправится».

Попробовав содержимое горшка, сын убедился, что вкус сладковатый. Он так встревожился, что всю ночь простоял на коленях, посылая горячие молитвы созвездия Большой Медведицы, умоляя сохранить жизнь отца и взамен забрать его собственную.

К сожалению, конец у этой истории печальный. Через несколько дней отец все же скончался. После погребения **Юй Цень-лоу** находился в глубоком 27-месячном трауре с отказом от должности и государственных экзаменов, как и положено почтительному сыну.

6. Плакал в бамбуковой роще, пока не появились росточки

Мэн Цзун (孟宗) — уроженец Цзян-ся в период Троецарствия, но когда родился и умер — неизвестно. Жизнь его сложилась не просто. С детства он отличался прилежанием и старанием в учебе, а став взрослым, занял должность *сы-кхун* в правительстве.

У него было прозвание Гун У (второе, неофициальное имя), однако он был вынужден сменить его на Жэнь, потому что по ряду обстоятельств скрывался от правителя Сунь Хао царства У.

Отец **Мэн Цзуна** скончался, когда тот был еще ребенком, и осталась у него лишь мать, которой он очень дорожил. Прошло немало

Мэн Цзун

лет, мать состарилась и тяжело заболела. Лекарь посоветовал лечить отваром из молодых побегов бамбука, но где было их взять, — на дворе стояла лютая зима.

Почувствовав себя бессильным в этой ситуации, **Мэн Цзун** бросился в бамбуковую рощу, упал на ледяную землю и горько разрыдался. Через какое-то время он вдруг услышал странные тихие звуки, — это треснула земляная корка, и в том месте, куда падали его слезы, показались из земли молодые, нежные побеги бамбука.

Радостный **Мэн Цзун** собрал их, принес домой, напоил мать целебным отваром, и ей стало намного лучше. Когда она окончательно поправилась, почтительный сын вернулся к службе и долго пребывал на высоком посту.

7. Задушить руками тигра, спасая отца

Ян Сян¹ (杨香) жил в период династии Цзинь. Однажды, когда мальчику было 14 лет, он отправился с отцом в поле, чтобы помочь ему в сборе урожая. Вдруг из кустов выскочил свирепый тигр, набросился на отца, свалил с ног и, схватив зубами за одежду, собрался убежать с добычей.

У **Ян Сяна** в руках не было никакого оружия, но он, ни на секунду не задумавшись о собственной безопасности, бросился на помощь. Запрыгнув зверю на шею, он сдавил его горло изо всех сил. Тигр, в конце концов, выпустил раненного мужчину и, сбросив на ходу мальчика, убежал.

8. Позволить комарам насытиться кровью

У **Мэн** (吴猛) — родом из уезда Пху-ян провинции Хэнань, жил во времена династии Цзинь. Уже в восьмилетнем возрасте он понимал, что такое почитать родителей. Семья была очень бедной, и родные не могли себе позволить даже

У Мэн

¹ **Ян Сян** — не исключено, что это была девочка, потому что имя переводится «Аромат», а местоимения женского рода до недавнего времени не было ни в письменном, ни устном языках.

покупку противомоскитной сетки. В жарком климате комната была полна насекомых, которые так жалили, что отец не мог уснуть.

Летними ночами ребенок садился перед отцовской кроватью, снимал с себя рубаху и, терпя жадные укусы комаров, не пытался их отогнать, чтобы те не летели к отцу.

9. Лечь на лед, чтобы поймать карпа

Ван Сян (王祥), годы жизни которого 180—268, имел второе имя Сю Чжэн (Счастлирое предзнаменование). Он родом из города Линь-и, что в провинции Шаньдун, и проживал во времена правления Вэй-Цзинь (220—420). Известен не только как начальник военного приказа в царстве Вэй, но и как почтительный сын. Перебравшись в царство Цзинь, **Ван Сян** занял должность попечителя самого правителя. После смерти получил почетное звание Юань (Главный).

Его родная мать умерла, когда он был совсем маленьким, а мачеха из рода Чжу относилась к мальчику несправедливо и бесчеловечно. Проявляя хитрость и подлость, она постоянно ругала **Ван Сяна**, жалуясь на него отцу, так что постепенно мальчик лишился и отцовской любви.

Однажды родители слегли одновременно, тяжело заболев, и **Ван Сян** ухаживал за ними без устали, не снимая одежду даже на ночь, чтобы быть готовым в любую минуту вскочить и броситься на помощь. Однажды ослабевшей мачехе захотелось съесть свежего карпа, да где же его взять? На улице — снег и замерзшая река.

Опечаленный юноша отправился на берег, развязал пояс, освободив рубаху, и лег голой грудью и животом на заснеженный лед. И тот вдруг начал быстро таять, а из образовавшейся лунки выпрыгнули два крупных карпа. Съев рыбу, мачеха быстро поправилась.

Ван Сян в течение 20 с лишним лет прожил в уединении отшельником. Но однажды его жизнь резко изменилась: начальник уезда Вэнь, что в провинции Хэнань, издал приказ о назначении талантливого

Ван Сян

Вана на должность *да-сы-нун* (начальник приказа земледелия). Дела **Ван Сяна** пошли в гору, и его стали повышать по службе: сначала он получил должность *сы-кхун* (управитель общественных работ), а затем — *тхай-вэй* (начальник военного приказа).

10. Постоянно кормила свекровь грудью

Цхуй Шань-нань (崔山南) был уроженцем Бо-лин (ныне — провинция Хэбэй) во времена династии Тхан. В должности *цзе-ду-ши* (правитель округа) он был направлен в западный район Шань-наня (в Тибете). По странной случайности его имя совпало с названием округа, и люди стали называть его просто **Шань-нань**.

Цхуй Шань-нань

В семье **Цхуй Шань-наня** жили прабабушка Сунь и бабушка Тхан. Прабабушка была очень слабой и худой, — зубы у нее давно выпали, и она не могла ничего есть. Бабушка Тхан, которая доводилась древней Сунь невесткой, отличалась редкой почтительностью к старшим. Сочувствуя своей беззубой свекрови, она начала кормить ту грудным молоком, которое у нее вдруг начало выделяться.

Каждое утро, умывшись, она приходила в гостиную, чтобы накормить свекровь молоком. Так продолжалось в течение многих лет, и хотя прабабушка **Цхуй Шань-наня** не ела ничего другого, выглядела крепкой и здоровой. Но пришло время, и она слегла. Собрав многочисленную родню, старых и малых, она обратилась к домочадцам: «У меня нет возможности отблагодарить мою невестку за ее милость и доброту, поэтому я хочу попросить всех вас относиться к ней так же уважительно и почтительно, как она относилась ко мне».

После смерти прабабушки Сунь **Цхуй Шань-нань** получил большое повышение, а в семье его домочадцы жили очень дружно и мирно, и, как просила прабабушка, относились к бабушке Тхан с глубоким почтением.

11. Услышав гром, плакал на могиле

Ван Пхоу (王褒) жил в период Вэй-Цзинь и был уроженцем Ин-лина (ныне — провинция Шаньдун). **Ван Пхоу** отличался редкими способностями к усвоению знаний, но, к сожалению, рано остался без отца по имени Ван И — его убил Сыма Чжао. Сыма Чжао, будучи отцом основателя династии Цзинь Сыма Еня, оставил о себе дурную славу честолюбца-предателя.

Ван Пхоу жил в уединении, зарабатывая на пропитание уроками. За всю жизнь он никогда не садился лицом к западу, демонстрируя этим, что никогда не станет служить чиновником в царстве Цзинь.

Мать его умерла совсем молодой, а когда была жива, очень боялась грома. Похоронили ее в горах. Если случалась гроза, маленький **Ван Пхоу** бросал все дела и бежал на могилу матери. Он вставал на колени и старался успокоить свою пугливую маму: «Мамочка, не бойся, твой **Пхоур**¹ — рядом с тобой!»

В те времена детей обучали в школах по классическим произведениям, в том числе преподавали и *Ши-цзин* («Книга песен»). Стоило **Ван Пхоу** прочесть во время урока песнь «Скорбь по ушедшим родителям» из этого сборника, как на глаза его наворачивались слезы, а сердце начинала разрывать тоска по отцу с матерью.

12. Карпы в бурлящем источнике

Цзян Ши

Цзян Ши (姜诗) жил во времена династии Восточная Хань в местечке Гуан-хань, что в провинции Сычуань. Он взял в жены добропорядочную девицу из рода Пан, которая отличалась преданностью мужу и уважением к старшим, и жили молодые супруги душа в душу.

Дом их находился в 6—7 *ли* (3,5 км) от реки Янцзы, и урожденная Пан часто ходила на реку с кувшинами, потому что свекровь обожала пить чистую речную воду. Еще матушка любила полакомиться рыбкой, и дети

¹ **Пхоур** — уменьшительное от имени **Пхоу**.

нередко готовили для нее это лакомство. У бабушки были и другие капризы, например, она не любила есть в одиночестве, предпочитала компанию. Взрослые дети потакали ей и в этом, приглашая иногда к столу соседей.

Однажды, когда Пхан пошла на реку за водой, поднялся шквалистый ветер, и молодая женщина припозднилась. **Цзян Ши**, посчитав ее нерадивой и нерасторопной, не спешившей поскорее напоить мать чистой водой, выгнал жену из дома. Пришлось бедной Пхан просить крова у соседей.

Живя в чужой семье, она целыми днями, а иногда и ночами, сучила нити и ткала полотно. Когда ткани набралось довольно много, урожденная Пхан попросила соседей передать этот дар свекрови в знак почтения и уважения. Только получив подарок, бабушка узнала, что сын выгнал жену, и тут же приказала вернуть ее.

В тот день, когда несправедливо наказанная супруга вернулась, во дворе их дома вдруг забил родник, и вода в нем была такая же вкусная, как и в реке. Но это стало не единственным чудом: ежедневно из родника выпрыгивало по два карпа на радость бабушке. С тех пор для невестки из рода Пхан отпала необходимость ходить так далеко за водой.

13. Собирать тутовые ягоды в две емкости

Цхай Шунь (蔡顺) проживал в Жу-нани, что в нынешней провинции Хэнань. Он еще в раннем детстве лишился отца и был чрезвычайно привязан к матери, о которой нежно заботился. В то время в стране происходил мятеж Ван Мана¹, который сопровождался неурожаем и голодом. Рис и хворост были недоступны из-за дороговизны, и бедным людям оставалось кормиться лишь дикими плодами и травами.

Однажды, когда **Цхай Шунь** собирал ягоды тутовника, он столкнулся с отрядом *Краснобровых* повстанцев², и один из воинов строго спросил у него: «Почему ты собираешь ягоды в две разные корзинки?» Ребенок вежливо ответил, что специально сплел две корзинки из бамбука, чтобы черные,

¹ Ван Ман (45 г. до н. э. — 23 г. н. э.) — первый министр, а потом и император, известный многочисленными реформами.

² *Краснобровые* повстанцы — в голодные 21—22 гг. крестьяне стали присоединяться к многочисленным повстанцам; восставшие одного из отрядов называли себя *Краснобровыми*, потому что красили брови. В 22 г. армия Ван Мана «Зубы тигра» потерпела поражение от «Краснобровых повстанцев».

зрелые ягоды откладывать для старенькой матери, а красные, кислые, оставлять для себя.

Пораженные сыновней любовью, вояки дали **Цхай Шуню** 3 доу (30 л) белого риса и буйволицу. Вернувшись домой с такими богатыми дарами, мальчик принес жертвы богам, пытаясь возблагодарить их за этот случай.

14. Обмахивать веером подушку и циновку

Хуан Сян (黃香) жил в период Восточной Хань и был уроженцем Цзян-ся уезда Ань-лу (ныне — в провинции Хубэй). В 9 лет он лишился матери и потому особо почитал своего отца. Ребенок так заботился о здоровье родителя, что каждый вечер, если это было жаркое лето, охлаждал для него веером подушку и циновку, а холодной зимой, прежде чем отец ляжет в кровать, согревал ее теплом своего маленького тела.

Хуан Сян

Еще в малолетнем возрасте **Хуан Сян** овладел всеми каноническими книгами и классическими произведениями, и слава о его литературных талантах достигла столицы. Его признали настолько одаренным ребенком, что в Поднебесной не было кому с ним сравниться.

Во времена правления императора Ань-ди (107—125) **Хуан Сян** был назначен правителем округа Вэй-цзюнь (ныне — в провинции Хэбэй). Когда во вверенном ему округе случилось страшное наводнение, **Хуан Сян** приложил все усилия и использовал все возможности для поддержки крестьян в бедствии.

Этот талантливый человек является автором таких известных произведений как «Сочинение об императорском дворце» и «Гимн императорскому венцу».

15. Спрятал за пазуху мандарины для матери

Лу Цзи (陆绩), годы жизни которого 187—219, жил в период Троецарствия в княжестве У, в селении Хуа-тхин округа У (ныне — уезд Су-цзян провинции Цзянсу) и был известным ученым.

Когда **Лу Цзи** исполнилось лишь 6 лет, отец Лу Кхан взял его с собой в город Цзю-цзян на прием к военачальнику Юань Шу, и тот одарил мальчика мандаринами. Ребенок спрятал два плода за пазуху для своей матери.

Во время церемонии прощания мальчик поклонился, и мандарины выпали на пол. Юань Шу холодно рассмеялся: «Молодой господин Лу пришел ко мне в гости, да еще прихватил мои мандарины?» **Лу Цзи** ответил: «Моя матушка очень любит эти плоды, и я хотел угостить ее».

Юань Шу очень удивился, что такой маленький ребенок понимает толк в преданности и почтительности к своим родителям. В результате этого случая **Лу Цзи** стал известным среди современников своей сыновней любовью.

Став взрослым, он много учился и стал образованнейшим человеком своего времени: был сведущим в астрономии, летосчислении, начертил карту небесной сферы, изучал «Книгу перемен» (гадальная книга, одна из конфуцианского Пятикнижия), а также написал труд — комментарии к известному мистическому произведению автора Ян Сюня «Тхай-сюань цзин».

Лу Цзи

16. Батрачить, чтобы содержать мать

Цзянь Гэ

Цзянь Гэ (江革), родом из Линьцзы в княжестве Ци (ныне — провинция Шаньдун), жил в период Восточной Хань. В детстве он потерял отца, а потому особенно ухаживал, обхаживал, прислуживал матери, был почтительным и послушным сыном.

В период военной смуты он бежал из родного дома, посадив матушку в плетеную корзину и взвалив ее на спину. Несколько раз он сталкивался с разбойниками, которые хотели расправиться с ним, но всякий

раз **Цзян Гэ** со слезами объяснял им: «Моя матушка в преклонных годах, и некому ухаживать за ней, некому содержать». И каждый раз бандиты, видя такую преданность и сыновнюю любовь, чувствовали, что ни у кого из них рука не поднимется убить его.

Позже юноша перебрался в княжество Пхэй (ныне — провинция Цзянсу) и нанялся в батраки, чтобы иметь возможность содержать мать. Сам ходил в обносках и босиком, зато матушка его ни в чем не нуждалась.

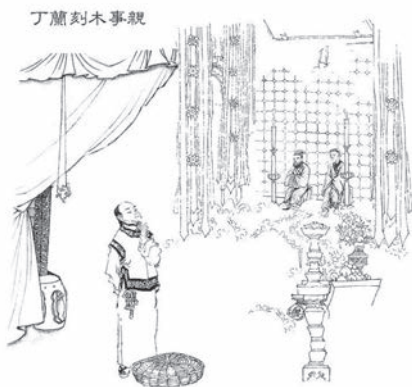
Впоследствии император Мин-ди (58 г.) провозгласил **Цзян Гэ** «Преданным родителям и честным» (это звание было связано со специальными привилегиями и правами на чиновничьи должности), а следующий император Чжан-ди (76 г.) присвоил ему ученую степень *сень-лян фан-чжэн* («мудрый, добродетельный и справедливый»), а также выдвинул его на должность Начальника дворцовой стражи.

17. Вырезать из дерева статуи и служить им, как родителям

Дин Лань (丁蘭) был родом из Хэ-нэй (ныне — к северу от провинции Хэнань) и прославился в период Восточная Хань. В раннем детстве он лишился родителей и постоянно грустил и скучал по ним, вспоминая, как ласковы были отец и мать, как заботились о нем, как учили добродетелям.

Тоска не оставила **Дин Ланя** и когда он вырос. Однажды он решил вырезать из дерева статуи отца и матери, чтобы служить им, как живым. За какое бы дело он ни

брался, непременно прежде советовался с родителями. Принимая пищу, он, прежде всего, ставил тарелки с угощением перед статуями, и лишь потом ел сам. Уходя из дома, он обязательно рассказывал им, куда и по каким делам отлучается, а возвращаясь, сначала здоровался с ними, а уж потом встречался с женой. Всегда был собранным, серьезным и трудолюбивым, как будто родители наблюдали за ним и могли оценить поведение сына.

Дин Лань

Супругу **Дин Ланя** такое его поведение злило, она не испытывала к статуям ни малейшего почтения, и однажды, чтобы доказать самой себе, что муж совершает бессмысленные поступки, она в сердцах уколола иголкой палец одной из статуй. Из пальца неожиданно выступила капля крови.

Вернувшись домой, **Дин Лань** увидел на глазах матери слезы и стал с пристрастием расспрашивать у жены, что произошло. Та вынуждена была сознаться в своем преступлении, и **Дин Лань** выгнал ее из дома.

18. Продать себя в рабство, чтобы похоронить отца

Дун Юн

Дун Юн (董永) жил в селении Цень-шэн (ныне — северная часть Гао-цинского уезда, что в провинции Шаньдун) во времена династии Восточная Хань. Мать у него умерла рано. Семья и без того бедствовала, а когда начались народные восстания и военная смута, стало совсем невмоготу, и **Дун Юн** перебрался с отцом в Ань-лу (район нынешней провинции Хубэй).

На новом месте отец, к сожалению, вскоре умер, а поскольку достойные похороны всегда обходились очень дорого, **Дун Юну** пришлось продать себя в рабство в богатую семью, чтобы авансом получить необходимую на похороны сумму.

Обычно, когда в старом Китае люди были вынуждены продавать-ся, они могли через какое-то время выкупить себя, если прилежно трудились и откладывали необходимое количество денег. В данном же случае у **Дун Юна** не было надежды на свободу. Он ежедневно работал с утра и допоздна, изготавливая холщевую ткань.

Однажды утром, направляясь на работу, он увидел в густой тени под деревом софоры прелестную девушку, которая предложила принять ее в качестве супруги. Ее не смутила бедность **Дун Юна**, поскольку и у нее не было ни дома, ни семьи.

Супруга начала работать вместе с мужем, и за месяц сумела соткать 300 штук парчового атласа. Такой роскошью супруги смогли перекрыть все долги и выкупить из рабства **Дун Юна**. Когда они, возвращаясь домой, проходили мимо софоры, девушка призналась, что она является дочерью Небесного императора и выполняла его приказ о помощи почтительному сыну, который должен расплатиться с долгами.

Сказав это, девушка исчезла у дерева, где месяц назад так же внезапно появилась. С тех пор софору в Китае называют *сяо-гань* (чувство сыновней любви).

19. В 70 лет изображать малого ребенка, чтобы развеселить родителей

Лао Лай-цзы (老萊子), согласно преданиям, жил в царстве Чху в период Весны и Осени. Будучи известным в государстве человеком, он предпочел жить в уединении, укрываясь от смуты.

Он трудился на небольшом клочке земли у южного склона холма в Мэн-шани и был настолько предан своим престарелым родителям, что ради них готов был на все. Стараясь сделать их счастливыми, выбирал для них самые лакомые кусочки.

Ему уже было 70 лет, но, находясь рядом с родителями, **Лао Лай-цзы** не чувствовал, что стар. Чтобы и отец с матерью ощутили себя молодыми, он нередко одевался в разноцветные платья, напоминающие детские, брал в руки барабанчик-погремушку и другие игрушки, по-детски дурачился и беззаботно смеялся, чтобы развеселить родителей и сделать их, как в молодости, счастливыми.

Лао Лай-цзы

Однажды, когда **Лао Лай-цзы** входил в дом с ковшиком воды, чтобы напоить стариков, он оступился на пороге, упал и больно ушибся. Чтобы не расстроить отца с матерью, он стал изображать капризного плачущего малыша, размахивая руками и ногами, и те весело расхохотались над проделками сына.

20. Подоить оленюху, чтоб вылечить мать

Тхань-цзы (鄭子) жил в период Весны и Осени. Его родители были очень старыми, и оба страдали от болезни глаз. Лекарь сказал, что вылечить их сможет только молоко оленюхи, но разве дикий зверь подпустит к себе человека?

Пришлось **Тхань-цзы** применить смекалку. Накинув на себя оленью шкуру с рогами, он сначала поднялся высоко в горы, а затем, найдя стадо оленей, осторожно пробрался в середину. Ему удалось подоить одну из оленюх, и с тех пор **Тхань-цзы** проделывал это ежедневно.

Однажды к стаду приблизились охотники, намереваясь добыть мяса, и тогда **Тхань-цзы** сбросил шкуру и, сложив молитвенно руки, попросил их не стрелять, рассказав о болезни своих стариков. Тронутые его заботой, охотники опустили луки.

21. В одежде «на рыбьем меху» угождать матери

Минь Сунь (閔損) жил в 536—487 гг. до н. э. в царстве Лу в период Весны и Осени. Он был учеником Конфуция, и тот особо ценил **Минь Суня**, ставя его всем в пример, как и другого ученика, — Ень Юаня, имя которого упоминается в конфуцианском произведении *Лунь юй* («Беседы и суждения»).

Его мать рано умерла, и отец женился на другой. В новом браке родилось двое сыновей, и мачеха, как водится, лелеяла лишь своих детей, издеваясь над пасынком.

Однажды, когда отцу пришлось отлучиться из дома по делам, он сел в «баранью тележку»¹, а **Минь Суню** велел тащить ее за веревку. Старший сын, накинув веревку на плечи, впрягся в тележку. На улице был такой мороз, что мальчика бил озноб, и обледенелая веревка упала на землю.

¹ «Баранья тележка», *цень-чхэ* (牽車), — небольшая тележка, в которой возили воду или одного человека, запрягая в нее барана либо слугу, как рикшу.

Один из 24 примеров на стене храма

Один из 24 примеров; моет горшок родителя

Развлекает старых родителей, притворившись ребенком

*24 примера сыновней
почтительности.
Жена сына сначала кормит
престарелого свекра*

Конфуций

Конфуций у входа в храм. Пекин. библиотека Конфуция

Отец не только отругал сына, но и хлестнул его плетью. Тоненькая ткань его куртки треснула, и из нее полетел тростниковый пух. Оказывается, мачеха для своих детей сшила зимнюю одежду с толстым, двойным слоем ваты, а для **Минь Суня** — из тростникового (камышового) пуха.

Обнаружив это, отец разгневался еще больше и стал подробно расспрашивать старшего сына об отношении мачехи к нему. Узнав об издевательствах, он вернулся домой и хотел вышвырнуть коварную супругу на улицу. Но **Минь Сунь**, упав на колени, стал упрашивать отца пощадить мачеху: «Если она останется в доме, то страдать буду лишь я один, а если ты выгонишь ее с сыновьями, то несчастными окажутся три души!»

Отец согласился, тронутый великодушием мальчика, а мачеха стала мучиться запоздалыми угрызениями совести и после этого случая уже относилась к **Минь Суню**, как к родному сыну.

22. Нести мешок с рисом сотню *ли*

Чжун Ёу (仲由), по имени Цзы Лу (542—480 гг. до н. э.), был уроженцем царства Лу в период Весны и Осени. Имея прямодушный характер, будучи решительным и отважным, он стал одним из самых любимых учеников Конфуция. Но прославился **Чжун Ёу**, прежде всего, своим неукоснительным выполнением сыновнего долга.

Чжун Ёу

Его семья всегда жила очень бедно, и **Чжун Ёу** нанялся батраком к богачу далеко от дома. Мальчик на всем экономил, готов был питаться дикими травами и плодами, чтобы купить родителям провизию, а потом преодолеть сотню *ли*, чтобы принести им на спине мешок риса.

После смерти родителей он отправился на юг, в царство Чху, где правитель оценил его образованность и таланты, сделал его высоким сановником. Теперь **Чжун Ёу** не приходилось передвигаться пешком, в любой поездке его сопровождало множество людей, лошадей и колесниц.

Дома у него скопилось огромное количество риса, да не с кем было поделиться. Восседая на парчовых подушках и поедая изысканные яства,

Чжун Ёу часто вспоминал своих бедных родителей и с горечью думал: «Я был бы намного счастливее, если бы ел дикие плоды, а отец с матерью были живы, и я преодолевал бы сотни *ли*, таская на себе мешки с рисом, чтобы угостить их!»

Конфуций превозносил **Чжун Ёу**, говоря о нем: «При жизни ухаживал и прислуживал родителям, а после их смерти вздыхал, тосковал по ним, не мог забыть о их бедности!»

23. Прежде, чем дать лекарство родителю, сам его пробовал

Хань Вэнь-ди (汉文帝) — четвертый император династии Хань, годы его жизни 202—157 гг. до н. э., личное имя Лю Хэн (刘恒). Он был третьим сыном императора Хань Гао-цзу, рожденным императрицей Бао, а на престол взошел в 180 г. до н. э.

Имя **Хань Вэнь-ди** прославилось на всю Поднебесную благодаря его удивительной заботе об отце с матерью, сыновней почтительности. Когда его мать слегла и не вставала с постели три года, сын-император неустанно заботился о ней, нередко дежурил у ее ложа ночами, не смыкая очей; часто не снимал одежду ночью, готовый в любую минуту прийти на помощь. Ни одной ложки лекарства не дал матери, не испробовав его прежде на себе.

Пробыв на престоле 24 года, **Хань Вэнь-ди** правил гуманно и справедливо, придавал большое значение морали и ритуалу, развивал сельское хозяйство, восстановил и развивал экономику, его подданные стали зажиточными, а население быстро увеличивалось.

24. Чувство сыновнего долга растрогоало Небо

Повествование пойдет об одном из пяти древних легендарных императоров по фамилии Яо, по имени Хуа, по прозвищу Ёу Юй-ши, которого в истории принято называть **Юй Шунем** (虞舜). Правил он якобы в 2255—2208 гг. до н. э.

В детстве **Шунь** жил со слепым отцом и мачехой, у которой был собственный сын по имени Слон. Мачеха всячески издевалась над приемным сыном и упорно хотела лишить его жизни. Например, когда **Шунь** однажды по просьбе мачехи чинил крышу высокого амбара и был на самой верхушке,

амбар по приказу мачехи подожгли, и юноша непременно сгорел бы, если бы не догадался прыгнуть сверху, взяв в руки две огромные плетеные конусообразные шляпы от солнца. Эти шляпы в какой-то степени сыграли роль парашютов.

Юй Шунь

В другой раз **Шуня** попросили вырыть колодец, и когда он оказался в глубокой яме, слепой отец со Слоном засыпали его землей. Шунь прокопал подземный туннель, и только потому остался в живых.

Подобных случаев было немало, но **Шуню** везло, и он всегда спасался. При этом юноша ни разу не рассердился, ненависти в его

душе и подавно не было. Он во всем подчинялся мачехе, выполняя любое ее желание, а к сводному брату по имени Слон обращался с лаской и любовью.

Небесный император был тронут покорностью и добрым сердцем **Шуня**, его почтительным отношением к мачехе, и вознаградил будущего императора Китая следующим образом. **Шунь** получил участок земли у подножия горы Ли-шань, где поле ему вспахивал огромный слон, а семена в землю бросали птицы, они же пропалывали сорняки.

Правивший в то время император Яо, прослышав о почтительном сыне по имени Шунь, отдал за него замуж двух своих дочерей: Э Хуан и Нюй Ин. В течение многих лет он пристально наблюдал за поведением **Шуня** и подвергал его всяческим испытаниям. В конце концов, назначил его своим наследником, отвергнув при этом своего собственного сына.

Взойдя на престол, **Шунь** по-прежнему заботился о своих родителях, часто проводывал их, а сводного брата Слона сделал князем. Люди, восхищаясь **Шунем**, говорили о нем, что простой крестьянин стал императором, и все — благодаря его доброму сердцу, уважительному отношению к родителям.

Помимо предложенных классических 24 историй, существуют и некоторые другие варианты, потому что достойных сыновей в долгой истории Китая рождалось великое множество. Им ставили памятники, в их честь возводили мемориальные декоративные арки *пхай-лоу* (牌楼), о них славили легенды.

Например, в знаменитом пекинском даоском монастыре *Бай-юнь-гуань* существует стена, украшенная иллюстрациями к антологии из 24 историй в виде барельефов. Среди них есть несколько, не вошедших в книгу Го Цзюй-цзина. Не хотелось бы утомлять читателей пересказом остальных историй, хотя они довольно интересны. Упомяну лишь одну, свою любимую.

Избитый тростью сын разрыдался

В период правления династии Хань жил юноша по имени **Хань Бо-юй** (韓伯愈). Он с детства слыл очень честным, любил справедливость, с уважением относился к родителям.

Мать воспитывала его очень строго: стоило ребенку в чем-то провиниться, как она наказывала его бамбуковой палкой. Мальчик при этом никогда не плакал.

Хань Бо-юй вырос и однажды, когда он сделал что-то не так, мать-старушка огрела его своим посохом. Каково же было ее удивление, когда сын неожиданно разрыдался.

— Что с тобой? В детстве, бывало, била тебя сильнее, и ты все сносил, терпел. Почему же сегодня заплакал?

— Раньше мне всегда было очень больно, и я знал, что моя мать сильна, у нее крепкое здоровье. А сегодня я даже боли не почувствовал, как будто меня ударил ребенок, и я понял: моя мать уже слаба, постарела. Это меня и расстроило!

Этическая категория *сяо*, которую трактуют не только как сыновнюю почитательность, но и как почитание старших младшими, не устарела и в наши дни, хотя, надо признать, многие молодые люди относятся к ней формально. У меня было много случаев, чтобы убедиться в этом.

Мы прогуливались с китайцами, и один из них был нашим давним знакомым, а двух его молоденьких коллег мы увидели впервые. Внешне я мало чем отличалась от этих девушек, — мы были одеты в джинсы и футболки, фигура у меня была стройная, а лицо моложавое. Новые знакомые относились ко мне почти как к ровеснице, ибо не знали моего возраста, и никакого дискомфорта не испытывали.

Когда нам предстояло спуститься со ступеней (мы выходили из кафе), наш давний знакомый вдруг вспомнил о моем возрасте и поведал о нем девушкам, предвкушая их удивление, потому что и сам в свое время был

поражен. Я как раз собиралась сбежать по ступеням, но, услышав, что мне 50 лет, девушки с двух сторон подхватили меня под руки и стали медленно и осторожно сводить вниз. Поскольку они были крупнее и выше меня, то мои локти оказались где-то на уровне моих ушей. Было неудобно и смешно.

Вечер был испорчен, поскольку мне больше нигде не давали самостоятельности и подчеркнуто относились, как к дряхлой развалине, хотя они вовсе не хотели меня обидеть: раз человеку исполнилось 50 лет, значит, надо за ним ухаживать, как за беспомощным.

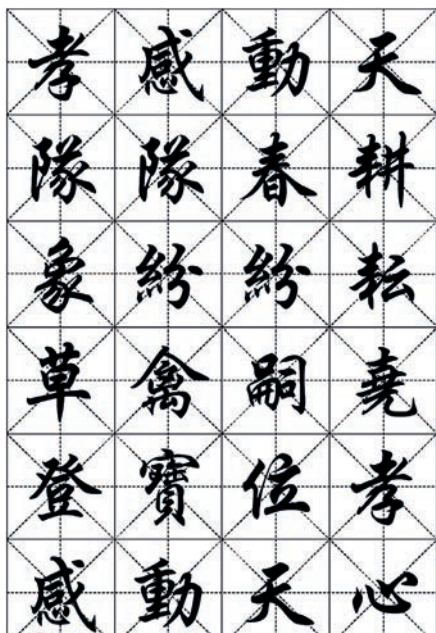
Примерно в этот же период случайный знакомый китаец напросился в гости и привел 16-летнюю дочь, чтобы самому посмотреть и ей показать, как живут иностранцы. Увидев фото нашей двухлетней внучки, они поразились моей молоджавости, и отец тут же приказал: «Скажи „бабушка“!»

Девушка была крупноватой и очень высокой, и когда она почтительно склонилась и сказала: «Бабушка!», мне стало смешно. Она проявила уважение к моим «сединам». Но когда после этого девушка стала постоянно обращаться ко мне, называя «бабушкой», мне захотелось назвать ее «тетенькой». Разницу в обычаях и традициях преодолеть непросто!

И даосизм, и конфуцианство появились на китайской земле. Но по сути между ними — разительная разница, и в этом мы можем убедиться, сравнив отношение их сторонников к различным явлениям жизни.

Даосы отрицали похоронную обрядность, отрицали возможность общения с мертвыми.

Согласно Конфуцию, основной ритуал — жертвы предкам (от

Страница из книги о 24 примерах почтительности

ежедневных до ежегодных). При этом душам предков посылались вопросы: кому надлежит царствовать, начинать ли стране войну и пр. Души давали ответ через знаки на панцире черепахи и др. священных предметах.

Даосы были убеждены в необходимости познать внешний — объективный мир. Для этого следовало обобщать эмпирические наблюдения с помощью рационального мышления.

Конфуцианцы отрицали возможность познания объективной действительности. Мир призывали воспринимать конкретно-чувственно.

Даосы считали, что человек, неполноценный внешне, вполне способен к труду физическому и умственному. Ум важнее внешности и способен заставить забыть об уродстве.

Тезис конфуцианцев: у положительного героя обязательна прекрасная внешность.

Даосы симпатизировали беднякам, стремились привлечь отверженных, отрицали любую собственность, включая и царскую; отрицали власть отца над сыном.

Конфуцианцы стояли на том, что власть отца над сыном — священна. Сын и отец обязаны покрывать друг друга. «Почтительным сыном можно назвать того, кто три года после его смерти (отца) не меняет отцовских порядков».

Для даосов существовал примат естественных наук. Это определило и интерес к технике, результатом которого стало изобретение книгопечатания. Начало этому положили даосы в V в., к ним в VII в. присоединились буддисты.

Конфуцианцы встретили изобретение с презрением.

Даосы изучали окружающий Китай мир. «Жизнь вещи подобна стремительному бегу, она развивается с каждым движением, изменяется с каждым моментом». Не изучая чужих обычаев, нельзя даже торговать, — говорили даосы. Житель царства Сун из Китая, где мужчины носили длинные волосы, перевязывая их шнурком, сворачивая и закрепляя шляпкой, не знал, что коротковолосым жителям княжества Юэ такая сложная прическа была чуждой.

Конфуцианцы отрицали все некитайское и необходимость изучать жизнь других народов и их языков. Конфуций, выступая за замкнутое существование страны, говорил: «У северных инородцев даже при правителе хуже, чем в Китае даже без правителей». «Я слышал, что Ся (Китай) воспитывал варваров, но не слыхивал, чтобы варвары его воспитывали». Конфуцианцы отрицали развитие и пытались много веков спустя после смерти Конфуция заставить людей жить по дедовским обрядам и устоям.

Даосы проповедывали отказ от покорности власти имущим, от официальной службы ради изучения природы и человека. Впоследствии эту идею развивали поэты Ли Бай, Тхао Юань-мин, Бай Цзюй-и.

«Благородный муж» обязан добиваться славы, почестей, богатства, — полагали конфуцианцы, — человек должен быть привязан к мелочам быта.

Жизнь человека должна протекать в соответствии с законами природы, — полагали даосы и проповедовали концепцию ухода от жизни на лоно природы.

«Искусные речи, вкрадчивое выражение лица» — вот образцовое поведение человека, с точки зрения конфуцианцев. Что до правителей, то их деяния вполне могут происходить вопреки законам природы.

Характер, как и судьба, — необходимость, определяемая условиями жизни, — считали даосы.

Конфуцианцы судьбу считали волей Небес, «трепет» перед ней — одно из качеств «благородного мужа».

Чистота и искренность детского сердца, ощущения (слух и зрение) — источник знаний, — утверждали даосы.

Добро и зло — врожденные, и исправить характер можно лишь с помощью конфуцианского обучения.

Древнекитайский историк Сыма Цень, сторонник даосизма, предвидел сожжение даосских книг при императоре Цинь ши-хуане, поэтому спрятал их в знаменитой горе. Обычай прятать записи в стенах домов, в могилах, по данным раскопок, был, видимо, столь же распространенным, как и уничтожение записей задолго до династии Цинь.

Конфуций учился у Лао-цзы, чтобы, как ученик, как «младший брат», вытеснить «старшего». Все его поездки к Лао-цзы были лишь «хитростью» Конфуция: «Я завладею твоей славой, а ты ничего не сумеешь поделать». Засилье Конфуция заставило Лао-цзы уйти на запад, где не было конфуцианцев.

Конфуцианцы добились введения «ученого звания» для освоивших «Пятикнижие» (136 г. до н. э.), а впоследствии — признания основной образованности в Китае знание конфуцианских канонов. Даже в эпоху расцвета буддизма (VII–VIII вв.) китайские императоры продолжали даровать Конфуцию почетные титулы.

Завоевавшие Китай монголы были ламаистами, а маньчжуры — шаманистами, но и они жаловали Конфуцию почетные титулы. Господство этой «религии» до XX в. объясняется тем, что она подчинила себе систему образования и административный аппарат.

Конфуций и Лао-цзы

Народные верования

Синкретические народные верования принято называть «народной религией». Китайцы часто не нуждаются в посещении храмов и поминают предков в доме или на кладбище, совершая определенные обряды. Для проведения заупокойной мессы могут пригласить и буддийского, и даоского священнослужителя, — принципиальной разницы для родственников нет.

Для определения причин возникновения неприятных ситуаций в семье (болезни, неудачи в делах, смерть) ее члены могут обратиться за помощью к геоманту, гадателю, даоскому прорицателю. Но главное, что дает синкретизм народных верований и религиозности, — веротерпимость. Для многих китайцев слово «будда» может являться названием любого китайского божества, а «буддизм» — синонимом народной религии.

Китайцам свойственен прагматизм, а потому в конкретной ситуации они признают то, что выгодно. Мы часто наблюдали китайцев, которые, не задумываясь, кланялись и становились на колени и перед учениками Конфуция в библиотеке одноименного музея, и перед идолом, покровителем убийц в даоском храме-музее.

Знакомые китайцы, называющие себя католиками, признавали, что изредка посещают службы в костелах лишь с целью познакомиться, найти друга или подругу. И хотя некоторые из них почитывают духовную литературу, поведение в быту свидетельствует о том, что в душе они являются настоящими язычниками с примесью буддизма.

В то же время люди, называющие себя атеистами, нередко оказываются «стихийными» приверженцами «народной религии», веря в добрых и злых духов. Они отмечают праздники, связанные с теми или иными народными божествами, привычно соблюдая определенные обряды.

Как говорил академик В.М. Алексеев, «синкретичность религии китайцев объясняется не столько веротерпимостью народных масс, сколько стремлением задобрить и расположить к себе «на всякий случай» все известные божества и всех духов».

Религиозные чувства китайцев в древности проявлялись в поклонении природе, которая, по их мнению, населена различными духами и божествами неба и земли — высшего и низшего порядка, а также в почитании усопших предков.

Так как влияние окружающей природы на жизнь древнего человека было колоссальным, древние поклонялись и отдельным ее элементам, таким как погода, солнце, ветер и так далее. В пантеон божеств для поклонения входили луна, озера, реки, моря, горы и так далее. В китайской традиции такое вероисповедание было преобладающим, вероятно, потому, что у людей древних времен не имелось никакого иного способа предотвратить засуху или наводнение, кроме как объединение всех племен под лидерством влиятельных героев. Древние люди поклонялись таким героям, находя их в своем прошлом, и они тоже становились объектами для поклонения. Легендарные предки Фу-си и Нюй-ва, наряду с Тремя властителями и Пятью императорами, стали самыми ранними представителями таких героев.

Что касается духов и божеств, то доминирующее положение среди них занимает **Шан-ди** (Верховный владыка, 上帝). Еще до нашей эры ему приносили жертвы, а вместе с ним — и «шести достойным почитания» духам четырех священных гор и четырех священных рек, а также «100 другим духам». При этом числительное «сто» употребляется в смысле всеобщности. Во многих древних источниках Владыку Шан-ди называют еще и **Юй хуан да-ди** (Яшмовый император, или Нефритовый император, 玉皇大帝), и **Тхень** (Небо, 天) или **Хуан-тхень** (Всемогущее Небо, 皇天). Отсюда и земного владыку — императора Китая называли **Тхень-цзы**, т. е. Сыном Неба (天子).

Остальных духов можно условно разделить на три группы. К первой относятся божества, связанные с культом природы: божество Грома (雷神), князь Ветров (风伯), дух Земли (土地神), божество Дождя (雨师), Драконы и прочие духи рек, лесов, гор, поселений, а также божества планет, звезд, времени (часа, дня, месяца, сезона, года).

Ко второй группе относятся божества, связанные с культом предков; это и предки конкретной семьи, и общегосударственные предки-герои, и покровители ремесел (даже воры, игроки, убийцы и проститутки имеют своих богов-покровителей), боги Богатства (财神), Радости (吉神, 喜神) и Долголетия (寿星), покровители детей (送子娘娘, 九娘娘), богиня Цзинь-хуа, помогающая при родах, богиня, помогающая при зачатии и пр. Сюда же со временем попали и буддийские божества, например, Гуань-инь, и архаты (по-китайски — *лохани*).

Китайцы верят, что души мертвых способны влиять на мир живых людей, а потому в особые дни снабжают усопших предков всем необходимым: одеждой, жильем, пищей, деньгами и даже предметами роскоши. Все это сжигается на кладбищах и во дворах храмов, и если в древности предметы были настоящими, то в современном Китае они изготавливаются из бумаги и дерева. Довольные души предков непременно, в свою очередь, позаботятся о живых, принеся в их дом благополучие и счастье — считают китайцы.

Главной персоной во время молитв и жертвоприношений всегда являлся сын, отсюда и разное отношение к детям в семье: мальчиков ценили, а девочек нередко даже умерщвляли, — кому нужен ребенок, который никогда не сможет заботиться о родителях в старости и об их душах — после смерти. Девочки вообще, едва достигнув совершеннолетия, отдавались в семью мужа и становились членами другого клана, а потому в родном доме считались нахлебницами.

Сыновей же старались родить как можно больше, ведь не каждый ребенок доживал до совершеннолетия, становясь опорой родителям. Но и взрослый сын мог уйти в мир иной раньше отца и матери, так что культура Китая буквально «пронизана» символикой, имеющей отношение к пожеланию многочисленного мужского потомства. Самым страшным несчастьем в семье считалось отсутствие сыновей, потому что, согласно верованиям, души предков, лишенные заботы, жертвоприношений и поклонения, способны превратиться в злых духов и навредить нерадивым потомкам.

Немецкий синолог Вильгельм Грубе считал, что почитание предков, как в древности, так и в последующие времена, является истинным основанием религиозной жизни и веры китайцев.

Между первой и второй группами можно выявить связующее звено в виде духов селений, дорог, усадеб, различных частей дома (например, духи очага, дверей, кровати и отхожего места). Даже различные виды домашнего скота имеют собственных покровителей. А в старом Китае в городе Сучжоу существовал даже маленький храм, посвященный покровителю вшей!

К третьей группе относятся вредоносные духи болезней, бедствий, бедности, оборотни и прочие злые духи, а также божества преисподней. Видимо, многочисленные божества даже в своей сфере были не всегда способны помочь людям: нередко их молитвы оставались неслышанными, а потому люди пришли к мысли о существовании демонических существ, более сильных, чем боги, раз они способны противостоять последним.

Исходя из этого, китайцы придумали множество способов для защиты от проделок зловредных существ: ширмы, экраны, загнутые коньки и карнизы крыш, горбатые или зигзагообразные мостики, высокие пороги, петляющие тропинки (считается, что нечисть способна двигаться лишь по прямой линии), множество различных оберегов и амулетов, бумажные куклы, «замещающие» каждого члена семьи.

В результате образовалась даже наука геомантия (*фэн-шуй*), — комплекс древних представлений об устройстве пространства и его влиянии на человека, в которой систематизированы различные методы и приемы для организации жизни в жилище, чтобы защищаться от влияния враждебных человеку сил. Соблюдая правила *фэн-шуй*, можно якобы обезопасить не только города, улицы, храмы и жилые помещения, но и кладбища.

Из многочисленных китайских синкретических религий можно назвать несколько, чтобы убедиться, как много в них намешано: *Вань-го Дао-Дэ цзун-хуй*, — Центральное общество Пути и Добродетели всех стран; *Дао-Дэ сюэ-шэ*, — Общество изучения Пути и Добродетели; *Сень Тхень Дао*, — Путь прежнего Неба; *Сань-и цзяо*, — Учение об объединении трех вероучений; *Лун-хуа Дао*, — Учение Цветка дракона.

Пытаясь разобраться в этой пестрой смеси, погружаешься в какую-то бесконечно длящуюся сказку, из которой не хочется «выныривать» в будничную жизнь. Народные верования не только появились раньше других на китайской земле, но и сохранились до настоящего времени, украшая жизнь далеко не набожных жителей Поднебесной. Количество божеств в Китае не поддается счету. Даже простое перечисление имен тех, о которых я слышала и читала, займет немало страниц. А как необычно для нашего уха звучит: богиня нарывов, дух воды, укорачивающий жизнь, богиня оспы, богиня скарлатины и пр., пр. экзотика!

Познакомимся ближе с самыми популярными «сказочными героями» народных верований.

Три Звезды: Фу, Лу, Шоу

Каноническое изображение богов Счастья, Карьеры и Долголетия

Испокон веков в Китае «счастливыми» иероглифами считались *фу* (счастье), *лу* (карьера) и *шоу* (долголетие). Поэтому их не только писали на свитках, произносили, выражая пожелания друг другу, но и изображали в виде трех мужчин: два — среднего возраста, черноволосые, с черными бородами, и один — очень старый, абсолютно лысый, с седыми бровями и белой бородой. Он улыбчив, выражение лица приветливое.

Их не только рисуют, вырезают из камня и дерева, но и лепят из глины, изготавливают из фарфора. Пожалуй, по количеству изображений они занимают первое место среди прочих героев мифов, легенд и художественных произведений. Несмотря на то, что представляют их, как правило, всегда втроем, живописной группой, иностранцы легко узнают лишь одного — Шоу-сина (寿星), т. е. звезду Долголетия: уж очень он выделяется своей головой необычной формы. Кроме того, никогда не встречала отдельного изображения Фу (福星) — Звезды Счастья, или Лу (禄星) — Карьеры. Зато Шоу-сина вполне могут представить одного или в сопровождении супруги. Так что он наиболее узнаваем.

Когда-то, лет 20 назад, в Пекине напротив «жемчужного рынка» (по-китайски он называется Хун-цзяо) располагался, прилепившись к стене Храма Неба, длинный ангар-рынок, где при плохом освещении торговали антиквариатом, подделками под старину и просто старыми вещами. Почти в каждой лавке в том или ином виде встречался и Шоу-син. Меня, естественно, поразила его голова, которая по высоте порой равнялась туловищу. Мало того, что вытянута, как огурец, так еще и с шишкой, нависающей надо лбом.

Ни один китаец из продавцов или моих знакомых не смог ответить на вопросы: почему, для чего, что это значит? Наиболее распространенное предположение — мол, умный очень, вот и голова большая. Но мне

казалось, что такой ответ лишен логики: выходит, чиновник Лу-син — намного глупее? И какая связь между умом и долголетием, которое символизирует этот милый старик? Разве что, с годами набираешься ума...

Перечитала всю доступную литературу и нашла ответ, который меня потряс! Никто мне не верил, когда я об этом рассказывала. Особенно смущались и возражали китайцы. Оказывается, голова Шоу-сина выполнена в виде головки пениса. И когда я стала смотреть на нее уже через призму своего знания, то вполне отчетливо увидела то, что и хотел показать художник. Для нас это казалось диким: божество с членом вместо головы! Однако смысл — в намеке: бог Долголетия, хоть и стар, но не дряхл, а вполне полноценный мужчина, и такая необычная голова — показатель жизненной силы, энергетического начала *Ян*.

Познакомимся с каноническим изображением этих «звезд». Китайцы придают большое значение семи планетам созвездия Большой Медведицы (по-китайски — созвездие Северного Ковша, 北斗). Эти семь звезд обычно являются предметом изображения в разных видах искусства, кроме того, играют важную роль в даосской религии, в даосских обрядах, потому что считаются местом пребывания верховного божества Шан-ди, вокруг которого располагаются все остальные звездные боги.

Существует симпатичная легенда, в которой рассказывается, как божества этих звезд мечтали пожить на земле, среди людей. После того, как они спустились на землю и попали в дом человека, несправедливо осужденного на казнь, они начали пить вино, пытаясь избавиться от печали и чувства беспомощности в такой ситуации.

Придворный звездочет доложил императору о том, что семь звезд Большой Медведицы исчезли с небосклона, и это грозит великими бедствиями. Он предложил объявить великую амнистию, и император прислушался к совету. Звезды тут же вернулись на свое место, а несправедливо приговоренный к смерти был спасен.

Согласно другой легенде, божество Большой Медведицы — злое существо, которое распоряжается временем смерти всех людей. У него красное лицо, изображают его обычно с мечом в руке, в сопровождении черепахи и змеи. Называют его старцем Северного полюса, или звездным божеством Северного полюса.

В противоположность ему существует правитель Южного полюса, или старец Южного полюса (南极老), это и есть Шоу-син, которого принято

изображать в сопровождении оленя, журавля, летучих мышей, а иногда и детей, а еще — с кривым, сучковатым посохом в руке, к которому привязана тыква-горлянка, и с персиком, символом долголетия, — в другой руке.

В тыковке, естественно, — целебные снадобья, способные превратить обычного человека в небожителя. Старец Северного Ковша (или Большой Медведицы) нередко встречается со старцем Южного Ковша, чтобы сыграть партию в шахматы. Именно во время игры они решают судьбы людей, и от результатов игры зависят многие события и явления на земле. Согласно китайскому представлению о космосе, юг является местом для живых, а север — обитель мертвых. Считалось, что как только появится старец с Южного полюса, в Китае сразу наступит покой, безмятежность. Поэтому люди издавна приносили божеству жертвы и просили о здоровье и счастливом долголетии. Не случайно изображение Шоу-сина — наиболее подходящий подарок для пожилого человека и в Китае, и в Японии. А еще Шоу-сина любят изображать на новогодних поздравительных открытках.

Ко II веку н. э. китайские астрономы зафиксировали и описали 11520 планет и внимательно наблюдали за ними. Они заметили, что положение «рукоятки» Северного Ковша для каждого времени года — свое, т. е. каждому месяцу соответствует разное направление, которое указывает «рукоять». Наверное, поэтому и в традиционном китайском компасе вместо иглы-стрелки — ложечка-ковш, рукоятью указывающая на юг.

Китайцы полагали, что месяцы и сезоны определяются вращением Большой Медведицы. Хвост созвездия, указывающий на восток, объявляет приближение весны, расположенный на юг — приближение лета, развернутый на запад — приближение осени, и нацеленный на север — приближение зимы.

На Тайване с Большой Медведицей (или Северным Ковшом) связан похоронный обряд, ибо Южный полюс символизирует жизнь, а Северный — смерть. Труп кладут на доску, в которой просверлены отверстия в виде этого созвездия. В гробу также имеются подобные семь отверстий.

У материковых китайцев — свое отношение к звездам, свои поверья. По их мнению, каждый человек связан с определенной звездой (а каждая звезда имеет своего духа, или свое божество). Так, в даоском

храме Белых облаков в Пекине есть отдельный зал, где представлены 60 звездных генералов-покровителей, и ежегодно в праздник Весны люди делают подношения своему святому-покровителю. Поэтому звезды, кроме всего прочего, являются и символом человека. Соответственно, метеор является предупреждением о том, что какой-то незаурядный, выдающийся человек скоро умрет. Китайцы верили, что загадки человеческой жизни, различия в судьбах людей связаны с невидимым невооруженным глазом движением планет.

В одной легенде рассказывается, как некий мужчина из путешествия в небесное государство привез звезду. Через некоторое время она влетела в рот его жены, и та забеременела, родила мальчика. Оказалось, что младенец — вновь вернувшийся на землю друг ее мужа, которому тот помогал в свое время.

В легендах существуют конкретные пояснения лишь о трех из семи звезд Большой Медведицы, причем, одна из них символизирует Небо, две другие — представительницы Земли и являются духами гор. А три пожелания — долголетия, карьеры и счастья, символизируют три человека, названные в народе «три звезды». Изображать их принято следующим образом.

Классический вариант бога **Карьеры (Лу-син)** — в красном халате, чиновничьей черной шапочке с «крылышками». В руках у него может быть дощечка для записи приказов императора (на которой нередко рисуют, опять же, созвездие Северного Ковша), либо жезл жу-и. У него длинные черные борода и усы, большой живот. Естественно, большие чиновники всегда брали большие взятки, так что на сытом животе натянут, как на барабане, шелковый халат, а пояс — снизу, под толстым брюхом.

Чтобы подчеркнуть, как зажиточно живет высокий сановник, ему в руки нередко вкладывают большой золотой слиток вместо дощечки или жу-и. Кстати, в старых книгах утверждается, что известная троица состоит из богов Счастья, Изобилия и Долголетия. В таком случае получается, что бог Богатства (Изобилия) и Карьеры — одно и то же лицо.

Звезду **Счастья (Фу-син)** принято изображать в синем халате с ребенком на руках. Это тоже моложавый мужчина, хоть и плотного телосложения, но не такой полный, как звезда Карьеры, тоже с длинными, черными усами и бородой.

Но самая привлекательная фигура, конечно же, — бог Долголетия (Шоу-син). Как уже упоминалось, из трех «звезд» ни бога Карьеры, ни бога Счастья никогда не изображают отдельно, зато бога Долголетия нередко предъявляют одного, почему? Ведь пожелание *Фу-Лу-Шоу* — это устойчивое словосочетание и устоявшееся понятие. Тут-то все и проясняет омонимия китайского языка.

Если, как уже говорилось, Шоу-син представлен в группе из трех, то в его руках (обязательно!) — сучковатый, грубый посох и персик. Если же его не сопровождают Лу-син и Фу-син, то непременно окружают летучие мыши, олень (стоит рядом, или Шоу-син сидит верхом на нем), иногда — дети, а к посоху привязана тыква-горлянка.

Летучие мыши в Китае являются символом счастья, ибо в их названии *бень-фу* (蝙蝠) есть иероглиф *фу*, похожий на иероглиф «счастье», тоже *фу* (福). Так что в данном случае присутствие летучих мышей — намек на отсутствующего Фу-сина, бога Счастья, а тыква-горлянка по-китайски — *ху-лу* (壶卢), и иероглиф *лу* намекает на слово *лу* — карьера. Что же касается оленя, то у слова «олень» (鹿, *лу*), не только одинаковое звучание, но и одинаковый тон со словом «карьера». Так что рядом с Шоу-сином, можно сказать, всегда незримо присутствуют и Лу-син, бог Карьеры. К слову, журавль, который тоже иногда сопровождает Шоу-сина, символизирует мир, гармонию, так как по-китайски эти слова звучат так же, как и «журавль» (хэ).

Если говорить о нашей коллекции, то представителей знаменитой троицы очень много; есть большие, высокие фигурки, есть среднего размера, есть и совсем миниатюрные, но не менее старательно выполненные, когда даже халат у статуэтки с вырезанными и раскрашенными узорами является произведением искусства — тончайшая работа!

Есть и отдельно изготовленный Шоу-син с неизменными атрибутами — оленем, персиками, тыквой, детьми, журавлем и даже слитком золота в руке. Чтобы «освободить» для слитка руку старца (обычно в руке — персик), мастер «привязал» персики к посоху, как и тыкву-горлянку. Уж так старался, так старался... Все, что можно, изобразил рядом со звездой Долголетия.

Однако гордостью коллекции по данной теме является живописная группа из Трех Звезд, играющих где-то высоко в горах в облавные шашки. Играют, собственно, бог Долголетия Шоу-син и бог Счастья Фу-син,

а Лу-син стоит рядом и наблюдает, зажав в кулаке бороду. Играющие установили доску на обломке скалы, большом валуне, и приняли непринужденные позы: Фу-син положил ногу на ногу, а Шоу-син поставил правую ногу повыше, на камень, чтобы удобнее опираться на колено, и лица их оживлены, выражают азарт.

Еще одна редкая вещь в коллекции — супруга Шоу-сина. Не раз встречала я эту пожилую парочку на рынках — бога Долголетия с довольной, смеющейся толстой старушкой. Но впервые увидела на «блошином» женскую троицу, т. е. жен всех трех богов-звезд. Фигуры — тяжелые, мощные, крупные, фантастически виртуозно исполненные, и они объективно стоили тех денег, которые за них просили. Субъективно же для меня такая цена — немыслима (несколько тысяч *юаней* за одну фигуру). Так бы и осталась я без покупки, лишь полюбовавшись искусством. Но у мужа в тот день было особо благодушное настроение, и он великодушно поинтересовался:

— Почему не берешь? Неужели не нравится? Ты посмотри, какая прелесть!

— При таких ценах даже вопрос «нравится — не нравится» обсуждать не имеет смысла!

— А какая из трех тебе кажется наиболее привлекательной?

Я указала на седую старушку.

— Вот ее мы и купим! Давай, начинай торг!

— Да разве он продаст одну?! Ты же сам понимаешь, что эту группу разбивать нельзя.

С нами была подруга, которая, не будучи собирателем фарфора, тоже загорелась, настолько потрясла ее работа мастера:

— Я тоже куплю одну!

Поскольку речь шла о немалых для него деньгах, продавец все же пошел на компромисс, и сделка состоялась. Дома, отмыв старушку от пыли, я выставила ее на широком каменном подоконнике, однако вскоре перенесла на верхнюю полку стеллажа. Потому что крупное лицо выполнено настолько натурально, что просто страшновато было то и дело взглядом наткнуться на него. Возникало ощущение, что в комнате — кто-то посторонний, и я думаю, что такое ощущение — лучшая похвала мастеру.

Кстати, муж, будучи в восхищении от покупки, заявил: «В следующие выходные поедem покупать третью, оставшуюся!». Как бы не так! Ее, видимо, в тот же день кто-то купил.

А теперь — легенды, рассказывающие о том, как в народе появились эти божества — Фу, Лу и Шоу. Если обнаружите некоторые или даже серьезные противоречия (например, в одних источниках утверждается, что Шоу-син обитает на Южном полюсе, в Южном Ковше, в других — что он является одной из семи звезд Северного Ковша), отнеситесь к этому снисходительно, ибо вся мифология китайцев полна противоречий.

Три звезды и Ма-цз

**О том, как Ян Чхэн (Фу-син) принес счастье
жителям Дао-чжоу**

Фу-син появился в умах людей благодаря извечной мечте о счастье, а потому и возникло религиозное поклонение ему. Существует мнение, что бог Счастья — это планета Юпитер, а по-китайски — Му-син (木星), т. е. «деревянная звезда», потому что, согласно концепции пяти превращений в космогонии, Востоку соответствует стихия Дерево. Проходили столетия, и этот бог постепенно обрел в глазах людей человеческие черты. Предлагаем историю о Ян Чхэне, правителе Дао-чжоу, который канонизирован и в легендах превратился в бессмертного бога Счастья — Фу-сина.

Согласно императорскому указу, Ян Чхэн отправился в Дао-чжоу в качестве правителя этой местности. Испытывая в душе благодарность за такое высокое назначение, Ян Чхэн на следующий же день отправился в дальний путь. Прибыв на место, он, прежде всего, обратился за советом к предыдущему правителю, который занимал этот пост в течение нескольких лет, и тот, смеясь, ответил: «Тебе не о чем беспокоиться, наш район — процветающий, и люди живут в мире и довольстве».

Прошло несколько дней, и Ян Чхэн решил инкогнито совершить инспекцию. Он постучал в первые же ворота, и к нему вышел мужчина, который дрожал и обливался потом от страха.

— Пожалуйста, — умолял он, — дайте нам еще несколько дней!

— Еще несколько дней? — изумился Ян Чхэн, — Для чего?

— Императорскому двору вновь требуются карлики. Нас вынуждают разлучаться с собственными детьми — нашей плотью и кровью...

— Неужели это возможно?! — Ян Чхэн был потрясен.

А началось это где-то в середине правления династии Тхан. Император, правивший в то время, то и дело требовал для своего развлечения чего-то необычного, и в поисках диковинок его подданные прочесывали все уголки империи, исколесив ее вдоль и поперек. Один из самых угодливых сановников, в конце концов, уже просто не знал, чем можно удивить и развлечь Сына Неба. И тогда он предложил:

— Ваше Величество! Я слышал, что в Дао-чжоу — самые низкорослые люди. Настоящие карлики! Не более 90 см в высоту!

— Неужели действительно такие маленькие?!

— Да, а представьте, какие маленькие у них дети!

— Немедленно! Немедленно доставьте их сюда!

Через три дня ко двору подвезли целую группу крошечных людей, низкорослых мальчиков. Довольный император расхохотался.

— Сколько же вам лет, крошки?

— Нам по восемнадцать, — ответил самый смелый.

— Прекрасно... прекрасно... А умеете ли вы играть на каких-нибудь музыкальных инструментах?

— Да, я играю на дудочке...

— А я — на барабане...

— А я — на *цине*...

— Я — на *эр-ху*...

— А я — на флейте...

— Я — на *шэне*...

— Великолепно! Целый оркестр! Сыграйте что-нибудь для меня!

После того, как крошечки, усевшись на пол и подогнув ножки, сыграли несколько мелодий, император воскликнул:

— Вы останетесь во дворце навсегда! Теперь вы будете моим придворным оркестром! Великолепно! Ни у кого нет таких малышей-музыкантов!

Что же касается сановника, который так угодил Сыну Неба, император повелел:

— Ты получишь вознаграждение! Но я требую в определенный срок доставить мне еще одну партию карликов! Я найду им другое применение! И чем моложе они будут, тем лучше! Пожалуй, подбери мне детей до 10 лет!

— О, Боже! — воскликнул про себя подданный.

Однако приказ есть приказ; с тех пор так и повелось: в Дао-чжоу посланцы императора регулярно отбирали детей, совсем маленьких, совсем крошечного роста для развлечения правителя. Детей оставалось все меньше и меньше, а потому дело дошло до насилия; родители, вцепившись в малыша, пытались защитить его, а императорские посланники вырывали орущее дитя, выполняя приказ.

Не поверив услышанному, Ян Чхэн отправился в другой дом, но и там заплаканные родители подтвердили слова соседей:

— Ваше Величество, они вновь и вновь приезжают за нашими пилипутиками, чтобы отправить их во дворец.

Потрясенный Ян Чхэн вернулся в управу, однако ничем уже не мог заниматься. И ночью ему уснуть не удалось: в ушах звучал плач родителей.

На утро гонец уже лично вручил правителю приказ от императора в пятидневный срок доставить ко дворцу 30 лилипутиков.

Ян Чхэн долго мучился, не в силах сделать выбор; ведь император только-только отправил его в Дао-чжоу, доверив такую высокую должность, разве можно его послушаться? Но, с другой стороны, разве можно отбирать у родителей их собственных детей, даже если они отличаются от других такой необычной внешностью и ростом?

Прошел месяц, и вновь явился гонец, который, нахмутив брови, стал зачитывать указ императора: «Карлики до сих пор не поставлены во дворец! Вам было приказано...»

— Я, будучи в должности правителя Дао-чжоу, обязан заботиться о том, чтобы люди на этой территории жили счастливо и не страдали, — перебил, не дослушав, Ян Чхэн. — Для этого меня и поставил император на это место... Я должен придумать что-нибудь... Я должен помочь этим людям.

Наконец, он принял решение и сел писать ответ Сыну Неба, совершая невиданную дерзость. «Приступая к написанию этой петиции, я основываюсь на исторических фактах, исторических примерах. Кроме того, согласно законам нашей страны, жители Дао-чжоу, хоть и малы ростом, однако не являются рабами. Именно по этой причине я не имею права доставлять их к вам в качестве подарка. И что за радость, что за развлечение получаете Вы, Ваше Величество, от созерцания танцующих, музицирующих, выступающих в театре лилипутиков? Если Вы милостиво позволите несчастным вернуться к их семьям, Ваши верные подданные будут Вам вечно благодарны».

На это послание последовала естественная реакция — гнев и ярость императора. Он топал ногами и стучал кулаками по подлокотникам трона так, что, казалось, искры летели. Чтобы снять напряжение, преданные слуги начали подавать реплики и советы:

- Невиданная наглость!
- Этот Ян Чхэн заслуживает смерти!
- От него — одни проблемы Вашему Величеству!
- Обезглавить его!

Но чем больше распалялись подданные, тем спокойнее становился император.

— Замолчите! — вдруг закричал он, — Тишина!! Доводы, которые выдвинул Ян Чхэн, вполне справедливы. Я прекращаю эту практику... Эй, стража!

Требую немедленно отправить всех карликов на их родину. Пусть мои подданные живут в мире, достатке и счастье!

После нового указа императора Ян Чхэн превратился в настоящего национального героя местности Дао-чжоу, однако сам он никак не мог понять, за что его благодарят толпы жителей — счастливых родителей: разве это не его прямая обязанность — защищать простых людей, делать их жизнь счастливой... К сожалению, случилось так, что Ян Чхэн умер через несколько лет, а безутешные жители Дао-чжоу заказали его портрет, повесили в храме и стали ему поклоняться, принося пожертвования и обращаясь к нему с мольбами о счастье. Так его канонизировали, и в представлениях людей Ян Чхэн превратился в бога Счастья.

Небесный повелитель Фу-син одаривает счастьем

Что такое счастье? На этот вопрос каждый человек ответит по-своему, потому что у всякого — свое представление о счастье. Это может быть и долголетие, и удовольствия, и здоровье, и мирное существование, и целый выводок детей... Причем, в поисках счастья люди способны проявлять невиданный энтузиазм.

У китайцев во время праздника Весны, а точнее — в 15 день первого лунного месяца, принято вывешивать изображение бога Счастья, и многие китайцы, проживающие в Гонконге, Макао и в странах Южной Азии, просят в этот день благословения у бога Счастья.

Рассказывают, что жил некогда очень богатый человек по фамилии Чжан, однако от других сильных мира сего он отличался добрым сердцем и милосердным нравом, а потому с радостью помогал в беде всем, кто к нему обращался. Кому — мешок риса, кому — лекарства, без помощи не оставался ни один страждущий.

Однажды случилась страшная засуха, и без урожая огромное количество людей столкнулось с бедствиями. Как же поступил милосердный господин Чжан? Не дожидаясь просьб о помощи, он велел слугам открыть закрома и раздать зерно всем нуждающимся. Весть о таком шаге быстро разнеслась по округе, и счастливые жители обсуждали между собой этот редкий поступок.

В конце года два небесных представителя, бог Радостных известий и бог Богатства решили спуститься на землю и навестить жителей, которые, как они знали, пострадали от засухи. Каково же было их удивление, когда они нигде не обнаружили признаков голода: на улицах не было нищих-попрошаек, а все люди выглядели сытыми и счастливыми. Небожители решили обратиться за разъяснением к одному из прохожих:

— Прошлым летом не было дождей, судя по всему, вы совсем не собрали урожай. Так почему же у вас накануне новой весны по-прежнему есть зерно?

— Все благодаря доброму господину Чжану, это он открыл свои закрома и раздал зерно.

Посоветовавшись, боги решили, что Чжан вполне достоин их внимания и награды и договорились подарить ему хорошие вести и богатство. Однако сколько они ни стучали в ворота доброго человека, тот не открыл, узнав, кто хочет к нему войти.

— Но ты должен принять свою награду от богов, открой ворота, разве ты не хочешь получить от нас хорошие вести и богатство?

— Идите прочь, я не нуждаюсь в вашей награде.

— Странно... он отказывается от награды богов... — обескураженные небожители переглянулись в недоумении.

Тут прибыл еще один небожитель и присоединился к компании товарищей; то был бог Счастья, и он тоже стал стучать в ворота, призывая открыть их. И, странное дело, стоило ему назвать себя, как ворота немедленно раскрылись. Больше того, господин Чжан велел слугам накрыть стол, приготовив подношение божеству.

— Эй, а почему же ты не открыл нам, когда мы стучались? — возмутились бог Добрых вестей и бог Богатства.

— Простите, не сердитесь на меня, — ответил хозяин, — я живу счастливо и очень боялся, что если открою вам ворота ради богатства и добрых вестей, мое счастье покинет меня, выскользнув со двора. А без счастья и удачи я ни богатства никогда не смогу получить, ни добрых вестей.

— А ведь он прав! — согласились небожители...

Бог счастья Фу-син в даосизме

У даосов тоже есть легенда о божестве Счастья. Было у царя Драконов три дочери разного возраста, и внешне они уродились разными. Все три влюбились в молодого симпатичного чиновника по имени Чхэнь Цзы-мао. Причем, все три принцессы непременно хотели выйти замуж именно за этого человека.

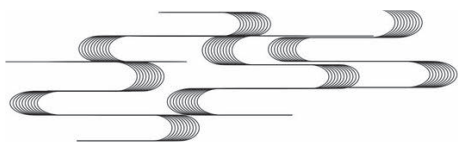
— Но это же абсурд! — возмущался всемогущий Дракон. — Как могут мои дочери выйти замуж за простого смертного?

— Отец, — ответили принцессы, — мы готовы сами стать смертными, но не откажемся от своего избранника!

Пришлось старому Дракону смириться и уступить дочерям; сыграли свадьбу, и все три стали женами ученого человека. Жили они счастливо, и в разное время родили супругу по сыну, всего — трех сыновей. Все выросли пригожими и добрыми, похожими на земного отца. А поскольку они были и небожителями одновременно, то, повзрослев, получили титулы: небесный бог Счастья, земной бог Счастья, морской бог Счастья.

Раз были счастливы все в этой необычной семье, пусть будут счастливы и те, кто живет на небе, на земле и в воде! И в то же время каждый из трех богов имел свои особые полномочия: небесное божество благословляло людей, земное прощало им грехи, а морское спасало от бедствий и наводнений, от которых испокон веков страдали жители Китая.

Бог Счастья
Фу-син

Чжан Сень (Лу-син) одаривает богатством и детьми

А вот легенды о некоем Чжан Сене, которого люди канонизировали, как бога Богатства. Мечта каждого человека — достигнуть высокого положения и получить соответствующее вознаграждение, — утверждают китайцы. И поскольку бог, распределяющий благосостояние и процветание, способен одарить высокой чиновничьей должностью, он является объектом ревностного поклонения со стороны жителей Поднебесной. Когда-то это божество было шестой звездой в одном из созвездий, однако люди со временем наделили ее человеческими качествами и обликом, т. е. произошло то же, что и с богом Счастья.

Итак, второе божество из триады Фу, Лу, Шоу — Лу-син, бог Карьеры. Однако хорошая карьера подразумевает богатство, а потому этот Лу-син во многих легендах превратился в бога Благосостояния, или Процветания. Однако одаривает он не только хорошими должностями и богатством, но и детьми, как утверждают в народе, а потому он особенно популярен в стране, где большое семейство считается идеалом.

Легенда первая

Она связана с именем князя Мэн Чхан последнего периода правления в царстве Шу. Была у него наложница Хуа Жуй, и жили они любящей, неразлучной парой, будучи преданными друг другу.

Однажды правитель преподнес любимой рисунок, свернутый в свиток, со словами: «Дорогая, вчера я нарисовал для тебя свой портрет!» Развернув подарок, Хуа Жуй пришла в восторг; полюбовавшись некоторое время, она повесила его на стену. На рисунке правитель изобразил себя в виде лучника с оружием в руках и в воинском облачении.

Влюбленные много времени проводили на природе, взбирались на горы, собирали цветы и дикие плоды, любовались водопадами и облаками, и нередко дарили друг другу милые пустяки, о значении которых знали лишь они. Однако счастье их длилось недолго, ибо в 965 г. основатель династии Сун пошел войной на государство Шу и уничтожил его.

Посылая свои войска в наступление, основатель новой династии приказал одному из генералов: «Сотрите это царство с лица земли, а правителя Мэн Чхана с его наложницей доставьте плененными ко мне!» Большинство

жителей обреченного царства было уничтожено, а правителя и Хуа Жуй доставили в новую столицу. Владыка был милостив:

— Поскольку Мэн Чхан капитулировал, я не только оставляю его в живых, но и наделю землей; отныне он будет князем удела Цинь. — При этом в глазах владыки промелькнула едва заметная «хитринка».

Прошло семь дней, и владыке доложили, что новоиспеченный князь Цинь неожиданно скончался без видимых на то причин.

— Госпожа Хуа Жуй, — обратился владыка к овдовевшей, и ей показалось, что он пытается скрыть довольную улыбку, — отныне заботиться о тебе стану я. Со мной ты узнаешь, что такое настоящая роскошная жизнь!

Опечаленная Хуа Жуй, тоскуя о любимом, по памяти нарисовала его портрет с луком в руках, повесила на стену и стала молиться ему. Однажды за этим занятием ее застал новый повелитель.

— Дорогая, кто этот человек на картине?

Она опустила веки, из-под которых заструились слезы.

— О, это Чжан Сень, Ваше Величество, божество, которому поклонялись все жители моего государства Шу.

— О, так это божество?

— Утверждают, что он помогает тем, кто мечтает о рождении сына, кроме того, он одаривает богатством.

— Так это же замечательно, богатства мне не надо, но ты должна регулярно молиться ему, чтобы подарить мне, в конце концов, сына.

Когда император удалился, его наложница схватилась за голову в ужасе: «Боже, во что я сама себя вовлекла!»

Шло время, и князь нередко вопрошал у Хуа Жуй, нервно поглаживая бороду: «Так когда же, наконец, ты родишь мне сына?!» Хуа Жуй виновато хмурила брови и опускала голову. А между тем весть о том, что Чжан Сень одаривает сыновьями, распространилась по всему дворцу, и многочисленные члены императорской семьи стали поклоняться ему.

Однажды владыке Жэнь Цзуну приснился сон, в котором ему явился бородатый мужчина с луком и камнем в руках, напоминающий изображение божества Чжан Сенья. «Я знаю, почему у тебя до сих пор нет детей-сыновей, — обратился он, — у ворот твоего дворца сидит Небесная собака и сторожит их, так что сын не может проникнуть на твою территорию. Однако я смогу помочь тебе, если метну в нее камнем».

Проснувшись, император велел немедленно нарисовать портрет Чжан Сенья с луком в руках и повесить в его покоях.

Прошли годы, и постепенно даже простые граждане государства, жившие вдали от дворца, стали поклоняться новому божеству по имени Чжан Сень.

Легенда вторая

Об этом же божестве рассказывается и в другой легенде, однако в ней он называется Чжан Юань-сяо и является уроженцем Мэй-шань, что в провинции Сычуань. Чжан Юань-сяо славился как прекрасный охотник. К своему делу юноша относился очень серьезно. Он не только имел несколько разновидностей лука и стрел, но и занимался спортом на досуге — тренировал свое тело.

Однажды во двор к нему пришел какой-то старик, предложивший купить у него необычный лук.

— Я продаю свой лук и камешки для стрельбы, потому что крайне нуждаюсь в деньгах.

— У меня есть собственное оружие, и не одно, — ответил юноша, — однако я куплю и твое только ради того, чтобы помочь тебе. — Чжан Юань-сяо протянул старику внушительный узелок с монетами. — Это все, что мне удалось скопить.

Приняв в руки лук старика, юноша разочарованно опустил уголки губ:

— В нем нет ничего особенного!

— Не стоит разглядывать его, ибо внешне в нем действительно нет ничего особенного, — пояснил старик, — зато он способен избавить от чумы и других болезней, а также может продлевать жизнь. Этот лук — волшебный.

— Волшебный? — недоверчиво протянул юноша, и было видно, что он не поверил.

— Да, да, волшебный! Но помни, использовать его надо лишь для добрых дел! И тут старик исчез, словно испарился, оставив Чжана в недоумении.

Почти тут же представился случай испытать волшебный лук: Чжан услышал крики о помощи, а на улице появился огромный тигр. Не успев толком сообразить что-либо, Чжан выстрелил и маленьким камешком уложил огромного зверя. Тут прибежали соседи и стали восхищенно выкрикивать:

— Герой!

— Он убил тигра одним выстрелом!

— Чжан Юань-сяо — наш герой!

После этого случая Чжан стал одним из самых уважаемых людей в селении, а потому к нему обращались за помощью все, кто нуждался в ней. Однажды прибежал взволнованный мужчина: «У моей жены трудные роды, помоги!». Как мог помочь Чжан? Он умел лишь стрелять, а потому, добежав до дома роженицы, он выстрелил в небо из волшебного лука, и в тот же миг раздался плач родившегося младенца.

— Спасибо, — благодарил взмокший от волнения отец.

— Да не за что, я не сделал ничего особенного... — Чжан и сам был взволнован необычной ситуацией.

Постепенно он привык даже к самым неожиданным просьбам и помогал во всех случаях лишь с помощью волшебного лука. А однажды юноше захотелось подняться в горы Цин-чхэн на охоту. На одной из тропинок ему повстречался старик, на первый взгляд — тот самый, что продал лук, вот только глаз у него было не два, а четыре. Под каждым глазом на обычном месте было еще по одному, на щеках. Не померещилось ли? Помешкав, Чжан бросился вдогонку и еще раз заглянул в лицо старику.

— Я рад, что ты не прошел мимо, узнал меня, — произнес седовласый, — видно, нам суждено быть вместе!

А юноша радостно улыбался и не знал, в какие глаза смотреть во время беседы: в верхние или нижние. Затем он упал на колени и поклонился:

— Будьте моим учителем!

И даос ответил лаконично:

— Следуй за мной!

Он взял юношу за руку, и оба вдруг взлетели, легко поднявшись в небо.

Вэнь Чхан (Лу-син) — ангел-хранитель ученых

Вэнь Чхан — тоже звезда, и в его обязанности входило составление документов для главного божества — Яшмового императора. Что касается земных связей Вэнь Чхана, то он был персонифицирован, и его прототипом стал некий генерал Чжан Я-цзы, живший во времена династии Цзинь, которого потом канонизировали под именем Вэнь Чхана. В древности ученые и чиновники поклонялись святому Вэнь Чхану, прося у него хорошей должности, богатства и успешной карьеры.

А началось поклонение в период правления Сун, когда два молодых, образованных человека отправились в столицу для сдачи императорских экзаменов. В пути их застала ночь, и они решили переночевать в храме, посвященном Чжан Я-цзы.

Молодые люди стали беседовать в темном помещении.

— Я слышал, что Чжан Я-цзы часто откликается на просьбы страждущих. Мы должны как следует помолиться.

— Я тоже подумал об этом. Возможно, темнота не случайно застала нас именно рядом с храмом.

Помолившись, они улеглись на полу. Их уже почти сморил сон, но тут послышался какой-то шум.

— Что случилось? — стал протирать глаза один.

— А-а-а! — вдруг закричал второй, — что это?!

В полумраке, высоко над полом, появились силуэты нескольких человек. Это сам Чжан Я-цзы пригласил в свой храм нескольких небожителей, чтобы поболтать и выпить.

— Так редко выпадает минутка для хорошей беседы! — пожаловался Чжан Я-цзы. — Давайте посидим, выпьем для души.

— А я предлагаю заняться литературными упражнениями, чтобы поразвлечься, — предложил один из гостей.

В результате бессмертные сообща сочинили эссе, да такое, что если бы кто-нибудь из смертных узнал его содержание, он наверняка стал бы победителем на императорских экзаменах.

— Ты все слышал? — спросил один школяр у другого.

— Тс-с-с... Молчи! — ответил тот и приложил палец к губам.

На следующий день молодые люди прибыли в столицу и уселись за столы, приготовившись к испытаниям. Как и всем в таком положении им казалось, что они ничего не знают и ничего не помнят. Но вот объявили тему сочинения, и у друзей от удивления полезли глаза из орбит: это оказалась именно та тема, вокруг которой импровизировали небожители в темноте храма Чжан Я-цзы! Стоит ли говорить, что молодые люди успешно сдали экзамены.

А на следующий год еще один школяр, тоже направлявшийся в столицу для сдачи экзаменов, проходил мимо храма Чжан Я-цзы, но уже совсем в другом месте, в Цзы-тхуне, что в провинции Сычуань. Он тоже заночевал в храме и обратился к божеству:

— Я студент по имени Ван Лун-гуан, я прилежно постигаю науки в течение десяти лет. Пожалуйста, помоги мне добиться успехов во время императорских экзаменов!

И тут божество протянуло ему список с результатами, где его фамилия значилась не в начале, как он мечтал, а в самом конце, среди худших соискателей. Однако при этом Чжан Я-цзы почему-то собственноручно надел ему на голову чиновничью шапочку. Так получил он чиновничью должность или нет? От переполнявших его душу страданий школяр закричал и проснулся. Да, это был всего лишь сон...

На рассвете студент в душевном смятении продолжил свой путь и, конечно же, оказался среди последних по результатам, как и предвещал сон.

— Это все ложь, что говорят о покровителе студентов Чжане! Он не откликается на мольбы! — кричал бедняга, потрясая кулаками, будучи не в силах справиться с разочарованием.

Зато спустя три года этот соискатель обнаружил свою фамилию самой первой среди победителей. Его голову, наконец-то, действительно украсила черная чиновничья шапочка с крылышками. Вот только имя ему пришлось изменить. Его звали Ван Лун-гуаном, однако *лун* означает «дракон», а при дворе, как известно, запрещено использовать этот иероглиф, ибо дракон — символ императора. А потому в имени победившего юноши ключ «дракон» (龍) прикрыли ключом «крыша» (瓦), как будто на дракона надели шапочку. В результате образовался новый иероглиф, *чхун*, что значит «обожать», «баловать».

— Так вот почему Чжан Я-цзы надел на меня во сне шапочку!

И, конечно же, Ван Чхун-гуан вновь посетил храм и в знак благодарности отвесил бесчисленное количество поклонов Чжан Я-цзы.

Рождение Шоу-сина

Шоу Син — звезда в созвездии Южного полюса. Династии на земле возникали и падали, однако поклонение звездам оставалось всегда, и люди верили, что звездные божества способны контролировать судьбы людей и стран, а также отмерять длину жизни каждого смертного. В человеческом облике звезду Долголетия представили в виде старика, правителя Южного полюса. О нем существует такая легенда.

Однажды некая женщина поздним вечером стояла на улице своего родного селения и любовалась звездным небом, отдыхая от дневных забот.

Ее поразила одна особенно яркая звезда. Когда сзади к ней подошел муж и присоединился к созерцанию, она указала на звезду:

— Ты посмотри, какая яркая!

— Это звезда из Южного Ковша. Да, сегодня она даже ярче, чем обычно...

Любящий муж приобнял супругу, а когда вновь взглянул на небо, крайне удивился:

— Странно! — заметил он, — Я больше не вижу ее, эту звезду. Куда же она могла подеваться?

А жена его вдруг схватилась за живот:

— Ой, до чего горячо стало в животе! Что это? Почему мне вдруг стало трудно дышать?

Муж обнял ее, поддерживая.

— Давай вернемся домой, мне что-то нездоровится, — попросила молодая женщина.

Ночью, когда муж уже крепко спал, женщина проснулась от необычного жара. По лицу ее струился пот, вокруг головы появилось какое-то свечение. Сначала она обратила внимание на свой округлившийся живот, затем услышала голос:

— Матушка, я уже нахожусь в твоём животе, однако тебе придется ждать долгих десять лет, прежде чем я появлюсь на свет.

Женщина настолько испугалась, что разбудила мужа:

— Дорогой, я слышала голос из своего живота, он утверждает, что я беременна. Теперь я вспоминаю, что когда смотрела на небо, почувствовала жар в животе. Может ли такое быть, что у меня в лоне — звезда Южного полюса?

— По-моему, это невозможно!

Молодые супруги вышли на улицу и вновь взглянули на небо. Яркой звезды не было. Обычный ребенок рождается через 10 лунных месяцев, однако этим родителям предстояло ждать 10 лет...

— Вот уже прошло девять лет, — обратилась уставшая от тяжести женщина к своему животу, — а ты все не появляешься!

— Матушка, — услышала она голос, — это произойдет на десятом году, когда глаза у каменного льва станут красными...

В селении многие насмеялись над ее мужем, то и дело интересуясь, когда же его жена родит.

— Ребенок родится, когда у каменного льва покраснеют глаза, — ответил он однажды, вспомнив, о чем сказал младенец своей матери.

Один из соседей пошутил:

— Я помогу тебе!

Ночью он принес к воротам многотерпеливых родителей пиалу со свиной кровью и смазал ею глаза каменного льва, охранявшего вход¹.

Увидев это рано утром, беременная с облегчением воскликнула:

— Наконец-то! Дорогой! — она бросилась к мужу. — Глаза у льва красные!

— Чудесно!

— Эй, выходи, дитя мое, — попросила женщина, обращаясь к своему животу.

— Иду, матушка!

И он действительно родился, воскликнув:

— А вот и я!

— Давай назовем его Шоу-сином, звездой Долголетия, — предложила роженица.

Отцу имя понравилось, от счастья он то и дело улыбался жене и малышу. Однако мальчик, у которого уже появились все зубы, но совсем не было волос, хмурился и ворчал, как старичок:

— Я абсолютно лысый, матушка, потому что ты не относила меня положенный срок и родила раньше времени!

— Да это же не страшно, — утешал отец, глядя сына по голове, — волосы обязательно отрастут позже!

Однако мальчик по-прежнему грустил. Подперев щеку, он барабанил пальцами другой руки по столу:

— Это ужасно! Как я могу появиться в таком виде среди людей?!

Со временем у мальчика действительно появились волосы на голове, однако — странным образом: лишь на затылке, как у старичка. Он собирал их в пучок, покрывал тряпицей и завязывал, отчего еще больше напоминал старичка. Его то и дело тянуло в горы, где он изучал природные явления, познавая Дао-путь. Вид у него был необычный и потешный: сзади — настоящий дед, и ему совсем не хотелось играть со сверстниками. Однажды он собрался в горы, повесив за спину котомочку с провизией.

— Куда ты собрался и когда вернешься? — спросили встревоженные родители у своего необычного, старообразного ребенка.

— Я вернусь, когда настанет срок...

Никто не знает точно, сколько лет с тех пор прошло. Когда Шоу-син вернулся в родную деревню, он выглядел так, что его с трудом узнали. Борода стала такой длинной, что достигала пояса, левой рукой он опирался на посох, к которому была привязана тыква-горлянка, а в правой руке держал крупный персик долголетия. Ему навстречу попался дряхлый старик, который спросил:

— Мне кажется, вы — великий мастер Шоу-син, я не ошибся? Мои прапрадедушка и пра-прабабушка последние, кто видел вас. Они всю жизнь ждали, но вы так и не вернулись... Сколько же вам лет?

— О-хо-хо! Я и сам не знаю. Думаю, я немного старше вас...

— Как же вам удалось прожить так долго?

— Возможно, это оттого, что я не считал прожитые годы. В этом и есть секрет долголетия...

В стране в то время правил император Жэнь Цзун из династии Сун, и когда ему доложили о появлении среди людей необычного старца, он потребовал доставить пришельца с гор к нему во дворец. При встрече император был приветлив:

— Сколько же тебе лет, Шоу-син? И какие блюда и напитки ты предпочитаешь? Чувствуй себя свободно, отвечай без страха.

— Возраста своего я не знаю. Питаюсь я обычно финиками, но если у вас найдется вино, я выпью его с большим удовольствием.

За столом Шоу-син опрокидывал рюмку за рюмкой и в общей сложности выпил 7 доу вина (1 доу \approx 10 литрам). У императора округлились глаза. А Шоу-син поднялся и стал благодарить за угощение, откланиваясь.

На следующий день императорский звездочет явился с докладом:

— Ваше Величество! Прошлой ночью я наблюдал за звездами, когда вдруг заметил, как звезда Долголетия покинула свое обычное место, как будто сошла с трона. Так что ваш вчерашний гость, тот старик, вполне может оказаться небожителем, Звездой Долголетия.

— Ах, я упустил такую возможность! — схватился за голову император. — Я встретился со звездой Долголетия и не расспросил у него о секретах долгой жизни! Немедленно, немедленно! — затопал ногами император, — Приведите ко мне Шоу-сина!

Однако посыльный вернулся ни с чем, доложив, что Шоу-син исчез бесследно.

— О, нет! — разрыдался разочарованный император. Ведь у него было все, и только молодость и долголетие он не мог купить...

¹У китайцев принято ставить у ворот жилища, а также магазина, ресторана, храма, каменные изображения львов-охранников. При этом самец сидит к востоку от входа и держит правую лапу на расшитом «шелковом» мяче. Самочка сидит к западу от входа и под левой лапой держит перевернувшегося на спину детеныша.

Звезда Южного полюса дарует долголетие

Люди мечтают жить долго, потому они придумали легенды о том, что Повелитель Южного полюса ведает жизнью людей, а Повелитель Северного полюса отвечает за смерть. Между этими звездами происходит борьба за жизнь каждого человека, однако ведут они ее «цивильным» способом — путем игры в шахматы.

Жил некогда в период Троецарствия в государстве Вэй предсказатель судьбы по имени Гуань Лу. Однажды, проходя мимо одного из крестьянских домов, он увидел мальчика, помогавшего родителям просеивать рис.

— Как зовут вашего сына? — спросил прорицатель у старших. — На его лице написана плохая судьба. Его дни сочтены!

Родители расплакались, отец ответил:

— Господин, зовут его Ень Чхао, и это мой единственный сын. Он всегда отличался крепким здоровьем, ничем не болел, как же его смерть может быть рядом?

Прорицатель вздохнул и опустил глаза, не в силах помочь.

— Господин, спасите его, прошу вас! Он — моя единственная надежда в старости, — еще горше заплакал крестьянин.

Мальчик, как ни крепился, тоже расплакался, глядя на родителей:

— Господин, помогите, пожалуйста. Мне-то все равно, если я умру, но что будет с моими бедными отцом и матерью... Их сердца будут разбиты. Спасите, господин! Если я не смогу отплатить вам за добро в этой жизни, то непременно сделаю это в своей следующей жизни!

— Я не владею секретами долголетия, — ответил предсказатель судьбы, сам едва не плача, — но раз уж ты такой почтительный сын, я попытаюсь помочь. Однако будет толк или нет, — зависит от твоей удачи.

Мальчик со слезами бросился на грудь прорицателя, выражая свою благодарность.

— Я вернусь завтра, не забудьте! — пообещал Гуань Лу.

Весь вечер супруги, утирая слезы, подбадривали друг друга: «Мы всегда прилежно молились и приносили пожертвования всем богам и Будде, боги

непременно помогут нам...». А на следующее утро всей семьей отправились в храм богини Милосердия Гуань-инь. «Богиня, пожалуйста, помоги, защити нашего сына от всяческих бед и от зла!»

После обеда явился Гуань Лу, вся семья встретила его, сложив руки в приветствии и поклонившись. Вчетвером вошли в дом, чтобы внимательно выслушать советы прорицателя.

— Ень Чхао, завтра на рассвете ты должен отправиться в путь, углубившись в лес, что покрывает эти горы. Непременно захвати с собой доброе вино и жареное мясо. Когда ты увидишь двух старцев, играющих в шахматы, угости их вином и мясом, стараясь не отвлекать от игры. Не произноси ни слова и не покидай их, пока не наступит срок. Если ты побеспокоишь их, они прекратят игру, а этого не должно случиться!

— Я сделаю все, как вы велите, господин!

На следующее утро Ень Чхао углубился в лес. Еще издали он увидел двух седовласых старцев, которые выглядели, однако, очень молодо. Устроившись в тени деревьев, они самозабвенно играли в шахматы. «Наверняка это и есть те самые небожители, о которых говорил мне Гуань Лу», — подумал мальчик.

Он старался ступать мягко и тихо, чтобы не побеспокоить старцев, которые вели игру чрезвычайно сосредоточенно. Они так увлеклись, что не замечали ничего вокруг. А мальчик тем временем осторожно поставил рядом с доской поднос с кусочками мяса и рюмочками с вином.

— Прекрасное вино!

— Нежнейшее мясо! — восклицали небожители, машинально угощаясь, но в то же время не отвлекаясь от игры.

По мере того, как они съедали и выпивали поданное, Ень Чхао подкладывал и подливал, стараясь делать все в полной тишине.

— Прекрасное вино!

— Прекрасное мясо... Прекрасная игра!

Они ели и пили часа три...

— Я наигрался! — сказал Шоу-син. — Как мы поступим с этим ребенком?

— Шоу-син, брат мой, это судьба! Ты выиграл, однако я не могу изменить записи, сделанные относительно его судьбы.

С этими словами Повелитель Северного полюса протянул Шоу-сину бумагу — небесный документ, где были записаны основные этапы жизни мальчика, а внизу приписаны два иероглифа: «десять» и «девять», что означает «девятнадцать». Срок жизни юноше был определен в 19 лет.

— Дай-ка мне взглянуть, — попросил Повелитель Южного полюса и взял документ в руки. — Я не привык так поступать: наесться, напиться и не отблагодарить за это.

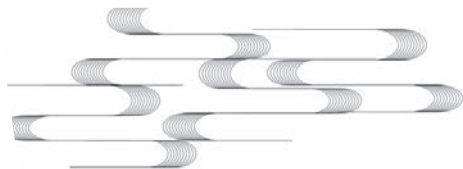
— Смотри, — радостно воскликнул Шоу-син, — мы можем произвести замену! Вместо «десять» и «девять» (十九) мы напишем «девять» и «десять» (九十), и получится «девяносто», и тогда этот маленький человек проживет 90 лет!

— Спасибо, спасибо за вашу доброту! — поклонился Ень Чхао, но когда он поднял голову, небожителей и след простыл.

Символом долголетия в Китае считается персик, а потому его непременно держит в руке бог Долголетия Шоу-син. Однако вы можете встретить еще трех персонажей легенд с персиком в руках (или лапках!):

- Матушку Си-ван му, повелительницу Запада;
- фею Ма-гу;
- обезьяньего бога Сунь У-кхуна.

А потому предлагаем еще три легенды.

Шоу-син

Повелительница Запада

Си-ван му

Матушка Си-ван му (西王母) — супруга Яшмового императора, главного божества на небе, и ее статус среди других небожителей чрезвычайно высок. Среди всех мифологических героев, предлагающих персик долголетия (Шоусин, Ма-гу, Сунь У-кхун, Си-ван му) именно Матушка Си-ван му считается первой богиней Долголетия и обладает двумя сокровищами: амброзией и священным персиком. Оба эти сокровища символизируют долголетие.

Когда-то, давным-давно, Си-ван му имела облик женщины, тем не менее, очень отличалась от того образа, который возник несколько позже. Тело ее покрывала густая, короткая, полосатая шерсть, похожая на тигриную, изо рта выглядывали клыки, и вместо членораздельной речи из ее рта вырывался рев или рычание. Видимо, проходил процесс перевоплощения, который еще не завершился.

Жила она высоко в горах Кхунь-лунь, где имелась гряда, известная под названием Три Дракона. Ее очень любили птицы и звери, а потому, посещая гряду, регулярно угощали богиню своей добычей.

Нам привычны классические изображения Си-ван му, например, такие. Красивая 30-летняя женщина восседает на фениксе, парящем в облаках; одна прислужница с двумя пучками волос держит блюдо с персиками, другая, позади Си-ван му, держит над ней опахало.

Но мало кто знает, что эта прелестная богиня китайской мифологии ранее являлась чудовищем, живущим глубоко в пещере и питавшимся человеческим мясом. У нее был хвост пантеры и зубы тигра. Считалась она богиней мертвых, насылая эпидемии на людей.

В некоторых легендах говорится, что к Си-ван му (дословный перевод имени — правительница Запада) хаживал любовник по имени Дун-ван гун (правитель Востока), однако через некоторое время они расстались.

Когда Си-ван му впервые появилась с Запада, в руках она держала драгоценность — белоснежную яшму, и с тех пор белый цвет является символом Запада. Позже, примерно в I в. до н. э., она принесла в Китай

еще одно сокровище, на этот раз — персики, которые стали символом долголетия.

Интересный поворот: богиня мертвых в китайской мифологии постепенно превратилась в богиню Долголетия. Она часто упоминается в легендах, рассказывающих совершенно о других героях, и всегда одинаково: устраивает пир в день своего рождения 3-го числа 3-го месяца, поскольку именно в этот день созревают персики в ее саду, а потому и сам пир носит название «Пир волшебного персика». На этот праздник приглашаются все небожители, а порой и кое-кто из простых смертных.

Однажды, говорят, обезьяний царь Сунь У-кхун забрался к ней в сад и украл все персики, чем страшно разгневал собравшихся на день рождения. Отчего персики Си-ван му такие ценные? Выращивает она их на берегу Яшмового пруда в западной части неба и называются они «миндальными персиками». Если посадить косточку этого плода, то лишь через три тысячи лет дерево зацветет, а еще через три тысячи лет созреют плоды.

Избавившись от страшного облика, Си-ван му постепенно обрела Дао-путь, а также набралась глубокой человеческой мудрости, вступая в сексуальные контакты с обычными, земными мужчинами. Однако вернемся в ее прошлое, когда она имела еще звериный облик.

Однажды три орла, выхватив из стада овец в горах одну, самую аппетитную, решили: «Сегодня добыча у нас особенно богатая, почему бы не полететь, не провести Владычицу Запада Си-ван му, тем более что сегодня — день ее рождения?» И они поднялись в небо, чтобы преодолеть тысячи *ли* и оказаться в Яшмовом жилище богини. К тому времени, как они прилетели, у дворца собралось уже множество птиц и зверей. Неожиданно раздался продолжительный вой, так что долина у подножья гор сотряслась от раскатов эха. Орлы, приняв облик молодых девушек-служанок, обратились к Си-ван му (это именно она радостно завывала, увидев прибывших гостей):

— Вот что мы сегодня добыли для вас, Матушка-владычица.

— Спасибо, — Си-ван му впервые заговорила, — в течение десяти долгих лет вы кормили меня, понимая, что мне трудно добывать пищу самой, — ведь я не была ни зверем, ни человеком, ни богиней...

— Отведайте, Матушка, овечка еще теплая, и мясо свежее. Скоро вы станете настоящей Владычицей Запада, срок вашего перевоплощения заканчивается.

Си-ван му действительно превратилась в зрелую женщину-красавицу, совсем не похожую на бестелесных молоденьких фей. На небе жила лишь одна такая, настоящая женщина-королева!

Слухи о ней достигли и земли, и немало смертных стали мечтать о встрече с красавицей, дарующей долголетие. Среди них — император Му династии Чжоу, правивший 55 лет, с 976 по 921 гг. до н. э. Никто в период Западной Чжоу не властвовал так долго, и боги утверждали, что причина этого долголетия в добром нраве императора, в его добрых делах. Однажды он обратился к своему окружению:

— Приготовьте восьмерку лошадей и карету. Я хочу нанести визит Си-ван му. Да подберите вместе с прорицателем подходящий день для моего путешествия!

Когда приготовления закончились, император Му воскликнул:

— Сначала двинемся на север, затем — на запад. Наконец-то я увижу Си-ван му, Владычицу Запада! Я так долго мечтал об этом!

Когда подъехали ко дворцу, императора Му потрясла его красота, а также вид, открывавшийся взору. Дворец располагался высоко в горах и как будто парил в облаках, к нему вели многочисленные ступени. Выйдя из кареты, он стал подниматься, а Си-ван му со свитой встречала у ворот.

Увидев богиню, император пришел в восторг:

— До чего же красива! Можно ослепнуть!

Он смотрел на нее довольно долго и молчал, пока Си-ван му не рассмеялась, прикрыв рот длинным рукавом:

— Очнитесь, император Му, добро пожаловать в мой дворец!

— Ах, простите, — поклонился тот, — простите меня, пожалуйста, я совсем забылся... Эй, люди, несите подарок!

Слуги поднесли шелковую подушечку, на которой стоял ларец с драгоценностями.

— Это вам в знак моего уважения!

Как известно, в Китае принято обмениваться подарками при встрече, а потому по приказу Си-ван му служанка протянула гостю подносик с двумя флаконами на нем.

— Благодарю вас, — сказала богиня, — а это вам от меня. Редкостные травы, которые помогут вам прожить много-много счастливых лет.

Ради гостя устроили представление, красивые феи-небожительницы пели, танцевали и играли на музыкальных инструментах...

— До чего же быстро летит время, — воскликнула богиня, нахмутив бровки, — последняя нота прозвучала, и пора заканчивать празднество.

— О, да, — тоже опечалился император, теребя свою бородку, — я бы хотел жить очень долго, хотя бы для того, чтобы еще не раз увидеть вас. Я надеюсь, что нам еще представится возможность встретиться. Я буду стараться и впредь служить своему народу, а когда добьюсь, чтобы все на моей земле жили в мире и достатке, я вновь заслужу право повидаться с вами.

Его глаза были опущены, а ее брови трагически нахмурены: они полюбили друг друга, но было совершенно ясно, что смертный не может жениться на небожительнице.

С тех пор прошло много времени, император тосковал по красавице, но, сознавая невозможность соединения с ней, он сделал следующее. Однажды вновь поднялся высоко в горы Кхунь-лунь и повелел своим людям установить там стелу, на которой высек слова о том, как он любит, как он тоскует и томится вдали от Си-ван му. А рядом собственноручно посадил дерево, чтобы плита всегда находилась под сенью, под защитой.

Утверждают, что во времена династии Хань, примерно в 140 г. до н. э., Си-ван му, которая в течение 800 лет переживала смерть от старости своего любимого, императора Му, наконец-то, вышла замуж за Яшмового императора — главное божество на небе. Будучи богиней, супругой императора, она по-прежнему одаривала достойных эликсиром долголетия или священным персиком.

Один из императоров эпохи Хань — У-ди, тоже мечтал о долголетию и, соответственно, о встрече с Си-ван му. Но стоило ему отдать приказ слугам о подготовке к дальнему путешествию, как в ту же ночь ему приснился сон, в котором к нему явилась фея, возвестившая, что богиня сама собирается спуститься на землю в 7-й день 7-го месяца, чтобы встретиться с ним. Удивился император У-ди такому совпадению и радостно засуетился, раздавая приказы и поясняя:

— Быстрее, шевелитесь быстрее! Начинайте приготовления, скоро прибудет сама Матушка Си-ван му!

В назначенный день все было готово, во дворце светились фонари и курились благовония. Сначала в небе появилась стая огромных синих птиц, а затем и паланкин с богиней, который держали гигантского сложения стражники. поприветствовав великую богиню, У-ди тут же обратился к ней с просьбой:

— Надеюсь, за время этого посещения ты осуществишь мое самое большое желание, одаришь меня бессмертием?

Си-ван му взглянула на императора исподлобья:

— Мой волшебный эликсир бессмертия сделан из китайского пурпурного меда, из золотистого нектара яшмы, а также из красного меда, добываемого лишь высоко в горах, вершины которых прячутся в облаках. Но ты не достоин этой амброзии, поскольку единственное, что ты дал миру, это жадность и высокомерие. Такие люди не должны жить долго!

Возмущенный император затопал ногами, он привык, что все вокруг всегда выполняли его желания, так почему эта небожительница должна стать исключением? Си-ван му едва заметно улыбнулась и попросила стоявшую рядом служанку:

— Подари ему волшебные персики!

Девушка легко держала в руках два огромных плода, но когда подошла к императору, предлагая их, тот с трудом удержал лишь один. При этом он взмок от натуги и воскликнул:

— До чего тяжелый!

— Эти персики — лучшие фрукты в звездном мире, ведь они могут дать долголетие. Отведай!

Услышав об этом, толстый император стал жадно пожирать плод. Когда он управился, ему показалось, что его живот вот-вот лопнет.

— Надо непременно съесть два, — настаивала богиня.

— Но я не могу больше! Зато я сохранию и посажу косточку, а когда вырастут плоды, я буду есть их постоянно! — и он на всякий случай быстро спрятал косточку в кармане-рукаве, чтобы не отнять.

— Как хочешь! — рассмеялась богиня. Говоря это, она уже начала подниматься в небо со своей свитой. — Но только помни: посаженное дерево лишь через три тысячи лет зацветет и даст плоды! — и она рассмеялась.

— Си-ван му, ты провела меня! — кричал У-ди, потрясая кулаками вслед удалявшимся.

Ему не дано было прожить много лет, зато простые люди, прослышав об этой истории, стали возводить храмы с изображением Си-ван му и поклоняться ей, как первой богине Долголетия.

Си-ван му со свитой

Ма-гу дарует долголетие и вино из *лин-чжи*

Ма-гу (麻姑), нестареющая, вечно юная дева, — еще одна популярная героиня легенд и сказаний. Она наделена богами вечной молодостью и всегда изображается девушкой лет 18—19. У китайцев лучшим подарком на день рождения считается изображение персонажей с персиком: для мужчин — бога Долголетия, для женщин — Си-ван му или Ма-гу.

Прежде чем пересказать самый популярный сюжет, скажем несколько слов о самой Ма-гу. Изображают ее обычно с цветочной корзиной, которая висит на бамбуковой палочке за спиной, иногда — с грибами *лин-чжи*. Ее часто сопровождает ребенок с огромным персиком. Волосы Ма-гу иногда уложены в виде булочки, а порой распущены до талии. Если Ма-гу рисуют вместе с ребенком, то сама она нередко сопровождает Матушку Си-ван му.

Говорят, жила эта девушка или та, которая стала ее прототипом, во времена правления императора Хэн-ди династии Хань.

Во многих местах Китая построены храмы, посвященные Ма-гу. Кроме того, есть немало горных вершин и пещер, носящих ее имя.

У Ма-гу есть очень странная особенность: необычайно худые руки, костлявые пальцы и длиннющие ногти, поэтому ее кисти скорее напоминают птичью лапку. Для чего? Чтобы удобнее чесать спину... Рассказывают, что однажды на банкете у хозяина, принимавшего гостей, вдруг зачесалась спина. Руки у него были короткими, толстыми, суставы не гибкими, и он никак не мог дотянуться до свербящего места. Взглянув на девушку, он вожаделенно подумал, мучаясь от зуда: «Вот бы Ма-гу почесала мне спину своими ногтями!»

За эти недозволенные мысли плетка-невидимка вдруг яростно огрела его по спине, с тех пор в народе и появилась поговорка «Почесала, как Ма-гу своими ногтями». Эта история нашла отражение даже в стихах знаменитого поэта эпохи Тхан по имени Ли Тхай-бай. Китайцы утверждают, что такие руки Ма-гу символизируют какое-то **представление**; мне не удалось выяснить — какое именно, тем не менее, в Китае и по сей день продают

чесалки для спины, в основном, деревянные, сделанные в виде руки этой красавицы — «рука Ма-гу».

Теперь — одна из легенд. Девушка эта выглядела необыкновенно хорошенькой, и ни один мужчина не мог пройти мимо, не обратив на нее внимания. Лишь руки Ма-гу несколько пугали и удивляли людей. Но самым поразительным оказалось то, что она абсолютно не менялась: не выросла, не старела. Бывало, пожилые люди говорили молодым: «Она выглядела точно так же в моей молодости. И с тех пор совершенно не изменилась».

Отцом девушки был жестокий генерал по имени Ма Цю. Однажды он получил приказ от правителя окружить город новой, особо прочной стеной, и повелел своим воинам:

— Стену необходимо возвести в кратчайшие сроки, поэтому вы должны строго приглядывать за рабочими!

Камни для строительства, которые рабочие откалывали от валунов, были крупными и тяжелыми, а погода — знойной; кормили несчастных скудно. Не удивительно, что они валились с ног от непосильного труда. Некоторые, не в силах передвигаться, опускались на колени и пытались продолжать работу в такой позе, другие вообще падали на землю, не в силах даже пошевелиться, однако офицеры били их палками и плетками, требуя:

— Немедленно вставайте! Чего развалились? Нечего сидеть, возвращайтесь к работе!

— Но у нас нет сил!

— Если будете лениться, у нас появится много проблем!

— Мы близки к смерти от истощения, скоро некому станет работать вообще! — возмущались доведенные до отчаяния рабочие.

В это время Ма-гу проходила мимо и услышала перепалку.

— Позвольте им отдохнуть немного, — попросила она офицеров.

— Это приказ генерала, и работу они прекратят лишь на рассвете, когда пропоют петухи!

Доброе сердце Ма-гу не выдержало такой несправедливости и она, немного подумав, решила помочь рабочим. Этой же ночью, в неурочное время, начали кричать петухи. Офицеры недоумевали, а рабочие радостно прекратили работу и рухнули спать. Так продолжалось несколько ночей, и бедолагам удалось, наконец, хоть немного отдохнуть. Однако работа стала двигаться медленнее, и об этом удивительном явлении — ночных криках

петухов, доложили генералу Ма Цю. Тот велел воинам разобраться, в чем дело, как следует все проверить.

Вскоре ему доложили о результатах. Оказывается, это его дочь, Ма-гу, среди ночи начинала кукарекать, подражая петухам, и вскоре все кочеты в округе присоединялись к ней. Генерал пришел в бешенство:

— Немедленно привести ее сюда! Я хочу собственными руками расправиться с ней!

Испугавшись гнева отца, Ма-гу убежала в горы, поскольку знала, что где-то там живет отшельником ее брат, изучая Дао-путь. Найдя его, она бросилась к нему на грудь и рассказала обо всем.

— Глупая девочка! — только и сказал тот.

Когда все слезы были выплаканы, брат и сестра стали беседовать, ведь они не виделись пять лет.

— Наверное, за это время произошло много изменений? — спросил брат.

— Я трижды видела, как Восточное море превращалось в огромный сад из тутовых деревьев, а однажды вся вода вокруг острова Пхэн-лай испарилась, и он превратился в огромный материк¹. А затем вода вернулась!

Нет никаких сомнений в том, что Ма-гу была небожительницей и вечно сохраняла свой юный облик. Ведь для того, чтобы океан «вернулся» и затопил материк, потребовались миллионы лет. А Ма-гу наблюдала весь этот процесс!

Легенд об удивительной девушке существует множество. В одной из них рассказывается, что однажды феи-небожительницы обратились к Ма-гу с вопросом:

— А что ты собираешься подарить Матушке Си-ван му? Ведь совсем скоро 3-е число 3-го месяца — день ее рождения.

— У меня нет ничего ценного для нее, — задумалась Ма-гу, — но я могу приготовить для нее немного вина, особого вина...

— Здорово! Значит, на пиру будет очень весело!

Ма-гу затеяла приготовление вина прямо на берегу реки Пурпурная ракушка. При этом она использовала волшебные грибы *лин-чжи* и другие целебные растения. В день праздника, когда за ней зашли подружки-феи, Ма-гу предложила понюхать вино в кувшинчике.

— Изумительный аромат! — восхитились те.

А когда на пиршество собрались все божества, бессмертные и бодхисаттвы, Ма-гу преподнесла свой подарок:

— Отведайте, пожалуйста, Матушка Си-ван му!

— М-м-м... Это самое восхитительное вино из всех, какие я когда-либо пробовала! — похвалила Си-ван му и попросила девушку угостить всех присутствующих.

¹Пхэн-лай, а также Фан-чжан и Ин-чжоу — острова бессмертия в Восточном море, где, согласно легендам, живут бессмертные.

Вечная девушка Ма-ю

Бог долголетия Шоу-син

Облавные шашки

Ритуал в Храме Ма-цзу, богини моря и покровительницы мореходов

Коллекция Гуань-инь

Лу-син с пальчатым лимоном

Ма-гу, дарующая долголетие.

Ма-гу, дарующая долголетие

Ма-гу

Ма-цзу, или Тхень-хоу, богиня мореплавателей и торговцев

Миниатюра Три Звезды

Миниатюра. Три Звезды

Шоу-син

Цхай шэни пяти дорог

Шоу-син и его супруга

Супруга Шоу-сина

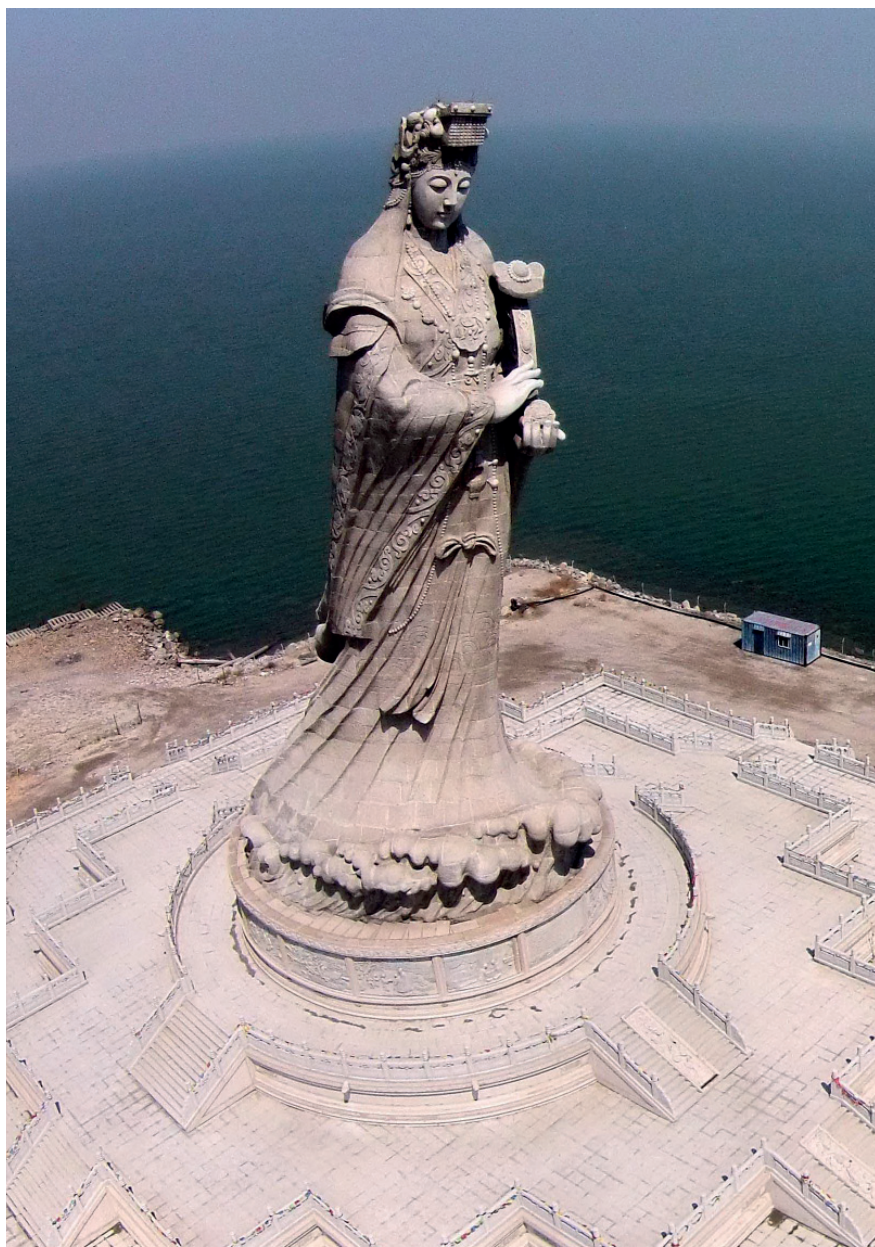
Фреска с изображением - богини моря
Ма-цзу

Супруги-покровители земли

Самая высокая в мире статуя Ма Цзу на побережье Бохайского залива

*Гигантская статуя богини моря в парке культуры
приморского города Тяньцзинь*

Один из идов в храме

Богиня, дарующая лекарства

Шоу-син с персиком

Шоу-син с супругой

Царь обезьян Сунь У-кхун

Три звезды с Пхэн-лая помогают Царю обезьян

Однажды Три Звезды — бог Счастья, бог Карьеры и бог Долголетия — играли в облавные шашки. Происходило это на острове Пхэн-лай, на свежем воздухе, в нескольких шагах от пещеры, высоко в горах, среди облаков. Ситуация на игровой доске сложилась очень интересная, и Шоу-син, который стоял рядом и наблюдал, воскликнул:

— Ха-ха-ха! Вот это задачка!

В это время рядом с ними оказался Сунь У-кхун (孙悟空), прилетевший по воздуху, как маленький вихрь. (Сунь У-кхун, или Царь обезьян, — один из героев произведения У Чхэн-эня «Путешествие на Запад»).

— Уважаемые боги, разрешите выразить вам свое почтение! — поприветствовал он, сложив руки перед грудью.

— Ах, это ты, Великий Мудрец! — удивился Шоу-син, — Что привело тебя к нам?

— Захотелось развлечься, повеселиться!

— Но я слышал, что ты стал учеником-буддистом и получил задание сопроводить монаха Сюань-цзана на Запад в поисках священных буддийских книг.

— Да, это верно! — Сунь У-кхун гордо расправил плечи.

— Так откуда же у тебя время для развлечений?

Обезьяна смутилась и опустила глаза:

— Если быть откровенным, мы столкнулись с трудностями в своем путешествии... И я прибыл, чтобы просить вас о помощи.

— Что за трудности? — уточнил бог Карьеры.

И обезьяна стала рассказывать. Оказывается, в горах Долголетия, в храме У-чжуан, произошло вот что. Император повелел Сюань-цзану вместе с его тремя учениками добраться до Индии и добыть буддийские сутры. В один из дней они решили остановиться для отдыха в храме У-чжуан. Это был даосский монастырь с настоятелем Чжэнь Юанем. В саду храма росло редчайшее дерево, которое дарило свои плоды лишь один раз в 10 тысяч

лет, зато какие плоды! Называются они «жэньшэновые фрукты» и приносят долголетие тому, кто их отведаст.

Так вот, приняв гостей, настоятель Чжэнь Юань стал собираться по каким-то делам и обратился к своим послушникам-монахам:

— Легкий Ветерок! Яркая Луна! Мне надо навестить друга, я обещал ему, а вас прошу присмотреть за храмом и позаботиться о Сюань-цзане. Он — тоже мой друг, кроме того, он получил задание императора... Можете угостить его жэньшэновыми плодами.

Однако когда монахи поднесли Сюань-цзану несколько плодов на подносике, тот в ужасе вытянул руки, как бы отталкивая поднос. Даже потом покрылся от страха:

— Это человеческие зародыши! Я не могу их есть!

Дело в том, что плоды, которые висели на дереве, такие редкие и целебные, представляли собой крошечных, величиной с кулак, толстеньких человечков со скрещенными ножками и ручками. Причем, бровки были наспулены а глазки — прикрыты, как будто эти бутузики на что-то сильно обиделись или о чем-то важном размышляли. Конечно, к зародышам они не имели отношения, однако очень походили на 2-3-летних детей, только очень маленького размера. Монахов испуг гостя насмешил:

— Это же плоды, и есть их совсем не страшно!

Как бы в подтверждение своих слов каждый взял по плоду и начал жадно поедать, откусывая по большому куску. Ведь плоды были такой редкости и ценности, что их пересчитывали еще на дереве, а затем вели строгий учет. И если бы не испуг Сюань-цзана, вряд ли монахам удалось бы отведать эти фрукты. Наблюдавшие все это свино-человек Чжу Ба-цзе (еще один герой романа) и обезьяна Сунь У-кхун тоже бросились в сад, умирая от любопытства. Они тут же сорвали по «человечку» и начали откусывать.

— И вправду очень вкусно! — воскликнул, чавкая, Чжу Ба-цзе.

— Угу! — ответил Сунь У-кхун с набитым ртом.

Их приятное занятие прервали возмущенные монахи Легкий Ветерок и Яркая Луна:

— Как вы посмели?! Вы украли и съели плоды жэньшэнь! Что мы скажем настоятелю?! Фруктов стало намного меньше!

Обезьяна в ответ рассмеялась и стала дурачиться.

— Эй, ты, глупая уродина с волосатым лицом и огромным ртом! — попытался урезонить ее один из монахов.

— Что-о?! Меня еще никто так не оскорблял! Ну, погоди! Я тебе сейчас покажу!

Обезьяна с помощью волшебства вдруг вынула из правого уха длинную и толстую палку и, сосредоточившись, вложив всю свою энергию в эту палку, нанесла по дереву такой удар, что оно рухнуло, обнажив свои корни.

— Вот и конец вашему дереву! — капризно заключила обидчивая обезьяна.

Потрясенные монахи подумали, прежде всего, о настоятеле Чжэнь Юане: что они ему скажут, и какое наказание последует? На всякий случай монахи снаружи закрыли келью, в которой отдыхал Сюань-цзан.

Но когда монахи уснули, Сунь У-кхун, используя свою магию, сломал замок, освободил Сюань-цзана, и вся компания в темноте покинула стены храма. Им не удалось уйти далеко, ибо настоятель Чжэнь Юань, истинный даос, тоже владел многими чудодейственными способностями. Он не только узнал о бегстве, но и настиг компанию:

— И далеко вы направились? — его голос был громоподобен, а сам он стал намного выше, настоящим гигантом.

— Вы уничтожили мое драгоценное дерево и надеетесь избежать наказания?! — он простер к беглецам руку с широким рукавом. — Ползайте ко мне в рукав!

Всю компанию затянуло в рукав, будто огромным пылесосом, и они оказались в заточении.

— Я приготовлю вас в масле и полакомлюсь! — припугнул Чжэнь Юань.

— Минуточку, подождите, — засуетилась обезьяна, — это я выкорчевал дерево, но ведь Сюань-цзан, мой учитель, ни в чем не виноват! Отпустите моего учителя! А я не только уничтожил ваше дерево, но и смогу его восстановить!

— А ты, оказывается, преданный ученик! Это хорошо... Если ты действительно сможешь спасти мое дерево, я готов, дав клятву, стать твоим названным братом.

— Договорились! Береги моего учителя! — и обезьяна бросилась искать себе подмогу.

Это все, что узнали от нее Три Звезды, которые мирно играли в шашки, и чье уединение нарушила обезьяна.

— Опять ты вляпался в неприятности, озорная, вредная обезьяна! — укорил бог Счастья. — Это дерево уникальное, это священное дерево! Как

ты мог так поступить?! Если оно выкорчевано, то засохнет и оживить его уже невозможно!

— Что же мне делать, что делать?! — обезьяна пришла в отчаяние и начала истошно кричать, эмоционально выражая свои чувства: страх, сожаление, безысходность...

— Не отчаивайся, Великий Мудрец! — смягчился Шоу-син, — ты непременно что-нибудь придумаешь!

Сунь У-кхун уткнулся лбом в скалу и зарыдал:

— Мне дали всего три дня!

— Жалко смотреть на твои мучения, успокойся, — вновь заговорил Шоу-син, — Чжэнь Юань — наш друг, так что со сроком мы постараемся уладить, попросим дать отсрочку в несколько дней.

— Благодарю! — обезьяна чуть приободрилась. — Я очень надеюсь на вас троих!

И они разошлись. Сунь У-кхун полетел куда-то решать свою проблему, а Три Звезды направились разыскивать Чжэнь Юаня.

Через некоторое время монахи доложили настоятелю о прибытии гостей: Три Звезды на кудрявом облаке снижались на землю и были уже почти у ворот. Чжэнь Юань и Сюань-цзан выступили вперед, чтобы встретить их. Они обменялись церемонными приветствиями, после чего свино-человек начал то и дело прерывать их беседу, мучимый любопытством. Сначала он удивился огромной голове Шоу-сина и предложил ему свою ламаистскую шапочку, чтобы старик прикрыл лысину. Сюань-цзан сделал ему замечание, и Чжу Ба-цзе надулся. Но ненадолго, ибо вспомнил, что один из гостей — бог Счастья; тогда он стал приставать к нему, требуя благословения. Сюань-цзан опять одернул Чжу Ба-цзе и извинился перед гостями, а те, сочтя момент подходящим, обратились с просьбой к Чжэнь Юаню:

— Мы хотим замолвить слово за Великого Мудреца...

Однако не успел Шоу-син договорить свою фразу, как в воздухе образовался маленький вихрь, и Сунь У-кхун оказался среди друзей:

— Я вернулся! — его распирало от радостных эмоций. — Я привел с собой богиню Милосердия!

И только тут все заметили богиню Гуань-инь, скромно стоящую в сторонке.

— Богиня Милосердия, — обезьяна нетерпеливо дергала Гуань-инь за рукав, — скорее, помоги!

— Не суетись, ве́ди себе прилично, — шепнула Гуань-инь, ибо в это время остальные боги как раз приветствовали ее в поклоне:

— Позвольте выразить свое уважение, богиня!

После завершения церемоний богиня Милосердия обратилась к обезьяне:

— Протяни свои руки, я дам тебе волшебную силу!

Она окунула веточку ивы в сосуд с какой-то жидкостью и окропила руки Сунь У-кхуна. После этого обезьяна легко подняла ствол огромного дерева и посадила в прежнюю яму. Затем Гуань-инь полила дерево из своего сосуда, и хотя он представлял собой маленькую вазу, жидкость из нее текла бесконечно.

— А-ми-та-бха!...

Дерево приняло прежний вид, как будто ничего и не случилось. Всех пригласили за большой, круглый стол, на котором стояло огромное блюдо с милыми «нахмуренными» плодами.

Насытившись, Три Звезды переглянулись и подумали, что не мешало бы завершить начатую партию в облавные шашки...

Три Звезды

Богиня милосердия Гуань-инь

Об этой богине уже рассказывалось в данной книге в главе о буддизме. Но, как мы знаем, китайцы любят «заимствовать» понравившихся им героев, богов и богинь у одной конфессии для другой. Вот и Гуань-инь (观音) вполне прижилась в народной религии.

В нашей коллекции нет Си-ван му, выполненной в фарфоре, есть лишь ее изображение на тарелках и вазочках, а также на ширме в виде инкрустации. Зато фарфоровых Гуань-инь у нас очень много, и все — необычные, каждая достойна отдельного описания. Это едва ли не самая любимая простым народом богиня, о чем свидетельствует количество ее изображений, продаваемых на рынках и в магазинах. И если первоначально ей поклонялись лишь как богине, дарующей детей, то постепенно к ней стали обращаться с любой просьбой, настолько верили в ее могущество. И это несмотря на то, что в Китае несчетное количество богов, божеств, святых и небожителей, и по каждому поводу, казалось бы, надо обращаться к конкретному идолу, ответственному за определенную область жизни. «Прислушивающаяся к звукам», — так дословно переводится ее имя, и в этом — причина особой любви к ней: люди верят, что она их слышит и способна выполнить любую просьбу.

Китайцы утверждают, что наибольшее количество свечей, благовонных палочек и подношений достается именно Гуань-инь *пху-са* (бодхисаттве Гуань-инь), как они ее называют. На санскрите ее величают еще *Падма-пани*, Рожденная лотосом. Есть у нее и много других имен, например, Великое сострадание, Великое милосердие, Самосуществующая, Чадоподательница.

Первоначально это божество в Китае изображали с бородой и в мужском облике. А в XII в. оно неожиданно и навсегда «превратилось» в женщину. Китайцы объясняют это тем, что богиня способна принимать любой вид; недаром известны Гуань-инь с лошадиной головой, с кувшином и веточкой ивы, с ребенком на руках...

Говорят, что когда-то божество Гуань-инь было младшим сыном в семье, и отец вместе со всеми сыновьями покинул дом и ушел в монахи, увлекшись

буддийским учением. Однако китайцы, сделав богиню «своей», в период правления Южная Сун придумали и собственную легенду, объясняя ее происхождение.

Якобы во времена, которые историки называют Весны и Осени, в княжестве Чху восседал правитель, у которого была дочь, очень набожная, не желавшая выходить замуж. Чтобы наказать ее, отец отдал девушку в монастырь, надеясь, что она одумается и вернется к мирской жизни. Однако дочь с радостью восприняла монашество и остригла косы. Тогда отец, взбешенный ее упрямством, решил казнить непокорную. Он передал ей меч и велел совершить самоубийство, однако меч в ее руках рассыпался на тысячи кусков, «не поранив и волоска на ней». Отец велел слугам задушить ее.

Но когда умерщвленная девушка попала к Подземному владыке Ень-вану, правителю умерших, пламя в аду погасло, и распустились лотосы. Правитель ада испугался и вернул девушку к жизни, посадил ее в один из благоухающих бутонов и перенес Гуань-инь на остров Потала. Вот почему богиню чаще всего изображают стоящей на цветке лотоса.

Продолжение этой истории поясняет, почему богиню иногда изображают многорукой. Позже, когда правитель княжества Чху ослеп, дочь вернула ему зрение, отдав свои глаза. Когда он вновь заболел, и для изготовления снадобья понадобилась плоть кого-либо из родных, воскресшая дочь, ничуть не колеблясь, велела отрубить себе руки (что в Китае считается благородным поступком) и приготовить из них целебный бульон.

Сама же отправилась в странствие и со временем, претерпев множество страданий, обрела истинный путь, вернула себе и руки, и глаза. Отец ее выздоровел и повелел создать статую дочери «со **всеми** глазами и руками». Мастера его неправильно поняли и сделали статую с несколькими лицами и множеством рук.

У Гуань-инь имеется много трансформаций и обликов. Китайцы утверждают, что их 33, и помогает она от 12 видов бедствий и несчастий. Эти 33 вида изображений богини постепенно отобраны из народных верований китайцев и японцев в периоды Тхан и Сун. Вот некоторые из ее наиболее часто встречаемых ипостасей:

- Тысячерукая и тысячеглазая Гуань-инь;
- Гуань-инь с ивовой веточкой;
- Гуань-инь, дарующая сыновей;
- Гуань-инь, лежащая на лотосе;

- Гуань-инь с корзиной для рыбы;
- Гуань-инь в одежде из листьев;
- Гуань-инь с соединенными ладонями;
- Гуань-инь с цветком лотоса;
- Гуань-инь в белых одеждах;
- Гуань-инь, смотрящая на отражение луны в воде и пр.

Надо сказать, что наиболее распространенным изображением является тысячерукая и тысячеглазая Гуань-инь. Реально мастера по обе стороны туловища делают по 20 рук, при этом на каждой ладони — по глазу, итого — 40 рук и 40 глаз. Причем, каждая рука соответствует 25 видам человеческих страстей и желаний, существующих в «трех мирах», поэтому 25, помноженное на 40 (рук и глаз), как раз и дает тысячу (рук и глаз).

Считается, что родилась бодхисаттва Гуань-инь 19 числа 2 месяца; покинула родной дом 19 числа 9 месяца, а постигла Дао-путь 19 числа 6 месяца по лунному календарю, поэтому все три даты пышно празднуются в храмах.

Если китайцы и покупают изображения богов в фарфоре, то для офисов они приобретают бога Богатства, а для дома — Гуань-инь. В моем представлении эти изображения делятся на два вида: для домашних алтарей (и тогда они сделаны довольно грубо, однотипно, зато в крупной форме и со множеством позолоты) и настоящие произведения искусства, небольшого размера, примерно 30 см, — для ценителей-коллекционеров; они абсолютно уникальны и неповторимы.

В одной из глав уже рассказывалось о самой ценной статуэтке в коллекции, у которой из-за ошибки мастера — две левые руки. Она великолепно сделана, у нас даже дух захватило, когда мы ее увидели впервые. И стояла она, конечно, очень дорого.

В течение нескольких месяцев мы приезжали на «блошиный» и пытались сбить цену, чтобы купить ее, но все — бесполезно, пока я не обратила внимание на то, что у богини неправильно сделаны кисти рук, держащие сосуд и веточку ивы.

Убедив продавца в том, что он предлагает «бракованную вещь», мы добились того, что он бежал за нами и умолял купить статуэтку за «копейки» (кому нужна богиня с таким изъяном?), но мы-то понимали, что эта Гуань-инь станет жемчужиной нашей коллекции и, в конце концов, сошлись на взаимно приемлемой цене.

В коллекции есть две фарфоровые фигурки Гуань-инь, представляющие собой богиню, сидящую в позе лотоса. Обе сделаны в индийском

千手观音

Тысячерукая Гуань-инь

стиле, но с узкими китайскими глазами, обе — в короне из змей. Одна из них — многорукая, и в каждой руке — по сакральному предмету — например, жезл жу-и, колокольчик, золотой слиток, свиток, какой-то плод. Пальчики выполнены изумительно тонко, лицо одухотворенное, улыбка загадочная.

Вторая — торжественна и строга, у нее две руки, в которых она держит жемчужину и раковину. В канонической позе она сидит на цветке лотоса.

Изумительно сделано платье-туника, его складки; одно плечо оставлено открытым. Тонко прорисованы глаза и волосы над лбом.

Еще одна богиня — из фуцзеньского фарфора. На ней красивый халат-накидка, белый, с синими цветами и травами, очень нежно и точно нарисованными: и пионы, и хризантемы, и цветы сливы, и бамбук, и виноградные лозы с гроздьями плодов... А ведь каждый цветок — символическое пожелание. У халата — длинные, широченные рукава, как носили в старину, с красной подкладкой. На высокий пучок волос накинута капор из тонкой тяжелой ткани. Убранство дополняют четки, непременно висящие на шее у любого изображения богини.

В данном случае это Гуань-инь, дарующая сыновей, а потому она держит на руках прелестного толстого младенца, у которого грудь и живот прикрыты красным фартучком. Ребенок сжимает руками лotosовую коробочку с семенами на длинном стебле, — намек совершенно ясный: пожелание множества сыновей. Да и чубчик на голове ребенка выстрижен в виде лепестка лотоса, что является омонимом слова «подряд», т. е. пожелание подряд рожать только сыновей. У этой Гуань-инь на лице — нежная одухотворенность, являющаяся сущностью материнства.

Еще две статуэтки вполне «проходные». Обе сидят на лотосе, подогнув под себя лишь одну ногу и согнув в колене другую. Одна богиня держит в руке сосуд и четки, другая — какую-то палочку (возможно, это свиток), а сосуд и книга — рядом, на камне, заменяющем столик. На белой мантии той и другой — нежные продолговатые листья ивы.

Но есть два шедевра, которыми мы гордимся и бесконечно восхищаемся. Первая — Гуань-инь, дарующая сыновей. Печать в нижней части статуэтки свидетельствует о том, что изготовлена она в провинции Фуцзень. Глаза — лишь щелочки в припухших веках, крошечный рот. На лице — абсолютное спокойствие и безмятежность. Огромные мочки ушей практически лежат на плечах, — символ доброты и святости в буддизме. На руках у нее ребенок, в жилете, брючках и тапочках; на голове — все тот же «лепесток лотоса», т. е. островок волос. На резном столике рядом — связка свитков. Красота этой фигурки — в необычности позы (сидит на камне), в тщательной проработке одежды богини, в нестандартной прическе. Обычно на ее голове — высокий пучок, а тут — распущенные волосы.

И самый бесценный экземпляр (после Гуань-инь с двумя левыми руками) — стоящая Гуань-инь в белой мантии. Белые одежды на богине считаются канон. На одеянии вырезаны тончайшие узоры, отчего мантия напоминает парчу.

На темно-коричневом капоре — золотистые благовещие облака. Мочки ушей — крупные, мясистые. Лицо просветленно-радостное. В руках — лишь свиток.

Самое необычное — в подножии Гуань-инь. Она стоит на берегу водоема, а из воды к ее босым ступням выступают лотосы, но — в каком виде! Здесь представлены все этапы созревания этого прекрасного цветка.

Со дна поднимается на поверхность огромный круглый лист, который дети используют вместо зонтика в знойную погоду. Далее — пышный цветок с многочисленными розовыми лепестками. Следующий этап — лепестков уже мало, лишь венчик, а в середине показалась сочно-зеленая семенная коробочка. И, наконец, лишь одна коробочка на длинном стебле, а в ней, в ячейках, — семена, плотно посаженные, как семечки в подсолнухе, только намного крупнее. На дне пруда — продолговатый, толстенький, с «перевязочками», корень лотоса, который китайцы тоже употребляют в пищу, как и семена, и лепестки.

Возможно, поскольку «трансформированная» Гуань-инь пришла из Индии, то и изображается она всегда очень женственной (на наш взгляд, жительницы Индии — самые женственные). И, вероятно, именно эта женственность и мягкость богини, красивые, плавные изгибы ее тела, натолкнули людей на идею сделать ее еще и богиней, дарующей детей (примерно начиная с IX в. н. э.).

Несколько слов о сосуде, который богиня держит в руке. Он напоминает вазочку, слегка расширяющуюся книзу и с узким горлышком; в другой руке Гуань-инь обычно держит веточку, которая по-китайски называется очень странно: ивово-тополиная, или тополино-ивовая (*ян-лю*). Эти предметы намекают на то, что богиня исцеляет людей или помогает им в других трудных ситуациях, обмакнув веточку в вазу с какой-то волшебной жидкостью и окропляя ею людей.

В то же время, эти атрибуты Гуань-инь имеют и другой смысл, эротический. Слово *ян* (тополь) является абсолютным омонимом слова **Ян**, — мужское начало в древней натурфилософии, мужской половой орган. Ваза, естественно, — символ вагины. Эротической символикой в Китае пронизано буквально все, о чем с первого взгляда даже не догадываешься (см. мою книгу «Жизнь среди символов»).

А почему тополиную веточку называют еще и ивовой? Во-первых, внешне она похожа на ивовую, т. е. с длинными листочками. В древности красивых девушек описывали так: «Глаза, как листья ивы — длинные и узкие, брови, как листочки ивы». Да еще на щеках и висках девушки не выпускали пряди волос, а рисовали их прямо на лице тушью, подражая листочку ивы. О неустойчивой походке женщины с изуродованными бинтованием ступнями тоже говорили — «походкой напоминает иву, качающуюся на ветру».

В словосочетании «тополино-ивовая веточка» (*ян-лю чжи*) иероглиф «веточка» (枝) по написанию напоминает иероглиф «проститутка», надо только впереди вместо ключа «дерево» написать ключ «женщина» (妓). Это и есть намек на проституцию. Недаром районы, где располагались публичные дома, китайцы называли «цветочными улицами и ивовыми переулками» (цветы вставляют в вазу, как и Гуань-инь — ивовую веточку в свой сосуд).

И еще одна интересная деталь. Хотя Гуань-инь и пришла из Индии, китайцы выбрали ей мужа из своей среды. В главе «Китайская грамота» я упомянула генерала времен Троецарствия — Гуань Юя. Его фамилия записывается совсем другим иероглифом, однако по звучанию обе фамилии похожи, а потому Гуань-инь иногда называют супругой этого Гуань Юя, генерала, канонизированного после смерти. Китайцы во всем предпочитают парность, и если ее нет от природы, то вполне можно и додумать, домыслить.

Гуань-инь с веточкой ивы

Христианство

По преданию, первые семена христианства посеяны в Китае еще в I веке, когда сюда приходил святой апостол Фома для проповеди Евангелия. Первая христианская Церковь образовалась на территории Поднебесной в VII веке. Именно тогда, в эпоху династии Тхан, из Персии пришла Церковь Востока, иногда называемая восточно-сирийской, или несторианской. В Китае христианство получило название *цзин-цзяо* (晶教) — «сияющая религия».

В 638 году император Тхай-цзун впервые в истории Китая издал указ о веротерпимости: «Не существует *Дао* с постоянным именем, не существует мудреца с постоянным обликом». Он распорядился построить в столице монастырь с 21 монахом. Позже несторианские монастыри появились во всех округах Поднебесной количеством около четырехсот. Однако в 845 году император У-цзун приказал распустить все монастыри: несторианские, буддийские и даосские.

В XIII веке наступил новый подъем христианства: епархии Церкви Востока были созданы во многих городах Поднебесной. Знаменитый путешественник Марко Поло, посетивший Китай в 1271 году, свидетельствовал о наличии там многих христиан. В это же время в Китай прибыл первый католический миссионер Джованни Монтекорвино. Он получил императорское разрешение на проповедь и в 1299 году воздвиг в Пекине первый католический храм. Количество католиков в Китае к концу XIII века достигало 30 тысяч.

К середине XIV века христианские общины в Китае пришли в упадок, и Ватикан на время потерял интерес к проповеди в Восточной Азии. Ведя проповедническую деятельность, представители Запада обнаружили, что такая работа невозможна без глубокого знания китайского языка и культуры этого народа. Кроме того, китайцы свято верили, что церковь не может существовать без идолопоклонничества, а душа умершего непременно вселяется в надгробную табличку с его именем (культ предков). С этими явлениями католическим священникам было трудно мириться.

Надо сказать, что миссионерская деятельность католиков, иезуитов и протестантов (последние начали свою миссионерскую деятельность в Китае в 1807 году) во многом была сопряжена с насилием, поскольку распространители христианства не всегда относились к китайцам и их культуре — традициям и

местным обычаям уважительно. Публичную проповедь протестантов в феодальном Китае можно назвать агрессивной. Добиваясь от паствы принятия христианства, они болезненно разрушали основы мировоззрения китайцев.

Все это не могло не вызвать народный протест против иностранцев вообще и особенно — против миссионеров. Китайцы рисовали карикатуры на иностранцев и при этом, делая подписи, использовали одинаковое звучание разных слов, чтобы сделать обидный намек. Например, по-китайски слово *чжу* (Господь) звучит так же, как «свинья», *ян* (иностранец) похоже по звучанию на слово «баран». Поэтому слова *чжу-цзяо* (религия Господа) можно на слух понять как «пороссячий визг». Вот и изображали обиженные китайцы иностранцев-баранов, поклоняющихся свинье.

Чтобы вызвать симпатию императора и привлечь на свою сторону паству, проповедники христианства совершали немало и полезных дел: делились научными знаниями, знакомили население с последними достижениями западной техники и медицины, давали возможность обучаться китайским детям, открывали амбулатории и госпитали. Тем не менее, вред, наносимый иностранцами, оказался гораздо большим, чем польза. Достаточно вспомнить насильный ввоз опиума в страну и его насаждение.

В начале XIX века английские купцы начали контрабандно ввозить в Китай из Индии опиум, курение которого губило здоровье населения. В 1835 году опиум составлял 3/4 всего импорта Китая; его курили свыше 2 миллионов человек. В 1838 году объем продажи опиума составил 2000 тонн, миллионы китайцев всех слоев и сословий были вовлечены в потребление наркотика. По оценке современников, наркоманами стали от 10 до 20% столичных и от 20 до 30% провинциальных чиновников; в отдельных учреждениях подавались дурному от 50 до 60% всех должностных лиц. Среди солдат и офицеров курение опиума стало повальным явлением. Население страны почти повсеместно оказалось под властью наркотика.

Китайское правительство открыло только один порт для иностранных торговых судов, а самим торговцам не только запрещалось покидать его территорию, но даже изучать китайский язык. Поскольку мирным путем не удавалось достигнуть договоренности с Сыном Неба по вопросу открытия новых портов для иностранных купцов, англичане решили насильно «открыть» китайский рынок. Не желая терять баснословные прибыли, англичане развязали войну, которая получила название первой Опиумной (1840—1842).

Результатом войны стала победа Великобритании. Империя Цин выплатила англичанам огромную контрибуцию, передала в аренду на 99 лет острова Гонконг, открыла китайские порты для английской торговли. Британская корона получила гигантский источник дохода от продажи опиума. Страна на долгий период оказалась закабалена европейскими державами, а гигантское распространение наркомании привело к деградации и массовому вымиранию населения Китая.

Случилась и вторая Опиумная война (1856—1860), когда Англия и Франция, воспользовавшись гражданской войной в Китае, решили потребовать от цинского правительства целый ряд новых привилегий на территории Среднего государства. В результате новой войны иностранцы получили и большую контрибуцию, и новые территории, и новые порты для торговли, и китайцев-рабов для колоний Великобритании и Франции.

Помимо прямых военных действий, иностранные государства в Китае всегда использовали духовные миссии западных вероисповеданий в политических и экономических целях, ибо имели далеко идущие планы в этой стране. Католические и протестантские миссионеры, внимательно изучая психологию различных слоев китайского населения, внедрялись во все сферы духовной, общественной и даже экономической жизни.

Эти христиане являлись последователями Христа только по имени, на деле же они служили своим узко прагматическим, прежде всего, военно-политическим и экономическим целям. Перед японским вторжением в Китай в 1937 году там существовало уже 17 британских организаций протестантского толка, 64 канадских, 23 европейских и ряд протестантских объединений других национальностей. Всего к этому времени в Китае насчитывалось 136 протестантских организаций-церквей, имевших в своем составе 6150 миссионеров — европейских и американских. А общее число протестантских станций достигало тогда 1130.

Духовные организации западных исповеданий в Китае располагали большими материальными средствами, которые в значительной мере пополнялись за счет китайского народа. Некоторое представление о богатствах Римско-католической Церкви в Китае можно составить по следующим фактам. На бывшей французской концессии Шанхая находится старый иезуитский монастырь Зиккавей, имущество которого в 1938 году оценивалось в два миллиарда золотых франков. Известно также, что в Шанхае католические монахи владели огромными домами, пристанями, складами, фабриками, кинотеатрами, гостиницами и другими учреждениями, дающими огромные доходы. За счет китайского народа оплачивали свои расходы и протестантские духовные организации.

222 пекинских святых мученика — православных китайцев, погибших во время боксерского восстания.

Иисус китайский

Благая весть, Архангел Гавриил

Иисус с матерью

Крестный ход русской общины в Пекине

Иоанн Креститель

Корейский Иисус

Храм Успения Пресвятой Богородицы — единственный православный храм в Пекине . Расположен на территории Посольства России в КНР.

Св. Митрофан Пекинский

Мария с сыном

Пасхальная служба в Пекине

Служба в Пекине

Протоиерей Дионисий Поздняев с иконой

Софийский собор в Харбине. Во внутренних помещениях проходят различные выставки, в том числе о жизни эмигрантов из России

Харбин. Софийский собор стал символом города

В этой огромной стране не осталось ни одного значительного города, над которым не возвышались бы стрельчатые башни католических соборов. И при каждом храме, при каждом монастыре обязательно существовали различные мастерские или даже крупные производственные и сельскохозяйственные предприятия, на которых под руководством монахов работало много китайцев.

Такие крупные материальные средства позволяли духовным миссиям и организациям не стесняться в выборе методов пропаганды, развиваемой не столько в интересах подлинного христианства, сколько ради политических целей и захватнических планов своих стран. В Пекине и Шанхае открылись три католических университета; кроме того, в руках католиков находилось 58 средних и 2985 начальных школ для мальчиков, 45 средних и 1298 начальных школ для девочек и 11536 детских садов.

Таким образом, католическая община в Китае являлась весьма мощной и активной организацией. Она была крепка не только материальной базой, но и внутренней солидарностью своих членов. Обычно китайцы, окончившие католические школы, сохраняли между собой тесную связь и, достигая видного служебного или общественного положения, выдвигались на посты руководителей многих католических организаций. Немало католиков-китайцев служили в полиции — китайской и иностранной, благодаря чему католики имели своих людей буквально всюду и весьма искусно пользовались этими связями.

Попутно следует заметить, что большая часть китайской интеллигенции, занимавшей ведущие посты в Гоминьдановском Китае, как и большинство промышленной и финансовой буржуазии, прошли через американскую выучку в протестантских школах. Такие известные лица, как сестры Сун¹, получили

¹ Сестры из семьи Сун играли заметную роль в истории Китая XX века и все три вышли замуж за крупных политических деятелей. Старшая, **Сун Ай-лин** (宋蔼齡), «любила деньги» и стала супругой состоятельного бизнесмена и премьер-министра Китая Ххун Сян-си (прожила 83 года, а имя ее переводится Обильные годы).

Сун Цин-лин (宋庆龄), средняя, «любила Китай» и стала женой друга своих родителей, первого китайского президента Сунь Ят-сена (прожила 88 лет, имя ее можно перевести как Праздновать возраст). А третья, младшая сестра, **Сун Мэй-лин** (宋美齡), «любила власть» и вышла замуж за лидера Гоминьдана и президента Китайской Республики (Тайвань) Чан Кай-ши, прожив 106 лет. Недаром ее имя переводится Прекрасный возраст! Об этих красавицах в народе так и говорили: «одна любила деньги, другая — власть, а третья — Китай».

Их отец, Чарли Сун, являлся не только крупным китайско-американским бизнесменом, но и методистским проповедником. Его младшая дочь **Мэй-лин** училась в методистской миссионерской школе в Шанхае, затем — в американском колледже, а по возвращении на родину работала в ассоциации молодых христианских женщин

американское образование, являлись пламенными протестантками и имели в Америке колоссальные связи через те же протестантские круги. Мадам Чан Кай-ши не раз выступала на миссионерских съездах.

Банковские деятели Китая, т. е. мозг Гоминьдана, тоже состояли из протестантов американского толка. Пополнение кадров осуществлялось путем отбора наиболее способных студентов, завершавших свое образование обычно в США. Своим выученикам из китайцев американские организации обычно предоставляли при трудоустройстве лучшие места, и таким образом Америка создавала в Китае кадры своих сторонников, которые имели влияние и на политику, и на прессу, науку и промышленность.

И в завершение — мнение одной из самых известных китайских писательниц XX века Чжан Ай-линь (1920—1995), которая так поясняла иностранцам отношение китайцев к религии. «С внешней точки зрения не о чем говорить относительно религии китайского народа. Китайские интеллектуалы в течение многих лет всегда были атеистами. Влияние буддизма на китайскую философию — это тоже еще вопрос, а в образовании и воспитании простых людей буддизм оставил совсем немного следов.

Образованные китайцы считают, что человек живет год за годом, и никуда не денется, человечество живет из поколения в поколение и тоже никуда не исчезнет. Таким образом, в чем смысл жизни? Есть ли тот смысл или нет его, все равно жизнь продолжается. Поэтому, хоть и нет большого смысла, но жить лучше все же в радости, поэтому для собственного удовольствия следует придерживаться правил.

Конечно, низшие классы не очень этим озабочены. Их религия значительной частью образована из разрозненных маленьких суеверий — гороскопы,

(YWCA). Христианское вероисповедание и образование не помешали ей вместе с супругом участвовать в кампании за обновление и укрепление Китая через восстановление традиционных конфуцианских моральных ценностей.

Сун Цин-лин получила то же образование, что и остальные сестры, при этом даже американский колледж был связан с методистской церковью. Она слыла очень красивой, спокойной, умной и ласковой. Ее называли гением красоты. Будучи на 27 лет моложе супруга, она являлась его верной соратницей, а после раскола между Гоминьданом и КПК в 1927 году уехала в Советский Союз. Несмотря на американское христианское образование, Сун Цин-лин смогла вступить в компартию и стать впоследствии заместителем председателя КНР. Неисповедимы пути Господни!

Сун Ай-лин, старшая из сестер, выйдя замуж за богатого человека, родила двух мальчиков и двух девочек, дав им первое общее имя Лин, звучащее так же, как имя ее и сестер, т. е. намекающее на возраст, но с другим значением — «приказ». Каждая из сестер получила от жизни то, о чем мечтала.

лисы-оборотни, вегетарианство. Высшие и низшие классы из общих взглядов имеют, разве что, почитание предков. Но для интеллигенции это просто влияние чувств, сыновний долг, уважение к умершему, и в этом нет никакого религиозного смысла. Что касается образованного класса, то когда они говорят, что не верят, то это так и есть, но их мысли и поступки тайно окрашены цветом общего религиозного фона, поэтому хоть и не верят, но готовы в это поверить».

Предлагая ниже краткие сведения о православии в Китае, мы будем использовать материалы православного священника Дионисия Поздняева, который служит в приходе во имя апостолов Петра и Павла в Гонконге. Помимо прихода в Гонконге, где деятельность религиозных организаций никак не регулируется законом, есть православный храм на территории Российского посольства в Пекине, однако эта община не имеет юридического статуса. Община в Шанхае не имеет ни канонического, ни юридического статуса. Есть две неофициальные общины в Шэньчжэне и Гуанчжоу, две — в Синьцзяне, а также приходы Константинопольского патриархата в Гонконге и на Тайване. Всего — 11 по всему Китаю, включая Гонконг и Тайвань.

Из них на территории континентального Китая четыре имеют официальный, юридический статус, но не имеют священнослужителей, — это храмы Китайской автономной православной церкви. В Китае религиозная деятельность должна быть одобрена, разрешена администрацией и совершаться в специально отведенных для этого местах. Главный принцип — недопустимость подчинения или управления ею из зарубежных центров.

После многолетних переговоров с китайскими властями последние согласились определить кандидатуры двух студентов, которые с осени 2012 года официально обучаются в Санкт-Петербургской и Московской духовных семинариях. Теоретическим следующим шагом должно стать их рукоположение и разрешение властей служить в четырех официальных приходах.

Сейчас в Китае быстрее всего растет численность христиан: ежегодный прирост по всем конфессиям составляет 5—7%. Православных в стране, по самым оптимистичным оценкам, — 10 тысяч, в то время как численность католиков и протестантов — около 80 миллионов.

Около 70% китайских христиан принадлежат к неофициальным общинам. Причина в том, что за получением официального статуса следует контроль и идеологическая нагрузка. Неофициальные религиозные организации — это миллионы людей, которые собираются небольшими группами,

по 15—30 человек, в частных домах или квартирах, и это происходит повсеместно, в деревнях и городах. Поэтому контролировать их деятельность власти практически не способны, хотя такие попытки и предпринимаются.

Государство воздерживается от резких шагов в отношении верующих, боясь вызвать социальное напряжение. Пока численность отдельных неофициальных христианских общин не выходит за определенные рамки, власти допускают их существование. Однако если община разрастается до 1000 и более человек, или если у нее появляются активные связи с зарубежными религиозными центрами — принимаются меры. Такая строгость связана с тем, что китайские власти рассматривают любую религиозную деятельность в политическом контексте.

Православная история Китая начинается в конце XVII столетия, когда в Пекин попадают первые русские. Но отнюдь не в качестве миссионеров. Именно с их приезда начинается более чем 300-летняя история православия в Китае — история долгая, славная и трагическая.

В 1685 году китайцы захватили русскую крепость Албазин на реке Амур и взяли в плен несколько десятков русских казаков. Вместе с ними в Пекине оказался и первый русский священник. Пленным предоставили святилище бога войны для того, чтобы в нем они устроили свою церковь. Именно на этом месте стояла первая православная церковь, построенная русскими в Китае.

В ней священнослужители крестили детей, совершали венчания, отпевали усопших, вместе с казаками-албазинцами отмечали церковные праздники. И вряд ли пленники, оказавшись вдали от Родины, чувствовали себя апостолами и миссионерами. Зачисленные на службу императору, они получили в жены китайнок, однако их дети принимали крещение и становились православными христианами. Так православие в общине албазинцев передавалось от старших к младшим, хотя русской крови в каждом новом поколении становилось все меньше.

В 1700 году император Петр I издал указ, в котором повелел отрядить «непрестарелых иноков двух или трех человек» в Пекин для изучения языков, местных суеверий и проповеди веры. Так была заложена основа для создания православной Миссии в Китае.

Спустя одиннадцать или двенадцать лет в Пекине умер первый православный священник Максим Леонтьев. После его кончины император Кхан-си разрешил направить в Китай Российскую Духовную Миссию, о чем более десяти лет шли напряженные переговоры. В 1713 году по благословению митрополита Тобольского и всея Сибири Иоанна была сформирована первая Российская Духовная Миссия в Китае.

В Китай направили архимандрита Илариона и одного иеромонаха, которые и составили первую Русскую Духовную Миссию. Они прибыли в Пекин и поселились на том месте, где сегодня находится Посольство Российской Федерации в Китайской Народной Республике.

Миссия прибыла в Пекин весной 1715 года. Встретили ее с особым почетом. Годы существования Российской Духовной Миссии на китайской земле явили научному, культурному и христианскому миру плеяду удивительных подвижников. Начальники и члены Миссии внесли огромный вклад в изучение религий, истории, языка и культуры Китая. Сотни важнейших исследований священников Русской Духовной Миссии стали классикой российского китаеведения XIX века и во многом опередили направления и содержание работы европейских ученых того времени.

Глава IX Миссии архимандрит Иакинф (Бичурин) показал невероятные способности в изучении китайского и маньчжурского языков. В Пекине он составил китайско-русский словарь, перевел множество трудов по истории Монголии, Тибета и Китая. В 1810 году он издал первый православный катехизис на китайском языке.

Архимандрит Гурий (Карпов), позже прославленный в чине святителей, также владел китайским языком, изучал тибетский и китайский буддизм. Будучи главой XIV Миссии и опираясь на труды своих предшественников, он выполнил перевод Нового Завета и нескольких богослужебных книг. Когда в 1860 году Пекин осадили иностранные войска, отец Гурий выступил посредником между китайскими властями и командованием англо-французских войск, чтобы спасти город от разрушения.

Архимандрит Палладий (Кафаров), глава XV Миссии, известен не только переводами древних китайских книг, но и работами по изучению религий Китая. Он создал такие труды, как «Жизнеописание Будды» и «Старинные следы христианства в Китае», проделал огромную работу по составлению Большого китайско-русского словаря. К концу XIX века объем православных переводов на китайский язык превысил 300 тысяч иероглифов. Однако работа Миссии не ограничивалась академическими исследованиями. Главной ее целью являлось сохранение православной веры среди потомков албазинцев и распространение ее среди китайцев. Благодаря подвижническим трудам начальников и членов Миссии православие стало распространяться по всей территории Китая: возникали новые общины, строились храмы. Стали появляться и священники-китайцы. Первым из них был Митрофан

Цзи Чхун — его в 1882 году в Токио рукоположил глава Российской Духовной Миссии в Японии епископ Николай (Касаткин). Годом позже в Пекине начали совершать богослужения на китайском языке.

В 1900 году в Китае произошло восстание *и-хэ-тхуаней*, известное под названием «боксерское». Повстанцы, возмущенные агрессивной политикой иностранцев, а также деятельностью католических и протестантских проповедников, ратовали за изгнание всех иностранцев с китайской земли. Они громили христианские храмы и убивали христиан. Под «горячую руку» попали и православные, которые с большим уважением относились к местному населению, изучая его культуру и помогая обездоленным китайским сиротам, принимая их для обучения и работы в своей Миссии. В результате 222 православных китайца, в том числе священник, были убиты 10—11 июня 1900 года. Успенская церковь оказалась полностью разрушенной.

Во время «боксерского» восстания русский военный отряд оборонял Российскую дипломатическую миссию в европейском квартале Пекина. Русских солдат и офицеров пастырски поддерживали священники и глава XVIII Духовной Миссии архимандрит Иннокентий (Фигуровский). Он, рискуя жизнью, перевязывал раненых, отпевал убитых.

Последствия «боксерского восстания» явились драматическими. Гибель 222 православных китайцев, в том числе священника Митрофана Цзи Чхуна, означала уничтожение почти половины общины, состоявшей из 450 человек.

Трагедия поставила под вопрос будущее Духовной Миссии. Чиновники из Петербурга выступали за ее закрытие или перемещение в Порт-Артур. Однако митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Антоний (Вадковский) выступил на стороне Миссии, что стало для нее спасением. Денежные субсидии смогли удвоить, сан главы Миссии указом Святейшего Синода определен как епископский. Так был сделан первый шаг к созданию Китайской Православной Церкви.

Важную роль в принятии этого решения сыграл глава Духовной Миссии архимандрит Иннокентий. К его заслугам можно отнести и формирование крупнейшей в мире территории современного комплекса Посольства России в КНР, и составление самого большого в первой половине XX века китайско-русского словаря.

Для восстановления Духовной Миссии, разоренной восстанием «боксеров», использовались также деньги, полученные от китайских властей в качестве возмещения ущерба. На месте разрушенной Успенской церкви возвели храм Всех святых мучеников, построили надвратную колокольню, восстановили школу, библиотеку и типографию.

Постепенно, год за годом, жизнь православной общины Китая налаживалась. У Миссии появились свои заводы — кирпичный и свечной, метеостанция, различные мастерские, паровая мельница, молочная ферма, во многих уголках Китая возникли православные миссионерские станы. Китайские православные священники все активнее вели проповедь среди соотечественников. В ведении Российской Духовной Миссии в Пекине состояли два монастыря, семинария, 19 церквей, 18 мужских и три женских школы, более семисот учащихся, а общее число православных достигало шести тысяч.

В 1917 году в России грянула революция. Она оборвала связи Пекинской Духовной Миссии с Церковью в России. В ноябре 1920 года Миссия перешла в подчинение Зарубежному Архиерейскому Синоду. Сохранив старое название, Российская Духовная Миссия в Китае стала центром первой православной епархии в Поднебесной.

Годы революционной смуты и гражданской войны породили огромный поток беженцев из России. Несколько сотен тысяч русских людей покинули родину и поселились в Поднебесной. С этим временем связан наивысший расцвет Православной Церкви в Китае. Эмигранты селились в Шанхае, Пекине, в северных провинциях. Но больше всего их оказалось в Харбине. Русские в этом городе построили свои школы, университеты и консерватории, выпускали газеты и журналы на русском языке. В православных храмах служили русские священники и епископы.

Харбин появился на карте Маньчжурии в конце XIX века. С самого начала здесь стали строиться храмы, и одним из первых был возведен Иверский храм — его освящение состоялось в 1907 году. Сейчас он находится в запустении, хотя и считается архитектурным памятником. В общей сложности в Харбине было построено более двадцати русских православных храмов, из них на сегодня сохранилось только пять.

В 1924 году СССР заявил о праве собственности на имущество Российской Духовной Миссии в Китае. В суде удалось доказать, что законным владельцем является не страна Советов, а Церковь в лице Миссии. Казалось, большая беда прошла стороной, и эмигрантская жизнь, духовная и светская, вновь потекла своим чередом.

Но наступила осень 1931 года. Новое суровое испытание выпало на долю русской общины. Японские войска вторглись в Китай и создали марионеточное государство Маньчжоу-го. Его формальным главой стал отрекшийся от престола последний китайский император Пху И.

Однако и в это время, несмотря на все беды, в Харбине продолжалось строительство новых храмов.

В феврале 1933 года Зарубежный Синод назначил епископа Виктора (Святина) главой 20-й по счету Российской Духовной Миссии в Китае. Он родился в семье священника, служил в армии в годы Первой мировой войны и прибыл в Китай с остатками разбитых белогвардейских сил. Там же в возрасте 27 лет принял монашество.

Вторым крупным центром русской эмиграции в Китае стал Шанхай. Еще в середине XIX века город превратился в крупный центр международной торговли и был разделен на несколько секторов. Русские начали селиться здесь во второй половине XIX века. В 1921 году в Шанхай пришла эскадра адмирала Старка. На борту кораблей насчитывалось более 10 тысяч человек из России. И основная их часть осталась в Шанхае после того, как сам адмирал вместе со своей эскадрой ушел на Филиппины.

В городе бурлила культурная жизнь, работали русские театры, русские музыканты играли в оркестрах. На протяжении десяти лет в Шанхае жил Александр Вертинский, здесь неоднократно выступал Федор Иванович Шаляпин.

К 1938 году русская православная община в Шанхае состояла из восьми приходов, в том числе четырех, располагавшихся в собственных храмовых зданиях. В конце 1932 года состоялась закладка Свято-Николаевского храма-памятника, который был построен в течение 15 месяцев на средства, собранные всей русской общиной Шанхая. Храм посвящен памяти убиенного императора Николая Александровича. В годы китайской «культурной революции» богослужения в нем прекратились, а храм разорен. Сегодня это здание используется в качестве кафе, здесь проводятся корпоративы, частные вечеринки.

Последним по времени создания стал величественный кафедральный собор в честь иконы Пресвятой Богородицы «Споручница грешных». Он заложен в 1933 году и построен менее чем за три года. Величественный храм вмещает до двух с половиной тысяч человек. В основу строительного проекта легли чертежи московского храма Христа Спасителя, к тому времени утраченного. Сегодня этот храм используется как выставочный зал, на его куполах нет крестов.

Гражданская война в Китае завершилась в октябре 1949 года. Победили коммунисты. На карте мира появилась Китайская Народная Республика. В это время в Китае насчитывалось 106 православных храмов и около десяти тысяч православных китайцев.

В 1954 году Священный Синод Русской Православной Церкви упразднил Российскую Духовную Миссию в Китае. Все православные храмы Китая были переданы Восточно-Азиатскому экзархату Русской Православной Церкви. Позже не стало и Экзархата, а все его недвижимое имущество подлежало передаче Правительству КНР. За исключением территории Российской Духовной Миссии в Пекине. Она отошла Посольству СССР в Китае.

В 1956 году последний русский архиерей — владыка Виктор (Святин) — покинул Китай. Китайская Церковь получила от Московской Патриархии статус автономной. Это был важный шаг, направленный на укрепление православия в Китае. В тот период, когда первая русская эмиграция в Поднебесной практически сошла на нет, актуальным стал вопрос воссоздания православия в Китае на основе национальной самобытной культуры.

Между тем антирелигиозная борьба набирала силу. На большой, даже по нынешним меркам, территории Миссии развернулось строительство нового здания Советского Посольства. Послом СССР в КНР тогда являлся Павел Юдин. Именно при нем в 1956 году на глазах у владыки Виктора была сожжена ценнейшая библиотека Миссии. А годом позже, в 1957-м, был взорван храм Всех святых мучеников — главный храм Миссии. Заодно уничтожили надвратную церковь и колокольню, Успенский храм переделали в гараж, библиотеку Миссии — в консульство, архиерейский домовый Иннокентиевский храм — в зал для торжественных приемов Посольства.

Духовная Миссия в Пекине пользовалась большим авторитетом, ибо ее члены не вели агрессивной миссионерской работы. Они сконцентрировали свое внимание на потомках албазинских казаков в Китае и на культурной и благотворительной деятельности. Православные христиане никогда не вмешивались во внутренние дела Китая, и потому император Кхан-си, при котором открыли Первую Духовную Миссию, подарил ей «в вечное пользование» огромную территорию, большую часть которой Советское государство вернуло Китаю.

К вышеизложенному следует добавить, что на территории бывшей Духовной Миссии были захоронены «алапаевские мученики». Речь идет об убитых (казненных) представителями советской власти 17 июля 1918 г. великих князей Сергея Михайловича, Иоанна и Игоря Константиновичей, великих княгинь Елизаветы Федоровны, Елены Петровны, князя Владимира Павловича Палея, барона Федора Семеновича Ремиза, монахини Марфо-Мариинской обители Варвары Яковлевой.

Их живьем сбросили в шахту Алапаевского рудника в Пермской губернии, забросали гранатами в надежде, что после взрывов произойдет обвал,

который и скроет следы ужасного злодеяния. По какой-то случайности обвала не произошло, а искалеченные люди в течение нескольких дней мучительно умирали от ран, жажды и голода. Это убийство произошло на следующий день после расстрела членов царской семьи.

В октябре 1918 г. тела алапаевских жертв достали из шахты, освидетельствовали, опознали и временно захоронили в склепе под алтарем Свято-Троицкого Алапаевского собора.

В июне 1919 г. под натиском красных войск белые отряды оставили Алапаевск. Чтобы спасти тела убиенных от глумления, было решено эксгумировать их и вывезти в безопасное место.

Отец Серафим (Кузнецов), игумен Серафимо-Алексеевского скита Пермской епархии, подвергая себя и двух послушников смертельной опасности, без документов на проезд, инкогнито в течение 10 дней в отдельном вагоне сопровождал восемь гробов по территории, которую контролировали большевики.

В Ишиме отцу Серафиму помог с сопроводительными документами генерал-лейтенант М.К. Дитерикс. Далее — Омск и Чита, где атаман Семенов Г.М. помог разместить гробы на шесть месяцев под полом в одной из келий Покровского женского монастыря. 5 марта 1920 года гробы вывез отец Серафим по КВЖД в Хайлар (Внутренняя Монголия). Бывшая жена атамана Семенова Мария Михайловна помогла финансово в оплате проезда. Она использовала для этого золотые слитки, полученные при разводе в виде отступного.

В начале марта 1920 года вагон прибыл в Харбин, где был встречен епископом Камчатским Нестором (Анисимовым) и последним официальным посланником императора Николая II в Китае князем Кудашевым Н.А.

16 апреля 1920 года поезд благополучно прибыл в Пекин, где останки мучеников встретили крестным ходом Православной Духовной Миссии в Китае. Совершив настоящий подвиг, отец Серафим столкнулся с неожиданной трудностью: Посол России в Китае Кудашев Н.А. высказался против захоронения останков в Пекине. В результате компромисса шесть гробов были установлены в склепе церкви Серафима Саровского на Русском кладбище Пекина, а два — с прахом великой княгини Елизаветы Федоровны и монахини Варвары Яковлевой — отец Серафим вывез в Иерусалим в Гефсиманскую Марфо-Мариинскую обитель (через Тхень-цзинь, Шанхай, Египет).

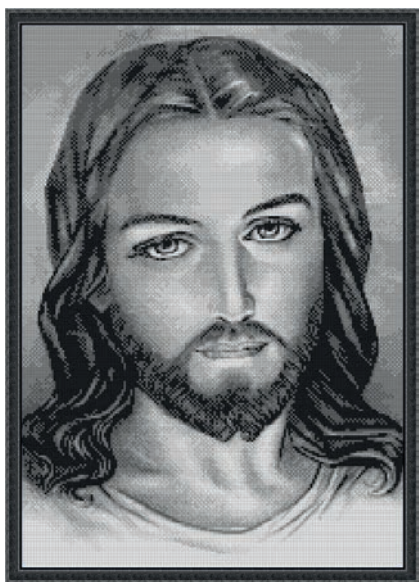
В 1938 году прах «алапаевских мучеников» перенесли на территорию Духовной Миссии в церковь Всех Святых Мучеников. Но в начале 1964 года

строительство здания Посольства закончилось, и прах «алапаевских мучеников» вновь перевезли на Русское кладбище. Во время «культурной революции» хунвэйбины разгромили Русское кладбище. Потомки албазинцев свидетельствовали, что могилы с захоронениями раскапывались, а кости умерших сбрасывались в ближайшее озеро. Вероятнее всего, эта же участь постигла и останки «алапаевских мучеников».

В настоящее время на месте Русского кладбища разбит Парк Молодежного озера. Искусственный водоем скрыл практически всю территорию старого кладбища. Справедливости ради стоит отметить, что в 2009 г. Генеральная Прокуратура России посмертно реабилитировала всех убитых в Алапаевске.

Представляется несправедливым, что западным ветвям христианства, ориентированным на Ватикан и США, от которых в свое время немало пострадали китайцы, удалось прочно закрепиться на земле Поднебесной, в то время как православная церковь в своей нестяжательской (старческо-монастырской) части, которую так высоко ценили даже при китайской императорской власти, сейчас только возрождается подвижническими усилиями, прежде всего Протоиерея Дионисия Поздняева, а также других священнослужителей и мирян.

Китайская вышивка на шелке

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Ну, и намучилась же я с этой книгой! Китайский коллега утешил, приведя пословицу: «好事多磨», — «Хорошие дела быстро не делаются», а дословно — «Чтобы сделать доброе дело, придется долго крутить тяжелые каменные жернова».

Выражаю большую благодарность моему брату, журналисту, корееведи **Сергею Ищенко** за бесценные советы и вычитку материалов.

Низкий поклон моим давним китайским друзьям за неоценимую помощь в виде консультаций — профессору **Шэн Ши-ляну** (盛世良) и доктору культурологических наук, профессору, преподавателю и переводчику **Цзяо Дун-цзюню** (焦东建).

Спасибо всем, кто в меня верил.

СПРАВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ

ТАБЛИЦА КИТАЙСКИХ ДИНАСТИЙ

Династия Ся	2140—1711 гг. до н. э.
Династия Шан (Инь)	1711—1066 гг. до н. э.
Западная Чжоу	1066—770 гг. до н. э.
Восточная Чжоу :	(770—256 гг. до н. э.)
Период Весны и Осени	770—476 гг. до н. э.
Эпоха Воюющих царств	
(Цинь, Чху, Хань, Чжао, Вэй, Ци)	475—221 гг. до н. э.
Империя Цинь (Цинь Ши-хуан)	221—207 гг. до н. э.
Династия Западная Хань	206 г. до н. э.—25 г. н. э.
Династия Восточная Хань	25—220 гг. н. э.
Троецарствие:	
Вэй	220—265 гг.
Шу (Хань)	221—263 гг.
У	222—280 гг.
Западная Цзинь	
(кочевые племена гуннов захватили страну)	265—317 гг.
Восточная Цзинь	317—420 гг.
Южные династии	420—589 гг.
Северные династии	386—534 гг.
Восточная Вэй	534—550 гг.
Северная Ци	550—577 гг.
Западная Вэй	535—556 гг.
Северная Чжоу	557—581 гг.
Империя Суй	581—618 гг.
Империя Тхан	618—907 гг.
Пять династий и десять царств	907—960 гг.
Династия Северная Сун	960—1127 гг.

Династия Южная Сун	1127—1279 гг.
Династия Ляо (племена киданей)	907—1125 гг.
Цзинь (чжурчжэньское царство)	1115—1234 гг.
Династия Юань (монголы-завоеватели; династию основал Хубилай, или Кублайхан, внук Чингисхана)	1206—1368 гг.
Династия Мин (последняя китайская)	1368—1644 гг.
Династия Цин (маньчжуры-завоеватели)	1644—1911 гг.

МЕРЫ ДЛИНЫ

<i>ЛИ</i>	567 метров
<i>ЧЖАН</i>	3,33 метра
<i>ЧШЫ</i>	0,33 метра
<i>ЦХУНЬ</i>	3,33 сантиметра
<i>ФЭНЬ</i>	3,33 миллиметра

МЕРЫ ПЛОЩАДИ

<i>МУ</i>	0,066 га
<i>15 МУ</i>	1 га

МЕРЫ ОБЪЕМА И ЕМКОСТИ

<i>ДОУ</i>	10 литров
<i>ШЭН</i>	1 литр

МЕРЫ ВЕСА

<i>ДАНЬ</i>	50 кг
<i>ЦЗИНЬ</i>	500 г
<i>ЛЯН</i>	50 г
<i>ШЭН</i>	1 кг

ЗОДИАКАЛЬНЫЕ ЗНАКИ

«Небесные стволы» и «земные ветви» (天干地支) — это китайская система циклического летоисчисления. Китайский «век» — 60 лет. В каждом 60-летнем цикле 12 «земных ветвей» (子·丑·寅·卯·辰·巳·午·未·申·酉·戌·亥) повторяются пять раз, и им соответствуют 12 животных знаков. 10 «небесных стволов» (甲·乙·丙·丁·戊·己·庚·辛·壬·癸) шесть раз повторяются в 60-летнем цикле, и им соответствуют Пять Стихий космогонии (Земля, Дерево, Металл, Огонь, Вода), повторенные дважды: в женской космогонической силе **Инь** и мужской **Ян**.

Десяти «небесным стволам» соответствуют и пять цветов (сине-зеленый, красный, желтый, белый, черный). Начинается 60-летний цикл сочетанием знаков 甲子, а заканчивается 癸亥. Каждый циклический знак имеет свое значение.

При этом если «земные ветви» разделить по принципу «четные и нечетные», *цзи-оу* (奇偶), то знаки 子·寅·辰·午·申·戌 относятся к началу **Ян** (阳), а знаки 丑·卯·巳·未·酉·亥 относятся к началу **Инь** (阴). Если же рассматривать земной зодиакальный цикл в соотношении с четырьмя сезонами, среди которых весна и лето принадлежат к началу **Ян**, а осень и зима — к началу **Инь**, то циклические знаки 寅·卯·辰·巳·午·未 следует отнести к началу **Ян**, а 申·酉·戌·亥·子·丑 — к **Инь**. Соответственно, шесть животных знаков Тигр, Дракон, Змея, Лошадь, Баран и Петух имеют отношение к началу **Ян**, а знаки Мышь, Буйвол, Заяц, Обезьяна, Собака и Свинья относятся к женскому началу **Инь**.

Пять Стихий также имеют отношение к пяти планетам, пяти вкусовым ощущениям, пяти музыкальным тонам и пр.

Каждый из 12 знаков «земных ветвей» можно охарактеризовать подробнее, соотнося со стороной света, Стихией, природным началом и животным-покровителем.

- 1 — (*цзи*) Мышь, Ян, Вода, Север.
- 2 — (*чхоу*) Буйвол, Инь, Земля, Центр.
- 3 — (*инь*) Тигр, Ян, Дерево, Восток.
- 4 — (*мао*) Заяц, Инь, Дерево, Восток.
- 5 — (*чхэнь*) Дракон, Ян, Земля, Центр.
- 6 — (*сы*) Змея, Инь, Огонь, Юг.
- 7 — (*у*) Лошадь, Ян, Огонь, Юг.
- 8 — (*вэй*) Баран, Инь, Земля, Центр.
- 9 — (*шэнь*) Обезьяна, Ян, Металл, Запад.

10 — (ёу) Петух, Инь, Металл, Запад.

11 — (сюй) Собака, Ян, Земля, Центр.

12 — (хай) Свинья, Инь, Вода, Север.

Характеристика «небесных стволов» в соотношении с Пятью Стихиями и частями света.

1 — (цзя) Коньковая балка, Дерево, Восток.

2 — (и) Цветы и фрукты, Дерево, Восток.

3 — (бин) Солнце, Огонь, Юг.

4 — (дин) Фонарь и свеча, Огонь, Юг.

5 — (у) Крепостная стена, Земля, Центр.

6 — (цзи) Поля и сады, Земля, Центр.

7 — (гэн) Секира, топор, Металл, Запад.

8 — (синь) Головное украшение, Металл, Запад.

9 — (жэнь) Реки, Вода, Север.

10 — (гуй) Дожди и росы, Вода, Север.

Сочетанием циклических знаков «земных ветвей» и «небесных стволов» в старом Китае обозначали сезоны сельскохозяйственного календаря, месяцы, время суток. В настоящее время ими пользуются при порядковом счете и классификации, для обозначения временных отрезков, в гадании, науке *фэн-шуй* и нумерологии.

Сочетание циклических знаков в 60-летнем цикле.

1. 甲子	2. 乙丑	3. 丙寅	4. 丁卯	5. 戊辰	6. 己巳	7. 庚午	8. 辛未	9. 壬申	10. 癸酉
11. 甲戌	12. 乙亥	13. 丙子	14. 丁丑	15. 戊寅	16. 己卯	17. 庚辰	18. 辛巳	19. 壬午	20. 癸未
21. 甲申	22. 乙酉	23. 丙戌	24. 丁亥	25. 戊子	26. 己丑	27. 庚寅	28. 辛卯	29. 壬辰	30. 癸巳
31. 甲午	32. 乙未	33. 丙申	34. 丁酉	35. 戊戌	36. 己亥	37. 庚子	38. 辛丑	39. 壬寅	40. 癸卯
41. 甲辰	42. 乙巳	43. 丙午	44. 丁未	45. 戊申	46. 己酉	47. 庚戌	48. 辛亥	49. 壬子	50. 癸丑
51. 甲寅	52. 乙卯	53. 丙辰	54. 丁巳	55. 戊午	56. 己未	57. 庚申	58. 辛酉	59. 壬戌	60. 癸亥

Цветную символику и стихию любого года можно быстро определить по последней цифре. Годы, чьи порядковые номера оканчиваются цифрой «0», «1» (2000, 2001 и др.), считаются **белыми** и подчиняются стихии *цзинь* (Металл, 金). Годы с окончанием на «2» и «3» определены как **черные** и подчиняются стихии *шуй* (Вода, 水). Если последняя цифра номера года — «4» и «5», это **синие** года, которые подвластны стихии *му* (Дерево, 木). Цифры

«6» и «7» делают цвет года **красным** и подчиняют его стихии хо (Огонь, 火). И, наконец, годы, оканчивающиеся на «8» и «9», признаны **желтыми** и управляются стихией тху (Земля, 土).

ИЗМЕРЕНИЕ ВРЕМЕНИ, НОЧНЫЕ СТРАЖИ

Двенадцать «больших часов» *ши-чхэнь* (时辰), на которые делились сутки, носили названия двенадцати «земных ветвей» и двенадцати зодиакальных животных.

1. Первая половина ночи, с **11 часов до 1 часа**, называлась 子, «время цзы», час **Мыши**.
2. Середина ночи, с **1 часа до 3**, называлась 丑, «время чхоу», час **Буйвола**.
3. Вторая половина ночи, с **3 до 5 часов**, называлась 寅, «время инь», час **Тигра**.
4. Утро с **5 до 7 часов** — 卯, «время мао», час **Зайца**.
5. Время с **7 до 9** — 辰, «время чхэнь», час **Дракона**.
6. Время с **9 до 11** утра — 巳, «время сы», час **Змеи**.
7. С **11 до 1** часа — 午, «время у», час **Лошади**.
8. Середина дня с **1 часа до 3** — 未, «время взй», час **Барана**.
9. Время с **3 до 5** — 申, «время шэнь», час **Обезьяны**.
10. Время с **5 до 7** — 酉, «время ёу», час **Петуха**.
11. Вечернее время с **7 до 9** — 戌, «время сюй», час **Собаки**.
12. Время с **9 до 11** — 亥, «время хай», час **Свиньи**.

Единицу измерения ночного времени *гэн тхень* (更天) на русский язык принято переводить как «ночная стража». Потому что ею пользовались, говоря о пяти двухчасовых отрезках ночи, с 7 вечера до 5 утра.

«Ночные стражи» по-китайски назывались еще *у-гэн* (五更) — «пять страж», *у-е* (五夜) — «пять ночных» или *у-гу* (五鼓) — «пять барабанов», потому что ночью о времени подавали сигналы, ударяя в барабаны.

Соответственно, конкретные «стражи» могли обозначать не только с помощью «земных ветвей», «небесных ствол» и порядковых числительных, но и — «барабанных страж».

Ночное время с **7 до 9** называлось «первой стражей». 戌, «время сюй»; 甲夜, «ночное время цзя»; 一更, «первая стража»; 一鼓, «первый барабан».

С **9 до 11** — «вторая стража». 亥, «время хай»; 乙夜, «ночное время и»; 二更, «вторая стража»; 二鼓, «второй барабан».

С 11 до 1 — «третья стража». 子, «время цзы»; 丙夜, «ночное время бин»; 三更, «третья стража»; 三鼓, «третий барабан».

С 1 до 3, — «четвертая стража». 丑, «время чхоу»; 丁夜, «ночное время дин»; 四更, «четвертая стража»; 四鼓, «четвертый барабан».

С 3 до 5 — «пятая стража». 寅, «время инь»; 戊夜, «ночное время у»; 五更, «пятая стража»; 五鼓, «пятый барабан».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. 达摩祖师传; 2000, 北京, 团结出版社
2. 菩提达摩四行论; 2006, 少林书局
3. 济公故事; 1986, 中国少年儿童出版社
4. 济公传; 2007, 上海人民艺术出版社
5. 济公前传; 2004, 黄山书社
6. 南屏净慈寺; 2006, 杭州出版社
7. 佛教的故事; 2003, 北京出版社
8. 中国佛教基础知识; 2005, 宗教文化出版社
9. 佛法图说; 1995, 三清出版社
10. 中国佛教诸神; 1994, 团结出版社
11. 佛教的动物; 2003, 北京, 中国社会科学出版社
12. 为人处世 (материалы из буддийского храма для внутреннего пользования)
13. 寒山寺; 2004, 北京, 中国林业出版社
14. 藏密修持法; 2007, 陕西师范大学出版社
15. 西藏密宗; 2007, 陕西师范大学出版社
16. 西藏生死书; 2006, 陕西师范大学出版社
17. 老子(道德经); 1996, 辽宁 University Press
18. 老子道德经通解; 1999, 厦门·鹭江出版社
19. 道界诸神; 1999, 北京, 大众文艺出版社
20. 道经故事; 2003, 成都, 四川文艺出版社
21. 东岳庙; 1998, 朝 阳文化
22. 白云观; 1994, 中国道教协会编印
23. 八仙全传; 团结出版社
24. 现代实用风水学; 1995, Eastern Dragon Books Kuala Lumpur, Malaysia
25. 《中国道教》洞天胜地; 1987, 《中国道教》编辑部 编
26. 道教全真第一丛林; 1999, 北京白云观编印
27. 中国神话与民间传说; 1982, 香港, 读者文摘
28. 全像中国三百神; 1995, 江西美术出版社

29. 华夏诸神; 1999, 北京燕山出版社
30. 俗界诸神; 1999, 北京, 大众文艺出版社
31. 中国神话故事大全 4本 (册) 全卷; 1996, 浙江少年儿童出版社
32. 中华五千年 (上,下); 1998, 内蒙古人民出版社
33. 中国历史 (四册); 中学教科书, 人民教育出版社
34. 现代实用风水学; 1995, Malaysia, Eastern Dragon Books Kuala Lumpur
35. 中国神话人物故事 (上,下); 1994, 浙江少年儿童出版社
36. 中华风俗小百科; 1992, 天津人民出版社
37. 神话故事三百篇; 1994, 北方妇女儿童出版社
38. 中国神话故事; 1996, 新疆青少年出版社
39. 中国仙话; 1996, 上海文艺出版社
40. 华夏诸神; 1999, 北京燕山出版社
41. 中国古人论天, 1991, 新华出版社
42. 孔子弟子的故事; 1997, 山东文化音像出版社
43. 孔子名言新编; 2003, 山东友谊出版社
44. 圣人孔子; 2001, 远方出版社
45. 少年孔子; 2003, 远方出版社
46. 十二生肖 二十四孝图解; 北京, 白云观编印
47. 二十四孝故事, 孝经; 2005, 华语教学出版社
48. 二十四孝顺故事; 2004, 吉林书影出版社
49. 二十四孝图; 2005, 天津人民美术出版社
50. 绘图本二十四孝; 1995, 济宁市新闻出版局
51. 三十六计; 2005, 吉林美术出版社
52. 孙子兵法; 2005, 吉林美术出版社
53. 诗经; 2005, 吉林美术出版社
54. Carpenter s geographical reader (Asia); 1897
55. Buddhism in China; 2005, China Intercontinental Press
56. «История Российской Духовной миссии в Китае»; 1997, Москва, Издательство Свято-Владимировского Братства

Научно-популярное издание

Л.И. Исаева

МОНАХИ СРЕДИННОЙ ИМПЕРИИ

(почти энциклопедия верований китайцев)

Редактор С. Ищенко

Компьютерная верстка и дизайн обложки А. Кудрявцев

Подписано в печать 20.02.2016. Формат 70х100 1/16.

Печать офсетная.

Гарнитура «Book Antiqua»

Бумага офсетная. Тираж 500 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт Дальнего Востока РАН

1117997 Москва, Нахимовский пр-т, 32

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»

Москва, Малая Юшуньская, 1, корпус 1.

Тел. 8 495 510-32-98

www.maska.su, info@maska.su